

ПОЛНОЕ СОБРАНИЕ
СОЧИНЕНИЙ
РУССКИХЪ АВТОРОВЪ.

НОВОЕ СОПАНИЕ

СИЗЕРИЯ

РАСКИДЫ АНТОЛОГИЯ

СОЧИНЕНИЯ КАРАМЗИНА.

ГОСУДАРСТВА РОССІЙСКАГО.

ТОМЪ XI и XII.

Издание Александра Смирдина.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

1853.

СОДРЖАНИЕ

НАЧАЛЬСТВЕННОГО УЧИЛИЩА

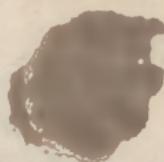
198349

21

Цена за 10 томовъ 10 рубл. сер.

ИСТОРИЯ ГОСУДАРСТВА РОССИЙСКАГО.

ТОМЪ XI.

ИЗДАНІЕ ШЕСТОЕ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

ВЪ ТИПОГРАФІИ ЭДУАРДА ПРАЦА.

1853.

ВІЧОТЭК
АЧАЙІССОЧ АСТЧАДІЗОТ

ПЕЧАТАНО

по Высочайшему повелѣнію.

ИСТОРИЯ ГОСУДАРСТВА РОССИЙСКАГО.

ТОМЪ XI.

ГЛАВА I.

ЦАРСТВОВАНИЕ БОРИСА ГОДУНОВА.

Г. 1598—1604.

Москва встречаетъ Царя. Присяга Борису. Соборная грамота. Деятельность Борисова. Торжественный входъ въ столицу. Знаменитое ополчение. Ханское Посольство. Угощеніе войска. Рѣчь Патріарха. Прибавленіе къ грамотѣ избирательной. Царское вѣнчаніе. Милости. Новый Царь Касимовскій. Происшествія въ Сибири. Гибель Кучюма. Дѣла виѣшией Политики. Судьба Шведскаго Принца, Густава, въ Россіи. Переображеніе съ Литвою. Спошеніе съ Швеціею. Тѣсная связь съ Даніею. Герцогъ Датскій, женихъ Ксении. Переговоры съ Австріею. Посольство Персидское. Происшествія въ Грузіи. Бѣдствіе Россіи въ Дагестанѣ. Дружество съ Англіею. Гаиза. Посольство Римское и Флорентійское. Греки въ Москвѣ. Дѣла Ногайскія. Дѣла внутреннія. Жалованная грамота Патріарху. Законъ о крестьянахъ. Питетные дома. Любовь Борисова къ просвѣщенію и къ иноземцамъ. Похвальное слово Годунову. Горячность Борисова къ сыну. Начало бѣдствій.

Духовенство, Синклитъ и Чины Государ- т. 1598.
ственные, съ хоругвями Церкви и отече-

Москва ства, при звукѣ всѣхъ колоколовъ Москов-
въстрѣ- скихъ и восклицаніяхъ народа, упоенного
чаетъ Царя. радостію, возвратились въ Кремль, уже
давъ Самодержца Россіи, но еще оставивъ
его въ келліи. 26 Февраля, въ Недѣлю
Сыропустную, Борисъ въѣхалъ въ столицу:
встрѣченный, предъ стѣнами деревянной
крѣпости, всѣми гостями Московскими съ
хлѣбомъ, съ кубками серебряными, золо-
тыми, соболями, жемчугомъ, и многими
иными дарами Царскими (¹), онъ ласково
благодарилъ ихъ, но не хотѣлъ взять ни-
чего, кромѣ хлѣба, сказавъ, что богатство
въ рукахъ народа ему пріятнѣе, нежели въ
Казиѣ. За гостями встрѣтили Царя Іовъ и
все Духовенство; за Духовенствомъ Син-
дикъ и народъ. Въ храмѣ Успенія отпѣвъ
молебенъ, Патріархъ *вторично* благосло-
вилъ Бориса на Государство, осѣнивъ кре-
стомъ Животворящаго Древа, и клиросы
пѣли многоголѣтіе какъ Царю, такъ и всему
Дому Державному: Царицѣ Марії Григо-
ріевнѣ, юному сыну ихъ Феодору и дочери
Ксении. Тогда здравствовали новому Мо-
нарху всѣ Россіяне; а Патріархъ, воздѣвъ
руки на небо, сказалъ: «Славимъ Тебя,
«Господи: ибо Ты не презрѣлъ нашего
«моленія, услышалъ вопль и рыданіе Хри-
«стіанъ, преложилъ ихъ скорбь на веселіе,
«и даровалъ намъ Царя, коего мы деню и
«нощно просили у Тебя со слезами!» Послѣ

Литургіі Борисъ изъявилъ благодарность къ памяти двухъ главныхъ виновниковъ его величія: въ храмѣ Св. Михаила паль ницъ предъ гробами Іоанновымъ ⁽²⁾ и Феодоровымъ; молился и надъ прахомъ древнѣйшихъ знаменитыхъ Вѣнцепосцевъ Россіи: Калиты, Донскаго, Іоанна III, да будуть его небесными пособниками въ земныхъ дѣлахъ Царства; зашелъ во дворецъ ⁽³⁾; посѣтилъ Іова въ Обители Чудовской; долго бесѣдовалъ съ нимъ паединѣ; сказалъ ему и всѣмъ Епископамъ, что не можетъ до Свѣтлаго Христова Воскресенія оставить Ирины въ ея скорби, и возвратился въ Новодѣвичій монастырь, предписавъ Думѣ Боярской, съ его вѣдома и разрешенія, управлять дѣлами Государственными.

Между тѣмъ всѣ люди служивые съ усердиемъ цѣловали крестъ въ вѣрности къ Богородицу, одни предъ славною Владимірскою иконою Дѣвы Маріи, другіе у гроба Святыхъ Митрополитовъ, Петра и Гоны ⁽⁴⁾; клялися не измѣнять Царю ни лѣломъ, ни словомъ; не умыплять на жизнь или здравіе Державнаго, не вредить ему ни ядовитымъ зелемъ, ни чародѣйствомъ ⁽⁵⁾; не думать о возведеніи на престолъ бывшаго Великаго Князя Тверскаго, Симеона Бекбулатовича, или сына его; не имѣть съ ними тайныхъ сношеній, ни переписки;

доносить о всякихъ скопахъ и заговорахъ, безъ жалости къ друзьямъ и ближнимъ въ семъ случаѣ; не уходить въ иныя земли, въ Литву, Германію, Испанію, Францію или Англію. Сверхъ того Бояре, чиновники Думные и Посольские обязывались быть скромными въ дѣлахъ и тайнахъ государственныхъ, суди не кривить душою въ тяжбахъ, Казначеи не корыстоваться Царскимъ достояніемъ, Дьяки не лихоимствовать. Послали въ области грамоты извѣстительныя о счастливомъ избраниі Государя, велѣли читать ихъ всенародно, три дни звонить въ колокола, и молиться въ храмахъ сперва о Царицѣ-Инокинѣ Александрѣ, послѣ о Державномъ ся братѣ, семействѣ его, Боярахъ и воинствѣ. Патріархъ (9 Марта) Соборомъ уставилъ торжественно просить Бога, да сподобитъ Царя благословленного возложить на себя вѣнецъ и порфиру; уставилъ еще на вѣки вѣковъ праздновать въ Россіи 21 Февраля, день Борисова воцаренія; наконецъ предложилъ Думѣ Земской утвердить данную Монарху присягу Соборною Грамотою, съ обязательствомъ для всѣхъ чиновниковъ не уклоняться ни отъ какой службы, не требовать ничего свыше достоинства родовъ или заслуги (⁶), всегда и во всемъ слушаться указа Царскаго и приговора Боярскаго, чтобы въ дѣлахъ Розрядныхъ и Земскихъ не доводить Государя до

кручини. Всѣ Члены Великой Думы отвѣтствовали единогласно : «даемъ обѣтъ поло-жить свои души и головы за Царя, Царицу «и дѣтей ихъ!» Велѣли писать хартію, въ такомъ смыслѣ, первымъ грамотѣямъ Россіи.

Сie дѣло чрезвычайное не мѣшало тече-
нію обыкновенныхъ дѣлъ государствен-
ныхъ, коими занимался Борисъ съ отмѣн-
ною ревностію, и въ келліяхъ монастыря
и въ Думѣ, часто пріѣзжая въ Москву. Не
знали, когда онъ находилъ время для успо-
коенія, для сна и трапезы ⁽⁷⁾ : безпрестан-
но видѣли его въ совѣтѣ съ Боярами и съ
Дьяками, или подлѣ несчастной Ирины,
утѣшающаго и скорбящаго, днемъ и ночью.
Казалось, что Ирина дѣйствительно имѣла
нужду въ присутствіи единственнаго чело-
вѣка, еще милаго ея сердцу: сраженная
кончиною супруга, искренно и пѣжно люби-
маго ею, она тосковала и плакала неутѣшно
до изнуренія силь, очевидно угасая и нося
уже смерть въ груди, истерзанной рыда-
ніями. Святители, Вельможи тщетно убѣж-
дали Царя оставить печальную для него
Обитель, переселиться съ супругою и съ
дѣтьми въ Кремлевскія палаты, явить себя
народу въ вѣнцѣ и на тронѣ: Борисъ отвѣт-
ствовалъ: «не могу разлучиться съ Вели-
кою Государынею, мою сестрою злосчаст-
ною»—и даже снова, неутомимый въ лице-

дѣя-
тель-
ность
Бори-
сова.

мъріи, увѣрялъ, что не желаетъ быть Царемъ⁽⁸⁾. Но Ирина вторично *велѣла* ему исполнить волю народа и Божію, пріять скипетръ и царствовать не въ келліи, а на престолѣ Мономаховомъ. Наконецъ, Апрѣля 30, подвиглась столица во срѣтеніе Государю!

Торже-
ствен-
ныи
входъ
въ сто-
лицу.

Сей день принадлежитъ къ торжественнѣйшимъ днямъ Россіи въ ея Исторіи. Въ чась утра Духовенство съ крестами и съ иконами, Синклитъ, Дворъ, Приказы, воинство, всѣ граждане ждали Царя у каменного мосту, близъ церкви Св. Николая Зарайскаго. Борисъ Фхалъ изъ Новодѣвичьяго монастыря съ своимъ семействомъ въ великолѣбной колеснице; увидѣвъ хоругви церковныя и народъ, вышелъ: поклонился святымъ иконамъ; милостиво привѣтствовалъ всѣхъ, и знатныхъ и незнатныхъ; представилъ имъ Царицу, давно известную благочестiemъ и добродѣтелю искреннею, — девятилѣтняго сына и шестнадцатилѣтнюю дочь, Ангеловъ красотою. Слышиа восклицанія народа: «Вы наши Государи, мы ваши подданные,» Феодоръ и Ксенія вмѣстѣ съ отцемъ ласкали чиновниковъ и гражланъ; такъ же, какъ и онъ, взявъ у нихъ хлѣбъ-солъ, отвергнули золото, серебро и жемчугъ, поднесенные имъ въ даръ, и звали всѣхъ обѣдать къ Царю. Невозбранио тѣснімый безчисленною тол-

пою людей, Борисъ шелъ за Духовенствомъ съ супругою и съ дѣтьми, какъ добрый отецъ семейства и народа, въ храмъ Успенія, гдѣ Патріархъ возложилъ ему на грудь Животворящій крестъ Св. Петра Митрополита (что было уже началомъ Царскаго вѣчанія), и въ третій разъ благословилъ его на Великое Государство Московское. Отслушавъ Литургію, новыи самодержецъ, провождаемый Боярами, обходилъ всѣ главныя церкви Кремлевскія, вездѣ молился съ теплыми слезами, вездѣ слышалъ радостный кликъ гражданъ, и лежа за руку своего юнаго наслѣдника, а другою ведя прелестную Ксению (⁹), вступилъ съ супругою въ палаты Царскія. Въ сей день народъ обѣдалъ у Царя: не знали числа гостей, но всѣ были званые, отъ Патріарха до нищаго. Москва не видала такой роскоши и въ Іоанново время.— Борисъ не хотѣлъ жить въ комнатахъ, гдѣ скончался Феодоръ: занялъ ту часть Кремлевскихъ палатъ, гдѣ жила Ирина, и велѣлъ пристроить къ нимъ для себя новый дворецъ деревянный.

• Онъ уже царствовалъ, но еще безъ короны и скиптра; еще не могъ называться Царемъ Боговънчаннымъ, Помазаникомъ Господнимъ. Надлежало думать, что Борисъ немедленно возложитъ на себя вѣнецъ со всѣми торжественными обрядами, которые въ глазахъ народа освѣщаются лицѣ Властителя: сего требовали Патріархъ и Синклитъ именемъ Россіи; сего безъ сомнѣнія хотѣлъ и Борисъ, чтобы важнымъ церковнымъ дѣйствіемъ утвердить престолъ за собою и

своимъ родомъ: по хитрымъ умомъ властвуя надъ движеніями сердца, вымыслилъ новое очарованіе; вмѣсто скиптра взялъ мечь въ десницу и спѣшилъ въ поле, доказать, что безопасность отечества ему дороже и короны и жизни. Такъ царствованіе ^{знаменитое ополчение.} самое миролюбивое начало ополченіемъ, которое приводило на память возстаніе Россіянъ для битвы съ Мамаемъ!

Еще въ Мартѣ мѣсяцѣ, изъ келліи Новодѣвичьяго монастыря, отправивъ гонца къ Хану съ дружественнымъ письмомъ, Борисъ 1 Апрѣля свѣдалъ, по донесенію Воеводы Оскольскаго (¹⁰), что плѣнникъ, взятый козаками за Донцемъ въ сшибкѣ съ толпою Крымскихъ разбойниковъ, говорить о намѣреніи Казы-Гирея вступить въ предѣлы Московскіе со всею Ордою и съ семью тысячами Султанскихъ воиновъ. Борисъ не усомнился въ истинѣ столь мало достовѣрнаго извѣстія, и рѣшился, не теряя времени, двинуть всю громаду нашихъ силъ къ берегамъ Оки; писаль о томъ къ Воеводамъ убѣдительно и ласково, требуя отъ нихъ ревности въ первой, важной опасности его царствованія, въ доказательство любви къ нему и къ Россіи. Сей указъ произвелъ удивительное дѣйствіе: не было ни ослушныхъ, ни лѣнивыхъ; всѣ Дѣти Боярскіе, юные и престарѣлые, охотно садились на коней; городскія и сельскія дружины

безъ отдыха спѣшили къ мѣстамъ сборнымъ. Главному стану назначено быть въ Серпуховѣ, Правой Рукѣ въ Алексинѣ, Лѣвой въ Кошире, Передовому Полку въ Калугѣ, Сторожевому въ Коломнѣ (11). — 20 Апрѣля пришли новыя вѣсти: писали изъ Бѣлагорода, что Татаринъ, схваченный Донскими Козаками на перевозѣ, сказывалъ имъ о сильномъ вооруженіи Хана; что толпы Крымскія, хотя и малочисленныя, показались въ степяхъ и гонять вездѣ нашихъ стражей. Тогда Борисъ велѣлъ все изготовить для похода Царскаго, и 2 Мая выѣхалъ изъ Москвы въ ратномъ лосиѣхѣ, взявъ съ собою пять Царевичей: Киргизскаго, Сибирскаго, Шамахинскаго, Хивинскаго и сына Кайбулина, Бояръ, Князей Мстиславскаго, Шуйскихъ, Годуновыхъ, Романовыхъ и другихъ, — многихъ знатныхъ сановниковъ, и между ими Богдана Бѣльскаго, — Печатника Василья Щелкарова, Дворянъ и Дьяковъ Думныхъ, 44 Стольника, 20 Стряпчихъ, 274 Жильца — однимъ словомъ, всѣхъ людей нужныхъ для войны и для совѣта и для пышности Дворской. Въ Москвѣ остался, при Царицахъ Ионкинѣ Александрѣ и Маріи, юный Феодоръ съ Боярами Дмитриемъ Ивановичемъ Годуновымъ, Князьями Трубецкимъ, Глинскимъ, Черкасскимъ, Шестуновымъ и другими; а при Феодорѣ дядька Иванѣ Чемодановѣ. Сдѣлали распоряженіе въ столицѣ и на случай осады ея: назначили Воеводъ для защиты стѣнъ и башенъ, для обѣзводовъ, вылазокъ и битвъ виѣ

укрѣпленій. — 10 Мая, въ селѣ Кузминскомъ, представили Царю двухъ плѣнниковъ, Литовскаго и Цесарскаго, ушедшихъ изъ Крыма: они увѣряли, что Ханъ уже въ полѣ и дѣйствительно идетъ на Москву. Тогда Борисъ послалъ гонцовъ ко всѣмъ начальникамъ степныхъ крѣпостей *съ милостивымъ словомъ*: въ Тулу, Осколъ, Ливны, Елецъ, Курскъ, Воронежъ; симъ гонцамъ велико было спросить о здравіи какъ Воеводъ, такъ и Дворянъ, Сотниковъ, Дѣтей Боярскихъ, Стрѣльцевъ и Козаковъ; вручить грамоты Царскія первымъ, и требовать, чтобы они читали ихъ всенародно. «Я стою на берегу Оки (писалъ «Борисъ) и смотрю на степи: гдѣ явятся непріятели, тамъ и меня увидите» (¹²). Въ Серпуховѣ, онъ распорядилъ Воеводство, лавъ почетное Царевичамъ, а дѣйствительное пяти Князьямъ знатнѣйшимъ: въ главной рати Мстиславскому, въ Правой Рукѣ Василію Шуйскому, въ Лѣвой Ивану Голицыну, въ Передовомъ Полку Дмитрію Шуйскому, въ Сторожевомъ Тимоѳею Трубецкому. Оградою древней Россіи, въ случаѣ Ханскихъ впаденій, служили, сверхъ крѣпостей, засѣки въ мѣстахъ трудныхъ для обхода: близъ Перемышля, Лихвина, Бѣлева, Тулы, Боровска, Рязани: Государь разсмотрѣлъ чертежи ихъ (¹³), и послалъ туда особенныхъ Воеводъ съ Мордою и Стрѣльцами; устроилъ еще *плавную* или судовую рать на Окѣ, чтобы тѣмъ болѣе вредить непріятелю въ битвахъ на берегахъ ея. Видѣли, чего не видали до толѣ: *полмилліона войска*,

какъ увѣряютъ⁽¹⁴⁾, въ движениі стройномъ, быстромъ, съ усердiemъ несказаннымъ, съ довѣренностию безпредѣльною. Все дѣйствовало сильно на воображеніе людей: и новость царствованія, благопріятная для надежды, и высокое мнѣніе о Борисовой, уже долговременными опытами извѣданной мудrosti. Исчезло самое мѣстничество: Воеводы спрашивали только, гдѣ имъ быть, и шли къ своимъ знаменамъ, не справляясь съ Розрядными Книгами о службѣ отцевъ и дѣдовъ: ибо Царь объявилъ, что Великій Соборъ билъ ему челомъ предписать Боярамъ и Дворянству службу безъ мѣстъ⁽¹⁵⁾. Сія ревность, способствуя нужному повишенню, имѣла и другое важное слѣдствіе: умножила число воиновъ, и воиновъ исправныхъ: Дворяне, Дѣти Боярскіе выѣхали въ поле на лучшихъ коняхъ, въ лучшихъ доспѣхахъ, со всѣми слугами, голыми для ратнаго дѣла, къ живѣйшему удовольствію Царя, который не зналъ мѣры въ изъявленіяхъ милости: ежедневно смотрѣлъ полки и лужини, привѣтствовалъ начальниковъ и рядовыхъ, угождалъ обѣдами, и всякой разъ не менѣе десяти тысячи людей, на серебряныхъ блюдахъ, подъ шатрами⁽¹⁶⁾. Сіи истинно Царскія угощенія продолжались шесть недѣль: ибо слухи о не-пріятелѣ вдругъ замолкли; разѣзды наши уже не встрѣчали его; тишина царствовала на берегахъ Донца, и стражи, пигдѣ не видя пыли, нигдѣ не слыша конскаго топота, дремали въ безмолвіи степей. Ложные ли слухи обманули

Бориса, или онъ притворнымъ легковѣріемъ обманулъ Россію, чтобы явить себя Царемъ не только Москвы, но и всего воинства, воспламенить любовь его къ новому Самодержцу, въ годину опасности предпочитающему бранный шлемъ вѣнцу Мономахову, и тѣмъ удвоить блескъ своего торжественнаго воцаренія? Хитрость достойная Бориса, и едва ли сомнительная.—

Х в н с к о е П о с о л ъ с т в о . Вмѣсто тучи враговъ, явились въ южныхъ предѣлахъ Россіи мирные Послы Казы-Гиреевы съ нашимъ гонцемъ: Елецкіе Воеводы, 18 Іюня, донесли о томъ Борису, который наградилъ вѣстника деньгами и чиномъ (¹⁷).

Слѣдственno ополченіе безпримѣрное, стоявшее великаго иждивенія и труда, оказалось напраснымъ? Увѣряли, что оно спасло Государство, поразивъ Хана ужасомъ; что Крымцы шли дѣйствительно, но узнавъ о возстаніи Россіи, бѣжали назадъ. По крайней мѣрѣ Царь хотѣлъ впечатлѣть ужасъ въ Пословъ Ханскихъ, изъ коихъ главнымъ былъ Мурза Алей: они вѣхали въ Россію какъ въ станъ воинскій; видѣли на пути блескъ мечей и копій, многолюдныя дружины всадниковъ, красиво одѣтыхъ, исправно вооруженныхъ (¹⁸); въ лѣсахъ, въ засѣкахъ слышали оклики и пальбу. Ихъ остановили близъ Серпухова, въ семи верстахъ отъ Царскихъ шатровъ, на лугахъ

Оки, гдѣ уже иѣсколько дней сходилась рать отовсюду. Тамъ, 29 Іюня, еще до разсвѣта загремѣло сто пушекъ, и первые лучи солнца освѣтили войско несмѣтное (¹⁹), готовое къ битвѣ. Велѣли Крымцамъ, изумленнымъ сею ужасною стрѣльбою и симъ зрѣлищемъ грознымъ, итти къ Царю, сквозь тѣсные ряды пѣхоты, вдали окруженнай густыми толпами конницы. Введенныи въ шатеръ Царскій, гдѣ все блистало оружиемъ и великолѣпіемъ — гдѣ Борисъ, вмѣсто короны увѣнчанный златымъ шлемомъ, первенствовалъ въ сонмѣ Царевичей и Князей не столько богатствомъ одежды, сколько видомъ повелительнымъ — Алей Мурза и товарищи его долго безмолвствовали, не находя словъ отъ удивленія и замѣшательства; наконецъ сказали, что Казы-Гирей желаетъ вѣчнаго союза съ Россіею, возобновляя договоръ, заключенный въ Феодорово царствованіе: будетъ въ волѣ Борисовой и готовъ со всею Ордою итти на враговъ Москвы. Пословъ угостили пышно, и вмѣстѣ съ ними отправили нашихъ къ Хану, для утвержденія новой союзной грамоты его присягою.

Въ сей же день Св. Петра и Павла, Царь простился съ войскомъ, давъ ему роскошный обѣдъ въ полѣ (²⁰): 500,000 гостей Угощениевойска. пировало на лугахъ Оки; явства, медъ и вино развозили обозами; чиновниковъ

ларили бархатами, парчами и камками. Послѣднимъ словомъ Царя было: «люблю «воинство Христіанское и надѣюсь на него вѣрность.» Громкія благословенія провождали Бориса далеко по Московской дорогѣ. Воеводы, ратники были въ восхищениі отъ Государя столь мудраго, ласковаго и счастливаго: ибо онъ безъ кровопролитія, одною угрозою, далъ отечеству вожделѣннѣйшій плодъ самой блестящей побѣды: тишину, безопасность и честь! Россіяне надѣялись, говорить Литописецъ, что все царствованіе Борисово будетъ подобно его началу, и славили Царя искренно. — Для наблюденія осталась часть войска на Окѣ; другая пошла къ границѣ Литовской и Шведской; большую часть распустили: но всѣ знатнѣйшия чиновники спѣшили въ слѣдъ за Государемъ въ столицу.

Тамъ новое торжество ожидало Бориса: вся Москва встрѣтила его, какъ нѣкогда Іоанна, завоевателя Казани, и Патріархъ въ привѣтственной рѣчи сказалъ ему: «Богомъ избранный, Богомъ возлюбленный, «Великій Самодержецъ! мы видимъ славу «твою: ты благодаришь Всевышняго! Благодаримъ его вмѣстѣ съ тобою; но радуйся же и веселися съ нами, совершивъ «подвигъ безсмертный! Государство, жизнь «и достояніе людей цѣлы; а лютый врагъ, «преклонивъ колѣна, молитъ о мирѣ! Ты

«не скрылъ, но умножилъ талантъ свой
«въ семъ случаѣ удивительномъ, означен-
«нованномъ болѣе, нежели человѣческою
«мудростію . . . Здравствуй о Господѣ, Царь
«любезный Небу и народу! Отъ радости
«плачемъ, и тебѣ кланяемся»⁽²¹⁾. Патріархъ,
Духовенство и народъ преклонились до
земли. Изъявляя чувствительность и сми-
реніе, Государь спѣшилъ въ храмъ Успе-
нія, славословить Всевышняго, и въ мона-
стырь Новодѣвичій, къ печальной Иринѣ.
Всѣ дома были украшены зеленою и цвѣ-
тами.

Но Борисъ еще отложилъ свое Царское
вѣнчаніе до 1 Сентября, чтобы совершить
сей важный обрядъ въ Новое Лѣто, въ день
общаго доброжелательства и надеждъ, лест-
ныхъ для сердца. Между тѣмъ грамота
избирательная была написана отъ имени
Земской Думы, съ такимъ прибавленіемъ:
«Всѣмъ послушникамъ Царской воли не-
«благословеніе и клятва отъ Церкви⁽²²⁾,
«месть и казнь отъ Синклита и Государства;
«клятва и казнь всякому мятежнику, рас-
«кольнику любопрительному, который дерз-
«нетъ противорѣчить дѣянію Соборному и
«колебать умы людей моловами злыми, кто
«бы онъ ни былъ, Священнаго ли сана или
«Боярскаго, Думнаго или воинскаго, граж-
«данинъ или Вельможа: да погибнетъ и
«память его вовѣки!» Сію грамоту утвер-

Приба-
вленіе
къ гра-
мотѣ
избра-
тель-
ной.

дили, 1 Августа, своими подписями и печатями Борисъ и юный Феодоръ, Іовъ, вѣс Святители, Архимандриты, Игумены, Протопопы, Келари, Старцы чиновые, — Бояре, Окольничіе, знатные сановники Двора, Печатникъ Василій Щелкаловъ, Думные Дворяне и Дьяки, Столъники, Дьяки Приказовъ, Дворяне, Стряпчіе и Выборные изъ городовъ, Жильцы, Дьяки нижней степени, гости, Сотскіе, числомъ около пяти сотъ: одинъ списокъ ся бывъ положенъ въ сокровищницу Царскую, гдѣ лежали государственные уставы прежнихъ Вѣнценосцевъ, а другой въ Патріаршую ризницу, въ храмѣ Успенія. — Казалось, что мудрость человѣческая слѣмала все возможное для твердаго союза между Государемъ и Государствомъ!

Царское вѣнчаніе. Наконецъ Борисъ вѣнчался на Царство, еще пышнѣе и торжественнѣе Феодора, ибо пріялъ утварь Мономахову изъ рукъ Вселенского Патріарха. Народъ благоговѣлъ въ безмолвії; но когда Царь, освѣнненныи лесницею Первосвятителя, въ порывѣ живаго чувства какъ бы забывъ уставъ церковный, среди Литургіи воззвалъ громогласно (²⁵): «Отче, Великій Патріархъ! Богъ мнѣ свидѣтель, что въ моемъ «Царствѣ» не будетъ ни сираго, ни бѣднаго» — и тряся верхъ своей рубашки, примолвилъ: «отдамъ и сю послѣднюю

«народу :» тогда единодушный восторгъ прервалъ священнодѣйствіе: слышны были только клики умиленія и благодарности въ храмѣ; Бояре славословили Монарха, народъ плакалъ. Увѣряютъ, что новый Вѣнценосецъ, тронутый знаками общей къ нему любви, тогда же произнесъ и другій важный обѣтъ: щадить жизнь и кровь самыхъ преступниковъ и единственно удалять ихъ въ пустыни сибирскія (²⁴). Однимъ словомъ, никакое Царское вѣнчаніе въ Россіи не дѣйствовало сильнѣе Борисова на воображеніе и чувство людей. — Осыпанный въ дверяхъ церковныхъ золотомъ изъ рукъ Мстиславскаго, Борисъ въ коронѣ, съ державою и скипетромъ спѣшилъ въ Царскую палату, занять мѣсто Варяжскихъ Князей на тронѣ Россіи, чтобы милостями, щедротами и государственными благодѣяніями праздновать сей день великий.

Началося съ Двора и Синклита: Борисъ пожаловалъ Царевича Киргизскаго, Уразъ-Магмета, въ Цари Касимовскіе (²⁵); Дмитрія Ивановича Годунова въ Конюшіе, Степана Васильевича Годунова въ Дворецкіе (на мѣсто доброго Григорья Васильевича, который одинъ не радовался возвышенію своего рода (²⁶), и въ тайной горести умеръ); Князей Катырева, Черкасскаго, Трубецкаго, Ноготкова и Александра Романова-Юрьева въ Бояре; Михайла Романова,

Мало-
стї.

Новый
Царь
Каси-
мов-
скій.

Бѣльского (любимца Іоаннова и своего бывшаго друга), Криваго-Салтыкова (также любимца Іоаннова) и четырехъ Годуновыхъ въ Окольничіе; многихъ въ стольники и въ иные чины. Всѣмъ людямъ служивымъ, воинскимъ и гражданскимъ, онъ указалъ выдать двойное жалованье (²⁷), гостямъ Московскимъ и другимъ торговатъ безпошлинино два года, а земледѣльцевъ казенныхъ и самыхъ дикихъ жителей Сибирскихъ освободить отъ податей на годъ. Къ симъ милостямъ чрезвычайнымъ прибавилъ еще новую для крестьянъ господскихъ: уставилъ, сколько имъ работать и платить господамъ законно и безобидно (²⁸). — Обнародовавъ съ престола сії Царскія благодѣнія, Борисъ двѣнадцать дней угощалъ народъ пирами.

Казалось, что и Судьба благопріятствовала новому Монарху, ознаменовавъ начало его Державства и вожделеннымъ миромъ и счастливымъ успѣхомъ оружія, въ битвѣ маловажной числомъ воиновъ, но достопа-

Проис-
шествія
въ Си-
бії. мятной своими обстоятельствами и слѣдствіями, мѣстомъ побѣды, на краю свѣта, и лицемъ побѣжденного. Мы оставили Царя-изгнаника Сибирскаго, Кучюма, въ степи Барабинской (²⁹), непреклоннаго къ

милостивымъ предложеніямъ Феодоровымъ, неутомимаго въ набѣгахъ на отнятые у него земли, и все еще для насть опаснаго.

Воевода Тарскій, Андрей Воейковъ, выступилъ (4 Августа 1598) съ 397 Козаками, Литовцами и людьми ясашными къ берегамъ Оби, гдѣ, среди полей, засѣянныхъ хлѣбомъ и вдали окруженныхъ болотами, гнѣздался Кучюмъ съ бѣдными остатками своего Царства, съ женами, съ дѣтьми, съ вѣрными ему князьями и воинами, числомъ до пяти сотъ (³⁰). Онъ не ждалъ врага: бодрый Воейковъ шелъ день и ночь, кинувъ обозъ; имѣлъ лазутчиковъ, хваталъ непріятельскихъ, и 20 Августа, предъ восходомъ солнца, напалъ на укрѣпленный станъ Ханскій. Цѣлый день продолжалась битва, уже послѣдняя для Кучюма: его братъ и сынъ, Илтенъ и Канъ Царевичи, 6 Князей, 10 Мурзъ, 150 лучшихъ воиновъ пали отъ стрѣльбы нашихъ, которые около вечера выгнали Татаръ изъ укрѣпленія, прижали къ рѣкѣ, утонули ихъ болѣе ста и взяли 50 плѣнниковъ; не многіе спаслися на судахъ въ темнотѣ ночи. Такъ Воейковъ отмстилъ Кучюму за гибель Ермака неосторожнаго! Восемь женъ, пять сыновей и восемь дочерей Ханскихъ, пять Князей и не мало богатства остались въ рукахъ побѣдителя. Не зная о судьбѣ Кучюма, и лумая, что онъ, подобно Ермаку, утонулъ во глубинѣ рѣки, Воейковъ не разсудилъ за благо итти далѣе: сжегъ, чего не могъ взять съ собою, и съ знатными своими плѣнниками возвратился въ Тару, донести Борису, что въ Сибири уже нѣтъ иного Царя, кромѣ Россійскаго. Но Кучюмъ еще жилъ, двумя усердными слугами во время битвы увезенъ.

ный на лодкѣ внизъ по Оби, въ землю Чатскую. Еще Воеводы наши снова предлагали ему бѣхать въ Москву, соединиться съ его семействомъ и мирно прожить вѣкъ благодѣяний Государя великодушнаго. Сейть, именемъ Тулъ-Мегметъ, посланный Войсковымъ, нашелъ Кучюма въ лѣсу, близъ того мѣста, гдѣ лежали тѣла убитыхъ Россіянами Татаръ, на берегу Оби: слѣпый старецъ, неодолимый бѣствіями, сидѣлъ подъ деревомъ, окруженный тремя сыновьями и тридцатью вѣрными слугами; выслушавъ рѣчъ Сентову о милости Царя Московскаго, и спокойно отвѣтствовалъ: «Я не хотѣлъ къ нему и въ лучшее время, «добраю волею, цѣлый и богатый: теперь поѣду «ли за смертію? Я слѣпъ и глухъ, бѣденъ и сиръ. «Жалѣю не о богатствѣ, но только о миломъ сынѣ «Асманакѣ, взятомъ Россіянами: съ нимъ «однимъ, безъ Царства и богатства, безъ женѣ и «другихъ сыновей, я могъ бы еще жить на свѣтѣ. «Теперь посылаю остальныхъ дѣтей въ Бухарію, «а самъ бѣду къ Ногаямъ» (³¹). Онъ не имѣлъ ни теплой одежды, ни коней, и просилъ ихъ изъ милости у своихъ бывшихъ подданныхъ, жителей Чатской волости, которые уже обѣщались быть данниками Россіи: они прислали ему одного коня и шубу. Кучюмъ возвратился на мѣсто битвы, и тамъ, въ присутствіи Сента, занимался два дни погребеніемъ мертвыхъ тѣлъ; въ третій день сѣлъ на коня — и скрылся для Исторіи. Осталась только невѣрные слухи о бѣдственной его кончинѣ: пишутъ, что онъ, скитаясь въ степяхъ

Верхняго Иртыша, въ землѣ Калмыцкой, и близъ озера Заисанъ-Нора похитивъ нѣ сколько лошадей, былъ гонимъ жителями изъ пустыни въ пустыню, разбитъ на берегу озера Кургальчина, и почти одинъ явился въ Улусѣ Ногаевъ, которые безжалостно умертили слѣпаго старца изгнанника, скавъ: «Отецъ твой насъ грабилъ; а ты не «лучше отца» (32). Вѣсть о семъ происшествіи обрадовала Москву и Россію: Бористъ съ донесеніемъ Воейкова спѣшилъ ночью въ монастырь къ Иринѣ, любя дѣлить съ нею всѣ чистыя удовольствія Державнаго сана (33). Истребленіе Кучюма, перваго и послѣдняго Царя Сибирскаго, если не могутствомъ, то непреклонною твердостію въ злосчастіи достопамятнаго, какъ бы запечатлѣло для насъ господство надъ полунощною Азією. Въ столицѣ и во всѣхъ городахъ снова праздновали завоеваніе сего неизмѣримаго края, звономъ колокольнымъ и молебнами. Воейкова наградили золотою медалью, а его сподвижниковъ деньгами; вели привезти знатныхъ плѣнниковъ въ Москву и дали народу удовольствіе видѣть ихъ торжественный вѣзэль (въ Генварѣ 1599). Жены, дочери, невѣстки и сыновья г. 1599. Кучюмовы (юноши Асманакъ и Шаймъ, отрокъ Бабадша, младенцы Кумушъ и Молла) ѿхали въ богатыхъ рѣзныхъ саняхъ: Царицы и Царевны въ шубахъ бархатныхъ,

атласныхъ и камчатныхъ, украшенныхъ золотомъ, серебромъ и кружевомъ; Царевичи въ ферезяхъ багряныхъ, на мѣхахъ драгоценныхъ; впереди и за ними множество всадниковъ, Дѣтей Боярскихъ, по два въ рядъ, все въ шубахъ собольихъ, съ пинцами. Улицы были наполнены зрителями, Россіянами и чужеземцами (³⁴). Царица и Царевич размѣстили въ особенныхъ домахъ, купеческихъ и Дворянскихъ; давали имъ содержаніе пристойное, но весьма умѣренное; наконецъ отпустили женъ и дочерей Ханскихъ въ Касимовъ и въ Бѣжецкій Верхъ, къ Царю Уразъ-Магмету и къ Царевичу Сибирскому Маметкулу, согласно съ желаніемъ тѣхъ и другихъ. Сынъ Кучумовъ, Абдулъ-Хаиръ, взятый въ пленъ еще въ 1591 году, принялъ тогда Христіанскую Вѣру и былъ названъ Андреемъ.

Съ сего времени уже не имѣя войны, но единственно усмиряя, безъ важныхъ усилий, строптивость нашихъ данниковъ въ Сибири, и страхомъ или выгодами мирной, дѣятельной власти умножая число ихъ, мы спокойно занимались тамъ основаніемъ новыхъ городовъ: Верхотурья

^{г. 1598- 1604.} въ 1598, Мангазеи и Туриенска въ 1600, Томска въ 1604 годахъ (³⁵); населяли ихъ людьми воинскими, семейными, особенно Козаками Литовскими или Малороссийскими, и самыхъ коренныхъ жителей

Сибирскихъ употребляли на ратное дѣло, вселяя въ нихъ усердіе къ службѣ льготою и честію, такъ что они съ величайшею ревностію содѣйствовали намъ въ покореніи своихъ единоземцевъ. Однимъ словомъ, если случай далъ Іоанну Сибирь, то государственный умъ Борисовъ надежно и прочно вмѣстилъ ее въ составъ Россіи.

Въ дѣлахъ виѣшней Политики Россій-
ской ничто не перемѣнилось: ни духъ ся,
ни виды. Мы вездѣ хотѣли мира или пріо-
брѣтеній безъ войны, готовясь единствен-
но къ оборонительной; не вѣрили доброже-
лательству тѣхъ, коихъ польза была несо-
вмѣстна съ нашою, и не упускали случая
вредить имъ безъ явнаго нарушенія дого-
воровъ.

Ханъ,увѣряя Россію въ своей дружбѣ, откладывалъ торжественное заключеніе но-
ваго договора съ новымъ Царемъ: между
тѣмъ Донскіе Козаки тревожили набѣгами
Тавриду, а Крымскіе разбойники Бѣлого-
родскую область (³⁶). Наконецъ, въ Іюнѣ
1602 года, Казы-Гирей, принявъ дары, оцѣненные въ 14,000 рублей, вручилъ По-
слу, Князю Григорію Волконскому, Шерп-
ную грамоту со всеми торжественными
обрядами, но еще хотѣлъ тридцать тысячи
рублей и жаловался, что Россіанѣ стѣ-
сняютъ Ханскіе улусы основаниемъ крѣ-
постей въ степяхъ, которыя были дотолѣ

дѣла
виѣш-
ней По-
литики.

привольемъ Татарскимъ. «Не видимъ ли» (говорилъ онъ) «вашего умысла, столь недружелюбнаго? Вы хотите задушить насъ въ оградѣ. А «я вамъ другъ, какихъ мало. Султанъ живетъ «мыслю итти войною на Россію, но слышать «отъ меня всегда одно слово: *далеко! тамъ пустыни, льса, воды, болота, грязи непроходимыя.*» Царь отвѣтствовалъ, что казна его истощилась отъ милостей, оказанныхъ войску и народу; что крѣпости основаны единственно для безопасности нашихъ Посольствъ къ Хану и для обузданія хищныхъ Донскихъ Козаковъ; что мы, имѣя рать сильную, не боимся Султановой. Любимецъ Казы-Гиреевъ, Ахметъ-Челибей, присланный къ Царю съ союзною грамотою, требовалъ отъ него клятвы въ вѣрномъ исполненіи взаимныхъ условій: Борисъ взялъ въ руки книгу (безъ сомнѣнія не Евангеліе), и сказалъ: «обѣщаю искреннее дружество Казы-Гирею: вотъ моя большая присяга;» не хотѣлъ ни цѣловать креста, ни показать сей книги Челибю, коего увѣряли, что Государь Россійскій изъ особенной любви къ Хану изустно произнесъ священное обязательство союза, и что договоры съ иными Вѣнценосцами утверждаются только Боярскимъ словомъ. Такъ Борисъ, вопреки древнему обыкновенію, уклонился отъ бесполезнаго униженія святыни въ дѣлахъ съ варварами, уважающими одну корысть и силу; честить Хана умѣренными дарами, а всего боѣ же надѣялся на войско, готовое для защиты

юговосточныхъ предѣловъ Россіи, и сохранилъ ихъ спокойствіе. Были взаимныя досады, однажды безъ всякихъ непріятельскихъ дѣйствій. Въ 1603 году Казы-Гирей съ гнѣвомъ выслалъ изъ Тавриды новаго Посла Государева, Князя Борятинскаго, за то, что онъ не хотѣлъ удержать Донскихъ Козаковъ отъ впаденія въ Карасанскій Улусъ, отвѣтствуя грубо: «у васъ есть «сабля; а мое дѣло сноситься только съ Ханомъ, «не съ ворами Козаками.» Но сей случай не произвелъ разрыва: Ханъ жаловался безъ угрозъ, и подтвердилъ обязательство умереть нашимъ другомъ, опасаясь тогда Султана и лумая найти защитника въ Борисѣ.

Въ дѣлахъ съ Литвою и съ Швеціею Борисъ также старался возвысить достоинство Россіи, пользуясь случаемъ и временемъ. Сигизмундъ, именемъ еще Король Швеціи, уже воевалъ съ ся Правителемъ, лицею своимъ Герцогомъ Карломъ, и склонилъ Вельможныхъ Пановъ къ участію въ семъ междуособіи, уступивъ ихъ отечеству Эстонію. Въ такихъ благопріятныхъ для насъ обстоятельствахъ Литва домогалась прочнаго мира, а Швеція союза съ Россіею: Борисъ же, изъявляя готовность къ тому и къ другому, вымышилъ легкій способъ взять у нихъ, что было нашимъ, и что мы уступили имъ невольно: древнія Оденскія владѣнія, о коихъ столько жалѣлъ Іоаннъ, жалѣла и Россія, купивъ оныя долговременными, кровавыми трудами и за ничто отдавъ властолюбивымъ иноземцамъ.

Судьба Принца Шведского, Густава въ Россіи. Мы упоминали о сыне Шведского Короля Эрика, изгнаникѣ Густавѣ (³⁷). Скитаясь изъ земли въ землю, онъ жилъ не сколько времени въ Торнѣ, скучнымъ жалованьемъ брата своего, Сигизмунда, и рѣшился (въ 1599 году) искать счастія въ нашемъ отечествѣ, куда звали его и Феодоръ и Борисъ, предлагая ему не только временное убѣжище, но и знатное помѣстье или Удѣль. На границѣ, въ Новгородѣ, въ Твери ждали Густава сановники Царскіе, съ привѣтствіями и дарами (³⁸); одѣли въ золото и въ бархатъ; ввезли въ Москву на богатой колесницѣ; представили Государю въ самомъ пышномъ собраніи Двора. Поцѣловавъ руку у Бориса и юнаго Феодора, Густавъ произнесъ рѣчь (зная Славянскій языкъ); сѣлъ на золотомъ изголовьѣ; обѣдалъ у Царя за столомъ особымъ, имѣя особеннаго Крайчаго и Чашника. Ему дали огромный домъ, чиновниковъ и слугъ, множество драгоценныхъ сосудовъ и чашъ изъ кладовыхъ Царскихъ; наконецъ Удѣль Калужской, три города съ волостями, для дохода (³⁹). Однимъ словомъ, послѣ Борисова семейства Густавъ казался первымъ человѣкомъ въ Россіи, ежедневно ласкаемый и даримый. Онъ имѣлъ лестинства: лушевное благородство, искренность, свѣдѣнія рѣдкія въ Наукахъ, особенно въ Химії,

такъ что заслужилъ имя втораго Феофраста Нарацельса; зналъ языки, кромѣ Шведскаго и Славянскаго, Италіанскій, Нѣмецкій, Французскій (⁴⁰); много видѣлъ въ свѣтѣ, съ умомъ любопытнымъ, и говорилъ пріятно. Но не сіи достоинства и знанія были виною Царской къ нему милости: Борисъ мыслить употребить его въ орудіе Политики, какъ втораго Магнуса, желая имѣть въ немъ страшилище для Сигизмунда и Карла; обольстиль Густава надеждою быть Владытелемъ Ливоніи съ помошью Россіи, и хитро приступилъ къ дѣлу, чтобы обольстить и Ливонію. Еще многіе сановники Деритскіе и Нарвскіе жили въ Москвѣ съ женами и дѣтьми, въ неволѣ сносной, однакожь горестной для нихъ, лишенныхъ отечества и состоянія: Борисъ далъ имъ свободу, съ условіемъ, чтобы они присягнули ему въѣрности неизмѣнной;ѣздили, куда хотятъ: въ Ригу, въ Литву, въ Германію для торговли, но вездѣ были его усердными слугами, наблюдали, выявѣдавали важное для Россіи, и тайно доносили о томъ Печатнику Щелкалову. Сіи люди, нѣкогда купцы богатые, уже не имѣли денегъ: Царь велѣлъ имъ раздать до двадцати пяти тысячи нынѣшнихъ рублей серебряныхъ, чтобы они тѣмъ ревностиѣ служили Россіи и преклоняли къ ней своихъ единоземцевъ (⁴¹). Зная неудовольствіе жителей Рижскихъ и другихъ Ливонцевъ, утѣсняемыхъ Правительствомъ и въ гражданской жизни и въ богослуженіи, Царь велѣлъ тайно сказать имъ,

что если хотятъ они спасти вольность свою и Вѣру отцевъ; если ужасаются мысли рабствовать всегда подъ тяжкимъ игомъ Литвы и сдѣлаться *Папистами* или *Іезуитами*: то щитъ Россіи надъ ними, а мечъ ся надъ ихъ утѣшнителми; что сильнѣйшій изъ Вѣнценосцевъ, равно славный и мудростю и человѣколюбіемъ, желаетъ быть отцемъ болѣе, нежели Государемъ Ливоніи, и ждетъ Депутатовъ изъ Риги, Дерпта и Нарвы для заключенія условій, которыя будутъ утверждены присягою Бояръ; что свобода, законы и Вѣра останутся тамъ неизменными подъ его верховною властію (⁴²). Въ то же время Воеводы Псковскіе должны были искусно разгласить въ Ливоніи, что Густавъ, столь милостиво принятый Царемъ, немедленно вступить въ ея предѣлы съ нашимъ войскомъ, дабы изгнать Поляковъ, Шведовъ, и господствовать въ ней съ правомъ наслѣдственнаго Державца, но съ обязанностю Россійскаго присяжника. Самъ Густавъ писалъ къ Герцогу Карлу: «Европѣ «извѣстна бѣдственная судьба моего родителя; а «тебѣ извѣстны ся виновники и мои гонители: «оставляю месть Богу. Нынѣ я въ тихомъ и безъ «боязниномъ пристанищѣ, у великаго Монарха, «милостиваго къ несчастнымъ Державнаго племени. Злѣсь могу быть полезенъ нашему любезному отечеству, если ты уступишь мнѣ Эстонію, угрожаемую Сигизмундовымъ властолюбiemъ: съ помощью Божіею и Царскою буду не «только стоять за города ея, но возьму и всю

«Ливонію, мою законную отчизну.» Замѣтимъ, что о семъ письмѣ не упоминается въ нашихъ переговорахъ съ Швецію; оно едва ли было доставлено Герцогу: сочиненное, какъ вѣроятно, въ Приказѣ Московскому, ходило единственно въ спискахъ изъ рукъ въ руки, между Ливонскими гражданами, чтобы волновать ихъ умы въ пользу Борисова замысла. Такъ мы хитрили, будучи въ перемиріи съ Литвою и въ мирѣ съ Швецію!

Но сія хитрость, не чуждая коварства, осталась безплодною — отъ трехъ причинъ: 1) Ливонцы издревле страшились и не любили Россіи; помнили исторію Магнуса и видѣли еще слѣды Іоанинова свирѣпства въ ихъ отечествѣ; слушали наши обѣщанія и не вѣрили. Только нѣкоторые изъ Нарвскихъ жителей, тайно сносясь съ Борисомъ, умышляли сдать ему сей городъ; но, обличенные въ сей измѣнѣ, были казнены всенародно (⁴³). 2) Мы имѣли лазутчиковъ, а Сигизмундъ и Карлъ войско въ Ливоніи: могла ли она, если бы и хотѣла, думать о Посольствѣ въ Москву? 3) Густавъ лишился милости Бориса, который думалъ женить его на Царевнѣ Ксениѣ, съ условіемъ, чтобы онъ исповѣдывалъ одну Вѣру съ нею; но Густавъ не согласился измѣнить своему Закону, ни оставить любовницы, привезенной имъ съ собою изъ Данцига (⁴⁴); не хотѣть быть, какъ пишутъ, и слѣпымъ оружиемъ нашей Политики ко вреду Швеціи; требовалъ отпуска, и, разгоряченный випомъ, въ

присутствіи Борисова Медика, Фидлера, грозился зажечь Москву, если не далуть ему свободы выѣхать изъ Россіи: Фидлеръ сказалъ о томъ Боярину Семену Годунову, а Бояринъ Царю, который, въ гнѣвѣ отнявъ у неблагодарного и сокровища и города, вселъ держать его подъ стражею въ домѣ; однакожъ скоро умилостивился и далъ ему, вмѣсто Калуги, разоренный Угличъ. Густавъ (въ 1601 году) снова былъ у Царя, по уже не обѣдалъ съ нимъ⁽⁴⁵⁾; удалился въ свое помѣстье, и тамъ, среди печальныхъ развалинъ, спокойно занимался Химіею, до конца Борисовой жизни. Неволею перевезенный тогда въ Ярославль, а послѣ въ Каширъ, сей несчастный Принцъ умеръ въ 1607 году, жалуясь на вѣтринность той женщины, которой онъ пожертвовалъ блестящую долю въ Россіи. Уединенную могилу его, въ прекрасной березовой рощѣ, на берегу Кащенки, видѣли знаменитый Шведскій Военачальникъ, Іаковъ де-ла-Гарди, и Посланникъ Карла IX, Петрей, въ царствованіе Шуйскаго⁽⁴⁶⁾.

Перемирие съ Литвою. Между тѣмъ мы имѣли случай гордостію отплатить Сигизмунду за уничиженіе, претерпѣнное Іоанномъ отъ Баторія. Великій Посолъ Литовскій, Канцлеръ Левъ Сапѣга, приѣхавъ въ Москву, жилъ шесть недѣль въ праздности, для того, какъ ему сказы-

вали, что Царь мучился подагрою. Представленный Борису (16 Ноября 1600), Сапъга явилъ условія, начертанныя Варшавскимъ Сеймомъ для заключенія вѣчнаго мира съ Россіею: ихъ выслушали, отвергнули и еще иѣсколько мѣсяцевъ держали Сапъгу въ скучномъ уединеніи, такъ, что онъ грозился сѣсть на коня и безъ лѣла уѣхать изъ Москвы (⁴⁷). Наконецъ, будто бы изъ уваженія къ милостивому ходатайству юнаго Борисова сына, Государь велѣлъ Думнымъ Совѣтникамъ заключить перемирие съ Литвою на 20 лѣтъ. 11 Марта (1601 года) написали грамоту, но не хотѣли именовать въ ней Сигизмунда Королемъ Швеціи, подъ лукавымъ предлогомъ, что онъ не извѣстныи ни Феодора, ни Бориса о своемъ восшествіи на тронъ отцовскій: въ самомъ же лѣлѣ мы пользовались слукаемъ мести, за старое упрямство Литвы называть Государей Россійскихъ единственно Великими Князьями, и тѣмъ еще давали себѣ право на благодарность Шведскаго Властителя — право входить съ нимъ въ договоры, какъ съ законнымъ Монархомъ. Тщетно Сапъга возражалъ, требовалъ, молилъ, даже съ слезами (⁴⁸), чтобы внести въ грамоту весь титулъ Королевскій: ее послали къ Сигизмунду для утвержденія съ Бояриномъ, Михаиломъ Глѣбовичемъ Салтыковымъ, и съ Думнымъ Дьякомъ, Аѳонасіемъ Власьевымъ, которые, не взирая на худое гостепріимство въ Литвѣ, успѣли въ главномъ лѣлѣ, къ чести Двора Московскаго. Сигизмундъ пред-

водительствовалъ тогда войскомъ въ Ливоніи и звалъ ихъ къ себѣ въ Ригу: они сказали: «будемъ ждать Короля въ Вильнѣ» — и поставили на свое мѣсто; въ глубокую осень жили нѣсколько времени на берегахъ Днѣпра, въ шатрахъ; терпѣли холодъ и недостатокъ (⁴⁹), но принудили Короля ѿхать для нихъ въ Вильну, гдѣ начались жаркія пренія. Литовскіе вельможи говорили Салтыкову и Власьеву: «если дѣйствительно хотите мира, то признайте нашего Короля Шведскимъ, а Эстонію собственностью Польши.» Салтыковъ отвѣчалъ: «Мпрѣ вамъ нужно, неожели памъ. Эстонія и Ливонія собственность Россіи отъ временъ Ярослава Великаго; а Шведскимъ Королевствомъ владѣеть нынѣ Герцогъ Карлъ: Царь не даетъ никомупустыхъ титуловъ» . . . . «Карлъ есть измѣнникъ и хищникъ,» возражали Паны: «Государь вашъ перестанетъ ли называться въ титулѣ Астраханскимъ или Сибирскимъ, если какой нибуль разбойникъ на время завладѣеть сими землями? Знатная часть Венгрии нынѣ въ рукахъ Султана, но Цесарь именуется Венгерскимъ, а Король Испанскій Іерусалимскимъ.» Убѣжденія остались безъ дѣйствія; но Сигизмундъ, щѣлую крестъ предъ нашими Послами (7 Генваря 1602) съ обѣщаніемъ свято хранить договоръ, примолвилъ: «клянуся именемъ Божіимъ умереть съ моимъ наследственнымъ титуломъ Короля Шведскаго, не уступать никому Эстоніи и въ теченіе сего двадцатилѣтняго пе-

«ремирія добывать Нарвы, Ревеля и другихъ «городовъ» ся, кѣмъ бы они ни были заняты.» Тутъ Салтыковъ выступилъ и сказалъ громко: «Король Сигизмундъ! цѣлуй крестъ къ Великому Государю, Борису Феодоровичу, по точнымъ словамъ грамоты, безъ всякаго прибавленія — или клятва не въ клятву!» Сигизмундъ долженъ былъ переговорить свою рѣчь, какъ требовалъ Бояринъ и смыслъ грамоты. Слѣдственно въ Москвѣ и въ Вильнѣ Политика Россійская одержала верхъ надъ Литовскою: Король уступилъ, ибо не хотѣлъ воевать въ одно время и съ Шведами и съ пами; устоялъ только въ отказѣ величать Бориса именемъ Царя и Самодержца: чего мы требовали и въ Москвѣ и въ Вильнѣ, по удовольствовались словомъ, что сей титулъ безспорно будетъ данъ Королемъ Борису при заключеніи мира вѣчнаго. «Хорошо» (говорили Паны) «и двадцать лѣтъ не лить Христіанской крови: еще лучше успокоить навсегда обѣ Державы. Двадцать лѣтъ пройдутъ скоро; а кто будетъ тогда Государемъ и въ «Литвѣ и въ Россіи, неизвѣстно» (50). Замѣтимъ еще обстоятельство достопамятное: Послы Московскіе, въ день своего отпуска пируя во дворцѣ Королевскомъ, увидѣли юнаго Сигизмундова сына, Владислава, и какъ бы въ предчувствіи будущаго вызвались цѣловать у него руку: сей отрокъ семилѣтній, коему надлежало, въ возрастѣ юноши, явиться столь важнымъ дѣйствующимъ лицемъ въ нашей Исторіи, привѣт-

ствоваль ихъ умно и ласково; вставъ съ мѣста и снявъ съ себя шляпу, велѣлъ кланяться Царевичу Феодору и сказать ему, что желаетъ быть съ нимъ въ искренней дружбѣ. Знатный Бояринъ Салтыковъ и Думный Дьякъ Власьевъ, который замѣнилъ Щелкарова въ дѣлахъ государственныхъ, могли, храня въ душѣ пріятное воспоминаніе о юномъ Владиславѣ, вселить во многихъ Россіянъ добрыя мысли о семъ, дѣйствительно любезномъ Королевичѣ. — Возвратясь, послы донесли Борису, что онъ можетъ быть увѣренъ въ безопасности и тишинѣ съ Литовской стороны на долгое время; что Король и Паны знаютъ, видятъ силу Россіи, управляемую столь мудрымъ Государемъ, и конечно не помыслятъ нарушить договора ни въ какомъ случаѣ, внутренно славя миролюбіе Царя какъ особенную милость Божію къ ихъ отечеству.

Словеснія съ III венцемъ. Мы сказали, что Правитель Швеціи искалъ союза Россіи: Борисъ, убѣждая Герцога не мириться съ Сигизмундомъ, позволялъ Шведамъ ити изъ Финляндіи къ Дерпту чрезъ Новогородское владѣніе (⁵¹) и хотѣлъ дѣйствовать вмѣстѣ съ ними для изгнанія Поляковъ изъ Ливоніи. Королевскіе чиновники ъздили въ Москву, наши въ Стокгольмъ съ изложеніями взаимнаго дружества. Въ знакъ чрезвы-

чайнаго уваженія къ Борису, Герцогъ тайно спрашивалъ у него, исполнить ли ему волю Чиновъ Государственныхъ и назваться ли Королемъ Шведскимъ? Царь совѣтовалъ исполнить, и немедленно, для истиннаю блага Швеціи, и тѣмъ заслужилъ живѣйшую признательность Карлову (⁵²); совѣтовалъ искренно, ибо безопасность Россіи требовала, чтобы Литва и Швеція имѣли разныхъ Властителей. Но мы желали Нарвы, и для того хитрый Царь (въ Февралѣ 1601) объявилъ Шведскимъ Посламъ, Карлу Гендрихсону и Георгію Клаусону, бывшимъ у насъ въ одно время съ Литовскимъ Канцлеромъ Сапѣгою, что должно еще снова разсмотрѣть и торжественно утвердить мирную грамоту 1597 года (⁵³), писанную отъ имени Феодорова и Сигизмундова; что она недѣйствительна, ибо Сигизмундъ не утвердилъ ее; что обстоятельства перемѣнились, и что сей Король готовъ уступить намъ часть Ливоніи, если будемъ помогать ему въ войнѣ съ Герцогомъ. Послы удивились. «Мы заключили миръ» (говорили они Боярамъ) «не между Феодоромъ и Сигизмундомъ, а между Швецію и Россіею, до скончавія вѣковъ, имеемъ Божіимъ, и добросовѣстно исполнили «условія: отдали Кексгольмъ вопреки Сигизмунду внесогласію. Нѣтъ, Герцогъ Карль не по-«вѣритъ, чтобы Царь думалъ нарушить обѣтъ, «запечатлѣнныи цѣлованіемъ креста на Святомъ «Евангеліи. Если Сигизмундъ уступаетъ вамъ «города въ Ливоніи, то уступаетъ не свое: по-

«ловина ея завоевана Герцогомъ. И союзъ
«съ Литвою надеженъ ли для Царя? Пре-
«кратились ли споры о Кіевѣ и Смоленскѣ?
«Гораздо скорѣе можно согласить выгоды
«Швеціи и Россіи: главная ихъ выгода
«есть мирное, доброе сопѣство. Не самъ
«ли Царь убѣждалъ Карла не мириться съ
«Сигизмундомъ? Мы воюемъ и беремъ го-
«рода: что мѣшаетъ вамъ также опол-
«читься и раздѣлить Ливонію съ нами?»
Но Борисъ, съ удовольствіемъ видя пламя
войны между Герцогомъ и Королемъ, не
мыслилъ въ ней участвовать, по крайней
мѣрѣ до времени; заключивъ перемиріе съ
Литвою, медлилъ утвердить безкорыстный
миръ съ Карломъ; отпустилъ его Пословъ
ни съ чѣмъ, и тайно склоняя жителей
Эстоніи измѣнить Шведамъ, чтобы при-
соединиться къ Россіи, досаждалъ ему симъ
непрямодушіемъ — но въ то же время ис-
кренно доброхотствовалъ въ войнѣ Ливон-
ской: ибо торжество Сигизмундово угрожало намъ соединеніемъ Шведской короны
съ Польскою, а торжество Карлово раздѣ-
мляло ихъ навѣки. Борисъ первый изъ Го-
сударей Европейскихъ, и всѣхъ охотиѣ,
призналъ Герцога Королемъ Швеціи, и въ
сношеніяхъ съ нимъ уже давалъ ему сіе
имя, когда и самъ Герцогъ еще назывался
только Правителемъ.

Тѣснаго Новая, важная связь Борисова съ на-

слѣдственнымъ врагомъ Швеція могла так-
же беспокоить Карла. Извѣстивъ сосѣд-<sup>связь
сь Да-
нію.</sup>
ственныхъ и другихъ Вѣнценосцевъ, Им-
ператора, Елизавету, о своемъ воцареніи,
Борисъ долго медлилъ оказать сію учти-
вость Королю Датскому, Христіану; но съ
1601 года началися весьма дружелюбныя
сношенія между ими (⁵⁴). Въ одно время
Послы Христіановы, Эске-Брокъ и Карль
Бриске, отправились въ Москву, а наши,
знатный Дворянинъ Ржевскій и Дьякъ Дми-
триевъ, въ Копенгагенъ, для взимнаго
привѣтствія и для разрѣшенія старыхъ,
безконечныхъ споровъ о Кольскихъ и Вар-
гавскихъ пустыняхъ. Доказывая, что вся
Лапландія принадлежала Норвегіи, Хри-
стіанъ ссылался на Исторію Саксона Грам-
матика и даже на Мюнстерову Космогра-
фію (⁵⁵); говорилъ еще, что сами Россіяне
издревле называютъ Лопландію *Мурман-
скою* или Норвежскою землею; а мы возра-
жали, что она безъ сомнѣнія наша, ибо въ
царствованіе Василія Іоанновича Нового-
родскій Священникъ Илія крестилъ ея ди-
кихъ жителей, и еще утверждали сіе право
собственности слѣдующею повѣстію, осно-
ванною на преданіи тамошнихъ стар-
цевъ (⁵⁶): «Жилъ нѣкогда въ Корель или
«Кексгольмъ знаменитый Владѣтель, име-
«нemъ *Валитъ* или *Варентъ*, данникъ Вели-
«каго Новагорода, мужъ не обычной храб-

«ности и силы: воевалъ, побѣждалъ и хотѣлъ «господствовать надъ Лопью или *Мурманской* «землею. Лопари требовали защиты сосѣдствен- «ныхъ *Норвежскихъ Нѣмцевъ*; во Валитъ раз- «билъ и Нѣмцевъ, тамъ гдѣ нынѣ *Лѣтній* по- «гость *Варенскій*, и гдѣ онъ, въ память вѣкамъ, «положилъ своими руками огромный камень, въ «вышину болѣе сажени; сдѣлалъ вокругъ его «ствердую ограду въ двѣнадцать стѣнъ и назвалъ «ее *Вавилономъ*: сей камень и теперь именуется «*Валитовымъ*. Такая же ограда существовала на «мѣстѣ Кольского острога. Извѣстны еще въ «землѣ Мурманской губа *Валитова* и городище «*Валитово* среди острова или высокой скалы, «гдѣ безопасно отлихалъ витязь Корельскій. «Наконецъ побѣженные Нѣмцы заключили съ «нимъ миръ, отдавъ ему всю Лопь до рѣки «Ивгеля. Долго славный и счастливый, Валитъ, «именемъ Христіанскимъ Василій, умеръ и скончался въ Кексгольмѣ, въ церкви Спаса; Лопари же съ того времени платили дань Нову- «городу и Царямъ Московскимъ.» Сіи истори- ческіе доводы съ обѣихъ сторонъ были не весьма убѣдительны, и Датчане въ знакъ миролюбія желали раздѣлить Лапландію съ нами, вдоль или поперегъ, на двѣ равныя части; а Борисъ, изъ любви къ Христіану, уступалъ ему всѣ земли за монастыремъ Печенскімъ къ Сѣверу, предо- ставляя Датскимъ и Россійскимъ чиновникамъ на будущемъ съѣздѣ близъ Колы означить гра- ницы обѣихъ Державъ. Между тѣмъ возобно-

вили договоръ о свободной торговлѣ Датскихъ купцовъ въ Россіи; условились и въ дѣлѣ важнѣйшемъ.

Борисъ искалъ достойнаго жениха для прелестной Царевны между Европейскими Принцами Державнаго племени, чтобы такимъ союзомъ воссвѣтить блескъ своего Дому въ глазахъ Бояръ и Князей Россійскихъ, которые еще не давно видѣли Голуновыхъ ниже себя: не успѣвъ въ намѣреніи отдать руку дочери, вмѣстѣ съ Ливоніею, Густаву, сей нѣжный родитель и хитрый Политикъ надѣялся доставить счастіе Ксениіи и выгоды Государству супружествомъ ея съ Герцогомъ Іоанномъ, братомъ Христіановымъ, юношою умнымъ и пріятнымъ, который, подобно Густаву, могъ служить орудіемъ нашихъ властолюбивыхъ замысловъ на Эстонію, бывшую собственность Даніи. Царь предложилъ (⁵⁷), и Король, не устрашенный судбою Магнуса, обрадовался чести быть сватомъ знаменитаго Самодержца Московскаго, въ надеждѣ его усерднымъ вспоможеніемъ ослить враждебную Швецію. Къ сожалѣнію, любопытныя бумаги о семъ сватовствѣ утратились (⁵⁸): не знаемъ условій о Вѣрѣ, о приданомъ, ни другихъ взаимныхъ обязательствъ; но знаемъ, что Іоанпъ согласился жертвовать Ксениіи отечествомъ и быть Удѣльнымъ Княземъ въ Россіи (⁵⁹);

Герцогъ
Дат-
скій,
женихъ
Ксениіи.

не для того ли, чтобы въ случаѣ возможнаго несчастія, преждевременной кончины юнаго Царевича, тронъ Московскій имѣть наследниковъ въ семействѣ Борисовомъ? о чёмъ, вѣроятно, думалъ Царь дальновидный, съ горячностю любя сына, но любя и мысль о непрерывномъ наследствѣ короны, въ теченіе вѣковъ, для своего рода. Женихъ воеваль тогда въ Нидерландахъ подъ знаменами Испаніи: сиѣшилъ возвратиться, сѣль на Адмиральскій корабль, и вмѣстѣ съ пятью другими приплылъ (10 Августа 1602) къ устью Наровы. Тамъ ожидала гостя ладія Царская, устланная бархатомъ⁽⁶⁰⁾ — и какъ скоро Герцогъ ступилъ на землю Русскую, загремѣли пушки: Бояринъ Михайло Глѣбовичъ Салтыковъ и Думный Дьякъ Власьевъ привѣтствовали его, именемъ Царя, — ввели въ богатый шатерь и поднесли ему 80 драгоценнѣйшихъ соболей. Въ каретѣ, блестающей золотомъ и серебромъ, Іоаннъ Фхалъ въ Ивангородъ, мимо Нарвы, гдѣ развѣвались знамена, на башняхъ и стѣнахъ, усѣянныхъ любопытными зрителями: такъ привѣтствовали его и Шведы, внутренно опасаясь сего путешествія, коего цѣль они уже знали или угадывали.

Гораздо искреннѣе честили Герцога въ Россіи. Съ нимъ были Послы Христіановы, три Сенатора (Гильденстернъ, Браге и Голькъ), восемь знатныхъ сановниковъ, пѣсколько Дворянъ, два Медика, множество слугъ: на каждомъ станѣ, въ самыхъ бѣдныхъ деревняхъ, угощали ихъ

какъ бы во дворцѣ Московскому; за обѣдомъ играла музыка. Въ городахъ стрѣляли изъ пушекъ; войско стояло въ ружьѣ и чиновники за чиновниками представлялись *Свѣтлѣйшему Королевичу*. Тѣхали медленно, въ день не болѣе тридцати верстъ, чрезъ Новгородъ, Валдай, Торжекъ и Старицу. Путешественникъ не скучалъ; въ часы раздѣха гулялъ верхомъ или по рѣкамъ на лодкахъ; забавлялся охотою, стрѣлялъ птицъ; бесѣдовалъ съ Бояриномъ Салтыковымъ и Дьякомъ Власьевымъ о Россіи, желая знать ея государственные уставы и народныя обыкновенія. Послы Христіановы совѣтовали ему не вдругъ перениматъ наши обычай и держаться еще Нѣмецкихъ: «Ѣду къ Царю (говорилъ онъ) за тѣмъ, чтобы навыкать всему Рѣсскому.» Будучи 1 Сентября въ Бронницахъ, Іоаннъ сказалъ Салтыкову: «Я знаю, что въ сей день вы празднуете «новый годъ; что Духовенство, Синклитъ и «Дворъ нынѣ торжественно желаютъ многолѣтія Государю: еще не имѣю счастія видѣть его «лице, но также усердно молюся, да здравствуетъ» — спросилъ вина, и стоя пиль Царскія чаши, вмѣстѣ съ Московскими сановниками и Датскими Послами. Однимъ словомъ, Іоаннъ хотѣлъ любви Борисовой и любви Россіянъ. Салтыковъ и Власьевъ писали къ Царю о здоровье и веселомъ нравѣ Королевича; увѣдомляли обо всемъ, что онъ говорилъ и дѣлалъ: даже о нарядахъ, о цвѣтѣ его атласныхъ каftановъ, украшенныхъ золотыми или серебря-

ными кружевами! Царь требовалъ сихъ подробностей — и высыпалъ новые дары путешественнику: богатыя ткани Азіятскія, шапки византийя жемчугомъ, поясы и кушаки драгоценные, золотыя цѣпи, сабли съ бирюзою и съ яхонтами. Наконецъ Іоаннъ изъявилъ нетерпѣніе быть въ Москвѣ: ему отвѣтствовали, что Государь боялся спѣшиною Ѣздою утомить его — и поѣхали скорѣе. 18 Сентября почевали въ Тушино, а 19 приближились къ столицѣ.

Не только воины и люди сановитые, отъ Членовъ Синклита до Приказныхъ Дьяковъ, но и граждане встрѣтили Герцога въ полѣ (⁶¹). Выслушавъ ласковую рѣчь Бояръ, онъ сѣлъ на коня, и Ѣхалъ Москвою при звукѣ огромнаго Кремлевскаго колокола, съ Датскими и Россійскими чиновниками. Ему отвели въ Китаѣ-городѣ лучшій домъ — и на другой день прислали обѣдъ Царскій: сто тяжелыхъ золотыхъ блюдъ съ яствами, множество кубковъ и чашъ съ винами и медами (⁶²). 28 Сентября было торжественное представлениe. Отъ дому Іоаннова до Краснаго крыльца стояли богато-одѣтые воины: на площади Кремлевской граждане, Нѣмцы, Литва, также въ лучшемъ нарядѣ. У крыльца встрѣтили Іоанна Князья Трубецкій и Черкасскій, на лѣстницѣ Василій Шуйскій и Голицынъ, въ сѣняхъ первый Вельможа Мстиславскій, съ Окольничими и Дьяками. Царь и Царевичь были въ Золотой палатѣ, въ бархатныхъ порфирахъ, унизанныхъ крупнымъ жемчугомъ;

иъ ихъ коронахъ и на груди сіяли алмазы и яхонты величины необыкновенной. Увидѣвъ Герцога, Борисъ и Феодоръ встали, обняли его съ нѣжностю, сѣли съ нимъ рядомъ и долго бесѣдовали, въ присутствіи Вельможъ и царедворцевъ. Всѣ смотрѣли на юнаго Іоанна съ любовію, плѣняясь его красотою: Борисъ уже видѣлъ въ немъ будущаго сына. Обѣдали въ Грановитой палатѣ: Царь сидѣлъ на золотомъ тронѣ, за серебрянымъ столомъ, подъ висящую надъ нимъ короною съ боевыми часами, между Феодоромъ и Герцогомъ, уже причисленнымъ къ ихъ семейству. Угощеніе заключилось ларями: Борисъ и Феодоръ сняли съ себя алмазные цѣпи и надѣли на шею Іоанну; а царедворцы поднесли ему два ковша золотые, украшенные яхонтами, пѣсколько серебряныхъ сосудовъ, драгоценныхъ тканей, Англійскихъ суконъ, Сибирскихъ мѣховъ и три одежды Русскія. Но женихъ не видаль Ксеніи, вѣря только слуху о прелестяхъ ея, любезныхъ свойствахъ, достоинствахъ, и не обманываясь. Современники пишутъ, что она была средняго роста, полна тѣломъ и стройна; имѣла бѣлизну млечную, волосы черные, густые и длинные, трубами лежащіе на плечахъ, — лице свѣжее, румяное, брови союзныя, глаза большіе, черные, свѣтлые, красоты несказанной, особенно, когда блестали въ нихъ слезы умиленія и жалости; не менѣе плѣняла и душою, кротостю, благородствиемъ, умомъ и вкусомъ образованымъ, любя

книги и сладкія пѣсни духовныя (⁶³). Строгій обычай не дозволялъ показывать и *такой* невѣсты прежде времени; сама же Ксенія и Царица могли видѣть Іоанна скрытно, издали, какъ думали его спутники. Обрученіе и свадьбу отложили до зимы, готовясь къ тому, вмѣсто пирровъ, молитвою: родители, невѣста и братъ ся поѣхали въ Лавру Троицкую . . . О семъ пышномъ выїздѣ Царскаго семейства очевидцы говорять такъ (⁶⁴):

«Впереди 600 всадниковъ и 25 заводныхъ коней, блестающихъ убранствомъ, серебромъ и золотомъ; за ними двѣ кареты: пустая Царевичева, обитая алымъ сукномъ, и другая, обитая бархатомъ, гдѣ силѣль Государь: обѣ въ блошадей; первую окружали всадники, вторую спѣши царедворцы. Далѣе ѿхалъ верхомъ юный «Феодоръ; копя его вели знатные чиновники. «Позади Бояре и Придворные. Многіе люди бѣжали за Царемъ, держа на головѣ бумагу: у нихъ взяли сіи челобитныя и вложили въ красный ящикъ, чтобы представить Государю. «Чрезъ полчаса выѣхала Царица, въ великолѣпной каретѣ; въ другой, со всѣхъ сторонъ закрытой, сидѣла Царевна: первую везли десять бѣлыхъ коней, вторую восемь. Впереди 40 заводныхъ лошадей и дружина всадниковъ, мужей престарѣлыхъ, съ длинными сѣдыми бородами; сзади 24 Боярыни, на бѣлыхъ коняхъ. «Вокругъ шли 300 приставовъ съ жезлами.» — Тамъ, въ Обители тишины и святости, Борисъ

съ супругою и съ дѣтьми девять дней молился наль гробомъ Св. Сергія, да благословитъ Небо союзъ Ксении съ Іоанномъ.

Между тѣмъ жениха ежедневно честили Царскими обѣдами въ его домѣ; присыпали ему бархаты, обѣяри, кружева для Русской одежды; прислали и богатую постелью, бѣлье шитое серебромъ и золотомъ⁽⁶⁵⁾. Онъ съ ревностію хотѣлъ учиться нашему языку и даже перемѣнить Вѣру, какъ пишутъ⁽⁶⁶⁾, чтобы исповѣдывать одну съ будущею супругою; вообще велъ себя благоразумно и всѣмъ нравился любезностію въ обхожденіи. Но чего искренно желали и Россіяне и Датчане — о чёмъ молились родители и невѣста — то не было угодно Провидѣнію... На возвратномъ пути изъ Лавры, 16 Октября, въ селѣ Братовщинѣ⁽⁶⁷⁾ Государь узналъ о незапной болѣзни жениха. Іоаннъ еще могъ писать къ нему и прислалъ своего чиновника, чтобы его успокоить. Недугъ усиливался безпрестанно: открылась жестокая горячка; по Медики, Датские и Борисовы, не теряли надежды: Царь заклиналъ ихъ употребить все искусство, обѣщая имъ неслыханныя милости и награды. 19 Октября посѣтилъ Іоанна юный Феодоръ, 27 самъ Государь, вмѣстѣ съ Патріархомъ и Боярами; увидѣлъ его слабаго, безгласнаго; ужаснулся, и съ гнѣвомъ винилъ тѣхъ, которые таили отъ него опасность. На другой день, ввечеру, онъ нашелъ Герцога уже при смерти; плакаль, крушился; говорилъ: «Юноша несчастный! ты!

«составилъ мать , родныхъ , отчество , и прі-
«ѣхалъ ко мнѣ , чтобы умереть безвременно » (68) !
Еще желая надѣяться , Государь далъ клятву
освободить 4000 узниковъ въ случаѣ Іоаннова
выздоровленія , и просилъ Датчанъ молиться
Богу съ усердіемъ . Но въ 6 часовъ сего же ве-
чера , 28 Октября , престѣлись цвѣтущиye дни
Іоанновы , на двадцатомъ году жизни . . . Не
только семейство Царское , Датчане , Нѣмцы , но
и весь Дворъ , всѣ жители столицы были въ
горести . Самъ Борисъ пришелъ къ Ксениѣ и
сказалъ ей : «любезная дочь ! твоє счастіе и мое
«утѣшениe погибло ! » Она упала безъ чувства къ
ногамъ его . . . Велѣли оказать всю должную
честь умершему . Отворили казну Царскую для
бѣдныхъ , вдовъ и сиротъ ; питали нищихъ въ
домѣ , гдѣ скончался Іоаннъ ; къ тѣлу приставили
знатныхъ чиновниковъ ; запретили его анато-
мить и вложили въ деревянную гробницу , на-
полненную ароматами , а послѣ въ мѣдную , и
еще въ дубовую , обитую чернымъ бархатомъ
и серебромъ , съ изображеніемъ креста въ сре-
динѣ и съ Латинскою надписью о достоинствахъ
умершаго , о благовolenіи къ нему Царя и на-
рода Россійскаго , обѣ ихъ печали неутѣшной .
Въ день погребенія , 25 Ноября , Борисъ про-
стился съ тѣломъ , обливаясь слезами , иѣхалъ
за нимъ въ саняхъ Китаемъ-городомъ до Бѣ-
лаго . Гробъ везли на колесницахъ , подъ тремя
черными знаменами , съ гербомъ Даніи , Меклен-
бургскимъ и Голштейнскимъ ; на обѣихъ сторо-

нахъ шли воины Царской дружины, опустивъ внизъ остріе своихъ копій; за колесницею Бояре, сановники и граждане — до слободы Нѣмецкой, гдѣ, въ новой церкви Аугсбургскаго Исповѣданія, скоронили тѣло Іоанново въ присутствіи Московскихъ Вельможъ, которые плакали вмѣстѣ съ Датчанами, хотя и не разумѣли умилительной надгробной рѣчи, въ коей Герцоговъ Пасторъ благодарилъ ихъ за сию чувствительность⁽⁶⁹⁾ . . . .

Вѣроятно ли сказаніе нашего Лѣтоисца, что Борисъ внутренно не жалѣлъ о смерти Іоанна, будто бы завидуя общей къ нему любви Россіянъ, и страшася оставить въ немъ совмѣстника для юнаго Феодора; что Медики, узнавъ тайную мысль Царя, не смѣли излечить больнаго⁽⁷⁰⁾? Но Царь хотѣлъ, чтобы Россіяне любили его нареченаго зятя: для того совѣтовалъ ему быть привѣтливымъ и слѣдовать нашимъ обычаямъ⁽⁷¹⁾; хотѣлъ безъ сомнѣнія и счастія Ксениі; даваль симъ бракомъ новый блескъ, новую твердость своему Дому, и не могъ перемѣнить мыслей въ три недѣли: устрашиться, чего желалъ; видѣть, чего не предвидѣль, и ввѣрить столь гнусную тайну зла придворнымъ врачамъ-иноzemцамъ, коихъ онъ, по смерти Іоанновой, долго не пускалъ къ себѣ на глаза, и которые лечили Герцога вмѣстѣ съ его собственными, Датскими врачами. Свидѣтели сей болѣзни, чиновники Христіанова Двора, издали въ свѣтъ ея вѣриное описаніе⁽⁷²⁾, доказывая, что

всѣ способы искусства , хотя и безъ успѣха ,
были употреблены для спасенія Іоаннова . Нѣть ,
Борисъ крушился тогда безъ лицемѣрія , и чув-
ствовалъ , можетъ быть , казнь Небесную въ со-
вѣсти , готовивъ счастіе для милой дочери и
видя ее вдовою въ певѣстахъ ; отвергнулъ укра-
шенія Царскія , надѣлъ ризу печали и долго
изъявлялъ глубокое уныніе ⁽⁷³⁾ . . . . Все , чѣмъ
дарили Герцога , было послано въ Копенгагенъ ;
всѣхъ Іоанновыхъ спутниковъ отпустили туда
съ новыми , щедрыми дарами ; не забыли и по-
слѣдняго изъ служителей ⁽⁷⁴⁾ . Борисъ писалъ
къ Христіану , что Россія остается въ нераз-
рывномъ дружествѣ съ Даніею : оно дѣйстви-
тельно не разорвалося , какъ бы утверждаемое
для обоихъ Государствъ печальнымъ воспоми-
наніемъ о судьбѣ юнаго Герцога , коего тѣло
было перевезено въ Рошильдъ , долго лежавъ
подъ сводомъ Московской Лютеранской церкви .
Въ честь Іоанновой памяти Борисъ далъ коло-
кола сей церкви и дозволилъ звонить въ нихъ
но дніемъ Воскреснымъ ⁽⁷⁵⁾ .

Но печаль не мѣшала Борису ни заниматься
дѣлами государственными съ обыкновенною рев-
ностію ⁽⁷⁶⁾ , ни думать о другомъ женихѣ для
Ксеніи : около 1604 года Послы наши снова
были въ Дапіи , и содѣйствіемъ Христіановимъ
условились съ Герцогомъ Шлезвигскимъ , Іоан-
номъ , чтобы одинъ изъ его сыновей , Филиппъ ,
ѣхалъ въ Москву жениться на Царевнѣ и быть
тамъ Удѣльнымъ Княземъ ⁽⁷⁷⁾ . Сіе условіе не

исполнилось единственно отъ тогдашихъ бѣдственныхъ обстоятельствъ нашего отечества.

Сношени¤ Россіи съ Австрію были, какъ и въ Феодорово время, весьма дружелюбны и не бесплодны. Думный Дьякъ Власьевъ, (въ Іюнѣ 1599 года) посланный къ Императору съ извѣстіемъ о Борисовомъ воцареніи, сѣлъ на Лондонскій корабль въ устьѣ Двины и вышелъ на берегъ въ Германіи: тамъ, въ Любекѣ и въ Гамбургѣ, знатнѣйшіе граждане встрѣтили его съ великою ласкою, съ пушечною стрѣльбою и музыкою, славя уже извѣстную милость Борисову къ Нѣмцамъ и надѣясь пользоваться новыми выгодами торговли въ Россіи (⁷⁸). Рудольфъ, изгнанный моровымъ повѣтремъ изъ Праги, жилъ тогда въ Нильзенѣ, гдѣ Власьевъ имѣлъ переговоры съ Австрійскими Министрами, увѣряя ихъ, что наше войско уже шло на Турковъ, но что Сигизмундъ заградилъ оному въ Литовскихъ владѣніяхъ путь къ Дунаю; что Царь, какъ истинный братъ Христіанскихъ Монарховъ и вѣчный недругъ Оттомановъ, убѣждаетъ Шаха и многихъ иныхъ Князей Азійскихъ действовать усиленно противъ Султана и готовъ *самолично* итти на Крымцевъ, если они будутъ помогать Туркамъ; что мы непрестанно внушаемъ Литовскимъ Панамъ утвердить союзъ съ Императо- переговоры съ Австрію.

ромъ и съ нами возведеніемъ Максимилиана на тронъ Ягеллоновъ; что миролюбивый Борисъ не усомнится даже и воевать для достиженія сей цѣли , если Императоръ когда нибудь рѣшится отмстить Сигизмунду за безчестіе своего брата (⁷⁹). Рудольфъ изъявилъ благодарность , но требовалъ отъ насъ не людей , а золота для войны съ Магометомъ III , желая только , чтобы мы смирили Хана. «Императоръ» — говорили его Министры — «любя Царя, не хочетъ , чтобы онъ «подвергалъ себя опасности личной въ битвахъ «съ варварами (⁸⁰) : у васъ много Воеводъ мучественныхъ , которые легко могутъ и безъ «Царя унять Крымцевъ : вотъ главное дѣло ! «Если угодно Небу , то корона Польская , при «добромъ содѣйствіи великодушнаго Царя , не «уйдетъ отъ Максимилиана ; но теперь не время «умножать число враговъ.» И мы конечно не думали дѣйствовать мечемъ для возведенія Максимилиана на тронъ Польскій : ибо Сигизмундъ , уже врагъ Швеціи , былъ для насъ не опаснѣе Австрійскаго Князя въ вѣнцѣ Ягеллоновъ ; не думали , вопреки увѣреніямъ Власьева , ратоборствовать и съ Султаномъ безъ необходимости : но предвида опую — зная , что Магометъ злобится на Россію и дѣйствительно велитъ Хану опустошать ея владѣнія (⁸¹) — Борисъ усердно доброхотствовалъ Австріи въ войнѣ съ симъ недругомъ Христіанства. Отъ 1598 до 1604 года были у насъ разные Австрійскіе чиновники и знатный Посолъ Баронъ Логау ; а Думный Дьякъ

Власьевъ вторично ъездилъ къ Императору въ 1603 году. Не имѣемъ свѣдѣнія объ ихъ переговорахъ; известно только, что Царь вспомогалъ казною Рудольфу (⁸²), удерживалъ Казы-Гирея отъ новыхъ впаденій въ Венгрию и старался утвердить дружество между Императоромъ и Шахомъ Персидскимъ, къ коему ъездили Австрійскіе Посланники чрезъ Москву (⁸³), и который славно мужествовалъ тогда противъ Оттомановъ. Но знаменитый Аббасъ, ласково поздравивъ Бориса Царемъ, изъявляя готовность заключить съ нимъ тѣсный союзъ, а для него и съ Императоромъ — отправивъ (въ 1600 году) Посланника Исеная чрезъ Колмогоры въ Австрію, въ Римъ, къ Королю Испанскому (⁸⁴) — и въ знакъ особенной любви приславъ къ своему брату Московскому съ Вельможею Лачинъ-Бекомъ (въ Августѣ 1603 года) зла-
Посоль-
ство
Персид-
ское.
тый тронъ древнихъ Государей Персидскихъ (⁸⁵), вдругъ оказался нашимъ недругомъ за бѣдную Грузію: не споривъ съ Феодоромъ, не споря и съ Борисомъ о правѣ именоваться ея верховнымъ Государемъ, хотѣлъ также безспорно властвовать надъ нею, и стиснуть ее, какъ слабую жертву, въ своихъ рукахъ кровавыхъ.

Царь Александръ не преставалъ жало-
ваться въ Москвѣ на бѣдственную долю шествія

въ Гру-
зії. Иверіи. Послы его такъ говорили Боя-
рамъ⁽⁸⁶⁾: «Мы плакали отъ невѣрныхъ,
«и для того отдалися головами Царю пра-
«вославному, да защитить нась; но пла-
«чемъ и нынѣ. Наши дома, церкви и мо-
«настыри въ развалинахъ, семейства въ
«плѣну, рамена подъ игомъ. То ли вы намъ
«обѣщали? И невѣрные смѣются надъ Хри-
«стіанами, спрашивая: гдѣ же щитъ Царя
«Бѣлага? гдѣ вашъ заступникъ?» Борисъ
велѣлъ напомнить имъ о походѣ Князя
Хворостинина, съ коимъ должно было сое-
диниться ихъ войско, и не соединилось⁽⁸⁷⁾;
однакожъ послалъ въ Иверію двухъ санов-
никовъ, Нашокина и Леонтьева, узнать
всѣ обстоятельства на мѣстѣ и съ Тер-
скими Воеводами условиться въ мѣрахъ
для ся защиты. Тамъ сдѣлалась перемѣна.
Во время тяжкой болѣзни Александровой
сынъ его, Давидъ, объявилъ себя Власти-
телемъ: отецъ выздоровѣлъ, но сынъ уже
не хотѣлъ возвратить ему знаковъ Держав-
ства: Царской хоругви, шапки и сабли съ
полсомъ⁽⁸⁸⁾. Сего мало: онъ злодѣйски
умертвилъ всѣхъ близкихъ людей Але-
ксандровыхъ. Тогда несчастный отецъ,
прибѣжалъ раздѣтый и босой въ церковь,
рыдая, захлпаясь отъ слезъ, всенародно
предалъ сына анаемѣ и гибѣву Божію, кото-
рый дѣйствительно постигъ изверга: Да-
видъ въ незапной, мучительной болѣзни

испустилъ духъ, и Посланники наши возвратились съ извѣстіемъ, что Александръ снова царствуетъ въ Иверіи, но не достоинъ милости Государевой, будучи усерднымъ рабомъ Султана, и дерзая укорять Бориса алчностю къ дарамъ. «Мнѣ ли» — сказалъ Царь съ негодованіемъ — «мнѣ ли прельщаться дарами нищихъ, когда могу всю Иверію наполнить серебромъ и засыпать золотомъ?» Онъ не хотѣлъ-было видѣть новаго Посла Иверскаго, Архимандрита Кирилла; но сей умный старецъ ясно доказалъ, что Нащокинъ и Леонтьевъ оклеветали Александра; сдѣлалъ еще болѣе: умолилъ Государя не казнить ихъ⁽⁸⁹⁾, и даль ему мысль, для будущаго вѣрнаго соединенія Грузіи съ Россіею, построить каменную крѣпость въ Таркахъ, мѣстѣ неприступномъ, изобильномъ и красивомъ — другую на Тузлукѣ, гдѣ большое озеро соляное, много сѣры и селитры — а третью на рѣкѣ Буйнакѣ, гдѣ никогда существовалъ городъ, будто бы Александромъ Македонскимъ основанный, и гдѣ еще стояли древнія башни среди садовъ виноградныхъ⁽⁹⁰⁾.

Для сего предпріятія немаловажнаго Государь избралъ двухъ знатныхъ Воеводъ, Окольничихъ Бутурлина и Плещеева, которые должны были, взявъ полки въ Казани и въ Астрахани, действовать вмѣстѣ съ Терскими Воеводами и ждать къ себѣ вспомогательной рати Иверской, клятвенно обѣщанной Посломъ отъ имени Александра. Не теряли времени и не жаждали денегъ,

выдавъ изъ казны не менѣе трехъ сотъ тысячъ рублей на издержки похода столь отдаленного и трудного (⁹¹). Войско, довольно многочисленное, выступило съ береговъ Терека (въ 1604 году) къ Каспійскому морю и видѣло единственно тыль непріятеля. Шавкаль, уже старецъ ветхій, лишенный зрѣнія, бѣжалъ въ ущелья Кавказа, и Россіяне заняли Тарки. Не льзя было найти лучшаго мѣста для строенія крѣпости: съ трехъ сторонъ высокія скалы могли служить ей вмѣсто твердыхъ стѣнъ; надлежало укрѣпить только отлогій скатъ къ морю, покрытый лѣсомъ, садами и нивами; въ горахъ били ключи и надѣляли жителей, посредствомъ многихъ трубъ, свѣжею водою. Тамъ, на высотѣ, гдѣ стоялъ дворецъ Шавкаловъ съ двумя башнями, Россіяне немедленно начали строить стѣну, имѣя все, для того нужное: лѣсъ, камень, извѣсть; назвали Тарки *Новымъ городомъ*; заложили крѣпость и на Тузлукѣ. Одни работали, другіе воевали, до Андріи или Эндрена и Теплыхъ Водъ, не встрѣчая важнаго сопротивленія; пѣшили людей въ селеніяхъ, брали хлѣбъ, отгоняли табуны и стада, но боялись недостатка въ сѣѣстvныхъ припасахъ: для того, въ глубокую осень, Бутурлинъ послалъ тысячу пять воиновъ зимовать въ Астрахань; къ счастію, они шли бережно: ибо сыновья Шавкаловы и Кумыки ждали ихъ въ пустыняхъ, напали смѣло, сражались мужественно, цѣлый день, а ночью бѣжали, оставивъ на мѣстѣ 3000 убитыхъ. О семъ крово-

пролитномъ дѣлѣ писали Воеводы въ Москву и къ Царю Иверскому, ожидая его войска по крайней мѣрѣ къ веснѣ, чтобы очистить всѣ горы отъ непріятеля, совершенно овладѣть Дагестаномъ и безпрепятственно строить въ немъ новыя крѣпости. Но не было слуха о вспомогательной рати, ни вѣстей изъ несчастной Грузіи. Александръ уже не обманывалъ Россію: онъ погибъ, и за нась!

Государь, отпустивъ Кирилла (въ Маѣ 1604) изъ Москвы, вмѣстѣ съ нимъ послалъ Дворянина Близней Думы, Михайла Татищева, во-первыхъ для утвержденія Грузіи въ нашемъ подданствѣ, во-вторыхъ и для семейственаго дѣла, еще тайного. Сей сановникъ (въ Августѣ 1604) не нашелъ Царя въ Загемѣ: Александръ былъ у Шаха, который строго велѣлъ ему явиться съ войскомъ въ станъ Персидской, не взирая на имя Россійского данника, и не страшася оскорбить тѣмъ друга своего, Бориса. Сынъ Александровъ, Юрій, принялъ Татищева не только ласково, но и раболѣпно; славилъ величіе Московскаго Царя и плакалъ о бѣдномъ отечествѣ. «Никогда (говорилъ онъ) Иверія не «бѣдствовала ужаснѣе нынѣшняго: стоимъ подъ «ножами Султана и Шаха; оба хотять нашей «крови и всего, что имѣемъ. Мы отдали себя «Россіи: пусть же Россія возметъ нась, не сло- «вомъ, а дѣломъ! Нѣть времени медлить: скоро «не кому будетъ здѣсь цѣловать креста въ без- «полезной вѣрности къ ея Самодержцу. Онъ

«могъ бы спасти нась. Турки, Персіяне, Кумыки силою къ намъ врываются; а васть зовемъ добровольно: придите и спасите! Ты видиши Иверію, ея скалы, ущелья, лебри: если поставите здѣсь твердыни и введете въ нихъ войско Русское, то будемъ истинно вапи, и цѣлы, и неубоимся ни Шаха, ни Султана» (92). Свѣдавъ, что Турки идутъ къ Загему, Юрій убѣжалъ Татищева дать ему своихъ Стрѣльцевъ для битвы съ ними: умный Посолъ долго колебался, опасаясь безъ указа Царскаго какъ бы объявить войну Султану; паконецъ рѣшился удостовѣрить тѣмъ Иверію въ дѣйствительномъ правѣ Борисовомъ именоваться ея верховнымъ Государемъ и далъ Юрію сорокъ Московскихъ воиновъ, которые присоединились къ пяти или шести тысячамъ Грузинскихъ, съ добавлѣемъ Сотникомъ Михайломъ Семовскимъ; пошли впереди (7 Октября) и встрѣтили Турковъ сильнымъ залпомъ. Сей первый звукъ нашего оружія въ пустыняхъ Иверскихъ изумилъ непріятеля: густая передовая толпа его вдругъ стала рѣже; онъ увидѣлъ новый строй, новыхъ воиновъ; узналъ Россіянъ, и дрогнулъ, не зная ихъ малаго числа. Юрій съ своими ударили мужественно, и болѣе гналъ, нежели сражался: ибо Турки бѣжали не оглядываясь. Казалось, что въ сей день воскресла древняя слава Иверіи: ея воины взяли четыре хоругви Султанскія и множество пленниковъ. Въ слѣдующій день Юрій одержалъ побѣду надъ хищными Кумыками,

явилъ народу трофеи, уже давно ему неизвѣстные, и всю честь приписалъ сподвижникамъ, горсти Россіянъ, славя ихъ какъ Героевъ.

Наконецъ Александръ возвратился изъ Персіи съ сыномъ Константиномъ, принявшимъ тамъ Магометанскую Вѣру (⁹³), какъ мы сказали. Аббасъ, самовластно располагая Иверію, велѣлъ Константину собрать ея людей воинскихъ, всѣхъ безъ остатка, и немедленно итти къ Шамахѣ; далъ ему 2000 своихъ лучшихъ ратниковъ, нѣсколько Хановъ и Князей; далъ и тайное повелѣніе, отгаданное умнымъ Татищевымъ, который безполезно остерегалъ Александра и Юрія, говоря, что дружина Персидская для нихъ еще опаснѣе, нежели для Турковъ; что Константинъ, измѣнивъ Богу Христіанскому, можетъ измѣнить и святымъ узамъ родства. Они не смѣли изъявить подозрѣнія, чтобы не разгневать могущественного Шаха; исполняли его указъ, собирали войско и предали себя убийцамъ. Готовясьѣ хать на обѣдъ къ Александру (12 Марта), Татищевъ вдругъ слышитъ стрѣльбу во дворцѣ, крикъ, шумъ битвы; посылаетъ своего толмача узнать, что дѣлается — и толмачъ, входя во дворецъ, видитъ Персидскихъ воиновъ съ обнаженными саблями, на землѣ кровь, трупы и двѣ отсѣченныя головы, лежащія предъ Константиномъ: головы отца его и брата! Константинъ-Мусульманинъ, уже объявленный Царемъ Иверіи Христіанской, приказалъ къ Татищеву, что Александръ убитъ нечаянно, а Юрій до-

стойно, какъ измѣнникъ Шаховъ и Государя Московскаго, другъ и слуга ненавистныхъ Турковъ; что сія казнь не перемѣняетъ отношеній Иверіи къ Россіи; что онъ, исполняя волю великаго Аббаса, брата и союзника Борисова, готовъ во всемъ усердствовать Царю Христіанскому. Но Татищевъ уже свѣдалъ истину отъ Вельможъ Грузинскихъ. Долго терпѣвъ связь Александрову съ Россіею, въ надеждѣ на содѣйствіе Царя въ войнѣ съ Оттоманами, Аббасъ, уже побѣдитель, не захотѣлъ болѣе терпѣть нашего, хотя и мнимаго господства въ землѣ, которая считалась достояніемъ его предковъ. Онъ вразумился въ систему Политики Борисовой;увидѣлъ, что мы, радуясь кровопролитію между имъ и Султаномъ, для себя избѣгаемъ онаго; велѣлъ сыну убить отца, будто бы за приверженность къ Туркамъ, но въ самомъ дѣлѣ за подданство Россіи, дерзкое и безразсудное для несчастнаго Александра (⁹⁴), который исканіемъ дальняго, невѣрнаго заступника раздражалъ двухъ ближнихъ угбѣсителей. Будучи только орудiemъ Аббасовой мести и плакавъ всю ночь прелъ совершиеніемъ гнуснаго отцеубійства, Константинъ увѣрялъ Борисова Посла, что Шахъ не имѣлъ въ томъ участія. «Родитель мой» (говорилъ онъ) «сдѣлался жертвою междоусобія «сыновей: несчастіе весьма обыкновенное въ «нашой землѣ! Самъ Александръ извелъ отца «своего, убилъ и брата: я тоже сдѣлалъ, не «зная, къ добру ли, къ худу ли для свѣта. По

«крайней мѣрѣ буду вѣрнымъ моему слову и заслужу милость Государя Россійскаго лучше Александра и Юрія; благодаренъ ему за крѣпости, основанныя имъ въ землѣ Шавкаловой, и скоро пришлю въ Москву богатые дары.» Татищевъ хотѣлъ не ковровъ и не тканей, а подданства; требовалъ отъ него клятвы въ вѣрности къ Россіи, и доказывалъ, что Царемъ Иверіи можетъ быть единствено Христіанинъ. Константинъ отвѣчалъ, что до времени останется Мусульманиномъ и подданнымъ Шаховымъ, но будетъ защитникомъ Христіанства и другомъ Россіи — прибавивъ: «гдѣ твердый «вашъ хребетъ, на который мы въ случаѣ нужды «могли бы опереться?» Съ симъ Татищевъ долженъ былъ выѣхать изъ Загема, торжественно объявивъ, что Борисъ не уступаетъ Иверіи Шаху, и что Аббасъ, самовластно казнивъ Александра рукою Константина, нарушилъ счастливое дружество, которое дотолѣ существовало между Персіею и Россіею. — Однимъ словомъ, мы лишились Царства: то есть, права называть его своимъ; но Татищевъ, не выѣзжая изъ Грузіи, нашелъ другое Царство для титула Борисова!»

Видя юнаго Феодора уже близкаго къ совершенному возрасту и снова предложивъ руку дочери Датскому Принцу (⁹⁵), но желая на всякий случай имѣть для нее другаго мужа въ готовности, Борисъ искалъ вдругъ и невѣсты и жениха въ отечествѣ славной Тамари, знаменитой су-

ируги Георгія Андреевича Боголюбскаго. Посоль Александровъ, Кирилль, хвалилъ нашимъ Боярамъ красоту Иверскаго Царевича, Дави-дова сына, Теймураса, и Княжны или Царевны Карталинской, Елены, внуки Симеоновой: Татищеву велико было видѣть ихъ; онъ не нашелъ Теймураса, отданаго Шаху въ аманаты, и по-ѣхалъ въ Карталинію, видѣть семейство ея Владѣтеля. Сія область древней Иверіи, менѣе под-верженая набѣгамъ Дагестанскихъ Кумыковъ, представляла и менѣе развалинъ, нежели Вос-точная Грузія или Кахетія. Тамъ господство-валъ отецъ Еленинъ, Князь Юрій, послѣ Си-меона, взятаго въ плѣнь Турками: онъ имѣлъ своихъ Князей присяжниковъ (Сонского и дру-гихъ), многочисленныхъ царедворцевъ, Бояръ и Святителей; угостиль Татищева въ шатрахъ, и съ изъявленіемъ благодарности выслушалъ его предложенія: первое, чтобы Юрій поддался Рос-сіи; второе, чтобы отпустилъ съ нимъ въ Мо-скву Елену и ближняго родственника своего, юнаго Князя Хоздроя, если они имѣютъ вѣ-достоинства, нужныя для чести вступить въ се-мейство Борисово. «Сія честь велика,» сказалъ усердный Посоль: «Императоръ и Короли Швед-скій, Датскій, Французскій искали ее ревност-но.» Судьба Александрова ужасала Юрія; но Татищевъ возражалъ, что сей несчастный погу-биль себя криводушіемъ, хотѣвъ служить вмѣ-стѣ Царамъ вѣрному и невѣрному, къ досадѣ обоихъ. «Желая угодить Аббасу (говорилъ онъ),

«Александръ не далъ намъ войска, чтобы астрем-
«бить Шавкала; оставилъ сына въ Персіи и доз-
«волилъ ему быть Магометаниномъ, то есть,
«острить пожъ на отца и Христіанство; сослалъ
«туда и внука, узнавъ о намѣреніи Государя
«выдать за него Царевну Ксению: ибо стра-
«шился, чтобы Теймурасъ не взялъ Грузіи въ
«приданое за Царевною; но могъ ли Великій
«Царь напѣ разлучиться съ нею для бѣднаго
«престола Загемскаго, имѣя у себя многія зна-
«менитѣйшія Княжества въ Удѣль мілому зятю?
«Александръ палъ, ибо не прямилъ Россіи, и не
«стопилъ ея спѣнаго вспоможенія.» Сорокъ Мо-
«сковскихъ Стрѣльцевъ спасли Загемъ: Тати-
«щевъ обязался немедленно прислать въ Картап-
«линію изъ Терской крѣпости 150 храбрѣйшихъ
«воиновъ, какъ передовую дружину, для безо-
«пасности будущаго свата Борисова — и Юрій
«съ обрядами священными назвалъ себя Россій-
«скимъ дапникомъ. Тѣмъ болѣе желая родствен-
«наго союза съ Царемъ, онъ представилъ на судъ
Татищеву жениха и невѣstu, сказавъ: «Отдаюсь
«Россіи и съ Царствомъ и съ душою. Князь
«Хоздрой воспитанъ мою матерью вмѣстѣ со
«мию и служить мнѣ правою рукою въ дѣлахъ
«ратныхъ; когда онъ въ полѣ, тогда могу быть
«спокоенъ дома. Дѣтей у меня двое: сынъ мое
«око, а дочь сердце: веселюсь ими и въ бѣд-
«ствіяхъ нашего отечества; но не стою за Еле-
«ну, когда такъ угодно Богу и Государю Россій-
«скому.» Въ донесеніи Царю, о женихѣ и невѣ-

стъ , Татищевъ пишеть : «Хоздрою 23 года отъ «рожденія ; онъ высокъ и строенъ ; лице у него «красиво и чисто , но смуглъ ; глаза свѣтлые ка- «ріе , носъ съ горбиною , волосы темнорусые , «усть тонкій ; бороду уже брѣть ; въ разговорахъ «уметь и рѣчистъ ; знаетъ языкъ Турецкій и «грамоту Иверскую ; однимъ словомъ , хорошошъ , «но не отличенъ ; вѣроятно , что полюбится , но «не вѣрно . . . Елену видѣлъ я въ шатрѣ у Ца- «рицы : она сидѣла между матерью и бабкою на «золотомъ коврѣ и жемчужномъ изголовьѣ , въ «бархатной одеждѣ съ кружевами , въ шапкѣ «украшенной каменьями драгоцѣнными . Отецъ «велѣлъ ей встать , снять съ себя верхнюю одеж- «ду и шапку ; вымѣрилъ ея ростъ деревцомъ и «подалъ мнѣ сю мѣрку , чтобы сличить съ дан- «ною отъ Государя . Елена прелестна , но не чрез- «вычайно : бѣла и еще нѣсколько блѣдится ; глаза «у нее черные , носъ не большой , волосы кра- «шеные ; станомъ прямая , но слишкомъ тонка отъ «молодости : ибо ей только 10 лѣтъ ; и въ лицѣ «не довольно полна . Старшій братъ Елинина «гораздо благовиднѣе .» Татищевъ хотѣлъ везти въ Москву невѣсту и жениха , говоря , что первая будетъ жить до совершенныхъ лѣтъ у Ца- рицы Маріи , учиться языку и навыкать обы- чаевъ Русскимъ . Отпустивъ съ нимъ Хоздроя , Юрій удержалъ Елену до новаго Посольства Царскаго , и тѣмъ избавилъ себя отъ слезъ раз- луки безполезной : ибо Елена уже не пашла бы въ Москвѣ своего жениха злосчастнаго ! Татищевъ

долженъ былъ оставить и Хоздроя , для его безопасности , въ землѣ Сонской , узнавъ , что случилось въ Дагестанѣ , гдѣ Турки отмстили намъ съ лихвою за герой- бѣдствіе Россіи
ство Московскихъ Стрѣльцевъ въ Иверіи , и гдѣ въ нѣсколько дней мы лишились линъ въ Дагестанѣ .
всего , кромѣ доброго имени воинскаго !

Отношенія Россіи къ Константинополю были странны : Турки въ Іоанново время безъ объявленія войны приступали къ Астрахани , а въ Феодорово и къ самой Москвѣ подъ знаменами Крыма ; а Цари еще увѣряли Султановъ въ дружелюбіи ⁽⁹⁶⁾ , удивляясь симъ непріятельскимъ дѣйствіямъ какъ ошибкѣ или недоразумѣнію . Утѣсненный нами Шавкалъ , тщетно ожидавъ вспоможенія отъ Аббаса , искалъ защиты Магомета III , который велѣлъ Дербентскому и другимъ Пашамъ своимъ въ областяхъ Каспійскихъ изгнать Россіянъ изъ Дагестана . Турки соединились съ Кумыками , Лезгинцами , Аварами , и весною въ 1605 году подступили къ Койсѣ , гдѣ начальствовалъ Князь Владиміръ Долгорукій , имѣя мало воиновъ : ибо полки , ушедши зимовать въ Астрахань , еще не возвратились . Долгорукій зажегъ крѣпость , сѣлъ на суда и моремъ приплылъ въ городокъ Терскій ⁽⁹⁷⁾ ; а Паши осадили Бутурлина въ Таркахъ . Сей Воевода , уже старецъ лѣтами , славился доблестію : худо

ограждаемый стѣною, еще недостроенною, онъ терялъ много людей, но отразилъ нѣсколько приступовъ. Часть стѣны разрушилась, и каменная башня, подорванная осаждающими, взлетѣла на воздухъ съ лучшою дружиною Московскихъ Стрѣльцевъ (98). Бутурлинъ еще мужествовалъ, однако же видѣлъ невозможность спасти городъ, слушалъ предложенія Султанскихъ чиновниковъ, колебался, и наконецъ, вопреки мнѣнію своихъ товарищѣй, рѣшился спасти хотя одно войско. Главный Паша самъ былъ у него въ ставкѣ, пировалъ и клялся ему выпустить Россіянъ съ честію, съ доспѣхами, и надѣлить всѣми нужными запасами. Но вѣроломные Кумыки, давъ нашимъ свободный путь изъ крѣпости до степи, вдругъ окружили ихъ и начали страшное кровопролитіе. Пишутъ, что добрые Россіяне единодушно обрекли себя на славную гибель; бились съ непріятелемъ злымъ и многочисленнымъ въ рукопашь, человѣкъ съ человѣкомъ, одинъ съ тремя, боясь не смерти, а плены. Изъ первыхъ, въ глазахъ отца, палъ сынъ главнаго начальника, Бутурлина, прекрасный юноша; за нимъ его старецъ-родитель; также и Воевода Плещеевъ съ двумя сыновьями, Воевода Полевъ, и всѣ, кромѣ тяжело-уязвленнаго Князя Владимира Бахтѣярова и другихъ немногихъ, взятыхъ за-мертво непріятелемъ, по послѣ освобожденныхъ Султаномъ. — Сія битва несчастная, хотя и славная для побѣженныхъ, стоила цамъ отъ шести до семи тысячъ воиновъ,

и на 118 лѣтъ изгладила слѣды Россійскаго владѣнія въ Дагестанѣ.

Татищевъ возвратился уже въ новое царствованіе (⁹⁹) и Борисъ, не имѣвъ времени узнатъ о возведеніи отцеубійцы-Мусульмана на престолъ Иверіи, до конца дней своихъ былъ другомъ Аббасу, какъ врагу явнаго, опаснаго врага нашего, Султана, противъ коего мы ревностно возбуждали тогда и Азію и Европу.

Въ самыхъ переговорахъ съ Англію Борисъ изъявлялъ желаніе, чтобы всѣ Христіанскія Державы единодушно возстали на Оттоманскую. «Не только Послы Императора и Римскіе» (¹⁰⁰) — писалъ онъ къ Елизаветѣ — «но и другіе иноzemные путешественники увѣряли насъ, что ты будто бы въ тѣсной связи съ Султаномъ: «мы дивились и не вѣрили. Нѣть, ты не будешь никогда дружить злодѣямъ Христіанства, и конечно пристанешь къ общему союзу Государей Европейскихъ, чтобы унизить высокую руку невѣрныхъ: щѣль достойная тебя и всѣхъ насть!» Но Елизавета имѣла въ виду только выгоды своего купечества, и для того ласкала самолюбію Царя знаками чрезвычайного къ нему уваженія. Посланника нашего, Дворянина Микулина, встрѣтили въ Лондонѣ съ необыкновенною честію: въ гавани и въ крѣпости стрѣляли изъ пушекъ, когда

друже-
ство
съ Ан-
гліею.

быть (18 Сент. 1600) плывъ Темзою и ѿхалъ го-
родомъ въ Елисаветиной каретѣ, провождаемой
тремя стами чиновныхъ всадниковъ, Алдерма-
нами, купцами въ богатомъ нарядѣ, въ золо-
тыхъ цѣпяхъ (¹⁰¹). Улицы были тѣсны для мно-
жества зрителей. Знаменитому гостю, въ одномъ
изъ лучшихъ домовъ Лондона, служили Короле-
вины люди: Елисавета прислала ему изъ своей
казны блюда, чаши и кубки серебряные. Угады-
вали и сиѣшили исполнять его желанія; но онъ
вель себя умно и скромно: за все благодарили и
ничего не требовалъ. Представленіе было въ
Ричмондѣ (14 Октября): Елисавета встала съ
мѣста и иѣсколько шаговъ ступила на встрѣчу
Посланнику; славила воцареніе Бориса, своего
брата сердечнаго, издавна милостиваго къ Англи-
чанамъ; говорила, что ежедневно молится о
немъ Богу; что имѣеть друзей между Госуда-
рями Европейскими, но никого изъ нихъ не лю-
бить столь вседушно, какъ Самодержца Россій-
скаго (¹⁰²); что одно изъ ея главныхъ удоволь-
ствій есть исполнять его волю. Микулинъ обѣ-
далъ у Королевы, и только одинъ сидѣлъ съ
нею: Лорды и знатные чиновники не садились;
она стоя пила чашу Борисову. Приглашаемый
быть зрителемъ всего любопытнаго, Посланникъ
нашъ видѣть Рыцарскія игры въ день восше-
ствія на престолъ Елисаветы, праздникъ Орден-
скій Св. Георгія, богослуженіе въ церкви Св.
Павла и торжественный вѣздръ Королевы въ
Лондонъ, ночью, при свѣтѣ факеловъ и звукѣ

трубъ, со всѣми Перами и царедворцами, среди безчисленнаго множества гражданъ, исполненныхъ усердія и любви къ своей Монархинѣ. Елисавета вездѣ благодарила Микулина за его присутствіе, и въ ласковыхъ съ нимъ бесѣдахъ никогда не забывала хвалить Бориса и Россіянъ. Плѣненный ея милостями, сей Посланникъ имѣлъ случай оказать ей свое усердіе. Въ день ужасный для Лондона (18 Февраля 1601), когда несчастный Эссексъ, дерзнувъ объявить себя мятежникомъ, съ пятью стами преданныхъ ему людей шелъ овладѣть крѣпостію — когда всѣ улицы, замкнутыя цѣпями, наполнились воинами и гражданами въ доспѣхахъ — Микулинъ вмѣстѣ съ вѣрными Англичанами вооружился для спасенія Елисаветы, какъ сама она, утишивъ бунтъ, писала къ Царю, славя доблесть его сановника (¹⁰³). — Однимъ словомъ, сіе Посольство утвердило личное дружество между Борисомъ и Королевою. Хотя Елисавета, будучи врагомъ Испаніи и Австріи, не могла принять мысли Борисовой о новомъ Крестовомъ Походѣ или союзѣ всѣхъ Державъ Христіанскихъ для изгнанія Турковъ изъ Европы, но удостовѣрила его въ томъ, что никогда не мыслила о вспоможеніи Султану, и что ревностно желаетъ успѣха Христіанскому оружію. Царь имѣлъ и другое сомнѣніе: онъ слышалъ, что Англія благопріятствуетъ Сигизмунду въ войнѣ съ Шведскимъ Правителемъ; но Елисавета старалась доказать ему, что и Вѣра и Политика предписываютъ ей

усердствовать Карлу. Довольный сими объясненіями, Борисъ далъ новую жалованную грамоту Англичанамъ для свободной, беспошлинной торговли въ Россіи, съ особеннымъ благоволеніемъ принялъ Посланника Елизаветина, Ричарда Ли (¹⁰⁴), коего главнымъ дѣломъ было увѣрить Царя въ ея дружбѣ и величать его добродѣтели. «Вселенная полна славы твоей,» писалъ къ нему Ли, выѣзжая изъ Россіи: «ибо ты, сильнейший изъ Монарховъ, доволенъ своимъ, не желая чужаго. Враги хотятъ быть съ тобою въ мирѣ отъ страха, а друзья въ союзѣ отъ любви и довѣренности. Когда бы все Христіанскіе Вѣнценосцы мыслили подобно тебѣ, тогда бы царствовала тишина въ Европѣ, и ни Султанъ, ни Папа не могли бы возмутить ся спокойствіемъ.» Узнавъ, что Борисъ имѣеть намѣреніе женить сына, Королева (въ 1603 году) предлагала ему руку знатной, одиннадцатилѣтней Англичанки, украшенной рѣдкими прелестями и достоинствами; вызывалась немедленно прислать живописное изображеніе сей и другихъ красавицъ Лондонскихъ, и желала, чтобы Царь до того времени не искалъ другой супруги для юнаго Феодора. Но Борисъ хотѣлъ прежде знать, кто невѣста, и родня ли Королевѣ, увѣряя, что многіе великіе Государи требуютъ чести соединить бракомъ дѣтей своихъ съ его семействомъ. Кончина Елизаветы, столь знаменитой въ лѣтописяхъ Британскихъ, достопамятной и въ нашей Исторіи долговременною пріязнью къ Россіи,

устранила дѣло о сватовствѣ, не прервавъ дружественной связи между Англіею и Царемъ. Новый Король, Іаковъ I (¹⁰⁵), не замедлилъ извѣстить Бориса о соединеніи Шотландіи съ Англіею, и писалъ: «наслѣдовавъ престолъ моей «тетки, желаю наслѣдовать и твою къ ней любовь.» Посоль Іакова, Омара Смитъ, (въ Октябрѣ 1604) представивъ Борису въ даръ великолѣпную карету и нѣсколько сосудовъ серебряныхъ (¹⁰⁶), сказалъ ему, что «Король, Англійскій и Шотландскій, сильный воинствомъ, морскимъ и сухопутнымъ, еще сплынѣйшій любовью народною, только одного Московскаго Вѣнценосца проситъ о дружбѣ: ибо всѣ иные Государи Европейскіе сами ищутъ въ Іаковѣ; что онъ имѣетъ двоякое право на сю дружбу, требуя оной въ память великой Елизаветы и своего незабвенного шурина, Датскаго Герцога Іоанна, коего Царь любилъ столь иѣжно и столь горестно оплакалъ.» Борисъ сказалъ, что ни съ однимъ изъ Монарховъ не былъ онъ въ такой сердечной любви, какъ съ Елизаветою, и что желаетъ на всегда оставаться другомъ Англіи. Сверхъ права торговать безпошлино во всѣхъ нашихъ городахъ, Іаковъ требовалъ свободнаго пропуска Англичанъ чрезъ Россію въ Персію, въ Индію и въ другія Восточные земли для отысканія пути въ Китай, ближайшаго и вѣрнѣйшаго, нежели моремъ, около мыса Доброй Надежды, къ обоядной пользѣ Англіи и Россіи, изъясняя, что драгоценности, перевозимыя купцами изъ земли

въ землю , оставляютъ на пути слѣды золотые. Бояре удостовѣрили Посла въ неизмѣнной силѣ милостивыхъ грамотъ, данныхыхъ Царемъ гостямъ Лондонскимъ, но объявили , что жестокая война пылаетъ на берегахъ Каспійскаго моря ; что Аббасъ приступаетъ къ Дербенту, Бакѣ и Шамахѣ ; что Царь до времени не можетъ пустить туда Англичанъ, для ихъ безопасности. Съ такимъ отвѣтомъ Смитъ выѣхалъ изъ Москвы (20 Марта 1605). Уже не было рѣчи о государственномъ союзѣ Англіи съ Россіею ; одна торговля служила твердою связью между ими, будучи равно выгодною для обѣихъ.

Предпочтительно благопріятствуя сей торговлѣ, какъ важнѣйшей для Россіи, Борисъ не усомнился однакожь дать и Нѣмецкимъ гостямъ права новыя. Еще не довольная Феодоровою жалованною грамо-
Ганза. тою , Ганза прислала въ Москву Любскаго Бургомистра Гермерса , трехъ Ратсгеровъ и Секретаря своего, которые (3 Апрѣля 1603) поднесли въ даръ Государю и сыну его литыя серебряныя , вызолоченыя изображенія Фортуны, Венеры , двухъ большихъ орловъ , двухъ коней, льва , единорога , носорога , оленя , струса , пеликана , грифа и павлина (¹⁰⁷). Купцевъ приняли какъ знатнѣйшихъ Вельможъ ; угостили обѣдомъ на золотѣ. Отъ имени пятидеся-

ти-девяти Нѣмецкихъ союзныхъ городовъ они вручили Боярамъ чѣлобитную, писанную убѣдительно и смиренно. Въ ней было сказано, что древность ихъ торговли въ нашемъ отечествѣ исчисляется не годами, а столѣтіями; что въ самыя отдаленные времена, когда Англичане, Голландцы, Французы едва знали имя Россіи, Ганза доставляла ей все нужное и пріятное для жизни гражданской, и за то искони пользовалась благоволеніемъ Державныхъ предковъ Царя, правами и выгодами исключительными: о возвращеніи сихъ правъ молила Ганза, славя Бориса; желала торговли безпошлинной; хотѣла, чтобы онъ дозволилъ ей свободно купечество-вать и въ пристаняхъ Сѣвернаго моря, въ Кол-могорахъ, въ Архангельскѣ, и даль гостиные дворы въ Новѣгородѣ, Псковѣ, Москвѣ, съ право-мъ имѣть тамъ церкви, какъ въ старину бы-вало; требовала ямскихъ лошадей для перевоза своихъ товаровъ изъ мѣста въ мѣсто, и проч. Царь сказалъ, что въ Россіи беруть таможен-ную пошлину съ купцевъ Императора, Королей Испанскаго, Французскаго, Литовскаго, Дат-скаго; что жители вольныхъ Нѣмецкихъ горо-довъ должны платить ее, какъ и всѣ, но что половина ся, въ знакъ милости, уступается Люб-чанамъ (¹⁰⁸): ибо другіе Нѣмцы суть подданные разныхъ Властителей, для коихъ ничто не обя-зываетъ насъ быть столь безкорыстными; что одни же Любчане избавляются отъ всякаго та-моженнаго осмотра, сами заявляя и цѣня свои

товары по совѣсти; что Ганзѣ дозволяется тор-
говать въ Архангельскѣ, также купить или за-
вести гостиные дворы въ Новѣгородѣ, Псковѣ
и Москвѣ своимъ иждивеніемъ, а не Государе-
вымъ; что всякая Вѣра терпима въ Россіи, но
строить церквей не дозволяется ни Католикамъ,
ни Лутеранамъ, и что въ семъ отказано знат-
иѣйшимъ Вѣнценосцамъ Европы, Императору,
Королевѣ Елисаветѣ и проч.; что ямы учреж-
дены въ Россіи не для купечества, а единственно
для гонцевъ Правительства и для Пословъ чуже-
земныхъ. Въ такомъ смыслѣ написали жало-
ванную грамоту (5 Іюня), съ прибавленіемъ, что
имѣніе гостей, умирающихъ въ Россіи, непри-
косновенно для Казны и въ цѣлости отдается
ихъ наслѣдникамъ; что Нѣмцы въ домахъ сво-
ихъ могутъ держать вино Русское, пиво и медъ
для своего употребленія, а продавать единствен-
но чужеземныя вина, въ куфахъ или въ боч-
кахъ, но не ведрами и не въ стопы. — Съ сюю
жалованною грамотою Послы выѣхали въ Нов-
городъ, представили ее тамъ Воеводѣ, Князю
Буйносову-Ростовскому, и требовали мѣста для
строепія домовъ и лавокъ; но Воевода ждалъ
еще особенного указа, и долго, такъ, что они,
лишась терпѣнія, уѣхали во Псковъ, гдѣ были
счастливѣ: градоначальникъ немедленно отвелъ
имъ, на берегу рѣки Великой, въ города, мѣсто
старого гостиного двора Нѣмецкаго, то есть,
его развалины, памятникъ древней цвѣтущей
торговли въ знаменитой Ольгиной родинѣ. Жи-

тели радовались не менѣе Любчанъ , воспоминая преданія о счастливомъ союзѣ ихъ города съ Ганзою ; но минувшее уже не могло возвратиться, отъ перемѣны въ отношеніяхъ Ганзы къ Европѣ и Пскова къ Россіи . Оставивъ повѣренныхъ, чтобы изготовить все нужное для заведенія Конторы въ Новѣгородѣ и Псковѣ , Гермерсь и товарищи его спѣшили обрадовать Любекъ успѣхомъ своего лѣта — и въ 1604 году корабли Гамбургскіе уже начали приходить въ Архангельскъ (¹⁰⁹).

Между Европейскими Посольствами замѣтимъ еще Римскія и Флорентійское . Въ посольствѣ 1601 году были въ Москвѣ Нунціи Кли-Римскія мента VIII, Францискъ Коста и Дидацъ и Флорентій-Миранда , ское. а другіе въ 1603 году, требуя лазволенія Ѣхать въ Персію (¹¹⁰) : Царь велѣлъ имъ дать суда , чтобы плыть Волгою въ Астрахань . — Фердинандъ, Великій Герцогъ Тосканскій и Флорентійскій, одинъ изъ знаменитыхъ Властителей славнаго рода Мелицсовъ , великодушный другъ Генрика IV , присыпалъ къ Борису (въ Мартѣ 1602) чиновника Авраама Люса, съ предложеніемъ своихъ услугъ для вызова въ Россію людей ученыхъ , художниковъ , ремесленниковъ , и для доставленія ей богатыхъ естественныхъ произведеній Италіи , особенно мрамора и дерева драгоцѣннаго , moreover чрезъ наши Двинскія гавани (¹¹¹).

Греки въ Москвѣ. Не имѣя никакого сношенія съ Магометомъ III, ни съ его наслѣдникомъ, Ахметомъ I (¹¹²), мы узнавали всѣ происшествія Константинопольскія отъ Греческихъ Святителей, которые непрестанно являлись въ Москвѣ за милостьющею, съ иконами и съ благословеніемъ Патріарховъ. Еще Іоаннъ далъ Аѳонской Введенской Обители дворъ въ Китаѣ-городѣ у монастыря Богоявленскаго, гдѣ приставали ся странники-Иноки и другіе Греки, искашившіе службы въ Россіи (¹¹³). Извѣстія сихъ напихъ ревностныхъ елиновѣрцевъ о затрудненіяхъ и худомъ внутреннемъ состояніи Оттоманской Имперіи удостовѣряли Бориса въ безопасности съ ея стороны, по крайней мѣрѣ на нѣсколько времени.

Дѣла Ногайскія.

Государственная хитрость Борисова, по словамъ Лѣтописца, всего успѣшнѣе дѣйствовала въ Ногайскихъ Улусахъ, ослабленныхъ и разоренныхъ междуусобиемъ ихъ Властителей, коихъ будто бы ссорили Намѣстники Астраханскіе (¹¹⁴). Вопреки Лѣтописцу, бумаги государственные представляютъ Бориса миротворцемъ Ногаевъ, по крайней мѣрѣ главнаго ихъ Улуса, Волжскаго или Уральскаго, который со временъ знаменитаго отца Сююнбеки, Юсуфа, имѣлъ всегда одного Князя и трехъ чиновниковъ-Властителей: Нурадына, Тайбугу и Кокувата (¹¹⁵), по тогда повиновался

двумъ Князьямъ, Иштереку, сыну Тинъ-Ахматову, и Янараслану, Урусову сыну, исполненнымъ ненависти другъ ко другу. На приказъ Борисовъ, чтобы они жили въ любви и въ братствѣ, Янарасланъ отвѣчалъ : « Царь Московскій «желаетъ чуда : велитъ овцамъ дружиться съ «волками и пить воду изъ одной проруби ! » Бояринъ Семенъ Годуновъ, уполномоченный Царемъ, пріѣхалъ въ Астрахань, собралъ тамъ (въ Ноябрѣ 1604) Ногайскихъ Вельможъ, объявилъ Иштерека первымъ или старѣйшимъ Княземъ и взялъ съ него клятвенную грамоту въ томъ, чтобы ему и всему Исмаилову племени служить Россіи и биться съ ея врагами до послѣдняго издыханія, не давать никому Княжескаго и Нурадынскаго достоинства безъ утвержденія Государева, не имѣть войны междуусобной, не сноситься съ Шахомъ, Султаномъ, Ханомъ Крымскимъ, Царями Бухарскимъ и Хивинскимъ, Ташкенцами, Ордою Киргизскою, Шавкаломъ и Черкесами — кочевать въ степяхъ Астраханскихъ у моря, по Тереку, Кумѣ и Волгѣ около Царицына — перезвать къ себѣ Улусъ Казыевъ или овладѣть имъ, чтобы отъ моря Чернаго до Каспійскаго и далѣе, на Востокъ и Сѣверъ, не было въ степяхъ иной Орды Ногайской, кромъ Иштерековой, вѣрной Царю Московскому. Улусъ Казыевъ, отдѣляясь отъ Волжскаго и кочуя близъ Азова съ своимъ Княземъ Барангазыемъ, зависѣль отъ Турковъ и Крымцевъ, часто искалъ милости въ Царѣ, обѣ-

щалъ служить Россіи , въроломствовалъ и грабилъ въ ея владѣніяхъ : чтобы унять или совершенно истребить его , Борисъ велѣлъ Донскимъ Козакамъ помочь Иштереку , и приславъ ему въ даръ богатую саблю , писалъ : «она будетъ или на шеѣ злодѣевъ Россіи или на твоей собственной.» Сей Князь исполнилъ условіе и непрестанно тѣснилъ Ногаевъ Азовскихъ , такъ , что многіе изъ нихъ сдѣлались нищими и продавали дѣтей своихъ въ Астрахани . — Третій Ногайскій Улусъ (¹¹⁶) , именуясь Альтаульскимъ , занималъ степи въ окрестностяхъ Синяго моря или Арала , и находился въ тѣсной связи съ Бухаріею и съ Хивою : Иштерекъ долженъ былъ также склонять его Мурзъ къ подданству Россійскому , соединенному съ важною выгодою въ торговлѣ : Борисъ , дозволяя вѣрнымъ Ногаямъ мирно купечествовать въ Астрахани , освобождалъ ихъ отъ всякой пошлины .

Представивъ въ семъ обозрѣніи важнѣйшія дѣйствія Борисовой Политики , Европейской и Азіатской — Политики вообще благоразумной , не чуждой властолюбія , но умѣреннаго : болѣе охранительной , нежели стяжательной — представимъ дѣйствія Борисовы внутри Государства , въ законодательствѣ и въ гражданскомъ образованіи Россіи .

Въ 1599 году Борисъ, въ знакъ любви ^{жалованная грамота Патриарху} къ Патріарху Іову, возобновилъ жалованную грамоту, данную Іоанномъ Митрополиту Аѳанасію, такого содержанія, что всѣ люди Первосвятителя, его монастыри, чиновники, слуги и крестьяне ихъ освобождаются отъ вѣдомства Царскихъ Бояръ, Намѣстниковъ, Волостелей, Тіуновъ, и не судятся ими ни въ какихъ преступленіяхъ, кромѣ душегубства, завися единственно отъ суда Патріаршаго; увольняются также отъ всякихъ податей казенныхъ. Сіе древнее государственное право нашего Духовенства оставалось неизмѣннымъ и въ царствованіе Василія Шуйскаго, Михаила и сына его (¹¹⁷).

Законъ обѣ укрѣпленій сельскихъ работниковъ, цѣлію своею благопріятный для владѣльцевъ среднихъ или неизбыточныхъ, какъ мы сказали (¹¹⁸), имѣлъ однакожь и для нихъ вредное слѣдствіе, частыми побѣгами крестьянъ, особенно изъ селеній мелкаго Дворянства: владѣльцы искали бѣглецовъ, жаловались другъ на друга въ ихъ укрывательствѣ, судились, разорялись (¹¹⁹). Зло было столь велико, что Борисъ, не желая совершенно отмѣнить закона благонамѣреннаго, рѣшился объявить его только времененнымъ, и въ 1601 году снова дозволилъ земледѣльцамъ гospодъ малочиновныхъ, Дѣтей Боярскихъ

и другихъ, вездѣ, кромѣ одного Московскаго Уѣзда, переходить въ извѣстный срокъ отъ владѣльца къ владѣльцу *того же состоянія*, но не всѣмъ вдругъ, и не болѣе, какъ по два вмѣстѣ; а крестьянамъ Бояръ, Дворянъ, знатныхъ Дьяковъ, и казенными, Святительскими, монастырскими вельмь оставаться безъ перехода на означенныи 1601 годъ (¹²⁰). Увѣряютъ, что измѣненіе устава древняго и нетвердость новаго, возбулившъ негодованіе многихъ людей, имѣли вліяніе и на бѣдственную судьбу Годунова; но сіе любопытное сказаніе Историковъ XVIII вѣка (¹²¹) не основано на извѣстіяхъ современниковъ, которые единогласно хвалятъ мудрость Бориса въ дѣлахъ государственныхъ.

Хвалили его также за ревность искоренять грубые пороки народа. Несчастная страсть къ крѣпкимъ напиткамъ, болѣе или менѣе свойственная всѣмъ народамъ Сѣвернымъ, долгое время была осуждаема въ Россіи единственно учителями Христіанства и миѳиемъ людей нравственныхъ. Иоаннъ III и внукъ его хотѣли ограничить ся неумѣренность закономъ, и наказывали оную какъ гражданское преступленіе (¹²²). Можетъ быть, не столько для умноженія Царскихъ доходовъ, сколько для обузданія невоздержныхъ, Иоаннъ IV налагалъ пошлину на вареніе пива и меда. Въ Феодорово время существовали въ большихъ городахъ

казенные пивные дома, где продавалось и вино хлебное (¹²³), неизвестное в Европе до XIV века; но и многие частные люди торговали крепкими напитками, к распространению пьянства: Борис строго запретил сюю вольную продажу, объявив, что скорее помилует вора и разбойника, нежели корчевников; убеждал их жить иным способом и честными трудами; обещал дать им земли, если они желают заняться хлебопашеством (¹²⁴): но хотевъ тѣмъ, какъ пишутъ, воздержать народъ от страсти равно вредной и гибкой, Царь не могъ истребить корчевства, и самые казенные пивные дома, наперевривъ откупаемые за высокую цѣну, служили мѣстомъ разврата для людей слабыхъ.

Въ усердной любви къ гражданскому образованію Борисъ превзошелъ всѣхъ древнейшихъ Вѣнценосцевъ Россіи, имѣвъ намѣреніе завести школы и даже Университеты (¹²⁵), чтобы учить молодыхъ Россіянъ языкамъ Европейскимъ и Наукамъ: въ 1600 году онъ послалъ въ Германію Нѣмца, Иоанна Крамера, уполномочивъ его искать тамъ и привезти въ Москву Профессоровъ и Докторовъ. Сія мысль обрадовала въ Европѣ многихъ ревностныхъ друзей просвѣщенія: одинъ изъ нихъ, учитель Правъ, именемъ Товіа Лонціусъ, писалъ

Любовь
Борисова къ
просвѣщенню
и къ
иноzemцамъ.

къ Борису (въ Генварѣ 1601) : «Ваше Царское Величество хотите быть истиннымъ отцемъ отечества и заслужить всемирную , бессмертную славу. Вы избраны Небомъ совершить дѣло великое , новое для Россіи : просвѣтить умъ вашего народа несмѣтнаго , и тѣмъ возвысить его душу вмѣстѣ съ государственнымъ могуществомъ , слѣдя примѣру Египта , Греціи , Рима и знаменитыхъ Державъ Европейскихъ , цвѣтущихъ Искусствами и Науками благородными.» Сіе важное намѣреніе не исполнилось , какъ пишутъ , отъ сильныхъ возраженій Духовенства , которое представило Царю , что Россія благоденствуетъ въ мірѣ единствомъ Закона и языка ; что разность языковъ можетъ произвести и разность въ мысляхъ , опасную для Церкви (¹²⁶) ; что во всякомъ случаѣ неблагоразумно ввѣрить ученіе юношества Католикамъ и Лютеранамъ . Но оставивъ мысль заводить Университеты въ Россіи , Царь послалъ 18 молодыхъ Боярскихъ людей въ Лондонъ , въ Любекъ и во Францію , учиться языкамъ иноземнымъ , такъ же , какъ молодые Англичане и Французыѣздали тогда въ Москву учиться Русскому . Умомъ естественнымъ понявъ великую истину , что народное образованіе есть сила государственная , и видя несомнительное въ опомъ превосходство другихъ Европейцевъ , онъ звалъ къ себѣ изъ Англіи , Голландіи , Германіи , не только лекарей , художниковъ , ремесленниковъ , но и людей чиновныхъ въ службу . Такъ Посланникъ напѣ ,

Микулинъ , сказалъ въ Лондонѣ тремъ путешествующимъ Баронамъ Нѣмецкимъ , что если они желаютъ изъ любопытства видѣть Россію , то Царь съ удовольствіемъ приметъ ихъ и съ честію отпустить ; но если , любя славу , хотятъ служить ему умомъ и мечемъ въ дѣлѣ воинскому , наравнѣ съ Князьями Владѣтельными , то удивляться его ласкѣ и милости (¹²⁷). Въ 1601 году Борисъ съ отмѣннымъ благоволеніемъ принялъ въ Москву 35 Ливонскихъ Дворянъ и гражданъ , изгнанныхъ изъ отечества Поляками . Они не смѣли итти во дворецъ , будучи худо одѣты : Царь велѣлъ сказать имъ : « хочу видѣть людей , а не платье ; » обѣдалъ съ ними ; утѣшалъ ихъ и тронулъ до слезъ увѣреніемъ , что будетъ имъ вмѣсто отца : Дворянъ сдѣлаетъ Князьями , мѣщанъ Дворянами ; далъ каждому , сверхъ богатыхъ тканей и соболей , пристойное жалованье и цомѣстье (¹²⁸) , не требуя въ возмездіе ничего , кроме любви , вѣрности и молитвы о благоденствіи его Дома . Знатиѣйший изъ нихъ , Тизенгаузенъ , клялся именемъ всѣхъ умереть за Бориса , и сіи добрые Ливонцы , какъ увидимъ , не обманули Царя , съ ревностію вступивъ въ его Нѣмецкую дружину . Вообще благосклонный къ людямъ ума образованнаго , онъ чрезвычайно любилъ своихъ иноземныхъ Медиковъ (¹²⁹) , ежедневно видѣлся съ ними , разговаривалъ о дѣлахъ государственныхъ , о Вѣрѣ ; часто просилъ ихъ за него молиться , и только въ удовольствіе имъ согласился на возобновленіе Лютеранской

церкви въ Слободѣ Яузской. Пасторъ сей церкви, Мартинъ Берь, коему мы обязаны любопытною Исторіею временъ Годунова и слѣдующихъ, пишетъ : «мирно слушая «ученіе Христіанское и торжественно славя «вословія Всевышняго по обрядамъ Вѣры «своей, Нѣмцы Московскіе плакали отъ «радости, что дожили до такого счастія!»

Признательность иноземцевъ къ милостямъ Царя не осталась безплодною для его славы : мужъ ученый, Фидлеръ, житель Кенигсбергскій (брать одного изъ Борисовыхъ Медиковъ) сочинилъ ему въ 1602 году на Латинскомъ языке похвальное слово (¹³⁰), которое читала Европа, и въ коемъ Ораторъ уподобляетъ своего Героя Нумъ, превознося въ немъ законодательную мудрость, миролюбіе и чистоту нравовъ. Сю послѣднюю хвалу дѣйствительно заслуживалъ Борисъ, ревностный наблюдатель всѣхъ уставовъ церковныхъ и правиль благочинія, трезвый, воздержный, трудолюбивый, врагъ забавъ суетныхъ и пріемѣръ въ жизни семейственной, супругъ, родитель нѣжный, особенно къ милому, ненаглядному сыну, котораго онъ любилъ до слабости (¹³¹), ласкалъ непрестанно, называлъ своимъ велителемъ, не пускалъ никуда отъ себя, воспитывалъ съ отмѣннымъ стараніемъ, даже училъ Наукамъ : любопытнымъ памятникомъ географиче-

По-
хваль-
ное
слово
Году-
нову.

Горяч-
ность
Бори-
сова къ
сыну.

скихъ свѣдѣній сего Царевича осталась ландкарта Россіи, изданная подъ его именемъ въ 1614 году Нѣмцемъ Герардомъ⁽¹³²⁾. Готовя въ сынъ достойнаго Монарха для великой Державы и заблаговременно пріучая всѣхъ любить Феодора, Борисъ въ дѣлахъ внѣшнихъ и внутреннихъ давалъ ему право ходатая, заступника, умиротворителя⁽¹³³⁾; ждалъ его слова, чтобы оказать милость и спокойствіе, действуя и въ семъ случаѣ безъ сомнѣнія какъ искусный Политикъ, но еще болѣе какъ страстный отецъ, и своимъ семейственнымъ счастіемъ доказывая, сколь неизъяснимо сліяніе добра и зла въ сердцѣ человѣческомъ!

Но время приближалось, когда сей мудрый Властитель, достойно славимый тогда въ Европѣ за свою разумную Политику, любовь къ просвѣщенію, ревность быть истиннымъ отцемъ отечества, — наконецъ за благоправіе въ жизни общественной и семейственной, долженъ былъ вкусить горькій плодъ беззаконія и сдѣлаться одною изъ удивительныхъ жертвъ суда Небеснаго. Предтечами были внутреннее беспокойство Борисова сердца и разные бѣдственные случаи, коимъ онъ еще усиленно противоборствовалъ твердостію духа, чтобы вдругъ оказать себя слабымъ и какъ бы беспомощнымъ въ послѣднемъ явленіи своей судьбы чудесной.

ГЛАВА II.

ПРОДОЛЖЕНІЕ ЦАРСТВОВАНІЯ БОРИСА.

Г. 1600 — 1605.

Блестящее властнованіе Годунова. Молитва о Царѣ. Подозрѣнія Борисовы. Гоненія. Голодъ. Новыя зданія въ Кремль. Разбои. Порочные нравы. Мнимыя чудеса. Явленіе Самозванца. Поведеніе и наружность обманщика. Іезуиты. Свиданіе Лжедимитрія съ Королемъ Польскимъ. Письмо къ Папѣ. Собраніе войска. Договоры Лжедимитрія съ Мнишкомъ. Мѣры взятыхъ Борисомъ. Первая измѣна. Витязь Басмановъ. Робость Годунова. Общее расположеніе умовъ. Великодушіе Борисово. Битва. Поляки оставляютъ Самозванца. Честь Басманову. Побѣда Воеводъ Борисовыхъ. Осада Кромъ. Письмо Самозванца къ Борису. Кончина Годунова.

Г. 1600-
1605.

Достигнувъ цѣли, возникнувъ изъ низкости рабской до высоты Самодержца, усилиями неутомимыми, хитростю неусыпною, коварствомъ, происками, злодѣйствомъ, часлажался ли Годуновъ въ полной мѣрѣ своимъ величиемъ, коего алкала душа его — величиемъ купленнымъ столь дорогою цѣною? Наслажался ли и чистѣйшимъ удовольствіемъ души, благо-

творя подданнымъ, и тѣмъ заслуживая любовь отечества? По крайней мѣрѣ не долго.

Первые два года сего царствованія казались лучшимъ временемъ Россіи съ XV вѣка или съ ея возстановленія (¹³⁴): она была на вышней степени своего новаго могущества, безопасная собственными силами и счастіемъ внѣшнихъ обстоятельствъ, а внутри управляемая съ мудрою твердостію и съ кротостію необыкновенною. Борисъ исполнялъ обѣтъ Царскаго вѣнчанія, и справедливо хотѣлъ именоваться отцемъ народа, уменьшивъ его тягости; отцемъ сирыхъ и бѣдныхъ, изливая на нихъ щедроты безпримѣрныя; другомъ человѣчества, не касаясь жизни людей, не обагряя земли Русской ни каплею крови, и наказывая преступниковъ только ссылкою (¹³⁵). Купечество, менѣе стѣсняемое въ торговлѣ; войско, въ мирной тишинѣ осыпаемое наградами; Дворяне, Приказные люди, знаками милости отличаемые за ревностную службу; Синклитъ, уважаемый Царемъ лѣтательнымъ и совѣтолюбивымъ; Духовенство, честимое Царемъ набожнымъ — однимъ словомъ, всѣ государственные состоянія могли быть довольны за себя и еще довольнѣ за отечество, видя, какъ Борисъ въ Европѣ и въ Азіи возвеличилъ имя Россіи безъ кровопролитія и безъ тягостнаго напряженія силъ ея; какъ радѣеть о

Блестя-
щее
власти-
вованіе
Бори-
са.

благъ общемъ, правосудії, устройствѣ. И такъ не удивительно, что Россія, по сказанию современниковъ⁽¹³⁶⁾, любила своего Вѣнценосца, желая забыть убіеніе Димитрія или сомнѣваясь въ ономъ!

Но Вѣнценосецъ зналъ свою тайну, и не имѣлъ утѣшения вѣрить любви народной; благотворя Россіи, скоро началъ удаляться отъ Россіянъ; отмѣнилъ уставъ временъ древнихъ: не хотѣлъ, въ извѣстные дни и часы, выходить къ народу, выслушивать его жалобы и собственными руками принимать челобитныя⁽¹³⁷⁾; являлся рѣдко, и только въ пышности недоступной. Но убѣгая людей — какъ бы для того, чтобы лицемъ Монарха не напомнить имъ лицо бывшаго раба Іоаннова — онъ хотѣлъ невидимо присутствовать въ ихъ жилищахъ или въ мысляхъ, и не довольный обыкновеною молитвою въ храмахъ о Государѣ и Государствѣ, велѣлъ искусствамъ книжни-

Молитва о Царѣ. камъ составить особенную для чтенія во всей Россіи, во всѣхъ домахъ, на трапезахъ и вечеряхъ, за чашами, о душевномъ спасеніи и тѣлесномъ здравіи «Слуги Божія, Царя Всеизбранный избранного и превознесенного, Самодержца всей Восточной страны и Сѣверной; о Царицѣ и дѣтяхъ ихъ; о благоденствіи и тишинѣ отечества и Церкви подъ скиптромъ единаго «Христіанскаго Вѣнценосца въ мірѣ, что-

«бы вѣсъ иные Властители предъ нимъ укло-
нились и рабски служили ему, величая
имя его отъ моря до моря и до конца все-
лennия; чтобы Россіяне всегда съ умиле-
ніемъ славили Бога за такого Монарха,
коего умъ есть пучина мудрости, а сердце
исполнено любви и долготерпѣнія; чтобы
вѣсъ земли трепетали меча нашего, а земля
«Русская непрестанно высилась и расши-
рялась; чтобы юныя, цвѣтуція вѣтви Бо-
рисова Дому возрасли благословеніемъ
«Небеснымъ и непрерывно осеняли оную
«до скончанія вѣковъ» (138)! То есть, свя-
тое дѣйствіе души человѣческой, ея таин-
ственное сношеніе съ Небомъ, Борисъ дер-
знулъ осквернить своимъ тицеславіемъ и
лицемѣріемъ, заставивъ народъ свидѣтель-
ствовать предъ Окомъ Всевидящимъ о до-
бролѣтеляхъ убийцы, губителя и хищни-
ка! . . . Но Годуновъ, какъ бы не страшась
Бога, тѣмъ болѣе страшился людей, и еще подо-
до ударовъ Судьбы, до измѣнъ счастія и зреѣнія
подданихъ, еще спокойный на престолѣ,
искренно славимый, искренно любимый,
уже не зналъ мира душевнаго; уже чув-
ствовалъ, что если путемъ беззаконія мож-
но достигнуть величія, то величіе и bla-
женство, самое земное, не одно знаме-
няютъ.

Сие внутреннее беспокойство души, неиз-
бѣжное для преступника, обнаружилось въ

Царѣ несчастными дѣйствіями подозрѣнія, которое, тревожа его, скоро встревожило и Россію. Мы видѣли, что онъ, касаясь рукою вѣнца Мономахова, уже мечталъ о тайныхъ ковахъ противъ себя, ядѣ, чародѣйствѣ (¹³⁹): ибо естественно думалъ, что и другіе, подобно ему, могли имѣть жажду къ верховной власти, лицемѣре и дерзость. Нескромно открывъ боязнь свою, и взявъ съ Россіянъ клятву постыдную, Борисъ столь же естественно не довѣрялъ ей: хотѣлъ быть на стражѣ неусыпной, все видѣть и слышать, чтобы предупредить злые умысли; установилъ для того бѣдственную Іоаннову систему доносовъ и ввѣрилъ судьбу гражданъ, Дворянства, Вельможъ сонму гнусныхъ извѣтниковъ.

Первою знаменитою жертвою подозрѣнія и доносовъ былъ тотъ, съ кѣмъ Годуновъ жилъ иѣкогда душа въ душу, кто охотно дѣлилъ съ нимъ милость Іоаннову и страдалъ за него при Феодорѣ (¹⁴⁰) — свойственникъ Царицы Маріи, Бѣльскій. Спассенный Годуновымъ отъ злобы народной во время Московскаго мятежа, но оставленный надолго въ честной ссылкѣ, — снова призванный ко Двору, но безъ всякаго отличія, и въ самое царствованіе Бориса удостоенный только второстепеннаго Думнаго сана, сей главный любимецъ Грознаго, считая себя благодѣтелемъ Годунова,

могъ быть или казаться недовольнымъ, слѣдственно виновнымъ въ глазахъ Царя, имъя еще и другую, важнѣйшую вину за собою: онъ зналъ лучше иныхъ глубину Борисова сердца! Въ 1600 году Царь послалъ его въ дикую степь строить новую крѣпость Борисовъ на берегу Донца Сѣверского (¹⁴¹), безъ сомнѣнія не въ знакъ милости; но Бѣльскій, стыдясь представлять лицо уничиженаго, ѿхалъ въ отдаленныя пустыни какъ на знатиѣшее Воеводство, съ необыкновенною пышностю, съ богатою казною и множествомъ слугъ; велѣлъ заложить городъ своимъ, а не Царскимъ людямъ; ежедневно угождалъ Стрѣльцевъ и Козаковъ, давалъ имъ одежду и деньги, не требуя ничего отъ Государя. Слѣдствіемъ было то, что новую крѣпость построили скорѣе и лучше всѣхъ другихъ крѣпостей; что дѣлатели не скучали работою, любя, славя начальника; а Царю донесли, что начальникъ, милостю прельстивъ воиновъ, думаетъ объявить себя независимымъ и говорить: «Борисъ Царь въ Москвѣ, а я Царь въ Борисовѣ» (¹⁴²)! Сію клевету, основанную, вѣроятно, на тщеславіи и какомъ нибудь неосторожномъ словѣ Бѣльскаго, приняли за истину (ибо Голуповъ желалъ избавиться отъ стариннаго, беспокойнаго друга) — и рѣшили, что онъ достоинъ смерти; но Царь, хвалясь милосердіемъ, велѣлъ только взять у него имѣніе, и выищать ему всю длинную, густую бороду, избравъ Шотландскаго Хирурга Габріеля для совершенія такой

новой казни. Бѣльский снесъ позоръ, и заточеній въ одинъ изъ Низовыхъ городовъ, дожидалъ тамъ до случая отмстить неблагодарному хотя въ могилѣ. Умный, опытный въ дѣлахъ государственныхъ, сей преемникъ Малюты Скуратова былъ исполненъ Россіянамъ страшными воспоминаніями своихъ дней счастливыхъ, а иноземцамъ своею жестокою къ нимъ непріязнію, которую онъ могъ гнѣвить и Бориса, ихъ ревностнаго покровителя. Мало жалѣли о старомъ, безродномъ временщикѣ; но его опала предшествовала другой, гораздо чувствительнейшей для знатныхъ родовъ и для всего отечества.

Память добродѣтельной Анастасіи и свойство Романовыхъ-Юрьевыхъ съ Царскимъ Домомъ Мономаховой крови были для нихъ правомъ на общее уваженіе и самую любовь народа. Бояринъ Никита Романовичъ, достойный сей любви и личными благородными качествами, оставилъ 5 сыновей: Федора, Александра, Михайла, Ивана и Василія, въ послѣдній часъ жизни моливъ Годунова быть имъ вмѣсто отца (¹⁴³). Честя ихъ наружно — давъ старшимъ, Федору и Александру, Боярство, Михайлу санъ Окольничаго, и женивъ своего ближняго, Ивана Ивановича Годунова, на ихъ меньшей сестрѣ, Ирии (¹⁴⁴) — Борисъ внутренно опасался Романовыхъ, какъ совмѣстниковъ для его юнаго сына: ибо посыпалась молва, что Федоръ, за нѣсколько времени до кончины, мыслилъ объявить старшаго изъ

нихъ наследникомъ Государства (145) : молва, вѣроятно, несправедливая; но они, будучи единокровными Анастасіи и двоюродными братьями Феодора, казались народу ближайшими къ престолу. Сего было достаточно для злобы Борисовой, усиленной наскажами родственниковъ Царскихъ (146); по гоненіе требовало предлога, если не для успокоенія совѣсти, то для мнимой безопасности гонителя, чтобы личиною закона прикрыть злодѣйство, какъ иногда поступалъ Грозный и самъ Борисъ, избавляя себя отъ ненавистныхъ ему людей въ Феодорово время. Надежнѣйшими извѣтниками считались тогда рабы: желая оболгить ихъ въ семь предательствъ, Царь не устыдился явно наградить одного изъ слугъ Боярина, Князя Федора Шестунова, за ложный доносъ на господина въ недоброхотствъ къ Вѣнценосцу (147): Шестунова еще не тронули, но всенародно, на площади, сказали клеветнику милостивое слово *Государево*, дали вольность, чинъ и помѣстье. Между тѣмъ шептали слугамъ Романовыхъ, что ихъ, за такое же усердіе, ждетъ еще важнѣйшая милость Царская; и главный клевреть новаго тиранства, новый Малюта Скуратовъ, Вельможа Семенъ Годуновъ, изобрѣлъ способъ уличить невинныхъ въ злодѣйствъ, надѣясь на общее легковѣріе и невѣжество: подкупилъ казначея Романовыхъ (148), далъ ему мѣшки наполненные кореньями, велѣлъ спрятать въ кладовой у Боярина Александра.

дра Никитича и донести на своихъ господъ, что они, тайно занимаясь составомъ яда, умышляютъ на жизнь Вѣнценосца. Вдругъ сдѣлалась въ Москвѣ тревога: Синклитъ и всѣ знатные чиновники спѣшатъ къ Патріарху; посылаютъ Окольничаго Михайла Салтыкова для обыска въ кладовой у Боярина Александра; находятъ тамъ мѣшки, несутъ къ Іову, и въ присутствіи Романовыхъ высыпаютъ кореня, будто бы волшебные, изготовленные для отравленія Царя. Всѣ въ ужасѣ — и Вельможи, усердные подобно Римскому Сенаторамъ Тиберіева или Неронова времени, съ воплемъ кидаются на мнимыхъ злодѣевъ, какъ дикие звѣри на агнцевъ, — грозно требуютъ отвѣта и не слушаютъ его въ шумѣ. Отдаютъ Романовыхъ подъ крѣпкую стражу и велятъ судить, какъ судить беззаконіе.

Сіе дѣло есть одно изъ гнуснѣйшихъ Борисова ожесточенія и безстыдства. Не только Романовымъ, но и всѣмъ ихъ ближнимъ надлежало погибнуть, чтобы не осталось мстителей на землѣ за невинныхъ страдальцевъ. Взяли Князей Черкасскихъ, Шестуновыхъ, Рѣпиныхъ, Карновыхъ, Сицкихъ: знатнѣйшаго изъ послѣднихъ, Князя Ивана Васильевича, Намѣстника Астраханскаго, привезли въ Москву скованного съ женою и сыномъ. Допрашивали, ужасали пыткою, особенно Романовыхъ (¹⁴⁹); мучили, терзали слугъ ихъ, безжалостно и бесполезно: никто не утышилъ тирана клеветою на самого себя или на другихъ; вѣрные рабы уми-

рали въ мукахъ, свидѣтельствуя единственно о невинности господъ своихъ предъ Царемъ и Богомъ. Но судіи не дерзали сомнѣваться въ истинѣ преступленія, столь грубо вымышленнаго, и прославили неслыханное милосердіе Царя, когда онъ велѣлъ имъ осудить Романовыхъ, со всеми ихъ ближними, единственно на заточеніе, какъ уличенныхыхъ въ измѣнѣ и въ злодѣйскомъ намѣреніи извести Государя средствами волшебства. Въ Іюнѣ 1601 года исполнился *приговоръ Боярскій* (¹⁵⁰): Федора Никитича Романова, (будущаго знаменитаго Іерарха), постриженнаго и названнаго Филаретомъ, сослали въ Сійскую Антоніеву Обитель; супругу его, Ксению Ивановну, также постриженную и названную Марою, въ одинъ изъ Заонежскихъ погостовъ; тещу Федорову, Дворянку Шестову, въ Чебоксары, въ Никольскій Дѣвичій монастырь; Александра Никитича въ Усолье-Луду, къ Бѣлому морю; третьяго Романова, Михайла, въ Великую Пермь, въ Ныробскую волость; четвертаго, Ивана, въ Пельмъ; пятаго, Василья, въ Яренскъ; зятя ихъ, Князя Бориса Черкасскаго, съ женою и съ дѣтьми ся брата, Федора Никитича, съ шестилѣтнимъ Михаиломъ (будущимъ Царемъ!) и съ юною дочерью, на Бѣлоозеро (¹⁵¹); сына Борисова, Князя Ивана, въ Малмыжъ на Вятку; Князя Ивана Васильевича Сицкаго въ Кожеозерскій монастырь, а жену его въ пустынью Сумскаго Острога; другихъ Сицкихъ, Федора и Владимира Шестуновыхъ, Карновыхъ и Князей

Рѣпнинъхъ въ темницы разныхъ городовъ ; одного же изъ послѣднихъ , Воеводу Яренскаго, будто бы за расхищеніе Царскаго достоянія , въ Уфу (¹⁵²). Вотчины и помѣстья опальныхъ раздали другимъ ; имѣніе движимое и дома взяли въ казну .

Но гоненіе не кончилось ссылкою и лишеніемъ собственности : не вѣря усердію или строгости мѣстныхъ начальниковъ , послали съ несчастными Московскихъ Приставовъ , коимъ надлежало смотрѣть за ними неусыпно , давать имъ пужное для жизни и доносить Царю о каждомъ ихъ словѣ значительномъ . Никто не смѣлъ взглянуть на оглашенныхъ измѣнниковъ , ниходить близъ уединенныхъ домовъ , гдѣ они жили , внѣ городовъ и селеній , вдали отъ большихъ дорогъ ; иѣкоторые въ землянкахъ , и даже скованые . Въ монастырь Сійскій не пускали богоомольцевъ , чтобы кто нибудь изъ нихъ не доставилъ письма Федору Никитичу , Иноку невольному , по ревностному въ благочестіи : коварный Приставъ , съ умысломъ заговоривая ему о Дворѣ , семействѣ и друзьяхъ его , доносилъ Царю , что Филаретъ не находится между Боярами и Вельможами ни одного весьма умнаго , способнаго къ дѣламъ государственнымъ , кроме опальнаго Богдана Бѣльскаго , и считаетъ себя жертвою ихъ злобныхъ навѣтовъ (¹⁵³) ; что хотя занимается единственно спасеніемъ души , но тоскуетъ о женѣ и дѣтяхъ , не зная , гдѣ они безъ него сиротствуютъ , и моля Бога о скоромъ

концѣ ихъ бѣдственной жизни (Богъ не услышалъ сей молитвы, ко счастію Россіи!). Донесли также Царю, что Василій Романовъ, отягченный болѣзniю и цѣпями не хотѣлъ однажды славить милосердія Борисова, сказавъ Приставу: «истинная доброта не знаетъ тицеславія.» Но Борисъ, какъ бы желая доказать узнику истину своего милосердія, велѣлъ снять съ него цѣпи, объявить за нихъ Царскій гнѣвъ Приставу, излишно ревностному въ угнетеніи опальныхъ, — перевезти недужнаго Василія въ Пельмь къ брату Ивану Никитичу, лишенному движенія въ рукѣ и ногѣ отъ удара, и дать имъ печальное утѣшеніе страдать вмѣстѣ. Василій отъ долговременной болѣзни скончался (15 Февраля 1602) подъ молитвою брата и великодушнаго раба, который, вѣрно служивъ господину въ чести, служилъ ему и въ оковахъ съ усердіемъ иѣжнаго сына. Александръ и Михайло Никитичи также не долго жили въ темницѣ, бывъ жертвою горести, или насильственной смерти, какъ пишутъ⁽¹⁵⁴⁾: первого схоронили въ Лудѣ, втораго въ семи верстахъ отъ Чердыня, близъ села Ныроба, въ мѣстѣ пустынномъ, гдѣ, надъ могилою, выросли два кедра. Донынѣ въ церкви Ныробской хранятся Михайловы тяжкія оковы, и старцы еще рассказываютъ тамъ о великодушномъ терпѣніи, о чудесной силѣ и крѣпости сего мужа, о любви къ нему всѣхъ жителей, коихъ лѣти приходили къ его темницѣ играть на свирѣляхъ, и сквозь отверстія зем-

лянки подавали узнику все лучшее, что имѣли, для утоленія голода и жажды: любовь, за которую ихъ гнали при Годуновѣ и наградили въ царствованіе Романовыхъ милостивою, обѣльною грамотою (¹⁵⁵). — Если вѣрить Лѣтописцу, то Борисъ, велѣвъ удавить въ монастырѣ Князя Ивана Сицкаго съ женою, хотѣлъ уморить голodomъ и недужнаго Ивана Романова; но бумаги приказныя свидѣтельствуютъ, что послѣдній имѣлъ весьма не бѣдное содержаніе, ежедневно два или три блюда, мясо, рыбу, бѣлыи хлѣбъ, и что у Пристава его было 90 (450 нынѣшнихъ серебряныхъ) рублей въ казнѣ, для доставленія ему нужнаго. Скоро участъ опальныхъ смягчилась, отъ Политики ли Царя (ибо народъ жалѣлъ объ нихъ), или отъ ходатайства зятя Романовыхъ, Крайчаго Ивана Ивановича Годунова. Въ Мартѣ 1602 Царь милостиво указалъ Ивану Романову (оставляя его подъ надзоромъ, но уже безъ имени злодѣя) юхать въ Уфу на службу, оттуда въ Нижній Новгородъ, и наконецъ въ Москву, вмѣстѣ съ племянникомъ, Княземъ Иваномъ Черкасскимъ; Сицкихъ послать воеводствовать въ города Низовскіе (освободилъ ли Шестуновыхъ и Рѣпиныхъ, неизвѣстно); а Княгинѣ Черкасской, Марѣ Никитинѣ, овдовѣвшей на Бѣлозерѣ (¹⁵⁶), велѣлъ жить съ невѣсткою, сестрою и дѣтьми Фелора Никитича, въ отчинѣ Романовыхъ Юрьевскаго Уѣзда, въ селѣ Клинѣ, гдѣ, лишенный отца и матери, но блудомъ Прovidѣніемъ, ложилъ семилѣтній

отрокъ Михаилъ, грядущій Вѣнценосецъ Россіи, до гибели Борисова племени. Царь хотѣлъ изъявить милость и Филарету (¹⁵⁷) : позволилъ ему стоять въ церкви на крылосѣ, взять къ себѣ Чернца въ келлію для услугъ и бесѣды; приказалъ всѣмъ ловольствовать своего измѣнника (еще такъ называя сего мужа непорочнаго въ совѣсти) и для богоомольцевъ отворить монастырь Сійскій, но не пускать ихъ къ опальному Иноку; приказалъ наконецъ (въ 1605 году) посвятить Филарета въ Іеромонахи и въ Архимандриты, чтобы тѣмъ болѣе удалить его отъ міра!

Не одни Романовы были страшилищемъ для Борисова воображенія. Онъ запретилъ Князьямъ Мстиславскому и Василію Шуйскому жениться, думая, что ихъ дѣти, по древней знатности своего рода, могли бы также состязаться съ его сыномъ о престолѣ (¹⁵⁸). Между тѣмъ, устрания будущія мнимыя опасности для юнаго Феодора, робкій губитель трепеталъ настоящихъ: волнуемый подозрѣніями, непрестанно боясь тайныхъ злодѣевъ и равно боясь заслужить народную ненависть мучительствомъ, гналь и миловалъ: сославъ Воеводу, Князя Владимира Бахтѣярова-Ростовскаго, и простиль его (¹⁵⁹); удалилъ отъ дѣла знаменитаго Дьяка Щелкарова, но безъ явной опалы; нѣсколько разъ удалялъ и Шуйскихъ, и снова приближалъ къ себѣ: ласкалъ ихъ, и въ тоже время грозилъ немилостію всякому, кто имѣлъ обхожденіе съ ними (¹⁶⁰). Не

было торжественныхъ казней , но морили не-
счастныхъ въ темницахъ , пытали по доносамъ.
Сонмы извѣтниковъ , если не всегда награждае-
мыхъ , то всегда свободныхъ отъ наказанія за
ложь и клевету , стремились къ Царскимъ пала-
тамъ изъ домовъ Боярскихъ и хижинъ , изъ мо-
настырей и церквей : слуги доносили на господь ,
Иноки , Попы , Дьячки , просвирницы ⁽¹⁶¹⁾ на лю-
дей всякаго званія — самыя жены на мужей ,
самыя дѣти на отцевъ , къ ужасу человѣчества !
«И въ дикихъ Ордахъ» (прибавляетъ Лѣтопи-
сецъ) «не бываетъ столь великаго зла : господа
«не смѣли глядѣть на рабовъ своихъ , ни ближ-
«ніе искренно говорить между собою ; а когда
«говорили , то взаимно обязывались страшною
«клятвою не измѣнять скромности .» Однимъ
словомъ , сіе печальное время Борисова царство-
ванія , уступая Іоаннову въ кровопрѣстѣ , не
уступало ему въ беззаконіи и развратѣ : наслѣд-
ство гибельное для будущаго ! Но великодушіе
еще дѣйствовало въ Россіянахъ (оно пережило
Іоанна и Годунова , чтобы спасти отечество) :
жалѣли о невинныхъ страдальцахъ и мерзили
постыдными милостями Вѣнценосца къ доносите-
лямъ ; другіе боялись за себя , за ближнихъ —
и скоро неудовольствіе сдѣлалось общимъ . Еще
многіе славили Бориса : приверженники , льсте-
цы , извѣтники , утучняемые стяженіемъ опаль-
ныхъ ; еще знатное Духовенство , какъ увѣ-
ряютъ ⁽¹⁶²⁾ , хранило въ душѣ усердіе къ Вѣнце-
носцу , который осыпалъ Святителей зпаками

благоволенія : но гласть отечества уже не слышался въ хвалѣ частной, корыстолюбивой, и молчаніе народа, служа для Царя явною укоризною , возвѣстило важную перемѣну въ сердцахъ Россіянъ : они уже не любили Бориса (¹⁶³) !

Такъ говоритьъ Лѣтописецъ современный, безпристрастный, и самъ знаменитый въ нашей Исторіи своею государственною доблестію : Келарь Палицынъ. Народы всегда благодарны : оставляя Небу судить тайну Борисова сердца, Россіяне искренно славили Царя, когда онъ подъличиною добродѣтели казался имъ отцемъ народа ; но признавъ въ немъ тирана, естественно возненавидѣли его и за настоящее и за минувшее : въ чемъ, можетъ быть, хотѣли сомнѣваться , въ томъ снова удостовѣрились , и кровь Димитріева явнѣе означилась для нихъ на порфирѣ губителя невинныхъ ; вспомнили судьбу Углича и другихъ жертвъ мстительного властолюбія Годунова ; безмолвствовали , но тѣмъ сильнѣе чувствовали въ присутствіи извѣтниковъ — и тѣмъ сильнѣе говорили въ святилищахъ недоступныхъ для услужниковъ тиранства , коего время бываетъ п царствомъ клеветы и царствомъ ненарушимой скромности : тамъ, въ тихихъ бесѣдахъ дружества , неумолимая истина обнажала , а ненависть чернила Бориса , упрекая его не только душегубствомъ , гоненіемъ людей знаменитыхъ , грабежемъ ихъ достоянія , алчностію къ прибытку беззаконному , корыстолюбивымъ введеніемъ откуповъ , размноженіемъ казенныхъ

домовъ питейныхъ, порчею нравовъ, но и пристрастіемъ къ иноземнымъ, новымъ обычаямъ (изъ коихъ брадобритіе особенно соблазняло усердныхъ старовѣровъ), даже наклонностію къ Арменской и къ Латинской ереси! Какъ любовь, такъ и ненависть рѣдко бываютъ довольны истиною: первая въ хвалѣ, послѣдняя въ осужденіи. Годунову ставили въ вину и самую ревность его къ просвѣщенію!

Въ сіе время общей нелюбви къ Борису онъ имѣлъ случай доказать свою чувствительность къ народному бѣдствію, заботливость, щедрость необыкновенную; но и тѣмъ уже не могъ тронуть сердецъ, къ голоду нему остылыхъ. — Среди естественного обилія и богатства земли плодоносной, населенной хлѣбопашцами трудолюбивыми; среди благословеній долговременного мира, и въ царствованіе дѣятельное, предусмотрительное, пала на миллионы людей казнь страшная: весною, въ 1601 году, небо омрачилось густою тьмою, и дожди лили въ теченіе десяти недѣль непрестанно (¹⁶⁴), такъ, что жители сельскіе пришли въ ужасъ: не могли ничѣмъ заниматься, ни косить, ни жать; а 15 Августа жестокій морозъ повредилъ какъ зеленому хлѣбу, такъ и всѣмъ плодамъ незрѣлымъ. Еще въ житницахъ и въ гумнахъ находилось не мало старого хлѣба; по земледѣльцы, къ

несчастію, засѣяли поля новымъ, гнильмъ, тощимъ, и не видали всходовъ, ни осеню, ни весною: все истлѣло и смѣшалось съ землею. Между тѣмъ запасы изошли, и поля уже остались незасѣянными. Тогда началося бѣдствіе, и вонъ голодныхъ встревожилъ Царя. Не только гумна въ сelaхъ, но и рынки въ столицѣ опустѣли, и четверть ржи возвысилась цѣною отъ 12 и 15 денегъ до трехъ (пятнадцати нынѣшихъ серебряныхъ) рублей (¹⁶⁵). Борисъ велѣлъ отворить Царскія житницы въ Москвѣ и въ другихъ городахъ; убѣдилъ Духовенство и Вельможъ продавать хлѣбные свои запасы также низкою цѣною; отворилъ и казну: въ четырехъ оградахъ, сдѣланыхъ близъ деревянной стѣны Московской, лежали кучи серебра для бѣдныхъ; ежедневно, въ чась утра, каждому давали двѣ Московки, деньгу или копейку (¹⁶⁶) — но голодъ свирѣпствовалъ: ибо хитрые корыстолюбцы обманомъ скупали дешевый хлѣбъ въ житницахъ казенныхъ, Святительскихъ, Боярскихъ, чтобы возвышать его цѣну и торговатъ имъ съ прибыtkомъ безсовѣстнымъ; бѣдные, получая въ день копейку серебряную, не могли питаться. Самое благодѣяніе обратилось во зло для столицы: изъ всѣхъ ближнихъ и дальнихъ мѣсть землемѣльцы съ женами и дѣтьми стремились толпами въ Москву за Царскою милостьюно, умножая тѣмъ число нищихъ. Казна раздавала въ день не сколько тысячи рублей (¹⁶⁷), и бесполезно: голодъ усиливался и наконецъ достигъ

крайности столь ужасной , что не льзя безъ трепета читать ея достовѣрнаго описанія въ преданіяхъ современниковъ. «Свидѣтельствуюсь истиною и Богомъ» — пишеть одинъ изъ нихъ⁽¹⁶⁸⁾ «— что я собственными глазами видѣлъ въ Москвѣ людей , которые, лежа на улицахъ, по-добно скоту щипали траву и питались ею; у мертвыхъ находили во рту сѣно.» Мясо лошадиное казалось лакомствомъ : ъли собакъ, кошекъ , стерво , всякую нечистоту. Люди сѣвались хуже звѣрей : оставляли семейства и женъ, чтобы не дѣлиться съ ними кускомъ послѣднимъ. Не только грабили , убивали за ломть хлѣба , но и пожирали другъ друга. Путешественники боялись хозяевъ, и гостиницы стали вертепами душегубства : давили, рѣзали сонныхъ для ужасной ниши ! Мясо человѣческое продавалось въ пирогахъ на рынкахъ ! Матери гладили труны своихъ младенцевъ! . . . Злодѣевъ казнили , жгли , кидали въ воду ; но преступленія не уменьшались . . . И въ сіе время другіе изверги копили , берегли хлѣбъ въ надеждѣ продать его еще дороже! . . . Гибло множество въ неизѣяснимыхъ мукахъ голода. Везде шатались полумертвые , надали , издыхали на площадяхъ. Москва заразилась бы смрадомъ гниющихъ тѣлъ , если бы Царь не велѣлъ , на свое изживеніе , хоронить ихъ , истощая казну и для мертвыхъ. Приставы ъздили въ Москвѣ изъ улицы въ улицу , подбирали мертвцовъ , обмывали , завертывали въ бѣлые саваны , обували въ

красные башмаки или коты, и сотнями возили за городъ въ три скудельницы, гдѣ въ два года и четыре мѣсяца было скоропено 127,000 труповъ, кромѣ погребенныхъ людьми христолюбивыми у церквей приходскихъ (¹⁶⁹). Пишутъ, что въ одной Москвѣ умерло тогда 500,000 человѣкъ, а въ селахъ и другихъ областяхъ еще несравненно болѣе, отъ голода и холода: ибо зимою нищіе толпами замерзали на дорогахъ. Пища неестественная также производила болѣзни и моръ, особенно въ Смоленскомъ Уѣздѣ, куда Царь въ одно время послалъ 20,000 рублей для бѣдныхъ, не оставивъ ни одного города въ Россіи безъ всноможенія (¹⁷⁰), и если не спасая многихъ, то вездѣ уменьшава число жертвъ, такъ, что сокровищница Московская, полная отъ благополучнаго Феодорова царствованія, казалась неистощимою. И всѣ иныя возможныя мѣры были имъ приняты: онъ не только въ ближнихъ городахъ скупалъ, цѣною имъ опредѣленною, волею и неволею, всѣ хлѣбные запасы у богатыхъ (¹⁷¹); но послалъ и въ самыя дальняя, изобилінѣйшія мѣста освидѣтельствовать гумна, гдѣ еще нашлися огромные скирды, въ теченіе полузвѣка неприкосновенные и поросшіе деревьями (¹⁷²): велѣль немедленно молотить и везти хлѣбъ, какъ въ Москву, такъ и въ другія области. Въ доставленіи встрѣчались неминуемыя, едва одолимыя трудности: во многихъ мѣстахъ на пути не было ни подводъ (¹⁷³), ни корму; ямщики и всѣ жители сельскіе разбѣгались.

Обозы шли Россіею какъ бы пустынею Африканскою, подъ мечами и копьями воиновъ, опасаясь нападенія голодныхъ, которые не только виѣ селеній, но и въ Москвѣ, на улицахъ и рынкахъ, силою отнимали съѣстное (¹⁷⁴). — Наконецъ дѣятельность верховной власти устранила всѣ препятствія, и въ 1603 году, мало по малу, исчезли всѣ знаменія ужаснѣйшаго изъ золъ: снова явилось обиліе, и такое, что четверть хлѣба упала цѣною отъ трехъ рублей до десяти копеекъ, къ восхищенію народа и къ отчаянію корыстолюбцевъ, еще богатыхъ тайными запасами ржи и пшеницы! — Памятникомъ бывшей, безпримѣрной дороговизны осталась навсегда, какъ сказано въ лѣтописяхъ, ею введенная, новая мѣра четверика: ибо до 1601 года хлѣбъ продавали въ Россіи единственно оковами, бочками или кадями, четвертями и осьминами (¹⁷⁵).

Бѣдствіе прекратилось, но слѣды его не могли быть скоро изглажены: замѣтно уменьшилось число людей въ Россіи и достояніе многихъ; оскудѣла безъ сомнѣнія и Казна, хотя Годуновъ, великодушно расточая оную для спасенія народнаго, не только не убавилъ своей обыкновенной пышности Царской, но еще болѣе не жели когда нибудь хотѣлъ блестать оною, чтобы закрыть тѣмъ дѣйствіе гиѣва Небеснаго, особенно для Пословъ иноземныхъ, окружая ихъ на пути, отъ границы до Москвы, призраками изобилія и роскоши (¹⁷⁶): вездѣ являлись люди, богато или красиво одѣтые; вездѣ рынки пол-

ные товаровъ, мяса и хлѣба, и ни единаго нищаго, тамъ, гдѣ за verstу въ сторону могилы наполнялись жертвами голода. Въ сіе-то время Борисъ столь пышно угощалъ своего нареченаго зятя, Герцога Датскаго — и въ сіе же время украшаль древній Кремль новыми зданіями: въ 1600 году воздвигнувъ огромную колокольню Ивана Великаго (¹⁷⁷), пристроилъ въ 1601 и 1602 годахъ, на мѣстѣ сломанного, деревяннаго дворца Іоанинова, двѣ большія каменные палаты къ Золотой и Грановитой, Столо- вую и Панихиидную (¹⁷⁸), чтобы доставить тѣмъ работу и пропитаніе людямъ бѣд- нымъ, соединяя съ милостію пользу, и во дни плача думая о велелѣпії! Однакожъ не Московскіе Лѣтописцы, а только чужезем- ные Историки упрекаютъ Бориса гордо- стію неуклонною и въ общемъ бѣдствіи, сустою, тщеславіемъ, рассказывая, что онъ запретилъ тогда Россіянамъ купить весьма умѣренною цѣною знатное количе- ство ржи у Нѣмцевъ въ Ивановгородѣ, стыдясь питать народъ свой чужимъ хлѣ- бомъ (¹⁷⁹). Извѣстіе конечно несправедли- вое: ибо наши государственныя бумаги, свидѣтельствуя о приходѣ туда Нѣмец- кихъ кораблей съ хлѣбомъ въ 1602 году, не упоминаютъ о такомъ жестокомъ запретѣ. Борисъ, оказавъ въ семъ несчастіи столько дѣятельности и столько щедрости,

Новые
зданія
въ
Крем-
ле.

чтобы удостовѣрить Россію въ любви истинно-отеческой Царя къ подданнымъ, не могъ явно жертвовать ихъ спасеніемъ тщеславію безумному.

Но Борисъ не обольстилъ Россіяны своими благодѣяніями: ибо мысль, для него страшная, господствовала въ душахъ — мысль, что Небо за беззаконія Царя казнитъ Царство (¹⁸⁰). «Изли-«вая на бѣдныхъ щедроты» — говорятъ Лѣтописцы — «онъ въ золотой чашѣ подавалъ имъ «кровь невинныхъ, да піютъ во здравіе; питалъ «ихъ милостиною богопротивною, расхитивъ «имѣніе Вельможъ честныхъ, и древнія сокровища Царскія осквернивъ добычею грабежа.» — Россія не благоденствовала въ новомъ изобилії; не имѣла времени успокоиться: открылось новое бѣдствіе, въ коемъ современники непосредственно винили Бориса.

Еще Іоаннъ IV, желая населить Литовскую Украину, землю Сѣверскую, людьми годными къ ратному дѣлу, не мѣшалъ въ ней укрываться и спокойно жительствовать преступникамъ, которые уходили туда отъ казни: ибо думалъ, что они, въ случаѣ войны, могутъ быть надежными защитниками границы. Борисъ, любя слѣдовать многимъ государственнымъ мыслямъ Іоанновымъ, послѣдовалъ и сей, весьма ложной и весьма несчастной (¹⁸¹): ибо незнаемо изгото-вилъ тѣмъ многочисленную дружину злодѣевъ въ услугу врагамъ отечества и собственнымъ. «Великій разумъ и жестокость Грознаго» — по-

словамъ Лѣтописца — «не давали двинуться «зміямъ; а кроткій, набожный Феодоръ связы- «валъ ихъ своею молитвою» (¹⁸²); но Борисъ увидѣлъ зло, и еще увеличилъ его другими пло- дами своего мудрованія, несогласнаго съ вѣч- ными уставами правды. Издревле Бояре наши окружали себя толпами слугъ, вольныхъ и крѣ- постныхъ; издревле также любили кабалить пер- выхъ (¹⁸³): законъ, изданный въ Феодорово вре- мя, единственно въ угодность знатному Дворян- ству, обѣ укрѣплениіи всѣхъ людей, служащихъ господамъ не менѣе шести мѣсяцевъ (¹⁸⁴), со- вершенно прекратилъ родъ вольныхъ слугъ въ нашемъ отечествѣ, и наполнилъ дома Боярскіе рабами, коими сдѣлались тогда, въ противность Іоаннову Судебнику (¹⁸⁵), даже и многіе люди воинскіе, благородные, отъ нищеты, но безъ стыда служивъ богачамъ именитымъ: законъ недостойный сего имени своею явною неспра- ведливостію! Еще мало: къ его дѣйствію при- соединилось и насилие: знатные и случайные безсовѣтно укрѣпляли и неслугъ, а всякаго без- защитнаго, кто имъ нравился художествомъ, ру- кодѣльемъ, ловкостю или красотою (¹⁸⁶). Но въ дешевое время охотно умножавъ свою челядь, Дворяне во время голода начали распускать ее: воля обратилась въ казнь и мучительство! Люди еще совѣтные, выгоняли слугъ изъ дома по крайней мѣрѣ съ отпускными; а злые безъ вся- каго письменнаго вида, съ намѣреніемъ клепать ихъ въ бѣгствѣ и въ сносѣ, чтобы ябедою суда

разорять тѣхъ, которые могли бы изъ че-
ловѣколюбія дать имъ у себя дѣло и пишу:
ужасъ разврата обыкновенного въ годины
бѣдствій! Несчастные гибли или разбойни-
чали, вмѣстѣ со многими людьми Вельможъ
ссыльныхъ, Романовыхъ и другихъ, осуж-
денными вести жизнь бродягъ (ибо никто
не смѣлъ принять слугъ опального) — вмѣ-
стѣ съ Украинскими бѣглецами, ходивши-
ми изъ гнѣзда своего на добычу и внутрь
Россіи (187). Явились шайки на дорогахъ;
завелись пристани въ мѣстахъ глухихъ и
лѣсистыхъ; грабили, убивали подъ самою
Москвою. Не боялись и сыскныхъ дружинъ
воинскихъ: злодѣи смѣло пускались на
сѣчу съ ними, имѣя атаманомъ Хлопка или
Косолапа, удальца рѣдкаго. Государь дол-
женъ быть дѣйствовать съ усилемъ нема-
ловажнымъ, и въ мирное время отрядить
цѣлое войско противъ разбойника! Глав-
ный Воевода, Окольничій Иванъ Федоро-
вичъ Басмановъ, едва выступивъ въ поле,
уже встрѣтилъ Хлопка, врага презритель-
наго, но злаго, который, соединивъ свои
шайки, дерзнулъ близъ Москвы спорить съ
нимъ о побѣдѣ. Упорная битва, безславная
и жестокая, рѣшилась смертю Басманова:
видя его падающаго съ коня, воины кину-
лись на разбойниковъ, не жалѣли себя, и
наконецъ одолѣли ихъ остервененіе: боль-
шую часть истребили и взяли въ пленъ

атамана, изнемогшаго отъ тяжелыхъ ранъ — злодѣя, коего необыкновенная храбрость достойна была лучшаго побужденія и лучшей цѣли! Удивленный дерзостію сего опаснаго скопища, Борисъ искалъ, кажется, тайныхъ соумышленниковъ или наставниковъ Хлопка между людьми значительнѣйшими, зная, что въ его шайкахъ находились слуги господъ опальныхъ, и подозрѣвая, что они могли быть вооружены mestію противъ гонителя Романовыхъ. Нарядили слѣдствіе; допрашивали, пытали взятыхъ разбойниковъ⁽¹⁸⁸⁾, но, по видимому, ничего не узнали, кромѣ ихъ собственныхъ злодѣяній. Хлопко, вѣроятно, умеръ отъ ранъ или въ мукахъ: всѣхъ другихъ перевѣшали, и Борисъ единственно въ семъ случаѣ уклонился отъ своего человѣколюбиваго обѣта не казнить никого смертію⁽¹⁸⁹⁾. — Еще многіе изъ товарищей Хлопковыхъ спаслися бѣгствомъ въ Украину, гдѣ Воеводы, по указу Государеву, ихъ ловили и вѣшали, но не могли истребить гнѣзда злодѣйскаго, которое ждало новаго, гораздо опаснѣйшаго атамана, чтобы дать ему передовую дружину на пути къ столицѣ!

Такъ готовилась Россія къ ужаснѣйшему изъ явлений въ своей Исторіи; готовилась долго: неистовыимъ тиранствомъ двадцати - четырехъ лѣтъ Ioannовыхъ, адскою игрою Борисова властолюбія, бѣдствіями свирѣпаго голода и всемѣстныхъ разбоевъ, ожесточеніемъ сердецъ, развратомъ народа — всѣмъ, что предшествуетъ

исправлению Государствъ, осужденныхъ
Провидѣніемъ на гибель или на мучитель-
ное возрожденіе.

Если, какъ пишутъ очевидцы, не было
ни правды, ни чести въ людяхъ (¹⁹⁰); если
долговременный голодъ не смирилъ, не
исправилъ ихъ, но еще умножилъ пороки
между ими: распутство, корыстолюбіе, ли-
хомство, безчувствіе къ страданію ближ-
нихъ; если и самое лучшее Дворянство, и
самое Духовенство заражалось общею яз-
вою разврата, слабъя въ усердіи къ отече-
ству отъ беззаконій Царя, уже вообще не-
навистного: то нужны ли были иныя, чу-
десныя знаменія для устрашенія Россіи?
ибо сіи же Лѣтописцы, слѣдуя древнему
обыкновенію суевѣрія (¹⁹¹), рассказываютъ,
«что не рѣдко восходили тогда двѣ и три

Мнѣмыя чудеса. «луны, два и три солнца вмѣстѣ; столпы
«огненные, ночью пылая на тверди, въ
«своихъ быстрыхъ движеніяхъ представ-
«ляли битву воинствъ, и краснымъ цвѣ-
«томъ озаряли землю; отъ бурь и вихрей
«падали колокольни и башни; женщины и
«животныя производили на свѣтъ множе-
«ство уродовъ; рыбы во глубинѣ водъ и
«дичь въ лѣсахъ исчезали, или, употре-
«бляемыя въ пищу, не имѣли вкуса; алчные
«псы и волки, вездѣ бѣгая станицами, по-
«жирали людей и другъ друга; звѣри и
«птицы невиданные явились; орлы парили

«надъ Москвою ; въ улицахъ , у самаго «дворца , ловили руками лисицъ черныхъ; «лѣтомъ (въ 1604 году), въ свѣтлый пол- «день , возсіяла на небѣ Комета , и мудрый «старецъ , за иѣсколько лѣтъ предъ тѣмъ «вызванный Борисомъ изъ Германіи , обѣ- «явилъ Дьяку Государственному (Власьеву) , «что Царству угрожаетъ великая опас- «ность.» Оставимъ суевѣrie предкамъ : его мнимые ужасы не столь разнообразны , какъ дѣйствительные въ Исторіи нар- довъ.

Въ сіе время скончалась Ирина , въ кел- Кончи-
лії Новодѣвичьяго монастыря , около ше- на Ири-
сти лѣтъ не выходивъ изъ своего добро- ны .
вольнаго заключенія никуда , кроме церкви ,
пристроенной къ ея смиренному жили-
щу (¹⁹²). Жена знаменитая и душевными
качествами и судбою необыкновенною ;
безъ отца , безъ матери , въ печальномъ
сиротствѣ взысканная удивительнымъ сча-
стiemъ ; воспитанная , любимая Іоанномъ —
и добродѣтельная ; первая *Державная Ца-рица Россіи* , и въ юныхъ лѣтахъ Мона-
хиня ; чистая сердцемъ предъ Богомъ , но
омраченная въ Исторіи союзомъ съ злымъ
властолюбцемъ , коему она указала путь къ
престолу , хотя и невинно , будучи ослѣп-
лена любовью къ нему и блескомъ его на-
ружныхъ добродѣтелей , не зная его тай-
ныхъ преступленій или не вѣря онymъ ,

Могъ ли Борисъ открыть свою темную душу сердцу преданпому святой набожности? Онъ дѣлилъ съ нѣжною сестрою только добрыя чувства: съ нею радовался торжеству отечества (193) и скорбѣлъ о случаяхъ бѣдственныхъ для онаго; повѣрялъ ей, можетъ быть, свое великое намѣреніе просвѣтить Россію, жаловался на злую неблагодарность, на злые умыслы, призраки его беспокойной совѣсти, и на горестную необходимость карать Вельможъ измѣнниковъ; лицемѣривъ предъ сестрою въ добрѣ, не лицемѣриль, можетъ быть, только въ изъявленіяхъ скорби о кончинѣ ея: Ирина не мѣшала ему державствовать и служила Ангеломъ хранителемъ, всѣми любимая какъ истинная мать народа и въ келліи. Погребли Инокиню съ великолѣпіемъ Царскимъ, въ Дѣвичьемъ Вознесенскомъ монастырѣ, близъ гроба Іоанновой дочери, Маріи — и никогда не раздавалось столько милостыни, какъ въ сей день печали; бѣдные во всѣхъ городахъ Россійскихъ благословили щедрость Борисову. — Ирина была счастлива, смеживъ глаза навѣки: ибо не видала гибели всего, что еще любила въ жизни.

Настало время явной казни для того, кто не вѣрилъ правосудію Божественному въ земномъ мірѣ, надѣясь, можетъ быть, смиреннымъ покаяніемъ спасти свою душу отъ ада (какъ надѣялся Іоаннъ) и дѣлами достохвальными загладить для людей память своихъ беззаконій. Не тамъ, гдѣ Борисъ стерегся опасности, незапная опасность

явились ; не потомки Рюриковы , не Князья и Вельможи , имъ гонимые — не дѣти и друзья ихъ , вооруженные местю , умыслили свергнуть его съ Царства : сie дѣло умыслилъ и совершилъ презрѣнныи брдяга , именемъ младенца , давно лежавшаго въ могилѣ.... Какъ бы дѣйствіемъ сверхъ-естественнымъ тѣнь Димитріева вышла изъ гроба , чтобы ужасомъ поразить , обезумить убійцу и привести въ смятеніе всю Россію . Начинаемъ повѣсть , равно истинную и неимовѣрную .

Бѣдный сынъ Боярскій , Галичанинъ Явленіе
Само-
званца. Юрій Отрепьевъ , въ юности лишился отца , именемъ Богдана-Якова , Стрѣлецкаго Сотника , зарѣзанного въ Москвѣ пьянымъ Литвиномъ ⁽¹⁹⁴⁾ , служилъ въ домѣ у Романовыхъ и Князя Бориса Черкасскаго ; зналъ грамотѣ ; оказывалъ много ума , но мало благоразумія ; скучаль низкимъ состояніемъ и рѣшился искать удовольствія безпечной праздности въ санѣ Инока , слѣдуя примѣру дѣда , Замятни-Отрепьева , который уже давно монашествовалъ въ Обители Чудовской . Постриженный Вятскимъ Игumenомъ Трифономъ и названный Григориемъ , сей юный Чернецъ скитался изъ мѣста въ мѣсто ; жилъ нѣсколько времени въ Суздалѣ , въ Обители Св. Евфимія , въ Галицкой Іоанна Предтечи и въ другихъ ; наконецъ въ Чу-

довѣ монастырѣ , въ келліи у дѣда , подъ Началомъ . Тамъ Патріархъ Іовъ узналъ его , посвятиль въ Діаконы и взялъ къ себѣ для книжнаго дѣла : ибо Григорій умѣлъ не только хорошо списывать , но даже и сочинять Каноны Святымъ лучше многихъ старыхъ книжниковъ того времени . Пользуясь милостію Іова , онъ часто Ѵздила съ нимъ и во дворецъ : видѣлъ пышность Царскую и плѣнялся ею ; изъявлялъ необыкновенное любопытство ; съ жадностію слушалъ людей разумныхъ , особенно когда въ искреннихъ , тайныхъ бесѣдахъ произносилось имя Димитрія Царевича ; вездѣ , гдѣ могъ , вывѣдывалъ обстоятельства его судьбы несчастной , и записывалъ на хартіи . Мысль чудная уже поселилась и зрела въ душѣ мечтателя , внущенная ему , какъ увѣряютъ (195) , однимъ злымъ Иономъ : мысль , что смѣлый самозванецъ можетъ воспользоваться легковѣріемъ Россіянъ , умилляемыхъ памятію Димитрія , и въ честь Небеснаго Правосудія казнить святоубійцу ! Сѣмѧпало на землю плодоносную : юный Діаконъ съ прилѣжаніемъ читалъ Россійскія лѣтописи , и не скромно , хотя и въ шутку , говаривалъ иногда Чудовскимъ Монахамъ : «знаете ли , что я буду «Царемъ на Москвѣ ?» Одни смѣялись ; другіе плевали ему въ глаза , какъ вралю дерзкому . Сіи или подобныя рѣчи дошли до Ростовскаго Митрополита Іоны , который объявилъ Патріарху и самому Царю , что «недостойный Ионъ Григорій хочетъ быть сосудомъ Діавольскимъ :»

добродушный Патріархъ не уважилъ Митрополитова извѣта; но Царь велѣлъ Дьяку своему, Смирнову-Васильеву, отправить безумца Григорія въ Соловки, или въ Бѣлозерскія пустыни, булто бы за ересь, на вѣчное покаяніе (¹⁹⁶). Смирной сказалъ о томъ другому Дьяку, Евфимьеву; Евфимьевъ же, будучи свойственникомъ Отрепьевыхъ, умолилъ его не спѣшить въ исполненіи Царскаго Указа, и даль способъ опальному Діакону спастися бѣгствомъ (въ Февралѣ 1602 года), вмѣстѣ съ двумя Иноками Чудовскими, Священникомъ Варлаамомъ и крымощаниппомъ Мисаиломъ Повадинымъ. Не думали гнаться за ними, и не извѣстили Царя, какъ увѣряютъ, о семъ побѣгѣ, коего слѣдствія оказались столь важными.

Бролаги-Иноки были тогда явленіемъ обыкновеннымъ; всякая Обитель служила для нихъ гостиницею: во всякой находили они покой и довольствіе, а на путь запасъ и благословеніе. Григорій и товарищи его свободно достигли Новагорода Сѣверскаго, гдѣ Архимандритъ Спасской Обители принялъ ихъ весьма дружелюбно и даль имъ слугу съ лошадьми, чтобы ѿхать въ Путивль; по бѣглецы, отославъ провожатаго, сїѣшили въ Кіевъ, и Спасскій Архимандритъ нашелъ въ келліи (¹⁹⁷), гдѣ жилъ Григорій, слѣдующую записку: «Я Царевичъ Димитрій, сынъ «Іоанновъ, и не забуду твоей ласки, когда сяду «на престолъ отца моего.» Архимандритъ ужаснулся; не зналъ, что дѣлать; рѣшился молчать.

Такъ въ первый разъ открылся Самозванецъ еще въ предѣлахъ Россіи; такъ бѣглый Діаконъ вздумалъ грубою ложью низвергнуть великаго Монарха и сѣсть на его престолъ, въ Державѣ, гдѣ Вѣнценосецъ считался земнымъ Богомъ, — гдѣ народъ еще никогда не измѣнялъ Царямъ, и гдѣ присяга, данная Государю избранному, для вѣрныхъ подданныхъ была не менѣе священнаю! Чѣмъ, кромѣ дѣйствія непостижимой Судьбы, кромѣ воли Провидѣнія, можемъ изъяснить не только успѣхъ, но и самую мысль такого предпріятія? Оно казалось безумiemъ; но безумецъ избралъ надежнѣйшій путь къ цѣли: Литву!

Тамъ древия, естественная ненависть къ Россіи всегда усердно благопріятствовала нашимъ измѣнникамъ, отъ Князей Шемякина, Верейскаго, Боровскаго и Тверскаго до Курбскаго и Головина (¹⁹⁸): туда устремился и Самозванецъ, не прямую дорогою, а мимо Стародуба, къ Луевымъ горамъ, сквозь темные лѣса и лебри, гдѣ служилъ ему путеводителемъ новый спутникъ его, Ипокъ Днѣпрова монастыря, Пименъ (¹⁹⁹), и гдѣ, вышедши наконецъ изъ Россійскихъ владѣній близъ Литовского селенія Слоболки, онъ принесъ усердную благодарность Небу за счастливое изѣженіе всѣхъ опасностей. Въ Киевѣ, синекавъ милость знаменитаго Воеводы, Князя Василія Константиновича Острожскаго, Григорій жилъ въ Печерскомъ монастырѣ, а послѣ въ Никольскомъ и въ Дерманѣ; вездѣ священно-

дѣйствовалъ какъ Діаконъ, но всѣжъ жизнь со-
блазнительную, презирая уставъ воздержанія и
цѣломудрія; хвалился свободою мнѣній, любилъ
толковать о Законѣ съ иновѣрцами и былъ даже
въ тѣсной связи съ Анабаптистами (²⁰⁰). Между
тѣмъ безумная мысль не усыпала въ головѣ
прошеца: онъ распустилъ темную молву о спа-
сеніи и тайномъ убѣжищѣ Димитрія въ Литвѣ;
свелъ знакомство съ другимъ отчаяннымъ бро-
дягою, Июкомъ Крышецкаго монастыря, Леони-
домъ (²⁰¹): уговорилъ его называться своимъ име-
немъ, то есть, Григоріемъ Отрепьевымъ; а самъ,
скинувъ съ себя одежду Монашескую, явился
міряниномъ, чтобы удобнѣе пріобрѣсти навыки
и знанія, нужныя ему для ослѣплея людей.
Среди густыхъ камышей Днѣпровскихъ гнѣзди-
лись тогда шайки удалыхъ Запорожцевъ, бли-
тельныхъ стражей и дерзкихъ грабителей Ли-
товскаго Княжества: у нихъ, какъ пишутъ, Раз-
стрига Отрепьевъ нѣсколько времени учился вла-
дѣть мечемъ и конемъ, въ шайкѣ Герасима Еван-
гелика (²⁰²), Старшины именитаго; узналъ и по-
любилъ опасность; добылъ первой воинской
опытности и корысти. Но скоро увидѣли проше-
ца на иномъ єеатрѣ: въ мирной школѣ го-
родка Волынскаго, Гащи, за Польскою и Латин-
скою Грамматикою (²⁰³): ибо миному Царевичу
надобно было дѣйствовать не только оружіемъ,
но и словомъ. Изъ школы онъ перешелъ въ
службу Князю Адаму Вишневецкому, который
жилъ въ Брагинѣ со всею пышнотою богатаго

Вельможи. Тутъ Самозванецъ приступилъ къ дѣлу — и если искалъ надежнаго, лучшаго пособника въ предпріятіи равно дерзкомъ и нелѣпомъ, то не обманулся въ выборѣ: ибо Вишневецкій, сильный при Дворѣ и въ Государственной Думѣ многочисленными друзьями и прислужниками, соединялъ въ себѣ надменность съ умомъ слабымъ и легковѣріемъ младенца (²⁰⁴). Но-
вый слуга знаменитаго Пана велъ себя скромно; убѣгалъ всякихъ низкихъ за-
Поведе-
ниe и
наруж-
ностъ
обман-
щика.
бавъ, ревностно участвовалъ только въ воинскихъ, и съ отмѣнною ловкостію. Имѣя наружность не красивую — ростъ средній, грудь широкую, волосы рыжеватые, лицо круглое, бѣлое, но совсѣмъ не привлекательное, глаза голубые безъ огня, взоръ тусклый, носъ широкій, бородавку подъ правымъ глазомъ, также на лбу, и одну руку короче другой — Отрецьевъ замѣнялъ сію невыгоду живостію и смѣлостію ума, краснорѣчіемъ, осанкою благородною (²⁰⁵). Заслуживъ вниманіе и добroe расположение господина, хитрый обманщикъ притворился больнымъ, требовалъ Духовника, и сказалъ ему тихо: «Умираю. «Предай мое тѣло земль съ честію, какъ «хоронять дѣтей Царскихъ. Не объявлю «своей тайны до гроба; когда же закрою «глаза навѣки, ты найдешь у меня подъ «ложемъ свитокъ, и все узнаешь; но друг-

«гімъ не сказывай. Богъ судилъ мнъ умереть «въ злосчастіи (206).» Духовникъ былъ Іезуитъ: онъ спѣшилъ извѣстить Князя Вишневецкаго о сей тайнѣ, а любопытный Князь спѣшилъ узнать ее: обыскаль постелю мнимо-умирающаго; нашелъ бумагу, заблаговременно изготовленную, и прочиталъ въ ней, что слуга его есть Царевичъ Димитрій, спасеній отъ убіенія своимъ вѣрнымъ Медикомъ (207); что злодѣи, присланые въ Угличъ, умертили одного сына Герейскаго, вместо Димитрія, коего укрыли добрые Вельможи и Дьяки ІІІелкаловы, а послѣ выпроводили въ Литву, исполия наказъ Іоанновъ, данный имъ на сей случай (208). Вишневецкій изумился: еще хотѣлъ сомнѣваться, но уже не могъ, когда хитрецъ, виня нескромность Духовника, раскрылъ свою грудь, показалъ золотой, драгоценными каменьями осшпаний крестъ (вѣроятно, гдѣ нибудь украденный) и съ слезами объявилъ, что сія святыни дана ему крестнымъ отцемъ, Княземъ Иваномъ Мстиславскимъ (209).

Вельможа Литовскій былъ въ восхищениі. Каякая слава представлялась для него возможною! бывшаго слугу своего увидѣть на тронѣ Московскому! Онъ не щадилъ ничего, чтобы поднять мнимаго Димитрія съ одра смертного, и въ краткое время его притворнаго выздоровленія изготавливъ ему великолѣпное жилище, пышную услугу, богатыя одежды, успѣль во всей Литвѣ разгласить о чудесномъ спасеніи Іоаннова сына.

Братъ Князя Адама, Константина Вишневецкій, и тестъ сего послѣдняго, Воевода Сеномирскій, Юрій Мишиекъ, взяли осо-бенное участіе въ судьбѣ столь знамени-таго изгнаника, какъ они думали, вѣря свитку, золотому кресту обманника и сви-дѣтельству двухъ слугъ: обличеннаго вора, бѣглеца Петровскаго, и другаго, Минш-кова холопа, который въ Іоанново время былъ нашимъ пленникомъ и будто бы ви-далъ Димитрія (младенца двухъ или трехъ лѣтъ) въ Угличъ: первый увѣрялъ, что Царевичъ дѣйствительно имѣлъ примѣты Самозванца (дотолѣ никому неизвѣстныя): бородавки на лицѣ и короткую руку. Виш-невецкіе донесли Сигизмунду, что у нихъ истинный наследникъ Феодоровъ; а Сигиз-мундъ отвѣтствовалъ, что желаетъ его ви-дѣть, уже бывъ извѣщенъ о семъ любо-пытномъ явленіи другими, не менѣе рев-ностными доброхотами Самозванца: Пап-скимъ Нунціемъ Рангони и пропырливыми Иезуитами, которые тогда царствовали въ Польшѣ, управляя совѣстю малодушного Сигизмунда, и легко вразумили его въ важ-ныя слѣдствія такого случая.

Въ самомъ дѣлѣ что могло казаться счастливѣе для Литвы и Рима? Чего не льзя было имъ требовать отъ благодарно-сти Лжедимитрія, содѣйствуя ему въ прі-обрѣтеніи Царства, которое всегда грозило

Литвѣ и всегда отвергало духовную власть Рима? Въ опасномъ непріятелѣ Сигизмундъ могъ найти друга и союзника, а Папа усерднаго сына въ непреклонномъ ослушникѣ. Симъ изъясняется легковѣріе Короля и Нунція: думали не объ истинѣ, но единственно о пользѣ; одно бѣдствіе, одно смятеніе и междуусобіе Россіи уже плѣняло воображеніе нашихъ враговъ естественныхъ; и если робкій Сигизмундъ еще колебался, то ревностные Іезуиты побѣдили его первѣшнность, представивъ ему способъ, обольстительный для душъ слабыхъ: дѣйствовать не открыто, не прямо, и подъ лициною мирнаго сосѣда ввергнуть пламя войны въ Россію. — Уже Рангони находился въ тѣсной связи съ Самозванцемъ, и дѣятельные Іезуиты служили посредниками между ими; уже съ обѣихъ сторонъ изъяснились и заключили договоръ: Лжедимитрій писменно обязался за себя и за Россію пристать къ Латинской Церкви, а Рангони быть его ходатаемъ, не только въ Польшѣ и въ Римѣ (²¹⁰), но и во всей Европѣ; совѣтовавъ ему спѣшить къ Королю и ручался за добroe слѣдствіе ихъ свиданія.

Вмѣстѣ съ Воеводою Сеномирскимъ и Княземъ Вишневецкимъ Отрепьевъ (въ 1603 или 1604 году) явился въ Krakовѣ, гдѣ Нунцій немедленно посѣтилъ его. «Я самъ былъ тому свидѣтелемъ,» пишетъ Секретарь Королевскій, Чилли (²¹¹), спрашивимому Царевичу: «я видѣлъ, какъ Нунцій обнималъ и ласкалъ Димитрія,

«бесѣдуя съ нимъ о Россіи, и говоря, что
«ему должно торжественно обѣявить себя
«Католикомъ для успѣха въ своемъ лѣтѣ.
«Димитрій съ видомъ сердечнаго умиленія
«клялся въ непремѣнномъ исполненіи дан-
«наго имъ обѣта, и вторично подтвердила
«сію клятву въ домѣ у Нунція, въ присут-
«ствіи многихъ Вельможъ. Угостивъ Ца-
«ревича пышнымъ обѣломъ, Рангони по-

*Сопда-
ние Лже-
димит-
рія съ
Коро-
лемъ
Поль-
скимъ.*

«весь его во дворецъ. Сигизмундъ, обы-
«кновенно важный и величавый, принялъ
«Димитрія въ кабинетъ, стоя, и съ ласко-
«вою улыбкою. Димитрій поцѣловалъ у
«него руку, рассказалъ ему всю свою исто-
«рію,» и заключилъ такъ (212): *Государь!*
«спомни, что ты самъ родился въ узахъ и
«спасенъ единственно Проридѣніемъ. Держав-
«ный изгнаникъ требуетъ отъ тебя сожа-
«лънія и помощи. «Чиновникъ Королевскій
«далъ знакъ Царевичу, чтобы онъ вышелъ
«въ другую комнату, гдѣ Воевода Сендо-
«мирскій и все мы ждали его. Король
«остался наединѣ съ Нунціемъ, и чрезъ
«несколько минутъ снова призвалъ Дими-
«стрія. Положивъ руку на сердце, смирен-
«ный Царевичъ болѣе вздохами, нежели
«словами убѣжалъ Сигизмунда быть ми-
«лостивымъ. Тогда Король съ веселымъ
«видомъ, приподнявъ свою шляпу, ска-
«залъ: *Да поможетъ вамъ Богъ, Москов-
«скій Князь Димитрій!* а мы, высушавъ и

«размотрѣвъ вѣдь ваши свидѣтельства, несомнѣнно видимъ вѣдь васъ Іоаннова сына, и вѣдо-
«доказательство нашего искренняго благоволенія
«опредѣляемъ вамъ ежегодно 40,000 злотыхъ,» (54,000 нынѣшнихъ рублей серебряныхъ) «на
«содержаніе и велика издержки. Сверхъ того вы,
«какъ истинный другъ Республики, вольны спо-
«ситься съ нашими Панами, и пользоваться ихъ
«усерднымъ вспоможеніемъ. Сія рѣчь столь вос-
«хитила Димитрія, что онъ не могъ сказать ни
«единаго слова: Нуцій благодарилъ Короля,
«привезъ Царевича въ домъ къ Воеводѣ Сендо-
«мирскому, и снова обнявъ его, совѣтовалъ ему
«дѣйствовать немедленно, чтобы скорѣе достиг-
«нуть цѣли: отнять Державу у Годунова и па-
«вѣки утвердить въ Россіи Вѣру Католическую
«съ Іезуитами.» Прежде всего надлежало самому
Лжедимитрію принять сю Вѣру: чего неотмѣнно
хотѣлъ Рангони; но условились не оглашать
того до времени, боясь закоренѣлой ненависти
Россіянъ къ Латинской Церкви. Дѣйствіе совер-
шилось въ домѣ Краковскихъ Іезуитовъ. Раз-
стрига щель къ нимъ тайно, съ какимъ-то Вель-
можею Польскимъ, въ бѣдномъ рубищѣ, закры-
вая лицо свое, чтобы никто не узналъ его; вы-
бралъ одного изъ нихъ себѣ въ Духовники,
исповѣдался, отрекся отъ нашей Церкви, и какъ
новый ревностный сынъ Западной принялъ тѣло
Христово съ муропомазаніемъ отъ Римскаго
Нунція. Такъ сказано въ *Письмахъ Іезуитскаго
Общества* (213), которое славило будущія великия

добродѣтели мнимаго Димитрія , надѣясь усердіемъ его подчинить Риму *весь неизмѣримая страны Востока!* — Тогда Отрѣпьевъ, слѣдуя наставленіямъ Нунція, собственною рукою написалъ краснорѣчивое Латинское письмо къ Папѣ , чтобы имѣть въ немъ искренняго покровителя — и Климентъ VIII не замедлилъ удостовѣрить его въ своей готовности вспомогать ему всею духовною властію Апостольскаго Намѣстника (²¹⁴).

Письмо къ Папѣ .
Должно отдать справедливость уму Разстриги : предавъ себя Іезуитамъ , онъ выбралъ дѣйствительнѣйшее средство одушевить ревностію беспечнаго Сигизмунда, который , вопреки чести , совѣсти , Народному Праву и мнѣнію многихъ знатныхъ Вельможъ , рѣшился быть сподвижникомъ бродяги. Славный другъ Баторіевъ , Гетманъ Замойскій , былъ еще живъ : Король писалъ къ нему о своемъ важномъ предпріятіи, говоря, что Республика, доставивъ Димитрію корону, будетъ располагать силами Московской Державы , легко обуздаетъ Турковъ , Хана и Шведовъ , возметъ Эстонію и всю Ливонію , октроетъ путь для своей торговли въ Персію и въ Индію ; но что сіе великое намѣреніе , требуя тайны и скорости, не можетъ быть предложено Сейму , дабы Годуновъ не имѣлъ времени изготавляться къ оборонѣ (²¹⁵). Тщетно старецъ Замойскій , Панъ Жолкѣвскій , Князь

Острожскій и другіе Вельможи благоразумные удерживали Короля, не совѣтуя ему легкомысленно вдаваться въ опасность такой войны, особенно безъ вѣдома Чиновъ Государственныхъ, и съ малыми силами; тщетно знаменитый Панъ Збаражскій доказывалъ, что мнимый Димитрій есть безъ сомнѣнія обманщикъ. Убѣжденный Иезуитами, но не дерзая самовластно нарушить двадцатилѣтняго перемирія, заключеннаго между имъ и Борисомъ, Король велѣлъ Мнишку и Вишневецкимъ поднять знамя противъ Годунова именемъ Іоаннова сына и составить рать изъ вольницы; опредѣлилъ ей на жалованье доходы Сеномирскаго Воеводства; внушалъ Дворянамъ, что слава и богатство ожидаютъ ихъ въ Россіи, и торжественно возложивъ съ своей груди златую цѣпь на Разстригу (²¹⁶), отпустилъ его съ двумя Иезуитами изъ Кракова въ Галицію, гдѣ, близъ Львова и Самбора, въ маestностяхъ Вельможи Мнишка, подъ Собра-
распущенными знаменами уже толпилась вѣ-
ска.

Главою и первымъ ревнителемъ сего подвига сдѣтался старецъ Мнишекъ, косму старость не мѣшала быть ни честолюбивымъ, ни легкомысленнымъ до безразсудности. Онъ имѣлъ юную dochь прелестницу, Марицу, подобно ему честолюбивую и вѣтреную: Жедимитрій, гостя у него въ

Самборъ, объявилъ себя, искренно или притворно, страстнымъ ея любовникомъ, и вскружилъ ей голову именемъ Царевича; а гордый Воевода съ радостю благословилъ сию взаимную склонность, въ надеждѣ видѣть Россію у ногъ своей дочери, какъ наследственную собственность его потомства. Чтобы утвердить сию лестную надежду и хитро воспользоваться еще невѣрными обстоятельствами жениха, Минштѣкъ

Догово-
ри Ало-
димит-
ріи съ
Минш-
комъ.

предложилъ ему условія, безъ малѣйшаго сомнѣнія принятія Разстрігою, который далъ на себя слѣдующее обязательство (письмное 25 Мая 1604, собственною рукою Воеводы Сенномирскаго ⁽²¹⁷⁾) : «Мы, Ди-
«митрій Ивановичъ, Божію милостію Ца-
«ревичъ Великой Россіи, Углицкій, Дми-
«тровскій и проч., Князь отъ колѣна пред-
«ковъ своихъ, и всѣхъ Государствъ Мо-
«сковскихъ Государь и наследникъ, по
«уставу Небесному и примѣру Монарховъ
«Христіанскихъ избрали себѣ достойную
«супругу, Вельможную Панину Марину, дочь
«Ясповельможнаго Пана Юрія Миншка, ко-
«его считаемъ отцемъ своимъ, испытавъ
«его честность и любовь къ памъ, но отло-
«жили бракосочетаніе до нашего воцаре-
«нія: тогда — въ чёмъ клянемся именемъ
«Св. Троицы и прямымъ словомъ Цар-
«скимъ — женося на Паниѣ Маринѣ, обя-
«зываясь 1) выдать племдленію миллионъ

«злотыхъ» (1,350,000 пынъшнихъ серебряныхъ рублей) «на уплату его долговъ и на ея путеше-
«ствіе до Москвы, сверхъ драгоцѣнностей, кото-
«рыя пришлемъ ей изъ нашей казны Москов-
«ской; 2) торжественнымъ Посольствомъ извѣ-
«стить о семъ дѣлѣ Короля Сигизмунда, и
«просить его благосклоннаго согласія на оное;
«3) будущей супругѣ нашей уступить два Вели-
«кія Государства, Новгородъ и Псковъ, со всѣми
«Уѣздами и пригородами, съ людьми Думными,
«Дворянами, Дѣтьми Боярскими и съ Духовен-
«ствомъ, такъ, чтобы она могла судить и рядить
«въ нихъ самовластию, опредѣлять Намѣстни-
«ковъ, раздавать вотчины и помѣстья своимъ
«людямъ служивымъ, заводить школы, строить
«монастыри и церкви Латинской Вѣры, свободно
«исповѣдуя сію Вѣру, которую и мы сами при-
«няли, съ твердымъ намѣреніемъ ввести ону
«во всемъ Государствѣ Московскому. Если же—
«отъ чего Боже сохрани—Россія воспротивится
«нашимъ мыслямъ, и мы не исполнимъ своего
«обязательства въ теченіе года, то Панна Ма-
«рина вольна развестися со мною или взять тер-
«пѣніе еще на годъ,» и проч. Сего не довольно:
въ восторгѣ благодарности Джедимитрій другою грамотою (писаною 12 Июня 1604) отдалъ Минишку въ наследственное владѣніе Княжество Смоленское и Сѣверское, кроме нѣкоторыхъ Уѣздовъ, назначенныхъ имъ въ даръ Королю Сигизмунду и Республике, въ залогъ вѣчнаго, ненарушимаго мира между ю и Московскою

Державою (218) . . . Такъ бѣглый Діаконъ, чудесное орудіе гнѣва Небеснаго, подъ именемъ Царя Россійскаго готовился предать Россію, съ ея величіемъ и православіемъ, въ добычу Іезуитамъ и Ляхамъ! Но способы его еще не отвѣтствовали важности замысла.

Ополчалась въ самомъ дѣлѣ не рать, а сволочь на Россію: весьма не многіе знатные Дворянѣ, въ угодность Королю, мало уважаемому, или прельщаясь мыслю храбровать за изгнанника Царевича, явились въ Самборѣ и Львовѣ: стремились туда бродяги, голодные и полунагіе, требуя оружія не для побѣды (219), но для грабежа или жалованья, которое щедро выдавалъ Миншекъ въ надеждѣ на будущее: на богатое вѣно Маринѣ и доходы Смоленскаго Княжества. Разстрига и друзья его чувствовали нужду въ иныхъ, лучшихъ сподвижникахъ, и должны были естественно искать ихъ въ самой Россіи. Достойно замѣчанія, что нѣкоторые изъ Московскихъ бѣглецовъ, Дѣтей Боярскихъ, исполненныхъ ненависти къ Голунову, укрываясь тогда въ Литвѣ, не хотѣли быть участниками сего предпріятія, ибо видѣли обманъ и гнаушились злодѣйствомъ: пишутъ, что одинъ изъ нихъ, Яковъ Пыхачевъ, даже всенародно, и предъ лицемъ Короля, свидѣтельствовалъ о семъ грубомъ обманѣ, вмѣстѣ съ товарищемъ Разстрягинымъ, Инокомъ Варлаамомъ, встревоженнымъ совѣстю; что имъ не вѣрили и прислали обоихъ скованныхъ къ Воеводѣ Миншку въ

Самборъ, гдѣ Варлаама заключили въ темницу, а Пыхачева, обвиняемаго въ намѣреніи умертвить Лжедимитрія, казнили (²²⁰). Другіе бѣглецы, менѣе совѣстные, Дворянинъ Иванъ Борощинъ съ десятью или пятнадцатью клевретами (²²¹), пали къ ногамъ мнимаго Царевича я составили его первую дружину Русскую: скоро нашлася гораздо сильнѣйшая. Зная свойство мятеjныхъ Донскихъ Козаковъ — зная, что они не любили Годунова, казнившаго многихъ изъ нихъ за разбой — Лжедимитрій послалъ на Донъ Литвина Свирскаго (²²²) съ грамотою; писалъ, что онъ сынъ первого Царя Бѣлаго, коему сіи вольные Христіанскіе витязи присягнули въ вѣрности; звалъ ихъ на дѣло славное: свергнуть раба и злодѣя съ престола Іоаннова. Два Атамана, Андрей Корсакъ и Михайло Нѣжакожъ (²²³), спѣшили видѣть Лжедимитрія; видѣли его честимаго Сигизмундомъ, Вельможными Папами, и возвратились къ товарищамъ съ удостовѣреніемъ, что ихъ зоветъ истинный Царевичъ. Удальцы Донскіе сѣли на коней, чтобы присоединиться къ толпамъ Самозванца. Между тѣмъ усердный слуга его, Панъ Михайло Ратомскій, Остерскій Староста, волновалъ нашу Україну чрезъ своихъ лазутчиковъ и двухъ Монаховъ Русскихъ (²²⁴), вѣроятно Мисаила и Леонида, изъ коихъ послѣдній, снявъ на себя имя Григорія Отрепьевы, могъ свидѣтельствовать, что оно не принадлежитъ Самозванцу. Въ городахъ, въ селахъ и на дорогахъ подкидывали грамоты отъ

Лжедимитрія къ Россіянамъ⁽²²⁵⁾, съ вѣстю, что онъ живъ и скоро къ нимъ будетъ. Народъ изумлялся, не зная, вѣрить тому или не вѣрить; а бродяги, негодяи, разбойники, издавна гнѣздавшіеся въ землѣ Сѣверской⁽²²⁶⁾, обрадовались: наступало ихъ время. Кто бѣжалъ въ Галицію къ Самозванцу, кто въ Кіевъ, гдѣ Ратомскій также выставилъ знамя для собранія вольницы: онъ поднялъ и Козаковъ Запорожскихъ, прельщеныхъ мыслю вести бывшаго ученика своего на Царство Московское. — Столько движенія, столько гласныхъ происшествій могло ли утаиться отъ Годунова?

Еще прежде, нежели Самозванецъ открылся Вишиевецкимъ, слухъ, распущеній имъ въ Литвѣ о Димитріи⁽²²⁷⁾, сдѣлался, вѣроятно, извѣстнымъ Борису. Въ Генварѣ 1604 года Нарвскій сановникъ Тирфельдъ писалъ съ гонцемъ къ Абовскому градоначальнику, что мнимо-убитый сынъ Іоанновъ живетъ у Козаковъ⁽²²⁸⁾: гонца задержали въ Иванъгородѣ, и письмо его доставили Царю. Въ то же время пришли и вѣсти изъ Литвы и подметныя грамоты Лжедимитріевы отъ нашихъ Воеводъ Украинскихъ; въ то же время, на берегахъ Волги, Донскіе Козаки разбили Окольничаго Семена Годунова, посланного въ Астрахань, и захвативъ нѣсколько Стрѣльцовъ, отпустили ихъ въ Москву съ такимъ наказомъ: «объявите Борису, что мы скоро «будемъ къ нему съ Царевичемъ Димитріемъ!» Одинъ Богъ видѣлъ, что происходило въ душѣ

Годунова, когда онъ услышалъ сіе роковое имя!.. но чѣмъ болѣе устрашился, тѣмъ болѣе хотѣлъ казаться безстрашнымъ. Не сомнѣваясь въ убѣспіи истиннаго сына Мѣры
взятая
Бориса (229), онъ изъяснялъ для себя
сомъ.
столь дерзкую ложь умысломъ своихъ тайныхъ враговъ, и вѣльвъ лазутчикамъ узнать въ Литвѣ, кто сей Самозванецъ, искалъ заговора въ Россіи: подозрѣвалъ Бояръ; призвалъ въ Москву Царицу-Инокиню, мать Димитріеву, и ѿздилъ къ ней въ Дѣвичій монастырь съ Патріархомъ (230), воображая, какъ вѣроятно, что она могла быть участницею предполагаемаго кова, и надѣясь лестію или угрозами вывѣдать ея тайну: но Царица-Инокиня, равно какъ и Бояре, ничего не знала, съ удивленіемъ и, можетъ быть, не безъ внутренняго удовольствія слыша о Лжедимитріи, который не замѣнялъ сына для матери, но страшилъ его убійцу. Свѣдавъ наконецъ, что Самозванецъ есть разстрѣга Отрепьевъ, и что Дьякъ Смирной не исполнилъ Царскаго указа сослать его въ пустыню Бѣломорскую (231), Борисъ усилиемъ притворства не окказалъ гиѣва, ибо хотѣлъ увѣрить Россіянъ въ маловажности сего случая: Смирной трепеталъ, ждалъ гибели, и былъ казненъ, но послѣ, и будто бы за другую вину: за расхищеніе государственного достоянія. Удвоивъ заставы на Литовской

границъ, чтобы перехватывать вѣсти о Самозванцѣ, однако же чувствуя невозможность скрыть его явленіе отъ Россіи, и боясь молчаніемъ усилить вредные толки, Годуновъ обнародовалъ исторію бѣглеца Чудовскаго (²³²), вмѣстѣ съ допросами Монаха Пимена, Венедикта Чернца Смоленскаго и мѣщанина Ярославца, иконника Степана: первый объявлялъ, что онъ самъ вывелъ бродягу Григорія въ Литву, но не хотѣлъ итти съ нимъ далѣе, и возвратился; второй и третій свидѣтельствовали, что они знали Отрепьева Діакономъ въ Кіевѣ и воромъ между Запорожцами; что сей негодяй, богоотступникъ, чернокнижникъ, съ умыслу Князей Вишневецкихъ и самого Короля, дерзасть въ Литвѣ называться Димитріемъ. Въ то же время Царь послалъ, отъ имени Бояръ, дядю Разстрѣгина, Смирнаго-Отрепьева, къ Сигизмундовымъ Вельможамъ, чтобы въ ихъ присутствіи изобличить племянника (²³³); послалъ и къ Донскимъ Козакамъ Дворянина Хрущова, вывести ихъ изъ бѣдственнаго заблужденія. Но грамоты и слова не действовали: Вельможи Королевскіе не хотѣли показать Лжедимитрія Смирному-Отрепьеву, и сухо отвѣтствовали, что имъ нѣть дѣла до мнимаго Царевича Россійскаго; а Козаки схватили Хрущова, оковали и приг. 1604 везли къ Самозванцу (²³⁴). Уже Разстрѣга

(15 Августа) двинулся съ своими дружинами къ берегамъ Днѣпровскимъ и стоялъ (17 того же мѣсяца) въ Сокольникахъ: Хрущовъ, представ-ленный ему въ цѣняхъ, взглянулъ на него . . . залился слезами и паль на колѣна, воскликнувъ: «вижу Іоанна въ лицѣ твоемъ: я твой слуга на-«вѣки!» Съ него сняли оковы; и сей первый чиновный измѣнникъ, ослѣпленный страхомъ или корыстю, въ знакъ усердія донесъ своему новому Государю, мѣшаю истину съ ложью, что «народъ изъявляетъ въ Россіи любовь къ Дими-«трю ; что самые знатные люди , Меншикъ Бул-гаковъ и другіе (²³⁵), пили у себя съ гостями чашу за его здравіе и были , по доносу слугъ, осуждены на казнь; что Борисъ умертвилъ и сестру, вдовствующую Царицу Ирину, которая всегда видѣла въ немъ Монарха беззаконнаго; что онъ , не смѣя явно ополчаться противъ Ди-митрія , сводить полки въ Ливнахъ, будто бы на случай Ханскаго нападенія; что главные Воеводы ихъ, Петръ Шереметевъ и Михайло Салтыковъ, встрѣтясь съ нимъ , Хрущовымъ, въ искренней бесѣдѣ сказали : *насъ ожидаетъ не Крымская , а совѣтъ иная война — но трудно поднять руку на Государя природнаго*; что Борисъ не здоровъ, едва ходить отъ слабости въ ногахъ, и думается тайно выслать казну Московскую въ Астрахань и въ Персію.» Годуновъ безъ сомнѣнія не убиль Ирины и не думалъ искать убѣжища въ Персіи; еще не видаль дотолѣ измѣнны въ Россіянахъ, и не казнилъ ни одного человѣка за явную при-

верженність къ Самозванцу (²³⁶); съ жадностію слушая лазутчиковъ, допосителей, клеветниковъ, воздерживалъ себя отъ тиранства для своей безопасности въ такихъ обстоятельствахъ, и терзаемый полозрѣніями, еще не основательными, хотѣль знаками великодушной довѣренности тронуть Боярь и чиновниковъ: но дѣйствительно медлилъ двинуть значительную рать прямо къ Литовскимъ предѣламъ, въ доказательство ли безстрашія, боясь ли сильнымъ ополченіемъ дать народу мысль о важности непріятеля, избѣгая ли войны съ Польшею до самой крайней необходимости? Сія необходимость была уже очевидна: Король Сигизмундъ вооружалъ на Бориса не только Самозванца, но и Крымскихъ разбойниковъ, убѣждая Хана вступить вмѣстѣ съ Лжедимитріемъ въ Россію. Борисъ зналъ все, и еще послалъ въ Варшаву, лично къ Королю, Дворянина Огарева, усовѣстить его представленіемъ, сколь упизительно для Вѣнценосца Христіанскаго быть союзникомъ подлаго обманщика; вторично объявлялъ (²³⁷), кто сей мнимый Царевичъ, и спрашивалъ, чего Сигизмундъ желаетъ: мира или войны съ Россіею? Сигизмундъ хотѣль лукавствовать, и подобно своимъ Вельможамъ отвѣчалъ, что не стоитъ за Лжедимитрія и не мыслить нарушать перемирія; что нѣкоторые Ляхи самовольно помогаютъ сему бролягѣ, ушедшему въ Галицію, и будутъ наказаны какъ матежники. «Мы хотѣли обмануть Бога» (пишетъ современникъ,

одинъ изъ знатныхъ Ляховъ), «увѣряя безсознательно, что Король и Республика не участвуютъ въ Димитріевомъ предпріятіи» (238). Уже Самозванецъ началъ дѣйствовать, а Царь велѣлъ Патріарху Іову еще писать къ Духовенству Литовскому и Польскому, чтобы оно для блага обѣихъ Державъ старалось удалить кровопролитіе за богоотступника Разстрігу (239); всѣ наши Епископы скрѣпили Патріаршую грамоту своими печатями, клятвенно свидѣтельствуя, что они всѣ знали Отрепьева Монахомъ. Такую же грамоту написалъ Іовъ и къ Кіевскому Воеводѣ, Князю Василію Острожскому, напоминая ему, что онъ самъ зналъ сего бѣглеца Діакономъ, и заклиная его быть достойнымъ сыномъ Церкви: обличить Разстрігу, схватить и прислать въ Москву. Но гонцы Патріарховы не возвратились: ихъ задержали въ Литвѣ и не отвѣтствовали Іову, ни Духовенство, ни Князь Острожскій: ибо Самозванецъ дѣйствовалъ уже съ блестящимъ успѣхомъ.

Сie грозное ополченіе, которое шло низвергнуть Годунова, состояло едва ли изъ 1500 воиновъ исправныхъ, всадниковъ и пѣшихъ, кромѣ сволочи, безъ устройства и почти безъ оружія (240). Главными Предводителями были самъ Лжедимитрій (сопровождаемый двумя Іезуитами), юный Миншекъ (сынъ Воеводы Сеномирскаго), Дворжицкій, Фредро и Нѣборскій; каждый изъ нихъ имѣлъ свою особенную дружину и хоругвь; а старецъ Миншекъ первенствовалъ въ

ихъ Думъ. Они соединились близъ Кіева съ двумя тысячами Донскихъ Козаковъ, приведенными Свирскимъ, съ толпами вольницы, Кіевской и Сѣверской, ополченной Ратомскимъ, и 16 Октября вступили въ Россію (241) . . . . Тогда единствено Борисъ началъ рѣшительно готовиться къ оборонѣ; послалъ надежныхъ Воеводъ въ Украинскія крѣпости, съ Головами Стрѣлецкими; а знатныхъ Бояръ, Князя Дмитрія Шуйскаго, Ивана Годунова и Михайла Глѣбовича Салтыкова въ Брянскъ, чтобы собрать тамъ многочисленное полевое войско (242). Еще Борисъ могъ стыдиться страха, видя противъ себя толпы Ляховъ, нестройной вольницы и Козаковъ, предводимыхъ бѣглымъ разстрigoю; но сей человѣкъ назывался именемъ ужаснымъ для Бориса и любезнымъ для Россіи!

Лжедимитрійшелъ съ мечемъ и съ Манифестомъ: обѣявляя Россіанамъ, что онъ, невидимою десницею Всевышняго устраниенный отъ ножа Борисова и долго скрываемый въ неизвѣстности, сею же рукою изведенъ на ѿеатръ міра подъ знаменами сильного, храбраго войска, и сиѣшить въ Москву взять наслѣдіе своихъ предковъ, вѣнецъ и скипетръ Владиміровъ; напоминаль всѣмъ чиновникамъ и гражданамъ присягу, данную ими Іоанну; убѣждалъ ихъ оставить хищника Бориса и служить Государю законному; обѣщалъ миръ, тишину, благоденствіе, коихъ они не могли имѣть въ царствованіе злодѣя богопротивнаго (243). Вмѣстѣ съ тѣмъ

Воевода Сеномирскій именемъ Короля и Вельможныхъ Пановъ обнародовалъ, что они, убѣжденные локазательствами очевидными, несомнѣнно признали Димитрія истиннымъ Великимъ Княземъ Московскимъ⁽²⁴⁴⁾, дали ему рать и готовы дать еще сильнѣйшую для восшествія на престолъ отца его. Сей Манифестъ довершилъ дѣйствіе прежнихъ подметныхъ грамотъ Лжедимитрія въ Украинѣ, гдѣ не только сподвижники Хлопковы⁽²⁴⁵⁾ и слуги опальныхъ Бояръ, ненавистники Годунова — не только низкая чернь, но и многіе люди воинскіе повѣрили Самозванцу, не узнавая бѣлага Діакона въ союзникѣ Короля Сигизмунда, окруженномъ знатными Ляхами; въ витязѣ ловкомъ, искусствомъ владѣть мечемъ и конемъ; въ военачальникѣ болромъ и безстрашиомъ: ибо Лжедимитрій былъ всегда впереди, презиралъ опасность, и взоромъ спокойнымъ искалъ, казалось, не враговъ, а друзей въ Россіи. Несчастія Годунова времени, надежда на лучшее, любовь къ чрезвычайному и золото, разсыпаемое Минишкомъ и Вишневецкими, также способствовали легковѣрію народному. Тщетно градоначальники Борисовы хотѣли мѣшать распространенію листовъ Самозванцевыхъ, опровергали и жгли ихъ: листы ходили изъ рукъ въ руки, готовя измѣну. Начались тайныя сношенія между Самозванцемъ и городами Украинскими, гдѣ лазутчики его лѣстновали съ величайшею ревностію, обольщая умы и страсти людей — доказывая, что присяга,

данная Годунову, не имѣть силы: ибо обманутый народъ, присягая ему, считалъ сына Іоаннова мертвымъ (²⁴⁶); что самъ Борисъ знаетъ сю истину, обезумѣль въ ужасѣ и не противится мирному вступлѣнію Царевича въ Россію. Самые чиновники колебались, или въ оцѣнкѣ ждали дальнѣйшихъ происшествій; самые Воеводы, видя общее движеніе въ пользу Лжедимитрія, опасались, кажется, употребить строгость, и не изъявили должнаго усердія. Составились заговоры, и мятежъ вспыхнулъ.

Отреиньевъ на лѣвомъ берегу Диїпра раздѣлилъ свое войско (²⁴⁷): послалъ часть его къ Бѣлугороду, а самъшелъ вверхъ Десны, въ слѣдъ за разсыпаною дружиною переметчиковъ, которые служили ему вѣрными путеводителями, зная мѣста и людей. Едва ^{Первая} поставивъ ногу на Русскую землю (18 Октября), въ Слободѣ Шляхетской, онъ свѣдалъ о своемъ первомъ успѣхѣ: жители и воины Моравска отложились отъ Бориса; связали, выдали Воеводѣ своихъ Лжедимитрію; встрѣтили его съ хлѣбомъ и солью (²⁴⁸). Чувствуя важность начала въ такомъ предпріятіи, умный прошлецъ вель себя съ отмѣнною ловкостю: торжественно славилъ Бога; изъявлялъ милость и величавость; не укорялъ Воеводѣ Моравскихъ вѣриности къ Борису, жалѣя только объ

ихъ заблуждениі, и даль имъ свободу; жаловаль, ласкалъ измѣнниковъ, гражданъ, воиновъ, видомъ и разговоромъ не безъ искусства представляя лицо Державиаго, такъ, что отъ Литовскаго рубежа до самыхъ внутреннихъ областей Россіи съ неимовѣрною быстротою промчалась добрая слава о Жедимитріи — и знаменитая столица древнихъ Ольговичей не усомнилась слѣдовать примѣру Моравска. 26 Октября покорился Самозванцу Черниговъ, гдѣ ратники и граждане также встрѣтили его съ хлѣбомъ и солью, выдавъ ему Воеводъ (²⁴⁹), изъ коихъ главный, Князь Иванъ Андреевичъ Татевъ, внутренно ненавидя Бориса, какъ второй Хрущовъ безстыдно вступилъ въ службу къ обманщику. Тамъ хранилась значительная казна: Жедимитрій, раздѣливъ ее между своими воинами, усилилъ тѣмъ ихъ ревность; умножилъ и число, присоединивъ къ нимъ 300 Стрѣльцевъ измѣнниковъ и жителей, ополченныхъ усердіемъ къ нему или духомъ буйнымъ. Взявъ изъ Черниговской крѣпости 12 пушекъ, Самозванецъ оставилъ въ ней начальникомъ Ляха, и сѣвши къ Новугороду Сѣверскому. Опять надѣялся быть вездѣ завоевателемъ безъ кровопролитія, и дѣйствительно, на берегахъ Десны, Свины и Снова, видаѧ единственно колънопреклоненіе народа и слышаѧ радостный кликъ: «да здравствуетъ «Государь нашъ, Димитрій!»

Но вѣсти не было изъ Новагорода: жители не высыпали ко Жедимитрію ни призывающихъ гра-

мотъ, ни Воеводъ связанныхъ : тамъ бодрствовалъ одинъ человѣкъ, рѣшительный, смѣлый — и еще вѣрный! Сей витязь былъ Петръ Федоровичъ Басмановъ, братъ убитаго разбойниками (въ 1604 году) Ивана Басманова, дотолѣ известный только чрезвычайною судбою отца и дѣда (²⁵⁰), которые, всѣмъ жертвуя Ioannovoy милости, своею гибелю доказали Небесное правосудіе : наслѣдовавъ ихъ духъ цареворечскій, онъ соединялъ въ себѣ великия способности ума и даже иѣкоторыя благородныя качества сердца съ совѣстю уклонною, нестрогою, будучи готовъ на добро и зло для первенства между людьми. Борисъ видѣлъ въ юномъ Басмановѣ только достоинства ; вывелъ его, вмѣстѣ съ братомъ, изъ родовой опалы на степень знатности, въ 1601 году давъ ему санъ Окольничаго, и вмѣстѣ съ Бояриномъ, Княземъ Никитою Романовичемъ Трубецкимъ, послалъ-было спасти Черниговъ (²⁵¹) ; но они за 15 верстъ до сего города свѣдали, что тамъ уже Самозванецъ, и заключились въ Новѣгородѣ. Тогда узнали Басманова! Великая опасность поставила его выше Боярина Трубецкаго : принявъ начальство въ городѣ, гдѣ все колебалось отъ внушений измѣны или страха, онъ истинною и грозою обуздалъ предательство : самъ увѣренный въ обманѣ, увѣрилъ въ немъ и другихъ;

Витязь
Басмановъ.

самъ не боясь смерти, устрашилъ мятежниковъ казнью; сжегъ предмѣстія, и съ пятисотною дружиною Стрѣльцевъ Московскихъ заперся въ крѣпости, волею или неволею взявъ къ себѣ и знатиѣйшихъ жителей (252). 11 Ноября Лжедимитрій подступилъ къ Новугороду: тутъ Россіяне привѣтствовали его, въ первый разъ, ядрами и пулями! Онъ требовалъ переговоровъ: Басмановъ съ зажженнымъ фитилемъ стоялъ на стѣнѣ и слушалъ клеврета Самозванцева, Ляха Бучинскаго, который сказалъ, что Царь и Великій Князь Димитрій готовъ быть отцемъ воиновъ и жителей, если ему сдадутся, или, въ случаѣ упорства, не оставитъ живымъ ни груднаго младенца въ Новѣгородѣ. «Великій Князь и «Царь въ Москвѣ»,» отвѣтствовалъ Басмановъ: «а вашъ Димитрій разбойникъ сидеть на коль, «вмѣстѣ съ вами.» Отрепьевъ посыпалъ и Россійскихъ измѣнниковъ уговаривать Басманова, но бесполезно; хотѣлъ взять крѣпость смѣльымъ приступомъ, и былъ отраженъ; хотѣлъ огнемъ разрушить ея стѣны, но не успѣлъ и въ томъ; лишился многихъ людей, и видѣлъ бѣдствіе предъ собою: станъ его унылъ; Басмановъ давалъ время войску Борисову ополчиться и примеръ неробости инымъ градоначальникамъ.

Но добрыя вѣсти утѣшили Самозванца. Въ крѣпкомъ Путиглѣ начальствовали знатный Окольничій, Михайло Салтыковъ, и Князь Василій Рубецъ-Мосальскій: сей послѣдній, какъ воинъ не безъ достоинства, гражданинъ безъ чести и пра-

вилъ, съ Дьякомъ Сутуповымъ объявилъ себя за
мнимаго Царевича; самъ возмутилъ гражданъ и
ратниковъ; самъ связалъ Салтыкова, и (18 Ноября)
предавъ сіе важное мѣсто Разстрігѣ, слѣдал-
ся съ того времени любимцемъ его и совѣтни-
комъ (253). Не менѣе важный Рыльскъ, Волость
Комарницкая или Сѣвская, Борисовъ, Бѣлгородъ,
Волуйки, Осколь, Воронежъ, Кромы, Ливы,
Елецъ (гдѣ находился и ревностно дѣйство-
валъ тогда Монахъ Леонидъ (254) подъ именемъ
Григорія Отрепьева) также поддалися Самозван-
цу. Всѧ южная Россія киїла бунтомъ; всѣдѣ
вязали чиновниковъ, едва ли искренно вѣрныхъ
Борису, и представляли Жедимитрю, который
немедленно освобождалъ ихъ и съ милостію при-
нималъ къ себѣ въ службу (255). Рать его умно-
жалась новыми толпами измѣнниковъ. Перехва-
тивъ казну, тайно везеннюю Московскими куп-
цами въ медовыхъ бочкахъ къ начальникамъ
Сѣверскихъ городовъ (256), онъ послалъ знатную
часть ся въ Литву, къ Князю Вишневецкому и
Пану Рожинскому, чтобы набирать тамъ новыя
дружины сподвижниковъ; а самъ еще стоялъ
подъ Новыимгородомъ, стрѣлялъ изъ большихъ
пушекъ, разрушалъ стѣны (257). Басмановъ не
слабѣлъ духомъ и мужествовалъ въ счастли-
выхъ вылазкахъ; но видя разрушеніе крѣпости,
и зная, что войско Борисово идетъ спасти ее,
онъ хитро заключилъ перемиріе съ Самозван-
цемъ, будто бы въ ожиданіи вѣстей изъ Мо-
сквы, и во всякомъ случаѣ обязываясь сдаться

ему чрезъ двѣ недѣли. Уже Самозванецъ считалъ Новгородъ своимъ и Басманова пленникомъ.

Сіи быстрые успѣхи обольщенія поразили Годунова и всю Россію. Царь увидѣлъ, вѣроятно, свою ошибку — и сдѣлалъ другую; увидѣлъ, что ему надлежало бы не обманывать людей знаками лицемѣрнаго презрѣнія къ Разстрігѣ, но готовымъ, сильнымъ войскомъ отразить его отъ нашей границы и не впускатъ въ Сѣверскую землю, гдѣ еще жилъ старый духъ Литовской, и гдѣ скопище злодѣевъ, бѣглецовъ, слугъ опальныхъ⁽²⁵⁸⁾, естественно ожидало мятежа какъ счастія; гдѣ народъ и самые люди воинскіе, удивленные безпрепятственнымъ входомъ Самозванца въ Россію, могли, вѣрявшію его лазутчиковъ, думать, что Годуновъ дѣйствительно не смытъ противиться истинному Ioannovу сыну. Новое доказательство, сколь умъ обманчивъ въ раздорѣ съ совѣстю, и какъ хитрость, чуждая добродѣтели, защутывается въ сѣяхъ собственныхъ! Еще Робость Годунова.
Борисъ могъ бы исправить сию ошибку: сѣсть на браннаго коня и самолично вести Россіянъ противъ злодѣя. Присутствіе Вѣнценосца, его великодушная смѣлость и ловѣренность безъ сомнѣнія имѣли бы дѣйствіе. Не рожденный Героемъ, Годуновъ одинакожь съ юныхъ лѣтъ зналъ

войну ; умълъ силою души своей оживлять доблестъ въ сердцахъ и спасти Москву отъ Хана (259), будучи только Правителемъ. За него были святость вѣнца и присяги, навыкъ повиновенія, воспоминаніе многихъ государственныхъ благодѣяній — и Россія на полѣ чести не предала бы Царя Разстрѣгѣ. Но смятенный ужасомъ, Борисъ не дерзалъ итти на встрѣчу къ Димитріевой тѣни : подозрѣвалъ Бояръ и вручилъ имъ судьбу свою, назвавъ главнымъ Воеводою Мстиславскаго, добросовѣстнаго, лично мужественнаго, но болѣе знатнаго, нежели искуснаго Предводителя ; велиль строго людямъ ратнымъ, всѣмъ безъ исключенія, спѣшить въ Брянскъ, а самъ какъ бы укрывался въ столицѣ!

Однимъ словомъ, судь Божій гремѣлъ надъ Державнымъ преступникомъ. Никто изъ Россіянъ до 1604 года не сомнѣвался въ убіеніи Димитрія, который возрасталъ на глазахъ всего Углича, и коего видѣлъ весь Углич мертваго, въ теченіе пяти дней орошавъ его тѣло слезами: следствіенно Россіяне не могли благоразумно вѣрить воскресенію Царевича ; но они — *не любили Бориса!* Сіе несчастное расположеніе готовило ихъ быть жертвою обмана. Самъ Борисъ ослабилъ свидѣтельство истины, казнивъ важнѣйшихъ очевидцевъ Димитріевой смерти (260), и явно ложными показаніями затмивъ ея страшныя обстоятельства. Еще многіе знали вѣрно сію истину въ Угличѣ, въ Пельмѣ; но тамъ жила въ сердцахъ пенависть къ тирану. Всѣхъ

громогласище, какъ пишутъ⁽²⁶¹⁾, свидѣтельствовалъ въ столицѣ Князь Василій Шуйскій, торжественно, на лобномъ мѣстѣ, о несомнительной смерти Царевича, имъ видѣнаго во гробѣ и въ могилѣ. То же писалъ и Патріархъ во всѣ концы Россіи, ссылаясь и на мать Димитріеву, которая сама погребала сына⁽²⁶²⁾. Но безсомнѣнность Шуйскаго была еще въ свѣжей памяти; знали и слѣпную преданность Іова къ Годунову; слышали только имя Царицы-Инокини; никто не видался, никто не говорилъ съ нею, снова заключеною въ пустынѣ Выксинской. Еще не имѣвъ при-
мѣра въ исторіи Самозванцевъ и не пони-
мая столь дерзкаго обмана; любя древнее
племя Царей и съ жадностю слушая тай-
ные разсказы о мнимыхъ добродѣтеляхъ
Лжедимитрія, Россіяне тайно же переда-
вали другъ другу мысль, что Богъ дѣй-
ствительно, какимъ нибудь чудомъ, достой-
нымъ Его правосудія, могъ спасти Іоан-
нова сына для казни ненавистнаго хищни-
ка и тирана⁽²⁶³⁾. Но крайней мѣрѣ сомнѣ-
вались, и не изъявляли ревности стоять за
Бориса. Разстрѣла съ своими Ляхами уже
господствовалъ въ нашихъ предѣлахъ, а
войны отечества уклонялись отъ службы,
шли неохотно въ Брянскъ подъ знамена, и
тѣмъ неохотище, чѣмъ болѣе слышали объ
успѣхахъ Лжедимитрія, думая, что самъ

Общее
распо-
ложеніе
умовъ.

Богъ помогаетъ ему. Такъ нелюбовь къ Государю рождаетъ нечувствительность и къ государственной чести!

Въ сей опасности, уже явной, Борисъ прибѣгнулъ къ двумъ средствамъ: къ Церкви и къ строгости. Онъ велѣлъ Епархамъ пѣть вѣчную память Димитрію въ храмахъ, а Разстрігу съ его клевретами, настоящими и будущими, клясть всенародно, на амвонахъ и торжищахъ⁽²⁶¹⁾, какъ злого еретика, умыслающаго не только похитить Царство, но и ввести въ немъ Латинскую Вѣру: следственno Борисъ уже зналъ или угадывалъ обѣть, данный Жедимитріемъ Іезуитамъ и Легату Папскому. Хотя народъ, видѣвъ слабость и потворство Святителей въ изслѣдованиіи Димитріева убіенія, не могъ имѣть къ нимъ безпредѣльной довѣренности; но ужасъ анаемы долженъ былъ тронуть совѣсть людей набожныхъ и вселить въ нихъ омерзѣніе къ человѣку, отверженному Церковю и преданному ею суду Божію. Второе средство также не осталось бесплоднымъ. Издавъ указъ, чтобы съ каждыхъ двухъ сотъ четвертей земли обработанной выходилъ ратникъ въ поле съ конемъ, лоспѣхомъ и запасомъ — следственno убавивъ до половины число воиновъ, определенное уставомъ Іоанновымъ⁽²⁶⁵⁾ — Борисъ требовалъ скорости; писалъ, что владѣльцы богатые живутъ въ домахъ, не заботясь о гибели Царства и Церкви; грозилъ жестокою казнью лѣнивымъ и беспечнымъ, не упоминая о злонамѣренныхъ, и дѣй-

ствительно велиль наказывать ослушивыхъ безъ пощады: лишеніемъ имѣнія, темницею и кнутомъ; велиль, чтобы и вѣс слуги Патріаршіе, Святительскіе и монастырскіе,годные для ратного дѣла, спѣшили къ войску подъ опасеніемъ тяжкаго гнѣва Царскаго въ случаѣ медленности. «Бывали времена» — сказано въ семъ опредѣленіи Государственнаго Совѣта — «когда и самыи Иноки, Священники, Діаконы вооружались для спасенія отечества, не жалѣя своей крови; но мы не хотимъ того: оставляемъ ихъ въ храмахъ, да молятся о Государѣ и Государствѣ.» Сіи мѣры, угрозы и наказанія недѣль въ шесть соединили до пятидесѧти тысячи всадниковъ въ Брянскѣ (266), вмѣсто полумилліона, въ 1598 году ополченаго призывнымъ словомъ Царя, коеого любила Россія!

Но Борисъ еще окказалъ тогда великодушіе. Шведскій Король, врагъ Сигизмундовъ, услышавъ о Самозванцѣ и вѣроломствѣ Ляховъ, предлагалъ Царю союзъ и войско вспомогательное. Царь отвѣтствовалъ, что Россія не требуетъ вспоможенія иноземцевъ; что она при Ioannѣ въ одно время воевала съ Султаномъ, Литвою, Швеціею, Крымомъ, и не должна бояться мятежника презрѣнаго (267). Борисъ зналъ, что въ случаѣ вѣрности Россіянъ горсть Шведовъ ему ненужна, а въ случаѣ не-

Велико-
душіе
Бори-
сово.

вѣрности бесполезна, ибо не могла бы спасти его.

Грозный часъ опыта наступалъ: не льзя было медлить, ибо Самозванецъ ежедневно усиливался и распространялъ свои мирныя завоеванія. Бояре, Князья Федоръ Ивановичъ Мстиславскій, Андрей Телятевскій, Дмитрій Шуйскій, Василій Голицынъ, Михайло Салтыковъ, Окольничіе Князь Михайло Кашинъ, Иванъ Ивановичъ Годуновъ, Василій Морозовъ, выступили изъ Брянска, чтобы пресѣчь успѣхи измѣны и спасти Новогородскую крѣпость, которая одна противилась Разстрігѣ, уже среди подвластной ему страны. — Не только Годуновъ съ мучительнымъ волненіемъ души слѣдовалъ мыслями за Московскими знаменами, но и вся Россія сильно тревожилась въ ожиданіи, чѣмъ Судьба рѣшилась столь важную прю между Борисомъ и ложнымъ или неложнымъ Димитріемъ: ибо не было общаго удостовѣренія ни въ войскѣ, ни въ Государствѣ. Мысль поднять руку на дѣйствительного сына Іоаннова или предаться дерзкому обманщику, клятому Церковію, равно ужасала сердца благородныхъ. Многіе, и самые благороднѣйшіе изъ Россіянъ, не любя Бориса, по гнушаясь измѣною, хотѣли соблюсти данную ему присягу; другіе, слѣдя единственно внушенню страстей, только желали или не желали перемѣны Царя, и не заботились объ истинѣ, о долгѣ вѣрнооподданнаго; а многіе не имѣли точнаго образа мыслей, готовясь думать, какъ велитъ

случай. Если бы въ сіе время открылась проницанію наблюдателя и самая внутренность душъ, то онъ, можетъ быть, еще не рѣшилъ бы для себя вопроса о вѣроятной удачѣ или неудачѣ Самозванцева дѣла: столь расположеніе умовъ было отчасти несогласно, отчасти неясно и нерѣшительно! Войско шло, повинуясь Царской власти; но колебалось сомнѣніемъ, толками, взаимнымъ недовѣріемъ.

Приближалась къ Трубчевску, гдѣ уже славилось имя Димитріева, Воеводы Борисовы писали къ Сеномирскому, чтобы онъ немедленно вышелъ изъ Россіи, мирной съ Литвою, оставивъ злодѣя Разстрігу на казнь, имъ заслуженную (²⁶⁸). Мнишкъ не отвѣтствовалъ, въ надеждѣ, что войско Борисово не обнажить меча: такъ думалъ Самозванецъ; такъ говорили ему измѣнники, сносясь съ своими единомышленниками въ полкахъ Московскихъ. 18 Декабря, на берегу Десны, верстахъ въ шести отъ стана Лжедимитріева, была перестрѣлка между отрядами того и другаго войска; а на третій день легкая сшибка. Ни съ которой стороны не изъявляли пылкой ревности: Самозванецъ ждалъ, кажется, чтобы рать Борисова, слѣдя при мѣру городовъ, связала и выдала ему своихъ начальниковъ; а Мстиславскій, чтобы непріятель ушелъ безъ битвы, какъ слабѣйшій, сдавали имъ и 12000 воиновъ (²⁶⁹). Но не видали ни измѣны, ни бѣгства; перешло къ Лжедимитрію только три человѣка изъ Дѣтей Бо-

Битва ярскихъ. Оставилъ Новгородъ и свой укрѣпленный станъ, онъ выстроился на равнинѣ, весьма неблагопріятной для войска малочисленнаго; оказывалъ спокойствіе и бодрость; говорилъ рѣчъ къ сподвижникамъ (²⁷⁰), стараясь воспомянуть ихъ мужество; молился всегласно, воздѣвъ руки на небо, и дерзнулъ, какъ уверяютъ, громко произнести слѣдующія слова: «Всевышний! Ты зришь глубину моего сердца. Если обнажаю мечь неправедно и беззаконно, то сокруши меня Небесныи громомъ . . . (увидимъ 17 Мая 1606 года!) . . . «Когда же я правъ и чистъ душою, дай силу неодолимую рукѣ моей въ битвѣ! А Ты, Мать Божія, буди покровомъ нашего воинства» (²⁷¹)! 21 Декабря началось дѣло, сперва не жаркое; но вдругъ конница Польская съ воплемъ устремилась на правое крыло Россіянъ, гдѣ предводительствовали Князья Дмитрій Шуйскій и Михайло Каширъ: оно дрогнуло, и въ бѣгствѣ опрокинуло средину войска, гдѣ стоялъ Мстиславскій: изумленный такою робостію и такимъ беспорядкомъ, онъ удерживалъ мечемъ своихъ и непріятелей; бился въ свалкѣ; облился кровью, и съ пятнадцатью ранами упалъ на землю: дружина Стрѣльцевъ едва спасла его отъ пленя (²⁷²). Часъ былъ рѣшительный: если бы Лжедмитрій общимъ нападеніемъ подкѣпилъ ударъ

смѣлыхъ Ляховъ , то вся рать Московская , какъ пишутъ очевидцы , представила бы зрѣлище срамнаго бѣгства ; но онъ далъ ей время опомниться : 700 Нѣмецкихъ всадниковъ , вѣрныхъ Борису , удержали стремленіе непріятельскихъ , и лѣвое крыло наше уцѣлѣло . Тогда же Басмановъ вышелъ изъ крѣпости , чтобы дѣйствовать въ тылу у Самозванца , который , слыша выстрѣлы позади себя и видя свой укрѣпленный станъ въ пламени (273) , прекратилъ битву . Обѣ стороны вдругъ отступили , Лжедимитрій хвальясь побѣдою и четырмя тысячами убитыхъ непріятелей , а Борисовы Воеводы отъ стыда безмолвствуя , хотя и взяты нѣсколько плѣнниковъ . Чтобы менѣе стыдиться , Россіяне выдумали басню : увѣряли , что Ляхи испугали ихъ коней , нарядясь въ медвѣжьи шубы на-выворотъ ; иноземцы же , свидѣтели сего малодушнаго бѣгства , пишутъ , что Россіяне не имѣли , казалось , ни мечей , ни рукъ , имѣя единственно ноги (274) !

Однакожь мнимый побѣдитель не веселился . Сія битва странная доказала не то , чего хотѣлось Самозванцу : Россіяне сражались съ нимъ худо , безъ усердія , но сражались ; бѣжали , но отъ него , а не къ нему . Онъ зналъ , что безъ ихъ общаго предательства ни Ляхи , ни Козаки не свергнутъ Бориса , и страшился быть между двумя огнями , двумя вѣрными Воеводами , Мстиславскимъ и Басмановымъ , который видя отступленіе первого , снова заключился въ крѣпости , готовый умереть въ ея развалинахъ . На другой

день присоединилось къ Лжедимитрю 4000 Запорожцевъ (²⁷⁵), и войско Борисово удалилось къ Стародубу Сѣверскому, но для того, чтобы ожидать тамъ другихъ, свѣжихъ полковъ изъ Брянска, и могло чрезъ нѣсколько дней возвратиться къ Новогороду, обороняемому столь сильно. Ревность наемниковъ и союзниковъ ослабѣла: Ляхи надѣялись вести своего Царя въ Москву безъ кровопролитія; увидѣли что надобно ратоборствовать; не любили ни зимнихъ походовъ, ни зимнихъ осадъ — и какъ легкомысленно начали, такъ легкомысленно и кончили: объявили, что идутъ назадъ, будто бы исполняя указъ Сигизмундовъ не воевать съ Россіею въ случаѣ, если она будетъ стоять за Царя Годунова. Тщетно убѣждалъ ихъ Лжедимитрій не терять надежды: осталось не болѣе четырехъ сотъ удальцевъ Польскихъ (²⁷⁶); всѣ другіе бѣжали во-своиси, а съ ними и горестный Миншекъ. Думая, что все погибло, и Княжество Смоленское для него и Царство для Мариины, сей вѣтреный старецъ еще дружественно простился съ женихомъ ея и смѣло обѣщалъ ему возвратиться съ сильнѣйшею ратію. Но Самозванецъ, едавши уже вѣря нареченному тестю, еще вѣрилъ счастію: съ обрядами священными предавъ на полѣ сраженія тѣла убитыхъ, своихъ и непріятелей, и снявъ осаду Нова-

Поляки
остав-
ляютъ
Само-
званца.

города, расположился станомъ въ Комарницкой Волости, занялъ Сѣвскій острогъ, спѣшилъ вооружать, кого могъ: гражданъ и землемѣльцевъ. Рать Борисова не дала ему времени.

Смятеніе Воеводъ Московскихъ было столь велико, что они даже медлили извѣстить Царя о битвѣ: узнавъ отъ другихъ всѣ ея печальные обстоятельства, Борисъ (1 Генваря) послалъ Князя Василія Шуй-^{г. 1603.} скаго къ войску, быть вторымъ предводителемъ онаго, а Чашника Вельяминова къ раненному Мстиславскому, ударить ему челомъ за кровь, проліанную имъ изъ усердія къ святому отечеству, и сказать имѣнемъ Государя: «Когда ты, совершивъ знаменитую службу, увидишь образъ Спасовъ, «Богоматери, Чудотворцевъ Московскихъ «и наши Царскія очи: тогда пожалуемъ «тебя свыше твоего чаянія. Нынѣ шлемъ «къ тебѣ искуснаго врача, да будешь здравъ «и снова на конѣ ратномъ.» Всѣмъ инымъ Воеводамъ Царь вслѣль объявить свое неудовольствіе за ихъ преступное молчаніе, но войско увѣрить въ милости (277). Чтобы блестящею наградою мужества оживить доблѣсть въ сердцахъ Россіянъ, Борисъ, искренно довольный однимъ Басмановымъ, призвалъ его къ себѣ, выслалъ знатиѣшихъ государственныхъ сановниковъ, на встречу къ Герою и собственныхъ велико-

Честь
Басман-
нову,

лѣпныя сани для торжественнаго въѣзда въ Москву со всею Царскою пышностю; далъ ему изъ своихъ рукъ тяжелое золотое блюдо, насыпанное червонцами, и 2000 рублей (²⁷⁸), множество серебряныхъ сосудовъ изъ казны Кремлевской, доходное помѣстье и санъ Боярина Думнаго. Столица и Россія обратили взоръ на сего новаго Вельможу, ознаменованаго вдругъ и славою подвига и милостію Царскою; превозносили его необыкновенныя достопинства — и любимецъ Государевъ сдѣлался любимцемъ пароднымъ, первымъ человѣкомъ своего времени въ общемъ мнѣніи. Но столь блестящая награда одного была укоризною для многихъ и естественно рождала негодованіе зависти между знатными. Если бы Царь осмѣлился презрѣть уставъ Боярскаго старѣйшинства и дать главное Воеводство Басманову, то, можетъ быть, спась бы свой Домъ отъ гибели и Россію отъ бѣствій: чего Судьба не хотѣла! Призвавъ Басманова въ Москву, вѣроятно, съ намѣреніемъ пользоваться его совѣтами въ Думѣ, Царь отнялъ лучшаго Воеводу у рати и сдѣлалъ, кажется, новую ошибку, избравъ Шуйскаго въ начальники. Сей Князь, подобно Мстиславскому, могъ не робѣть смерти въ битвахъ, но не имѣть ни ума, ни души Вождя истиннаго, рѣшительнаго и смѣлаго;увѣренный въ самозванствѣ бродяги, не думалъ предать ему отечества, но, угождая Борису какъ царедворецъ льстивый, помнилъ свои опалы: видѣль, можетъ быть, не безъ тайного удовольствія муку

его тиранского сердца , и желая спасти честь Россіи, зложелательствовалъ Царю.

Шуйскій , провождаемый множествомъ чиновныхъ Столъниковъ и Стряпчихъ (²⁷⁹) , нашелъ войско близъ Стародуба въ лѣсахъ, между засѣками , гдѣ оно , усиленное новыми дружинами , какъ бы таилось отъ непріятеля , въ бездѣйствіи, въ уныніи, съ Предводителемъ недужнымъ; другая запасная рать подъ начальствомъ Федора Шереметева собиралась близъ Кромъ, такъ, что Борисъ имѣлъ въ полѣ не менѣе осьмидесяти тысячъ воиновъ (²⁸⁰). Мстиславскій , еще изнемогая отъ ранъ, и Шуйскій немедленно двинулись къ Сѣвску, гдѣ Лжедимитрій не хотѣлъ ждать ихъ : смѣльй отчаяніемъ , вышелъ изъ города и встрѣтился съ ними въ Добрыничахъ. Силы были несоразмѣрны : у него 15,000, конныхъ и пѣшихъ ; у Воевода Борисовыхъ <sup>Побѣда
Воеводъ
Борисо-
выхъ.</sup> 60 или 70 тысячъ. Узнавъ, что полки наши тѣснятся въ деревнѣ , онъ хотѣлъ ночью зажечь ее и въ расплюхъ нагрянуть на сонныхъ : тамошніе жители взялись подвести его къ селенію незамѣтно ; но стражи увили сіе движение : сдѣлалась тревога, и непріятель удалился (²⁸¹). Ждали разсвѣта (21 Генваря). Самозванецъ молился, говорилъ рѣчь къ своимъ , какъ и въ день Новогородской битвы ; раздѣлилъ войско на три части : для первого удара взять себѣ

400 Ляховъ и 2000 Россіянъ всадниковъ, которые все отличались бѣлою одеждю сверхъ латъ, чтобы знать другъ друга въ сѣчѣ (²⁸²): за ними должны были итти 8000 Козаковъ, также всадниковъ, и 4000 пѣшихъ воиновъ съ пушками. Утромъ началась сильная пальба. Россіяне, столь многочисленные, не шли впередъ, съ обѣихъ сторонъ примыкая къ селенію, гдѣ стояла ихъ пѣхота. Оглядѣвъ устроеніе Московскихъ Вое-водъ, Лжедимитрій сѣлъ на борзаго, каряго аргамака, держа въ рукѣ обнаженный мечъ, и повелъ свою конницу долиною, чтобы стремительнымъ нападеніемъ разрѣзать войско Борисово между селеніемъ и правымъ крыломъ. Мстиславскій, слабый и томный, былъ на конѣ: угадалъ мысль непріятеля, и двинулъ сіе крыло, съ иноземною дружиною, къ нему на встрѣчу. Тутъ Разстрѣга, какъ истинный витязь, оказалъ смѣлость необыкновенную: сильнымъ ударомъ смялъ Россіянъ и погналъ ихъ; сломилъ и дружину иноземную (²⁸³), не смотря на ея мужественное, блестящее сопротивленіе, и кинулся на пѣхоту Московскую, которая стояла предъ деревнею съ огнестрѣльнымъ снарядомъ — и не трогалась, какъ бы въ оцѣненїи; ждала, и вдругъ залпомъ изъ сорока пушекъ, изъ десяти или двѣнадцати тысячи ружей, поразила непріятеля: множество всадниковъ и коней пало; кто уцѣлялъ, бѣжалъ назадъ въ безпамятствѣ страха — и самъ Лжедимитрій. Уже Козаки его неслись было во всю прыть довершить легкую побѣду

своего Героя; но видя, что она не ихъ, обратили тымъ, сперва Запорожцы, а послѣ и Донцы, и пѣхота. 5000 Россіянъ и Нѣмцы, съ кликомъ: *Hilf Gott (помоги Богъ)*, гнали, разили бѣгущихъ на пространствѣ осьми верстъ, убили тысячу шесть, взяли не мало и плѣнниковъ, 15 знаменъ, 13 пушекъ; наконецъ истребили бы всѣхъ до единаго, если бы Воеводы, какъ пишутъ⁽²⁸⁴⁾, не велѣли имъ остановиться, думая, вѣроятно, что все кончено, и что самъ Лжедимитрій убить. Съ сею счастливою вѣстію прискакалъ въ Москву сановникъ Шеинъ, и нашелъ Царя молящагося въ Лаврѣ Св. Сергія . . .

Борисъ затрепеталъ отъ радости; велѣлъ пѣть благодарственные молебны, звонить въ колокола и представить народу трофеи: знамена, трубы и бубны Самозванцевы; далъ гонцу санъ Окольничаго, послалъ съ любимымъ Столыпицомъ, Княземъ Мезецкимъ, золотыя медали Воеводамъ, а войску 80,000 рублей⁽²⁸⁵⁾, и писалъ къ первымъ, что ждетъ отъ нихъ вѣсти о концѣ мятежа, будучи готовъ отдать вѣрнымъ слугамъ и послѣднюю свою рубашку; въ особенности благодариль усердныхъ иноземцевъ и двухъ ихъ Предводителей, Вальтера Розена, Ливонскаго Дворянина, и Француза Якова Маржерета; наконецъ изъявлялъ живѣйшее удовольствіе, что побѣда стоила намъ не дорого: ибо мы лишились въ битвѣ только пяти сотъ Россіянъ и двадцати-пяти Нѣмцевъ⁽²⁸⁶⁾.

Но Самозванецъ былъ живъ: побѣдителій, без-

временно веселясь и торжествуя, упустили его: онъ на раненомъ конѣ ускакалъ въ Сѣвскъ, и въ ту же ночь бѣжалъ далѣе, въ городъ Рыльскъ, съ немногими Ляхами, съ Княземъ Татевымъ и съ другими измѣнниками. Въ слѣдующій день явились къ нему разсѣянные Запорожцы: Самозванецъ не впустилъ ихъ въ городъ, какъ малодушныхъ трусовъ или предателей (²⁸⁷), такъ, что они съ досадою и стыдомъ ушли во-свои. Не видя для себя безопасности и въ Рыльскѣ, Лжедимитрій искалъ ее въ Путівльѣ, лучше укрепленномъ и ближайшемъ къ границѣ; а Воеводы Борисовы все еще стояли въ Добрыничахъ, занимаясь казнями: вѣщали измѣнниковъ (кромѣ Литовскихъ, Пана Тишкѣвича и другихъ, посланныхъ въ Москву); мучили, разстрѣливали землемѣльцевъ, жителей Комарницкой Волости, за ихъ измѣну (²⁸⁸), безжалостно и безразсудно, усиливая тѣмъ осторженіе мятежниковъ, ненависть къ Царю и добroe расположение къ обманщику, который миловалъ и самыхъ усердныхъ слугъ своего непріятеля. Сія жестокость, вмѣстѣ съ оплошностью Воеволья, спасли злодѣя. Уже лишенный всей надежды, разбитый на голову, почти пистрѣбленный, съ горстю бѣглецовъ унылыхъ, онъ хотѣлъ тайно уйти изъ Путівля въ Литву: измѣнники отчаянные удержали его, сказавъ: «мы «всѣмъ тебѣ жертвовали, а ты думаешь только «о жизни постыдной, и предаешь насть мести «Годунова; но еще можемъ спастися, выдавъ

«тебя живаго Борису»⁽²⁸⁹⁾! Они предложили ему все, что имѣли: жизнь и достояніе; ободрили его; ручались за множество своихъ единомышленниковъ и въ полкахъ Борисовыхъ и въ Государствѣ. Не менѣе ревности оказали и Козаки Донскіе: ихъ снова пришло къ Самозванцу 4000 въ Путівль⁽²⁹⁰⁾; другіе засѣли въ городахъ, и клялись оборонять ихъ до послѣдняго издыханія. Жедимітрій волею и неволею остался; послалъ Князя Татева къ Сигизмунду⁽²⁹¹⁾ требовать немедленнаго вспоможенія; укрѣпилъ Путівль, и слѣдя со всѣмъ измѣнниковъ, издалъ новый Манифестъ, разсказывая въ немъ свою вымыщенную исторію о Димитріевомъ спасеніи, свидѣтельствуясь именемъ людей умершихъ⁽²⁹²⁾, особенно даромъ Князя Ивана Мстиславскаго, крестомъ драгоцѣннымъ, и прибавляя, что онъ (Димитрій) тайно воспитывался въ Бѣлоруссіи, а послѣ тайно же былъ съ Канцлеромъ Сапѣгою въ Москву, гдѣ видѣлъ хищника Годунова сидящаго на престолѣ Юанновомъ. Сей второй Манифестъ, удовлетворяя любопытству баснями, дотолѣ неизвѣстными, умножилъ число друзей Самозванца, хотя и разбитаго. Говорили, что Россіяне шли на него только принужденно, съ неизѣяснимою боязнью, внушаемою чѣмъ-то сверхъестественнымъ, безъ сомнѣнія Небомъ; что они побѣдили случайно, и не устояли бы безъ слѣшаго остервененія Нѣмцевъ; что Провидѣніе очевидно хотѣло счасти сего витязя и въ самой несчастной битвѣ; что онъ и въ самой

крайности не оставленъ Богомъ, не оставленъ вѣрными слугами, которые, признавъ въ немъ истиннаго Димитрія, еще готовы жертвовать ему собою, женами, дѣтьми, и конечно не могли бы имѣть столь великаго усердія къ обманщику. Такія разглашенія сильно дѣйствовали на легко-вѣрныхъ, и многіе люди, особенно изъ Комарницкой Волости, гдѣ свирѣпствовала месть Борисова, стекались въ Путивль, требуя оружія и чести умереть за Димитрія.

Между тѣмъ Воеводы Царскіе — свѣдавъ, что Самозванецъ не истребленъ — тронулись съ мѣста, приступили къ Рымльку, и не обѣщая никому помилованія, хотѣли, чтобы городъ сдался безъ условія. Тамъ начальствовали злые измѣнники, Князь Григорій Долгорукій-Роша и Яковъ Змѣевъ: видя предъ собою висѣлицу, они велѣли сказать Мстиславскому: «служимъ Царю Дими-«трію» — и зашомъ изъ всѣхъ пушекъ доказали свою непреклонность⁽²⁹³⁾). Воеводы стояли двѣ недѣли подъ городомъ, хвалились не во-время человѣколюбіемъ, жалѣли крови, и рѣшились дать отдохновеніе войску, дѣйствительно утружененному зимнимъ походомъ; отступили въ Комарницкую Волость и донесли Царю, что будутъ ждать тамъ весны въ покойныхъ станахъ. Но Борисъ, послѣ кратковременной радости встрѣченней извѣстіями о спасеніи Лжедимитрія и новыхъ прельщеніяхъ измѣнны, досадуя на Мстиславскаго и всѣхъ его сподвижниковъ, послалъ къ нимъ въ Острогъ Радогостской Окольничаго

Петра Шереметева и Думнаго Дьяка Власьева съ дружиною Московскихъ Дворянъ и съ гнѣвнымъ словомъ: укорялъ ихъ въ нерадѣніи, винилъ въ упущеніи Самозванца изъ рукъ, въ безполезности побѣды, и произвелъ всеобщее негодованіе въ войскѣ. Жаловались на жестокость и несправедливость Царя, тѣ, которые дотолѣ вѣрно исполняли присягу, обагрились кровью въ битвахъ, изнемогли отъ трудовъ ратныхъ; еще болѣе жаловались зломысленники, чтобы усиливать нелюбовь къ Царю — и могли хвалиться успѣхомъ: ибо съ сего времени, по извѣстію Лѣтописца (²⁹⁴), многіе чиновники воинскіе видимо склонялись къ Самозванцу, и желаніе избыть Бориса овладѣло сердцами. Измѣна возникала, но еще не дозрѣла до мятежа; еще наблюдалось, хотя и неохотно, повиновеніе законное. Слѣдя строгому предписанію Государеву, Мстиславскій и Шуйскій снова вывели войско въ поле, чтобы удивить Россію ничтожностю своихъ дѣйствій: оставили Лжедимитрія на свободѣ въ Путинѣ, соединились съ запасною ратью Федора Шереметева (²⁹⁵), уже двѣ или три недѣли тѣснившаго Кромы, и вмѣстѣ съ нимъ, въ Великій ность, начали осаждать сюю крѣпость. Дѣло невѣроятное: тысячи восемдесять или болѣе ратниковъ, имѣя множество стѣнобитныхъ орудій,

безъ успѣха приступало къ деревянному городку, ибо въ немъ , сверхъ жителей , сидѣло 600 мужественныхъ Донцевъ (296) съ храбрымъ Атаманомъ Корсюю! Осаждающіе ночью сожгли городъ, заняли пепелище и валъ; но Козаки сильною, мѣткою стрѣльбою не допускали ихъ до острога, и Бояринъ Михайло Глѣбовичъ Салтыковъ, или малодушный или уже предатель, не сказавъ ни слова главыимъ Восводамъ, велѣлъ рати отступить, въ тотъ часъ , когда ей должно было устремиться на послѣднюю ограду измѣнниковъ (297). Мстиславскій и Шуйскій не дерзнули наказать виновнаго, уже видя худое расположеніе въ сподвижникахъ — и съ сего дня , въ надеждѣ взять крѣпость голодомъ , только стрѣляли изъ пушекъ, не вредя осажденнымъ, которые выкопали себѣ землянки и подъ защитою вала укрывались въ нихъ безопасно; иногда же выпалзывали изъ своихъ поръ и дѣлали смѣлыя вылазки (298). Между тѣмъ войско, стоя на снѣгу и въ сырости, было жертвою новальной болѣзни: смертоноснаго мыта (299). Сie бѣдствіе еще оказалось достохвальнуя заботливость Царя, приславшаго въ станъ лекарства и все нужное для спасенія болящихъ, но умножило нерадивость осады, такъ , что въ бѣлый день 100 возовъ хлѣба и 500 Козаковъ Лжедимитровыхъ изъ Путятии могли пройти въ обожженія Кромы (300).

Досадуя на замедленіе воинскихъ дѣйствій, Борисъ хотѣлъ инымъ способомъ, какъ пишутъ современники, избавить себя и Россію отъ зло-

дѣя. Три Инока , знаяшіе Отрепьева Діакономъ , явились въ Путивлѣ (8 Марта) съ грамотами отъ Государя и Патріарха къ тамошнимъ жителямъ : первый обѣщалъ имъ великія милости , если они выдадутъ ему Самозванца , живаго или мертваго ; второй грозилъ срашыемъ дѣйствіемъ Церковной анаѳемы . Сихъ Монаховъ схватили и привели къ Лжедимитрю , который употребилъ хитрость : вместо него , въ Царскомъ одѣяніи , на тронѣ , сидѣлъ Полякъ Иваницкій , и представляя лицо Самозванца , спросилъ у нихъ : « Знаете ли меня ? » Монахи сказали : « Нѣть ; знаемъ только , что ты во всякомъ случаѣ не Димитрій . » Ихъ стали пытать : двое терпѣли и молчали ; а третій спасъ себя объявленіемъ ⁽³⁰¹⁾ , что у нихъ есть ядъ , коимъ они , исполняя волю Борисову , хотѣли уморить Лжесацаревича , и что нѣкоторые изъ ближнихъ его людей въ заговорѣ съ ними . Ядъ дѣйствительно нашелся въ сапогѣ у младшаго изъ сихъ Иноковъ , и Самозванецъ , открывъ двухъ измѣнниковъ между своими любимцами , предалъ ихъ въ жертву народной мести . Увѣряютъ , что онъ , хвалясь явнымъ Небеснымъ къ нему благоволеніемъ , писалъ тогда къ Патріарху и къ самому Царю : укоряль Іова злоупотребленіемъ Церковной власти въ пользу хищника , а Письмо Бориса убѣждалъ мирно оставить престоль Само-

зва́нца къ Борису. и свѣтъ, заключиться въ монастырѣ и жить для спасенія души, обѣщаю ему свою Царскую милость (³⁰²). Такое письмо, если дѣйствительно писанное и доставленное Годунову, было конечно новымъ искушениемъ для его твердости!

Душа сего властолюбца жила тогда ужасомъ и притворствомъ. Обманутый побѣдою въ ся слѣдствіяхъ, Борисъ страдалъ, видя бездѣйствіе войска, нерадивость, неспособность или зломысліе Воеводъ, и боясь смѣнить ихъ, чтобы не избрать хужшихъ; страдалъ, внимая молвѣ народной, благопріятной для Самозванца, и не имѣя силы унять ее, ни снисходительными убѣженіями, ни клятвою Святительскою, ни казнью: ибо въ сіе время уже рѣзали языки нескромнымъ (³⁰³). Доносы ежедневно умножались, и Годуновъ страшился жестокостію ускорить общую измѣну: еще былъ Самодержцемъ, но чувствовалъ ощущеніе власти въ рукѣ своей, и съ престола, еще окруженнаго льстивыми рабами, видѣль открытую для себя бездину! Дума и Дворъ не измѣнялись наружно: въ первой текли дѣла, какъ обыкновенно; второй блесталь пышностію, какъ и дотолѣ. Сердца были закрыты: одни таили страхъ, другіе злорадство; а всѣхъ болѣе долженъ былъ принуждать себя Годуновъ, чтобы уныніемъ и разслабленіемъ духа не пред-

вѣстить своей гибели — и, можетъ быть, только въ глазахъ вѣрной супруги обнаруживалъ сердце: казалъ ей кровавыя, глубокія раны его, чтобы облегчать себя свободнымъ стечаніемъ. Онъ не имѣлъ утѣшенія чистѣйшаго: не могъ предаться въ волю Святаго Провидѣнія, служа только идолу властолюбія: хотѣлъ еще наслаждаться плодомъ Димитріева убіенія, и дерзнулъ бы конечно на злодѣяніе новое, чтобы не лишиться пріобрѣтеннаго злодѣйствомъ. Въ такомъ ли расположениіи души утѣшается смертный вѣрою и надеждою Небесною? Храмы были отверсты: Годуновъ молился — Богу неумолимому для тѣхъ, которые не знаютъ ни добротеліи, ни раскаянія! Но есть предѣлъ мукамъ — въ бренности нашего естества земнаго,

Борису исполнилось 53 года отъ рожде-
нія: въ самыхъ цвѣтушихъ лѣтахъ муже-
ства онъ имѣлъ недуги, особенно жесто-
кую полагру, и легко могъ, уже старѣясь,
истощить свои тѣлесныя силы душевнымъ
страданіемъ. Борисъ 13 Апрѣля, въ часъ
утра, судилъ и рядинъ съ Вельможами
въ Думѣ, принималъ знатныхъ инозем-
цевъ (³⁰⁴), обѣдалъ съ ними въ Золотой
палатѣ, и сдва вставъ изъ-за стола, почув-
ствовалъ дурноту: кровь хлынула у него
изъ носу, ушей и рта; лилась рѣкою: вра-
чи, столь имъ любимые, не могли остано-

вить ее. Онъ терялъ память , но успѣхъ благословить сына на Государство Россійское, воспріять Ангельскій Образъ съ именемъ Боголѣпа, и чрезъ два часа испустилъ духъ, въ той же храминѣ, гдѣ пировалъ съ Боярами и съ иноzemцами . . . .

Къ сожалѣнію , потомство не знаетъ ничего болѣе о сей кончинѣ , разительной для сердца. Кто не хотѣлъ бы видѣть и слышать Годунова въ послѣднія минуты *такой* жизни — читать въ его взорахъ и въ душѣ , смятений незапынмъ наступленіемъ вѣчности? Предъ нимъ были тронъ , вѣнецъ и могила : супруга , дѣти , близкое уже обреченныя жертвы Судьбы ; рабы неблагодарные , уже съ готовою измѣною въ сердцѣ ; предъ нимъ и Святое Знаменіе Христіанства : образъ Того , Кто не отвергасть , можетъ быть , и поздняго раскаянія! . . . Молчаніе современниковъ , подобно непроницаемой завѣсѣ , скрыло отъ насъ зреюще столь важное , столь нравоучительное , дозволяя действовать одному воображенію.

Увѣряютъ , что Годуновъ былъ самоубійцею , въ отчаяніи лишивъ себя жизни ядомъ (³⁰⁵) ; но обстоятельства и родъ его смерти подтверждаютъ ли истину сего извѣстія? И сей пѣжный отецъ семейства , сей человѣкъ сильный духомъ , могъ ли , спасаясь ядомъ отъ бѣствія , малодушно оставить жену и дѣтей на гибель , почти несомнительную? И торжество Самозванца было ли вѣрно , когда войско еще не

измѣняло Царю лѣломъ; еще стояло, хотя и безъ усердія, подъ его знаменами? Только смерть Борисова рѣшила успѣхъ обмана; только измѣнники, явные и тайные, могли желать, могли ускорить ее — но всего вѣроятнѣе, что ударъ, а не ядъ прекратилъ бурные дни Борисовы, къ истинной скорби отечества: ибо сія безвременная кончина была Небесною казнью для Россіи еще болѣе, нежели для Годунова: онъ умеръ по крайней мѣрѣ на тронѣ, не въ узахъ предъ бѣглымъ Діакономъ, какъ бы еще въ воздаяніе за государственные его благотворенія; Россія же, лишенная въ немъ Царя умнаго и попечительного, сдѣлалась добычею злодейства на многія лѣта.

Но имя Годунова, одного изъ разумнѣйшихъ Властителей въ мірѣ, въ теченіе столѣтій было и будетъ произносимо съ омерзѣніемъ, во славу нравственнаго неуклоннаго нравосудія. Потомство видѣтъ лобное мѣсто обагренное кровью невинныхъ, Св. Димитрія издыхающаго подъ ножемъ убійцъ, Героя Псковскаго въ петль, столь многихъ Вельможъ въ мрачныхъ темницахъ и келляхъ; видѣтъ гнусную мзду, рукою Вѣнценосца предлагаемую клеветникамъ-доносителямъ; видѣтъ систему коварства, обмановъ, лицемѣрія предъ людьми и Богомъ... вездѣ личину добродѣтели, и гдѣ добродѣтель? въ правдѣ ли судовъ Борисовыхъ, въ щедрости, въ любви къ гражданскому образованію, въ ревности къ величію Россіи, въ Политикѣ мирной и

здравой? Но сей яркий для ума блескъ хладенъ для сердца, удостовѣреннаго, что Борисъ не усомнился бы ни въ какомъ случаѣ дѣйствовать вопреки своимъ мудрымъ государственнымъ правиламъ, если бы властолюбіе потребовало отъ него такой перемѣны. Онъ не былъ, но бывалъ тираномъ; не безумствовалъ, но злодѣйствовалъ подобно Іоанну, устранилъ совмѣстниковъ или казня недоброжелателей. Если Годуновъ на-время благоустроилъ Державу, на-время возвысилъ ее во мнѣніи Европы, то не онъ ли и ввергнулъ Россію въ безлну злополучія, почти неслыханнаго — предалъ въ добычу Ляхамъ и бродягамъ, вызвалъ на ѿеатръ соимъ мстителей и самозванцевъ истребленіемъ древняго племени Царскаго? Не онъ ли, наконецъ, болѣе всѣхъ содѣйствовалъ униженію престола, возсѣвъ на немъ святоубійцею?

ГЛАВА III.

ЦАРСТВОВАНИЕ ФЕОДОРА БОРИСОВИЧА Годунова.

Г. 1605.

Присяга Феодору. Достоинства юнаго Царя. Избрание Басманова въ Военачальники. Присяга войска. Измѣна Басманова. Самозванецъ усиливается. Измѣна Голицыныхъ и Салтыкова. Измѣна войска. Походъ къ Москвѣ. Оцѣпеніе умовъ въ столицѣ. Измѣна Москвитянъ. Сведеніе Феодора съ престола. Присяга Лжедимитрию. Заточеніе Патріарха и Годуновыхъ. Цареубийство,

Еще Россіяне погребли Бориса съ че- г. 1605. стію во храмѣ Св. Михаила, между памятниками своихъ Вѣнценосцевъ Варяжского племени; еще Духовенство льстило ему и въ могилѣ: Святители въ окружныхъ грамотахъ къ монастырямъ писали о *безпорочной и праведной душѣ его, мирно отшедшей къ Богу* (³⁰⁶)! Еще всѣ, отъ Патріарха и Синклита до мѣщанъ и землемѣльцевъ, съ видомъ усердія присягнули «Царицѣ Маріи ^{прися- га Фео-} «и дѣтямъ ея, Царю Феодору и Ксению (³⁰⁷), ^{дору.} «обязываясь страшными клятвами не измѣнить имъ, не умышлять на ихъ жизнь, и «не хотѣть на Государство Московское ни

«бывшаго Великаго Князя Тверскаго, сына Симеона, ии злодѣя, именующаго себя «Димитріемъ; не избѣгать Царской службы, и не бояться въ ней ии трудовъ, ии смерти.» Достигнувъ вѣнца злодѣйствомъ, Годуновъ бытъ однакожь Царемъ законнымъ: сынъ естественно наследовалъ права его, утвержденныя *двукратною* присягою (³⁰⁸), и какъ бы давалъ имъ новую силу прелестю своей невинной юности, красоты мужественной, души равно твердой и кроткой; онъ соединялъ въ себѣ умъ отца съ добродѣтелю матери, и шестнадцати лѣтъ удивлялъ Всеможь даромъ слова и свѣдѣніями необыкновенными въ тогдашнее время: первымъ счастливымъ плодомъ Европейскаго воспитанія въ Россіи; рано узналъ и науку правленія, отрокомъ засѣдая въ Думѣ; узналъ и сладость благодѣянія, всегда употребляемый родителемъ въ посредники между закономъ и милостію (³⁰⁹). Чего не лѣзя было ожидать Государству отъ такого Вѣнценосца? Но тѣнь Борисова съ ужасными воспоминаніями омрачала престоль Феодоровъ: испависть къ отцу препятствовала любви къ сыну. Россіяне ждали только бѣдствій отъ злого племени, въ ихъ глазахъ опального предъ Богомъ, и страшась быть жертвою Небесной казни за Годунова, не устрашились подвергнуться сей казни за преступление собственное: за

въроломство , осуждаемое уставомъ Божественнымъ и человѣческимъ.

Еще Феодоръ, столь юный, имѣлъ нужду въ совѣтникахъ: мать его блистала единственными скромными добродѣтелями своего пола. Немедленно велѣли тремъ знатнѣйшимъ Боярамъ, Князьямъ Мстиславскому, Василю и Дмитрію Шуйскимъ, оставить войско и быть въ Москву, чтобы правительствовать въ Синклитѣ; возвратили свободу, честь и достояніе славному Бѣльскому⁽³¹⁰⁾, чтобы также пользоваться его умомъ и свѣдѣніями въ Думѣ. Но всего важнѣе было избраніе главнаго Воеводы: избрали уже не старѣйшаго, а способнѣйшаго, и выбрали — Басманова, ибо не могли сомнѣваться ни въ его воинскихъ дарованіяхъ, ни въ вѣрности, доказанной дѣлами блестящими. Юный Феодоръ, въ присутствіи матери, сказалъ ему съ умиленіемъ: «служи намъ, какъ ты служилъ отццу моему» — и сей честолюбецъ, пыная (такъ казалось) чувствомъ усердія, клялся умереть за Царя и Царицу⁽³¹¹⁾! Басманову дали въ товарищи одного изъ знатнѣйшихъ Бояръ, Князя Михайла Катырева-Ростовскаго, доброго и слабодушнаго. Послали съ ними и Митрополита Новогородскаго, Исидора, чтобы войско въ его присутствіи щѣловало крестъ на имя Феодора. — Нѣсколько дней прошло въ тишинѣ

избрание
Басманова
въ Воеводы
начальники.

для столицы. Дворъ и народъ торжественно молились о душѣ Царя усопшаго; гораздо искреннѣе молились истинные друзья отечества о спасеніи Государства, предвидя бурю. Съ нетерпѣніемъ ждали вѣстей изъ Кромскаго стана — и первыя донесенія новыхъ Воеводъ казались еще благопріятными,

Невидимо держа въ рукѣ судьбу отечества, Басмановъ 17 Апрѣля (³¹²) прибылъ въ станъ, и не нашелъ тамъ уже ни Мстиславскаго, ни Шуйскихъ; созвалъ всѣхъ, чиновниковъ и рядовыхъ, подъ знамена; извѣстилъ ихъ о воцареніи Феодора, и прочиталъ имъ грамоты его, весьма милостивыя; юный Монархъ обѣщалъ вѣриному, усердному войску безпримѣрныя награды послѣ сорочинъ Борисовыхъ. Сильное внутреннее движение обнаружилось на лицахъ: нѣкоторые плакали о Царѣ усопшемъ, боясь за Россію; другіе не таили злой радости. Но войско, подобно Москвѣ, присягнуло Феодору. Съ симъ извѣстіемъ Митрополитъ Исаидоръ возвратился въ столицу: самъ Басмановъ доносилъ о томъ . . . а чрезъ нѣсколько дней узнали его измѣну!

Присяга войскова.

Удививъ современниковъ, дѣло Басманова измѣнило нова удивлять и потомство. Сей человѣкъ имѣлъ душу, какъ увидимъ въ роковый часъ его жизни; не вѣрилъ Самозванцу; столь ревностно обличалъ и столь муже-

ственно разилъ его подъ стѣнами Новагорода Сѣверскаго; былъ осыпанъ милостями Бориса, удостоенъ всей довѣренности Феодора, избранъ въ спасители Царя и Царства, съ правомъ на ихъ благодарность безпредѣльную, съ надеждою оставить блестящее имя въ лѣтописяхъ — и паль къ ногамъ Разстриги, въ видѣ гнуснаго предателя! Изъяснимъ ли такое непонятное дѣйствие худымъ расположениемъ войска? Скажемъ ли, что Басмановъ, предвидя неминуемое торжество Самозванца, хотѣлъ ускоренiemъ измѣны спасти себя отъ униженія: хотѣлъ лучше отдать и войско и Царство обманщику, нежели быть выданнымъ ему мятежниками (³¹³)? Но полки еще клялися именемъ Божиимъ въ вѣрности къ Феодору: какою новою ревностію могъ бы одушевить ихъ Воевода доблій, силою своего духа и закона обуздавъ зломысленниковъ? Нѣтъ, вѣримъ сказанію Лѣтописца, что не общая измѣна увлекла Басманова, но Басмановъ произвелъ общую измѣну войска (³¹⁴). Сей честолюбецъ безъ правилъ чести, жадный къ наслажденіямъ временщика, думалъ, вѣроятно, что гордыя, завистливые родственники Феодоровы никогда не уступятъ ему ближайшаго мѣста къ престолу, и что Самозванецъ безродный, имъ (Басмановымъ) возведенный на царство, естественно будетъ привязанъ благодарностію и собственою пользою къ главному виновнику своего счастія: судьба ихъ дѣлалась иераздѣльною — и кто могъ затмить Басманова достоинствами личными?

Онъ зналъ другихъ Бояръ и себя: не зналъ только , что сильные духомъ падаютъ какъ младенцы на пути беззаконія! Басмановъ, вѣроятно, не дерзнулъ бы измѣнить Борису, который дѣйствовалъ на воображеніе и долговременнымъ повелительствомъ и блескомъ великаго ума государственноаго : Феодоръ, слабый юноштю лѣтъ и новостю Державства , вселялъ смѣлость въ предателя , вооруженнаго суемудріемъ для успокіенія сердца : онъ могъ думать , что измѣнью спасаетъ Россію отъ ненавистной Олигархіи Годуновыхъ , вручая скіпетръ хотя и самозванцу , хотя и человѣку низкаго происхожденія , но смѣлому , умному , другу знаменитаго Вѣнценосца Польскаго , и какъ бы избранному Судбою для совершенія достойной мести надъ родомъ святоубійцы ; могъ думать , что направить Лжедимитрія на путь добра и милости : обманеть Россію , по загладить сей обманъ — ея счастіемъ ! Можетъ быть , Басмановъ выѣхалъ изъ столицы еще въ нерѣшимости , готовый дѣйствовать по обстоятельствамъ , для выгодъ своего честолюбія ; можетъ быть , онъ рѣшился на измѣну единственно тогда , какъ увидѣль преклонность и Воеводъ и войска къ обманщику . Всѣ цѣловали крестъ Феодору (ибо никто не дерзнулъ быть первыи мятежникомъ) , по большему частію съ нехотѣніемъ или съ уныніемъ . И тѣ , которые дотолѣ не вѣрили миному Димитрію , стали вѣрить ему , будучи поражены незапою смертію Годунова , и находя въ ней новое доказательство ,

что не самозванецъ, а дѣйствительно наследникъ Іоанновъ требуетъ своего законнаго достоянія: ибо Всевышній — какъ они думали (³¹⁵) — несомнѣтельно благоволить о немъ и ведеть его, чрезъ могилу хищника, на царство. Замѣтили также, что въ присягѣ Феодоровой Самозванецъ не былъ именованъ Отречьевымъ: слагатели ся, вѣроятно безъ умысла, написали единственно: *клянемся не приставать къ тому, кто именуетъ себя Димитриемъ* (³¹⁶). «Слѣдствено» — говорили многіе — «сказка о бѣгломъ Диаконѣ Чудовскомъ уже торжественно объявляется вымысломъ. Кто же «сей Димитрій, если не истинный?» Самые вѣрные имѣли печальную мысль, что Феодору не удержаться на престолѣ. Такое расположение умовъ и сердецъ обѣщало легкій успѣхъ измѣнѣ: Басмановъ наблюдалъ, рѣшился, и готовя Россію въ даръ обманщику, безъ сомнѣнія удостовѣрился, посредствомъ тайныхъ сношеній, въ его благодарности.

Оставленный на свободѣ въ Путивлѣ, Самозванецъ усиливается. Лжедимитрій въ теченіе трехъ мѣсяцевъ укрѣплялъ свои города и вооружалъ людей; писалъ къ Мишку, что надѣется на счастіе болѣе, нежели когда нибудь; посыпалъ дары къ Хану, желая заключить съ нимъ союзъ; ждалъ новыхъ сподвижниковъ изъ Галиціи, и былъ усиленъ дружиною всад-

никовъ, приведенныхъ къ нему Михайлому Ратомскимъ, который увѣрялъ его, что въ слѣдъ за нимъ будетъ и Воевода Сенномирскій съ Королевскими полками (³¹⁷). Но только смерть Борисова, только измѣна Воеводы Царскихъ могла исполнить дерзкую надежду Разстриги : о первой свѣдалъ онъ въ концѣ Апрѣля отъ бѣглеца, Дворянина Бахметева (³¹⁸); о второй въ началѣ Мая, вѣроятно отъ самого Басманова — и съ того времени зналъ все, что происходило въ станѣ Кромскомъ.

Отдавъ честь мужа Думнаго и славу знаменитаго витязя за прелесть исключительнаго Вельможства подъ скиптромъ бродяги, Басмановъ, увѣренный въ сей наградѣ, увѣрилъ въ ней и другихъ низкихъ самолюбцевъ : Боярина Князя Василья Васильевича Голицына, брата его Князя Ивана, и Михайла Глѣбовича Салтыкова (³¹⁹), которые также не имѣли ни совѣсти, ни стыда, и также хотѣли быть временщиками новаго царствованія въ воздаяніе за гиусное злодѣйство. Но и злодѣи ищутъ благовидныхъ предлоговъ въ своихъ ковахъ : обманывая другъ друга, лицемѣры находили въ Лжедмитріи всѣ признаки истиннаго (³²⁰), добродѣтели Царскія и свойства души высокой ; дивились чудесной судьбѣ его, означенованной перстомъ Божіимъ; злословили царство Годуновыхъ, снисканное лукав-

Измѣна
Голицы-
ныхъ и
Салты-
кова.

ствомъ и беззаконіемъ ; оплакивали бѣдствіе войны междуусобной и кровопролитной, необходимой для удержанія короны на слабой главѣ Феодоровой, и въ торжествѣ Разстриги видѣли пользу, тишину, счастіе Россіи. Они условились въ предательствѣ, и спѣшили дѣйствовать. Еще нѣсколько дней коварствовали втайне, умножая число надежныхъ единомышленниковъ (между коими отличались ревностію Боярскіе Дѣти городовъ Рязани (³²¹), Тулы, Коширы, Алексина); успокоивали совѣсть людей малоумныхъ, недальновидныхъ, твердя и повторяя, что для Россіи одна присяга законная : данная ими Ioannu и дѣтямъ его; что новѣйшія , взятые съ нихъ на имя Бориса и Феодора, суть плодъ обмана и неіѣствительны , когда сынъ Ioannovъ не умиралъ и здравствуетъ въ Путивлѣ. Наконецъ , 7 Мая (³²²), заговоръ открылся ; Памѣна
войска. ударили тревогу ; Басмановъ сѣлъ на коня, и громогласно объявилъ Димитрія Царемъ Московскимъ. Тысячи воскликнули , и Рязанцы первые : «да здравствуетъ же отецъ «нашъ , Государь Димитрій Ioannовичъ !» Другіе еще безмолвствовали въ изумленіи. Тогда единственно проснулись Воеводы вѣрные, обманутые коварствомъ Басманова: Князья Михайло Катыревъ-Ростовскій, Андрей Телятевскій, Иванъ Ивановичъ Годуновъ ; но поздно ! Видя малое число усерд-

ныхъ къ Феодору, они бѣжали въ Москву, вмѣстѣ съ нѣкоторыми чиновниками и воинами, Россіянами и чужеземцами (³²³) : ихъ гнали, били ; настигли Ивана Годунова, и связаннаго привели въ станъ, гдѣ войско въ несчастномъ заблужденіи торжествовало измѣну какъ свѣтлый праздникъ отечества. Никто не смѣлъ изъявить сомнѣнія, когда знаменитѣйшій противникъ Самозванца, Герой Новагорода-Сѣверскаго, уже призналъ въ немъ сына Іоаннова — и радость, видѣть снова на тронѣ древнєе племя Царское, заглушала упреки совѣсти для обольщенныхъ вѣроломцевъ! . . . Въ сей памятный беззаконіемъ день первенствовалъ Басмановъ дерзкимъ злодѣйствомъ, а другой измѣнникъ подлымъ лукавствомъ : Князь Василій Голицынъ велѣлъ связать себя, желая на всякий случай увѣритъ Россію, что предается обманщику невольно (³²⁴)!

Нарушивъ клятву, войско съ знаками живѣйшаго усердія обязалось другою : измѣнивъ Феодору, быть вѣриимъ мнимому Димитрію, и дало знати Атаману Корелѣ, что они служатъ уже одному Государю. Война прекратилась : Кромскіе защитники вышли изъ своихъ поръ и братски обнимались съ бывшими непріятелями на валу крѣпости; а Князь Иванъ Голицынъ сиѣшилъ въ Путивль, уже не къ Царевичу, а къ Царю (³²⁵), съ посвинкою отъ имени войска и съ узникомъ Иваномъ Годуновымъ въ залогъ вѣрности. Лжедимитрій имѣлъ нужду въ необыкно-

венной душевной силѣ, чтобы скрыть свою чрезмѣрную радость: важно, величаво сидѣть на тронѣ, когда Голицынъ, провождаемый множествомъ саповниковъ и Дворянъ (326), смиренно бильт ему челомъ, и съ видомъ благоговѣнія говорилъ такъ: «Сынъ Іоанновъ! войско вручасть тебѣ «державу Россіи, и ждетъ твоего милосердія. Обольщенные Борисомъ, мы долго «противились нашему Царю законному: «и нынѣ же, узнавъ истину, всѣ единодушно «тебѣ присягнули. Иди на престолъ родительский; царствуй счастливо, и многія «лѣта! Враги твои, клевреты Борисовы, «въ узахъ. Если Москва дерзнетъ быть «строптивою, то смиrimъ ес. Иди съ нами «въ столицу, вѣнчаться на царство!». Въ сей самый часъ, по извѣстію Лѣтописца, нѣкоторые Дворяне Московскіе, смотря на Лжедимитрія, узнали въ немъ Діакона Отреپьева (327): содрогнулись, но уже не смѣли говорить, и плакали тайно. Хитро представляя лицо Монарха великодушнаго, тронутаго раскаяніемъ виновныхъ подданныхъ, счастливый обманщикъ не благодариль, а только простиль войско; велѣль ему ити къ Орлу (328), и самъ выступилъ туда 19 Мая изъ Путивля съ 600 Ляховъ, съ Довцами и своими Россіянами, старѣйшими другихъ въ измѣнѣ; хотѣль видѣть развалины Кромъ, прославленныя мужемъ

Ноходъ
къ Мо-
сквѣ.

ствомъ ихъ защитниковъ, и тамъ, оглядѣвъ пепелище, валъ, землянки Козаковъ и необозримый, укрѣпленный станъ, гдѣ въ теченіе шести недѣль болѣе осмидесяти тысячъ добрыхъ воиновъ за семидесятю огромными пушками укрывалось въ бездѣйствіи, изъявилъ удивленіе и хвалился чудомъ Небесной къ нему милости. Далѣе на пути встрѣтили Разстригу Воеводы, Михайло Салтыковъ, Князь Василій Голицынъ, Шереметевъ и Глава предательства, Басмановъ . . . . сей послѣдній съ искреннею клятвою умереть за того, кому онъ жертвовалъ совѣстю и бѣднымъ отечествомъ! Единодушно принятый войскомъ какъ Царь благодатный, Лжедимитрій распустилъ часть его на мѣсяцъ для отдохновенія (³²⁹), другую послалъ къ Москвѣ, а самъ съ двумя или тремя тысячами надежнѣйшихъ сподвижниковъшелътихъвъслѣдъза нею. Вездѣ народъ и люди воинскіе встрѣчали его съ дарами; крѣпости, города сдавались: изъ самой отдаленной Астрахани привезли къ нему въ цѣпяхъ Воеводу, Михайла Сабурова, ближняго родственника Феодорова. Только въ Орлѣ горсть великолушныхъ не хотѣла измѣнить закону: сихъ достойныхъ Россіянъ, къ сожалѣнію неизвѣстныхъ для Исторіи, ввергнули въ темницу (³³⁰). Всѣ другіе ревностно преклоняли колѣна, славили Бога и Димитрія, какъ нѣкогда Героя Донскаго или завоевателя Казани! На улицахъ, на дорогахъ тѣснились къ его коню, чтобы лобызать ноги Самозванца! Все было въ

волненіи, не ужаса, но радости. Искезъ оплотъ стыда и страха для измѣны: она бурною рѣкою стремилась къ Москвѣ, неся съ собою гибель Царю и народной чести. Тамъ первыми вѣстниками злополучія были бѣглецы добросовѣстные, Воеводы Катыревъ-Ростовскій и Телятевскій съ ихъ дружинами (³³¹). Феодоръ, еще пользуясь Царскою властію, изъявилъ имъ благодарность отечества торжественными наградами — и какъ бы спокойно ждалъ своего жребія на бѣдственномъ тронѣ, видя вокругъ себя уже немногихъ друзей искреннихъ, отчаяніе, недоумѣніе, притворство, а въ народѣ еще тишину, но грозную: готовность къ великой перемѣнѣ, тайно же лаемой сердцами (³³²). Можетъ быть, зло-
мысліе и лукавство нѣкоторыхъ Думныхъ Совѣтниковъ, благопріятствуя Самозванцу, усыпляли жертву на канунѣ ея закланія: обманывали Феодора, его мать и близкихъ, уменьшая опасность или предлагая мѣры недѣйствительныя для спасенія. Власть верховная дремала въ палатахъ Кремлевскихъ, когда Отрепьевъ шелъ къ столицѣ, — когда имя Димитрія уже гремѣло на берегахъ Оки, — когда на самой Красной площади толпился народъ, съ жадностію слушая вѣсти объ его успѣхахъ. Еще были Воеводы и воины вѣрные: юный Стратигъ Державный, въ видѣ Ангела красоты и невинно-

Оцифровано
и новое
въ столицѣ.

сти , еще могъ бы смѣло итти съ ними на сонмы ослѣпленныхъ клятвопреступниковъ и на подлаго Разстрigu: въ дѣлѣ законпомъ есть сила особенная, непонятная и страшная для беззаконія. Но если не коварство, то чудное оцѣненїе умовъ предавало Москву въ мирную лобычу злодѣйству. Звукъ оружія и движенія ратныхъ могли бы дать бодрость унылымъ и страхъ измѣнникамъ; но спокойствіе , ложное , смертоносное , го- сподствовало въ столицѣ , и служило для козней вожделѣніемъ досугомъ. Дѣятельность Правительства оказывалась единственно въ томъ , что ловили гонцевъ съ грамотами отъ войска и Самозванца къ Московскимъ жителямъ (333) : грамоты жгли, гонцевъ сажали въ темницу ; иаконецъ не устерегли — и въ одинъ часъ все совершилось !

Изъ
Москви-
тынъ.

Лжедимитрій , угадывая , что его письма не доходятъ до Москвы , избралъ двухъ са- новниковъ смѣлыхъ , расторопныхъ , Пле- щеева и Пушкина (334) : далъ имъ грамоту и велѣлъ ѿхать въ Красное село , чтобы возмутить тамошнихъ жителей , а чрезъ нихъ и столицу . Сдѣлалось , какъ думалъ . Купцы и ремесленники Красносельскіе , илѣненные довѣренностию минимаго Дими- трія , присягнули ему съ ревностію , и тор- жественно ввели гонцевъ его (1 Іюня) въ Москву , открытую , безоружную : ибо вои-

ны, высланные Царемъ для усмиренія сихъ мя-
тежниковъ, бѣжали назадъ, не обнаживъ меча;
а Красносельцы, славя Димитрія, нашли множе-
ство единомышленниковъ въ столицѣ, мѣщанъ
и людей служивыхъ; другихъ силою увлекли за
собою: некоторые пристали къ нимъ только изъ
любопытства. Сей шумный сонмъ стремился къ
лобному мѣсту, гдѣ, по данному знаку, все умол-
кли, чтобы слушать грамоту Жедимитріеву къ
Синклиту, къ Большимъ Дворянамъ, сановни-
камъ, людямъ Приказнымъ, воинскимъ, торго-
вымъ, среднимъ и чернымъ (335). «Вы клялись
«отцу моему» — писалъ Разстріга — «не измѣ-
«нить его дѣтямъ и потомству во вѣки вѣковъ,
«но взяли Годунова въ Цари. Не упрекаю васть:
«вы думали, что Борисъ умертвилъ меня въ лѣ-
«тахъ младенческихъ; не знали его лукавства и
«не смѣли противиться человѣку, который уже
«самовластновалъ и въ царствованіе Феодора
«Іоанновича, — жаловалъ и казнилъ, кого хо-
«тѣлъ. Имъ обольщенные, вы не вѣрили, что я,
«спасенный Богомъ, иду къ вамъ съ любовію и
«крутостію. Драгоценная кровь лилась... Но
«жалѣю о томъ безъ гнѣва: и невѣдѣніе и страхъ
«извиняютъ васъ. Уже судьба рѣшилась: города
«и войско мои. Дерзнете ли на брань междуусоб-
«ную въ угодность Маріи Годуновой и сыну ея?
«Имъ не жаль Россіи: они не своимъ, а чужимъ
«владеютъ; упитали кровью землю Сѣверскую и
«хотятъ разоренія Москвы. Вспомните, что было
«отъ Годунова вамъ, Бояре, Воеводы и всѣ люди

«знаменитые : сколько опалъ и безчестія несно-
«снаго? А вы, Дворяне и Дѣти Боярскіе, чего
«не претерпѣли въ тягостныхъ службахъ и въ
«ссылкахъ? А вы, купцы и гости , сколько утѣ-
«сненій имѣли въ торговлѣ, и какими неумѣрен-
«ными пошлинами отягощались? Мы же хотимъ
«васъ жаловать безпримѣрно : Бояръ и всѣхъ
«мужей сановитыхъ честію и новыми отчинами,
«Дворянъ и людей Приказныхъ милостію, гостей
«и купцевъ льготою , въ непрерывное теченіе
«дней мирныхъ и тихихъ. Дерзнете ли быть не-
«преклонными? Но отъ нашей Царской руки не
«избудете : иду и сяду на престолъ отца моего;
«иду съ сильнымъ войскомъ, своимъ и Литов-
«скимъ: ибо не только Россіяне, но и чуже-
«земцы охотно жертвуютъ мнѣ жизнью. Самые
«невѣрные Ногаи хотѣли слѣдовать за мною : я
«велѣль имъ остатся въ степяхъ, щадя Россію.
«Страшитесь гибели, временной и вѣчной; стра-
«шитесь отвѣта въ день суда Божія : смиритесь,
«и немедленно пришлите Митрополитовъ, Архіе-
«пископовъ, мужей Думныхъ, Большихъ Дво-
«рянъ и Дьяковъ, людей воинскихъ и торго-
«выхъ, бить намъ челомъ, какъ вашему Царю
«законному.» Народъ Московскій слушалъ съ
благоговѣніемъ и разсуждалъ такъ⁽³³⁶⁾: «Войско
и Бояре поддалися безъ сомнѣнія не ложному
Димитрію. Онъ приближается къ Москвѣ : съ
кѣмъ стоять намъ противъ его силы? съ гор-
стію ли бѣглецовъ Кромскихъ? съ нашими ли
старцами , женами и младенцами? и за кого? за

«ненавистныхъ Годуновыхъ, похитителей Державной власти? Для ихъ спасенія предадимъ ли «Москву пламени и разоренію? Но не спасемъ «ни ихъ, ни себя сопротивленіемъ безполез-«нымъ. Слѣдственно не о чёмъ думать: должно «прибѣгнуть къ милосердію Димитрія!»

И въ то время, когда сіе беззаконное Вѣче располагало Царствомъ, главные совѣтники Престола трепетали въ Кремль отъ ужаса. Патріархъ молилъ Бояръ дѣйствовать, а самъ, въ смятеніи духа, не мыслилъ явиться на лобномъ мѣстѣ въ ризахъ Святительскихъ, съ крестомъ въ десница, съ благословеніемъ для вѣрныхъ, съ клятвою для измѣнниковъ: онъ только плакалъ (337)! Знатнѣйшіе Бояре, Мстиславскій и Василій Шуйскій, Бѣльскій и другіе Думные Совѣтники вышли изъ Кремля къ гражданамъ, сказали имъ нѣсколько словъ въ увѣщаніе, и хотѣли схватить гонцовъ Лжедимитровыхъ: народъ не даль ихъ и завопилъ: «Время Годуновыхъ миновала! Мы были съ ними во тьмѣ кромѣши: «солнце восходитъ для Россіи! Да здравствуетъ «Царь Димитрій! Клятва Борисовой памяти! Гибель племени Годуновыхъ!» Съ симъ воплемъ толпы ринулись въ Кремль. Стража и тѣлохранители исчезли вмѣстѣ съ подданными для Федора: дѣйствовали одни буйные мятежники; вломились во дворецъ, и дерзостною рукою коснулись того, кому недавно присягали: стащили юнаго Царя съ престола (338), гдѣ онъ искалъ безопасности! Мать злосчастная упала къ но-

гамъ неистовыхъ и слезно молила не о царствѣ, а только о жизни милаго сына! Но мятежники еще страшились быть извергами: безвредно вывели Феодора, его мать и сестру изъ дворца въ Кремлевскій собственный домъ Борисовъ, и тамъ приставили къ нимъ стражу; всѣхъ родственниковъ Царскихъ, Годуновыхъ, Сабуровыхъ, Вельяминовыхъ, заключили, имѣніе ихъ расхитили, дома сломали; не оставили ничего цѣлаго и въ жилищѣ иноземныхъ Медиковъ, любимцевъ Борисовыхъ; хотѣли грабить и погреба казенные, но удержались, когда Бѣльскій напомнилъ имъ, что все казенное уже есть Димитріево (339). Сей пѣстунъ меньшаго Іоаннова сына (340) явился тогда вдругъ главнымъ совѣтникомъ народа, какъ злѣйшій врагъ Годуновыхъ, и вмѣстѣ съ другими Боярами, малодушными или коварными, старался утишить мятежъ именемъ Царя новаго. Всѣ дали присягу Димитрію, и (3 Июня) Вельможи, Князья Иванъ Михайловичъ Воротынскій, Андрей Телятовскій, Петръ Шерemetevъ, Думный Дьякъ Власьевъ, и другіе знатнѣйшіе чиновники, Дворяне, граждане выѣхали изъ столицы съ повинною къ Самозванцу въ Тулу (341). Уже вѣстникъ Плещеева и Пушкина предупредилъ ихъ; уже Разстрѣга зналъ все, что сдѣгалось въ Москвѣ, и еще не было спокоенъ: послалъ

Присл.-
га Лже-
димит-
рию.

туда Князя Василья Голицына, Мосальского и Дьяка Сутупова (342) съ тайнымъ наказомъ, а Петра Басманова съ воинскою дружиною, чтобы мерзостнымъ злодѣйствомъ увѣнчать торжество беззаконія.

Сіи достойные слуги Лжедимитріевы, принятые въ Москвѣ какъ полновластные исполнители Царской воли, начали дѣло свое съ Патріарха. Слабодушнымъ участіемъ въ козняхъ Борисовыхъ лишивъ себя довѣренности народной, не имѣвъ мужества умереть за истину и за Феодора, онъ имѣвъ отъ страха, и даже, какъ увѣряютъ, вмѣстѣ съ другими Святителями бывъ челомъ Самозванцу (343), надѣялся ли Иовъ сискать въ немъ срамную милость? Но Лжедимитрій не вѣрилъ его безстыдству; не вѣрилъ, чтобы онъ могъ съ видомъ благоговѣнія возложить Царскій вѣнецъ на своего бѣлага Діакона — и для того Послы Самозванцевы объявили народу Московскому, что рабъ Годуновыхъ не долженъ оставаться Первосвятителемъ. Свергнувъ Царя, народъ во дни беззаконія не усомнился свергнуть и Патріарха (344). Иовъ совершилъ Литургію въ храмѣ Успенія: вдругъ мятежники неистовые, вооруженные копьями и дреколіемъ, вѣнчаютъ въ церковь; не слушаютъ Божественнаго пѣнія; стремятся въ Олтарь, хватаютъ и влекутъ Патріарха; рвутъ съ него одежду.

Заточе-
ніе Па-
тріарха
и Го-
дуно-
выхъ.

Святительскую . . . Тутъ несчастный Іовъ изъявилъ и смиреніе и твердость : снявъ съ себя панагію и положивъ ее къ образу Владімірской Богоматери, сказалъ громогласно : «Зг҃есь, предъ сею Святою иконою, я былъ удостоенъ сана Архіерейскаго, и 19 лѣтъ хранилъ щѣлость Вѣры : «нынѣ вижу бѣдствіе Церкви, торжество обмана и ереси. Матерь Божія! спаси Православіе!» Его одѣли въ черную ризу, *таскали, позорили* въ храмъ, на площади, и вывезли въ телегѣ изъ города, чтобы заключить въ монастырѣ Старицкомъ. — Удаливъ важнѣйшаго свидѣтеля истины, противнаго Самозванцу, рѣшили судьбу Годуновыхъ, Сабуровыхъ и Вельяминовыхъ (³⁴⁵) : отирали ихъ скованныхъ въ темницы города дальнихъ, Низовыхъ и Сибирскихъ (ненавистнаго Семена Годунова задавили въ Переславлѣ). Немедленно рѣшили и судьбу Державнаго семейства.

Царевы бѣйство.

Юный Феодоръ, Марія и Ксенія, сидя подъ стражею въ томъ домѣ, откуда властолюбіе Борисово извлекло ихъ на сеатръ гибельнаго величія, угадывали свой жрецій. Народъ еще уважилъ въ нихъ святость Царскаго сана, — можетъ быть, и святость непорочности; можетъ быть, въ самомъ неистовствѣ бунта желалъ, чтобы мнимый Димитрій оказалъ великодушіе, и взявъ себѣ корону, оставилъ жизнь не-

счастнымъ хотя въ уединеніи какого нибудь монастыря пустыннаго. Но великолушіе въ семъ случаѣ казалось Разстригѣ несогласнымъ съ Политикою : чѣмъ болѣе достоинствъ личныхъ имѣлъ сверженныи, законный Царь, тѣмъ болѣе онъ могъ страшить Лжецаря, возводимаго на престолъ злодѣйствомъ иѣкоторыхъ и заблужденіемъ многихъ; успѣхъ измѣны всегда готовить другую — и никакая пустыня не скрыла бы Державнаго юношу отъ умиленія Россіянъ. Такъ, вѣроятно, думалъ и Басмановъ; однакожъ не хотѣлъ явно участвовать въ дѣлѣ ужасномъ : зло и добро имѣютъ степени! Другіе были смѣлѣ: Князья Голицынъ и Мосальскій, чиновники Молчановъ и Шерифединовъ (³⁴⁶), взявъ съ собою трехъ звѣровидныхъ Стрѣльцевъ, 10 Июня пришли въ домъ Борисовъ : увидѣли Феодора и Ксению сидящихъ спокойно подле матери, въ ожиданіи воли Божіей (³⁴⁷); вырвали иѣжныхъ дѣтей изъ объятій Царицы, развели ихъ по особымъ комнатамъ, и велѣла Стрѣльцамъ действовать: они въ ту же минуту удавили Царицу Марію; но юный Феодоръ, надѣленный отъ природы силою необыкновенною, долго боролся съ четырмя убийцами, которые едва могли одолѣть и задушить его (³⁴⁷). Ксения была несчастиѣ матери и брата: осталась жива: гнусный сластолюбецъ Разстрига слышалъ обѣ ея прелестяхъ, и велѣлъ Князю Мосальскому взять ее къ себѣ въ домъ. Москвѣ объявили, что Феодоръ и Марія сами лишили себя жизни ядомъ ; но трупы ихъ,

дерзостию выставленные на позоръ, имѣли несомнительные признаки удавленія (³⁴⁸). Народъ толпился у бѣдныхъ гробовъ, гдѣ лежали двѣ вѣнценосныя жертвы, супруга и сынъ властолюбца, который обожалъ — и погубилъ ихъ, давъ имъ престолъ на ужасъ и на смерть лютѣшую! «Святая кровь Димитріева,» говорятъ Лѣтонисцы, «требовала крови чистой (³⁴⁹), и невинные пали за виновнаго, да стратятся преступники и за своихъ близкихъ!» Многіе смотрѣли только съ любопытствомъ, но многіе и съ умиленіемъ; жалѣли о Маріи, которая, бывъ до-черью гнуснѣйшаго изъ палачей Іоаниновыхъ и женою святоубійцы, жила единствено благодѣяніями, и косій Борисъ не смѣлъ никогда открывать своихъ злыхъ намѣреній (³⁵⁰); еще болѣе жалѣли о Феодорѣ, который цвѣлъ лобродѣтелю и надеждою: столько имѣлъ, и столько обѣщалъ прекраснаго, для счастія Россіи, если бы оно угодно было Прovidѣнію! — Нарушили и сиокойствіе могилъ: выкопали тѣло Борисово, вложили въ раку деревянную, перенесли изъ церкви Св. Михаила въ дѣвичій монастырь Св. Варсонофія на Срѣтенкѣ (³⁵¹), и погребли тамъ уединенно, вмѣстѣ съ тѣлами Феодора и Маріи! Такъ совершилась казнь Божія надъ убійцею Димитрія истиннаго, и началася новая надъ Россією подъ скиптромъ ложнаго!

ГЛАВА IV.

ЦАРСТВОВАНІЕ ЛЖЕДИМИТРІЯ.

Г. 1605 — 1606.

Первое оскорблениe Бояръ. Указы Лжедимитріевы. Посольство Англійскій. Шествіе къ Москвѣ. Довѣренность Разстріги къ Нѣмцамъ. Вступленіе въ столицу. Пиръ. Милости. Філаретъ и юный Михаилъ. Царь Симеонъ и Годуновы. Гробы Нагихъ и Романовыхъ пренесены въ Москву. Благодѣянія. Преобразованіе Думы. Любовь Самозванца къ Генриху IV. Милосердіе. Попхвальное Слово Разстріигъ. Избраніе новаго Патріарха. Безмолвное свидѣтельство Царицы-Инокини. Вѣнчаніе. Безразсудность Лжедимитрія. Дѣла гиусныя. Постриженіе Ксении. Шепотъ о Разстріигъ. Обличенія. Шуйскій. Нѣмцы тѣлохранители. Пышность и веселья. Посольство въ Литву за невѣстою. Неудовольствія. Слухъ, что Борисъ Годуновъ живъ. Титулъ Цесаря. Обрученіе. Слухи о Самозванцѣ въ Польшѣ. Лжедимитрій платить долги Миніковы. Происшествія въ Москвѣ. Возвращеніе Шуйскихъ. Самозванецъ Петръ. Начало заговора. Посольство къ Шаху. Собрание войска въ Ельцѣ. Письмо къ Шведскому Королю. Сношенія съ Ханомъ. Толки о замыслахъ Лжедимитрія. Казнь Стрѣльцевъ и Дьяка Осипова. Опала Царя Симеона и Татищева. Путешествія Воеводы Сеніомирскаго съ Мариюю. Рѣчъ Минікова. Условія. Опала двухъ Святителей. Вѣзэдъ Марины въ столицу. Негодованіе Москвитянъ. Соблазны. Скора съ Послами.

Дары. Обручение и свадьба. Новые причины къ негодованію. Пиры. Новая ссора съ Литовскими Послами. Переговоры государственные. Замышляемыя потѣхи. Наглость Яховъ. Ночній совѣтъ въ дому Шуйского. Дерзкія рѣчи на площади. Волненіе народа. Спокойствіе Жедимітря. Измѣна войска. Послѣдняя ночь для Самозванца. Возстаніе Москвы. Гибель Басманова. Свидѣтельство Царицы-Ипокини. Судъ, допросъ и казнь Жедимітря. Щадить Мариину. Убийства. Бояре утишаютъ мятежъ. Глубокая тишина ночи. Козни властолюбія. Рѣчь Шуйского въ Думѣ. Избрание новаго Царя. Развѣяніе Самозванцева праха. Доказательства, что Жедимітрій былъ дѣйствительно обманщикъ.

г. 1603. Нелѣпою дерзостію и неслыханнымъ счастіемъ достигнувъ цѣли — какимъ-то обаяніемъ прельстивъ умы и сердца вопреки здравому смыслу — слѣдавъ, чemu нѣть примѣра въ Исторіи: изъ бѣлага Монаха, Козака-разбойника и слуги Пана Литовскаго въ три года ставъ Царемъ великой Державы, Самозванецъ казался хладнокровнымъ, спокойнымъ, неудивленнымъ среди блеска и величія, которые окружали его въ сіе время заблужденія, срама и безстыдства. Тула имѣла видъ шумной столицы, исполненной торжества и ликованія: тамъ собралось болѣе ста тысячъ людей воинскихъ и чиновныхъ⁽³⁵²⁾, множество купцовъ и народа изъ всѣхъ ближнихъ горо-

довъ и селеній. Въ слѣдъ за Князьями Воротынскимъ и Телятевскимъ, избранными быть челомъ Разстригѣ отъ имени Москвы, спѣшили туда и знатиѣйшіе Думныи мужи: Мстиславскій, Шуйскіе и другіе, чтобы достойно вкусить плодъ своего малодушія: презрѣніе отъ того, кому они всѣмъ жертвовали, кромѣ сана и богатства, безчестнаго въ такихъ обстоятельствахъ. Вмѣстѣ съ ними были въ Тульскомъ дворцѣ у Жедимитрія Козаки, псовыи Донскіе выходцы (Смага Чертенскій съ товарищами): онъ далъ руку имъ первымъ, и съ ласкою; а Боярамъ уже послѣ, и съ гнѣвомъ за ихъ долговременную строптивость. Пишутъ, что подлые Козаки, въ присутствіи Самозванца, нагло ругали сихъ Вельможъ уничиженыхъ, особенно Князя Андрея Телятевскаго, долѣе другихъ вѣрнаго закону (353). Вельможи представили Жедимитрію печать государственную, ключи отъ казны Кремлевской, одѣжды, доспѣхи Царскіе и сонмъ царедворцевъ для услугъ его. Уже началося Державство Разстриги, который, по внушенію ли собственнаго ума или совѣтниковъ, немедленно занялся правителствомъ, дѣйствуя свободно, решительно, какъ бы человѣкъ рожденный на престолѣ, и съ навыкомъ власти: 11 Июня, еще не имѣвъ вѣсти о Феодоровомъ убієніи, писалъ во все города, и въ самую

Указы
Жеди-
митрія
Ви.

дальнюю Сибирь, что онъ, укрытый невидимою силою отъ злодѣя Бориса, и дозрѣвъ до мужества, правомъ наслѣдія сѣль на Государствѣ Московскому; что Духовенство, Синклитъ, всѣ Чины и народъ цѣловали ему крестъ съ усердіемъ; что Воеводы городскіе должны немедленно взять со всѣхъ людей такую же присягу на имя Царицы-матери, Июники Мароны Феодоровны, и его, Царя Димитрія, съ обязательствомъ служить имъ вѣрно и не давать отравы, не споситься ни съ женою, ни съ сыномъ Борисовымъ, Федькою, и ни съ кѣмъ изъ Годуновыхъ; не мстить никому, не убивать никого безъ указа Государя, жить въ типинѣ и мирѣ, а на службѣ прямить и мужествовать неизмѣнно (354).

Уже Самозванецъ занимался и дѣлами
Посольскими: велѣлъ догнать Посла Англійской, Смита, еще не выѣхавшаго изъ Россіи; взять у него Борисовы письма къ Королю, и сказать ему, что новый Царь, въ знакъ особенного дружества къ Англіи, дастъ ея купцамъ новыя выгоды въ торговлѣ, и немедленно послѣ своего вѣнчанія отправить изъ Москвы знатнаго сановника въ Лондонъ, слѣдя Европейскому обычаю и движенію истинной любви къ Іакову (355).

Шест- Узнавъ, что воля его исполнилась: Пав-
віе въ тіархъ сверженъ, Феодоръ и Марія въ
Москвѣ.

могилъ, ихъ ближніе изгнаны, Москва спокойна и съ нетерпѣніемъ ждетъ воскресшаго Димитрія, — Самозваецъ выступилъ изъ Тулы, и 16 Іюня расположился станичомъ на лугахъ Москвы-рѣки, у села Коломенскаго, гдѣ всѣ чиновники и знатнѣйшіе граждане поднесли ему хлѣбъ-солъ, златые кубки и соболей, а Бояре великолѣпнѣйшую утварь Царскую, и говорили съ видомъ единодушнаго усердія: «Иди и «владѣй достояніемъ твоихъ предковъ. «Святые храмы, Москва и чертоги Иоанновы ожидаютъ тебя. Уже нѣтъ злодѣевъ: земля поглотила ихъ. Настало «время мира, любви и веселія» (356). Лжедимитрій отвѣтствовалъ, что забываетъ вины дѣтей, и будетъ не грознымъ Владыкою, а ласковымъ отцемъ Россіи. Тутъ же явились и Нѣмцы съ челобитною: бывъ до конца вѣрны Борису, оказавъ мужество въ двухъ битвахъ, не хотѣвъ участвовать и въ измѣнѣ Воеволь подъ Кромами, они молили Самозванца не вмѣнять имъ дѣла добросовѣстнаго въ преступленіе, и писали: «мы честно исполнили долгъ присяги, «и какъ служили Борису, такъ готовы слу- «жить и тебѣ, уже Царю законному.» Лжедимитрій принялъ ихъ начальниковъ весьма милостиво, и сказалъ: «будьте для меня «то же, что вы были для Годунова: я довѣ- рю вамъ болѣе, нежели своимъ Рус- вѣсть

въ Нѣмъ «скимъ» (357)! Онъ хотѣлъ видѣть Нѣмец-
цамъ. каго чиновника, державшаго знамя въ До-
бринской битвѣ, и положивъ ему руку на
грудь, славилъ его неустрасимость: чего
не могли слушать Россіяне съ удоволь-
ствіемъ; но они должны были изъявлять
радость!

Вступ-
левіе въ
столи-
цу. 20 Іюня, въ прекрасный лѣтній день,
Самозванецъ вступилъ въ Москву, торже-
ственно и пышно. Впереди Поляки (358),
литаврщики, трубачи, дружина всадниковъ
съ копьями, пищальники, колесницы зало-
женныя шестернями и верховыя лошади
Царскія, богато украшенныя; далѣе барабанщики и полки Россіянъ, Духовенство
съ крестами (359) и Жедимитрій на бѣломъ
конѣ, въ одѣждѣ великолѣпной, въ блестя-
щемъ ожерельѣ, цѣпою въ 150,000 червон-
ныхъ: вокругъ его 60 Бояръ и Князей; за
ними дружина Литовская, Нѣмцы, Козаки
и Стрѣльцы. Звонили во всѣ колокола Мо-
сковскіе. Улицы были наполнены безчи-
сленнымъ множествомъ людей; кровли до-
мовъ и церквей, башни и стѣны также
усыпаны зрителями. Видя Жедимитрія,
народъ падалъ ницъ съ воскликаніемъ:
«Здравствуй отецъ нашъ, Государь и Ве-
ликій Князь Димитрій Іоанновичъ, спа-
сенный Богомъ для нашего благоденствія!
«Сіяй и красуйся, о солнце Россіи!» Же-
димитрій всѣхъ громко привѣтствовалъ и

называлъ своими добрыми подданными, веля имъ встать и молиться за него Богу. Не взирая на то, онъ еще не вѣрилъ Москвитянамъ : ближніе чицовники его скакали изъ улицы въ улицу, и непрестанно доносили ему о всѣхъ движеніяхъ народныхъ : все было тихо и радостно. Но вдругъ, когда Жедимитрій чрезъ Живой мостъ и ворота Москворѣцкія выѣхалъ на площадь, сдѣлался страшный вихрь : всадники едва могли усидѣть на коняхъ ; пыль взвилась столбомъ и заслынила имъ глаза, такъ, что Царское шествіе остановилось (³⁶⁰). Сей случай естественный поразилъ воиновъ и гражданъ ; они крестились въ ужасѣ, говоря другъ другу : «Спаси насть, Господи, отъ бѣды! Это худое предзнаменование для Россіи и Димитрія!» Тутъ же люди благочестивые были встревожены соблазномъ : когда Разстрѣга, встрѣченный Святителями и всѣмъ Клиромъ Московскимъ на Лобномъ мѣстѣ, сошелъ съ коня, чтобы приложиться къ образамъ, Литовскіе музыканты играли на трубахъ и били въ бубны, заглушая пѣніе молебна (³⁶¹). Увидѣли и другую непристойность : вступивъ за Духовенствомъ въ Кремль и въ Соборную церковь Успенія, Жедимитрій ввелъ туда и многихъ иновѣрцевъ, Ляховъ, Венгровъ : чего никогда не бывало, и что казалось народу оскверненіемъ храма (³⁶²). Такъ Разстрѣга на самомъ первомъ шагу изумилъ столицу легкомысленцымъ неуваженіемъ къ святынѣ!... Оттуда спѣшилъ онъ въ церковь Архистратига Михаила, гдѣ съ ви-

домъ благоговѣнія преклонилъся на гробъ Иоанновъ, лилъ слезы и сказалъ: «О родитель любезный! ты оставилъ меня въ си-«ротствѣ и гоненіи; но святыми твоими «молитвами я цѣлъ и державствую!» Сие искусное лицедѣйствіе было не бесполезно: народъ плакалъ и говорилъ: «то истинный «Димитрій!» Наконецъ Разстрѣла въ чертогахъ Иоанновыхъ сѣлъ на престолъ Государей Московскихъ.

Въ сей часъ многіе Вельможи вышли изъ дворца на Красную площадь, къ народу, и съ ними Богданъ Бѣльскій, который сталъ на Лобное мѣсто, снялъ съ груди своей образъ Св. Николая, поцѣловалъ его и клялся Московскому гражданамъ, что новый Государь есть дѣйствительно сынъ Иоанновъ, сохраненный и данный имъ Николаемъ Чудотворцемъ⁽³⁶³⁾; убѣждалъ Россіянъ любить того, кто возлюбленъ Богомъ, и служить ему вѣрно. Народъ отвѣтствовалъ единогласно: «многія лѣта Государю нашему Димитрю! Да погибнутъ «враги его!» — Торжество казалось искреннимъ, общимъ. Самозванецъ съ Вельможами и Духовенствомъ пировалъ во дворцѣ, граждане на площадяхъ и дома; пили и веселились до глубокой ночи. «Но плачь «былъ не далеко отъ радости,» говоритъ Лѣтописецъ, «и вино лилось въ Москвѣ «предъ кровію»⁽³⁶⁴⁾.

Объявили милости : Лжедимитрій воз-
вратилъ свободу, чины и достояніе не
только Нагимъ, мнимымъ своимъ род-
ственникамъ, но и всѣмъ опальнымъ Бори-
сова времени : страдальца Михайла Но-
гаго (³⁶⁵) пожаловалъ въ санъ Великаго
Конюшаго; брата его и трехъ племянни-
ковъ, Ивана Никитича Романова, двухъ
Шерemetевыхъ, двухъ Князей Голицы-
ныхъ, Долгорукаго, Татева, Куракина и
Кашина въ Бояре; многихъ въ Окольничіе,
и между ими знаменитаго Василья Щел-
калова, удаленнаго отъ дѣлъ Борисомъ;
Князя Василья Голицына назвалъ Вели-
кимъ Дворецкимъ, Бѣльскаго Великимъ
Оружничимъ, Князя Михайла Скопина-
Шуйскаго Великимъ Мечникомъ, Князя
Лыкова-Оболенскаго Великимъ Крайчимъ,
Пушкина Великимъ Сокольничимъ', Дьяка
Сутупова Великимъ Секретаремъ и Печат-
никомъ, а Власьева также Секретаремъ Ве-
ликимъ и Надворнымъ Подскарбiemъ или Ка-
значеемъ, — то есть , кромъ новыхъ чи-
повъ, первый ввелъ въ Россіи наименова-
нія иноязычныя, заимствованныя отъ Ля-
ховъ. Лжедимитрій вызвалъ и невольнаго,
опального Инока Филарета изъ Сійской
пустыни, чтобы дать ему санъ Митропо-
лита Ростовскаго (³⁶⁶) : сей добродѣтель-
ный мужъ, иѣкогда главный изъ Вельможъ
и ближнихъ Царскихъ, имѣлъ наконецъ

Фила-
ретъ и
юный
Миха-
илъ.

сладостное утѣшеніе видѣть тѣхъ, о коихъ и въ жизни отшельника тосковало его сердце: бывшую супругу свою и сына. Съ того времени Инокиня Мареа и юный Михаилъ, отданныій ей на воспитаніе, жили въ Епархіи Филаретовой, близъ Костромы, въ монастырѣ Св. Ипатія, гдѣ все напоминало непрочную знаменитость и разительное паденіе ихъ личныхъ злодѣевъ: ибо сей монастырь въ XIV вѣкѣ былъ основанъ предкомъ Годуновыхъ, Мурзою Четомъ, и богато украшенъ ими. — Странное пугалище воображенія Борисова, мнимый Царь и Великій Князь Іоаннова времени, Симеонъ Бекбулатовичъ, ослыпленный, какъ увѣряютъ⁽³⁶⁷⁾, и сосланный Годуновымъ, также удостоился Лжедимитріева благоволенія, въ память Іоанну: ему велѣли быть ко Двору, оказали великую честь и дозволили снова именоваться Царемъ⁽³⁶⁸⁾. Сняли опалу съ родственниковъ Борисовыхъ и дали имъ мяста Воеводъ въ Сибири и въ другихъ областяхъ дальнихъ. Не забыли и мертвыхъ: тѣла Нагихъ и Романовыхъ, усопшихъ въ бѣдствіи, вынули изъ могиль пустынныхъ, перевезли въ Москву и скончили съ честію, тамъ, гдѣ лежали ихъ предки и ближніе⁽³⁶⁹⁾.

Угодивъ всей Россіи милостями къ неизпѣннымъ жертвамъ Борисова тиранства, Лжедимитрій старался угодить ей и благо-

Царь
Симеонъ.

Году-
новы.

Гробы
Нагихъ
и Рома-
новыхъ
прене-
сены въ
Москву.

лѣяніями общими : удвоилъ жалованье са-
новникамъ и войску (^{Благо-}^{дѣнія.} ³⁷⁰); велѣлъ заплатить
всѣ долги казенные Ioаннова царствованія,
отмѣнилъ многія торговые и судныя пош-
лины; строго запретилъ всякое мздоимство
и наказалъ многихъ судей безсовѣстныхъ;
обнародовалъ, что въ каждую Среду и Суб-
боту будетъ самъ принимать челобитныя
отъ жалобщиковъ на Красномъ крыльцѣ.
Онъ издалъ также достопамятный законъ
о крестьянахъ и холопяхъ: указалъ всѣхъ
бѣглыхъ возвратить ихъ отчинникамъ и
помѣщикамъ, кромѣ тѣхъ, которые ушли
во время голода, бывшаго въ Борисово
царствованіе, не имѣвъ нужнаго пропита-
нія ; объявилъ свободными слугъ , лишен-
ныхъ воли насилиемъ , безъ крѣпостей,
внесенныхъ въ государственные книги (³⁷¹).
Чтобы оказать довѣренность къ поддан-
нымъ, Лжедимитрій отпустилъ своихъ ино-
земныхъ тѣлохранителей (³⁷²) и всѣхъ Ля-
ховъ , давъ каждому изъ нихъ въ награду
за вѣрию службу по сороку золотыхъ,
деньгами и мѣхами , но тѣмъ не удовлетво-
ривъ ихъ корыстолюбію : они хотѣли бо-
лѣе, не выѣзжали изъ Москвы, жалова-
лись и пировали !

Плѣненный обычаями той земли, гдѣ на-
чалася его жизнь пышная, и гдѣ все каза-
лось ему блестящимъ, превосходнымъ въ
сравненіи съ Россіею, Лжедимитрій не удо-

Прео-
бразо-
ваніє
Думы.

вольствовался введеніемъ новыхъ чиновъ и наименованій: онъ спѣшилъ, въ духѣ сего подражанія, измѣнить составъ нашей древней государственной Думы: указалъ засѣдать въ ней, сверхъ Патріарха (что въ важныхъ случаяхъ и дотолѣ бывало), четыремъ Митрополитамъ, семи Архіепископамъ и тремъ Епископамъ (373), надѣясь, можетъ быть, обольстить тѣмъ мірское честолюбіе Духовенства, а болѣе всего желая слѣдовать уставу Королевства Польскаго; назвалъ всѣхъ мужей Думныхъ Сенаторами, умножилъ число ихъ до семидесяти, самъ ежедневно тамъ присутствовалъ, слушалъ и рѣшилъ дѣла, какъ увѣряютъ, съ необыкновенною легкостію (374). Пишутъ, что онъ, имѣя даръ красноречія, блисталь имъ въ Совѣтѣ, говорилъ много и складно, любилъ уподобленія, часто ссылался на Исторію, и разсказывалъ, что самъ видѣлъ въ иныхъ земляхъ, то есть, Любовь въ Литвѣ и въ Польшѣ; изъявляяль особенное уваженіе къ Королю Французскому, <sup>Само-
званца</sup> къ Генрику IV. Генрику IV (375); хвалился, подобно Борису, милосердіемъ, кротостію, великодушiemъ, и твердилъ людямъ ближнимъ: «я «могу двумя способами удержаться на престолѣ: тиранствомъ и милостію; хочу испытать милость и вѣрно исполнить «обѣть, данный мною Богу: не проливать «крови» (376). Такъ говорилъ убійца непо-

Михо-
сердіе.

рочнаго Феодора и благодѣтельной Маріи! . . Разстригу славили: Московскій Благовѣщенскій Протоіерей, Терентій, сочи-
нилъ ему похвальное слово, какъ Вѣнце-
носцу доблему, посыщему на языкъ ми-
лость, а Патріархъ Іерусалимскій ужен-
ною грамотою извѣстилъ его, что вся Па-
лестина ликуетъ о спасеніи Іоаннова сына,
предвиля въ немъ будущаго своего избави-
теля, и что три лампады денно и нощно
пылаютъ надъ гробомъ Христовымъ во
имя Царя Димитрія (³⁷⁷).

Ближніе люди Самозванца совѣтовали
ему, для утвержденія своей власти, немед-
ленно вѣничаться на Царство: ибо многіе
думали, что и злосчастный Феодоръ не
столь легко сдѣлался бы жертвою измѣны,
если бы успѣлъ освятить себя въ глазахъ
народа саномъ Помазанника. Сей обрядъ
торжественный надлежало совершить Патріарху: не довѣряя Россійскому Духовен-
ству, Лжедимитрій на мѣсто сверженаго
Іова выбралъ чужеземца, Грека Игнатія, Архіепископа Кипрскаго, который, бывъ изгнанъ изъ отечества Турками, жилъ нѣ-
сколько времени въ Римѣ, пріѣхалъ къ намъ въ царствованіе Феодора Іоанновича,
угодилъ Борису, и съ 1603 года правилъ Епархию Рязанскою. Онъ спискаль ми-
лость Самозванца, встрѣтивъ его еще въ Тулѣ; не имѣлъ ни чистой Вѣры, ни любви

по-
хвал-
но е
Слово
Р а з-
стрігъ

избра-
ніе во-
ваго
Патрі-
арха.

къ Россіи, ни стыда нравственнаго (³⁷⁸), и казался ему надежнѣйшимъ орудіемъ для всѣхъ замышляемыхъ имъ соблазновъ. Наспѣхъ поставили Игнатія въ Патріархи, и наспѣхъ готовились къ Царскому вѣничанію; а Лжедимитрій готовилъ между тѣмъ иное торжественное явленіе, необходимое для полнаго удостовѣренія и Москвы и Россіи, что вѣнецъ Мономаховъ возлагается на главу Іоаннова сына.

Войско, Синклитъ, всѣ Чины государственные признали обманщика Димитріемъ, всѣ, кромѣ матери, которой свидѣтельство было столь важно и естественно, что народъ безъ сомнѣнія ожидалъ его съ нетерпѣніемъ. Уже Самозванецъ около мѣсяца властвовалъ въ Москвѣ, а народъ еще не видалъ Царицы-Инокини, хотя она жила только въ пяти стахъ верстахъ оттуда (³⁷⁹): ибо Лжедимитрій не могъ быть увѣренъ въ ся согласіи на обманъ, столь противный святому званію Инокини и материнскому сердцу. Тайныя сношенія требовали времени: съ одной стороны представили ей жизнь Царскую, а съ другой муки и смерть; въ случаѣ упрямства, страшнаго для обманщика, могли задушить несчастную — сказать, что она умерла отъ болѣзни или радости, и великолѣпными похоронами миной Государевой матери успокоить народъ легковѣрный. Вдовствующая супруга Іоан-

нова, еще не старая лѣтами, помнила удо- Безмол-
вольствія свѣта, Двора и пышности; 13 виное
лѣть плакала въ униженіи, страдала за свидѣ-
себя, за своихъ близкихъ (380) — и не усо- тель-
мнилась въ выборѣ. Тогда Лжедимитрій сство
уже гласно послалъ къ ней въ Выксинскую Цари-
пустынью Великаго Мечника, Князя Михай- цы-Ино-
ла Васильевича Скопина-Шуйскаго (381), и кини.
другихъ людей знатныхъ съ убѣдитель-
нымъ чelобитьемъ нѣжнаго сына благо-
словить его на Царство — и самъ, 18 Ію-
ля (382), выѣхалъ встрѣтить ее въ селѣ
Тайнинскомъ. — Дворъ и народъ были
свидѣтелями любопытнаго зрѣлища, въ
коемъ лицемѣрное искусство имѣло видъ
искренности и природы. Близъ дороги раз-
ставили богатый шатеръ, куда ввели Ца-
рицу, и гдѣ Лжедимитрій говорилъ съ нею
наединѣ (383) — не знали, о чёмъ; но уви-
дѣли слѣдствіе: мнимые сынъ и мать вы-
шли изъ шатра, изъявляя радость и лю-
бовь; нѣжно обнимали другъ друга, и про-
извели въ сердцахъ многихъ зрителей вос-
торгъ умиленія. Добродушный народъ об-
ливался слезами, видя ихъ въ глазахъ Ца-
рицы, которая могла плакать и нелицемѣр-
но, воспоминая объ истинномъ Димитріи,
и чувствуя свой грѣхъ предъ нимъ, предъ
совѣстю и Россіею! Лжедимитрій поса-
дилъ Мареу въ великолѣпную колесницу; а
самъ съ открытою головою шелъ нѣсколько

верстъ иѣшкомъ, окруженній всѣми Боярами; наконецъ сѣль на коня, ускакалъ впередъ и принялъ Царицу въ Іоанновыхъ налатахъ, гдѣ она жила до того времени, какъ изготоили ей прекрасныя комнаты въ Вознесенскомъ Дѣвичьемъ монастырѣ съ особенною Царскою услугою. Тамъ Са-мозванецъ, въ лицѣ почтительнаго и нѣжнаго сына, ежедневно видѣлся съ нею; былъ доволенъ искусствомъ ея притворствомъ, но удалялъ отъ нее всѣхъ людей сомнительныхъ, чтобы она не имѣла случая измѣнить ему въ важной тайнѣ, отъ не скромности или раскаянія (³⁸⁴).

Вѣчач-
віе.

21 Іюля совершилось вѣнчаніе съ извѣстными обрядами (³⁸⁵); но Россіяне изумились, когда, послѣ сего священнаго дѣйствія, выступилъ Иезуитъ Николай Черниковскій, чтобы привѣтствовать нововѣнчаннаго Монарха непонятною для нихъ рѣчью на языкѣ Латинскомъ (³⁸⁶). Какъ обыкновенно, все знатнѣйшее Духовенство, Вельможи и чиновники пировали въ сей день у Царя, силясь наперерывъ оказывать ему усердіе и радость — но уже многіе лицемѣрно, ибо общее заблужденіе не продолжилось!

Безраз-
суд-
ностъ
Лже-
димитрія.

Первымъ врагомъ Лжедимитрія былъ самъ онъ, легкомысленный и вспыльчивый отъ природы, грубый отъ худаго воспитанія, — падменный, безразсудный и неосто-

рожный отъ счастія. Удивляя Бояръ остротою и живостію ума въ дѣлахъ государственныхъ, Державный прошелецъ часто забывался: оскорбляль ихъ своими насмѣшками, упрека́ль невѣжествомъ, дразниль хвалою иноземцевъ, и твердилъ, что Россіяне должны быть ихъ учениками, ѿздить въ чужія земли, видѣть, наблюдать, образоваться и заслужить имя людей (³⁸⁷). Польша не сходила у него съ языка. Онъ распустилъ своихъ иностранныхъ тѣлохранителей, но исключительно ласкалъ Поляковъ, только имъ давалъ всегда свободный къ себѣ доступъ, съ ними обходился дружески и совѣтовался какъ съ близними; взяль даже въ Тайные Царскіе Секретари двухъ Ляховъ Бучинскихъ (³⁸⁸). Россійскіе Вельможи, измѣнивъ закону и чести, лишились права на уваженіе, но хотѣли его отъ того, кому они пожертвовали закономъ и честію: самолюбіе не безмолвствуетъ и въ стыдѣ и въ молчаніи совѣсти. Только одинъ Россіянинъ отъ начала до конца пользовался довѣреностію и дружбою Самозванца: всѣхъ виновнѣйшій Басмановъ; но и сей несчастный ошибся: видѣлъ себя единственно любимцемъ, а не руководителемъ Лжедмитрія, который не для того искалъ престола, чтобы сидѣть на немъ всегдашимъ ученикомъ Басманова: иногда спрашивался, иногда слушалъ его, но чаще дѣйствовалъ вопреки наставнику, по собственному уму или безумію. Грубоствію огорчая Бояръ, Самозванецъ допускалъ ихъ однакожь въ разговорахъ съ нимъ до воль-

ности необыкновенной и несогласной съ мыслями Россіянъ о высокости Царскаго сана, такъ, что Бояре , имъ неуважаемые , и сами уважали его менѣе прежнихъ Государей (389).

Самозванецъ скоро охладилъ къ себѣ и любовь народную своимъ явнымъ неблагоразуміемъ. Снискавъ нѣкоторыя познанія въ школѣ и въ обхожденіи съ знатными Ляхами , онъ считалъ себя мудрецомъ, смѣялся надъ мнимымъ суевѣріемъ набожныхъ Россіянъ и, къ великому ихъ соблазну, не хотѣлъ креститься предъ иконами ; не велѣлъ также благословлять и кропить Святою водою Царской трапезы , садясь за обѣдъ не съ молитвою , а съ музыкою (390). Не менѣе соблазнялись Россіяне и благоволеніемъ его къ Іезуитамъ , коимъ онъ въ священной оградѣ Кремлевской далъ лучшій домъ и позволилъ служить Латинскую Обѣдню (391). Страстный къ обычаямъ иноземнымъ , вѣтреный Лжедимитрій не думалъ слѣдовать Русскимъ: желалъ во всемъ уподобляться Ляху, въ одѣждѣ и въ причесѣ, въ походкѣ и въ тѣлодвиженіяхъ (392); ъль телятину, которая считалась у насть заповѣднымъ, грѣшнымъ яствомъ; не могъ терпѣть бани, и никогда не ложился спать послѣ обѣда (какъ издревле дѣлали всѣ Россіяне отъ Вѣнценосца до мѣщанина), но любилъ въ сіе время гулять: украдкою выходилъ изъ дворца, одинъ или сам-другъ; бѣгалъ изъ мѣста въ мѣсто, къ художникамъ , золотарямъ , Аптекарямъ (393); а царедворцы , не зная, гдѣ Царь , вездѣ искали его съ

безпокойствомъ и спрашивали объ немъ на улицахъ : чему дивились Москвитяне, дотолѣ видавъ Государей только въ пышности, окруженныхъ на каждомъ шагу толпою знатныхъ сановниковъ. Всѣ забавы и склонности Лжедимитріевы казались странными : онъ любилъ ъздить верхомъ на дикихъ, бѣшеныхъ жеребцахъ, и собственною рукою , въ присутствіи Двора и народа, бить медвѣдей (³⁹⁴) ; самъ испытывалъ новыя пушки и стрѣлялъ изъ нихъ въ цѣль съ рѣдкою мѣткостію ; самъ училъ воиновъ, строилъ, бралъ приступомъ земляныя крѣпости, кидался въ свалку, и терпѣлъ , что иногда толкали его небрежно , сшибали съ ногъ , давили (³⁹⁵) — то есть, хвалился искусствомъ всадника, звѣролова, пушкаря, бойца , забывая достоинство Монарха. Онъ не помнилъ сего достоинства и въ дѣйствіяхъ своего нрава вспышчиваго : за малѣйшую вину, ошибку, неловкость, выходилъ изъ себя (³⁹⁶) и бивалъ, палкою , знатиѣшихъ воинскихъ чиновниковъ — а низость въ Государѣ противнѣе самой жестокости для народа. Осуждали еще въ Самозванцѣ неномѣрную расточительность : онъ сыпалъ деньгами и награждалъ безъ ума ; давалъ иноземнымъ музыкантамъ жалованье, какого не имѣли и первые государтственные люди ; любя роскошь и великолѣпіе, непрестанно покупалъ, заказывалъ всякія драгоценныя вещи, и мѣсяца въ три издержалъ болѣе семи миллионовъ рублей (³⁹⁷) — а народъ не любить расточительности въ Государяхъ, ибо стра-

шится налоговъ. Описывая тогдашній блескъ Московскаго Двора, иноземцы съ удивленіемъ говорятъ о Жедимитріевомъ престолѣ, вылитомъ изъ чистаго золота, обвѣшенномъ кистями алмазными и жемчужными, утвержденномъ внизу на двухъ серебряныхъ львахъ и покрытомъ крестообразно четырьмя богатыми щитами, надъ коими сиялъ золотой шаръ и прекрасный орель изъ того же металла (³⁹⁸). Хотя Разстрига ъздила всегда верхомъ, даже въ церковь, но имѣла множество колесницъ и саней окованыхъ серебромъ, обитыхъ бархатомъ и соболями; на гордыхъ Азіятскихъ его коняхъ сѣдла, узды, стремена блистали золотомъ, изумрудами и яхонтами (³⁹⁹); возницы, конюхи Царскіе одѣвались какъ Вельможи. Не любя голыхъ стѣнъ въ палатахъ Кремлевскихъ, находя ихъ печальными, и сломавъ деревянный дворецъ Борисовъ какъ памятникъ ненавистный (⁴⁰⁰), Самозванецъ построилъ для себя, ближе къ Москвѣ-рѣкѣ, новый дворецъ, также деревянный (⁴⁰¹), украсилъ стѣны шелковыми Персидскими тканями, цветные израсцовые печи серебряными решетками, замки у дверей яркою позолотою, и въ удивленіе Москвитянамъ предъ симъ любимымъ своимъ жилищемъ поставилъ изваяній образъ адскаго стражи, мѣднаго огромнаго Цербера, коего три челюсти, отъ легкаго прикосновенія, разверзлись и бряцали (⁴⁰²): «Чѣмъ Жедимитрій,» какъ сказано въ лѣтописи, «предвѣстилъ себѣ жилище въ вѣчности: аль и тьму кромѣшнюю!»

Дѣйствуя вопреки нашимъ обычаямъ и благоразумію , Лжедимитрій презиралъ и святѣйшіе законы нравственности : не хотѣлъ обуздывать вожделѣній грубыхъ, и пылая сластолюбіемъ, явно нарушалъ уставы ^{Дѣла гнуснѣйшаго} цѣломудрія и пристойности, какъ бы выла съ намѣреніемъ уподобиться тѣмъ мнимому своему родителю ; безчестилъ женъ и дѣвицъ , Дворъ , семейства и святыя Обители дерзостію разврата, и не устыдился дѣла гнуснѣйшаго изъ всѣхъ его преступленій : убивъ мать и брата Ксениі , взялъ ее себѣ въ наложницы (⁴⁰³). Красота сей несчастной Царевны могла уянуть отъ горести ; но самое отчаяніе жертвы, самое злодѣйство и неистовство казалось прелестію для изверга , который симъ однимъ мерзостнымъ безстудствомъ заслужилъ свою казнь, почти сопредѣльную съ торжествомъ его . . . Чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ Ксению ^{Постриженіе} постригли, назвали Ольгою и заключили въ Ксевії. пустынѣ на Бѣлъозерѣ , близъ монастыря Кириллова.

Но Самозванецъ подъ личиною Димитрія , вѣроятно , могъ бы еще долго безумствовать и злодѣйствовать въ вѣнцѣ Мономаховомъ, если бы сія, какъ бы волшебная личина не спала съ него въ глазахъ народа : столь велико было усердіе Россіянъ къ древнему племени Державному ! Заблужденіе возвысило бролягу : истина

долженствовала низвергнуть обманщика. Не одинъ удаленный Іовъ зналъ бѣглеца Чудовскаго въ Москвѣ: надѣялся ли Разстрига казаться другимъ человѣкомъ, стараясь казаться Полуляхомъ, и черную ризу Инока премѣнивъ на Царскую? или, ослѣпленный счастіемъ, уже не видаль для себя опасности, имѣя въ рукахъ своихъ власть съ грозою и считая Россіянъ стадомъ овецъ безсловесныхъ? или дерзостію мыслилъ уменьшить сю опасность, поколебать удостовѣреніе, сомнѣнуть уста робкой истинѣ? Онъ не думалъ скрываться, и смѣло смотрѣль въ глаза всякому любопытному на у лицахъ; не ходилъ только въ святую Обитель Чудовскую, мѣсто непріятныхъ для него знакомствъ и воспоминаній. И такъ не удивительно, что въ самомъ началѣ новаго царствованія, когда Москва еще гремѣла хвалою Димитрія, уже многіе

Шепотъ о Раз-
стригѣ. люди шептали между собою о дѣйствительности худыхъ дѣлъ Царя, а шепотъ становился виатище — и скоро взволновала столицу.

Обли-
ченія. Первымъ уличителемъ и первою жертвою былъ Инокъ, который сказалъ всенародно, что мнимый Димитрій извѣстенъ ему съ дѣтскихъ лѣтъ подъ именемъ Отреѣева, учился у него грамотѣ и жилъ съ нимъ въ одномъ монастырѣ (⁴⁰⁴): Инока тайно умер-

твили въ темницѣ. Нашелся и другой, опаснѣйшій свидѣтель истины — тотъ, кому Судьба вручала месть праведную, но коего честь еще не наступила: Князь Василій Шуй-скій. Въ смятеніи ужаса признавъ бродягу Царемъ, вмѣстѣ съ иными Боярами, онъ менѣе всѣхъ могъ извиняться заблужденіемъ, ибо собственными глазами видѣлъ Іоаннова сына во гробѣ. Терзаясь ли горестю и стыдомъ, или имѣя уже дальновидные тайные замыслы властолюбія, Шуйскій не долго безмолвствовалъ въ столицѣ: сказалъ ближнимъ, друзьямъ, пріятелямъ, что Россія у ногъ обманщика; внушилъ и народу, чрезъ своихъ повѣренныхъ, купца Федора Конева и другихъ, что Годуновъ и Святитель Іовъ объявляли совершенную правду о Самозванцѣ, сретикѣ, орудіи Ляховъ и Папистовъ⁽⁴⁰⁵⁾. Еще Лжедимитрій имѣлъ многихъ ревностныхъ слугъ: Басмановъ узналъ, и донесъ ему о семъ ковѣ, опасномъ знатностію виновника. Взяли Шуйского съ братьями подъ стражу и вели судить, какъ дотолѣ еще никого не судили въ Россіи: Соборомъ, избраннымъ людямъ всѣхъ чиновъ и званій. Лѣтописецъ увѣряетъ, что Князь Василій въ семъ единственномъ случаѣ жизни своей явилъ себя Героемъ: не отрицался; смѣло, великолѣщно говорилъ истину, къ искреннему и лицемѣрному ужасу судей, которые хо-

тѣли заглушить ее воплемъ, проклиная такія хулы на Вѣнценосца. Шуйскаго пытали: онъ молчалъ; не назвалъ никого изъ соумышленниковъ, и былъ одинъ приговоренъ къ смертной казни: братьевъ его лишали только свободы. Въ глубокой тишинѣ народъ тѣснился вокругъ Лобнаго мѣста (⁴⁰⁶), гдѣ стоялъ осужденный Бояринъ (какъ бывало въ Іоанново время!) подъ сѣкиры и плахи, между дружинами воиновъ, Стрѣльцевъ и Козаковъ; на стѣнахъ и башняхъ Кремлевскихъ также блестало оружіе, для устрашенія Москвитянъ, и Петръ Басмановъ, держа бумагу, читалъ народу отъ имени Царскаго: «Великій Бояринъ, Князь Василій Ивановичъ «Шуйскій, измѣнилъ мнѣ, законному Государю «вашему, Дмитрію Іоанновичу всея Россіи; ко- «варствовалъ, злословилъ, ссорилъ меня съ ва- «ми, добрыми подданными: называлъ Лжеца- «ремъ; хотѣлъ свергнуть съ престола. Для того «осужденъ на казнь: да умретъ за измѣну и вѣ- «роломство!» Народъ безмолвствовалъ въ горе- сти, издавна любя Шуйскихъ, и пролилъ слезы, когда несчастный Князь Василій, уже обнажас- мый налачемъ, громко воскликнулъ къ зрите- телямъ: «братья! умираю за истину, за Вѣру «Христіанскую и за вѣсть» (⁴⁰⁷)! Уже голова осу- жденного лежала на плахѣ... Вдругъ слышать крикъ: *стой!* и видятъ Царскаго чиновника, скачащаго изъ Кремля къ Лобному мѣсту, съ Указомъ въ рукѣ: объявляютъ помилованіе Шуйскому! Тутъ вся площадь закипѣла въ не-

описанномъ движениі радости: славили Царя, какъ въ первый день его торжественнаго вступленія въ Москву; радовались и вѣрные приверженники Самозванца, думая, что такое милосердіе даетъ ему новое право на любовь общую; негодовали только дальновиднѣйшіе изъ нихъ, и не ошиблись (⁴⁰⁸): могъ ли забыть Шуйскій выткі и плаху? Узнали, что не вѣтреный Лжедимитрій вздумалъ тронуть сердца симъ неожиданнымъ дѣйствіемъ величодушія, но что Царица-Ионкина слезнымъ моленіемъ убѣдила минимаго сына не казнить врага, который искалъ головы его (⁴⁰⁹)!.. Совѣсть, вѣроятно, терзала сю несчастную пособницу обмана: спасая мученика истины, Мароа надѣялась уменьшить грѣхъ свой предъ людьми и Богомъ. Вмѣстѣ съ нею ходатайствовали за осужденнаго и нѣкоторые Ляхи, видя, сколь живое участіе принимали Москви-тяне въ судьбѣ его, и желая снискать тѣмъ ихъ благодарность. — Всѣхъ трехъ Шуйскихъ, Князя Василія, Дмитрія, Ивана, сослали въ пригороды Галицкіе; имѣніе ихъ описали, дома опустошили.

Тогда же разгласилось въ Москвѣ и свидѣтельство многихъ Галичанъ, единоземцевъ и самыхъ ближнихъ Григорія Отрепьевы: дяди, брата и даже матери, добросовѣстной вдовы Варвары (⁴¹⁰): они видѣли его, узнали, и не хотѣли молчать. Ихъ заключили; а дядю, Смирнаго-Отрепьева (въ 1604 году ѿздившаго къ Сигизмунду для уличенія племянника), сослали въ Си-

бирь. Схватили еще Дворянина Петра Тургенева и мещанина Федора, которые явно возмущали народъ противъ Лжецаря. Самозванецъ велѣлъ казнить обоихъ торжественно, и съ удовольствіемъ видѣлъ, что народъ, благодарный ему за помилованіе Шуйскаго, не изъявилъ чувствительности къ великодушію сихъ двухъ страдальцевъ: оба шли на смерть безъ ужаса и раскаянія, громогласно именуя Лжедимитрія Антихристомъ и любимцемъ Сатаны (⁴¹¹), жалѣя о Россіи и предсказывая ей бѣдствіе; чернь ругалась надъ ними, восклицая: «умираете за дѣло!» — Съ сего времени не умолкали доносы, справедливые и ложные, какъ въ Борисово царствованіе: ибо Самозванецъ, дотолѣ желавъ хвалиться милосердіемъ, уже слѣдовалъ инымъ правиламъ: хотѣлъ грозою унять дерзость, и для того благопріятствовалъ извѣстамъ. Пытали, казнили, душили въ темницахъ, лишали имѣнія, ссылали за слово о Разстрігѣ. Но такимъ ли доносамъ, или единственно опасаясь нескромности своихъ старыхъ пріятелей, Лжедимитрій велѣлъ удалить многихъ Чудовскихъ Иноковъ въ другія, пустынныя Обители, хотя (что достойно замѣчанія) оставилъ въ покой Крутицкаго Митрополита Пафнутія (⁴¹²), который съ первого взгляда узналъ въ немъ Диакона Григорія, бывъ въ его время Архимандритомъ сего монастыря, но, какъ вѣроятно, лицемѣрнымъ или безсовѣстнымъ изъявленіемъ усердія къ Самозванцу спасти себя отъ гоненія. Молчали и другіе въ боязни, такъ,

что столица казалась тихою. Но Разстрига сдѣлался осторожнѣе, и явно не довѣряя Москвитянамъ, снова окружилъ себя ино-
племенниками (⁴¹³) : выбралъ 300 Нѣмцевъ въ свои тѣлохранители, раздѣлилъ ихъ на три особенные дружины подъ началь- Нѣцы
тѣло-
храни-
тели.
ствомъ Капитановъ : Француза Маржерета, Ливонца Кнутсена и Шотландца Вандемана ; одѣль весьма богато, въ камку и бархатъ ; вооружилъ алебардами и протазанами, сѣкирами и бердышами съ золотыми орлами на древкахъ, съ кистями золотыми и серебряными ; даль каждому воину, сверхъ помѣстья, отъ 40 до 70 рублей денежнаго жалованья — и съ того времени уже никуда неѣздили и не ходили одинъ, всюду провождаемый сими грозными тѣлохранителями, за коими только вдали слѣдовали Бояре и царедворцы (⁴¹⁴). Мѣра достойная бродяги, икрою Судьбы вознесеннаго на степень Державства : триста иноzemныхъ сѣкиръ и копій должны были спасать его отъ предполагаемой измѣны цѣлаго народа и полумиліона воиновъ, безполезно раздражаемыхъ знаками недовѣрія обиднаго !

Между тѣмъ Лжедимитрій хотѣлъ веселья : Пыш-
ность
и ве-
селья музыка, пляска и зернь были ежедневною забавою Двора. Угождая вкусу Царя къ пышности, всѣ знатные и не знатные старались блестать одеждой богатою (⁴¹⁵). Всякий день казался праздникомъ. «Многіе изъ

кали въ домахъ, а на улицахъ казались веселыми и нарядными женихами,» говоритъ Лѣтописецъ. Смиренный видъ и смиренная одежда для людей неубогихъ считались знакомъ худаго усердія къ Царю веселому и роскошному, который симъ призракомъ благосостоянія желалъ увѣрить Россію въ ся златомъ вѣкѣ подъ державою обманщика.

Посольство въ Ипть за нееъ стоя. Утишивъ (⁴¹⁶), какъ онъ думалъ, Москву, Жедимітрій спѣшилъ исполнить обѣтъ, данный его благодарностю, сердцемъ или Политикою: предложить руку и вѣнецъ Маринѣ, которая любовію и довѣреностію къ бродягѣ заслуживала честь силѣть съ нимъ на тронѣ. Сношенія между Воеводою Сенномирскимъ и нареченнымъ его зятемъ не прерывались: Самозванецъ увѣдомлялъ Мишика о всѣхъ своихъ успѣхахъ, называлъ всегда отцемъ и другомъ; писалъ къ нему изъ Путивля, Тулы, Москвы; а Воевода писалъ не только къ Самозванцу, но и къ Боярамъ Московскимъ, требуя ихъ признательности такими словами: «Сpoonobствовавъ счастію Димитрія, я готовъ стараться, чтобы оно было и счастіемъ Россіи, побуждаемый къ сему мою всегдашнею къ ней любовію, и надеждою на вашу благодарность, когда вы увидите мое ревностное о васъ ходатайство предъ Трономъ, и будете имѣть новыя выгоды, но-

«вывя важныя права, неизвестные донынѣ «въ Московскомъ Государствѣ»⁽⁴¹⁷⁾. Наконецъ (въ Сентябрѣ мѣсяцѣ) Лжедимитрій послалъ Великаго Секретаря и Казначея, Аѳанасія Власьева, въ Krakovъ для торжественнаго сватовства, давъ ему грамоту къ Sigismundу и другую отъ Царицы-Инокини Марыи къ отцу невѣстину. Могли ли Россіяне одобрить сей бракъ съ иновѣркою, хотя и знатнаго, но не Державнаго племени, — съ удовольствіемъ видѣть спесиваго Пана тестемъ Царскимъ, ждать къ себѣ толпу его близкихъ, не менѣе спесивыхъ, и работѣнио чтить въ нихъ свойство съ Вѣнценосцемъ, который избраніемъ чужеземной невѣсты оказывалъ презрѣніе ко всѣмъ благороднымъ Россіянкамъ? Самозванецъ, вопреки обычаяу, даже и не извѣстиль Бояръ о семъ важномъ дѣлѣ⁽⁴¹⁸⁾: говорилъ, совѣтовался единственно съ Ляхами. Но, легкомысленно досаждая Россія-
намъ, онъ въ тоже время не вполнѣ удо-
влетворялъ и желаніямъ своихъ друзей
иностранныхъ.

Никто ревностнѣе Нунція Папскаго, Рангони, не служилъ обманщику: пышною грамотою привѣтствуя Лжедимитрія на тронѣ⁽⁴¹⁹⁾, Рангони славилъ Бога и воскликнулъ: *мы побѣдили!* льстиль ему хвалами неумѣренными и надѣялся, что соединеніе Церквей будетъ первымъ цѣлью его дѣлъ безъ

смертныхъ ; писалъ : «Изображеніе лица твоего
«уже въ рукахъ Св. Отца, исполненнаго къ тебѣ
«любви и дружества. Не медли изъявить свою
«благодарность Главѣ вѣрныхъ . . . и пріими отъ
«меня дары духовные : образъ сильнаго Воево-
«ды, Коего содѣйствіемъ ты побѣдилъ и цар-
«ствуешь ; четки молитvenныя и Библію Латин-
«скую , да услаждаешься ея чтеніемъ , и да бу-
«дешь вторымъ Давидомъ.» Скоро прибылъ въ
Москву и чиновникъ Римскій (⁴²⁰), Графъ Александъ Рангони (племянникъ Нунція) съ *Апостольскимъ благословеніемъ* и съ поздравитель-
ною грамотою отъ пресмыника Климентова, не-
терпѣливаго въ желаніи видѣть себя Главою на-
шей Церкви ; но Самозванецъ въ учтивомъ отвѣ-
тѣ, хваляся чудесною къ нему благодѣстью Божіею,
истребившею злодѣя, отцеубийцу его, не сказалъ
ни слова о соединеніи Церквей : говорилъ только
о велиcodушномъ своемъ намѣреніи жить не въ
праздности , но вмѣстѣ съ Императоромъ ити
на Султана , чтобы стереть Державу невѣрныхъ
съ лица земли , убѣждая Павла V не допускать
Рудольфа до мира съ Турками : для чего хотѣль
отправить въ Австрію и собственнаго Посла.
Лжедимитрій писалъ и вторично къ Папѣ , обѣ-
щая доставить безопасность его Миссіонаріямъ
на пути ихъ чрезъ Россію въ Перею и быть
вѣрнымъ въ исполненіи даннаго ему слова ; посы-
палъ и самъ Іезуита Андрея Лавицкаго въ Римъ,
но, кажется, болѣе для государственнаго, нежели
Церковнаго лѣла : для переговоровъ о войнѣ

Турецкой, которую онъ действительно замышлялъ, плѣняясь въ воображеніи ея славою и пользою. Надменный счастіемъ, рожденный смѣльмъ и съ любовію къ опасностямъ, Самозванецъ въ круженіи легкой головы своей уже не былъ доволенъ Государствомъ Московскимъ: хотѣлъ завоеваній и Державъ новыхъ⁽⁴²¹⁾! Сія ревность еще сильнѣе воспымала въ немъ отъ донесенія Воеводъ Терскихъ, что ихъ Стрѣльцы и Козаки одержали верхъ въ сшибкѣ съ Турками, и что иѣкоторые даниники Султанскіе въ Дагестанѣ присягнули Россіи⁽⁴²²⁾. Издавна проповѣдуя въ Европѣ необходимость всеобщаго восстанія Державъ Христіанскихъ на Оттоманскую, могъ ли Римъ не одобрить намѣренія Лжедимитріева? Папа славилъ Царя-Героя, совѣтуя ему только начать съ ближайшаго: съ Тавриды, чтобы истребленіемъ гнѣзда злодѣйскаго, столь бѣдоноснаго для Россіи и Польши, отрѣзать крылья и правую руку у Султана въ войнѣ съ Императоромъ; однакожъ имѣлъ причину не довѣрять ревности Самозванца къ Латинской Церкви, видя, какъ онъ въ письмахъ своихъ избѣгасть всякаго яснаго слова о Законѣ. Кажется, что Самозванецъ охладѣлъ въ усердіи сдѣлать Россіянъ Папистами: ибо, не взирая на свойственную ему безразсудность, усмотрѣлъ опасность сего нелѣпаго замысла, и едва ли бы рѣшился приступить къ исполненію онаго, если бы и долѣе царствовалъ.

Скоро увидѣлъ и главный благодѣтель Лже-

димитріевъ, Сигизмундъ лукавый, что счастіе и престолъ измѣнили того, кто еще недавно въ восторгѣ лобызаль его руку, безмолвствовалъ и взыхалъ предъ нимъ, какъ рабъ униженный (⁴²³). Бывъ непосредственнымъ виновникомъ успѣховъ Самозванца — оказалъ бродягѣ честь сына Царскаго, давъ ему деньги, воиновъ, и тѣмъ склонивъ народъ Сѣверскій вѣрить обману — Сигизмундъ весьма естественно ждалъ благодарности, и чрезъ Секретаря своего, Госѣвскаго, привѣтствуя новаго Царя (⁴²⁴), нескромно требовалъ, чтобы Лжедимитрій выдалъ ему Шведскихъ Пословъ, если они будутъ въ Москву отъ мятеющика Карла. Госѣвскій, бесѣдуя съ Царемъ наединѣ, объявилъ за тайну, что Король встревоженъ моловою удивительною. «Недавно» (говорилъ сей чиновникъ) «вы-
«ѣхалъ къ намъ изъ Россіи одинъ Приказ-
«ный, который увѣряетъ, что Борисъ живъ:
«устрашенный твоими побѣдами, и слѣдуя
«наставленію волхвовъ, онъ уступилъ Дер-
«жаву сыну, юному Феодору, притворился
«мертвымъ, и велѣлъ торжественно, вмѣсто
«себя, схоронить другаго человѣка, опоян-
«наго ядомъ; а самъ взялъ множество зо-
«лота, съ вѣдома одной Царицы и Семена
«Годунова бѣжалъ въ Англію, называясь
«куницемъ. Поручивъ надежнымъ людямъ
«развѣдать въ Лондонѣ, дѣйствительно ли

Слухъ,
что Бо-
рисъ
Году-
новъ
живъ.

«укрывается тамъ опасный злодѣй твой,
«Сигизмундъ, какъ истинный другъ, счель
«за нужное предостеречь тебя, и думая,
«что вѣрность Россіянъ еще сомнительна,
«далъ указъ нашимъ Литовскимъ Воево-
«дамъ быть въ готовности для твоей за-
«щиты.» Сія сказка не испугала Лжедими-
трія: онъ благодарилъ Короля, но отвѣт-
ствовалъ, что «въ смерти Борисовой не
сомнѣвается; что готовъ быть недругомъ
мятежнику Шведскому, но прежде хочетъ
удостовѣриться въ искренней дружбѣ Си-
гизмунда, который, вопреки ласковымъ
словамъ, уменьшаетъ данное ему Богомъ
достоинство» — ибо Сигизмундъ въ пись-
мѣ своемъ назвалъ его Господаремъ и Ве-
ликимъ Княземъ, а не Царемъ: Самозва-
нецъ же хотѣлъ не только сего титула, но
и новаго, нынѣшаго: вздумалъ имено-
вать себя Цесаремъ, и даже непобѣдимымъ, Татуя
мечтая о своихъ будущихъ побѣдахъ (425)! Цеса-
рия.

Узнавъ о такомъ гордомъ требованіи, Си-
гизмундъ изъявилъ досаду, и Вельможные
Шаны упрекали недавняго бродягу смѣш-
нымъ высокоуміемъ, злую неблагодарно-
стю; а Лжедимитрій писалъ въ Варшаву,
что онъ не забылъ добрыхъ услугъ Сигиз-
мундовыхъ, чтить его какъ брата, какъ
отца; желаетъ утвердить съ нимъ союзъ,
но не престанетъ требовать Цесарскаго ти-
тула, хотя и не мыслить грозить ему за то

войною (⁴²⁶). Люди благоразумные, особенно Мнишекъ и Нуцій Папскій, тщетно доказывали Самозванцу, что Король называетъ его такъ, какъ Государи Польскіе всегда называли Государей Московскихъ, и что Сигизмунду не лъзя перемѣнить сего обыкновенія безъ согласія Чиновъ Республики. Другіе же, не менѣе благоразумные люди думали, что Республика не должнассориться за пустое имя съ хвастливымъ другомъ, который можетъ быть ей орудіемъ для усмиренія Шведовъ; по Паны не хотѣли слышать о новомъ титулѣ, и Воевода Познанскій сказалъ въ гнѣвѣ одному чиновнику Россійскому (⁴²⁷): «Богъ не любить гордыихъ, и непо-«блдимому Царю вашему не усидѣть на тронѣ.» — Сей жаркій споръ не мѣшалъ однакожь успѣху въ дѣлѣ сватовства.

1 Ноября (⁴²⁸) Великій Посолъ Царскій, Аѳанасій Власьевъ, со многочисленною благородною дружиною пріѣхалъ въ Krakovъ и былъ представленъ Сигизмунду: говорилъ сперва о счастливомъ воцареніи Іоаннова сына, о славѣ низвергнуть Державу Оттоманскую, завоевать Грецію, Іерусалимъ, Виолесемъ и Виѳанію, а послѣ о намѣреніи Димитрія раздѣлить престолъ съ Мариою, изъ благодарности за важныя услуги, оказанныя ему, во дни его несгоды и печали, знаменитымъ ея родителемъ (⁴²⁹). 12 Ноября, въ присутствіи Сигизмунда, сына его Владислава и сестры, Шведской Королевны Аны, совершилось торжественное обрученіе (воспѣтое

въ стихахъ Пиндарическихъ (430) Иезуитомъ Гроховскимъ). Марина, съ короною на головѣ, въ бѣлой одеждѣ, унизанной каменьями драгоценными, блестала равно и красотою и пышнотою. Именемъ Минишака сказавъ Власьеву (который заступалъ мѣсто жениха), что отецъ благословляетъ дочь на бракъ и Царство, Литовскій Канцлеръ Сапѣга говорилъ длинную рѣчъ, также и Панъ Ленчицкій и Кардиналъ, Епископъ Krakovskій, славя «достоинства, воспитаніе и знатный родъ Марины, вольной «Дворянки Государства вольнаго, — честность Димитрія въ исполненіи даннаго «имъ обѣта, счастіе Россіи имѣть законнаго, отечественнаго Вѣнценосца, вмѣсто «иноzemнаго или похитителя, и видѣть «искреннюю дружбу между Сигизмундомъ «и Царемъ, который безъ сомнѣнія не «будетъ примѣромъ неблагодарности, знал, «чѣмъ обязанъ Королю и Королевству «Польскому.» Кардиналь и знатнѣйшіе духовные сановники пѣли молитву: *veni Creator*: всѣ преклонили колѣна; но Власьевъ стоялъ — и едва не произвелъ смѣха, на вопросъ Епископа: «не обрученъ ли «Димитрій съ другою невѣстою?» отвѣтствую: *a мнѣ какъ знать?* того у менѣ нѣть въ наказъ (431). Мѣняясь перстиями, онъ вынулъ Царскій изъ ящика, съ однимъ большимъ алмазомъ, и вручилъ Кардиналу;

а самъ не хотѣлъ голою рукою взять невѣстину перстня. По совершеніи священныхъ обрядовъ былъ великолѣпный столъ у Воеводы Сеномирскаго, и Марина сидѣла подлѣ Короля, принимая отъ Россійскихъ чиновниковъ дары своего жениха: богатый образъ Св. Троицы, благословеніе Царицы-Инокини Марѣи; перо изъ рубиновъ; чашу гіациントовую; золотой корабль, осыпанный многими драгоцѣнными каменьями; золотаго быка, пеликаны и павлина; какія-то удивительныя часы съ флейтами и трубами; слишкомъ три пуда жемчугу, 640 рѣдкихъ соболей, кипы бархатовъ, парчей, штофовъ, атласовъ⁽⁴³²⁾, и проч. и проч. Между тѣмъ Власьевъ, желая быть почтительнымъ, не хотѣлъ садиться за столъ съ Мариною, ни пить, ни ъесть, и худо разумѣя, что онъ представляетъ лицо Димитрія, былъ челомъ въ землю, когда Сигизмундъ и семейство его пили за здоровье Царя и Царицы: уже такъ именовали невѣсту обрученнюю. Послѣ обѣда, Король, Владиславъ и Шведская Принцесса Анна танцевали съ Мариною; а Власьевъ уклонился отъ сей чести, говоря: «дерзну ли «коснуться Ея Величества!» Наконецъ, прощаась съ Сигизмундомъ, Марина упала къ ногамъ его и плакала отъ умиленія, къ неудовольствію Посла, который видѣлъ въ томъ униженіе для будущей супруги Московскаго Вѣнценосца; но ему отвѣтствовали, что Сигизмундъ Государь ея, ибо она еще въ Krakovѣ. Поднявъ Марину съ ласкою, Король сказалъ ей: «Чудесно возвышен-

«ная Богомъ, не забудь, чѣмъ ты обязана
«странѣ своего рожденія и воспитанія, —
«странѣ, гдѣ оставляешь близкихъ, и гдѣ
«нашло тебя счастіе необыкновенное. Пи-
«тай въ супругѣ дружество къ намъ и bla-
«годарность за сдѣланное для него мною и
«твоимъ отцемъ. Имѣй страхъ Божій въ
«сердцѣ, чти родителей и не измѣняй обы-
«чаямъ Польскимъ.» Снявъ съ себя шапку,
онъ перекрестилъ Марину, собственными
руками отдалъ Послу и дозволилъ Воеводѣ
Сенномирскому щать съ нею въ Россію; а
Власьевъ, немедленно отправивъ къ Само-
званцу перстень невѣсты и живописное
изображеніе лица ея, жилъ еще нѣсколько
дней въ Краковѣ, чтобы праздновать Си-
гизмундово бракосочетаніе съ Австрійскою
Эрцгерцогинею, и (8 Декабря) выѣхалъ въ
Слонимъ, ожидать тамъ Мнишка и Мари-
ны на пути ихъ въ Россію (⁴³³); но ждалъ
долго.

Пожертвовавъ Самозванцу знатною ча-
стію своего богатства, Воевода Сенномир-
скій не былъ доволенъ одними дарами:
требовалъ отъ него денегъ, чтобы распла-
титься съ заимодавцами, и не хотѣлъ безъ
того выѣхать изъ Кракова (⁴³⁴); скучалъ,
досадовалъ и тревожился худою молвою о
будущемъ зятѣ. Въ Краковѣ знали, что
лѣжалось въ Москвѣ; знали о негодованії
Россіянъ, и многіе не вѣрили ни Царскому

Слухи
о Само-
званцѣ
въ
Поль-
щѣ.

происхождению Лжедимитрія, ни долговременности его счастія; говорили о томъ всенародно, предостерегали Короля и Мнишка. Сама Царица-Инокиня Мареа, какъ увѣряютъ, тайно велѣла чрезъ одного Шведа объявить Сигизмунду, что мнимый Димитрій не есть сынъ ея (⁴³⁵). Даже и чиновники Россійскіе, присылаемые гонцами въ Польшу, шептали на ухо любопытнымъ о Царѣ беззаконномъ, и предсказывали неминуемый скорый ему конецъ. Но Сигизмундъ и Мнишекъ не вѣрили такимъ рѣчамъ или показывали, что не вѣрятъ, желая приписывать ихъ единственно внушенніямъ тайныхъ злодѣевъ Царя, друзей Годунова и Шуйского. Во всякомъ случаѣ уже не время было думать о разрывѣ съ тѣмъ, кто звалъ на престолъ Марину и честно вознаграждалъ отца ея за всѣ его

убытки: ибо, наконецъ (въ Генварѣ 1606),
Лжеди-
митрій
платить
долги
Мниши-
ковы.
Секретарь Янъ Бучинскій привезъ изъ Москвы 200 тысячъ золотыхъ Мнишку, сверхъ ста тысячъ, отданныхъ Лжедимитріемъ Сигизмунду въ уплату суммы, которую занялъ у него Воевода Сеномирскій на ополченіе 1604 года (⁴³⁶). Разстрига изъявлялъ нестерпѣніе видѣть невѣсту; но отецъ ея, занимаясь пышными сборами, еще долго жилъ въ Галиціи, и выѣхалъ, съ толпою своихъ близкихъ, уже въ распутьцу, такъ, что некоторые изъ нихъ отъ худой дороги

возвратились (⁴³⁷), — къ ихъ счастію : ибо въ Москвѣ уже все изготоилось къ страшному дѣйствію народной мести.

Оградивъ себя иноземными тѣлохрани-
телями, и видя тишину въ столицѣ, уклон-
чивость, низость при Дворѣ, Лжедимитрій
совершенно успокоился ; вѣриль какому-то
предсказанію, что ему властвовать 34 го-
да (⁴³⁸), и пировалъ съ Боярами на ихъ
свадьбахъ (⁴³⁹), дозволивъ имъ свободно
выбирать себѣ невѣстъ и жениться : чего
не было въ царствованіе Годунова, и чѣмъ
воспользовался, хотя уже и не въ моло-
дыхъ лѣтахъ, знатиѣйший Вельможа Князь
Мстиславскій, за коего Самозванецъ вы-
далъ двоюродную сестру Царицы-Инокини
Марѣы. Казалось, что и Москва искренно
веселилась съ Царемъ : никогда не бывало
въ ней столько пировъ и шума ; никогда не
видали столько денегъ въ обращеніи : ибо
Нѣмцы, Ляхи, Козаки, сподвижники Лже-
димитрія, отъ щедротъ его сыпали золо-
томъ (⁴⁴⁰), къ немалой выгодѣ Московскаго
купечества, и хвастаясь богатствомъ, по
словамъ Лѣтописца, не только ъли, пили,
но и въ баняхъ мылись изъ серебряныхъ
сосудовъ. Въ сіи веселые дни Самозва-
нецъ, расположенный къ дѣйствіямъ мило-
сти, простиль Шуйскихъ, чрезъ шесть мѣ-
сяцевъ ссыпки (⁴⁴¹) : возвратилъ имъ бо-
щухъ Возвра-
щеніе
ссыпки гатство и знатность, въ удовольствіе ихъ.

многочисленныхъ друзей , которые умѣли хитро
ослѣпить его прелестю такого великодушія , и ,
вѣроятно , уже не безъ намѣренія , гибельного
для Лжецаря . Всѣми уважаемый какъ первосте-
пенный мужъ государственный и потомокъ Рю-
риковъ , Василій Шуйскій былъ тогда идоломъ
народа , прославивъ себя неустрешимою твердо-
стю въ обличеніи Самозванца : пытки и плаха
дали ему , въ глазахъ Россіянъ , блистательный
вѣнецъ Героя-мученика , и никто изъ Бояръ не
могъ , въ случаѣ народнаго движенія , имѣть
столько власти надъ умами , какъ сей Князь ,
равно честолюбивый , лукавый и смѣлый . Давъ
на себя письменное обязательство въ вѣрности
Лжедимитрію (442) , онъ возвратился въ столицу ,
по видимому инымъ человѣкомъ : казался усерд-
нѣйшимъ его слугою , и снискаль въ немъ осо-
бенную довѣренность , вопреки мнѣнію нѣкото-
рыхъ близкихъ людей Самозванца , которые го-
ворили , что можно изъ милосердія , иногда одо-
бряемаго Политикою , не казнить измѣнника и
клятвопреступника , но безразсудно вѣрить его
новой клятвѣ ; что Шуйскій , не видавъ отъ Ди-
митрія ничего кромѣ благоволенія , замышлялъ
его гибель , а претерпѣвъ отъ него безчестіе ,
муки , ужасъ смерти , конечно не исполнился
любви къ своему карателю , хотя и правосудному :
исполнился , вѣроятнѣе , злобы и мести , скры-
ваемыхъ подъ лициною раскаянія . Они говорили
истину : Шуйскій возвратился съ тѣмъ , чтобы
погибнуть или погубить Лжедимитрія . Но легко-

умный, гордый Самозванецъ, хваляся еще не столько благостю, сколько безстрашемъ, отвѣтствовалъ, что находя искреннее удовольствие въ милости, любить прощать совершенно, не вполовину, и безъ грѣха не можетъ чего нибудь страшиться, бывъ отъ самой колыбели чудесно и явно хранимъ Богомъ (443). Онъ хотѣлъ, чтобы Князь Василій, подобно Мстиславскому, избралъ себѣ знатную невѣstu : Шуйскій выбралъ Княжну Буйносову Ростовскую, свойственницу Нагихъ, и долженъ былъ жениться чрезъ нѣсколько дней послѣ Царской свадьбы — однимъ словомъ, бывъ угодникомъ Іоанновымъ и Борисовымъ, обворожилъ Разстрigu нехитраго, сдѣлся его совѣтникомъ, и не для того, чтобы совѣтовать ему доброе!

Лжедимитрій дѣйствовалъ, какъ и прежде : вѣтрено и безразсудно ; то желалъ снискать любовь Россіянъ, то умышленно оскорблялъ ихъ. Современники рассказываютъ слѣдующее происшествіе : «Онъ велѣлъ сдѣлать зимою ледяную крѣпость, близъ Вяземы, верстахъ въ тридцати отъ Москвы, и поѣхалъ туда съ своими тѣлохранителями, съ конною дружиною Ляховъ, съ Боярами и лучшимъ воинскимъ Дворянствомъ. Россіянамъ надлежало защищать городокъ, а Нѣмцамъ взять его приступомъ : тѣмъ и другимъ, вместо оружія, дали снѣжные комы. Начался бой, и Самозванецъ, предводительствуя Нѣмцами, первый ворвался въ крѣпость ; торжествовалъ победу ; говорилъ : *такъ возьму*

Азовъ — и хотѣлъ новаго приступа. Но многіе изъ Россіянъ обливались кровю : ибо Нѣмцы, во время схватки, бросая въ нихъ снѣгомъ, бросали и каменьями. Сія худая шутка, оставленная Царемъ безъ наказанія и даже безъ выговора, столь озлобила Россіянъ, что Лжедимитрій, опасаясь дѣйствительной сѣчи между ими (⁴⁴⁴), тѣлохранителями и Ляхами, спѣшилъ развести ихъ и возвратиться въ Москву.» Ненависть къ иноzemцамъ, падая и на пристрастнаго къ нимъ Царя, ежедневно усиливалась въ народѣ отъ ихъ дерзости : на примѣръ, съ дозвolenія Лжедимитріева имѣя свободный входъ въ наши церкви, они безчинно гремѣли тамъ оружіемъ, какъ бы готовясь къ битвѣ ; опирались, ложились на гробы Святыхъ. Не менѣе жаловались Москвитяне и на Козаковъ, сподвижниковъ Разстригинъ : величаясь своею услугою, сіи люди грубые оказывали къ нимъ презрѣніе и называли ихъ въ ругательство Жидами (⁴⁴⁵) ; суда не было. — Но самымъ злѣйшимъ врагомъ Лжедимитрія сдѣлалось Духовенство. Какъ бы желая унизить сань Монашества, онъ срамилъ Иноковъ, въ случаѣ ихъ гражданскихъ преступлений, безчестною торговою казнью ; занималъ деньги въ богатыхъ Обителяхъ, и не думалъ платить сихъ долговъ значительныхъ ; наконецъ велѣлъ представить себѣ опись имѣнію и всѣмъ доходамъ монастырей, изъявивъ мысль оставить имъ только необходимое для умѣреннаго содержанія Старцевъ, а все прочее взять на жалованье войску (⁴⁴⁶) : то

есть , смѣлый бродяга , бурею кинутый на престолъ шаткій , и новою бурею угрожае- мый , хотѣлъ прямо , необыкновенно совер- шить дѣло , на которое не отважились Го- судари законные , Іоанны III и IV , въ ти-шинѣ безспорного властовданія и повино- венія неограниченного ! — Дѣло менѣе важ- ное , но не менѣе безразсудное также воз- будило негодованіе Бѣлага Московскаго Духовенства : Лжедимитрій выгналъ всѣхъ Арбатскихъ и Чертольскихъ Священниковъ изъ ихъ домовъ , чтобы помѣстить тамъ своихъ иноземныхъ тѣлохранителей , кото- рые жили болѣею частію въ слободѣ Нѣ- мецкой , слишкомъ далеко отъ Кремля . Па- стыри душъ , въ храмахъ торжественно мо- лясь за мнимаго Димитрія , тайно кляли въ немъ врага своего , и шептали прихожа- намъ о Самозванцѣ , гонителѣ Церкви и благопріятелѣ всѣхъ ересей : ибо онъ , дозволивъ Іезуитамъ служить Латинскую Обѣдню въ Кремль , дозволилъ и Лютеран- скимъ Пасторамъ говорить тамъ проповѣ- ди , чтобы его тѣлохранители не имѣли труда Ѣздить для моленія въ отдаленную Нѣмецкую слободу (447) .

Въ сіе время явленіе новаго Самозванца Само-
званецъ
Петръ. также повредило Разстригѣ въ общемъ мнѣніи . Завидуя успѣху и чести Донцевъ , ихъ братья , Козаки Волжскіе и Терскіе , назвали одного изъ своихъ товарищѣй , мо-

лодаго Козака Илейку, сыномъ Государя Феодора Іоанновича, Петромъ, и выдумали сказку, что Ирина въ 1592 году разрѣшилась отъ бремени симъ Царевичемъ, коего властолюбивый Борисъ умѣль скрыть и подмѣнилъ дѣвочкою (Феодосією). Ихъ собралось 4000, къ ужасу путешественниковъ, особенно людей торговыхъ: ибо сіи мятежники, сказывая, что идутъ въ Москву съ Царемъ, грабили всѣхъ купцовъ на Волгѣ, между Астраханью и Казанью, такъ, что добычу ихъ цѣнили въ 300 тысячъ рублей (⁴⁴⁸); а Лжедимитрій не мѣшалъ имъ злодѣйствовать, и писаль къ мнимому Петру — вѣроятно, желая заманить его въ сѣти — что если онъ истинный сынъ Феодоровъ, то спѣшилъ бы въ столицу, гдѣ будетъ принять съ честію. Никто не вѣрилъ новому обманщику; но многіе еще болѣе увѣрились въ самозванствѣ Разстриги, изъясняя одну басню другою; многіе даже думали, что оба Самозванца въ тайномъ согласіи; что Лжепетръ есть орудіе Лжедимитрія; что послѣдній велитъ Козакамъ грабить купцовъ для обогащенія казны своей (⁴⁴⁹), и ждетъ ихъ въ Москву, какъ новыхъ ревностныхъ союзниковъ, для безопаснѣйшаго тиранства надъ Россіянами, ему ненавистными. Илейка дѣйствительно, какъ пишутъ, хотѣлъ воспользоваться ласковымъ приглашеніемъ Разстри-

ги и шелъ къ Москвѣ, по узналь въ Свіяжскѣ, что мнимаго дяди его уже не стало (⁴⁵⁰).

По всѣмъ извѣстіямъ, возвращеніе Князя Начало загово-ра. Василія Шуйскаго было началомъ великаго заговора и рѣшило судьбу Лжедимитрія, который изготавилъ легкій успѣхъ онаго, досаждая Боярамъ, Духовенству и народу, презирая Вѣру и добродѣтель. Можетъ быть, слѣдя инѣмъ, лучшимъ правиламъ, онъ удержанлся бы на тронѣ и вопреки явнымъ уликамъ въ самозванствѣ; можетъ быть, осторожнѣйшіе изъ Бояръ не захотѣли бы свергнуть Властителя хотя и незаконнаго, но благоразумнаго, чтобы не предать отечества въ жертву беззначаю. Такъ, вѣроятно, думали многіе въ первые дни Разстрѣгина царствованія: вѣдая, кто онъ, надѣялись по крайней мѣрѣ, что сей человѣкъ удивительный, одаренный нѣкоторыми блестящими свойствами, заслужить счастіе дѣлами достохвальными; увидѣли безуміе — и возстали на обманщика: ибо Москва, какъ пишутъ, уже не сомнѣвалась тогда въ единствѣ Отрепьевы и Лжедимитрія (⁴⁵¹). Любопытно знать, что самые близкіе люди Разстрѣгина не скрывали истины другъ отъ друга; самъ несчастный Басмановъ въ бесѣдѣ искренней съ двумя Нѣмцами, преданными Лжедимитрію, сказалъ имъ: «вы имѣете въ немъ отца и благоденствуете въ Россіи: молитесь о здра-

«віи его вмѣстъ со мною. Хотя онъ и не сынъ «Іоанновъ», но Государь нашъ: ибо мы присягали «ему, и лучшаго найти не можемъ»⁽⁴⁵²⁾. Такъ Басмановъ оправдывалъ свое усердіе къ Самозванцу. Другіе же судили, что присяга, данная въ заблужденіи или въ страхѣ, не есть истинная: сію мысль еще не давно внушали народу друзья Лжедимитріевы, склоняя его измѣнить юному Феодору⁽⁴⁵³⁾; сею же мыслю успокоиваль и Шуйскій Россіянъ лобросовѣстныхъ, чтобы низвергнуть бролягу. Надлежало открыться множеству людей разнаго званія, имѣть сообщниковъ въ Синклитѣ, Духовенствѣ, войскѣ, гражданствѣ. Шуйскій уже испыталъ опасность коловъ, лежавъ на плахѣ отъ нескромности своихъ клериковъ; но съ того времени общая ненависть ко Лжедимитрю созрѣла и ручалась за вѣриѣйшее храненіе тайны. По крайней мѣрѣ не написалося предателей — извѣтниковъ — и Шуйскій умѣлъ, въ глазахъ Самозванца, ежедневно съ нимъ веселясь и пируя, составить заговоръ, коего нить шла отъ Царской Думы чрезъ всѣ степени государственные до народа Московскаго, такъ, что и многіе изъ ближнихъ людей Отропьева, выведенныя изъ терпѣнія его упрямствомъ въ неблагоразуміи, пристали къ сему кову. Распускали слухи зловредные для Самозванца, истинные и ложные: говорили, что онъ, пытая жаждою кровопролитія безумнаго, въ одно время грозить воиною Европѣ и Азіи. Лжедимитрій несомнительно думалъ воевать съ

Султаномъ, назначилъ для того Посоль-
ство къ Шаху Аббасу (⁴⁵⁴), чтобы пріобрѣ-
сти въ немъ важнаго сподвижника, и ве-
лѣлъ дружинамъ Дѣтей Боярскихъ итти въ Елецъ, отиравивъ туда множество пушекъ; грозилъ и Швеціи; написалъ къ Карлу: «Всѣхъ сосѣдственныхъ Государей увѣдо-
мивъ о своемъ воцареніи, увѣдомляю те-
«бя единственно о моемъ дружествѣ съ за-
«коннымъ Королемъ Шведскимъ, Сигиз-
«мундомъ, требуя, чтобы ты возвратилъ «ему Державную власть, похищенную то-
«бою вѣроломно, вопреки уставу Боже-
«ственному, Естественному и Народному
«Праву — или вооружишь на себя могуще-
«ственную Россію. Усовѣстись и размысли
«о печальномъ жребіи Бориса Годунова;
«такъ Всевышній казнитъ похитителей —
«казнить и тебя» (⁴⁵⁵). Увѣряли еще, что Лжедимитрій вызываетъ Хана опустошать южныя владѣнія Россіи, и желая привести его въ бѣшенство, послалъ къ нему въ даръ шубу изъ свиныхъ кожъ (⁴⁵⁶): басня опровергаемая современными государственными бумагами, въ коихъ упоминается о мирныхъ, дружественныхъ сношеніяхъ Лжедимитрія съ Казы-Гиреемъ и дарахъ обыкновенныхъ. Говорили справедливѣе о намѣреніи или обѣщаніи Самозванца предать нашу Церковь Папѣ и знатную часть Россіи Литвѣ: о чёмъ сказывалъ Боярамъ

Сноше-
нія съ
Ха-
номъ.
Толки
о замы-
слахъ
Лжеди-
митрія.

Дворянинъ Золотой-Квашнинъ , бѣглецъ Іоаннова времени , который долго жилъ въ Польшѣ (⁴⁵⁷). Говорили , что Разстрига ждетъ только Воеводы Сенномирскаго съ новыми шайками Ляховъ для исполненія своихъ умысловъ , гибельныхъ для отечества . Уже начальники заговора хотѣли было приступить къ дѣлу (⁴⁵⁸) ; но отложили ударъ до свадьбы Жедимитріевой , для того ли , какъ пишутъ , чтобы съ невѣстою и съ ея близними возвратились въ Москву древнія Царскія сокровища , раздаренные имъ щедростью Самозванца , или для того , чтобы онъ имѣлъ время и способъ еще болѣе озлобить Россіянъ новыми беззаконіями , предвидѣнными Щуйскимъ и друзьями его ?

Межу тѣмъ два или три случая , не будучи въ связи съ заговоромъ , могли потревожить Самозванца . Ему донесли , что нѣкоторые Стрѣльцы всенародно злословятъ его , какъ врага Вѣры (⁴⁵⁹) : онъ призвалъ всѣхъ Московскихъ Стрѣльцевъ съ Головою Григоріемъ Микулинымъ , объявилъ имъ дерзость ихъ товарищей и требовалъ , чтобы вѣрные воины судили измѣнниковъ : Микулинъ обнажилъ мечь , и хулители Жечаря , не изъявляя ни раскаянія , ни страха , были изсѣчены въ куски своими братьями : за что Самозванецъ пожаловалъ Микулина , какъ усерднаго слугу , въ Дворяне Думные ,

а народъ возненавидѣлъ, какъ убійцу вели-
кодушныхъ страдальцевъ. Такимъ же му-
ченникомъ хотѣлъ быть и Дьякъ Тимоѳей
Осиповъ: пылая ревностію изобличить
Разстрігу, онъ нѣсколько дній говѣлъ
дома, пріобщился Святыхъ Таинъ, и тор-
жественно, въ палатахъ Царскихъ, предъ
всѣми Боярами, назвалъ его *Гришкою От-
ропьевымъ, рабомъ грѣха, еретикомъ* (⁴⁶⁰).
Всѣ изумились, и самъ Лжедимитрій без-
молвствовалъ въ смятеніи: опомнился и
велѣлъ умертвить сего въ Исторіи незаб-
веннаго мужа, который своею кровію, вмѣ-
стѣ съ немногими другими, искупалъ Рос-
сіянъ отъ стыда повиноваться бродягѣ.
Пишутъ, что и Стрѣльцы и Дьякъ Оси-
повъ, прежде ихъ убіенія, были допраши-
ваемы Басмановыми, но никого не огово-
рили въ единомысліи съ ними. Не менѣе
безстрашнымъ оказалъ себя и знаменитый ^{Опала} Царь ^{Симеонъ}
слѣпецъ, такъ называемый Царь Симеонъ: будучи ^{на и} ^{на} ^и ^{щева.}
ревностнымъ Христіаниномъ, и слыша, что Лжедимитрій склоняется къ
Латинской Вѣрѣ, онъ презрѣлъ его ми-
лость и ласки, всенародно изъявлялъ него-
дованіе, убѣжалъ истиныхъ сыновъ Цер-
кви умереть за ея святые уставы: Симеона,
обвиняемаго въ неблагодарности, удалили
въ монастырь Соловецкій и постригли (⁴⁶¹).
Тогда же чиновникъ извѣстный способно-
стями ума и гибкостію нрава, бывъ въ рав-

ной довѣренности у Бориса и Самозванца, Думный Дворянинъ Михайло Татищевъ, вдругъ заслужилъ опалу смѣlostю, въ немъ совсѣмъ необыкновенною. Однажды, за столомъ Царскимъ, Князь Василій Шуйскій, видя блюдо телятины, въ первый разъ сказалъ Жедимитрію, что не должно подчивать Россіянъ яствами, для нихъ гнусными; а Татищевъ, приставъ къ Шуйскому, началъ говорить столь невѣжливо и дерзко, что его вывели изъ дворца и хотѣли сослать на Вятку (⁴⁶²); но Басмановъ, чрезъ двѣ недѣли исходатайствовалъ ему прощеніе (себѣ на гибель, какъ увидимъ). Сей случай возбудилъ подозрѣніе въ нѣкоторыхъ близкихъ людяхъ Отрепьева и въ немъ самомъ: думали, что Шуйскій завелъ сей разговоръ съ умысломъ, и что Татищевъ не даромъ измѣнилъ своему навыку; что они, зная вспыльчивость Жедимитрія, хотѣли вырвать изъ него какое нибудь слово нескромное и во вредъ ему разгласить о томъ въ городѣ; что у нихъ должно быть намѣреніе дальновидное и злое. Къ счастію, Жедимитрій, по праву и правиламъ неопасливый, скоро оставилъ сю безпокойную мысль, видя вокругъ себя лица веселыя, всѣ знаки усердія и преданности, особенно въ Шуйскомъ, и всего болѣе думая тогда о великолѣпной пріемѣ Маринѣ.

Но Воевода Сеномирскій какъ долго не трогался съ мѣста , такъ медленно и путешествовалъ ; вездѣ останавливался , пировалъ , къ досадѣ своего провожатаго , Аѳанасія Власьева , и еще изъ Минска писалъ въ Москву , что ему не льзя выѣхать изъ Литовскихъ владѣній , пока Царь не заплатить Королю *всего долга* ; что грубость излишно ревностнаго слуги Власьева , нудящаго ихъ *не пахать , а лететь* въ Россію , несносна для него , ветхаго старца , и для нѣжной Маринѣ . Самозванецъ не жалѣлъ денегъ : обязался удовлетворить всѣмъ требованіямъ Сигизмундовымъ , прислалъ 5000 червонцевъ въ даръ невѣстѣ , и сверхъ того 5000 рублей и 13,000 талеровъ на ея путешествіе до предѣловъ Россіи (⁴⁶³) ; но изъявилъ неудовольствіе . «Вижу ,» писалъ онъ къ Мнишку , «что вы едва ли и весною «достигнете нашей столицы , гдѣ можете не «найти меня : ибо я намѣренъ встрѣтить «льто въ станѣ моего войска , и буду въ «полѣ до зимы . Бояре , высланные ждать «васъ па рубежѣ , истратили въ сей голодной странѣ всѣ свои запасы и должны будуть возвратиться , къ стыду и попошенію «Царскаго имени .» Мнишкѣ въ досадѣ хотѣлъ ѿхать назадъ ; однакожъ , извинивъ колкія выраженія будущаго зятя петеріѳніемъ его страстной любви , 8 Апрѣля вѣхалъ въ Россію .

Путешествіе
Воеводы Сеномирскаго съ Мариною.

Пишутъ, что Марина, оставляя навѣки отчество, неутѣшно плакала въ горестныхъ предчувствіяхъ, и что Власьевъ не могъ успокоить ее велерѣчивымъ изображеніемъ ея славы (¹⁶⁴). Воевода Сеномирскій желалъ блеснуть пышнотою: съ нимъ было родственниковъ, пріятелей и слугъ не менѣе двухъ тысячъ, и столько же лошадей. Марина ѿхала между рядами конніцы и пѣхоты. Миншекъ, братъ и сынъ его, Князь Вишневецкій и каждый изъ знатныхъ Пановъ имѣлъ свою дружину воинскую. На границѣ привѣтствовали невѣсту царедворцы Московскіе, а за мѣстечкомъ Краснымъ Бояре, Михайло Нагой (мнимый дядя Лжедимитріевъ) и Князь Василій Мосальскій, который сказалъ отцу ея, что знаменитѣйшие Государи Европейскіе хотѣли бы выдать дочерей своихъ за Димитрія, но что Димитрій предпочитаетъ имъ его дочь, умѣя любить и быть благодарнымъ. Оттуда повезли Марину на двѣнадцати бѣлыхъ коняхъ, въ саняхъ великолѣпныхъ, украшенныхъ серебрянымъ орломъ (¹⁶⁵); возницы были въ парчевой одеждѣ, въ черныхъ лисьихъ шапкахъ; впереди ѿхало двѣнадцать знатныхъ всадниковъ, которые служили путеводителями, и кричали возницамъ, гдѣ видѣли камень или яму. Не смотря на весеннюю распутицу, вездѣ исправили дорогу, вездѣ построили новые мосты и дома для ночлеговъ. Въ каждомъ селеніи жители встрѣчали невѣсту съ хлѣбомъ и солью, Священники съ иконами. Граждане въ Смоленскѣ, Дорогобужѣ, Вязмѣ под-

носили ей многоцѣпные дары отъ себя, а сановники вручали письма отъ жениха съ дарами еще богатѣшими. Всѣ старались угоджать не только будущей Царицѣ, но и спутникамъ ея, падменнымъ Ляхамъ⁽⁴⁶⁶⁾, которые вели себя нескромно, грубили Россіянамъ, притворно смиренными, и достигнувъ береговъ Угры, вспомнили, что тутъ была древняя граница Литвы — надѣялись, что и будетъ снова: ибо Мнишекъ везъ съ собою владѣнную грамоту, данную ему Самозванцемъ, на Княженіе Смоленское!.. Оставивъ Марину въ Вязмѣ, Сенномирскій Воевода съ сыномъ и Княземъ Вишневецкимъ спѣшили въ Москву для нѣкоторыхъ предварительныхъ условій съ Царемъ относительно къ браку⁽⁴⁶⁷⁾.

25 Апрѣля, имѣвъ пышный вѣзъ въ столицу⁽⁴⁶⁸⁾, Мнишекъ съ восторгомъ увидѣлъ булащаго зятя на великолѣпномъ тронѣ, окруженному Боярами и Духовенствомъ: Патріархъ и Епископы сидѣли на правой сторонѣ, Вельможи на лѣвой. Мнишекъ цѣловалъ руку Лжедимитреву; говорилъ рѣчь, и не находилъ словъ для выраженія своего счастія. «Не знаю (сказалъ «онъ), какое чувство господствуетъ теперь въ душѣ моей: удивленіе ли чрезмѣрное «или радость неописанная? Мы проливали «нѣкогда слезы умиленія, слушая повѣсть «о жалостной, мнимой кончинѣ Димитрія —

Рѣчь
Мниш-
кова.

«и видимъ его воскресшаго! Давно ли, съ горе-
«стю иного рода, съ участіемъ искреннимъ и
«нѣжнымъ, я жаль руку изгнаника, моего го-
«стя печальнаго — и сю руку, нынѣ Державную,
«лобызаю съ благоговѣніемъ! . . . О счастіе!
«какъ ты играешь смертными! Но что говорю?
«не слѣпому счастію, а Провидѣнію дивимся въ
«судьбѣ твоей: Оно спасло тебя и возвысило,
«къ утѣшенію Россіи и всего Христіанства. Уже
«извѣстны мнѣ твои блестящія свойства: я ви-
«дѣлъ тебя въ пылу битвы неустрашимаго, въ
«трудахъ воинскихъ неутомимаго, къ хладу зим-
«нему нечувствительнаго . . . ты бодрствовалъ
«въ полѣ, когда и звѣри Сѣвера въ своихъ но-
«рахъ таились. Исторія и Стихотворство про-
«славятъ тебя за мужество и за многія иныя до-
«бродѣтели, которыя спѣши открыть въ себѣ
«міру; но я особенно долженъ славить твою вы-
«сокую ко мнѣ милость, щедрую награду за мое
«къ тебѣ рание дружество, которое предупре-
«дило честь и славу твою въ свѣтѣ: ты дѣлишь
«свое величіе съ моею дочерью, умѣя цѣнить ся
«правственное воспитаніе и выгоды, данныя ей
«рожденіемъ въ Государствѣ свободномъ, гдѣ
«Дворянство столь важно и сильно — а всего
«болѣе зная, что одна добродѣтель есть истин-
«ное украшеніе человѣка.» Лжедимитрій слу-
«шалъ съ видомъ чувствительности, непрестанно
«тирая себѣ глаза платкомъ, но не сказалъ ни
«слова: вместо Царя отвѣтствовалъ Аѳанасій
Власьевъ. Началося роскошное угощеніе. Мин-

шекъ обѣдалъ у Лжедимитрія въ новомъ дворцѣ, гдѣ Поляки хвалили и богатство и вкусъ украшеній (⁴⁶⁹). Честя гостя, Самозванецъ не хотѣлъ однокожь сидѣть съ нимъ рядомъ: сидѣлъ одинъ за серебряною трапезою, и въ знакъуваженія вслѣдъ только подавать ему, сыну его и Князю Вишневецкому золотыя тарелки (⁴⁷⁰). Во время обѣда привели двадцать Лопарей, бывшихъ тогда въ Москвѣ съ данію, и рассказывали любопытнымъ иноземцамъ, что сіи странные дикари живутъ на краю свѣта, близъ Индіи и Ледовитаго моря, не зная ни домовъ, ни теплой пищи, ни закона, ни Вѣры (⁴⁷¹): Лжедимитрій хвалился неизмѣримостію Россіи и чуднымъ разнообразіемъ ея народовъ. Ввечеру играли во дворцѣ Польскіе музыканты; сынъ Воеводы Сенномирскаго и Князь Вишневецкій танцевали, а Лжедимитрій забавлялся перебѣваніемъ, ежечасно являясь то Русскимъ щеголемъ, то Венгерскимъ гусаромъ! Пять или шесть дней угощали Мнишкѣ изобильными, безконечными обѣдами, ужинами, звѣриною ловлею, въ коей Лжедимитрій, какъ обыкновенно, блесталъ искусствомъ и смѣлостію: билъ медвѣдей рогатиною, отсѣкалъ имъ голову саблею, и веселился громкими восклицаніями Бояръ: «слава «Царю!» — Въ сіе время занимались и дѣломъ.

Условія. Лжедимитрій писаль еще въ Krakовъ къ Воеводѣ Сенномирскому, что Марина, какъ Царица Россійская, должна по крайней мѣрѣ наружно чтить Вѣру Греческую и слѣдоватъ обрядамъ ея (⁴⁷²); должна также наблюдать обычаи Московскіе, и не убирать волосовъ: по Легатъ Папскій, Рангони, съ досадою отвѣтствовалъ на первое требованіе, что Государь Самодержавный не обязанъ угождать безсмысленному народному суевѣрію; что законъ не воспрещаетъ брака между Христіанами Греческой и Римской Церкви, и не велитъ супругамъ жертвовать другъ другу совѣстю; что самыє предки Димитріевы, когда хотѣли жениться на Княжнахъ Польскихъ, всегда оставляли имъ свободу въ Вѣрѣ (⁴⁷³). Сіе затрудненіе было, кажется, рѣшено въ бесѣдахъ Лжедимитрія съ Воеводою Сенномирскимъ и съ нашимъ Духовенствомъ: условились, чтобы Марина ходила въ Греческія церкви, пріобщалась Святыхъ Таинъ отъ Патріарха и постилась еженедѣльно не въ Субботу, а въ Среду, имѣя однакожь свою Латинскую церковь и наблюдая всѣ иные уставы Римской Вѣры. Патріархъ Игнатій былъ доволенъ; другіе Святители молчали, всѣ, кроме Митрополита Казанскаго Ермогена и Коломенскаго Епископа Іосифа, сосланныхъ Разстрігою, за ихъ смѣлость: ибо они утверждали, что невѣсту должно кре-

стить, или женитьба Царя будетъ беззаконіемъ (⁴⁷⁴). Гордяся хитрою Политикою — удовольствовавъ, какъ онъ думалъ, и Римъ и Москву — устроивъ все для торжественаго бракосочетанія и принятія невѣсты, Лжедимитрій далъ ей знать, что ждетъ ее съ нѣжнымъ чувствомъ любовника и съ великколѣпіемъ Царскимъ.

Марина дни четыре жила въ Вяземѣ, бывшемъ селѣ Годунова, гдѣ находился его дворецъ, окруженный валомъ, и гдѣ въ каменномъ храмѣ, донынѣ цѣломъ, видны еще многія Польскія надписи Минищковыхъ спутниковъ. 1 Мая, верстъ за 15 вѣзда Марина въ столицу.
отъ Москвы, встрѣтили будущую Царицу купцы и мещане съ дарами — 2 Мая, близъ городской заставы, Дворянство и войско: Дѣти Боярскіе, Стрѣльцы, Козаки (всѣ въ красныхъ суконныхъ кафтанахъ, съ бѣлою перевязью на груди), Нѣмцы, Поляки, числомъ до ста тысячъ (⁴⁷⁵). Самъ Лжедимитрій былъ тайно въ простой одеждѣ между ими, вмѣстѣ съ Басмановымъ разставилъ ихъ по обѣимъ сторонамъ дороги и возвратился въ Кремль. Не вѣзжая въ городъ, на берегу Москвы-рѣки, Марина вышла изъ кареты и вступила въ великолѣпный шатерь, гдѣ находились Бояре: Князь Мстиславскій говорилъ ей привѣтственную рѣчь; всѣ другіе кланялись до земли. У шатра стояли 12 прекрасныхъ верховыхъ

коней въ даръ невѣстѣ, и богатая колесница, украшенная серебряными орлами Царскаго герба и запряженная десятю пѣгими лошадьми (⁴⁷⁶) : въ сей колесницѣ Марина вѣхала въ Москву, будучи сопровождаема своими ближними, Боярами, чиновниками и тремя дружинами Царскихъ тѣлохранителей ; впереди шло 300 гайдукоў съ музыкантами, а позади ѿхало 13 каретъ и множество всадниковъ. Звонили въ колокола, стрѣляли изъ пушекъ, били въ барабаны, играли на трубахъ — а народъ безмолвствовалъ ; смотрѣлъ съ любопытствомъ, но изъявлялъ болѣе печали, нежели радости, и замѣтилъ сторично бѣдственное предзнаменование (⁴⁷⁷) : уверяютъ, что въ сей день свирѣствовала буря, такъ же, какъ и во время Разстрѣгина вступленія въ Москву. Предъ воротами Кремлевскими, на возвышенномъ мѣстѣ площади (гдѣ встрѣтило бы невѣstu Царскую Духовенство съ крестами, если бы сія невѣста была православная), встрѣтили Марину новыя толпы литаврщиковъ, производя песносный для слуха шумъ и громъ. При вѣзде ся въ Спасскія ворота музыканты Польские играли свою народную пѣсню : *навѣки въ счастье и несчастье* (⁴⁷⁸) ; колесница остановилась въ Кремль у Дѣвичьяго монастыря : тамъ невѣста была принята Царицею-Инокинею (⁴⁷⁹) ; тамъ увидѣла и жениха — и жила до свадьбы, отложенной на шесть дней еще для некоторыхъ приготовленій.

Межу тѣмъ Москва волновалась. Помѣщиковъ
стивъ Воеводу Сенномирскаго въ Кремлев-
скомъ домѣ⁽⁴⁸⁰⁾ Борисовомъ (вертепѣ Ца-
реубийства!), взяли для его спутниковъ всѣ
лучшіе дворы въ Китаѣ, въ Бѣломъ го-
родѣ, и выгнали хозяевъ, не только куп-
цевъ, Дворянъ, Дьяковъ, людей Духов-
наго сана, но и первыхъ Вельможъ, даже
мнимыхъ родственниковъ Царскихъ, На-
гихъ⁽⁴⁸¹⁾: сдѣлался крикъ и вопль. — Съ
другой стороны, видя тысячи гостей не-
званыхъ, съ ногъ до головы вооружен-
ныхъ — видя, какъ они еще изъ телегъ
своихъ вынимали запасныя сабли, копья,
пистолеты, Москвитяне спрашивали у Нѣм-
цевъ, ъздятъ ли въ ихъ земляхъ на свадь-
бу какъ на битву⁽⁴⁸²⁾? и говорили другъ
другу, что Поляки хотятъ овладѣть столи-
цею. Въ одинъ день съ Мариною въѣхали
въ Москву Великие Послы Сигизмундовы,
Паны Олесницкій и Госѣвскій⁽⁴⁸³⁾, также
съ воинскою многочисленною дружиною, и
также къ беспокойству народа, который
думалъ, что они пріѣхали за вѣномъ Ма-
рины, и что Царь уступаетъ Литвѣ всѣ
земли отъ границы до Можайска⁽⁴⁸⁴⁾ —
миѣніе несправедливое, какъ доказываютъ
бумаги сего Посольства: Олесницкій и Го-
сѣвскій должны были только, вмѣсто Ко-
роля, присутствовать на свадьбѣ Жедими-
тря⁽⁴⁸⁵⁾, утвердить Сигизмундову съ нимъ

дованіе
Моск-
витянъ.

дружбу и союзъ съ Россією, не требуя ничего болѣе. Самозванецъ, по сказанію Лѣтописца, зная молву народную о грамотѣ, данной имъ Мнишку на Смоленскъ и Сѣверскую область, говорилъ Боярамъ, что не уступить ни пяди земли Россійской Ляхамъ⁽⁴⁸⁶⁾ — и, можетъ быть, говорилъ искренно: можетъ быть, обманывая Папу, обманулъ бы и тестя и жену свою; но Бояре, по крайней мѣрѣ Шуйскій съ друзьями, не старались перемѣнить худыхъ мыслей народа о Лжедимитріи, который новыми соблазнами еще усилилъ общее негодованіе.

Соблазн. Доброжелатели сего безразсудного хотѣли увѣрить благочестивыхъ Россіянъ, что Марина въ уединенныхъ, недоступныхъ келліяхъ учится нашему Закону и постится, готовясь къ крещенію, ⁽⁴⁸⁷⁾: въ первый день она дѣйствительно казалась постницею, ибо ничего не ъла, гнушаясь Русскими яствами; но женихъ, узнавъ о томъ, прислалъ къ ней въ монастырь пословъ отца ея, коимъ отдали ключи отъ Царскихъ запасовъ, и которые начали готовить тамъ обѣды, ужины, совсѣмъ не монастырскіе ⁽⁴⁸⁸⁾. Марина имѣла при себѣ одну служанку, никуда не выходила изъ келлій, не ъздила даже и къ отцу; но ежедневно видѣла страстнаго Лжедимитрія, сидѣла съ нимъ наединѣ, или была увесе-

ляема музыкою, пляскою и пѣснями не духовными. Разстрига вводилъ скомороховъ въ Обитель тишины и набожности, какъ бы ругаясь надъ святымъ мѣстомъ и саномъ Иночінь непорочныхъ⁽⁴⁸⁹⁾. Москва свѣдала о томъ съ омерзѣніемъ.

Соблазнъ иного рода, плодъ вѣтрености Лжедимитріевой, изумилъ царедворцевъ. 3 Мая Разстрига торжественно принималъ, въ Золотой палатѣ, знатныхъ Ляховъ, родственниковъ Миншковыхъ, и Пословъ Королевскихъ. Гофмейстеръ Марины, Стадницкій, именемъ всѣхъ ся ближнихъ говоря рѣчъ⁽⁴⁹⁰⁾, сказалъ ему: «Если кто нибудь удивится твоему союзу съ «домомъ Миншка, первого изъ Вельможъ Королевскихъ, то пусть заглянетъ въ Исторію Государства Московскаго: *прадѣлъ твой*, думаю, «быть женатъ на дочери Витовта, а *лѣдъ на Глинской* — и Россія жаловалась ли на соседи «неніе Царской крови съ Литовскою? ни мало. «Симъ бракомъ утверждаешь ты связь между «двумя народами, которые сходствуютъ въ язы- «кѣ и въ обычаяхъ, равны въ силѣ и доблести, «но донынѣ не знали мира искренняго, и своею «закоснѣлою враждою тѣшили невѣрныхъ; нынѣ «же готовы, какъ истинные братья, дѣйствовать «единодушно, чтобы низвергнуть Луну нена- «вистную... и слава твоя какъ солнце возсіяеть «въ странахъ Сѣвера.» За родственниками Воеводы Сенномирскаго, важно и величаво, шли Послы. Лжедимитрій спѣлъ на престолѣ: ска-

завъ Царю привѣтствіе , Олесницкій вручили Сигизмундову грамоту Аѳанасію Власьеву , который тихо прочиталъ Самозванцу ея надпись , и возвратилъ бумагу Посламъ , говоря , что она писана къ какому-то Князю Димитрю , а Монархъ Россійскій есть Цесарь ; что Послы должны ѿхать съ нею обратно къ своему Государю . Изумленный Панъ Олесницкій , взявъ грамоту , сказалъ Лжедимитрю : « Принимаю съ благоговѣніемъ ; но что дѣлается ? оскорблениe без- « примѣрное для Короля , — для всѣхъ зна- « менитыхъ Ляховъ , стоящихъ здѣсь предъ « тобою , — для всего нашего отечества , гдѣ « мы еще не давно видѣли тебя , осыпаемаго « ласками и благодѣяніями ! Ты съ презрѣніемъ отвергаешь письмо Его Величества , « на семъ тронѣ , на коемъ сидишь по милости Божіей , Государя моего и народа « Польскаго!... » Такое нескромное слово оскорбляло всѣхъ Россіянъ не менѣе Царя ; но Лжедимитрій не мыслилъ выгнать дерзкаго Пана , и какъ бы обрадовался слушаю блистать своимъ красорѣчіемъ ; велѣлъ снять съ себя корону ⁽⁴⁹¹⁾ , и самъ отвѣтствовалъ слѣдующее : « Необыкновенное , « неслыханное дѣло , чтобы Вѣццепосцы , « сидя на престолѣ , спорили съ иноземными « Послами ; но Король упрямствомъ вывѣдитъ меня изъ терпѣнія . Ему изъяснено и доказано , что я не только Князь , не

Спора
съ По-
слами.

«только Господарь и Царь, но и Великій Императоръ въ своихъ неизмѣримыхъ владѣніяхъ. «Сей титулъ данъ мнѣ Богомъ, и не есть одно «пустое слово, какъ титулы иныхъ Королей; ни «Ассирийскіе, ни Мидійскіе, ниже Римскіе Цесарі не имѣли дѣйствительнѣйшаго права такъ «именоваться. Могу ли быть доволенъ названиемъ Князя и Господаря, когда мнѣ служать «не только Господари и Князья, но и Цари? Не «вижу себѣ равнаго въ странахъ полунощныхъ; «надо мною одинъ Богъ. И не всѣ ли Монархи «Европейскіе называютъ меня Императоромъ? «Для чего же Сигизмундъ того не хочетъ? Пашь «Олесницкій! спрашиваю: могъ ли бы ты при- «нять на свое имя письмо, если бы въ его над- «писи не было означено твое Шляхетское до- «стопиство?... Сигизмундъ имѣль во мнѣ друга «и брата, какого еще не имѣла Республика Поль- «ская; а теперь вижу въ немъ своего зложела- «теля.» Извиняясь въ худомъ витійствѣ неспособностію говорить безъ приготовленія, а въ смѣлости павыкомъ человѣка свободнаго, Олес- ницкій съ жаромъ и грубостію упрекалъ Лжеди- митрія неблагодарностію, забвеніемъ милостей Королевскихъ, безразсудностію въ требованіи титула новаго, безъ всякаго права; указывая на Бояръ, ставилъ ихъ въ свидѣтели, что Вѣнце- носцы Россійскіе никогда не думали именоваться Цесарями; предавалъ Самозванца суду Божію за кровопролитіе, вѣроятно слѣдствіе такого не- умѣреннаго честолюбія. Самозванецъ возражалъ;

наконецъ смягчился, и звалъ Олесницкаго къ рукѣ не въ видѣ Посла, а въ видѣ своего доброго знакомца; но разгоряченный Панъ сказалъ: «или «я Посолъ или не могу цѣловать руки твоей» — и сею твердостію принудилъ Разстригу уступить: «для того (сказалъ Власьевъ), что Царь, готовъ «вясь къ брачному веселію, расположенъ къ спи- «ходительности и къ мирымъ чувствамъ.» Грамоту Сигизмундову взяли, Посламъ указали мѣста, и Жедимитрій спросилъ о здоровьѣ Короля, по силя: Олесницкій хотѣль, чтобъ онъ для сего вопроса, въ знакъ уваженія къ Королю, привсталъ, и Разстрига исполнилъ его желаніе — однимъ словомъ, унизилъ, остыдиль себя въ глазахъ Двора явленіемъ непристойнымъ, досадивъ вмѣстѣ и Ляхамъ и Россіянамъ. Съ честію отпустивъ Пословъ въ ихъ домъ, Жедимитрій велѣль Дьяку Грамотину сказать имъ, что они могутъ жить, какъ имъ угодно, безъ всякаго надзора и принужденія: видѣться и говорить, съ кѣмъ хотятъ; что обычаи перемѣнились въ Россіи, и спокойная любовь къ свободѣ засту- пила мѣсто недовѣрчиваго тиранства; что гостепріимная Москва ликуетъ, въ первый разъ видя такое множество Ляховъ, а Царь готовъ удивить Европу и Азію дружбою своею къ Королю, если онъ признаетъ его Императоромъ изъ благодарности за титулъ Шведскаго, отнятый Борисомъ у Сигизмунда, по возвращаемый ему Дими- триемъ. — Дѣломъ государственного союза хотѣли заняться послѣ свадьбы Царской: ибо Же-

димитрій не имѣть времени мыслить о дѣлахъ, занимаясь единственно невѣстою и гостями.

Въ монастырѣ веселились, во дворцѣ пировали (⁴⁹²). Женихъ ежедневно дарилъ невѣstu и родныхъ ея, покупая лучшіе товары у купцовъ иноzemныхъ, коихъ множество наѣхало въ Москву изъ Литвы, Италии и Германіи. За два дни до свадьбы приносили Маринѣ шкатулу съ узорочьями, цѣною въ 50 тысячъ рублей (⁴⁹³), а Минишку выдали еще 100 тысячъ золотыхъ для уплаты остальныхъ долговъ его, такъ, что казна издержала въ сіе время на одни дары 800,000 (нынѣшихъ серебряныхъ 4,000,000) рублей (⁴⁹⁴), кромѣ миллионовъ, издержанныхъ на путешествіе или угощеніе Марины съ ея ближними. Лжедимитрій хотѣлъ Царскою роскошью затмить Польскую: ибо Воевода Сеномирскій и другіе знатные Ляхи также не жалѣли ничего для внѣшняго блеска, имѣли богатыя кареты и прекрасныхъ коней, рядили слугъ въ бархатъ, и готовились жить пышно въ Москвѣ (куда Минишекъ (⁴⁹⁵) привезъ 30 бочекъ одного вина Венгерскаго). Но самая роскошь гостей озлобила народъ: видя ихъ великолѣпіе, Москвитяне думали, что оно есть плодъ расхищенія казны Царской (⁴⁹⁶); что достояніе отечества, собранное умомъ и

трудами нашихъ Государей , идетъ въ руки вѣчныхъ непріятелей Россіи.

Обру-
чевіе и
свадь-
ба.

7 Мая , почью , невѣста вышла изъ монастыря , и при свѣтѣ двухъ сотъ факеловъ , въ колесницѣ окруженнай тѣлохранителями и Дѣтьми Боярскими , переѣхала во дворецъ , гдѣ , въ слѣдующее утро , совершилось обрученіе по уставу нашей Церкви и древнему обычаю ; но , вопреки сему уставу и сему обычаю , въ тотъ же день , на канунѣ Пятницы и святаго праздника , совершился и бракъ : ибо Самозванецъ не хотѣлъ ни однимъ днемъ своего счастія жертвовать , какъ онъ думалъ , народному предразсудку . Невѣсту для обрученія ввели въ Столовую палату Княгиня Мстиславская и Воевода Сеномирскій . Тутъ присутствовали только ближайшіе родственники Мнишковы и чиновники свадебные : Тысяцкій Князь Василий Шуйскій , Дружки (брать его и Григорій Нагой) , свахи и весьма немногіе изъ Бояръ . Марина , усыпанная алмазами , яхонтами , жемчугомъ , была въ Русскомъ , красномъ бархатномъ платьѣ съ широкими рукавами и въ сафьянныхъ сапогахъ : на головѣ ея сиялъ вѣнецъ . Въ такомъ же платьѣ былъ и Самозванецъ , также съ головы до ногъ блестая алмазами и всякими каменьями драгоцѣнными . Духовникъ Царскій , Благовѣщенскій Протоіерей , читалъ молитвы ; Дружки рѣзали коровы съ

сырами и разносили шпринки. Оттуда пошли въ Грановитую палату, гдѣ находились всѣ Бояре и сановники Двора, знатные Ляхи и Послы Сигизмундовы. Тамъ увидѣли Россіяне важную новость: два престола, одинъ для Самозванца, другой для Маринѣ — и Князь Василій Шуйскій сказалъ ей: «Наияснѣйшая Великая Государьня, «Цесарева Марія Юрьевна! волею Божію и не- «спобѣдимаго Самодержца, Цесаря и Велкаго «Князя всея Россіи, ты избрана быть его супру- «гою: вступи же на свой Цесарскій маестатъ и «властвуй вмѣстѣ съ Государемъ наль нами»⁽⁴⁹⁷⁾! Она сѣла. Вельможа Михайло Нагой держаль предъ нею корону Мономахову и ліадиму. Ве- лѣли Маринѣ поцѣловать ихъ и Духовнику Цар- скому нести въ храмъ Успенія, гдѣ уже все из- готовили къ торжественному обряду, и куда, по разостланnymъ сукнамъ и бархатамъ, вель же- ниха Воевода Сеномирскій, а невѣstu Княгиня Мстиславская; впереди шли, сквозь ряды тѣло- хранителей и Стрѣльцевъ, Столъники, Стряпчие, всѣ знатные Ляхи, чиновники свадебные, Князь Василій Голицынъ съ жезломъ или скиптомъ, Басмановъ съ державою; позади Бояре, люди Думные, Дворяне и Дьяки. Народа было множе- ство. Въ церкви Марина приложилась къ обра- замъ — и началося священное обѣдѣніе, дотолѣ безпримѣрное въ Россіи: Царское вѣнчаніе не- вѣсты, коимъ Лжедимитрій хотѣлъ удовлетво- рить ея честолюбію, возвысить ее въ глазахъ Россіянъ, и, можетъ быть, дать ей, въ случаѣ

своей смерти и неимѣнія дѣтей, право на Державство. Среди храма, на возвышенномъ, такъ называемомъ *чертожномъ* мѣстѣ сидѣли женихъ, невѣста и Патріархъ: первый на золотомъ тронѣ Персидскомъ (⁴⁹⁸), вторая на серебряномъ. Жедимитрій говорилъ рѣчь: Патріархъ ему отвѣтствовалъ, и съ молитвою возложилъ животворящій крестъ на Марину, бармы, ліадиму и корону (для чего свахи сняли головный уборъ или вѣнецъ невѣсты). Лики пѣли многолѣтіе Государю и благовѣрной Цесаревѣ *Marii*, которую Патріархъ на Литургіи украсилъ щѣпію Мономаховою, помазалъ и причастилъ. Такимъ образомъ дочь Мнишкова, еще не будучи супругою Царя, уже была вѣнчанною Царицею (не имѣла только державы и скиптра). Духовенство и Бояре цѣловали ея руку съ обѣтомъ вѣрности (⁴⁹⁹). Наконецъ выслали всѣхъ людей, кроме знатиѣшихъ, изъ церкви, и Протопопъ Благовѣщенскій обвѣничалъ Разстрігу съ Мариною. Держа другъ друга за руку, оба въ коронахъ, Царь и Царица (послѣдняя опираясь на Князя Василія Шуйскаго) вышли изъ храма уже въ часъ вечера и были громко привѣтствуемы звукомъ трубъ и литавръ, выстрѣлами пушечными и колокольнымъ звономъ (⁵⁰⁰), но тихо и невнятно народными восклицаніями. Князь Мстиславскій, въ дверяхъ осыпавъ новобрачныхъ золотыми деньгами изъ богатой мисы, кинулъ толпамъ гражданъ всѣ остальные въ ней червонцы и медали (съ изображеніемъ орла дву-

главаго). Воевода Сеномирскій и немногіе Бояре обѣдали съ Лжедимитріемъ въ Столовой палатѣ ; по сиѣмъ не долго : встали и проводили его до спальни, а Миншекъ и Князь Василій Шуйскій до постели (⁵⁰¹). Все утихло во дворцѣ. Москва казалась спокойною : праздновали и шумѣли одни Ляхи, въ ожиданіи брачныхъ пировъ Царскихъ , новыхъ даровъ и почестей. Не праздновали и не дремали клевреты Шуйского : время дѣйствовать наступало.

Сей день , радостный для Самозванца и новыя причины къ негодованию. столь блестящій для Маринны, еще усилилъ народное негодование. Не взирая на всѣ безразсудныя дѣла Разстріги, Москвитяне думали, что онъ не дерзнетъ дать сана Россійской Царицы иновѣркѣ , и что Марина приметъ Законъ нашъ; ждали того до послѣдняго дня и часа : увидѣли ее въ коронѣ , въ вѣнцѣ брачномъ , и не слыхали отреченія отъ Латинства. Хотя Марина цѣловала наши святыя иконы , вкусила тѣло и кровь Христову изъ рукъ Патріарха, была помазана елеемъ и торжественно возглашена благовѣрною Царицею ; по сіе явное дѣйствіе лжи казалось пароду новою дерзостію беззаконія, равно какъ и Царское вѣнчаніе Польской Шляхетки, удостоенной величія неслыханного и недоступнаго для самыхъ Царицъ , истинно благовѣрныхъ и добродѣтельныхъ : для Анастасіи , Ирины

и Марії Годунової (502). Корона Мономахова на главъ иноземки, племени неизвестного для тогдашнихъ Россіянъ, воиняла къ ихъ сердцамъ о мести за оскверненіе святыни. Такъ мыслилъ юродъ, или такія мысли внушили ему еще невидимые вожди его въ сіе грозное будущимъ время. — Ничто не укрывалось отъ наблюдателей строгихъ. Только немногимъ изъ Ляховъ Разстрига дозволилъ быть въ церкви свидѣтелями его бракосочетанія, но и сіи немногіе своимъ безчинствомъ возбудили общее винманіе (503) : шутили, смѣялись или дремали въ часть Литургіи, прислонясь спиной къ иконамъ. Послы Сигизмундовы испрѣмѣнно хотѣли сидѣть, требовали кресель и едва успокоились, когда Лжедимитрій велѣлъ сказать имъ, что и самъ онъ сидѣть въ церкви, на тронѣ, единственно по случаю коронованія Марины (504). Замѣчая, какъ Бояре служили Царю — какъ Шуйскіе и другіе ставили ему и Царицѣ скамьи подъ ноги — кичливые Паны дивились въ слухъ такой низости и благодарили Бога, что живутъ въ Республике, гдѣ Король не смѣеть требовать столь презрительныхъ услугъ отъ послѣдняго изъ людей вольныхъ . . . Россіяне видѣли, слышали и не прощали.

Пиры. Въ слѣдующее утро, на разсвѣтѣ, барабаны и трубы возвѣстили начало свадебнаго праздника (505) : сія шумная музыка не

умолкала до самаго полудня. Во дворцѣ готовился пиръ для Россіянъ и Ляховъ; но Жедимитрій, желая веселиться, имѣлъ досаду: новуюссору съ Королевскими Посла- Новая
ссора
съ Ли-
товскими
и Пе-
слами.ми. Онъ звалъ ихъ обѣдать, учию и ласково; Послы также учию благодарили, хотѣли одинакожь непремѣнно сидѣть съ Царемъ за однимъ столомъ, какъ Власьевъ на свадьбѣ у Короля сидѣлъ за столомъ Королевскимъ. Жедимитрій для объясненія прислалъ къ нимъ Власьева: сей важный чиновникъ сказалъ Олесницкому: «Вы требуете неслыханного: у насъ никому «нѣтъ мѣста за особеною Царскою трапезою; Король же угостилъ меня наравнѣ «съ Послами Императорскими и Римскими: «следствіено не сдѣлалъ ничего чрезвычайного, ибо Государь нашъ не менѣе ни «Императора, ни Римского Владыки — «нѣтъ, Великий Цесарь Димитрій болѣе «нихъ: что у васъ Наша, то у него По- «ны» (⁵⁰⁶). Такъ изъяснялся первый дѣлецъ государственный и вѣрный слуга Разстріянъ, въ душѣ своей не благопріятствуя Ляхамъ и желая, можетъ быть, сею непристойною насмѣшкою доказать, что Жедимитрій не есть Нашъ. Олесницкій снесъ грубость, но рѣшился не ѣхать во дворецъ. Всѣ иные знатные Ляхи обѣдали съ Самозванцемъ въ Грановитой палатѣ, кромѣ Воеводы Сенномирскаго: онъ наход-

дилъ требование Пословъ справедливымъ, тщетно умоляль зятя исполнить оное, проводилъ его и Марину до столовой комнаты и въ неудовольствіи уѣхалъ домой.

Сія размолвка не мѣщала блеску пиршества. Новобрачные обѣдали на троицѣ; за ними стояли тѣлохранители съ сѣкирами; Бояре имъ служили. Играла музыка — и Ляхи удивлялись несмѣтному богатству, видя прель собою горы золота и серебра. Россіяне же съ негодованіемъ видѣли Царя въ гусарскомъ платьѣ, а Царицу въ Польскомъ: ибо оно болѣе правилось мужу ея, который и на канунѣ едва согласился, чтобы Марина, хотя для вѣничанія, одѣлась Россіянкою (⁵⁰⁷). Ввечеру ближніе Миніковы веселились во внутреннихъ Царскихъ комнатахъ; а въ слѣдующій день (10 Мая) Жедимитрій принялъ дары отъ Патріарха, Духовенства, Вельможъ, всѣхъ знатныхъ людей, всѣхъ купцовъ чужестранныхъ, и спова пировалъ съ ними въ Грановитой палатѣ, сидя лицемъ къ иноzemцамъ, спиною къ Русскимъ (⁵⁰⁸). Въ Золотой палатѣ обѣдало 150 Ляховъ, простыхъ воиновъ, но избранныхъ, угощаемыхъ Думными Дворянами: наливъ чашу вина, Жедимитрій громогласно желалъ славныхъ усіхъ оружію Польскому, и вышиль ее до самаго дна (⁵⁰⁹). Наконецъ, 11 Мая, обѣдали во дворцѣ и Послы Сигизмундовы, съ ревностнымъ миротворцемъ, Воеводою Сеномирскимъ, который, убѣдивъ зятя дать Олесницкому первое мѣсто возле стола

Царскаго, уговорилъ и сего Пана не требовать ничего болѣе и не жертвовать спору о суетной чести выгодами союза съ Россіею. Хотя Жедимитрій едва было не возобновилъ прѣнія, скавъ Олесницкому: «я не звалъ Короля къ себѣ «на свадьбу: слѣдствено ты здѣсь не въ лицѣ «его, а только въ качествѣ Посла;» по Миншекъ благоразумными представленими утишилъ зятя, и все кончилось дружелюбно. Сей третій пиръ казался еще пышнѣе. Царь и Царица были въ коронахъ и въ Польскомъ великолѣпномъ нарядѣ. Тутъ обѣдали и женщины: Княгиня Мстиславская, Шуйская (⁵¹⁰) и родственницы Воеводы Сеномирскаго, который, забывъ свою дряхлость, не хотѣлъ сидѣть: держа шапку въ рукахъ, стоялъ предъ Царицею, и служилъ ей не какъ отецъ, а какъ подданий, къ удивленію всѣхъ (⁵¹¹). Жедимитрій пилъ здоровье Короля; вообще пили много, особенно иноземные гости, хваля Царскія вина, но жалуясь на яства Русскія, для нихъ не вкусныя (⁵¹²). Послѣ стола откланялись Царю сановники, коимъ надлежало щать къ Шаху Персидскому съ письмами: они щѣловали руку у Жедимитрія и Марины (⁵¹³). — 12 Мая Царица въ своихъ комнатахъ угощала однихъ Ляховъ, пригласивъ только двухъ Россіянъ: Власьева и Князя Василія Мосальскаго. Услуга и кушанья были Польскія, такъ, что Паны, изъявляя живѣйшее удовольствие, говорили: «мы пируемъ не въ Москвѣ и не у Царя, «а въ Варшавѣ или въ Краковѣ у Короля на-

«шего» (514). Пили и плясали до ночи. Жедимитрій, въ гусарской одеждѣ, танцовалъ съ женою и съ тестемъ. — Но Царица оказалась милость и Россіянамъ : 14 Мая обѣдали у нее Бояре и люди чиновные. Въ сей день она казалась Русскою, вѣрно соблюдая наши обычаи ; старалась быть и любезною, всѣхъ привѣтствуя и лаская (515) . . . Но привѣтствія уже не трогали сердецъ ожесточенныхъ ! — Между тѣмъ не умолкала въ столицѣ музыка : барабаны, литавры, трубы съ утра до вечера оглушали жителей (516). Ежедневно гремѣли и пушки , въ знакъ веселія Царскаго ; не щадили пороху, и въ пять или въ шесть дней истратили его болѣе , нежели въ войну Годунова съ Самозванцемъ. Ляхи также въ забаву стрѣляли изъ ружей , въ своихъ домахъ и на улицахъ , днемъ и ночью , трезвые и пьяные (517).

Переговоры
государствен-
ные.

Утомленный празднествами , Жедимитрій хотѣлъ заняться дѣлами , и 15 Мая, въ часъ утра , Послы Сигизмундовы нашли его въ новомъ дворцѣ сидящаго на креслахъ , въ прекрасной голубой одеждѣ, безъ короны , въ высокой шапкѣ , съ жезломъ въ рукѣ , среди множества царедворцевъ (518) : онъ велѣлъ Посламъ ити къ Боярамъ въ другую комнату , чтобы объяснить имъ предложенія Сигизмундовы. Князь Дмитрій Шуйскій , Татищевъ , Власьевъ и

Дъякъ Грамотинъ бесѣдовали съ ними. Олесницкій, въ рѣчи плодовитой, Ветхимъ и Новыемъ Завѣтомъ доказывалъ обязанность Христіанскихъ Монарховъ жить въ союзѣ и противиться невѣрнымъ ; оплакивалъ паденіе Константинаополя и несчастіе Іерусалима ; хвалилъ великодушное намѣреніе Царя освободить ихъ отъ бѣдственнаго ига , и заключилъ тѣмъ , что Сигизмундъ , пытая усердіемъ раздѣлить съ братомъ своимъ , Димитріемъ , славу такого предпріятія , желаетъ знать , когда и съ какими силами онъ думаетъ итти на Султана ? Татищевъ отвѣтствовалъ : « Король хочетъ «знать : вѣримъ ; но хочетъ ли дѣйствительно «помогать испобѣдимому Цесарю въ войнѣ съ «Турками ? сомнѣваемся. Желаніе все вывѣдать , «съ намѣреніемъ ничего не дѣлать , кажется «намъ только обманомъ и лукавствомъ.» Удивляясь дерзости Татищева (который говорилъ невѣжливо, ибо уже зналъ о скорой перемѣнѣ обстоятельствъ) , Послы свидѣтельствовались Власьевымъ , что не Сигизмундъ Димитрію , а Димитрій Сигизмунду предложилъ воевать Оттоманскую Державу : слѣдственно и долженъ объявить ему свои мысли о способахъ успѣха . Тутъ Россійскіе чиновники оставили Пословъ , ходили къ Лжедимитрію , возвратились , и сказавъ : «самъ Цесарь будетъ говорить съ вами «въ присутствіи Бояръ ,» отпустили ихъ домой ; но минувшій Цесарь уже не могъ сдержать слова !

Замыш-
ляемыя
потѣ-
хи.

Еще Лжедимитрій готовилъ потѣхи но-
вага ; велѣлъ строить деревянную крѣпость
съ земляною осыпью виѣ города , за Срѣ-
тенскими воротами, и вывезти туда множе-
ство пушекъ изъ Кремля, чтобы 18 Мая
представить Ляхамъ и Россіянамъ любо-
пытное зрѣлище приступа , если не крово-
пролитнаго , то громозвучнаго , коему над-
лежало заключиться пиршествомъ общена-
роднымъ. Марина также замышляла осо-
бенное увеселеніе для Царя и людей ближ-
нихъ во внутреннихъ комнатахъ дворца :
думала съ своими Польками плясать въ ли-
чинахъ (⁵¹⁹). Но Россіяне уже не хотѣли
ждать ни той , ни другой потѣхи.

Если Шуйскій отложилъ ударъ до свадь-
бы Отрецьева съ намѣреніемъ дать ему
время еще болѣе возмутить сердца своимъ
легкомысліемъ (⁵²⁰) , то сіе превидѣніе
исполнилось : новые соблазны для Церкви,
Двора и народа умножили ненависть и пре-
зрѣніе къ Самозванцу , а наглость Ляховъ
все доверила , такъ , что имъ обязанный
счастіемъ , онъ ихъ же содѣйствіемъ и по-
гибнулъ ! Сіи гости и друзья его услужи-
вали хитрому Шуйскому , истощая терпѣ-
ніе Россіянъ , столь мало имъ уважаемыхъ
(какъ мы видѣли) , что Мнишекъ нескромно
обѣщалъ Боярамъ свою милость , и Посоль-
Королевскій дерзнулъ торжественно на-
звать Лжедимитрія твореніемъ Сигизмундо-

Паг-
ность
Ляховъ.

вымъ⁽⁵²¹⁾. На самыхъ пирахъ свадебныхъ, во дворцѣ, разгоряченные виномъ Ляхи укоряли Воеводъ нашихъ трусостю и малодушемъ, хваляясь: «мы дали вамъ Царя!» Но Россіяне, сколь ни униженныи, сколь ни виновныи предъ отечествомъ и добродѣтелю, еще имѣли гордость народную; кириллицы злобою, но удерживались и шептали другъ другу: «часть мести не далеко!» Сего мало: воины Польскіе, и даже чиновникийшіе Ляхи, не трезвые возвращаясь изъ дворца съ обнаженными саблями, на улицахъ рубили Москвитянъ, безчестили женъ и девицъ, самыхъ благородныхъ, силою извлекая ихъ изъ колесницъ или вlamываясь въ дома⁽⁵²²⁾; мужья, матери вопили, требовали суда. Одного Ляха преступника хотѣли казнить; но товарищи освободили его, умертвивъ палача, и не страшась закона⁽⁵²³⁾.

Такъ было — и на беззаконіе возстало беззаконіе. Мы удивлялись легкому торжеству Самозванца: теперь удивимся его легкому паденію. Въ то время, какъ онъ безопасно танцвал и плясал съ своими Ляхами — когда головы кружились отъ веселія и мысли затмѣвались парами вина — Шуйскій, неусыпно наблюдая, рѣшился уже не медлить, и въ тишинѣ ночи призвать къ себѣ не только сообщниковъ (изъ конихъ главными именуются Князь Василій

Почный
совѣтъ
въ домѣ
у Шуй-
скаго,

Голицынъ и Бояринъ Иванъ Куракинъ) — не только друзей, клевретовъ, но и многихъ людей стороннихъ: Дворянъ Царскихъ, чиновниковъ военныхъ и градскихъ, Сотниковъ, Пятидесятниковъ (⁵²⁴), которые еще не были въ заговорѣ, благопріятствуя оному единственно въ тайнѣ мыслей. Шуйскій смѣло открылъ имъ свою душу; сказалъ, что отечество и Вѣра гибнутъ отъ Димитрия; извинялъ заблужденіе Россіянъ; извинялъ и тѣхъ, которые знали истину, но приняли обманщика, желая низвергнуть непавловскихъ Годуновыхъ, и въ надеждѣ, что сей юный витязь, хотя и разстрѣга, будетъ добрымъ Властителемъ (⁵²⁵). «Заблужденіе скоро исчезнетъ,» продолжалъ онъ — «и вы знаете, кто первыи дерзнулъ обличать Самозванца; но голова моя лежала на плахѣ, а злодѣй спокойно величался на престолѣ: Москва не тронулась!» Шуйскій извинялъ и сіе бездѣйствіе: ибо многіе еще не имѣли тогда полнаго удостовѣренія въ обманѣ и въ злодѣйствѣ минимаго Димитрия. Представивъ всѣ улики и доказательства его самозванства, всѣ его лѣла неистовья, измѣнилъ Вѣрѣ, Государству и нашимъ обычаямъ, праѣственность гиусную, оскверненіе храмовъ (⁵²⁶) и святыхъ Обителей, расхищеніе древней казны Царской, беззаконное супружество и возложеніе вѣща Мономахова на Польку некрещеную — изобразивъ сѣтованіе Москвы, какъ бы плененный сонмами Ляховъ, — ихъ дерзость и насилия — Шуйскій сирашивалъ, хотятъ ли Россіяне,

сложивъ руки, ждать гибели неминуемой: видѣть костелы Римскіе на мѣстѣ церквей православныхъ, границу Литовскую подъ стѣнами Москвы, и въ самыхъ стѣнахъ ся злое господство иноземцевъ⁽⁵²⁷⁾? или хотятъ дружнымъ возстаніемъ спасти Россію и Церковь, для коихъ онъ снова готовъ итти на смерть безъ ужаса? Не было ни разгласія, ни безмолвія сомнительнаго: кто не принадлежалъ, тотъ присталъ къ заговору въ семъ сборищѣ многолюдномъ, по единодушномъ силою непавиsti къ Самозванцу. Положили избыть Разстрigu и Ляховъ, не боясь ни клятвопреступленія, ни безначалія: ибо Шуйскій и друзья его, овладѣвъ умами, смыло брали на свою душу, именемъ отечества, Вѣры, Духовенства, всѣ затрудненія людей совѣстивыхъ, и смыло обѣщали Россіи Царя лучшаго. Условились въ главныхъ мѣрахъ. Градскіе Сотники и Пятидесятники отвѣтствовали за народъ, воинскіе чиновники за воиновъ, господа за слугъ усердныхъ. Богатые Шуйскіе имѣли въ своеемъ распоряженіи нѣсколько тысячи надежныхъ людей⁽⁵²⁸⁾, призванныхъ ими въ Москву изъ ихъ собственныхъ владѣній, будто бы для того, чтобы они видѣли пышность Царской свадьбы. Назначили день и часъ; ждали, готовились — и хотя не было прямыхъ доносовъ (ибо доноски страшились, кажется, быть жертвою народной злобы): но какая скромность могла утаить движенія заговора, столь многолюднаго?

Дерзкія
рѣчи на
площа-
ди.

12 Мая говорили торжественно, на пло-
щадяхъ, что мнимый Димитрій есть Царь
поганый: не чтить святыхъ иконъ, не лю-
бить набожности, питается гнусными яст-
вами, ходить въ церковь нечистый, прямо
съ ложа скверниаго, и еще ни однажды не
мылся въ бани съ своею поганою Царицею;
что онъ безъ сомнѣнія еретикъ, и не крови
Царской (529). Жедимитріевы тѣлохраните-
ли схватили одного изъ такихъ попоси-
телей и привели во дворецъ: Разстрѣла
велѣль Боярамъ допросить его; но Бояре
сказали, что сей человѣкъ пьяни и бред-
дитъ; что Царю не должно уважать рѣчей
безумныхъ и слушать Иѣмцевъ-наушни-
ковъ. Самозванецъ успокоился. Въ слѣ-
дующіе три дни примѣтно было сильное
движеніе въ народѣ: разглашали, что Же-
димитрій для своей безопасности мыслить
изгубить Бояръ, знатнѣйшихъ чиновни-
ковъ и гражданъ; что 18 Мая, въ часъ
мнимой воинской потѣхи въѣхъ Москвы, на
лугу Срѣтенскомъ, ихъ всѣхъ перестрѣ-
ляютъ изъ пушекъ (530); что столица Рос-
сійская будетъ добычею Ляховъ, коимъ
Самозванецъ отдастъ не только всѣ дома
Боярскіе, Дворянскіе и купеческіе, но и
святыя Обители, выгнавъ оттуда Иноковъ
и женивъ ихъ на Ивокиняхъ. Москвитяне
вѣрили; толпились на улицахъ, днемъ и
ночью; совѣтовались другъ съ другомъ, и

Волне-
ние на-
рода.

не давали подслушивать себя иноземцамъ, отгоняя ихъ какъ лазутчиковъ, грозя имъ словами и взорами. Были и драки: уже не спуская гостямъ буйнымъ, народъ привилъ людей Князя Вишневецкаго и едва не вломился въ его домъ, изъявляя особенную ненависть къ сему Пану, старшему изъ друзей Разстригиныхъ⁽⁵³¹⁾. Иноземцы осторегали Жедимитрія и Ляховъ; остерегалъ первого и Басмановъ, одинъ изъ Россіянъ! Но Самозванецъ, желая болѣе спокойствіе ^{ствіе} _{Лжеди-трія.} всего казаться неустршимымъ и твердымъ на тронѣ въ глазахъ Поляковъ, шутлиль, смеялся, искренно или притворно, и сказалъ испуганному Воеводѣ Сеномирскому: «какъ вы, Ляхи, малодушны!» а посламъ Сигизмундовымъ: «я держу въ «рукѣ Москву и Государство; ничто не «смѣеть двинуться безъ моей воли.» Въ полночь, съ 15 на 16 Мая, схватили въ Кремлѣ шесть человѣкъ подозрительныхъ: пытали ихъ какъ лазутчиковъ, ничего не свѣдали, и Жедимитрій не считалъ за нужное усилить стражу во дворцѣ, где находилось обыкновенно 50 тѣлохранителей⁽⁵³²⁾: онъ велѣлъ другимъ быть дома въ готовности на всякий случай; велѣлъ еще разставить Стрѣльцовъ по улицамъ для охраненія Ляховъ, чтобы успокоить тестя, докучавшаго ему и Маринѣ своею боязнью. — 16 Мая иноземцы уже не могли

купить въ гостиномъ дворѣ ни фунта по-
роху и никакого оружія (⁵³³) : все лавки
были для нихъ заперты. Ночью, на кашубѣ
рѣшительного днѧ, вкрадось въ Москву съ
разныхъ сторонъ до 18 тысячъ воиновъ,
которые стояли въ полѣ, верстахъ въ ше-
сти отъ города, и должны были итти въ
Елецъ, но присоединились къ заговори-
камъ (⁵³⁴). Уже дружины Шуйскаго въ сю
ночь овладѣли двѣнадцатью воротами Мо-
сковскими, никого не пуская въ столицу,
ни изъ столицы; а Лжедмитрій еще ни-
чего не зналъ, увеселяясь въ своихъ ком-
натахъ музыкою (⁵³⁵). Самые Поляки, хотя
и не чуждые опасенія, мирно спали въ до-

Послѣ-
дняя
ночь
для Са-
мозван-
ца.
махъ, уже означенованныхъ для кровавой
мести : Россіяне скрытно поставили знаки
на оныхъ, въ цѣль улара. Нѣкоторые изъ
Паповъ имѣли собственную стражу, другие
надѣялись на Царскую : но Стрѣльцы, ихъ
хранители, или сами были въ заговорѣ
или не думали кровью Русскою спасать
илюплеменниковъ противныхъ. Ночь ми-
новалась безъ сна для большей части Мо-
сквитянъ (⁵³⁶) : ибо градскіе чиновники хо-
дили по дворамъ съ тайнымъ приказомъ,
чтобы все жители были готовы стать
грудью за Церковь и Царство, ополчились
и ждали набата. Многіе знали, многіе и не
знали, чему быть надлежало, но угадывали
и съ ревностію вооружались, чѣмъ могли,

для великаго и святаго подвига, какъ имъ сказали. Сильнѣе, можетъ быть, всего дѣйствовала въ народѣ ненависть къ Ляхамъ; дѣйствовалъ и стыдъ имѣть Царемъ бородагу, и страхъ быть жертвою его безумія, и, наконецъ, самая прелесть бурнаго мятежа для страстей необузденыхъ.

17 Мая, въ четвертомъ часу дня (537), Воз-
стание
Мо-
сквы. прекраснѣйшаго изъ весеннихъ, восходѧщее солнце освѣтило ужасную тревогу столицы: ударили въ колоколь сперва у Св. Иліи, близъ двора гостинаго, и въ одно время загремѣль набатъ въ цѣлой Москвѣ, и жители устремились изъ домовъ на Красную площадь, съ коньми, мечами, самопалами, Дворяне, Дѣти Боярскіе, Стрѣльцы, люди Приказные и торговыя, граждане и черпь. Тамъ, близъ лобнаго мѣста, сидѣли Бояре на коняхъ, окруженныи сонмомъ Князей и Воеводъ, въ шлемахъ и латахъ, въ полпыхъ доспѣхахъ (538), и представляя въ лицѣ свое мѣстечество, ждали народа. Стеклося безчисленное множество людей, и ворота Спасскія растворились: Князь Василій Шуйскій, держа въ одной рукѣ мечъ, въ другой Распятіе, въѣхалъ въ Кремль, сошелъ съ коня, въ храмъ Успенія приложился къ святой иконѣ Владімірской, и воскликнувъ къ тысячамъ: «во имя Божіе сидите на злаго еретика!» указаль имъ

дворецъ, куда съ грознымъ шумомъ и крикомъ уже исселия толпы, по гдѣ еще царствовала глубокая тишина! Пробужденный звукомъ набата (⁵³⁹), Лжедимитрій въ удивленіи встаетъ съ ложа, сиѣшитъ одѣться, спрашивается о причинѣ тревоги: ему отвѣтствуютъ, что, вѣроятно, горитъ Москва; по онъ слышитъ свирѣпый воинъ народа, видитъ въ окно лѣсь коній и блестаніе мечей; зоветъ Басманова, почевавшаго во дворцѣ, и велить ему узнать предлогъ мятежа. Сей Бояринъ, духа твердаго, могъ быть предателемъ, но только однажды: измѣнивъ Государю законному, уже стыдился измѣнить Самозванцу, и тщетно желавъ образумить, спасти легкомысленнаго, желалъ по крайней мѣрѣ не разлучаться съ нимъ въ опасности. Басмановъ встрѣтилъ толпу уже въ сбояхъ: на вопросъ его, куда она стремится? въ нѣсколько голосовъ кричать: «веди наasz къ Самозванцу!» «выдай намъ своего бродягу!» Басмановъ кинулся назадъ, захлопнулъ двери, велѣлъ тѣлохранителямъ не пускать мятежниковъ, и въ отчаяніи прибѣжалъ къ Разстрѣгѣ, сказавъ ему: «Все кончилось! Москва бунтуетъ; ходятъ головы твоей: спасайся! Ты миѣ не вѣрилъ!» Въ слѣдь за нимъ ворвался въ Царскіе покой одинъ Дворянинъ безоружный, съ голыми руками, требуя, чтобы мнимый сынъ Иоанновъшелъ къ народу, дать отчетъ въ своихъ беззаконіяхъ (⁵⁴⁰); Басмацовъ разсѣкъ ему голову мечемъ. Самъ Лжедимитрій, изъявляя

смѣлость, выхватилъ бердыши у тѣлохранителя Шварцгофа, растворилъ дверь въ сѣни, и грозя народу, кричалъ: «я вамъ «не Годуновъ!» Отвѣтомъ были выстрѣлы, и Нѣмцы снова заперли дверь; но ихъ было только 50 человѣкъ, и еще, во внутреннихъ комнатахъ дворца, 20 или 30 Поляковъ, слугъ и музыкантовъ⁽⁵¹⁾: иныхъ защитниковъ, въ сей грозный часъ, не имѣлъ тотъ, кому на канунѣ повиновались миллионы! Но Лжедимитрій имѣлъ еще друга: не находя возможности противиться силѣ силою, въ ту минуту, когда народъ отбивалъ двери, Басмановъ вторично вышелъ къ нему — увидѣлъ Бояръ въ толпѣ, и между ими самыхъ близкихъ людей Разстрѣгинахъ: Князей Голицыныхъ, Михайла Салтыкова, старыхъ и новыхъ измѣниковъ; хотѣлъ ихъ усвѣстить; говорилъ объ ужаеѣ бунта, вѣроломства, безначалія; убѣждалъ ихъ одуматься; ручался за милость Царя. Но ему не дали говорить много: Михайло Татищевъ, имъ спасенный отъ ссылки, завопилъ: «злодѣй! иди въ адъ вмѣстѣ съ «твоимъ Царемъ»⁽⁵²⁾! и ножемъ ударилъ его въ сердце. Басмановъ испустилъ духъ, Гибель Басманова. и мертвый былъ сброшенъ съ крыльца . . . судьба достойная измѣника и ревностиаго слуги злодѣйства, но жалостная для чело-

въка , который могъ и не захотѣть быть честною Россіи !

Уже народъ вломился во дворецъ , обезоружилъ тѣлохранителей , искалъ Разстриги и не находилъ : дотолѣ смѣлый и неустранимый , Самозванецъ , въ смятениі ужаса кинувъ свой мечъ , бѣгаль изъ комнаты въ комнату , рвалъ на себѣ волосы , я не видя иного спасенія , выскочилъ изъ палатъ въ окно на Житный дворъ (⁵⁴³) — вывихнулъ себѣ ногу , разбили грудь , голову , и лежалъ въ крови . Тутъ узали его Стрѣльцы , которые въ семъ мѣстѣ были на стражѣ , и не участвовали въ заговорѣ : они взяли Разстригу , посадили на фундаментъ сломаннаго дворца Годуновскаго , отливали водою , изъявляли жалость (⁵⁴⁴) . Самозванецъ , омывая теплою кровью развалины Борисовыхъ чертоговъ (гдѣ жило никогда счастіе , и также измѣнило своему любимцу) , пришелъ въ себя : молилъ Стрѣльцевъ быть ему вѣрными , обѣщалъ имъ богатство и чины . Уже стеклося вокругъ ихъ множество людей : хотѣли взять Разстригу ; но Стрѣльцы не выдавали его и требовали свидѣтельства Царицы-Ионкии , говоря : «если онъ сынъ ея , то мы сумремъ за него ; а если Царица скажетъ , что онъ Лжедимитрій , то воленъ въ немъ «Богъ » (⁵⁴⁵) . Сіе условіе было принято . Минная мать Самозванцева , вызванная

Боярами изъ келліц, торжественно объявила народу, что истинный Димитрій скончался на рукахъ ея въ Угличѣ; что она, какъ жена слабая, лѣйствіемъ угрозъ и лести была вовлечена въ грѣхъ безсознательной лжи: неизвѣстнаго ей человѣка назвала сыномъ, раскаялась и молчала отъ страха, но тайно открывала истину многимъ людямъ (⁵⁴⁶). Призвали и родственниковъ ея, Нагихъ: они сказали то же, вмѣсть съ нею виняясь предъ Богомъ и Россіею. Чтобы еще болѣе улостовѣрить народъ, Марѣа показала ему изображеніе младенческаго лица Димитріева, которое у нее хранилось (⁵⁴⁷) и ни мало не сходствовало съ чертами лица Разстрѣгина.

Тогда Стрѣльцы выдали обманщика, и Бояре велѣли нести его во дворецъ, гдѣ онъ увидѣлъ своихъ тѣлохранителей подъ стражею: заплакалъ и протянулъ къ нимъ руку, какъ бы благодаря ихъ за вѣрность (⁵⁴⁸). Одинъ изъ сихъ Нѣмцевъ, Ливонскій Дворянинъ Фирстенбергъ, тѣснился сквозь толпу къ Самозванцу, и былъ жертвою озлобленія Россіянъ: его умертвили; хотѣли умертвить и другихъ тѣлохранителей: но Бояре не велѣли трогать сихъ честныхъ слугъ — и въ комнатѣ, наполненной людьми вооруженными, стали допрашивать Лжедимитрія, покрытаго бѣднымъ рубищемъ: ибо народъ уже сорвалъ

Судъ,
до-
просъ и
казнь
Лжеди-
митрія.

сь него одежду Царскую. Шумъ и крикъ заглушали рѣчи; слышали только, какъ увѣряютъ, что Разстрига, на вопросъ: «кто ты, злодѣй?» отвѣчалъ: «вы знаете: «я Димитрій» — и ссылался на Царицу-Инокиню; слышали, что Князь Иванъ Голицынъ (⁵⁴⁹) возразилъ ему: «сѧ свидѣтельство уже намъ известно: она предаетъ тебя казни.» Слышали еще, что Самозванецъ говорилъ: «несите меня на любное мѣсто: тамъ объявлю истину всѣмъ «людямъ» (⁵⁵⁰). Нетерпѣливый народъ ломился въ дверь, спрашивая, винится ли злодѣй? Ему сказали, что винится (⁵⁵¹) — и два выстрѣла прекратили допросъ вмѣстѣ съ жизнью Отрепьевы (его убили Дворяне (⁵⁵²) Иванъ Воейковъ и Григорій Волусевъ). Толпа бросилась терзать мертваго; сѣкли мечами, кололи трупъ бездушный и кинули съ крыльца на тѣло Басманова, воскликая: «бульте неразлучны и въ алѣ! «вы здѣсь любили другъ друга!» Яростная чернь схватила, извлекла сіи нагіе трупы изъ Кремля и положила близъ лобнаго мѣста: Разстригу на столѣ, съ маскою, дудкою и вольникою, въ знакъ любви его къ скоморошеству и музыкѣ; а Басманова на скамью у ногъ Разстригиныхъ (⁵⁵³).

Щадятъ
Марину.
Совершивъ главное дѣло, истребивъ Лжедимитрія, Бояре спасли Марину. Изумленная тревогою и шумомъ — не имѣвъ

времени одѣться — спрашивая, что дѣлается, и гдѣ Царь? слыша наконецъ о смерти мужа, она въ безпамятствѣ выбѣжала въ сѣни: народъ встрѣтилъ ее, не узнавъ и столкнувъ съ лѣстницы. Марина возвратилась въ свои комнаты, гдѣ была ся Польская Гофмейстерина съ Шляхетками, и гдѣ усердный слуга (именемъ Осмульскій) стоялъ въ дверяхъ съ обнаженою саблею: воины и граждане вломились, умертвили его, и Марина лишилась бы жизни или чести, если бы не присѣли Бояре, которые выгнали неистовыхъ, и взявъ, опечатавъ все достояніе бывшей Царицы, дали ей стражу для безопасности⁽⁵⁵⁴⁾; не могли однако же и не хотѣли унять кровопролитія: убийства только начинались!

Еще при первомъ звукѣ набата воины убийства, окружили дома Ляховъ, заградили улицы рогатками, завалили ворота; а Паны безнечно въ крѣпко спали, такъ, что слуги сѣва могли разбудить ихъ — и самаго Водову Сенномирскаго, который лучше многихъ видѣлъ опасность и предостерегалъ зятя. Миншѣкъ, сынъ его, Князь Вишневецкій, послы Сигизмундовы, угадывая вину и цѣль мятежа, сиѣшили вооружить людей своихъ; иные прятались или въ оѣченїи ждали, что будетъ съ ними, и скоро услышали воиль: «смерть Ляхамъ!» Пылая злобою, умертвивъ въ Кремль му-

зыкантовъ Разстрігінъхъ⁽⁵⁵⁵⁾, опустопивъ домъ Іезуитовъ, истерзавъ Духовника Маринина, служившаго Обѣдню, пароль устремился въ Китай и Бѣлый городъ, гдѣ жили Поляки, и нѣсколько часовъ плывалъ въ крови ихъ, алчно наслаждаясь ужасною местію, противною вели-
кодушію, если и заслуженою. Сила карала слабость, безъ жалости и безъ мужества: ето нападало па одного! Ни оборона, ни бѣгство, ни моленія трогательныя не спасали: Поляки не могли соединиться, будучи истребляемы въ за-
пертыхъ домахъ или на улицахъ, прегражден-
ныхъ рогатками и коньями. Сіи несчастные, на-
канунѣ гордыя, лобызали ноги Россіянъ, требо-
вали милосердія именемъ Божіимъ, именемъ
своихъ певинныхъ женъ и дѣтей; отдавали все,
что имѣли — клялися прислать и болѣе изъ
отечества⁽⁵⁵⁶⁾: ихъ не слушали и рубили. Из-
сѣченные, обезображеніе, полумертвые еще
молили о бѣдныхъ остаткахъ жизни: нараспо!
Въ числѣ самыхъ жестокихъ карателей находи-
лись Священики и Монахи переодѣтые; они
вопили: «губите ненавистниковъ нашей Вѣ-
ры»⁽⁵⁵⁷⁾! Лилася и кровь Россіянъ: отчаяніе
вооружало убиваемыхъ, и губители падали вмѣ-
стѣ съ жертвами. Не тронувъ жилища Цесловъ
Сигизмундовыхъ, пароль приступалъ къ домамъ
Мнишковъ и Князя Вишневецкаго, коихъ люди
защищались и стрѣляли въ толпы изъ оконъ:
уже Москвитяне везли пушки, чтобы разбить
сіи дома въ щены и не оставить въ нихъ ни

одного человѣка живаго; но тутъ явилась
Бояре и великии прекратить убийства. Мстиславскій, Шуйскіе скакали изъ улицы въ
улицу, обуздывая, усмиряя народъ, и всю-
ду разсыпала Стрѣльцевъ для спасенія Ля-
ховъ, обезоруженныхъ честнымъ словомъ
Боярскимъ, что жизнь ихъ уже въ безо-
пасности. Самъ Князь Василій Шуйскій
 успокоилъ и снасть Виншевецкаго (538),
 другое Миншка. Именемъ Государственной
 Думы сказали Посламъ Сигизмундовымъ,
 что Лжедимитрій, обманувъ Литву и Рос-
 сію, но скоро изобличивъ себя лѣлами не-
 истовыми, казненъ Богомъ и народомъ,
 который въ самомъ безпорядкѣ и смятії
 уважилъ священный санъ мужей, представ-
 ляющихъ лицо своего Монарха, и мстиль
 единственно ихъ наглымъ единоземцамъ,
 прѣхавшимъ злодѣйствовать въ Рос-
 сію (539). Сказали Воеводѣ Сеномирскому:
 «Судьба Царствъ зависитъ отъ Всевыши-
 «ніяго, и ничто не бываетъ безъ Его опре-
 «дѣленія: такъ и въ сей день совершилась
 «воля Божія: кончилось царство брояги,
 «и добыча исторгнута изъ рукъ хищника!
 «Ты, его онекунъ и наставникъ — ты, ко-
 «торый привель обманщика къ намъ, чтобы
 «возмутить Россію мирную — не достопицъ
 «ли участи сего злодѣя? не достопицъ ли
 «такой же казни? Но хвалися счастіемъ:
 «ты живъ, и будешь цѣль; дочь твоя спа-

«сена — благодари Небо» (560)! Ему позволили видѣться съ Мариною во дворцѣ, и безъ свидѣтелей: не нужно было знать, что они могли сказать другъ другу въ своесть злополучія! Воевода Сеномирскій шелъ къ ней и назадъ сквозь ряды мечей и копій, обагренныхъ кровью его соотечественниковъ; но Москвитяне смотрѣли на него уже болѣе съ любопытствомъ, нежели съ яростію: побѣда укротила злобу.

Еще смятеніе продолжалось иѣсколько времени; еще изъ слободъ городскихъ и ближнихъ деревень стремилось множество людей съ дрожкою въ Москву на звукъ колоколовъ; еще грабили имѣніе Литовское, но уже безъ кровопролитія. Бояре не сходили съ коней и повелѣвали съ твердостію; дружины воинскія разгоняли чернь, вездѣ охраняя Ляховъ какъ пленниковъ. Наконецъ, въ 11 часовъ утра (561), все затихло. Велѣли пароду смириТЬся, и народъ, утомленный мятежемъ, спѣшилъ домой, отдохнуть и говорить въ семействахъ о чрезвычайныхъ происшествіяхъ сего дня, незабвеннаго для тѣхъ, которые были свидѣтелями его ужасовъ: «въ теченіи семи часовъ,» пишутъ они, «мы не слыхали ничего кромѣ набата, стрѣльбы, стука мечей и крика: *съки, руби злодѣевъ!* «не видали ничего, кромѣ волненія, бѣгania, *скаканія, смертоубийства и мятежа*» (562). Число жертвъ простидалось за тысячу, кромѣ избитыхъ и раненныхъ; но знатиѣйшіе Ляхи остались живы, многіе въ рубашкахъ и на соломѣ.

Чернь ошибкою умертила и нѣкоторыхъ Россіянъ, носившихъ одежду Польскую въ угодность Самозванцу. Нѣмцевъ щадили; ограбили только купцовъ Аугсбургскихъ, вмѣстѣ съ Миланскими и другими, которые жили въ одной улицѣ съ Лахами (563). Сей для человѣчества горестный день быль бы еще несравненно ужаснѣе, по сказанію очевидцевъ, если бы Лахи остереглися, успѣли соединиться для отчаянной битвы и зажгли городъ (564), къ несчастію Москви и собственному: ибо никто изъ нихъ уже не избавился бы тогда отъ мести Россіянъ; слѣдственно безпечностъ Лаховъ уменьшила бѣствіе.

До самаго вечера Москвитяне ликовали въ домахъ или мирно сходились на улицахъ поздравлять другъ друга съ избавлениемъ Россіи отъ Самозванца и Поляковъ, хвалились своею доблестію и «не думали» (говорить Лѣтонисецъ) «благодарить Всевышняго: храмы были затворены» (565)! Радуясь настоящему, не тревожились о будущемъ — и послѣ такого бурнаго дня на- стала ночь совершенно тихая (566): каза- лось, что Москва вдругъ опустѣла; нигдѣ не слышино было голоса человѣческаго: одни любопытные иноземцы выходили изъ домовъ, чтобы удивляться сей мертввой тишинѣ города многолюднаго, гдѣ за нѣсколько часовъ предъ тѣмъ все кипѣло

глубокая
ночь.

яростнымъ бунтомъ. Еще улицы дымились кровю, и тѣла лежали грудами; а народъ поконлся какъ бы среди глубокаго мира и непрерывнаго благоденствія — не имѣя Царя, не зная наслѣдника — опятьнавъ себя двукратною измѣною и будущему Вѣнценосцу угрожая третьею!

Козни
плесто-
любія.

Но въ семъ безмолвіи болтствоало властолюбіе съ своими обольщеніями и кознями, устремляя алчный взоръ на добычу мятежа и смертоубийства: на вѣнецъ и скіпетръ, обагренные кровью двухъ послѣднихъ Царей. Легко было предвидѣть, кто возметь сю добычу, силою и правомъ. Смѣлѣйшій обличитель Самозванца, чудесно спасенный отъ казни и еще безстраницый въ новомъ усиліи низвергнуть его; виновникъ, Герой, Глава народнаго восстанія, Князь отъ племени Рюрика, Св. Владимира, Мономаха, Александра Невскаго; второй Бояринъ мѣстомъ въ Думѣ, первыи любовію Москвитянъ и достоинствами личными, Василій Шуйскій могъ ли еще остатся простымъ царедворцемъ, и послѣ такой отваги, съ такою знаменитостію, начать новую службу лести предъ какимъ нибудь новымъ Годуновымъ? Но Годунова не было между тогдашними Вельможами. Старѣйшій изъ нихъ, Князь Федоръ Мстиславскій, отличаясь добродушемъ, честностію, мужествомъ, еще бо-

лъе отличался смиреніемъ или благораз-
уміемъ; не хотѣлъ слышать о Державномъ
санѣ и говорилъ друзьямъ: «если меня
«изберутъ въ Цари, то немедленно пойду
«въ Монахи» (567). Сказаніе иѣкоторыхъ
чужеземныхъ Историковъ (568), что Боя-
ринъ Князь Иванъ Голицънъ, имѣя мно-
гихъ знатныхъ родственниковъ и вели-
чаясь своимъ происхожденіемъ отъ Геди-
мина Литовскаго, вмѣстѣ съ Шуйскимъ
искаль короны, едава ли достойно вѣроятія,
будучи несогласно съ извѣстіями очевид-
цевъ. Сообщникъ Басманова, коего обна-
женное тѣло въ сіи часы лежало на пло-
щади, загадилъ ли измѣну измѣниою, пре-
давъ юнаго Феодора, предавъ и Лжедими-
трія? Не равняясь ни сановитостю, ни за-
слугами, могъ ли равняться и числомъ
усердныхъ клевретовъ съ тѣмъ, кто безъ
имени Цара уже начальствовалъ въ день
рѣшительный для отечества, вель Москву
и побѣдилъ съ нею? Имѣя силу, имѣя пра-
во, Шуйскій употребилъ и всѣ возможныя
хитрости: далъ наставлениа друзьямъ и
приверженникамъ, что говорить въ Син-
клитѣ и на Лобномъ мѣстѣ, какъ дѣйство-
вать и править умами; самъ изготошился,
и въ слѣдующее утро, собравъ Думу (569), рѣчь
произнесъ, какъ увѣряютъ, рѣчь весьма
умную и лукавую: славилъ милость Божію
къ Россіи, возвеличенной Самодержцами

Варяжского племени; славилъ особенно разумъ и завоеванія Іоанна IV, хотя и жестокаго; хвалился своею блестящею службою и важною государственною опытностію, пріобрѣтеною имъ въ сіе дѣятельное царствованіе; изобразилъ слабость Іоаннова наслѣдника, злое властолюбіе Годунова, всѣ бѣдствія его времени и ненависть народную къ святоубійцѣ, которая была виною успѣховъ Лжедимитрія и принудила Бояръ слѣдовать общему движенію. «Но мы,» говорилъ Шуйскій, «загладили сію слабость, когда настала часть умереть или спасти Россію. Жалѣю, что я, предупредивъ другихъ въ смѣлости, обяснялъ жизнью Самозванцу: онъ не имѣлъ права, но могъ умертвить меня, и помиловалъ, какъ разбойникъ милуетъ иногда странника. Признаюсь, что я колебался, боясь упрека въ неблагодарности; но гласть совѣсти, Вѣры, отечества, вооружила мою руку, когда я увидѣлъ въ васъ ревность къ великому подвигу. Дѣло наше есть правое, необходимое, святое; оно, скъ несчастію, требовало крови: но Богъ благословилъ насъ успѣхомъ — слѣдственно оно Ему угодно! . . . Теперь, избывъ злодѣя, ерестика, чернокнижника, должны мы думать объ избраниіи достойнаго Властителя. Уже нетъ племени Царскаго, но есть Россія: въ ней можемъ снова найти угасшее на престолѣ. Мы должны искать мужа знаменитаго родомъ, съсердца къ Вѣрѣ и къ нашимъ древнимъ обычаямъ, добродѣтельнаго, опытнаго, слѣд-

«ствено уже не юнаго — человѣка, который,
«пріявъ вѣнецъ и скипетръ, любилъ бы не рос-
«кошь и пышность, но умѣренность и правду,
«ограждалъ бы себя не копьями и крѣпостями,
«но любовію подданныхъ; не умножалъ бы зо-
«лота въ казиѣ своей, по избытокъ и довольно
«ствіе народа считалъ бы собственнымъ богат-
«ствомъ. Вы скажете, что такого человѣка найти
«трудно: знаю; но добрый гражданинъ обязанъ
«желать совершенства, по крайней мѣрѣ воз-
«можнаго, въ Государѣ!»

Всѣ знали, видѣли, чего хотѣлъ Щуйскій: никто не дерзаль явно противиться его желанію; однакожь многіе мыслили и говорили, что безъ Великой Земской Думы не льзя приступить къ дѣлу столь важному; что должно собрать въ Москвѣ Чины Государственные изъ всѣхъ областей Россійскихъ, какъ было при избрании Годунова, и съ ними рѣшить, кому отдать Царство (570). Сie мнѣніе было основательно и справедливо: вѣроятно, что и вся Россія избрала бы Шуйскаго; но онъ не имѣлъ терпѣнія, и друзья его возражали, что время дорого; что Правительство безъ Царя какъ безъ души, а столица въ смятеніи; что надобно предупредить и всеобщее смятеніе Россіи немедленнымъ врученіемъ скипетра достойнѣйшему изъ Вельможъ; что гдѣ Москва, тамъ и Государство; что нѣть нужды въ совѣтѣ, когда всѣ глаза обращены на одного, когда у всѣхъ на языкѣ одно имя... Симъ имѣніемъ огласилась вдругъ и Дума и Красная пло-

щадь. Не всѣ избирали, но никто не отвергалъ избираемаго — и 19 Мая, во второмъ часу дня , звукъ литавръ , трубъ и колоколовъ возвѣстилъ новаго Монарха столицѣ. Бояре и знатнѣйшее Дворянство вывели Князя Василія Шуйскаго изъ Кремля на Лобное мѣсто , гдѣ люди воинскіе и граждане, гости и купцы , особенно къ нему усердные , привѣтствовали его уже какъ отца Россіи . . . тамъ , гдѣ еще не давно лежала голова Шуйскаго на плахѣ , и гдѣ въ сей часъ лежало окровавленное тѣло Разстрѣгина! Полобно Годунову изъявляя скромность , онъ хотѣлъ , чтобы Синклитъ и Духовенство прежде всего избрали Архиепископы для Церкви , на мѣсто Лжесвятителя Игнатія . Толпы восклицали : «Государь нужнѣе Патріарха для отечества !» и проводили Шуйскаго въ храмъ Успенія , въ коемъ Митрополиты и Епископы ожидали и благословили его на Царство (⁵⁷¹). Все сдѣлалось такъ скоро и спѣшно , что не только Россіяне иныхъ областей , но и многіе именитые Москвитяне не участвовали въ семъ избраниі — обстоятельство несчастное : ибо оно служило предлогомъ для измѣнъ и смятеній , которыя ожидали Шуйскаго на престолѣ , къ новому стыду и бѣдствію отечества !

Въ день государственного торжества едва усили очистить столицу отъ крови и тру-

повъ: вывезли, схоронили ихъ за горо-
домъ (572). Трупъ Басманова отдали род-
ственникамъ для погребенія у церкви Ни-
колы Мокраго, гдѣ лежалъ его сынъ, умер-
шій въ юности. Тѣло Самозванца, бывъ
три дни предметомъ любопытства и руга-
тельствъ на площади, было также выве-
зено и схоронено въ убогомъ домѣ, за Сер-
пуховскими воротами, близъ большой до-
роги (573). Но Судьба не дала ему мириаго
убѣжища и въ иѣдрахъ земли. Съ 18 до 25
Мая были тогда жестокіе морозы, вредные
для садовъ и полей: сувѣріе приписывало
такую чрезвычайность волшебству Раз-
стриги и видѣло какія-то ужасныя явленія
надъ его могилою (574): чтобы пресечь сію
молву, тѣло мнимаго чародѣя вынули изъ
земли, сожгли на Котлахъ, и смѣшавъ Развѣян-
ніе Само-
званца
пѣва
праха.
пепель съ порохомъ, выстрѣлили имъ изъ
пушки, въ ту сторону, откуда Самозва-
нецъ пришелъ въ Москву съ великолѣ-
піемъ (575)! Вѣтеръ развѣялъ бренные
остатки злодѣя; но примѣръ остался: уви-
димъ слѣдствія!

Описавъ исторію сего первого Жеди-
митрія, должны ли мы еще увѣрять *внимательныхъ* Читателей въ его обманѣ? Не
явна ли для нихъ истина сама собою въ Доказа-
затель-
ства,
что
Жеди-
митрій
изображенія случаевъ и дѣяній? Только
причастные иноземцы, ревностно слу-
живъ обманщику, неиавида его истребите-

быть
дѣй-
стви-
тельно
обман-
щикъ.

лей и желая очернить ихъ, писали, что въ Москвѣ убить дѣйствительный сынъ Ioанновъ, не бродяга, а Царь законный, — хотя Россіяне, казнивъ и бродягу, не могли хвалиться своимъ дѣломъ, соединеннымъ съ нарушеніемъ присяги: ибо святость ся нужна для цѣлости гражданскихъ обществъ, и вѣроломство есть всегда преступленіе. Не довольные укоризною спра-ведливою, зложелатели Россіи выдумали басню, украсили ее любопытными обстоятельствами, подкрепили доводами благо-видными, въ пищу умамъ наклоннымъ къ историческому вольнодумству, къ сомнѣнію въ несомнительномъ, такъ, что и въ наше время есть люди, для коихъ важный вопросъ о Самозванцѣ остается еще нерѣшеннымъ. Можетъ быть, представивъ всѣ главныя черты истины въ связи, мы дадимъ имъ болѣе силы, если не для совер-шенного убѣжденія всѣхъ Читателей, то по крайней мѣрѣ для нашего собственного оправданія, чтобы они не укоряли насъ слѣпою вѣрою къ принятому въ Россіи мнѣнію, основанному будто бы на доказа-тельствахъ слабыхъ.

Выслушаемъ защитниковъ Жедимитріевской памяти. Они разсказываютъ слѣдую-щее (876): «Годуновъ, предпріявъ умерт-вить Димитрія, за тайну объявилъ свое «памѣреніе Царевичеву Медику, старому

«Нѣмцу, именемъ Симону, который, притворно «давъ слово участвовать въ семъ злодѣйствѣ, «спросилъ у девятилѣтняго Димитрія, имѣть «ли онъ столько душевной силы, чтобы снести «изгнаніе, бѣдствіе и нищету, если Богу угодно «будетъ искусить оными твердость его? Царе- «вичъ отвѣтствовалъ: имѣю; а Медикъ сказалъ: «Въ сию ночь хотятъ тебя умертвить. Ложась «спать, обмынайся бѣльемъ съ юнымъ слугою, «атвоимъ ровесникомъ; положи его къ себѣ на ло- «жѣ, и скройся за печь: что бы ни случилось въ «комнатѣ, сиди безмолвно, и жди меня. Дими- «трій исполнилъ предписаніе. Въ полночь отво- «рилась дверь: вошли два человѣка, зарѣзали «слугу вместо Царевича и бѣжали. На разсвѣтѣ «увидѣли кровь и мертваго: думали, что убить «Царевичъ, и сказали о томъ матери. Сдѣлалась «тревога. Царица кинулась на трупъ, и въ от- «чаяніи не узнала, что сей мертвый отрокъ не «сынъ ея. Дворецъ наполнился людьми: искали «убійцъ; рѣзали виновныхъ и невинныхъ; от- «песли тѣло въ церковь, и всѣ разошлись. Дво- «рецъ опустѣлъ, и Медикъ въ сумерки вывелъ «оттуда Димитрія, чтобы спастися бѣгствомъ «въ Україну, къ Князю Ивану Мстиславскому, «который жилъ тамъ въ ссылкѣ еще со временемъ «Іоанновыхъ. Чрезъ нѣсколько лѣтъ Докторъ и «Мстиславскій умерли, давъ совѣтъ Димитрю «искать безопасности въ Литвѣ. Сей юноша «присталъ къ странствующимъ Ипокамъ; бывъ «съ ними въ Москвѣ, въ землѣ Волошской (877),

«и наконецъ явился въ домъ Князя Вишневецкаго.» Извѣстно, что и самъ Разстрѣла приписывалъ свое чудесное спасеніе Доктору (⁵⁷⁸); но сочинители сей басни не знали, что Князь Иванъ Мстиславскій умеръ Июномъ Кирилловской Обители еще въ 1586 году (⁵⁷⁹), и что Ioannъ никогда не ссылалъ его въ Украину. Другіе изобрѣтатели называютъ Медика спасителя Августиномъ, прибавляя, что онъ былъ изъ числа многихъ людей ученыхъ, которые жили тогда въ Угличѣ (⁵⁸⁰), и бѣжалъ съ Царевичемъ къ Ледовитому морю, въ пустынную Обитель. Еще другіе пишутъ, что сама Царица, угадывая злое намѣреніе Борисово, съ помощью своего иноземнаго Дворецкаго (родомъ изъ Кельна), тайно удалила Дмитрія и въ его мѣсто взяла Іерейскаго сына (⁵⁸¹). Всѣ такія сказки основаны на предположеніи, что убийство совершилось ночью, когда злодѣи могли не распознать жертвы: и въ семъ случаѣ вѣроятно ли, чтобы слуги Царицыны (не говоримъ обѣйней самой) и жители Углича, не рѣдко видавъ Дмитрія въ церкви (⁵⁸²), обманулись въ убитомъ, коего тѣло пять дней лежало предъ ихъ глазами? Но Царевичъ убить въ полдень: кѣмъ? злодѣями, которые жили во дворцѣ и не спускали глазъ съ несчастнаго младенца . . . и кто предалъ его на убиеніе? мамка: отъ колыбели до могилы Дмитрій былъ въ рукахъ у Годунова. Сіи обстоятельства ясно, несомнительно утверждены свидѣтельствомъ Лѣтописцевъ и допро-

еами цѣлаго Углича, сохранимыми въ нашемъ Государственномъ Архивѣ.

Если Разстріга не былъ самозванецъ, то для чего же онъ, сѣвъ на престолъ, не удовлетворилъ народному любопытству знать всѣ подробности его судьбы чрезвычайной? для чего не объявилъ Россіи о мѣстахъ своего убѣжища, о своихъ воспитателяхъ и хранителяхъ въ теченіе двѣнадцати или тринадцати лѣтъ, чтобы разрѣшить всякое сомнѣніе? Никакою безпечностю невозможно изъяснить столь важнаго упущенія. Манифесты или грамоты Лжедимитровы внесены въ архивы, и даже подлинники ихъ цѣлы въ Архивахъ (⁵⁸³): слѣдственно не льзя съ вѣроятностю предположить, чтобы именно любопытнѣйшую изъ сихъ бумагъ истребило время. Бродяга молчаль, ибо не имѣлъ свидѣтельствъ истинныхъ, и думаль, что, признанный Царемъ, безопасно можетъ не трулить себя вымысломъ ложныхъ. Въ Литвѣ говорилъ онъ, что въ спасеніи его участвовали нѣкоторые Вельможи и Дьяки Щелкаловы: сіи Вельможи остались безъ извѣстной награды и неизвѣстными для Россіи; а Василій Щелкаловъ, вмѣстѣ съ другими опальными Борисова царствованія, хотя и снова явился у Двора, однакожъ не въ числѣ близкихъ и первыхъ людей. Разстрігу окружали не старые, вѣрные слуги его юности, а только новые измѣнники: отъ чего и палъ онъ съ такою легкостю!

«Но Царица-Инокиня Марөа признала сына «въ томъ, кто назывался Димитріемъ?» Она же признала его и самозванцемъ : первымъ свидѣтельствомъ, безмолвнымъ, неоткровеннымъ (⁵⁸⁴), выраженнымъ для народа только слезами умиления и ласками къ Разстригѣ, невольная Монахиня возвращала себѣ достоинство Царицы; вторымъ, торжественнымъ, клятвеннымъ, въ случаѣ лжи мать предавала сына злой смерти : которое же изъ двухъ достовѣрие? и что попытнѣе, обыкновенная ли слабость человѣческая или дѣйствие ужасное, столь неестественное для горячности родительской? Геройство знаменитой жены Лигурійской, которая, скрывъ сына отъ ярости непріятелей, на вопросъ, гдѣ онъ? сказала : *здесь, въ моей утробѣ*, и погибла въ мукахъ, не объявивъ его убѣжища (⁵⁸⁵) — сіе геройство, прославленное Римскимъ Историкомъ, трогаетъ, но не изумляетъ насъ : видимъ мать! Не удивились бы мы также, если бы и Царица-Инокиня, спасая истинаго Димитрия, кинулась на копья Москвитянъ съ воскликаніемъ : *онъ сынъ мой!* И ей не грозили смертію за правду : грозили единственно судомъ Божіимъ за ложь. — Слово Царицы рѣшило жребій того, кто чтилъ ее какъ истинную мать и дѣлился съ нею величиемъ. Осуждая Лжедимитря на смерть, Марөа осуждала и себя на стыдъ вѣчный, какъ участницу обмана — и не усомнилась : ибо имѣла еще совѣсть, и терзалась раскаяніемъ. Сколько людей слабыхъ не впало бы въ искушеніе зла,

если бы они могли предвидѣть, чего стоитъ вся-
кое беззаконіе для сердца! — Замѣтимъ еще
обстоятельство достойное вниманія: Шуйскій
искалъ гибели Лжедимитрія и былъ спасенъ отъ
казни неотступнымъ моленіемъ Царицы-Ино-
кини (586), съ явною опасностію для ея мнимаго
сына, изобличаемаго имъ въ самозванствѣ: кле-
ветникъ, измѣнникъ могъ ли бы имѣть право на
такое ревностное заступленіе? Но спасеніе Ге-
роя истины умирало совѣсть виновной Марої.
Къ сему прибавимъ вѣроятное сказаніе одного
Писателя иноземнаго (находившагося тогда въ
Москвѣ), что Разстрѣла велѣлъ-было извергнуть
тѣло Димитріева изъ Углицкаго Соборнаго хра-
ма и погребсти въ другомъ мѣстѣ, какъ тѣло
мнимаго Іерейскаго сына, но что Царица-Ино-
киня не дозволила ему сдѣлать того, ужасаясь
мысли отнять у мертваго, истиннаго ея сына
Царскую могилу (587).

Возражаютъ еще: «Король Сигизмундъ не
«взялъ бы столь живаго участія въ судьбѣ об-
«манщика, и Вельможа Мнишекъ не выдалъ бы
«дочери за бродягу;» но Король и Мнишекъ
могли быть легковѣрны въ случаѣ обольститель-
номъ для ихъ страстей: Сигизмундъ надѣялся
дать Россіянамъ Царя-Католика, взысканнаго
его милостію, а Воевода Сеномирскій видѣть
дочь на престолѣ Московскому. И кто знаетъ,
что они дѣйствительно не сомнѣвались въ высо-
комъ родѣ бѣглеца? Удача была для нихъ важ-
нѣе правды. Король не дерзнулъ торжественно

признать Лжедимитря истиннымъ до его рѣши-
тельного успѣха , и Воевода Сенномирскій , сдѣ-
лавъ только опытъ, пожертвовавъ частію своего
богатства надеждѣ величія , оставилъ будущаго
зятя, когда увидѣлъ сопротивленіе Россіянъ. Си-
гизмундъ и Миншекъ обманулись, можетъ быть,
не во мнѣніи о правахъ, но единственно во мнѣ-
ніи о счастіи или благоразуміи Самозванца , ду-
мавъ, что онъ удержитъ на головѣ вѣнецъ, дан-
ный ему измѣною и заблужденіемъ: для того
Король сиѣшилъ громогласно объявить себя вп-
новникомъ Разстрѣгина Державства , и Панъ
Вельможный быть тестемъ Царя, хотя бы и пле-
мени Отрецьевыхъ. Но хитителями въ ихъ силѣ
и благоденствіи гнашаются не страсти мир-
скія , но только чистая совѣсть и добролѣтель-
удовиненная.

Убѣдительнѣе ли и суждепіе тѣхъ друзей Лже-
димитря , которые говорятъ: «войско , Бояре,
«Москва, не прияли бы его въ Цари безъ силь-
«ныхъ доказательствъ , что онъ сынъ Ioan-
«новъ» (383)? Но войско, Бояре, Москва и сверг-
нули его какъ уличеннаго самозванца: для чего
вѣрить имъ въ первомъ случаѣ и не вѣрить въ
послѣднемъ? Въ обоихъ конечно дѣйствовало
удостовѣреніе, основанное на доказательствахъ;
но люди и народы всегда могли ошибаться, какъ
свидѣтельствуетъ Исторія . . . и самаго Лжеди-
митря !

Напомнимъ Читателямъ , что знаменитѣйшій
изъ клевретовъ и единственный вѣрный другъ

Разстриги въ бесѣдахъ искреннихъ не скрывалъ его самозванства: такое важное признаніе слышалъ и сообщилъ потомству Нѣмецкій Пасторъ Беръ, который любилъ, усердно славилъ Жедимитрія, и клялся Россію за убіеніе Царя, хотя и не сына Іоаннова (589). Сей же очевидецъ тогдашнихъ дѣяній предалъ памть слѣдующія, не менѣе достопамятныя свидѣтельства истины:

1) «Голландскій Аптекарь Арендъ Клаусенъ (590), бывъ 40 лѣтъ въ Россіи, служивъ «Іоанну, Феодору, Годунову, Самозванцу, и «лично зналъ, ежедневно видавъ Димитрія во «младенчествѣ, сказывалъ мнѣ утвердительно, «что мнимый Царь Димитрій есть совсѣмъ другої человѣкъ, и не походить на истиннаго, «имѣвшаго смуглое лицо и всѣ черты матери, съ «которою Самозванецъ ни мало не сходство-«валъ. — 2) Въ томъ же увѣряла меня Ливон-«ская плѣнница, Дворянка Тизенгаузенъ, осво-«божденная въ 1611 году, бывъ повивальною «абакою Царицы Маріи, служивъ ей днемъ и «ночью, не только въ Москвѣ, но и въ Угличѣ— «непрестанно видавъ Димитрія живаго, видѣвъ «и мертваго. — 3) Скоро по убіеніи Жедимитрія «выѣхалъ я изъ Москвы въ Угличь, и разгова-«ривая тамъ съ однимъ маститымъ старцемъ, «бывшимъ слугою при дворѣ Маріи, заклиналъ «его объявить мнѣ истину о Царѣ убитомъ. Онъ «всталъ, перекрестился и такъ отвѣтствовалъ: «Москвитяне клялись ему въ вѣрности и нару-«шили клятву: не хвалию ихъ. Убитъ человѣкъ

«разумный и храбрый , но не сынъ Иоанновъ , дѣйствительно зарѣзанный въ Угличъ : я видѣлъ его мертваго , лежащаго на томъ мѣстѣ , гдѣ онъ всегда игрывалъ . Богъ судія Князьямъ и Боярамъ нашимъ : время покажетъ , будемъ ли счастливе.»

Въ заключеніе упомянемъ о свидѣтельствѣ извѣстнаго Шведа Петрея , который былъ Посланникомъ въ Москвѣ отъ Карла IX и Густава Адольфа , лично зналъ Самозванца и пишетъ , что онъ казался человѣкомъ лѣтъ за тридцать (³⁹¹) ; а Димитрій родился въ 1582 году , и следственно имѣлъ бы тогда не болѣе двадцати четырехъ лѣтъ отъ рожденія .

Однимъ словомъ , несомнительныя , историческая и нравственная доказательства убѣждаютъ насъ въ истинѣ , что мнимый Димитрій былъ самозванецъ . Но представляется другой вопросъ : кто же именно ? дѣйствительно ли Разстрѣга Отрепьевъ ? Многіе иноземцы - современники не хотѣли вѣрить , чтобы бѣглый Ипокъ Чудовской Обители могъ сдѣлаться вдругъ мужественнымъ витяземъ , неустршимымъ бойцемъ , искуснымъ всадникомъ , и многіе считали его Полякомъ или Трансильванцемъ , незаконнымъ сыномъ Героя Баторія , воспитанникомъ Іезуитовъ , утверждаясь на миѳніи нѣкоторыхъ знатныхъ Ляховъ (³⁹²) , и прибавляя , что онъ не чисто говорилъ языкомъ Русскимъ : миѳніе явно несправедливое , когда современныя донесенія Іезуитовъ къ ихъ начальству свидѣтельствуютъ , что они

узнали его въ Литвѣ уже подъ именемъ Димитрія , и не Католикомъ , а сыномъ Греческой Церкви (593). Никто изъ Россіянъ не упрекалъ Самозванца худымъ знаніемъ языка нашего, коимъ онъ владѣлъ совершенно , говорилъ правильно, писать съ легкостію (594), и не уступалъ никакому Дьяку тогдашняго времени въ красивомъ изображеніи буквъ. Имѣя иѣсколько подписей Самозванцевыхъ (595) , видимъ въ Латинскихъ слабую , невѣрную руку ученика , а въ Русскихъ твердую , мастерскую , кудрявой почеркъ грамотѣя Приказнаго , каковъ быль Отрепьевъ , книжникъ Патріаршій. Возраженіе, что келліи не производятъ витязей , уничитожается исторіею его юности: одѣваясь Инокомъ, не вѣль ли онъ жизни смѣлаго дикаря , скитаясь изъ пустыни въ пустыню , учась безстрашію , не боясь въ дремучихъ лѣсахъ ни звѣрей , ни разбойниковъ, и наконецъ бывъ самъ разбойникомъ подъ хоругвью Козаковъ Днѣпровскихъ? Если иѣкоторые изъ людей ослѣпленныхъ личнымъ къ нему пристрастіемъ , находили въ Лжедимитріи какое-то *величие* (596) , необыкновенное для человѣка рожденаго въ низкомъ состояніи , то другіе хладнокровнѣйше наблюдатели видѣли въ немъ всѣ признаки закоснѣлой подлости , не изглаженные ни обхожденіемъ съ знатными Ляхами , ни счастіемъ нравиться Миншковой дочери. Съ умомъ естественнымъ, легкимъ, живымъ и быстрымъ, даромъ слова, знаніями школьнника и грамотѣя соединяя рѣдкую дерзость , силу

души и воли , Самозванецъ быль однако же худымъ лицедѣемъ на престолѣ , не только безъ основательныхъ свѣдѣній въ государственной наукѣ , но и безъ всякой сановитости благородной : сквозь великолѣпіе Державства проглядывалъ въ Царѣ бродяга . Такъ судили обѣ немъ и Поляки безпристрастные . — Доселѣ мы могли затрудняться однимъ важнымъ свидѣтельствомъ : извѣстный въ Европѣ Капитанъ Маржеретъ , усерно служивъ Борису и Самозванцу , видѣвъ людей и происшествія собственными глазами , увѣрялъ Генрика IV , знаменитаго Историка дету и читателей своей книги о Московской Державѣ , что Григорій Отрецьевъ быль не Лжедимитрій , а совсѣмъ другой человѣкъ , который съ нимъ (Самозванцемъ) ушелъ въ Литву , и съ нимъ же возвратился въ Россію , вель себя не пристойно , пьянствовалъ , употреблялъ во зло благосклонность его , и сосланный имъ за то въ Ярославль , дожилъ тамъ до воцаренія Шуйскаго ⁽³⁹⁸⁾ . Нынѣ , отыскавъ новыя современныя преданія историческія , изъясняемъ Маржеретово сказаніе обманомъ Монаха Леонида , который назвался именемъ Отрецева для увѣренія Россіянъ , что Самозванецъ не Отрецьевъ ⁽³⁹⁹⁾ . Царь Годуновъ имѣлъ способы открыть истину : тысячи лазутчиковъ ревностно служили ему не только въ Россіи , но и въ Литвѣ ⁽⁴⁰⁰⁾ , когда онъ развѣдывалъ о происхожденіи обманщика . Вѣроятно ли , чтобы въ случаѣ столь важномъ Борисъ легкомысленно , безъ удостовѣренія , объя-

виль Жедимитрія бѣглецомъ Чудовскимъ, коего многіе люди знали въ столицѣ и въ другихъ мѣстахъ, следственно узнали бы и неправду при первомъ взорѣ на Самозванца? Наконецъ Москвитяне видѣли Жедимитрія, живаго, мертваго, и все еще утвердительно признавали Діакономъ Григоріемъ (⁶⁰¹); ни одинъ голосъ сомнѣнія не раздался въ потомствѣ до нашего времени.

Сего довольно. Приступаемъ къ описанию дальнѣйшихъ бѣдствій Россіи, не менѣе чрезвычайныхъ, не менѣе оскорбительныхъ для ся чести, но уже подобныхъ мрачному сновидѣнію, — уже только любопытныхъ для народа, коему Небо судило временными уничтоженіемъ достигнуть величія, и который достигъ онаго, загладивъ память слабости великодушнымъ напряженіемъ силъ и память стыда необыкновенною славою.

КОНЕЦЪ XI ТОМА.

СБИБОЛКА ГОДУНОВА

ОГЛАВЛЕНИЕ

ТОМЪ XI.

ГЛАВА I.

ЦАРСТВОВАНИЕ БОРИСА ГОДУНОВА,

Г. 1598—1604.

Стр.

Москва встречает Царя. Присяга Борису. Соборная грамота. Деятельность Борисова. Торжественный вход въ столицу. Знаменитое ополченіе. Ханское Посольство. Угощениe войска. Рѣчь Патриарха. Прибавленіе къ грамотѣ избирательной. Царское вѣнчаніе. Милости. Новый Царь Касимовскій. Происшествія въ Сибири. Гибель Кучюма. Дѣла виѣшней Политики. Судьба Шведскаго Принца, Густава, въ Россіи. Пере миріе съ Литвою. Сношенія съ Швеціею. Тѣсная связь съ Даніею. Герцогъ Датскій, женихъ Ксении. Переговоры съ Австріею. Посольство Персидское. Происшествія въ Грузіи. Бѣдствіе Россіянъ въ Дагестанѣ. Дружество съ Англіею. Ганза. Посольство Римское и Флорентійское. Греки въ Москвѣ. Дѣла Ногайскія. Дѣла внутреннія. Жалованная грамота Патриарху. Законъ о крестьянахъ. Нитейшие дома. Любовь Борисова къ просвещенію и къ иноземцамъ. Похвальное слово Годунову. Горячность Борисова къ сыну. Начало бѣдствій . . . . .

ГЛАВА II.

ПРОДОЛЖЕНИЕ ЦАРСТВОВАНИЯ БОРИСОВА.

Г. 1604—1605.

Блестящее властование Годунова. Молитва о Царѣ. Подозрѣнія Борисовы. Гоненія. Голодъ. Новыя зданія въ Кремль. Разбои. Порочные нравы. Минимыя чудеса. Явленіе Самозванца. Поведеніе и наружность обманщика. Иезуиты. Свиданіе Лжедимитрія съ Королемъ Польскимъ. Письмо къ Папѣ. Собрание войска. Договоры Лжедимитрія съ Мишкомъ. Мѣры взятія Борисомъ. Первая измѣна. Витязь Басмановъ. Робость Годунова. Общее расположение умовъ. Великолушие Борисово. Битва. Поляки оставляютъ Самозванца. Честь Басманову. Побѣда Воеводъ Борисовыхъ. Осада Кромъ. Письмо Самозванца къ Борису. Кончина Годунова. . . . .

90

ГЛАВА III.

ЦАРСТВОВАНИЕ ФЕОДОРА БОРISOVICHА ГОДУНОВА.

Г. 1605.

Присяга Феодору. Достоинства юнаго Царя. Избрание Басманова въ Военачальники. Присяга войска. Измѣна Басманова. Самозванецъ усиливается. Измѣна Голицыныхъ и Салтыкова. Измѣна войска. Походъ къ Москвѣ. Оцѣненіе умовъ въ столицѣ. Измѣна Москвитянъ. Сведеніе Феодора съ престола. Присяга Лжедимитрію. Заточеніе Патріарха и Годуновыхъ. Цареубийство. 173

ГЛАВА IV.

ЦАРСТВОВАНІЕ ЛЖЕДИМИТРІЯ.

Г. 1603—1606.

Первое оскорблениe Бояръ. Указы Лжедимитріевы. Посолъ Англійскій. Шествіе къ Москвѣ. Довѣренность Разстриги къ Нѣмцамъ. Вступленіе въ столицу. Пиръ. Милости. Филаретъ и юный Михаилъ. Царь Симеонъ и Годуновы. Гробы Нагихъ и Романовыхъ пренесены въ Москву. Благодѣяпія. Преобразованіе Думы. Любовь Самозванца къ Генриху IV. Милосердіе. Похвальное Слово Разстригѣ. Избрание нового Патріарха. Безмолвное свидѣтельство Царицы — Июкини. Вѣнчаніе. Безразсудность Лжедимитрія. Дѣла гнусныя. Постриженіе Ксении. Шепотъ о Разстригѣ. Обличенія. Шуйскій. Нѣмцы тѣлохранители. Пышность и веселья. Посольство въ Литву за невѣстою. Неудовольствія. Слухъ, что Борисъ Годуновъ живъ. Титулъ Цесаря. Обрученіе. Слухи о Самозванцѣ въ Польшѣ. Лжедимитрій платить долги Минишковы. Происшествія въ Москвѣ. Возвращеніе Шуйскихъ. Самозванецъ Петръ. Начало заговора. Посольство къ Шаху. Собрание войска въ Ельцѣ. Письмо къ Шведскому Королю. Сношенія съ Ханомъ. Толки о замыслахъ Лжедимитрія. Казнь Стрѣльцевъ и Дьяка Осипова. Опала Царя Симеона и Татищева. Путешествія Воеводы Сепдомирскаго съ Мариною. Рѣчъ Минишкова. Условія. Опала двухъ Святителей. Вѣзэдъ Мариши въ столицу. Негодованіе Москвитянъ. Соблазны. Ссора съ Послами. Дары. Обрученіе и свадьба. Новые причины къ негодованію. Пиры. Новая ссора съ Литов-

скими Послами. Переговоры государственные. Замышляемая потеха. Наглость Ляховъ. Ночнýй совѣтъ въ домѣ Шуйского. Дерзкія рѣчи на площади. Волненіе народа. Спокойствіе Жедимітря. Измѣна войска. Послѣдняя ночь для Самозванца. Возстаніе Москвы. Гибель Басманова. Свидѣтельство Царицы-Инокини. Судъ, допросъ и казнь Жедимітря. Щадятъ Марину. Убийства. Бояре утишаютъ мятежъ. Глубокая тишина ночи. Козни властолюбія. Рѣчь Шуйского въ Думѣ. Избрание нового Царя. Развѣяніе Самозванцева праха. Доказательства, что Жедимітря былъ дѣйствительно обманщикъ . . . . .

ИСТОРИЯ
ГОСУДАРСТВА РОССІЙСКАГО.

ТОМЪ XII.

RIEDER
HISTORICAL LIBRARY
UNIVERSITY OF TORONTO LIBRARIES
1962

LOCATIONAL LOGIC

THE END

ИСТОРИЯ ГОСУДАРСТВА РОССИЙСКАГО.

ТОМЪ XII.

ВЪЗДАНІЕ ШЕСТОЕ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

ВЪ ТИПОГРАФІИ ЭДУАРДА ПРАЦА.

1853.

300926

РИЧОТЭН

ОДЫССЕЯ ПОДАРКОМ

ПЕЧАТАНО

по Высочайшему повелѣнію.

Санкт-Петербургъ

Изданіе Академіи Наукъ

одинъ зъмъ въ фольклоръ

1891

ОТЪ ИЗДАТЕЛЕЙ XII ТОМА.

(1829 Г.)

Наконецъ мы можемъ исполнить ожиданіе Публики и послѣднюю волю безсмертнаго творца Исторіи Государства Россійскаго.

Въ 1826 году , когда его семейство и друзья еще даволяли себѣ надѣяться , что путешествіе и лучшій климатъ могутъ поправить его здоровье , онъ поручалъ намъ быть Издателями XII Тома его Исторіи ; думалъ кончить ее въ Италіи и однакожь хотѣлъ прежде отъѣзда приготовить Примѣчанія къ написаннымъ уже Главамъ. Но Судьбѣ было угодно , чтобы его великий трудъ и въ семъ отношеніи остался недовершеннымъ. Въ первыя минуты ужасной и — не смотря на видимыя дѣйствія четырехъ-мѣсячной мучительной болѣзни — все еще какъ будто неожиданной потери , когда мысли тѣхъ , кои доселѣ его оплачивають , не могли быть заняты ничѣмъ инымъ ,

собранныя имъ для составленія Примѣчаній кни-
ги и рукописи разосланы по разнымъ мѣстамъ.
Нужно было время , чтобы спова собрать ихъ и
привести въ порядокъ. Отъ сего и отъ нѣкото-
рыхъ другихъ , неважныхъ для Публики об-
стоятельствъ , замедлилось изданіе книги , какъ
намъ извѣстно съ нетерпѣніемъ ожидаемой.

Всѣ приложенные нами Примѣчанія суть не
что иное какъ выписки , сдѣланныя по остав-
шимся въ бумагахъ покойнаго Исторіографа
указаніямъ. Что касается до текста , кажется
нѣтъ нужды говорить , что онъ представляется
Читателямъ въ томъ самомъ видѣ , въ коемъ мы
нашли его. Первые четыре Главы , даже и начало
пятой , за исключеніемъ лишь немногихъ по-
следнихъ страницъ , были еще при жизни Автора
переписаны на бѣло , пересмотрѣны имъ и при-
готвлены къ печати. По странному , достойному
замѣчанія стечению обстоятельствъ , сіе послѣ-
нее произведеніе Карамзина было , какъ можно
полагать , послѣднимъ чтеніемъ Императора
Александра ; манускриптъ онаго , присланный
изъ Таганрога послѣ кончины сего Государя ,
возвращенъ покойному Исторіографу въ то
время , когда онъ самъ быстро склонялся къ
гробу.

Карамзинъ не имѣлъ несчастія пережить свой
талантъ. Въ самомъ изнеможеніи силъ физиче-

сихъ, силы души его не слабѣли , и послѣднія черты его кисти также живы и вѣрны , какъ и тѣ , коими означенованы блистательнѣйшія мѣста его Исторіи. Въ семъ XII Томѣ , коему можетъ быть только не достаетъ конца , чтобы быть совершенѣйшимъ , Читатели умѣюще цѣнить изящное найдутъ все , что по справедливости илѣняеть насть въ первыхъ , все , что можно пазвать отличительнымъ свойствомъ сего безсмертнаго творенія : необыкновенную точность въ изображеніяхъ , плодъ обширныхъ , неутомимыхъ изысканій и пламенной , благоговѣйной любви къ истинѣ , во всемъ руководствовавшей Автора , выборъ всегда удачный сихъ мелкихъ , но иногда столь важныхъ подробностей , которыя такъ сказать оживотворяютъ разсказъ Историка , искусство поддерживать и пробуждать вниманіе красотою отдѣльныхъ картинъ безъ вреда для общей связи и дѣйствія цѣлаго , и другое еще замѣчательнѣйшее искусство описывать давно бывшія происшествія съ чувствомъ и жаромъ современника , не переставая судить о нихъ , означать ихъ причины и слѣдствія съ безпристрастіемъ и проницательностію Философа богатаго идеями нашего вѣка. Мы уже не говоримъ о достоинствѣ неподражаемаго , доселѣ единственнаго у насть слога.

Повѣстование о бѣдствіяхъ царствованія Ва-

силія Шуйского и послѣдовавшаго за онъмъ Междоцарствія перерывается въ 1611 году. Какъ намъ кажется , сіе не ослабляетъ и можетъ быть еще усиливаетъ впечатлѣніе , производимое описаніемъ тогдашняго ужаснаго состоянія Россіи.

Дж. Б.

ИСТОРИЯ ГОСУДАРСТВА РОССІЙСКАГО.

ТОМЪ XII.

ГЛАВА I.

ЦАРСТВОВАНІЕ ВАСИЛІЯ Іоанновича
Шуйскаго.

Г. 1606—1608.

Родъ Василіевъ. Свойства новаго Царя. Клятва
Василіева. Обнародованыя грамоты. Вѣнчаніе.
Опалы. Неудовольствія. Пренесеніе Димитріева
тѣла. Новый Патріархъ. Гордость Марины. Рѣчь
Пословъ Литовскихъ. Посольство къ Сигизмунду.
Сношенія съ Европою и съ Азіею. Мятежи
въ Москвѣ. Бунтъ Шаховскаго. Вторыи Лже-
димитрій. Болотниковъ. Успѣхи мятежниковъ.
Прокопій Ляпуновъ. Пренесеніе тѣла Борисова.
Мятежники подъ Москвою. Побѣда Скопина-
Шуйскаго. Лжепетръ. Осада Калуги. Годуновы
въ Сибири. Распоряженія Василіевы. Призваніе
Іова. Храбрость Болотникова. Побѣда Романова.
Мужество Скопина. Бодрость Василія въ не-
счастіяхъ. Доблесть Воеводъ Царскихъ. Осада
Тулы. Явленіе новаго Лжедимитрія. Взятіе Ту-
лы. Бракъ Василіевъ. Законы. Уставъ воинскій.

Василій Іоанновичъ Шуйскій, происходя
въ осьмомъ колынѣ отъ Димитрія Сузdal'—
скаго, спорившаго съ Донскимъ о Вели-

г. 1606.
Родъ
Василіевъ,

комъ Княжествъ, былъ внукомъ ненавистнаго Олигарха Андрея Шуйскаго, казненнаго во время Иоанновой юности, и сыномъ Боярина-Воеводы, убитаго Шведами въ 1573 году подъ стѣнами Лоде (¹).

Свойства иностранныхъ Царей.
Если всякаго Вѣнценосца избраннаго судятъ съ болѣшею строгостю, нежели Вѣнценосца наследственнаго; если отъ первого требуютъ обыкновенно качествъ рѣдкихъ, чтобы повиноваться ему охотно, съ усердіемъ и безъ зависти: то какія достоинства, для царствованія мирнаго и непрекословнаго, надлежало имѣть новому Самодержцу Россіи, возведенному на тронъ болѣе сонмомъ клевретовъ, нежели отечествомъ единодушнымъ, въ слѣдствіе измѣнъ, злодѣйствъ, буйности и разврата? Василій, льстивый цареворецъ Иоанновъ, сперва явный непріятель, а послѣ безсовѣстный угодникъ и все еще тайный зложелатель Борисовъ, достигнувъ вѣнца усилиемъ кова, могъ быть только вторымъ Годуновымъ: лицемѣромъ, а не Героемъ добродѣтели, которая бываетъ главпою сплою и Властителей и народовъ въ опасностяхъ чрезвычайныхъ. Борисъ, воцаряясь, имѣлъ выгоду: Россія уже давно и счастливо ему повиновалась, еще не зная примѣровъ въ крамольствѣ. Но Василій имѣлъ другую выгоду: не былъ святоубийцею; обагренный единствено кровью ненавистною, и

заслуживъ удивленіе Россіянъ дѣломъ блестя-
щимъ , оказавъ въ низложеніи Самозванца и
хитрость и неустрешимость , всегда илѣнитель-
ную для народа. Чья судьба въ Исторіи равняется
съ судбою Шуйскаго ? Кто съ мѣста казни вос-
ходилъ на тронъ , и знаки жестокой пытки при-
крывались на себѣ хламидою Царскою ? Сіе воспо-
минаніе не вредило , но способствовало общему
благорасположенію къ Василію : онъ страдалъ
за отечество и Вѣру ! Безъ сомнѣнія уступая Бо-
рису въ великихъ дарованіяхъ государствен-
ныхъ , Шуйскій славился однако же разумомъ
мужа Думнаго и свѣдѣніями книжными , столь
удивительными для тогдашнихъ суевѣровъ , что
его считали волхвомъ ⁽²⁾; съ наружностю не-
выгодною (будучи роста малаго , толстъ , несано-
вить и лицемъ смуглъ; имѣя взоръ суровый,
глаза красноватые и подслѣдные , ротъ широкій),
даже съ качествами вообще нелюбезными , съ
холоднымъ сердцемъ и чрезмѣрною скучностю ,
умѣль , какъ Вельможа , синскать любовь граж-
данъ ⁽³⁾ , честною жизнью , ревностнымъ наблю-
деніемъ старыхъ обычаевъ , доступностию , ла-
сковымъ обхожденіемъ. Престолъ явилъ для
современниковъ слабость въ Шуйскомъ: зави-
симость отъ внушеній , склонность и къ легковѣ-
рію , коего желаетъ зломысліе , и къ недовѣри-
вости , которая охлаждаетъ усердіе. Но престолъ
же явилъ для потомства и чрезвычайную твер-
дость души Василіевой въ бореніи съ неодоли-
мымъ рокомъ : вкусивъ всю горесть Державства

несчастного , уловленного властолюбиемъ , и свѣдавъ , что вѣнецъ бываетъ иногда не наградою , а казнью , Шуйскій палъ съ величіемъ въ развалинахъ Государства!

Онъ хотѣлъ добра отечеству , и безъ сомнѣнія искренно : еще болѣе хотѣлъ угождать Россіянамъ . Видѣвъ столько злоупотребленій неограниченной Державной власти , Шуйскій думалъ устранить ихъ и плѣнить Россію новостію важною . Въ часть своего воцаренія , когда Вельможи , сановники и граждане клялися ему въ вѣрности , самъ нареченный Вѣнценосецъ , къ общему изумленію , далъ присягу , дотолѣ неслыханную : 1) не казнить смертію никого безъ суда Боярского , истинаго , законнаго ; 2) преступниковъ не лишать имѣнія , но оставлять его въ наслѣдіе женамъ и детямъ невиннымъ ; 3) въ извѣтахъ требовать прямыхъ , явныхъ уликъ съ очей на очи , и наказывать клеветниковъ тѣмъ же , чему они подвергали винимыхъ ими несправедливо (4). «Мы желаемъ» (говорилъ Василий) , «чтобы православное Христіанство «наслаждалось миромъ и тишиною подъ «нашую Царскою хранительною властію» — и велѣвъ читать грамоту , которая содержала въ себѣ означенный уставъ , цѣловавъ крестъ въ удостовѣреніе , что исполнитъ его добросовѣстно . Симъ священнымъ обѣтомъ мыслилъ новый Царь избавить

Клятва
Василия
вза.

Россіянъ отъ двухъ ужасныхъ золъ своего вѣка: отъ ложныхъ доносовъ и беззаконныхъ оналъ, соединенныхъ съ разореніемъ цѣлыхъ семействъ въ пользу алчной казны; мыслилъ, въ годину смятеній и бѣдствій, дать гражданамъ то благо, коего не знали ни дѣды, ни отцы наши до человѣколюбиваго царствованія Екатерины Второй. Но вместо признательности, многіе люди, знатные и незнатные, изъявили негодованіе, и напомнили Василію правило, установленное Ioannomъ III, что не Государь народу, а только народъ Государю даетъ клятву (⁵). Сіи Россіяне были искренніе друзья отечества, не рабы и не льстецы низкие: имъя въ свѣжей памяти грозы тиранства, еще помнили и бурные дни Ioannova младенчества, когда власть Царская въ челенахъ дремала: боялись ея стѣсненія, вреднаго для Государства, какъ они думали, и предпочитали свободную милость закону. Царь не внялъ ихъ убѣжденіямъ, действуя или по собственному изволенію или въ угодность нѣкоторымъ Боярамъ, склоннымъ къ Аристократіи (⁶), п чтобы блеснуть великодушiemъ, торжественно обѣщаю забыть всякую личную вражду, всѣ досады, претерпѣнныя имъ въ Борисово время (⁷): ему вѣрили, но не долго.

Отмѣнивъ новости, введенныя Лжедимитріемъ, и возстановивъ древнюю Госу- обна-

родо-дарственную Думу , какъ она была до его
ванныя грамо-времени , Василій спѣшилъ извѣстить всю
ты . Россію о своемъ воцареніи и не оставилъ
въ умахъ ни малѣйшаго сомнѣнія о Само-
званцѣ : послали всюду чиновниковъ знат-
ныхъ приводить народъ къ крестному цѣ-
лованію , съ обѣтомъ , не дѣлать , не говор-
ить , и не мыслить ничего злаго противъ
Царя , будущей супруги и дѣтей его ; ве-
льчи , какъ обыкновенно , три дни звонить
въ колокола , отъ Москвы до Астрахани и
Чернигова , до Тары и Колы , — молиться
о здравії Государя и мирѣ отечества ⁽⁸⁾ .
Читали въ церквахъ грамоты отъ Бояръ ,
Царицы-Инокини Мароы и Василія (име-
нованнаго въ сихъ бумагахъ *потомкомъ Кесаря Римскаго*) . Описавъ дерзость , зло-
дѣйства , собственное въ томъ признаніе и
гибель Самозванца , Бояре величали родъ и
заслугу Шуйскаго , спасителя Церкви и
Государства . Мароа свидѣтельствовалась
Богомъ , что ея сердце успокоено казнью
обманщика ; а Василій увѣрялъ Россіянъ
въ своей любви и милости безпримѣрной .
Обнародовали найденную во внутреннихъ
комнатахъ дворца переписку Лжедимитрія
съ Римскимъ Дворомъ и Духовенствомъ о
введеніи у насъ Латинской Вѣры ⁽⁹⁾ , за-
пись ланиную Воеводѣ Сенномирскому на
Смоленскъ и Сѣверскую землю , также до-
просы Миншка и Бучинскихъ , Яна и Стა-

нислава : Миншекъ винился въ заблуждении, сказывая, что онъ и самъ уже не могъ считать мнимаго Димитрія истиннымъ, примѣтивъ въ немъ ненависть къ Россіи , и для того часто впадалъ въ болѣзнь отъ горести. Бучинскіе объявляли , что Разстрига дѣйствительно хотѣлъ, съ помощью Ляховъ, умертвить , 18 Мая , на лугу Срѣтенскомъ , двадцать главныхъ Бояръ и всѣхъ лучшихъ Москвитянъ ; что Пану Ратомскому надлежало убить Князя Мстиславскаго , Тарлу и Стадницкимъ Шуйскихъ ; что Ляхи должны были занять всѣ мѣста въ Думѣ , править войскомъ и Государствомъ : свидѣтельство едва ли достойное уваженія , и если не вымыщенное , то вынужденное страхомъ изъ двухъ малодушныхъ слугъ, которые, желая спасти себѣ отъ мести Россіянъ , не боялись клеветать на непель своего милостивца , развязанный вѣтромъ ! Современники вѣрили ; но трудно убѣдить потомство, чтобы Лжедимитрій , хотя и неразсудительный , могъ дерзнуть на дѣло ужасное и безумное : ибо легко было предвидѣть , что Бояре и Москвитяне не дали бы рѣзать себя какъ агнцевъ , и что кровопролитіе заключилось бы гибелю Ляховъ вмѣстѣ съ ихъ Главою.

Юна 1 совершилось Царское вѣнчаніе, въ храмѣ Успенія , съ наблюденіемъ всѣхъ торжественныхъ обрядовъ , но безъ всякой

расточительной пышности: корону Мономахову возложилъ на Василія Митрополитъ Новогородскій (¹⁰). Синклитъ и народъ славили Вѣнценосца съ усердіемъ; гости и купцы отличились щедростю въ дарахъ, ему поднесенныхъ. Являлось однажды какое-то уныніе въ столицѣ (¹¹). Не было ни милостей (¹²), ни пировъ; были опали. Смѣнили Дворецкаго, Князя Рубца-Мосальскаго, одного изъ первыхъ клятво-преступниковъ Борисова времени (¹³), и велѣли емуѣхать Воеводою въ Корелу или Кексгольмъ; Михайлу Нагому запретили именоваться Конюшимъ, желая ли навѣки уничтожить сей знаменитый санъ, чрезмѣрно возвышенный Годуновымъ, или единственно въ знакъ неблаговоленія къ злопамятному страдальцу Василіева криволушія въ дѣлѣ о Димитріевомъ убісніи (¹⁴); Великаго Секретаря и Подскарбія, Аѳанасія Власьева, сослали на Воеводство въ Уфу (¹⁵), какъ ненавистнаго приверженника Разстрѣгина; двухъ важныхъ Бояръ, Михайла Салтыкова и Бѣльскаго, удалили, давъ первому начальство въ Иванѣ-городѣ, второму въ Казани (¹⁶); многихъ иныхъ сановниковъ и Дворянъ, не уголовныхъ Царю, также выслали на службу въ дальніе города; у многихъ взяли помѣстья. Василій, говорить Лѣтописецъ (¹⁷), нарушилъ обѣтъ свой не мстить никому

лично , безъ вины и суда. Оказалось не-
увольствіе ; слышали ропотъ. Василій, Неудо-
въль-
какъ опытный наблюдатель тридцатилѣт-
няго гнуснаго тиранства , не хотѣлъ
ужасомъ произвести безмолвія , которое
бываетъ знакомъ тайной , всегда опасной
ненависти къ жестокимъ Властителямъ ;
хотѣлъ равняться въ государственной му-
дрости съ Борисомъ и превзойти Лжеди-
митрія въ свободолюбіи , отличать слово
отъ умысла , искать въ нескромной искрен-
ности только указаній для Правительства и
грозить мечемъ закона единственно кра-
мольникамъ. Слѣдствіемъ была удивитель-
ная вольность въ сужденіяхъ о Царѣ , осо-
бенная величавость въ Боярахъ ⁽¹⁸⁾ ; осо-
бенная смѣлость во всѣхъ людяхъ чинов-
ныхъ ; казалось , что они имѣли уже не
Государя самовластнаго , а полу-Царя. Ни-
кто не дерзнулъ спорить о коронѣ съ Шуй-
скимъ , но многіе дерзали ему завидовать и
порочить его избраніе , какъ незаконное.
Самые усердные клевреты Василія изъ-
являли негодованіе : ибо онъ , доказывая
свою умѣренность , беспристрастіе и желан-
іе царствовать не для клевретовъ , а для
блага Россіи , не далъ имъ никакихъ на-
градъ блестящихъ въ удовлетвореніе ихъ
сущности и корыстолюбія. Замѣтили еще
необыкновенное своеольство въ па-
дѣ ⁽¹⁹⁾ и шатость въ умахъ : ибо частыя

перемѣны государственной власти раждаются недовѣріе къ ея твердости и любовь къ перемѣнамъ: Россія же въ теченіе го-
да (20) имѣла четвертаго Самодержца, праздновала два цареубийства и не выдала нужнаго общаго согласія на послѣднее из-
браніе. Старость Василія, уже почти ше-
стидесятилѣтняго (21), его одиночество,
неизвѣстность наслѣдія, также произво-
дили уныніе и беспокойство. Однимъ словомъ, самые первые дни новаго царствова-
нія, всегда благопріятѣйшіе для рев-
ности народной, болѣе омрачили, нежели
утѣшили сердца истинныхъ друзей оте-
чества.

Между тѣмъ, какъ бы еще не полагаясь на удостовѣреніе Россіянъ въ самозванствѣ Разстрѣки, Василій дерзнулъ явленіемъ торжественнымъ напомнить имъ о своихъ лжесвидѣтельствахъ, коими онъ, въ угод-
ность Борису, затмиль обстоятельства Димитровой гибели: Царь велѣлъ Святите-
лямъ, Филарету Ростовскому и Феодосію Астраханскому, съ Боярами Княземъ Воро-
тынскимъ, Петромъ Щерemetевымъ, Ан-
дреемъ и Григориемъ Нагими, перевезти

Ирене-
сеніо-
Димит-
ріева
тѣла.
въ Москву тѣло Димитрія изъ Углича, гдѣ
оно, въ господствованіе Самозванца, ле-
жало уединено въ опальной могилѣ, ни-
кѣмъ непосещаемой (22): Іренѣ не смѣли
служить панихиидъ надъ нею; граждане

боялись приближиться къ сemu мѣсту, которое безмолвно уличало минимаго Димитрія въ обманѣ. Но паденіе обманщика возвратило честь гробу Царевича: жители устремились къ нему толпами; пѣли молебны, лили слезы умиленія и покаянія, лучше другихъ Россіянъ зналъ истину и молчавъ противъ совѣсти. Когда Святители и Бояре Московскіе, прибывъ въ Угличъ, объявили волю Государеву, народъ долго не соглашался выдать путь драгоценныя остатки юнаго мученика, взывая (23): «Мы его любили и за него страдали! Лишненіе живаго, лишимся ли и мертваго?» Когда же, вынувъ изъ земли троубъ и снявъ его крышку, увидѣли тѣло, въ пятнадцать лѣтъ едва поврежденное сыростию земли (24): плоть на лицѣ и волосы на головѣ щѣлье, равно какъ и жемчужное ожерелье, шитый платокъ въ лѣвой руцѣ, одежду также шитую серебромъ и золотомъ, сапожки, горсть орѣховъ, найденныхъ у закланнаго младенца въ правой рукѣ и съ нимъ положенныхъ въ могилу: тогда, въ единодушномъ восторгѣ, жители и пришельцы начали славить сіе знаменіе святости — и за чудомъ слѣдовали новые чудеса, по свидѣтельству современниковъ: недужные, съ вѣрою и любовью касаясь мощей, исцѣлялись. Изъ Углича несли раку, перемѣнявшись, люди знатнѣйшіе, воины, граждане и землемѣльцы: Василій, Царица-Инокиня Мареа, Духовенство,

3 Юни. Синклитъ , народъ встрѣтили ее за городомъ ; открыли монцы , явили ихъ нетлѣніе , чтобы утѣшить вѣрующихъ и сокиутъ уста невѣрныхъ (25). Василій взялъ святое бремя на рамена свои и несъ до церкви Михаила Архангела , какъ бы желая симъ усердіемъ и смиреніемъ очистить себя передъ тѣмъ , кого онъ столь безстыдно оклеветалъ въ самоубійствѣ ! Тамъ , среди храма , Инокиня Мароа , обливаясь слезами , молила Царя , Духовенство , всѣхъ Россіянъ простить ей грѣхъ согласія съ Лжедимитріемъ для ихъ обмана — и Святители , исполняя волю Царя , разрѣшили се торжественно , изъ уваженія къ ея супругу и сыну (26). Народъ исполнился умиленія , и еще болѣе , когда церковь огласилась радостными кликами многихъ людей , вдругъ излеченныхъ отъ болѣзней дѣйствиемъ вѣры къ монцамъ Димитріевымъ , какъ пишутъ очевидцы . Хотѣли предать землѣ сіи святые остатки и раскопали засыпанную могилу Годунова , чтобы поставить въ ней гробъ его жертвы , въ приදѣлѣ , гдѣ лежатъ Царь Іоаннъ и два сына его ; но благодарность исцѣленныхъ и надежда болѣющихъ убѣдили Василія не скрывать источника благодати : вложили тѣло въ деревянную раку , обитую золотымъ атласомъ , оставили ее на помостѣ и велѣли пѣсть молебны новому Угоднику Божію ,

въчно праздновать его память и въчно
клясть Лжедимитриеву (27).

Еще Церковь не имѣла Патріарха: въ <sup>Новый
Патрі-
архъ.</sup> самый первый день Василіева царствованія свели Игнатія съ престола, безъ суда Духовнаго, единственно по указу Государеву, — одѣли въ черную рясу и заперли въ келліяхъ Чудова монастыря; Іовъ же, въ печали, въ слезахъ лишась зреїнія, не хотѣлъ возвратиться въ Москву (28), гдѣ находились тогда всѣ Святители Россійскіе, кромѣ Митрополита Ермогена, удаленнаго Лжедимитремъ (29), и тѣмъ возвышенаго во мнѣніи народа. Среди жалостныхъ примѣровъ слабости, оказанной несчастнымъ Іовомъ и всѣмъ Духовенствомъ, Ермогенъ, не обольщенный милостію Самозванца, не устрашенный опалою за ревность къ Православію, казался Героемъ Церкви, и былъ единодушно, единогласно нареченъ Патріархомъ, — нетерпѣливо ожидаемъ и немедленно посвященъ, какъ скоро прибылъ изъ Казани въ столицу, соборомъ нашихъ Епископовъ. Царь, съ любовію вручая Ермогену жезль Св. Петра Митрополита, и Ермогенъ, съ любовію благословляя Царя, заключили искренній, вѣрный союзъ Церкви съ Государствомъ, но не для ихъ мира и счастія!

Утвердивъ себя на престолѣ великодушнымъ обѣтомъ блести законъ, всенарод-

нымъ оправданіемъ казни Разстрігіної, своимъ Царскимъ вѣнчаніемъ, торжествомъ Димитріевої святости, избраніемъ Патріарха ревностнаго и мужественнаго духомъ, — поставивъ войско на берегахъ Оки и въ Українѣ, велѣвъ надежнымъ чиновникамъ осмотрѣть его (³⁰) и Воеводамъ ждать Царскаго Указа, чтобы итти для усмиренія враговъ, гдѣ они явятся — Василій немедленно занялся дѣлами виѣшними. Важнѣйшимъ дѣломъ было рѣшить миръ или войну съ Литвою, не уронить достоинства Россіи, но безъ крайности не начинать кровопролитія въ смутныхъ обстоятельствахъ Государства, коего внутреннее устройство, послѣ измѣнъ и бунтовъ, требовало времени и тишины. Еще тѣло Самозванца лежало на лобномъ мѣстѣ, когда Духовенство наше отиравило гонца въ Киевъ, къ тамошнему Воеводѣ, Князю Острожскому, съ извѣстительною грамотою о всемъ, что случилось въ Москвѣ, и съ увѣреніемъ въ миролюбіи Россійскаго Правительства, не взирая на всѣ козни Литовскаго. Въ семъ смыслѣ дѣйствовалъ и новый Вѣнценосецъ: хранилъ Поляковъ отъ злобы народа, велѣль давать имъ все нужное въ изобиліи, и съ честію отвезти Марину къ отцу, который, обманывая себя и другихъ, еще называлъ ее Царицею, и въ видѣ слуги усерднаго благоговѣль предъ до-

черью (31). Марина изъявляла болѣе высо- г о р -
комѣрія, нежели скорби, и говорила своимъ д о с т ь
ближнимъ: «Избавьте меня отъ вашихъ М а р и -
«безвременныхъ утѣшенийъ и слезъ мало- в и и .
«душныхъ!» У нее взяли сокровища, одѣж-
ды богатыя, даннія ей мужемъ: она не
жаловалась отъ гордости. Взяли и все имѣ-
ніе Воеводы Сенномирскаго: 10,000 рублей
денегами, кареты, лошадей, приборы кон-
скіе, вина, всего на 250,000 нынѣшихъ
рублей серебряныхъ (32), сказавъ ему: «воз-
«вратимъ тебѣ, что найдется твоимъ соб-
«ственнымъ; удержимъ достояніе казны
«Царской.» Въ свиданіи съ Боярами Мни-
шекъ не скрывалъ глубокой своей печали,
ни раскаянія, вѣроятно искренняго, бывъ
знакоменитѣйшимъ Вельможею въ отечествѣ и
видя себя невольникомъ въ странѣ чуждой,
гдѣ народная месть, имъ заслуженная, угро-
жала ему гибелю или узами, послѣ его
сновидѣнія о Державномъ величіи. Бояре
обѣщали Мнишку не только безопасность,
но и свободу, если Король удостовѣ-
ритъ Василія въ истинномъ расположеніи
къ миру (33).

Они имѣли нѣсколько свиданій и съ
Послами Литовскими. Первое было 27 Мая,
во дворцѣ, гдѣ сіи Паны замѣтили ра-
зительную перемѣну: исчезла пышность
Лжедимитріева времени; скрылись блестя-
щіе золотомъ тѣлохранители и Стрѣльцы;

самые знатные чиновники, угодя вкусу Васи-
ліеву къ бережливости, не отличались богат-
ствомъ платья. Вмѣсто роскоши и веселія, явля-
лись вездѣ простота, угрюмая важность, без-
молвная печаль (³⁴). «Намъ казалось» — пишутъ
Ляхи очевидцы — «что Дворъ Московскій готов-
ился къ погребенію.» Князья Мстиславскій,
Дмитрій Шуйскій, Трубецкій, Голицыны, Тати-
щевъ, приняли Олесницкаго и Госѣвскаго въ
той же палатѣ, въ коей они бессѣдовали съ ними
именемъ Лжедимитрія, называя его тогда *непо-
бѣдимымъ Цесаремъ*, а въ сіе время гнуснымъ
исчадіемъ ада! Мстиславскій произнесъ силь-
ную рѣчь о злодѣйскомъ убіеніи истиннаго сына
Іоаннова по волѣ Годунова, о нелѣпомъ само-
званствѣ Разстріги, о козняхъ Сигизмундо-
выхъ, желая доказать, что бродяга безъ вспо-
моженія Ляховъ никогда не овладѣлъ бы Мо-
сковскимъ престоломъ; что сей бродяга до-
стойно казненъ Россію, а не многіе Ляхи, въ
часть мятежа, убиты чернію за ихъ наглость,
безъ вѣдома Бояръ и Дворянства. «Однимъ
«словомъ» — заключилъ Мстиславскій — «кто
«виною зла и всѣхъ бѣдствій? Король и вы,
«Паны, нарушивъ святость мирнаго договора
«и крестнаго цѣлованія.»

Олесницкій и Госѣвскій тихо совѣтовались
другъ съ другомъ и дали отвѣтъ не менѣе силь-
ный, изъясняясь смѣло, и если не во всемъ
искренно, то по крайней мѣрѣ умно и благо-
родно. «Мы слышали о бѣдственной кончинѣ

«Димитрія» — говорили Паны — «и жа-Рѣчъ
«лѣли обѣ ней какъ Христіане , гиушаясь По-
«убійцею. Но явился человѣкъ подъ име- словъ
«немъ сего Царевича , свидѣтельствуясь Литов-
«разными примѣтами въ истинѣ своего скихъ.
«увѣренія, и сказывая , какъ онъ спасенъ
«Небомъ отъ убійца,— какъ Борисъ тайно
«умертилъ Царя Феодора, истребилъ знат-
«нійшіе роды Дворянскіе , тѣспилъ , гиаль
«всѣхъ людей именитыхъ. Не то ли самое
«говорили намъ о Борисѣ и иѣкоторые
«изъ васъ , мужей Думныхъ? И читая
«Исторію, не находимъ ли въ ней примѣ-
«ровъ , что мнимо-усопшіе являются ипо-
«гда живы въ казнь злодѣйству? Но мы
«еще не вѣрили бродягѣ : повѣриль ему
«только добросердечный Воевода Сендо-
«мирскій , и не ему одному, по многимъ
«Россіянамъ , признавшимъ въ немъ Ди-
«митрія ⁽³⁵⁾: они клялися , что Россія
«ждеть его; что города и войско сладутся
«Іоаннову наслѣднику. Дѣйствуя само-
«вольно , Мишекъ хотѣлъ быть свидѣте-
«лемъ торжества Димитріева — и былъ;
«но , повинуясь указу Королевскому , воз-
«вратился , чтобы не нарушить мира , за-
«ключеннаго нами съ Годуновымъ. Дими-
«трій , какъ онъ называлъ себя , остался
«въ землѣ Сѣверской единственно съ Рос-
«сіянами , Донскими и Запорожскими Ко-
«заками : чтожь сдѣлали Россіяне? пали

«къ ногамъ его : воеводы и войско. Что сдѣ-
«лали и вы, Бояре? выгѣхали къ нему на встрѣчу
«съ Царскою утварю ; вопили , что принимаете
«Государя любимаго отъ Бога, и кипѣли гнѣ-
«вомъ , когда Ляхи смѣли утверждать , что они
«дали Царство Димитрію. Мы , Послы , собствен-
«ными глазами видѣли , какъ вы предъ нимъ
«благоговѣли. Здѣсь , въ сей самой палатѣ , раз-
«суждая съ нами о дѣлахъ государственныхъ ,
«вы не изъявляли ни малѣйшаго сомнѣнія о
«родѣ его и санѣ. Однимъ словомъ , не мы По-
«ляки , но вы Русскіе признали своего же Рус-
«скаго бродягу Димитріемъ , встрѣтили съ хлѣ-
«бомъ и солью на границѣ , привели въ сто-
«лицу , короновали и . . . убили; вы начали , вы
«и кончили. Для чего же вините другихъ? Не
«лучше ли молчать и каяться въ грѣхахъ , за
«которые Богъ наказалъ васъ такимъ ослѣпле-
«ніемъ ? Не говоримъ о клятвопреступленіи и
«цареубийствѣ ; не осуждаемъ вашего дѣла , и не
«симѣемъ причины жалѣть о семъ человѣкѣ , ко-
«торый въ вашихъ глазахъ оскорблялъ насть ,
«величался , безумно требовалъ неслыханныхъ
«титуловъ и едва ли могъ быть надежнымъ дру-
«гомъ нашего отечества ; но дивимся , что вы ,
«Бояре , какъ люди извѣстно умные , дозволяете
«себѣ суесловить , желая оправдать душегубство:
«безчеловѣчное избіеніе нашихъ братьевъ . . . .
«Они не воевали съ вами , не помогали вашему
«Лжедимитрію , не хранили его : ибо онъ ввѣ-
«рилъ жизнь свою не имъ , а вамъ единственно !

«Слагаете вину на чернь: повѣримъ тому,
«если можно; повѣримъ, если вы невре-
«димо отпустите съ нами Воеводу Сендо-
«мирскаго, дочь его и всѣхъ Ляховъ къ
«Королю, лабы мы своимъ миролюбивымъ
«ходатайствомъ обезоружили месть готов-
«вую. Но доколѣ, вопреки Народному Пра-
«ву, уважаемому и варварами, будете дер-
«жать насть, какъ бы плѣнниковъ, дотолѣ
«въ глазахъ Короля, Республики и всей
«Европы не чернь Московская, а вы съ
«вашимъ новымъ Царемъ останетесь ви-
«новниками сего кровопролитія, и не въ
«безопасности. Разсудите!»

Бояре слушали съ великимъ вниманіемъ и долго сидѣли въ молчаніи, смотря другъ на друга; наконецъ отвѣтствовали Папамъ: «Вы были Послами у Самозванца, а теперь «уже не Послы: слѣдственно не должно «говорить вамъ такъ вольно и смѣло» (36); но разстались съ ними ласково; видѣлись снова, и сказали имъ, что Василій милостиво приказалъ освободить всѣхъ нечиновныхъ Ляховъ и вывезти за границу; но что Послы, Воевода Сенномирскій и другіе знатные Паны должны ждать въ Россіи рѣшенія судьбы своей отъ Сигизмунда, къ коему ѿдетъ Царскій чиновникъ для важныхъ объясненій и переговоровъ. Дворянинъ Князь Григорій Волконскій по- послѣдствію къ медленно былъ посланъ въ Краковъ. Оле-

мунду
43 Ю-
на.

ницкій и Госъвскій остались въ Москвѣ подъ стражею ; Миншка съ дочерью вывезли въ Ярославль , Вишневецкаго въ Кострому , товарищѣ ихъ въ Ростовъ и Тверь (37). Они имѣли дозволеніе писать къ Королю , и писали миролюбиво , желая какъ можно скорѣ избавиться отъ неволи , чтобы говорить и дѣйствовать иначе.

Ужѣ слухъ о гибели Самозванца и многихъ Ляховъ въ Москвѣ встревожилъ всю Польшу : въ городахъ и въ мѣстечкахъ Литовскихъ останавливали Князя Волконскаго и Дьяка его , безчестили , ругали , называли убийцами , злодѣями (38) ; метали въ ихъ людей камнями и грязью ; а Королевскіе чиновники отвѣчали имъ на жалобы , что никакая власть не можетъ упять народнаго негодованія . Бывъ четыре мѣсяца въ дорогѣ , Волконскій пріѣхалъ въ Krakovъ , где Сигизмундъ встрѣтилъ его съ лицемъ угрюмымъ , не звалъ къ обѣду , не удостоилъ ни одного ласковаго слова , и скрывъ печаль свою о судьбѣ Жедими-трія , отъ коего Польша ждала столько выгодъ , слушалъ хладно извѣщеніе о новомъ Самодержцѣ въ Россіи . Въ перегово-рахъ съ Коронными Панами , Волконскій доказывалъ тоже , что наши Бояре доказывали въ Москвѣ Посламъ Сигизмундо-вымъ ; а Паны отвѣтствовали ему тоже , что Послы Боярамъ . Мы говорили Ля-

хамъ : «Вы дали памъ Жедимитрія!» Ляхи возражали : «Вы взяли его съ благодарно-«стю!» Но съ обѣихъ сторонъ умѣряли колкость выражений, оставляя слово на миръ. Волконскій требовалъ удовлетворенія за бѣдствіе, претерпѣнное Россіею отъ Самозванца : за гибель многихъ людей и расхищеніе нашей казны ; Король же требовалъ освобожденія своихъ Пословъ и платежа за товары, взятые Жедимитріемъ у купцовъ Литовскихъ и Галицкихъ , или разграбленные чернію Московскою въ день мятежа. Не могли согласиться, однакожъ не грозили войною другъ другу. «Шве-«ція» — сказалъ Волконскій — «уступаетъ «Царю знатную часть Ливоніи, желая его «вспоможенія; но онъ не хочетъ нарушить «прежняго мирнаго договора.» Паны увѣряли , что они также не нарушатъ сего договора , если мы будемъ соблюдать его. Ничего не рѣшили и ни въ чемъ не условились. Сигизмундъ не взялъ даровъ отъ Волконского , и хотѣлъ писать съ нимъ къ Василію ; по Волконскій отвѣчалъ : «я не «гонецъ.» Король велѣлъ емуѣхать къ Царю съ поклономъ , сказавъ , что пришель въ Москву собственнаго чиновника ; но медлилъ , ужѣ зная о новыхъ мятежахъ Россіи и готовясь воспользоваться ими, какъ сосьдь дѣятельный въ ненависти къ ся величию.

Сноше-
нія съ
Европою и
съ
Азією.

Еще Василій имѣлъ время возобновить дружественныя сношения съ Императоромъ, съ Королями Англійскимъ и Датскимъ⁽³⁹⁾. Гонецъ Рудольфовъ и Посланникъ Шведскій находились въ Москвѣ. Непримиримый врагъ врага нашего, Сигизмунда, Карль IX ревностно искалъ союза Россіи, и Василій дѣйствительно не спѣшилъ заключить его, въ надеждѣ обойтись безъ войны съ Сигизмундомъ. Ханъ Казы-Гирей увѣрялъ Царя въ братствѣ, Ногайскій Князь Иштерекъ въ повиновеніи⁽⁴⁰⁾. Воевода Князь Ромодановскій отправился къ Шаху Аббасу для важныхъ переговоровъ о Турціи и Христіанскихъ земляхъ Востока. Еще Дворъ Московскій занимался дѣлами Европы и Азіи, политикою Австріи и Персіи; но скоро опасности ближайшія, внутреннія, многочисленныя и грозныя скрыли отъ насть внѣшность, и Россія, терзая свои иѣдра, забыла Европу и Азію! . . . Сіи новыя бѣдствія началися такимъ образомъ:

Матеjiи
въ Мо-
скве.

Въ первые дни Іюня, ночью, тайные злодѣи, всегда готовые подвижники въ бурныя времена гражданскихъ обществъ — желая ли только беззаконной корысти, или чего важнѣйшаго, бунта, убийствъ, испроверженія верховной власти — написали мѣломъ на воротахъ у богатѣйшихъ иноземцевъ и у нѣкоторыхъ Бояръ и Дво-

рянь, что Царь предаетъ ихъ домы расхищенню за измѣну (⁴¹). Утромъ скопилось тамъ множество людей, и грабители приступили къ дѣлу; но волнікія дружины успѣли разогнать ихъ безъ кровопролитія.

Чрезъ нѣсколько лней новое смятеніе. Увѣрили народъ, что Царь желаетъ говорить съ нимъ на лобномъ мѣстѣ. Вся Москва пришла въ движенье, и Красная Площадь наполнилась любопытными, отчасти и зломысленными, которые лукавыми внушеніями подстрекали чернь къ мятежу. Царь шелъ въ церковь; услышалъ необыкновенный шумъ виѣ Кремля, свѣдалъ о созваніи народа и велѣлъ немедленно узнать виновниковъ такого беззаконія; остановился и ждалъ донесенія, не трогаясь съ мѣста.

Бояре, Царедворцы, сановники окружали его: Василій безъ робости и гиѣва началъ укорять ихъ въ непостоянствѣ и въ легкомысліи, говоря: «Вижу вашъ умыселъ; но для чего лукавствоватъ, ежели я вамъ не угоденъ? Кого вы «избрали, того можете и свергнуть. Будьте спокойны: противиться не буду» (⁴²). Слезы текли изъ глазъ сего несчастнаго властолюбца. Онъ кинулъ жезль Царскій, снялъ вѣнецъ съ головы и примолвилъ: «Ищите же другаго Царя!» — Всѣ молчали отъ изумленія. Шуйскій надѣль снова вѣнецъ, поднялъ жезль и сказалъ: «Если «я Царь, то мятежники да трепещутъ! Чего хотятъ они? смерти всѣхъ невинныхъ иноземцевъ, всѣхъ лучшихъ, знаменитѣйшихъ Рос-

«сіяпъ, и моей; по крайней мѣрѣ насилия и грабежа. Но вы знали меня, избирая въ Цари: «имѣю власть и волю казнить злодѣевъ.» Всѣ единогласно отвѣтствовали: Ты нашъ Государь законный! Мы тебѣ присягали и не измѣнимъ! Гибель крамольникамъ!» — Объявили указъ гражданамъ мирно разойтися, и никто не ослушался; схватили пять человѣкъ въ толпахъ, какъ возмутителей народа, и высѣкли кнутомъ. Доискивались и тайныхъ, знатнѣйшихъ крамольниковъ; подозрѣвали Нагихъ: думали, что они волнуютъ Москву, желая свести Шуйского съ престола, собрать Великую Думу Земскую и вручить державу своему ближнему, Князю Мстиславскому. Изслѣдовали дѣло, честно и добросовѣтно; выслушали отвѣты, свидѣтельства, оправданія, и торжественно признали невинность скромнаго Мстиславского, не тронули и Нагихъ; сослали одного Боярина Петра Шереметева, Воеводу Псковскаго, также ихъ родственника, дѣйствительно уличеннаго въ козняхъ. Шуйскій въ семъ случаѣ оказалъ твердость и не нарушилъ данной имъ клятвы судить законно. Ему готовились искушенія важнѣйшія!

Столица утихла до времени; но знатная часть Государства уже пылала бунтомъ!... Тамъ, гдѣ явился первый Лжедимитрій, явился и второй, какъ бы въ посмѣяніе Россіи, снова требуя легковѣрія или безстыдства, и находя его въ ослѣщеніи или въ развратѣ людей, отъ черни до Вельможнаго сана.

Казалось, что Самозванецъ, всѣми оставленный въ часъ бѣдствія, не имѣлъ ни друзей, ни приверженниковъ, кромѣ Басманова. Тѣ, коихъ онъ любилъ сть довѣренностию, осыпалъ милостями и наградами, громогласище другихъ кляли память его, желая неблагодарностию спасти себѧ — и спаслися: сохранили всю добычу измѣны, санъ и богатство. Нѣкоторые изъ нихъ умѣли даже сискать довѣренность Василіеву: такъ Князь Григорій Петровичъ Шаховскій, извѣстный любимецъ Разстрігина, былъ посланъ Воеводою въ Путівль, на смѣну Князю Бахтъярову, честному, но, можетъ быть, не весьма расторопному и смѣлому (⁴³). Правительство знало важность сего назначенія: нигдѣ граждане и чернь не оказывали столько усердія къ Самозванцу и не могли столько бояться новаго Цара, какъ въ земль Сѣверской, гдѣ оставалось еще не мало бродягъ, бѣглыхъ разбойниковъ, злодѣевъ, сподвижниковъ Отрепьева (⁴⁴), и куда многие изъ нихъ, послѣ его гибели, спѣшили возвратиться. Шаховскій безъ сомнѣнія говорилъ Василію тоже, что Басмановъ несчастному Феодору (⁴⁵), — и сдѣлалъ тоже. Рожденный въ свое время, въ вѣкъ мятежей и беззаконій, со всѣми качествами, нужными для первенства въ оныхъ, Шаховскій пыталъ непавистію къ виновникамъ Лжедимитріевой гибели; зналъ расположение народа Сѣверского и неудовольствие многихъ Россіянъ, которые имѣли право участвовать и не участвовали въ избраниі Вѣнценосца; зналъ

волненіе умовъ и въ Москвѣ и въ цѣломъ Государствѣ, смятенномъ бунтами и еще не совсѣмъ успокоенномъ властію закона; считалъ Державство Василія нетвердымъ, обстоятельства благопріятными, и, прельщаясь блескомъ великой отваги, рѣшился на злодѣйство, удивительное и для сего времени: созвалъ гражданъ въ Путивлѣ, Бунтъ
Шахов-
скаго. и сказалъ имъ торжественно, что Московскіе измѣнники, вместо Димитрія, умертвили какого-то Нѣмца; что Димитрій, истинный сынъ Ioannovъ, живъ, но скрывается до времени, ожидая помощи своихъ друзей Сѣверскихъ; что злобный Василій готовить жителямъ Путивля и всей Украины, за оказанное ими усердіе къ Димитрію, жребій Новогородцевъ, истерзанныхъ Ioannомъ Грознымъ (⁴⁶); что не только за истиннаго Царя, но и для собственнаго спасенія они должны возстать на Шуйскаго. Народъ не усомнился, и возсталъ. Казалось, что всѣ города южной Россіи ждали только примѣра: Моравскъ, Черниговъ, Стародубъ, Новгородъ-Сѣверскій немедленно, а скоро и Бѣлгородъ, Борисовъ, Осколъ, Трубчевскъ, Кромы, Ливны, Елецъ, отложились отъ Москвы. Граждане, Стрѣльцы, Козаки, люди Боярскіе, крестьяне толпами стекались подъ знамя бунта, выставленное Шаховскимъ и другимъ, еще знатнѣйшимъ сановникомъ,

Черниговскимъ Воеводою , мужемъ Думнымъ, нѣкогда вѣрнымъ закону : Княземъ Андреемъ Телятевскимъ . Сей человѣкъ удивительный , не хотѣвъ вмѣстѣ съ цѣлымъ войскомъ предаться живому , торжествующему Самозванцу , съ шайками крамольниковъ предался его тѣни , имени безъ существа , ослѣпленный заблужденіемъ или непріязнью къ Шуйскимъ : такъ люди , кромѣ истинно великодушныхъ , измѣняются въ государственныхъ смятеніяхъ ! Еще не видали никакого Димитрія , ни лица , ни меча его , и все пытало къ нему усердіемъ , какъ въ Борисово и Феодорово время ! Сіе роковое имя съ чудною легкостію побѣжало власть законную , уже не обольщая милосердіемъ , какъ прежде ⁽⁴⁷⁾ , но устрашая муками и смертію . Кто не вѣрилъ грубому , безстыдному обману , — кто не хотѣлъ измѣнить Василію и дерзalъ противиться мятежу : тѣхъ убивали , вѣшали , кидали съ башенъ , распинали ! Такъ , еще ко славѣ отечества , погибли Воеводы , Бояринъ Князь Буйносовъ въ Бѣлгородѣ , Бутурлинъ въ Осколѣ , Плещеевъ въ Ливнахъ , двое Всейковыхъ , Пушкинъ , Князь Щербатый , Бартеневъ , Мальцовъ ; другихъ ввергали въ темницы . Злодѣйствомъ доказывалась любовь къ Царю ; вѣрность называли измѣною , богатство преступленіемъ : холопи грабили имѣніе господъ своихъ , безчестили ихъ женъ , женились на дочеряхъ Боярскихъ . Плавая въ крови , утопая въ мерзостяхъ насилия , терпѣливо ждали Димитрія , и едва

спрашивали : гдѣ онъ ? Увѣряя въ необходимости молчанія до некотораго времени, Шаховскій давалъ однокожь разумѣть , что солнце взойдетъ для Россіи — изъ Сен-домира !

Могъ ли одинъ человѣкъ предпріять и совершить такое дѣло , равно ужасное и нелѣпое, безъ условія съ другими, безъ приготовленія и заговора ? Шаховскій имѣлъ клевретовъ въ Москвѣ , гдѣ скоро по убѣніи Лжедимитрія распустили слухъ , что онъ живъ , за нѣсколько часовъ до мятежа , ночью , ускакавъ верхомъ съ двумя царевнами , непрѣвестно куда . Въ то же время видѣли на берегу Оки , близъ Серпухова , трехъ необыкновенныхъ , таинственныхъ путешественниковъ : одинъ изъ нихъ даль неревозчику семь золотыхъ и сказалъ : «Знаешь ли насъ ? Ты перевезъ Государя Димитрія Іоанновича , который спасается отъ «Московскихъ измѣнниковъ , чтобы возвратиться съ сильнымъ ополченіемъ , казнить ихъ , а тебя сдѣлать великимъ человѣкомъ ⁽⁴⁸⁾ . Вотъ онъ ! » примолвилъ незнакомецъ , указавъ на младшаго изъ спутниковъ , и немедленно удалился вмѣстѣ съ ними . Многіе другіе видѣли ихъ и далѣе , за Тулою , около Путивля , и слышали тоже . Сіи путешественники , или бѣглецы , выѣхали изъ предѣловъ Россіи въ Литву , — и Лжедимитрій вдругъ вся Польша заговорила о Димитріи ,

который будто бы ушелъ изъ Москвы въ одѣждѣ Инока, скрываются въ Сенномирѣ и ждетъ счастливой для него перемѣны обстоятельствъ въ Россіи. Посоль Василіевъ, Князь Волконскій, будучи въ Krakовѣ, свѣдалъ, что жена Мпинкова дѣйствительно объявила какого-то человѣка своимъ зятемъ Димитріемъ; что онъ живеть то въ Сенномирѣ, то въ Самборѣ, въ ея домѣ и въ монастырѣ, удаляясь отъ людей; что мнимая теща купила для него богатыя одѣжды и приняла 200 слугъ и тѣлохрапителей; что съ нимъ только одинъ Москвитянинъ, Дворянинъ Заболоцкій, но что многіе знатные Россіяне, и въ числѣ ихъ Князь Василій Мосальскій, ему тайно благопріятствуютъ (49). Новый Самозванецъ ни мало не сходствовалъ наружностю съ первымъ: былъ выше его, лицемъ не бѣль, а смуглъ; имѣль волосы кудрявые, черные (вместо рыжеватыхъ); глаза большіе, брови густыя, навислые, носъ поклонный, бородавку среди щеки, усть и бороду стриженню; по такъ же, какъ Отрепьевъ, говорилъ твердо языкомъ Польскимъ и разумѣмъ Латинскій. Волконскій удостовѣрился, что сей обманщикъ былъ Дворянинъ Михайло Молчановъ, гнусный убийца юнаго Царя Феодора (50), и мнимый чернокнижникъ, съченный за то кнутомъ въ Борисово время: онъ скрылся въ началѣ Василіева царствованія. Дѣйствуя по условію съ Шаховскимъ, Молчановъ успѣлъ въ главномъ дѣлѣ: оставилъ воскресеніе Разстрѣги, чтобы питать

мятежъ въ землѣ Сѣверской; но не спѣшилъ явиться тамъ, гдѣ его знали, и готовился передать имя Димитрія иному, менѣе извѣстному или дерзновеннѣйшему злодѣю.

Уже самыи первый слухъ о бѣгствѣ Разстрѣги встревожилъ Московскую чернь, которая, три дни терзая мертваго Лжецаря, не знала, вѣрить ли или не вѣрить его спасенію: ибо думала, что онъ, какъ извѣстный чародѣй, могъ ожить силою адскою, или въ часть опасности сдѣлаться невидимымъ и подставить другаго на свое мѣсто; нѣкоторые даже говорили, что человѣкъ, убитый вместо Лжедимитрія, походилъ на одного молодаго Дворянина, его любимца, который съ сего времени пропалъ безъ вѣсти (⁵¹). Дѣйствовала и любовь къ чудесному и любовь къ мятежамъ: «чернь Московская» (пишутъ свидѣтели очевидные) «была готова мѣнять Царей еженедѣльно, въ надеждѣ доискаться лучшаго или своеvolentствовать въ безначаліи» — и люди, обагренные, можетъ быть, кровью Самозванца, вдругъ начали жалѣть объ его дняхъ веселыхъ, сравнивая ихъ съ унылымъ царствованіемъ Василія! Но легковѣrie многихъ и зломысліе нѣкоторыхъ не могли еще произвести общаго движенія въ пользу Разстрѣги тамъ, гдѣ онъ воскресъ бы къ ужасу своихъ измѣнниковъ и душегубцевъ, — гдѣ всѣ, отъ Вельможъ до мѣщанъ, хвалились его убієniемъ. Клевреты Шаховскаго въ столицѣ желали единственно волnenія, беспокойства народ-

наго , и вмѣстѣ съ слухами распространяли письма отъ имени Лжедимитрія , кидали ихъ на улицахъ , прибивали къ стѣнамъ ⁽⁵²⁾ : въ сихъ грамотахъ упрекали Россіянъ неблагодарностю къ милостямъ великодушнѣйшаго изъ Царей , и сказывали , что Димитрій будетъ въ Москвѣ къ Новому году . Государь всѣльѣ искать виновниковъ такого возмущенія ; призывали всѣхъ Дьяковъ , сличали ихъ руки съ подметными письмами , и не открыли сочинителей ⁽⁵³⁾ .

Еще Правительство не уважало сихъ козней , изъясняя оныя безсильною злобою тайныхъ , малочисленныхъ друзей Разстригинихъ ; но свѣдавъ въ одно время о бунтѣ южной Россіи и Сеномирскомъ Самозванцѣ , увидѣло опасность и спѣшило дѣйствовать — сперва убѣженіемъ . Василій послалъ Крутицкаго Митрополита Пафнутія въ Сѣверскую землю ⁽⁵⁴⁾ , образумить ея жителей словомъ истины и милосердія , закона и совѣсти : Митрополита не приняли и не слушали . Царица-Инокиня Мареа , исполненная ревности загладить вину свою , писала къ жителямъ всѣхъ городовъ Украинскихъ , свидѣтельствуя предъ Богомъ и Россіею , что она собственными глазами видѣла убієніе Димитрія въ Угличѣ и Самозванца въ Москвѣ ⁽⁵⁵⁾ ; что одни Ляхи и злодѣи утверждаютъ противное ; что Царь великодушный далъ ей слово покрыть милосердіемъ вину заблужденія ; что не только возмущенные , но даже и возмутители могутъ жить безопасно и мирно въ домахъ своихъ ,

если изъявятъ раскаяніе; что она шлетъ къ нимъ брата, Боярина Григорія Нагаго, и святый образъ Димитріевъ, да услышать истину, да зрять Ангельское лицо ся сына, который быль рожденъ любить, а не терзать отечество смутами и злодѣйствами. Ни грамоты, ни Посольства не имѣли успѣха. Бунтъ кипѣлъ; остервененіе возраста-
ло. Дѣйствуя неусыпно, Шаховскій звалъ всю Россію соединиться съ Украиною; пи-
салъ указы именемъ Димитрія и прикла-
дывалъ къ нимъ печать государственную,
которую онъ похитилъ въ день Москов-
скаго мятежа (⁵⁶). Рать измѣнниковъ уси-
ливалась и выступала въ поле, съ Воево-
дою достойнымъ такого начальства, холо-
помъ Князя Телятевскаго, Иваномъ Болот-
никовымъ. Сей человѣкъ, взятый въ плѣнъ
Татарами, проданный въ неволю Туркамъ
и выкупленный Нѣмцами въ Константино-
поль, жилъ иѣсколько времени въ Венеціи,
захотѣлъ возвратиться въ отечество, услы-
шалъ въ Польшѣ о мнимомъ Димитріи,
предложилъ ему свои услуги и явился съ
письмомъ отъ него къ Князю Шаховскому
въ Путивль. Внутренno вѣря или не вѣря
Самозванцу, Болотниковъ воспламенилъ
другихъ любопытными обѣ нѣмъ разска-
замъ; имѣя умъ смѣтливый, иѣкотория
знанія воинскія и дерзость, сдѣлался глав-
нымъ орудіемъ мятежа, къ коему при-

стали еще двое Князей Мосальскихъ и Михаило Долгорукій (⁵⁷).

Видя необходимость кровопролитія, Василій велѣлъ полкамъ ити къ Ельцу и Кромамъ. Предводительствовали Бояринъ Воротынскій, сынъ отца столь знаменитаго, и Князь Юрій Трубецкій, Столъникъ, удостоеный необыкновенной чести имѣть мужей Думныхъ подъ своими знаменами (⁵⁸). Воротынскій близъ Ельца разсыпалъ шайки мятежниковъ; по чиновникъ Царскій, везя къ нему золотыя медали въ награду его мужества, вмѣсто побѣдителей встрѣтилъ бѣглецовъ на пути. Гдѣ нѣкогда самъ Шуйскій съ сильнымъ войскомъ не умѣлъ одолѣть горсти измѣниковъ, и гдѣ измѣна Басманова рѣшила судьбу отечества, тамъ, въ виду несчастныхъ Кромъ, Болотниковъ напалъ на 5000 Царскихъ всадниковъ: они, съ Княземъ Трубецкимъ, дали тылъ; за ними и Воротынскій ушелъ отъ Ельца; винили, обгоняли другъ друга въ срамномъ бѣгствѣ, и какъ бы еще имѣя стыдъ, не хотѣли явиться въ столицѣ: разыѣхались по домамъ, сложивъ съ себя обязанность чести и защитниковъ Царства (⁵⁹).

Побѣдитель Болотниковъ ругался надъ измѣнимыми: называлъ ихъ кровопийцами, злодѣями, бунтовщиками, а Царя Василія Шубникомъ (⁶⁰); велѣлъ однихъ утопить,

другихъ вести въ Путивль для казни ; пѣ-
которыхъ сѣчь плетьми и едва живыхъ
отпустить въ Москву ; шелъ впередъ и воз-
становлялъ Державу Самозванца. Орель ,
Мценскъ , Тула , Калуга , Веневъ , Кашира ,
вся земля Рязанская пристали къ бунту ,
вооружились , избрали начальниковъ : Сына
Боярского Истому Пашкова , Вепевского
Сотника ⁽⁶¹⁾ ; Григорія Сунбулова , быв-
шаго Воеводою въ Рязани , и тамошняго
Проко-
пій Ля-
пуновъ. Дворянина Прокопія Ляпунова , дотолѣ
неизвѣстнаго , отселъ знаменитаго , создан-
наго быть вождемъ и повелителемъ людей
въ безначаліи , въ мятежахъ и буряхъ , —
одареннаго красотою и крѣпостію тѣлес-
ною , силою ума и духа , смѣлостію и муже-
ствомъ ⁽⁶²⁾ . Сie новое войско отличалось
ревностію чистѣйшею , составленное изъ
гражданъ , владѣльцевъ , людей домови-
тыхъ . Бывъ первыми , усерднѣйшими кле-
вретами Басманова ⁽⁶³⁾ въ измѣнѣ Феодору ,
они хотя и присягнули Василію , но осуж-
дали дѣло Москвитянъ , убіеніе Разстріги ,
и думали , что присяга Шуйскому сама со-
бою уничтожается , когда живъ Димитрій ,
старѣйший и слѣдственно одинъ Вѣнцено-
сецъ законный . Но ревность ихъ также
вела къ злодѣйствамъ : лилась кровь вои-
новъ и гражданъ , вѣрныхъ чести и Васи-
лію . Рязанскій Намѣстникъ , Бояринъ Князь
Черкасскій , Воеводы Князь Тростенскій ,

Вердеревскій, Князь Каркадиновъ⁽⁶⁴⁾, были скованы отправлены Ляпуновымъ въ Путівль на судъ или смерть. Разбойники Сѣверскіе жги, опустошали селенія; грабя, не щадили и святыни церквей; срамили человѣчество гнуснѣйшими дѣлами⁽⁶⁵⁾. Ужасъ распространялъ измѣну, какъ буря пламень, съ неимовѣрною быстротою, отъ предѣловъ Тулы и Калуги къ Смоленску и Твери: Дорогобужъ, Вязьма, Ржевъ, Зубцовъ, Старица предались тѣни Жедимитрія, чтобы спастися отъ ярости мятежниковъ; но Тверь, издревле славная въ нашихъ лѣтописяхъ вѣрностю, не измѣнила: достойный ея Святитель Феоктистъ, великодушно негодуя на слабость Воеводъ, явился бодрымъ Стратигомъ: ополчилъ Духовенство, людей приказныхъ, собственныхъ Дѣтей Боярскихъ, гражданъ, разбилъ многочисленную шайку злодѣевъ⁽⁶⁶⁾ и послалъ къ Государю нѣсколько сотъ плѣнныхъ.

Встревоженный бѣгствомъ Воеводъ отъ Ельца и Кромъ, бѣгствомъ чиновниковъ и рядовыхъ отъ Воеводъ и знаменъ, — наконецъ силою, успѣхами бунта, Василій еще не смущился духомъ, имѣя данное ему отъ природы мужество, если не для одолѣнія бѣдствій, то по крайней мѣрѣ для великодушной гибели. Лѣтописецъ говоритъ, что Царь безъ искусствъ Стратиговъ и безъ казны есть орелъ безкрылый, и что таковъ былъ жребій Шуйского⁽⁶⁷⁾. Борисъ оставилъ преемнику казну и только одного слав-

наго храбростю Воеводу, Басманова-измѣни-
ника : Лжедимитрій-расточитель не оsta-
вилъ ничего , кромѣ измѣниковъ ; по Ва-
силій дѣлалъ , что могъ . Объявивъ всенаро-
дно о происхожденіи мятежа — о нелѣ-
шой баснѣ Разстрѣгина спасенія , о сон-
мицѣ воровъ и негодяевъ , коимъ имя Ди-
митрія служить единственно предлогомъ
для злодѣйства (63) , въ самыхъ тѣхъ мѣ-
стахъ , гдѣ жители , ими обманутые , ветрѣ-
чаютъ ихъ какъ друзей , — Царь выслалъ въ
поле новое сильнѣшее войско , и какъ бы
спокойный сердцемъ , какъ бы въ мирное ,
безмятежное время , удуналъ загладить не-
справедливость современниковъ въ глазахъ
потомства : снять опалу съ памяти Вѣнце-
носца , хотя и неизвестнаго за многія дѣла
злыя , но достойнаго хвалы за многія госу-
дарственные благотворенія : велѣль , пыш-
но и великолѣпно , перенести тѣло Бориса ,
Маріи , юнаго Феодора , изъ бѣдной обители
Св. Варсонофія въ знаменитую Лавру Сер-
гіеву . Торжественно огласивъ убіеніе и
святость Димитрія , Шуйскій не смѣль
приблизить къ его мощамъ гробъ убійцы
и снова поставить между Царскими памят-
никами ; по хотѣль симъ дѣйствіемъ ува-
жить законнаго Монарха въ Годуновѣ , бу-
дучи также Монархомъ избраннымъ ; хотѣль
возбудить жалость , если не къ Борису
виновному , то къ Маріи и къ Феодору не-

Прене-
сеніе
тѣла
Бори-
сова.

виннымъ, чтобы произвести живѣйшее омерзѣніе къ ихъ гнуснымъ умертвителямъ, сообщникамъ Шаховскаго⁽⁶⁹⁾, жаднымъ къ новому цареубійству. Въ присутствіи безчисленнаго множества людей, всего Духовенства, Двора и Синклита, открыли могилы: двадцать Иноковъ взяли раку Борисову на плеча свои (ибо сей Царь скончался Инокомъ); Феодорову и Марину несли знатные сановники, провождаемые Святыми и Боярами. Позади Ѣхала, въ закрытыхъ саняхъ⁽⁷⁰⁾, несчастная Ксения, и громко вопила о гибели своего Дома, жалуясь Богу и Россіи на изверга Самозванца. Зрители плакали, воспоминая счастливые дни ея семейства, счастливые и для Россіи въ первые два года Борисова царствованія. Многіе обѣ немъ тужили, встревоженные настоящимъ, и страшася будущаго⁽⁷¹⁾. Въ Лаврѣ, виѣ церкви Успенія, съ благоговѣніемъ погребли отца, мать и сына; оставили мѣсто и для дочери, которая жила еще 16 горестныхъ лѣтъ въ Дѣвичьемъ монастырѣ Владимірскомъ, не имѣя никакихъ утѣшений, кромѣ небесныхъ⁽⁷²⁾. Новымъ погребеніемъ возвращая санъ Царю, лишенному онаго въ могилѣ, думалъ ли Василій, что пѣкогда и собственныя его кости будутъ лежать въ неизвѣстности, въ презрѣніи, и что великодушная жалость, справедливость и Политика также возвратятъ имъ честь Царскую⁽⁷³⁾?

Уже не только Политика мирила Василія съ Годуновымъ, но и злополучіе, разительное сход-

ство ихъ жребія. Обоимъ власть измѣняла; опоры того и другаго, видомъ крѣпкія, падали, рушились, какъ тлѣнъ и бреніе. Рати Василіевы, подобно Борисовымъ, цѣпенѣли, казалось, предъ тѣнью Димитрія. Юноша, ближній Государевъ, Князь Михаиль Скопинъ-Шуйскій, имѣль усіхъ въ битвѣ съ непріятельскими толпами на берегахъ Пахры (⁷⁴); но Воеводы главные, Князья Мстиславскій, Дмитрій Шуйскій, Воротынскій, Голицыны, Нагіе, имѣя съ собою всѣхъ Дворянъ Московскихъ, Стольниковъ, Стряпчихъ, Жильцовъ (⁷⁵), встрѣтились съ непріятелемъ уже въ пятидесяти верстахъ отъ Москвы, въ селѣ Троицкомъ (⁷⁶), сразились и бѣжали, оставивъ въ его рукахъ множество знатныхъ плѣнниковъ.

Мятежники подъ Москвою.

Уже Болотниковъ, Пашковъ, Ляпуновъ, взявъ, опустошивъ Колому, стояли (въ Октябрѣ мѣсяцѣ) подъ Москвою, въ селѣ Коломенскомъ; торжественно объявили Василія Царемъ сверженнымъ; писали къ Москвитянамъ, Духовенству, Синклиту и народу, что Дмитрій снова на престолѣ и требуетъ ихъ новой присяги (⁷⁷); что война кончилась и Царство милосердія начинается. Между тѣмъ мятежники злодѣйствовали въ окрестностяхъ, звали къ себѣ бродягъ, холопей; приказывали имъ рѣзать Дворянъ и людей торговыхъ, братъ ихъ женъ и до-

стояніе, обѣщаю имъ богатство и Воеводство⁽⁷⁸⁾; разсыпались по дорогамъ, не пускали запасовъ въ столицу, ими осажденную . . . Войско и самое Государство какъ бы исчезли для Москвы, преданной съ ея святынею и славою въ добычу неистовому бунту. Но въ сей ужасной крайности еще блеснулъ лучь великодушія: оно спасло Царя и Царство, хотя на время!

Василій, велѣвъ написать къ мятежникамъ, что ждетъ ихъ раскаянія, и еще медлить истребить жалкій сонмъ безумцевъ, спокойно устроилъ защиту города, предмѣстій и слободъ⁽⁷⁹⁾. Духовенство молилось; народъ постился три дни, и видя неустрешимость въ Государѣ, самъ казался неустрешимъ. Воины, граждане по собственному движению обязали другъ друга клятвою въ вѣрности, и никто изъ нихъ не бѣжалъ къ злодѣямъ⁽⁸⁰⁾. Полководцы, Князья Скопинъ-Шуйскій, Андрей Голицынъ и Татевъ расположились становъ у Серпуховскихъ воротъ, для наблюденія и для битвы въ случаѣ приступа. Высланные изъ Москвы отряды возстановили ея сообщеніе съ городами, ближними и дальними. Патріархъ, Святители писали всюду грамоты увѣщательныя: вѣрные одушевились ревностю, измѣнники устыдились. Тверь, Смоленскъ служили примѣромъ: ихъ Дворяне, Дѣти Боярскіе, люди торговые кинули семейства и спѣшили спасти Москву. Къ добрымъ Тверитянамъ присоединились жители Зубцова, Старицы, Ржева; къ добрымъ Смолянамъ граждане Вязмы, До-

рого бужа, Серпейска, уже не преступники отъ малодушія, но енова достойные Россіяне (⁸¹); вездѣ били злодѣевъ; выгнали ихъ изъ Можайска, Волока, Обители Св. Іосифа; не давали имъ пощады: казнили плѣнныхъ.

Тогда же въ Коломенскомъ станѣ открылась важная измѣна. Болотниковъ, называя себя Воеводою Царскимъ, хотѣлъ быть главнымъ (⁸²); по Воеводы, избранные городами, не признавали сей власти, требовали Дмитрія отъ него, отъ Шаховскаго: не видали, и начинали хладѣть въ усердіи. Ляпуновъ первый удостовѣрился въ обманѣ, и стыдясь быть союзникомъ бродягъ, холопей, разбойниковъ безъ всякой государственной, благородной цѣли, первый явился въ столицѣ съ повинною (вѣроятно, въ слѣдствіе тайныхъ, предварительныхъ сношеній съ Царемъ); а за Ляпуновымъ и всѣ Рязанцы, Суибуловъ и другіе. Василій простили ихъ и далъ Ляпунову санъ Думшаго Дворянина. Скоро и многіе иные сподвижники бунта, удостовѣренныя въ милосердіи Государя, перебѣжали изъ Коломенскаго въ Москву, гдѣ уже не было ни страха, ни печали: все ожило и пытало ревностію ударить на остальныхъ мятежниковъ. Василій медлилъ; изъявляя человѣколюбіе и жалость къ несчастнымъ жертвамъ заблужденія (⁸³), говорилъ: «Они также Русскіе и Христіане: молюся о спасеніи ихъ душъ, да раскаются, и кровь отечества да не ліется въ междоусобіи!» Василій или дѣйствительно надѣялся

утушить бунтъ безъ дальнѣйшаго кровопролитія , торжественно предлагая милость самыи главныи виновникамъ онаго , или для вѣрнѣйшей побѣды ждалъ Смолянъ и Тверитянъ : они соединились въ Можайскѣ съ Воеводою Царскими Колычевыми и приближались къ столицѣ.

Еще мятежники упорствовали въ намѣреніи овладѣть Москвою ; укрѣпили Коломенскій станъ валомъ и тыномъ , терпѣливо сносили непастье и холодъ глубокой осени ; приступали къ Симонову монастырю ⁽⁸⁴⁾ и къ Гонной или Рогожской слободѣ ; были отражены , лишились многихъ людей , и все еще не унывали — по крайней мѣре Болотниковъ : онъ не слушалъ обѣщаній Василія забыть его вину и дать ему знатный чинъ ⁽⁸⁵⁾ , отвѣтствуя : « я клялся Димитрію умереть за него , и сдержу слово : буду въ Москвѣ не изъмѣнникъ , а побѣдителемъ ; » уже видѣль знамена Тверитянъ и Смолянъ на Дѣвичьемъ полѣ ; видѣль движение въ войсکѣ Московскому , и смѣло ждалъ битвы неравной . Василій , самъ опытный въ дѣлѣ бранномъ , еще не хотѣлъ и предъ стѣнами Кремлевскими ратоборствовать лично , какъ бы стыдясь врага подлаго ; хотѣлъ быть только невидимымъ зрителемъ сей битвы : вѣрилъ главное начальство усерднѣйшему или счастливѣйшему витязю : двадцатилѣтнему Князю Скопину-Шуйскому , который сверъ полки въ монастырѣ Даниловскомъ , и мыслилъ окружить непріятеля въ станѣ . Болотниковъ и Пап-

2 Дека- ковъ встрѣтили Воеводъ Царскихъ: первыи сразился какъ левъ; второй, не обнаживъ меча, передался къ нимъ со всѣми Дворянами и съ знатною частію войска (⁸⁶). У Болотникова остались Козаки, холопи, Сѣверскіе бродяги; но онъ бился до совер-

^{Побѣда} шенаго изнуренія силъ, и бѣжалъ съ не-
^{Скопи-} на-Шуй-многими къ Серпухову: оставльные разсѣя-
скаго.

лись. Козаки еще держались въ укрѣплен-
номъ селеніи Зaborъѣ, и паконецъ съ Ата-
маномъ Беззубцевымъ сдалися, присяг-
нувъ Василію въ вѣриости. Кромѣ ихъ,
взяли на бою столь великое число плѣн-
ныхъ, что они не умѣстились въ темни-
цахъ Московскихъ, и были всѣ утоплены
въ рѣкѣ, какъ злодѣи ожесточенные; но
Козаковъ не тронули и приняли въ Цар-
скую службу (⁸⁷). Юношѣ — побѣдителю,
Князю Скопину, рожденному къ чести, утѣ-
шенію и горести отечества, дали санъ Боя-
рина, а Воеводѣ Колычеву — Боярина и
Дворецкаго (⁸⁸). Радовались и торжество-
вали; пѣли молебны съ колокольнымъ зво-
номъ (⁸⁹) и благодарили Небо за истребле-
ніе мятежниковъ, но прежде времени.

Болотниковъ думалъ остановиться въ
Серпуховѣ: жители не впустили его (⁹⁰).
Онъ засѣлъ въ Калугѣ; въ нѣсколько дней
укрѣпилъ ее глубокими рвами и валомъ;
собралъ тысячу десять бѣглцовъ, изгото-
вился къ осадѣ, и писалъ къ Сѣверской

Думъ измѣнниковъ, что ему нужно вспоможеніе и еще нужнѣе Димитрій, истинный или мнимый; что имя безъ человѣка уже не дѣйствуетъ, и что всѣ ихъ клевреты готовы следовать примѣру Ляпунова, Сунбулова и Пашкова, если явленіе вождѣ-лѣниаго Царя-изгнаника, столь долго славимаго и невидимаго, не дастъ имъ новаго усердія и новыхъ сподвижниковъ⁽⁹¹⁾. Но кого было представить? Сенномирскаго ли Самозванца, Молчанова, известнаго въ Россіи и ни мало не сходнаго съ Лжедимитріемъ, еще известнѣйшимъ? Сей бѣглецъ могъ дѣйствовать па легковѣрныхъ только издали, слухомъ, а не присутствіемъ, которое изобличило бы его въ обманѣ. Пишутъ, что злодѣи Россійскіе хотѣли назвать Димитріемъ иного человѣка, какого-то благороднаго Ляха, но что онъ — взять, вѣроятно, деньги за такую отвагу — раздумалъ искать гибельнаго величія въ буряхъ мятежа, мирно остался въ Польшѣ жить нескуднымъ Дворяниномъ, и прервалъ наконецъ связь съ Шаховскимъ⁽⁹²⁾, коему случай далъ между тѣмъ другое орудіе.

Мы упоминали о бродягѣ Илейкѣ, Лже-петрѣ, мнимомъ сынѣ Царя Феодора⁽⁹³⁾. На пути къ Москвѣ узнавъ о гибели Разстрѣги, онъ съ Терскими Козаками бѣжалъ назадъ, мимо Казани, гдѣ Бояре Морозовъ

и Ельский хотѣли схватить его : Козаки обманули ихъ ; прислали сказать , что выдадутъ имъ самозванца , и ночью уплыли внизъ по Волгѣ ; грабили людей торговыхъ и служивыхъ ; злодѣйствовали , жгли селенія на берегахъ , до Царицына , гдѣ убили Князя Ромодановскаго , Щавшаго Посломъ въ Персію , и Воеводу Акинєева (94) ; остановились зимовать на Дону и разславили въ Украинѣ о своемъ Лжецаревичѣ . Обманъ способствовалъ обману : Шаховскій призналъ Илейку сыномъ Феодоровымъ , звалъ къ себѣ вмѣстѣ съ шайкою Терскихъ мятежниковъ , встрѣтилъ въ Путивлѣ съ честію , какъ племянника и намѣстника Димитріева въ его отсутствіе , и даже не усомнился обѣщать ему Царство , если Димитрій , ими ожидаемый , не явится (95) . Сей союзъ злодѣйства праздновали новымъ душегубствомъ , въ доказательство державной власти разбойника Илейки . Онъ велѣлъ умертвить всѣхъ знатныхъ плѣнниковъ , которые еще сидѣли въ темницахъ : вѣрныхъ Воеводъ Рязанскихъ (96) , Думного мужа Сабурова , Князя Пріимкова-Ростовскаго , начальниковъ города Борисова , и Воеводу Путивльскаго , Князя Бахтѣярова , взявъ себѣ его дочь въ наложницы . Искали и союзниковъ вицѣнныхъ , тамъ , гдѣ вредъ Россіи всегда считался выгодою , и гдѣ старая ненависть къ намъ усилилась желаніемъ мести за стыдъ неудачного дружества съ бродягами : новый Самозванецъ Пётръ также обратился къ Сигизмунду , и Вельможные Паны не

устыдились сказать Князю Волконскому, который еще находился тогда въ Краковѣ, что они «ждутъ Пословъ отъ Государя Сѣверскаго, сына Феодорова, который вмѣстѣ съ Димитриемъ, укрывающимся въ «Галиціи, намѣренъ свергнуть Василія съ престола; что если Царь возвратить свою «боду Мнишку и всѣмъ знатнымъ Ляхамъ, «Московскимъ пѣнникамъ, то не будетъ «ни Лжедимитрія, ни Лжепетра; а въ противномъ случаѣ оба сдѣлаются истинными и найдутъ сподвижниковъ въ Республике»⁽⁹⁷⁾! Но Лахи только грозили Василію; манили, вѣроятно, мятежниковъ обѣщаніями, и не спѣшили действовать; Шаховскій, Телятевскій, Долгорукій, Мосальскіе, съ новымъ Атаманомъ Илейкою не имѣли времени ждать ихъ; призвали къ себѣ Запорожцевъ; ополчили всѣхъ, кого могли, въ землѣ Сѣверской, и выступили въ поле, чтобы спасти Болотникова.

Умѣль ли Василій воспользоваться своею побѣдою, давъ мятежникамъ соединиться и вновь усилиться въ Калугѣ? Онъ послалъ къ ней войско, но уже чрезъ иѣсколько дней, и малочисленное, смятое первою смѣлою вылазкою; послалъ и другое, сильнѣйшее съ Бояриномъ Иваномъ Шуйскимъ, который, одержавъ верхъ въ кровопролитномъ дѣлѣ съ Болотниковымъ при устьѣ рѣки Угры⁽⁹⁸⁾, осадилъ Калугу (30 Декабря), но

осада
Калуги.

безъ надежды взять ее скоро. Худыя вѣсти, одна за другою, встревожили Москву. Въ Калужской и Тульской области новыя шайки злодѣевъ скопились и заняли Тулу (⁹⁹). Бунтъ вспыхнулъ въ Уѣздѣ Арзамасскомъ и въ Алатырскомъ (¹⁰⁰): Мордва, холопи, крестьяне грабили, рѣзали Царскихъ чиновниковъ и Дворянъ, утопили Алатырского Воеводу Сабурова, осадили Нижній Новгородъ именемъ Димитрія. Астрахань также измѣнила: ея знатный Воевода, Окольничій Князь Иванъ Хворостининъ, взялъ сторону Шаховскаго: вѣрныхъ умертили: доброго, мужественнаго Дьяка Карнова и многихъ иныхъ (¹⁰¹). Самыхъ границъ Сибири коснулось возмущеніе, но не проникло въ оную: тамъ начальство-

Годуно. вали усердные Годуновы, хотя и въ чест-
вѣ въ
Сибири. вной ссылкѣ (¹⁰²). Изъ Вятки, изъ Перми силою гнали воиновъ въ Москву, а чернь славила Димитрія (¹⁰³). Къ сему смятенію присоединилось ужасное естественное бѣдствіе: язва въ Новѣгородѣ, гдѣ умерло множество людей, и въ числѣ ихъ Бояринъ Катыревъ (¹⁰⁴). Между тѣмъ цѣлое войско злодѣевъ разными путями шло отъ Путинля къ Тулѣ, Калугѣ и Рязани.

Г. 1607. Василій бодрствовалъ неусыпно, распо-
распо-
риженія
Василіе-
вы. ряжалъ хладнокровно: послалъ рати и Воеводъ: знатнѣйшаго саномъ, Князя Мстиславскаго, и знаменитѣйшаго мужествомъ,

Скопина-Шуйского, къ Калугѣ; Воротын-
скаго къ Тулѣ (¹⁰⁵), Хилкова къ Веневу,
Измайлова къ Козельску, Хованскаго къ
Михайлову, Боярина Федора Шереметева
къ Астрахани, Пушкина къ Арзамасу; а
самъ еще остался въ Москвѣ съ дружиною
Царскою, чтобы хранить святыню отече-
ства и Церкви, или явиться на полѣ битвы
въ часъ рѣшительный. Василій думалъ пред-
упредить соединеніе мятежниковъ, истреб-
бить ихъ отдельно, нападеніями разными,
единомысленными, чтобы вдругъ и вездѣ
утушить бунтъ. Дѣйствуя въ воинскихъ
распоряженіяхъ какъ Стратигъ искусный,
онъ хотѣлъ дѣйствовать и на сердца лю-
дей, оживить въ нихъ силу нравственную,
успокоить совѣсть, возмущенную беззако-
ніями государственными, и снова скрѣпить
союзъ Царя съ Царствомъ, нарушенный
злодѣйствомъ.

Имѣвъ торжественное совѣщаніе съ Ер- з Фе-
могеномъ, Духовенствомъ, Синклитомъ, враля.
людьми чиновными и торговыми, Василій
опредѣлилъ звать въ Москву бывшаго Па- при-
триарха Іова для великаго земскаго дѣла. званіе
Ермогенъ писалъ къ Іову: «Преклоняемъ Іова.
«колѣна: удостой насть видѣть благолѣп-
«ное лицо твое и слышать гласъ твой слад-
«кій: молимъ тебя именемъ отечества смя-
«теннаго» (¹⁰⁶). Іовъ пріѣхалъ, и (20 Фе- 14 Фе-
враля) явился въ церкви Успенія, извнѣ враля.

окруженной и внутри наполненной несметнымъ множествомъ людей. Онъ стоялъ у Патріаршаго мѣста въ видѣ простаго Иноха, въ бѣдной ризѣ, но возвышаемый въ глазахъ зрителей памятю его знаменитости и страданій за истину, смиреніемъ и святостію : отшельникъ, вызванный почти изъ гроба примирить Россію съ закономъ и Небомъ. Все было изготовлено Царемъ для дѣйствія торжественнаго, въ коемъ Патріархъ Ермогенъ съ любовію уступалъ первенство Старцу, уже безчиновному. Въ глубокой тишинѣ общаго безмолвія и вниманія поднесли Іову бумагу и велѣли Патріаршему Діакону читать се на амвонѣ. Въ сей бумагѣ народъ — и только одинъ народъ — молилъ Іова отпустить ему, именемъ Божіимъ, всѣ его грѣхи предъ Закономъ, строптивость, ослыпленіе, вѣроломство, и клялся вирѣль не нарушать присяги, быть вѣрнымъ Государю ; требовалъ прощенія для живыхъ и мертвыхъ, дабы успокоить души клятвопреступниковъ и въ другомъ мірѣ ; винилъ себя во всѣхъ бѣдствіяхъ, ниспосланыхъ Богомъ на Россію, но не винилъ въ цареубійствахъ, приписывая убіеніе Феодора и Маріи одному Разстрігѣ (¹⁰⁷) ; паконецъ молилъ Іова, какъ святаго мужа, благословить Василія, Князей, Бояръ, Христолюбивое воинство и всѣхъ Христіанъ, да восторжествуетъ Царь надъ мятежниками и да насладится Россія счастіемъ тишины. Іовъ отвѣтствовалъ грамотою, заблаговременно, по дѣйствительно имъ сочиненою,

писанною извѣстнымъ его слогомъ, умили-
тельно и не безъ искусства. Тотъ же Діаконъ
читалъ ее народу. Изобразивъ въ ней величіе
Россіи, произведенное умомъ и счастіемъ ся
Монарховъ — хвали особенно государственный
умъ Іоанна Грознаго (108), Іовъ соболѣзновалъ
о гибельныхъ слѣдствіяхъ его преждевременной
кончины и Димитріева закланія, но умолчалъ о
виновникѣ онаго, никогда любивъ и славивъ
Бориса; напомнилъ единодушное избраніе Го-
дунова въ Цари и народное къ нему усердіе;
живился ослѣпленію Россіянъ, прельщенныхъ
бродягою; говорилъ : «Я давалъ вамъ страшную
«на себя клятву въ удостовѣреніе, что онъ са-
«мозванецъ : вы не хотѣли мнѣ вѣрить — и сѣ-
«галось, чemu нѣтъ примѣра ни въ Священной,
«ни въ свѣтской Исторіи.» Описавъ всѣ измѣ-
ны, бѣдствіе отечества и Церкви, свое изгнаніе,
гнусное цареубійство , если не совершенное , то
по крайней мѣрѣ допущенное пародомъ — воз-
давъ хвалу Василію , Царю святому и правед-
ному, за великодушное избавленіе Россіи отъ
стыда и гибели — Іовъ продолжалъ : «Вы знаете,
«убить ли Самозванецъ; знаете, что не осталось
«на землѣ и скареднаго тѣла его — а злодѣи
«дерзаютъ увѣрять Россію, что онъ живъ и есть
«истинный Димитрій! Велики грѣхи наши предъ
«Богомъ , въ сіи времена поспѣнія (109), когда
«вымыслы нелѣпые, когда сволочь мерзостная,
«стати, разбойники, бѣглые холопи могутъ столь
«ужасно возмущать отечество!» Наконецъ , исчи-

сливъ всѣ клятвоупреступленія Россіянъ, не исключая и данной Лжедимитрю присяги⁽¹¹⁰⁾, Іовъ именемъ Небеснаго милосердія, своимъ и всего Духовенства объявлялъ имъ разрѣшеніе и прощеніе, въ надеждѣ, что они уже не измѣнятъ снова Царю законному, и добродѣтелю вѣриости, плодомъ чистаго раскаянія, умилостивятъ Всешишняго, да побѣдятъ враговъ и возвратятъ Государству миръ съ тишиною.

Дѣйствіе было неописанное. Народу казалось, что тяжкія узы клятвы спали съ него, и что самъ Всешишній устами Праведника изрекъ помилованіе Россіи. Плачали, радовались — и тѣмъ сильнѣе тронуты были вѣстю, что Іовъ, едва успѣвъ доѣхать изъ Москвы до Старицы, преставился⁽¹¹¹⁾. Мысль, что онъ, уже стоя на прагѣ вѣчности, бесѣдовалъ съ Москвою, умилила сердца. Забыли въ немъ слугу Борисова: видѣли единственно мужа святаго, который въ послѣдція минуты жизни и въ послѣднихъ моленіяхъ души своей ревностно занимался судьбою горестиаго отечества, умеръ, благословляя его и возвѣстивъ ему умилостивленіе Неба!

Но происшествія не соотвѣтствовали благопріятнымъ ожиданіямъ. Воеводы, посланные Царемъ истребить скопища мятежниковъ, большую частью не имѣли успѣха. Мстиславскій, съ главнымъ войскомъ об-

ступивъ Калугу (¹¹²), стрѣляль изъ тяжелыхъ пушекъ, дѣлалъ приметъ къ укрѣпленіямъ, издали вель къ нимъ деревянную гору и хотѣль зажечь ее вмѣстъ съ тыномъ острога: но Болотниковъ подкопомъ взорвалъ сюю гору; не зналъ и не давалъ успокоенія осаждающимъ; сражался день и ночь; не жалѣль людей, ни себя; обливался кровью въ битвахъ непрестанныхъ, и выходилъ изъ оныхъ побѣдителемъ, доказывая, что ожесточеніе злодѣйства можетъ иногда уподобляться геройству добродѣтели. Онъ боялся не смерти, а долговременной осады, предвидя необходимость сдаться отъ голода: ибо не усилиѧ запасистя хлѣбомъ. Разбойники Калужскіе ѿшли лошадей, не жаловались и не слабѣли въ сѣчахъ. Царь велѣль спова обѣщать милость ихъ Атаману, если покорится: отвѣтомъ его было: «жду милости единствено «отъ Димитрія!» Тщетно прибѣгали и къ средствамъ, менѣе законнымъ: Московскій лекарь Фидлеръ вызвался отравить главнаго злодѣя, далъ на себя страшную клятву, и взявъ 100 флориновъ, обманулъ Василія: уѣхалъ въ Калугу служить за деньги Болотникову, изъ любви къ Разстрѣгѣ. — Неудачная осада продолжалась четыре мѣсяца (¹¹³).

Другіе Восводы, встрѣтивъ непріятеля въ полѣ, бѣжали (¹¹⁴): Хованскій отъ Ми-

хайлова въ Переславль Рязанскій, Хилковъ отъ Венева въ Коширу, Воротынскій отъ Тулы въ Алексинъ, на голову разбитый предводителемъ измѣнниковъ, Княземъ Андреемъ Телятевскимъ, который успѣлъ прежде его занять и Тулу и Дѣдиловъ. Только Измайлова и Пушкина честно сдѣлали свое дѣло: первый, разсѣявъ многочисленную шайку измѣнника, Князя Михайла Долгорукаго, осадилъ мятежниковъ въ Козельскѣ (¹¹⁵); второй спась Нижній Новгородъ, усмирилъ бунтъ въ Арзамасѣ, въ Ардатовѣ, и еще приспѣлъ къ Хилкову въ Коширу, чтобы ити съ нимъ къ Серебрянымъ Прудамъ (¹¹⁶), гдѣ они истребили скопище злодѣевъ и взяли ихъ двухъ начальниковъ, Князя Ивана Мосальскаго и Литвина Сторовскаго; но близъ Дѣдилова были разбиты сильными дружинами Телятевскаго и въ безпорядкѣ отступили къ Коширѣ: Воевода Агадуровъ положилъ голову на мѣстѣ сей несчастной битвы, и множество бѣглецовъ утонуло въ рѣкѣ Шатѣ (¹¹⁷). — Бояринъ Шереметевъ, коему надлежало усмирить Астрахань, не могъ взять города; укрѣпился на островѣ Болдинскомъ, и не взирая на зимній холодъ, нужду, смертоносную цынгу въ свое мѣсто войскѣ, отражалъ всѣ приступы тамошнихъ бунтовщиковъ, которые въ изступленіи ярости мучили, убивали пленныхъ. Глава ихъ, Князь Хворостининъ, объявивъ самого Шереметева измѣнникомъ, грозилъ ему лютѣйшюю казнью и звалъ Ногайскихъ Владѣтелей подъ знамена Димитрія (¹¹⁸). —

Но Царь уже не думалъ о томъ, что происходило въ отдаленной Астрахани, когда судьба его и Царства рѣшилась за 160 верстъ отъ столицы.

Ежедневно надѣясь побѣдить Болотникова если не мечемъ, то голодомъ — надѣясь, что Воротынскій въ Алексинѣ и Хилковъ въ Кошире заслоняютъ осаду Калуги и блодутъ безопасность Москвы — главный Воевода, Князь Мстиславскій, отрядилъ Бояръ, Ивана Никитича Романова, Михайла Нагаго и Князя Мезецкаго противъ злодѣя, Василія Мосальскаго (¹¹⁹), который шелъ съ своими толпами Бѣлевскою дорогою къ Калугѣ. Они сразились съ непріятелемъ на берегахъ Вырки (¹²⁰), смѣло и мужественно. Цѣлые сутки продолжалась битва. Мосальскій палъ, оказалъ храбрость, достойную лучшей цѣли. Такъ пали и многіе клевреты его: уже не имѣя вождя, тѣснимые, разстроенные, не хотѣли бѣжать, ни сдаться: умирали въ сѣчѣ; другіе зажгли свои пороховыя бочки и взлетѣли на воздухъ, какъ жертвы остервененія, свойственного только войнамъ междуусобнымъ. Романовъ, дотолѣ из-
вѣстный единственно великодушнымъ терпѣнiemъ въ несчастіи (¹²¹), удостоился благодарности Царя и золотой медали за оказанную имъ доблестъ (¹²²).

Но измѣнники въ другомъ мѣстѣ были

счастливъе. Они, подобно Царю, соображали свои лбийствія наступательныя, сльдяя общей мысли, и стремясь съ разныхъ сторонь къ одной цѣли: освободить Болотникова. Гибель Мосальскаго не устрашила Телятевскаго, который также пшелъ къ Калугѣ и также встрѣтилъ Московскихъ Воеводъ, Князей Татева, Черкасскаго и Борятинскаго, высланныхъ Мстиславскимъ

¹ Мал. изъ Калужскаго стана (¹²³). Въ жестокой битвѣ на Пчелиѣ легли Татевъ и Черкасскій со многими изъ добрыхъ воиновъ; остальные снаслися бѣгствомъ въ станъ Калужскій, и привели его въ ужасъ, коимъ воспользовался Болотниковъ: сдѣлалъ вылазку и разогналъ войско, еще многочисленное; всѣ обратили тыль, кромѣ юнаго

<sup>Муже-
ство
Скопи-
на.</sup> Князя Скопина-Шуйскаго и витязя Истомы Пашкова, уже вѣрного слуги Царскаго (¹²⁴): они упорнымъ боемъ дали время малодушнымъ бѣжать, спасая если не честь, то жизнь ихъ; отступили сражаясь къ Боровску, гдѣ несчастный Мстиславскій и другіе Воеводы соединили разсѣянные остатки войска, бросивъ пушки, обозъ, запасы въ добычу непріятелю. Еще хуже робости была измѣна: 15000 воиновъ Царскихъ, и въ числѣ ихъ около ста Нѣмцевъ, пристали къ мятежникамъ. Узнавъ, что сдѣлалось подъ Калугою, Измайловъ снялъ осаду Козельска; по крайней мѣрѣ не кинулъ

снаряда огнестрельного, и засѣль въ Мещовскъ (125).

Сіи вѣсти поразили Москву. Шуйскій Бо́льшо́е снова колебался на престолѣ, но не въ душѣ: созвалъ Духовенство, Бояръ, людей Василія въ несча- стіяхъ. чиновныхъ; предложилъ имъ мѣры спасенія, далъ строгіе указы, требовалъ немедленнаго исполненія, и грозилъ казнью ослушникамъ: весь Россіяне, годные для службы, должны были спешить къ нему съ оружіемъ, монастыри защищать столицу хлѣбомъ на случай осады, и самые Иночи готовиться къ ратнымъ подвигамъ за Вѣру (126). Употребила и нравственное средство: Святители предали анаѳемѣ Болотникову и другихъ извѣстныхъ, главныхъ злодѣевъ: чего Царь не хотѣлъ дотолѣ, въ надеждѣ на ихъ раскаяніе. Время было дорого: къ счастію, мятежники не двигались впередъ, ожидая Илейки, который съ послѣдними силами и съ Шаховскимъ ещешелъ къ Тулѣ (127). 21 Мая Василій сѣлъ на ратнаго коня и самъ вывелъ войско, приказавъ Москву брату, Димитрю Шуйскому, Князьямъ Одоевскому и Трубецкому (128), а всѣхъ иныхъ Бояръ, Окольничихъ, Думныхъ Дьяковъ и Дворянъ взявшись собою, подъ Царское знамя, коего уже давно не видали въ полѣ съ такимъ блескомъ и множествомъ сановниковъ: уже не стыдились итти всѣмъ Царствомъ на скопь.

ище злодѣевъ храбрыхъ! Близъ Серпухова соединились съ Василіемъ Мстиславскій и Воротынскій, оба какъ бѣглецы въ уныніи стыда. Довольный числомъ, но боясь робости сподвижниковъ, Царь умѣль одушевить ихъ своимъ великодушiemъ: въ присутствіи ста тысячи воиновъ цѣлую крестъ, громогласно произнесъ обѣтъ возвратиться въ Москву побѣдителемъ или умереть (¹²⁹); онъ не требовалъ клятвы отъ другихъ, какъ бы опасаясь ввести слабыхъ въ новый грѣхъ вѣроломства, и даль ее въ твердой рѣшимости исполнить. Казалось, что Россія нашла Царя, а Царь нашелъ подданныхъ: всѣ съ ревностію повторили обѣтъ Василіевъ — и на сей разъ не измѣнили.

Свѣдавъ, что Илейка съ Шаховскимъ уже въ Тулѣ, и что Болотниковъ къ нимъ присоединился, Василій послалъ Князей Андрея Голицына, Лыкова и Прокопія Ляпунова (¹³⁰) къ Коширѣ. Самозванецъ Петръ, какъ главный предводитель злодѣевъ, велѣлъ также занять сей городъ Телятевскому. Рати сошлися на берегахъ 5 Юна. Восми (¹³¹): началось дѣло кровопролитное, и мятежники одолѣвали: но Голицынъ и Добровольцъ Воеводъ Клицианiemъ: «нѣть для насъ бѣгства; одна Царскихъ. «смерть или побѣда!» и сильнымъ, отчаяннымъ ударомъ смяли иепріятеля. Телятев-

скій ушелъ въ Тулу, оставилъ Москвитянамъ всѣ свои знамена, пушки, обозъ; гнали бѣгущихъ на пространствѣ тридцати верстъ и взяли 5000 пленныхъ. Храбрѣйше изъ злодѣевъ, Козаки Терскіе, Янцкіе, Донскіе, Украинскіе, числомъ 1700, засѣли въ оврагахъ, и стрѣляли; уже не имѣли пороха, и все еще не сдавались: ихъ взяли силою на третій день, и казнили, кромѣ семи человѣкъ, помилованныхъ за то, что они спасли нѣкогда жизнь вѣрнымъ Дворянамъ, которые были въ рукахъ у злодѣя Илейки (¹³²): черта достохвальная въ самой неумолимой мести!

Обрадованный столь важнымъ успѣхомъ и геройствомъ Воеводъ своихъ еще болѣе, нежели числомъ враговъ истребленныхъ, Василій изъявилъ Голицыну и Лыкову живѣйшую благодарность (¹³³); двинулся къ Алексину, выгналъ оттуда мятежниковъ, шелъ къ Тулѣ. Еще злодѣи хотѣли отвѣдать счастія, и въ семи верстахъ отъ города, на рѣчкѣ Воронѣ, сразились съ полкомъ Князя Скопина-Шуйскаго: стояли въ мѣстѣ крѣпкомъ, въ лѣсу, между топями, и долго противились; наконецъ Москвитяне запши имъ въ тылъ, смѣшили ихъ и вогнали въ городъ; нѣкоторые вломились за ними даже въ улицы, по тамъ пали: ибо Воеводы безъ Царскаго указа не дерзнули на общій приступъ; а Царь жалѣлъ людей или опасался неудачи, зная, что въ Тулѣ было еще не менѣе двадцати тысяч злодѣевъ отчаянныхъ: Россіяне умѣли

Осада Тулы. оборонять крѣпости , не умѣя брать ихъ. Обложили Тулу. Князь Андрей Голицынъ занялъ дорогу Коширскую : Мстиславскій, Скопинъ и другіе Воеводы Кронивинскую; тяжелый снарядъ огнестрѣльный разставили за турами близъ рѣки Упы; далѣе, въ трехъ верстахъ отъ города , шатры Царскіе. Началась осада , медленная и кропотливая, подобно Калужской: тотъ же Болотниковъ и съ тою же смѣлостю бился въ вылазкахъ (¹³⁴); презирая смерть, казался и невредимымъ и неутомимымъ: три , четыре раза въ день нападалъ на осаждающихъ, которые одерживали верхъ единственно превосходствомъ силы, и не могли хвалиться дѣйствиемъ своихъ тяжелыхъ стѣнобитныхъ орудій, стрѣляя только издали и не мѣтко. Воеводы Московскіе взяли Дѣдиловъ, Кронивну, Енифань, и не выпускали никого ни въ Тулу, ни изъ Тулы: Василій хотѣлъ одолѣть ся жестокое сопротивленіе голодомъ, чтобы въ одномъ гибнѣ захватить всѣхъ главныхъ злодѣевъ , и тѣмъ прекратить бѣдственную войну междуусобную. «Но Россія,» говорить Лѣтонисецъ (¹³⁵), «утопала въ пучинѣ скрамоль, и волны стремились за волнами: «рушились одиѣ, поднимались другія.»

Замышляя измѣну, Шаховскій надѣялся, вѣроятно , одною сказкою о Царѣ изгнанникѣ низвергнуть Василія и дать Россіи

иваго Вѣнцекосца , новаго ли бродягу, или кого нибудь изъ Вельможъ, знаменитыхъ родомъ, если, не взирая на свою дерзость, не смѣль мечтать о коронѣ для самого се-бя; но , обманутый надеждою , уже стоять на краю бездны. Ежедневно уменьшались силы , запасы и ревность стѣсненныхъ въ Тулу мятежниковъ , которые спрашивали : «гдѣ же тотъ , за кого умираемъ? гдѣ Ди-«митрій?» Шаховскій и Болотниковъ кля-лися имъ : первый , что Царь въ Литвѣ; второй , что онъ видѣлъ его тамъ соб-ственными глазами. Оба писали въ Гали-цию , къ ближнимъ и друзьямъ Мишко-вымъ , требуя отъ нихъ какого нибудь Ди-митрія или войска , предлагая даже Россію Ляхамъ , такими словами : «Отъ границы «до Москвы все наше : придите и возмите; «столько избавьте насть отъ Шуйскаго» (136). Съ письмами и наказомъ послали въ Литву Атамана Козаковъ Днѣпровскихъ , Ивана Мартинова Заруднаго , смѣлаго и лукаваго: умѣвъ почю пройти сквозь станъ Москов-скій, онъ не хотѣлъ вхать далѣ Стародуба, жить въ семъ городѣ безопасно и питаль въ гражданахъ ненависть къ Василію. По-слали другаго вѣстника , который достигъ Сен-домира, не нашелъ тамъ никакого Дими-трія , но заставилъ ближнихъ Мишковыхъ искать его (137) : искали и нашли бродягу, явленіе жителя Украины , сына Поповскаго , Мат-

Лжедп.
митрія. въя Веревкина, какъ увѣряютъ Лѣтописцы,
или Жида, какъ сказано въ современныхъ
бумагахъ государственныхъ⁽¹³⁸⁾. Сей Само-
мозванецъ и видомъ и свойствами отличался отъ Разстриги: былъ грубъ, свирѣпъ,
корыстолюбивъ до низости; только, подобно Отрепьеву, имѣлъ дерзость въ
сердцѣ и нѣкоторую хитрость въ умѣ; вла-
дѣлъ искусно двумя языками, Русскимъ и Польскимъ; зналъ твердо Св. Писаніе и
Кругъ Церковный⁽¹³⁹⁾; разумѣлъ, если вѣ-
ритъ одному чужеземному Историку⁽¹⁴⁰⁾, и
языкъ Еврейскій, читалъ Тальмудъ, книги
Раввиновъ, среди самыхъ опасностей воин-
скихъ; хвалился мудростю и предвидѣ-
ніемъ будущаго⁽¹⁴¹⁾. Панъ Мѣховецкій,
другъ первого обманщика, сдѣлался руко-
водителемъ и наставникомъ втораго; впе-
чатлѣлъ ему въ память всѣ обстоятельства
и случаи Лжедимитріевой исторіи, — от-
крылъ много и тайного, чтобы изумлять
тѣмъ любопытныхъ; взялъ на себя чинъ
его Гетмана; пригласилъ сподвижниковъ,
какъ нѣкогда Воевода Сеномирскій, что-
бы возвратить Державному изгнаннику
Царство; находилъ менѣе легковѣрныхъ,
но столько же, или еще болѣе, ревнителей
славы или корысти. «Не спрашивали» —
говоритъ Историкъ Польскій⁽¹⁴²⁾ — «истин-
ный ли Димитрій или обманщикъ зоветъ
«воителей? Довольно было того, что Шуй-

«скій сидѣль на престолъ, обагренномъ кровію «Ляховъ. Война Ливонская кончилась: юношество, скучая празднотю, кинѣло любовію къ «ратной дѣятельности; не ждало указа Королевского и рѣшенія Чиновъ Государственныхъ: «хотѣло и могло дѣйствовать самовольно,» но конечно съ тайного одобренія Сигизмундова и Пановъ Думныхъ. Богатые давали деньги бѣднымъ на предпріятіе, коего цѣлію было расхищеніе цѣлой Державы. Выставили знамена, образовалось войско; и вѣсть за вѣстю приходила къ жителямъ Сѣверскимъ, что скоро будетъ у нихъ Димитрій (143).

Наконецъ, 1 Августа, явились въ Стародубъ два человѣка: одинъ именовалъ себя Дворяниномъ Андреемъ Нагимъ, другой Алексѣемъ Рукинымъ, Московскимъ Подьячимъ; они сказали народу, что Димитрій не далеко съ войскомъ и вели имъ щахть впередъ, узнать расположение гражданъ: любятъ ли они своего Царя законнаго? хотятъ ли служить ему усердно? Народъ единодушно воскликнулъ: «гдѣ онъ? гдѣ «отецъ нашъ? пдемъ къ нему всѣ головами» (144). Онъ здѣсь, отвѣтствовалъ Рукинъ, и замолчалъ, какъ бы устрашась своей нескромности. Тщетно граждане убѣждали его изъясниться; вышли изъ терпѣнія, схватили и хотѣли пытать безмолвнаго упрямца: тогда Рукинъ объявилъ имъ, что мнимый Андрей Нагой есть Димитрій. Никто не усомнился: всѣ кинулись лобызать ноги пришельца; вошли: «Хвала Богу! нашлося сокро-

«вище нашихъ душъ!» Удалили въ колокола, пѣли молебны, честили Самозванца, коего прислали Мѣховецкій (¹⁴⁵), готовясь итти въ слѣдъ за нимъ съ войскомъ: прислали съ однимъ клеветомъ, безоружнаго, беззащитнаго, по тайному уговору, какъ вѣроятно, съ главными Стародубскими измѣнниками, желая доказать Ляхамъ, что они могутъ надѣяться на Россіянъ въ войнѣ за Дмитрія. Путивль, Черниговъ, Новгородъ Сѣверскій, едва услышавъ о прибытіи Лжедимитрія, и еще не видя знаменъ Польскихъ, спѣшили изъявить ему свое усердіе, и дать воиновъ. Заблужденіе уже не извiniяло злодѣйства: многіе изъ Сѣверянъ знали первого Самозванца и слѣдственно знали обманъ, видя втораго, человѣка имъ неизвѣстнаго; но славили его какъ Царя истиннаго, отъ ненависти къ Шуйскому, отъ буйности и любви къ мятежу. Такъ Атаманъ Заруцкій, бывъ наперсникомъ Разстригинымъ, уиалъ къ ногамъ Стародубскаго обманщика, увѣряя, что будетъ служить ему съ прежнею ревностію (¹⁴⁶), и безстыдно исчисляя опасности и битвы, въ коихъ они будто бы вмѣстѣ храбровали. Но были и легкоувѣреные, съ горячимъ сердцемъ и воображеніемъ, слабые умомъ, твердые душою. Такимъ оказалъ себя одинъ Стародубецъ, сынъ Боярскій: взялъ и вручилъ Царю, въ станъ подъ Тулою, письмо отъ городовъ Сѣверскихъ, въ которомъ мятежники совѣтовали Шуйскому уступить престолъ Дмитрію и грозили казнью

въ случаѣ упорства: сей посолъ дерзнулъ сказать въ глаза Василію тоже, называя его не Царемъ, а злымъ измѣнникомъ; терпѣлъ пытку, хвалялся вѣрностю къ Димитрію, и былъ сожженъ въ пепель, не изъявивъ ни чувствительности къ мукамъ, ни сожалѣнія о жизни, въ изступленіи ревности удивительной (147).

Василій, узнавъ о семъ явленіи Самозванца, о семъ новомъ движеніи и скопищѣ мятежниковъ въ южной Россіи, отрядилъ Воеводъ, Князей Литвинова-Мосальскаго и Третьяка Сентова, къ ся предѣламъ: первый сталъ у Козельска; второй занялъ Лихвинъ, Бѣлевъ и Болховъ (148). Скоро услышали, что Мѣховецкій уже въ Стародубѣ съ сильными Литовскими дружинами; что Заруцкій призвалъ иѣсколько тысячи Козаковъ и соединилъ ихъ съ толпами Сѣверскими; что Лжедимитрій, выступивъ въ поле, идетъ къ Тулѣ. Воеводы Царскіе не могли спасти Брянска и вели зажечь его, когда жители вышли съ хлѣбомъ и солью на встречу къ миному Димитрю (149) . . . Въ сie время, одинъ изъ Польскихъ друзей его, Николай Харлескій, исполненный къ нему усердія и надежды завоевать Россію, писалъ къ своимъ ближнимъ въ Литву слѣдующее письмо любопытиное (150) : «Царь Димитрій и всѣ «наши благородные витязи здравствуютъ. Мы «взяли Брянскъ, сожженый людьми Шуйскаго, «которые вывезли оттуда всѣ сокровища, и бѣжали такъ скоро, что ихъ не льзя было настигнуть. Димитрій теперь въ Карачевѣ, ожидая

«знати ѿшаго всиоможенія изъ Литвы. Съ нимъ «нашихъ 5000, но многіе вооружены худо . . . . «Зовите къ намъ всѣхъ храбрыхъ ; прельщайте «ихъ и славою и жалованьемъ Царскимъ. У васть «носятся слухъ, что сей Димитрій есть обман- «щикъ: не вѣрьте. Я самъ сомнѣвался и хотѣлъ «видѣть его ; увидѣлъ, и не сомнѣваюсь. Онь «набоженъ, трезвъ, уменъ, чувствителенъ ; лю- «бить военное искусство ; любить нашихъ ; ми- «лостивъ и къ измѣнникамъ : даетъ плѣннымъ «волю служить ему или снова Шуйскому. Но «есть злодѣи : опасаясь ихъ, Димитрій никогда «не спить на своемъ Царскомъ ложѣ, гдѣ только «для вида велитъ быть стражѣ : положивъ тамъ «кого нибудь изъ Русскихъ, самъ уходитъ ночью «къ Гетману или ко мнѣ , и возвращается домой «на разсвѣтѣ. Часто бываетъ тайно между вои- «нами, желая слышать ихъ рѣчи, и все знаетъ. «Зная даже и будущее , говорить , что ему вла- «стовать не долѣе трехъ лѣтъ ; что лишится «престола измѣною , но опять воцарится и рас- «пространитъ Государство. Безъ прибытія но- «выхъ , сильнейшихъ дружинъ Польскихъ, онъ «не думаетъ спѣшить къ Москвѣ, если возметъ «и самого Шуйского , который въ ужасѣ , въ «смятеніи снялъ осаду Тулы (¹⁵¹) ; всѣ бѣгутъ «отъ него къ Димитрію» . . . . Но Самозванецъ, оставилъ за собою Болховъ, Бѣлевъ, Козельскъ, и разбивъ Князя Литвинова-Мосальскаго близъ Мещовска, на пути къ Тулѣ свѣдалъ, что въ пей славится уже не Димитріево , а Василіево имя.

Еще мятежники оборонялись тамъ усилъно до конца лѣта , хотя и терпѣли недостатокъ въ съѣстныхъ припасахъ , въ хлѣбѣ и соли . Счастливая мысль одного воина дала Царю способъ взять сей городъ безъ кровопролитія . Муромецъ , Сынъ Боярскій , именемъ Суминъ Кровковъ , предложилъ Василію затопить Тулу , изъяснивъ возможность успѣха , и ручался въ томъ жизнью (¹⁵²). Пристушили къ дѣлу ; собрали мельниковъ ; велѣли ратникамъ носить землю въ мѣшкахъ на берегъ Уны , ниже города , и запрудили рѣку деревяникою плотиною : вода поднялася , вышла изъ береговъ , влилася въ острогъ , въ улицы и дворы , такъ , что осажденныеѣздили изъ дому въ домъ на лодкахъ (¹⁵³) ; только высокія мѣста остались сухи и казались грядами острововъ . Битвы , вылазки пресеклись . Ужасъ потопа и голода смирилъ мятежниковъ : они ежедневно цѣльными толпами приходили въ станъ къ Царю , винились , требовали милосердія и находили его , всѣ безъ исключенія . Главные злодѣи еще пѣсколько времени упорствовали : наконецъ и Телятевскій , Шаховскій , самъ непреклонный Болотниковъ , извѣстили Василія , что готовы предать ему Тулу и Самозванца Петра , если Царскимъ словомъ удостовѣрены будутъ въ помилованіи , или , въ противномъ случаѣ , умрутъ съ оружiemъ въ ру-

дахъ, и скорѣе съѣдятъ другъ друга отъ голода, нежели сдадутся. Уже зная, что новый Лжедимитрій недалеко, Василій обѣщалъ милость, — и 10 Октября Бояринъ Колычевъ, вступивъ въ Тулу съ воинами Московскими, взялъ подлецкаго изъ злодѣевъ, Илейку. Болотниковъ явился, съ головы до ногъ вооруженный, предъ шатрами Царскими, сошелъ съ коня, обнажилъ саблю, положилъ ее себѣ на шею, паль ницъ и сказалъ Василію: «Я исполнилъ обѣтъ свой: «служилъ вѣрио тому, кто называлъ себя Димитріемъ въ Сеномирѣ: обманщикъ или Царь «истинный, не знаю; но онъ выдалъ меня. Теперь я въ твоей власти: вотъ сабля, если хочешь головы моей; когда же оставишь мнѣ «жизнь, то умру въ твоей службѣ, усерднейшими изъ рабовъ вѣрныхъ»⁽¹⁵⁴⁾. Онъ угадывалъ, кажется, свою долю. Миловать такихъ злодѣевъ есть преступленіе; но Василій обѣщалъ, и не хотѣлъ явно нарушить слова: Болотникова, Шаховскаго и другихъ начальниковъ мятежа отправили, въ слѣдъ за скованнѣмъ Илейкою, въ Москву съ приставами; а Князя Телятевскаго, знатиѣшаго и тѣмъ виновнѣшаго измѣника, изъ уваженія къ его именитымъ родственникамъ, не лишили ни свободы, ни Боярства, къ посрамлению сего Вельможнаго достоинства и къ соблазну государственному⁽¹⁵⁵⁾: слабость безстыдная, вредиѣшая жестокости!

Но общая радость все прикрывала. Взятіе

Тулы праздновали какъ завоеваніе Казанскаго Царства или Смоленскаго Княжества (¹⁵⁶); и желая, чтобы сія радость была еще искреннѣе для войска утомленаго, Царь далъ ему отдыхъ: уволилъ Дворянъ и Дѣтей Боярскихъ въ ихъ помѣстья, свѣдавъ, что Лжедимитрій, испуганный судьбою Лжепетра, ушелъ назадъ къ Трубчевску (¹⁵⁷). Вопреки опыту презирая новаго злодѣя Россіи, Василій не спѣшилъ истребить его; послалъ только легкія дружины къ Брянску, а конницу Черемисскую и Татарскую въ Сѣверскую землю для грабежа и казни виновныхъ ся жителей (¹⁵⁸); не хотѣлъ ждать, чтобы сдалася Калуга, гдѣ еще держались клевреты Болотникова съ Атаманомъ Скотницкимъ (¹⁵⁹): велѣлъ осаждать ее малочисленной рати, и возвратился въ столицу. Москва встрѣтила его 21 окт. какъ побѣдителя (¹⁶⁰). Онъ вѣзжалъ съ необыкновенною пышностью, съ двумя тысячами нарядныхъ всадниковъ, въ богатой колесницѣ, на прекрасныхъ бѣлыхъ коняхъ; умиленно слушалъ рѣчъ Патріарха, видѣлъ знаки народнаго усердія, и казался счастливымъ! Три дни славили въ храмахъ милость Божію къ Россіи; пять дней молился Василій въ Лаврѣ Св. Сергія, и заключилъ церковное торжество дѣйствіемъ государственного правосудія: злодѣя Илейку повѣсили на Серпуховской дорогѣ, близъ

Данилова Монастыря (¹⁶¹). Болотникова, Атамана Федора Нагибу и строптивъшихъ мятежниковъ отвезли въ Каргополь и тайно утопили. Шаховскаго сослали въ Каменную Пустыню Кубенскаго Озера, а вѣроломныхъ Нѣмцевъ, взятыхъ въ Тулѣ, числомъ 52, и съ ними Медика Фидлера, въ Сибирь (¹⁶²). Всѣхъ другихъ плѣнниковъ оставили безъ наказанія и свободными. Калуга, Козельскъ еще противились; вся южная Россія, отъ Десны до устья Волги, за исключеніемъ немногихъ городовъ, признавала Царемъ своимъ мнимаго Димитрія: сей злодѣй, отступивъ, ждалъ времени и новыхъ силъ, чтобы итти впередъ, — а Москва, утомленная тревогами, наслаждалась тишиною, послѣ ужасной грозы и предъ ужаснѣйшою! Испытавъ умъ, твердость Царя и собственное мужество, вѣрные Россіяне думали, что главное сдѣлано; хотѣли временнаго успокоенія и надѣялись легко довершить остальное.

Такъ думалъ и самъ Василій. Бывъ долгъ въ непрестанныхъ заботахъ и въ беспокойствѣ, мысливъ единственно о спасеніи Царства и себя отъ гибели, онъ вспомнилъ наконецъ о своемъ счастіи и невѣстѣ: жестокою Политикою лишенный удовольствія быть супругомъ и отцемъ въ Г. 1608. Генваря 17. лѣтахъ цвѣтушихъ, спѣшилъ вкусить его хотя въ лѣтахъ преклонныхъ, и женился

на Маріп, дочери Боярина Князя Петра Ивановича Буйносова – Ростовского (¹⁶³). Вѣрить ли сказанію одного Лѣтописца (¹⁶⁴), что сей бракъ имѣлъ слѣдствія бѣдственныя; что Василій, алчный къ наслажденіямъ любви, столь долго ему неизвѣстнымъ, предался пѣгѣ, роскоши, лѣности: началъ слабѣть въ государственной и въ ратной дѣятельности, среди опасностей засыпать духомъ, и своимъ небреженіемъ охладилъ ревность лучшихъ Совѣтниковъ. Думы, Воеводъ и воиновъ, въ Царствѣ Самодержавномъ, гдѣ все живеть и движется Царемъ, съ пимъ бодрствуетъ или зремлетъ? Но согласно ли такое очарованіе любви съ природными свойствами человѣка, который въ недосугахъ заговора и властованія смутнаго цѣльше два года забывалъ милую ему невѣсту? И какое очарованіе могло устоять противу такихъ бѣдствій?

По крайней мѣрѣ до сего времени Василій бодрствовалъ не только въ усиліяхъ истребить мятежниковъ, но съ удивительнымъ хладнокровiemъ, едва избавивъ отъ нихъ Москву, занимался и земскими или государственными уставами и способами ^{Законы.} народнаго образованія, какъ бы среди глубокаго мира. Въ Мартѣ 1607 года, имѣвъ торжественное разсужденіе съ Патріархомъ, Духовенствомъ и Синклитомъ, онъ

издалъ Соборную грамоту о бѣглыхъ крестьянахъ, велѣль ихъ возвратить тѣмъ владѣльцамъ, за коими они были записаны въ книгахъ съ 1593 года: то есть, подтвердилъ Уложеніе Феодора Іоанновича, но сказавъ, что оно есть дѣло Годунова, неодобренное Боярами старѣйшими, и произвело въ началѣ много зла, неизвѣстнаго въ Іоанново время, когда землемѣдѣльцы могли свободно переходить изъ селенія въ селеніе⁽¹⁶⁵⁾. Даѣше уставлено въ сей грамотѣ, что принимающій чужихъ крестьянъ долженъ платить въ казну 10 рублей пени съ человѣка, а господамъ ихъ три рубли за каждое лѣто; что подговорщикъ, сверхъ денежной пени, наказывается кнутомъ; что мужъ бѣглой дѣвки или вдовы дѣляется рабомъ ея господина; что если господинъ не женитъ раба до двадцати лѣтъ, а рабы не выдастъ за-мужъ до осьмиадцати, то обязанъ дать имъ волю и не имѣть права жаловаться въ судѣ на ихъ бѣгство, даже и въ случаѣ кражи или сноса: законъ благонамѣренный, полезный не только для размноженія людей, но и для чистоты нравственой!

Тогда же Василій велѣль перевести съ Пѣменскаго и Латинскаго языка Уставъ *Дѣлъ Ратныхъ*, желая, какъ сказано въ началѣ онаго, чтобы «Россіяне знали всѣ синовья хитрости воинскія, коими хвалятся

«Италія, Франція, Іспанія, Австрія, Голландія, Англія, Литва, и могли не только силѣ «силою, но и смыслу смысломъ противиться съ «усиѣхомъ, въ такое время, когда умъ человѣческій всего болѣе вперенъ въ науку необходилную для благосостоянія и славы Государства: въ науку побуждать враговъ и хранить целость земли своей» (166). Ничто не забыто въ сей любопытной книгѣ: даны правила для образования и раздѣленія войска, для строя, похода, становъ, обоза, движений пѣхоты и конницы, стрѣльбы пушечной и ружейной, осады и приступовъ, съ ясностью и точностью. Не забыты и нравственныя средства. Предъ всякою битвою надлежало Воеводѣ ободрять воиновъ лицемъ веселымъ (167), напоминать имъ отечество и присягу; говорить: «я буду впереди... лучше умереть съ честію, нежели жить «безчестно,» и съ симъ вручать себя Богу.

Угождая народу своею любовью къ старымъ обычаямъ Русскимъ, Василій не хотѣлъ однакожъ, въ угодность ему, гнать иноземцевъ: не оказывать къ нимъ пристрастія, коимъ упрекали Разстрігу и даже Годунова, но не давать ихъ въ обиду мятежной черни (168); высылать ревностныхъ тѣлохранителей Лжедимитровыхъ и четырехъ Медиковъ Германскихъ за тѣсную связь съ Поляками, — оставивъ лучшаго изъ нихъ, лекаря Вазмера, при себѣ (169): но старался милостію удержать всѣхъ честныхъ Нѣмцевъ въ Москвѣ и въ Царской службѣ, какъ

воиновъ, такъ и людей ученыхъ, художниковъ, ремесленниковъ, любя гражданское образование, и зная, что они нужны для успѣховъ его въ Россіи; однимъ словомъ, имѣть желаніе, не имѣть только времени сдѣлаться просвѣтителемъ отечества . . . и въ какой вѣкъ! въ какихъ обстоятельствахъ ужасныхъ!

ГЛАВА II.

ПРОДОЛЖЕНИЕ ВАСИЛЕВА ЦАРСТВОВАНИЯ.

Г. 1607—1609.

Бѣгство Воеводъ отъ Калуги. Самозванецъ усиливается. Дѣло знаменитое. Грамота Лжедимитриева. Предложеніе Шведовъ. Побѣда Лисовскаго. Побѣда Самозванца. Ужасъ въ Москвѣ. Измѣна Воеводъ. Самозванецъ въ Тушинѣ. Переимиріе съ Литвою. Коварство Ляховъ. Побѣда Сапѣги. Марина и Мишекъ у Самозванца. Скопинъ посланъ къ Шведамъ. Бѣгство къ Самозванцу. Развратъ въ Москвѣ. Знаменитая осада Лавры. Измѣна городовъ. Ужасное состояніе Россіи. Тушино. Договоръ Самозванца съ Минскимъ. Польша объявляетъ войну Россіи. Крайность Россіи и перемѣна къ лучшему.

Въ то время, когда Москва праздновала г. 1607.
Василіево бракосочетаніе, война междуусобная уже снова пылала. г. 1608.

Калуга упорствовала въ бунтѣ. Отъ имени Царя ъздилъ къ ся жителямъ и людямъ воинскимъ прощеній измѣнникъ, Атаманъ Беззубцевъ (¹⁷⁰), съ убѣжденіемъ смириться. Они сказали: «не знаемъ Царя, «кромѣ Димитрія: ждемъ и скоро его увидимъ!» Вѣроятно, что явленіе втораго

Лжедимитрія было имъ уже известно. Василий, жаждая утомлять войско трудами зимней осады, предложилъ, весьма неосторожно, четыремъ тысячамъ Донскихъ мятежниковъ, которые въ битвѣ подъ Москвою ему сдалися (¹⁷¹), загладить вину свою взятиемъ Калуги: Донцы изъявили не только согласіе, но и живѣйшую ревность; клялись оказать чудеса храбости; прибыли въ Калужскій станъ къ Государевымъ Воеводамъ, и чрезъ иѣсколько дней взбунтовались, такъ, что устрашенные

^{Бѣгство}
^{Воеводъ}
^{отъ Ка-}
^{зуги.} Воеводы бѣжали отъ нихъ въ Москву.
Часть мятежниковъ вступила въ Калугу; другіе ушли къ Самозванцу.

Сей наглый обманщикъ не долго былъ <sup>Само-
званецъ</sup> бездѣствіи. Дружины за дружинами <sup>усили-
вается.</sup> приходили къ нему изъ Литвы, коннага и пѣхотныя, съ вождями знатными: въ числѣ ихъ находились Мозырскій Хорунжій, Іосифъ Будзило, Паны Тишкевичи и Лисовскій, бѣглецъ, за какое-то преступленіе осужденный на казнь въ своемъ отечествѣ: смѣлостю и мужествомъ витязь, ремесломъ грабитель (¹⁷²). Узнавъ, что Василий распустилъ главное войско, Лжедимитрій, по совѣту Лисовскаго, немедленно выступилъ изъ Трубчевска съ семью тысячами Ляховъ, осмью тысячами Козаковъ и немальнымъ числомъ Россіянъ. Воеводы Царскіе, Князь Михаилъ Каширъ и Ржев-

скій , укрѣпились въ Брянскѣ (173) : Самозванецъ осадилъ его , но не могъ взять , отъ храбрости защитниковъ , которые терпѣли голодъ , ъли лошадей , и не имѣя воды , доставали ее своею кровью , ежедневными вымазками и битвами . Рать Лжедимитріева усилилась шайками новыхъ Донскихъ выходцевъ : они представили ему какого-то неизвѣстнаго бродягу , мнимаго Царевича Феодора , будто бы втораго сына Ирины ; но Лжедимитрій не хотѣлъ признать его племянникомъ и велѣлъ умертвить . Осада длилась , и Василій успѣхъ принять мѣры : Бояринъ Князь Иванъ Семеновичъ Куракинъ изъ столицы , а Князь Литвиновъ изъ Мещовска шли спасти Брянскъ . Литвиновъ первый съ дружинами Московскими достигъ береговъ Десны , видѣлъ сей городъ и станъ Лжедимитріевъ на другой сторонѣ ея , но не могъ перейти туда , ибо рѣка покрывалась льдомъ : осажденные также видѣли его ; кричали своимъ Московскимъ братьямъ : «спасите нась ! не имѣмъ куска хлѣба !» и съ слезами простирали къ нимъ руки (174) . Сей день (15 Декабря 1607) остался памят-
Дѣло
знаме-
витое.

теля, изумленного такою смѣлостію; вышли на берегъ, и сразились. Кашинъ и Ржевскій сдѣлали вылазку. Непріятель между двумя огнями не устоялъ, смѣшался, отступилъ. Уже побѣда совершилась, когда приснѣлъ Куракинъ, дивиться мужеству добрыхъ Россіянъ и славить Бога Русскаго; но самъ, какъ главный Воевода, не отличился: только запасъ городъ всѣмъ нужнымъ для осады; укрѣпился на лѣвомъ берегу Десны, и даль время непріятелю образумиться. Рѣка стала. Лжедимитрій соединилъ полки свои и напалъ на Куракина. Бились мужественно, нѣсколько разъ, безъ рѣшительнаго слѣдствія, и войско Царское, оставивъ Брянскъ, заняло г. 1608. Каравачевъ. Не имѣя надежды взять ни того, ни другаго города, Самозванецъ двинулся впередъ, мирно вступилъ въ Орель, и написалъ оттуда слѣдующую грамоту къ своему мнимому тестю, Воеводѣ Сендор-Грамо-
та Лже-
димит-
ріева.
мирскому: «Мы, Димитрій Іоанновичъ, Божію милостію Царь всея Россіи, Великій Князь Московскій, Дмитровскій, Углиц-
кій, Городецкій . . . и другихъ многихъ земель и Татарскихъ Ордъ, Московскому Царству подвластныхъ, Государь и наслѣдникъ . . . Любезному отцу нашему! Судьбы Всевышняго непостижимы для ума человѣческаго. Все, что бываетъ въ мірѣ, искони предопредѣлено Небомъ, коего

«страшный судъ совершился и надо мною : за «грѣхи ли нашихъ предковъ или за мои соб- «ственныя изгнанный изъ отечества, и скитаясь «въ земляхъ чуждыхъ, сколько терпѣль я бѣд- «ствій и печали! Но Богъ же милосердый , не «помянувъ моихъ беззаконій, и спась меня отъ «измѣнниковъ, возвращасть мнѣ Царство, ка- «раеть нашихъ злодѣевъ, преклоняетъ къ памъ «сердца людей, Россіянъ и чужеземцевъ, такъ, «что надѣемся скоро освободить вѣсъ и всѣхъ «друзей нашихъ, къ неописанной радости ва- «шего сына. Богу единому слава! Да будетъ «также вамъ извѣстіо, что Его Величество, Ко- «роль Сигизмундъ, нашъ пріятель, и вся Рѣчъ «Посполитая усердно содѣйствуютъ мнѣ въ оты- «сканіи наслѣдственной Державы» (175). Сія гра- мота , вѣроятно , не дошла до Миншка, заклю- ченнаго въ Ярославлѣ, но была конечно и пи- сана не для него, а единствено для тѣхъ, кото- рые еще могли вѣрить обману.

Самозванецъ зимовалъ въ Орлѣ спокойно, умножая число подданныхъ обольщеніемъ и си- лою ; слѣдуя правилу Шаховскаго и Болотни- кова, возмущалъ крестьянъ : объявляясь незави- симость и свободу тѣмъ, коихъ господа слу- жили Царю; жаловалъ холопей въ чины, даваль- помѣстья своимъ усерднымъ слугамъ, инозем- цамъ и Русскимъ (176). Тамъ прибыли къ нему знатные Князья, Рожинскій и Адамъ Вишне- вецкій , съ двумя или тремя тысячами всадни- ковъ (177). Первый, властолюбивый, надменный

и необузданый, въ жаркой распѣ собственою рукою умертилъ Мѣховецкаго, друга, наставника Лжедимитріева, и заступилъ мѣсто убитаго: сдѣлался Гетманомъ бродяги, презираемаго имъ и всѣми умными Ляхами.

Но Василій уже не могъ презирать сего злодѣя: еще не думая оставить юной супруги и столицы, онъ ввѣрилъ рать любимому своему брату, Дмитрію Шуйскому, Князьямъ Василію Голицыну, Дыкову, Волконскому, Нагому (¹⁷⁸); велѣлъ присоединиться къ нимъ Куракину, конницѣ Татарской и Мордовской, посланной еще изъ Тулы на Сѣверскую землю (¹⁷⁹), и если не былъ, то по крайней мѣрѣ казался удостовѣреннымъ, что власть законная, не взирая на смятеніе умовъ въ Россіи, одолѣтъ крамолу. Въ сіе время чиновникъ Шведскій, Петрей, находясь въ Москвѣ, остерегалъ Василія: доказывая, что явленіе Лжедимитріевъ есть дѣло Сигизмунда и Папы, предложившіе желавшихъ овладѣть Россіею, предлагали намъ, отъ имени Карла IX, союзъ и значительное вспоможеніе (¹⁸⁰); но Василій — также, какъ и Годуновъ (¹⁸¹) — сказалъ, что ему нуженъ только одинъ помощникъ, Богъ, а другихъ не надо. Къ несчастію, онъ долженъ былъ скоро перемѣнить мысли.

Главный Воевода, Дмитрій Шуйскій, от-

личался единственно величавостю и спесю ; не быть ни любимъ , ни уважаемъ войскомъ (¹⁸²) ; не имѣть ни духа ратнаго , ни прозорливости въ совѣтахъ и въ выборѣ людей ; имѣть зависть къ достоинствамъ блестящимъ и слабость къ ласкательямъ коварнымъ : для того , вѣроятно , не взялъ юнаго , счастливаго витязя , Скопина-Шуйскаго , и для того взялъ Князя Василія Голицына , знаменитаго измѣнами . Рать Московская остановилась въ Болховѣ ; не действовала , за тогдашними глубокими снѣгами (¹⁸³) , до самой весны , и дала непріятелю усилиться . Шуйскій и сподвижники его , утруженные зимнимъ походомъ , съ семидесятю тысячами воиновъ (¹⁸⁴) отдыхали ; а толпы Лжедимитріевы , не боясь ни морозовъ , ни снѣговъ , вездѣ разсыпались , брали города , жгли села и приближались къ Москвѣ . Начальники Рязаніи , Князь Хованскій и Думный Дворянинъ Ляпуновъ , хотѣли выгнать митежниковъ изъ Пронска , овладѣли его виѣшинами укрѣплѣніями и вломились въ городъ ; но Ляпунова тяжело ранили : Хованскій отступилъ — и чрезъ нѣсколько дней , подъ стѣнами Зарайска , быть на голову разбитъ Паномъ ^{Побѣда Лисовскаго.} Лисовскимъ (¹⁸⁵) , который оставилъ тамъ памятникъ своей побѣды , видимый и донынѣ : высокий курганъ , насыпанный надъ могилою убитыхъ въ семъ дѣлѣ Россіянъ .

Царю надлежало защитить Москву новымъ войскомъ. Писали къ Дмитрію Шуйскому, чтобы онъ не медлилъ, ишасть и дѣйствовалъ: Шуйскій наконецъ выступилъ, и верстахъ въ десяти отъ Болхова уже встрѣтилъ Самозванца (¹⁸⁶).

Апрѣлъ 13.

Первый вступилъ въ лѣло Князь Василій Голицынъ, и первый бѣжалъ; главное войско также дрогнуло: по запасное, подъ начальствомъ Куракина, смѣльямъ ударомъ остановило стремление непріятеля. Бились долго, и разошлись безъ побѣды. Съ честію пали многіе воины, Московскіе и Нѣмецкіе, коихъ главный сановникъ, Ламсдорфъ, тайно обѣщалъ Жедимитрію передаться къ нему со всею дружиною, но пьяный забылъ о семъ уговорѣ, и не мѣшилъ ей отличаться мужествомъ въ битвѣ. Въ слѣдующій день возобновилось кровопролитіе, и Шуйскій, излишне осторожный или робкій, велѣвъ преждевременно спасать тяжелыя пушки и везти назадъ къ Болхову, далъ мысль войску о худомъ концѣ сраженія: чѣмъ воспользовался Жедимитрій, извѣщеній перemetчикомъ (Боярскимъ Сыномъ, Лихаревымъ), и сильнымъ нападеніемъ смялъ ряды Москви-

Побѣда Самозванца. Капитанъ Ламсдорфъ, уже пешацій, предложилъ имъ братски соединиться съ Ляхами; но многіе, сказавъ: «наши жены и

«дѣти въ Москвѣ», ускакали въ слѣдъ за Россіянами. Остались 200 человѣкъ при знаменахъ съ Ламдорфомъ, ждали чести отъ Лжедимитрія — и были изрублены Козаками: Гетманъ Рожинскій вслѣдъ умертвить ихъ какъ обманщиковъ, за кровь Ляховъ, убитыхъ ими на канунѣ. Сія измѣна Нѣмцевъ утаилась отъ Василія: онъ паградилъ ихъ вдовъ и сиротъ, думая, что Ламдорфъ съ добрыми сподвижниками легъ за него въ жаркой сѣчѣ (¹⁸⁷).

Царскіе Воеводы и воины бѣжали къ Москвѣ; нѣкоторые, съ Княземъ Третьякомъ Сентовымъ, засѣли въ Болховѣ; другие ушли въ domы. Болховъ, гдѣ находилось 5000 людей ратныхъ (¹⁸⁸), сдался Лжедимитрію: всѣ они присягнули ему въ вѣрности, выступили съ нимъ къ Калугѣ, ношли особенно, подъ начальствомъ Князя Сентова. Москва была въ ужасѣ. Бѣглецы, оправдывая себя, въ разсказахъ своихъ умножали силы Самозванца, число Ляховъ, Козаковъ и Россійскихъ измѣнниковъ; даже увѣряли, что сей второй Лжедимитрій есть одинъ человѣкъ съ первымъ; что они узнали его въ битвѣ по храбрости еще болѣе, нежели по лицу. Чернь начинала уже винить Бояръ въ несчастной измѣнѣ Самозванцу ожившему, и думала, въ случаѣ крайности, выдать ихъ ему головами (¹⁸⁹); нѣкоторые только страшились, чтобы онъ,

въ Москвѣ.

какъ волшебникъ, не увидѣлъ на нихъ кро-
ви истерзанныхъ ими Ляховъ или своей
собственной! Но въ то же время достойные
Россіяне, многіе Дворяне и Дѣти Боярскіе,
оставивъ семейства, изъ ближнихъ горо-
довъ спѣшили въ столицу защитить Царя
въ опасности. Явились и миньи измѣн-
ники Болховскіе, Князь Третьякъ Сентовъ
съ пятью тысячами воиновъ: удостовѣрен-
ные, что Самозванецъ есть подлый злодѣй,
они ушли отъ него съ береговъ Оки въ
Москву, извиняясь минутнымъ страхомъ и
неволею (¹⁹⁰). Василій составилъ новое вой-
ско, и далъ начальство — къ несчастію,
поздно — знаменитому Князю Скопину и
доброму Боярину, Ивану Романову. Сie
войско стало на берегахъ Незнани, между
Москою и Калугою, ждало непріятеля, и
готовилось къ битвѣ, — но едва не было
жертвою гнуснаго заговора. Главные спо-
дивиды Скопина и Романова, чистыхъ
сердцемъ предъ людьми и Богомъ, не

Измѣна
Воево-
водъ. имѣли ихъ души благородной: Воеводы,
Князья Иванъ Катыревъ, Юрій Трубец-
кій (¹⁹¹), Троекуровъ, думая, что пришла
гибель Шуйскихъ, какъ пѣкогда Годуно-
выхъ, и что лучшее ускореніемъ ея сис-
кать милость бродяги, какъ сдѣлали Бас-
мановъ, нежели гибнуть вмѣстѣ съ Царемъ
злосчастнымъ, начали тайно склонять Дво-
рянъ и Дѣтей Боярскихъ къ измѣнѣ. Умы-

сель открылся : Василій приказалъ ихъ схватить , везти въ Москву, пытать — и, не сомнѣнно уличенныхъ , осудилъ единственно на ссылку, изъ уваженія къ древнимъ родамъ Княжескимъ : Катырева удалили въ Сибирь, Трубецкаго въ Тотьму, Троекурова въ Нижній ; но менѣе знатныхъ и менѣе виновныхъ преступниковъ, участниковъ злодѣйскаго кова, казнили : Желябовскаго и Невтева (¹⁹²). Встревоженный симъ происшествіемъ и вѣстю , что Самозванецъ обходитъ станъ Воеводъ Царскихъ и приближается къ Москвѣ другимъ путемъ , Государь велѣлъ имъ также ити къ столицѣ, для ся защиты.

1 Іюня Лжедимитрій съ своими Ляхами и Россіянами сталъ въ двѣнадцати верстахъ оттуда, на дорогѣ Волоколамской, въ сель Тушинѣ (¹⁹³), думая однимъ своимъ Самозванецъ званіемъ взволновать Москву и свергнуть въ Тушинѣ . Василія ; писать грамоты къ ся жителямъ, и тщетно ждалъ отвѣта. Войско , вѣрное Царю , заслоняло съ сей стороны городъ. Были кровопролитныя сшибки , но ничего не рѣшили. Уверяютъ , что Князь Рожинский хотѣлъ взять Москву немедленнымъ приступомъ , но что Лжедимитрій сказалъ ему : *Если разорите мою столицу, то где же мнѣ царствовать? если соожжете мою казну, то чьмъ же будетъ мнѣ наградить васъ?* «Сія жалость къ Москвѣ погубила его,»

пишеть Историкъ чужеземный (¹⁹⁴), который доброхотствовалъ злодѣю болѣе, нежели Россіи: «Самозванецъ щадилъ столицу, но не щадилъ «Государства, преданного имъ въ жертву Ля-хамъ и разбойникамъ. На пеплѣ Москвы скоро явилась бы новая; она уцѣлѣла, а вся Россія «сдѣлалась непелищемъ.» Но Самозванецъ, имѣя тысячу пятнадцать Ляховъ и Козаковъ, пятьдесятъ или шестьдесятъ тысячъ Россійскихъ измѣнниковъ (¹⁹⁵), большою частію худо вооруженныхъ, дѣйствительно ли имѣлъ способъ взять Москву, обширную твердыню, гдѣ кромѣ жителей, находилось не менѣе осьмидесяти тысячъ исправныхъ воиновъ подъ защитою крѣпкихъ стѣнъ и безчисленаго множества пушекъ? Лжедимитрій надѣялся болѣе на измѣну, нежели на силу (¹⁹⁶); хотѣлъ отрѣзать Москву отъ городовъ сѣверныхъ, и перенесь стань въ село Тайнинское, по быть самъ отрѣзанъ: войско Московское заняло Калужскую дорогу, и пресѣкло его сообщеніе съ Украиною, откуда шли къ нему новыя дружины Литовскія и везли запасы: дружины были разсѣяны, запасы взяты, и Лжедимитрій стѣсненъ на маломъ пространствѣ. Усильнымъ боемъ очистивъ себѣ путь, онъ возвратился въ Тушино (¹⁹⁷), избралъ мѣсто выгодное, между рѣками Москвою и Всходнею, подлѣ Волоколамской дороги, и сиѣшиль тамъ укрѣпиться валомъ съ глубокими рвами (коихъ слѣды видимъ и нынѣ). Воеводы Царскіе, Князь Скопинъ-Шуйскій, Романовъ и другіе (¹⁹⁸), стали

между Тушинымъ и Москвою, на Ходынкѣ; за ними и самъ Государь, на Прѣснѣ или Ваганковѣ, со всѣмъ Дворомъ и полками отборными: выѣзжая изъ столицы, онъ видѣлъ усердіе и любовь народа, слышалъ его искренніе обѣты вѣрности, и требовалъ отъ него тишины, великолушнаго спокойствія. Столица дѣйствительно казалась спокойною, извѣ оберегаемая Царемъ, внутри особеннымъ засаднымъ войскомъ, коимъ предводительствовали Бояре (¹⁹⁹), и которое, храня всѣ укрѣпленія отъ Кремля до слободъ, въ случаѣ нападенія могло одно спасти городъ. Вспоминали нашествіе, угрозы и гибель Болотникова; надѣялись, что будетъ тоже и Самозванцу, а Царю новая слава, и ежечасно ждали битвы. Но Царь, готовый обороняться, не думалъ наступать, и дамъ время непріятелю укрѣпиться въ Тушинскомъ станѣ: Василій занимался переговорами.

Уже нѣсколько мѣсяцевъ находились въ Москвѣ чиновники Сигизмундовы, Витовскій и Князь Друцкій-Соколинскій (²⁰⁰), присланные Королемъ поздравить Василія съ воцареніемъ и требовать свободы всѣхъ знатныхъ Ляховъ. Бояре предложили имъ возобновить мирный договоръ Годупова времени, нарушенный Сигизмундомъ столь безсовѣстно; по чиновники Королевскіе объявили, что имъ должно видѣться для того съ Литовскими Послами, заключенными въ Москвѣ, и что безъ нихъ они не могутъ ни чего сдѣлать. Бояре согласились (²⁰¹). Живъ 18 мѣ-

сящевъ въ страхѣ и въ скукѣ , тщетно хотѣвъ бѣжать и даже силою вырваться изъ неволи (²⁰²) , Олесницкій и Госѣвскій снова явились въ Кремлевскомъ дворцѣ , какъ Послы , съ вѣрющею грамотою Королевскою ; говорили , спорили , расходились съ неудовольствіемъ , чтобы опять сойтися . Мы желали мира : Ляхи желали только освободить единоземцевъ своихъ изъ рукъ нашихъ . Исполняя ихъ требованіе , Царь велѣлъ привезти въ Москву Воеводу Сен-домирскаго , и дозволилъ ему бесѣдовать съ ними тайно , наединѣ , безъ сомнѣнія не въ миролюбивомъ къ намъ расположении . . . Но Самозванецъ былъ уже подъ Москвою ! Имѣя одну цѣль : отнять у него союзниковъ - Ляховъ , Василій дозволилъ Князю Рожинскому навѣдываться , словесно или письменно , о здоровье Пословъ Сигизмундовыхъ : для чего сановники Литовскіеѣздили изъ Тушинскаго стаиа въ Москву , свободно и безопасно (²⁰³) . Наконецъ , 25 Июля , Послы заключили съ Боярами слѣдующій договоръ : «1) Въ теченіе трехъ міріевъ съ Литвою . «лѣтъ и одиннадцати мѣсяцевъ не быть «войнѣ между Россіею и Литвою . 2) Въ сіе «время условиться о вѣчномъ мирѣ или «двадцатилѣтнемъ перемирии . 3) Обоимъ «Государствамъ владѣть , чѣмъ владѣютъ . «4) Царю не помогать врагамъ Королевскимъ , Королю врагамъ Царя , ни людьми ,

«ни деньгами. 5) Воеводу Сенномирскаго
«съ дочерью и всѣхъ Ляховъ освободить и
«дать имъ нужное для путешествія до гра-
«ницы. 6) Князьямъ Рожинскому, Вишне-
«вецкому и другимъ Ляхамъ, безъ вѣдома
«Королевскаго вступившимъ въ службу къ
«злодѣю, второму Жедимитрію ⁽²⁰⁴⁾, не-
«медленно оставить его, и виредь не при-
«ставать къ бродягамъ, которые вздумаютъ
«именовать себя Царевичами Россійскими.
«7) Воеводѣ Сенномирскому не называть
«сего новаго обманщика своимъ зятемъ, и
«не выдавать за него дочери. 8) Марии не
«именоваться и не писаться Московскою
«Царицею ⁽²⁰⁵⁾.» Договоръ утвердили съ
обѣихъ сторонъ клятвою; но не Василій, а
Сигизмундъ достигъ цѣли. Коварство Ля-
ховъ открылось еще во время перегово-
ровъ.

Чиновники, посыпанные отъ Князя Ро- Ковар-
жинскаго изъ Тушина въ Москву, дѣйство-
вали какъ лазутчики, высматривая укрѣ-
пленія города и стана Ходынскаго. Царь
быть неостороженъ: Воеводы еще неосто-
рожиѣ. Сперва они бодрствовали неuto-
мимо, днемъ и ночью, въ доспѣхахъ и на
коняхъ; вдали легкіе отряды, вокругъ не-
усыпная стража. Но тишина, бездѣйствіе и
слухъ о мирѣ съ Ляхами уменьшили опасеніе: Россіяне уже не береглися; а Гет-
манъ Жедимитріевъ, ночью, съ Ляхами и

Козаками незапно удариль на станъ Ходынскій : захватилъ обозъ и пушки , рѣзаль сонныхъ или безоружныхъ , и гналь изумленныхъ ужасомъ бѣглецовъ почти до самой Прѣсни , гдѣ ихъ встрѣтило войско , высланное Царемъ съ Людьми Ближними , Стольниками , Стряпчими и Жильцами . Тутъ началася кровопролитная битва , и непріятель долженъ былъ отступить ; его тѣснили и гнали до Ходынки (²⁰⁶).

Василій могъ справедливо жаловаться , что Ляхи , заключая миръ , воюютъ и нападаютъ въ расплохъ : онъ скоро увидѣлъ ихъ совершенное вѣроломство . Исполняя договоръ , Василій вмѣстѣ съ Послами немедленно отпустилъ въ Литву Воеводу Сенномирскаго , Марину и всѣхъ ихъ знатныхъ единоземцевъ изъ Москвы и другихъ мѣсть , гдѣ они содержались ; далъ имъ для храненія воинскую дружину подъ начальствомъ Князя Владимира Долгорукаго , и надѣялся , что Рожинскій , Вишневецкій и другіе Паны , извѣщенные объ условіяхъ мира , оставятъ Лжедимитрія : но никто изъ нихъ не думалъ оставить его ! Они дали время Посламъ и Минишу удалиться , и снова начали воевать , не внимая убѣжденіямъ нашихъ Бояръ , которые писали къ нимъ , что обманъ столь гнусный достоинъ не витязей Державы Христіанской , а подлыхъ слугъ злодѣя подлаго ; что если Рожинскій имѣеть хотя искру чести въ душѣ , то обязанъ выдать Самозванца для казни , и немедленно выйти изъ Россіи (²⁰⁷) . Число Ляховъ грабителей

еще умножилось семью тысячами всадниковъ, приведенныхъ въ Тушино Усвятскимъ Старостою, Яномъ Петромъ Санѣгою (²⁰⁸). Сей Рыцарь знатный, воинскими способностями превосходя всѣхъ иныхъ сподвижниковъ бродяги, превосходилъ ихъ и въ безстыдствѣ: зналъ, кто онъ; смеялся надъ нимъ и надъ Россіянами; говорилъ: «мы жалуемъ въ Цари Московскіе, «кого хотимъ» (²⁰⁹); жегъ, грабилъ и хвалился Римскимъ геройствомъ! Санѣга хотѣлъ битвою рѣшить судьбу Москвы, и тревожилъ нападеніями стань Ходынскій (²¹⁰): Рожинскій, управляя Самозванцемъ, медлилъ, ожидая скорой измѣны въ столицѣ: ибо тамъ уже дѣйствовали злодѣи, ненавистники Василіевы; сносились еще съ Послами Литовскими (²¹¹), сносились и съ Гетманомъ Жедимиріевымъ, давали имъ соѣты, готовили предательство. Нетерпѣливый и гордый Санѣга отдался отъ Гетмана; желалъ начальствовать независимо, завоевать внутреннія области Россіи, и съ пятнадцатью тысячами двинулся къ Лаврѣ Сергіевой, чтобы разграбить ея богатство. Съ другой стороны Панъ Лисовскій, именемъ Дмитрія присоединивъ къ своимъ шайкамъ 30,000 измѣнниковъ Тульскихъ и Рязанскихъ (²¹²), взялъ Коломну, плѣнилъ тамошняго Воеводу Долгорукаго, Епископа Іосифа, Дѣтей Боярскихъ и шелъ къ Москвѣ. Царь выслалъ противъ него Князей Куракина и Лыкова, которые на берегахъ Москвы рѣки, на Медвѣжьемъ Броду, сражались цѣлый

день, разбили непріятеля, освободили Коломенскихъ плѣнниковъ⁽²¹³⁾ — и Лисовской, хотѣвъ явиться въ Тушинъ побѣдителемъ, явился тамъ бѣглецомъ съ немногими всадниками. Царскіе Воеводы, Иванъ Бутурлинъ и Глѣбовъ, снова заняли Коломну.

Сей успѣхъ былъ предтечою бѣдствія. Князья Иванъ Шуйскій и Григорій Ромодановскій, посланные съ войскомъ въ слѣдъ за Сапѣгою, настигли его между селомъ Здвиженскимъ и Рахманцовымъ: отразили два нападенія и взяли пушки. Казалось, что они побѣдили; но Сапѣга, раненный пулею въ лицо, не выпускалъ меча изъ рукъ, и сказавъ своимъ⁽²¹⁴⁾: «отечество далеко; спасеніе и честь впереди, а

Побѣда
Сапѣги.

«за спиною стыдъ и гибель,» третьимъ отчаяннымъ ударомъ смѣшалъ Москвитинъ. Винили Воеводу Федора Головина, который первый дрогнулъ и бѣжалъ; хвалили Ромодановскаго, который не думалъ о сынѣ, подлѣ него убитомъ, и сражался мужественно: другое слѣдовали примѣру Головина, а не Ромодановскаго, и, бывъ числомъ вдвое сильнѣе непріятеля, разсыпались, какъ стадо овецъ. Сапѣга гналъ ихъ 15 верстъ, взялъ 20 знаменъ и множество плѣнниковъ. Воеводы съ главными чиновниками бѣжали по крайней мѣрѣ къ Царю, но воины въ дому свои, крича:

«идемъ защищть нашихъ женъ и дѣтей отъ «непріятеля (215)!»

Другое важное происшествіе имѣло для Москвы и Россіи еще вреднѣйшее слѣдствіе. Послы Литовскіе и Мнишекъ, выѣзжая изъ столицы, уже знали, чemu надлежало случиться, бывъ въ тайномъ сношеніи съ Лжедимитріевыми союзниками, какъ мы сказали (216). Василій далъ на себя оружіе злодѣямъ, давъ свободу Маринѣ. Онъ вѣрилъ договору и клятвѣ; но могъ ли благоразумно вѣрить имъ въ такихъ обстоятельствахъ, въ такомъ общемъ забвеніи всѣхъ установъ чести и справедливости? Князь Долгорукій ѿхалъ съ Послами и съ Воеводою Сеномирскимъ черезъ Угличъ, Тверь, Бѣлую, къ Смоленской границѣ, и былъ встрѣченъ сильнымъ отрядомъ конницы, высланной изъ Тушинскаго стапа съ двумя чиновными Ляхами, Зборовскимъ и Стадницкимъ (217), чтобы освободить Марину. Долгорукій не могъ или не хотѣлъ противиться; воины его разбѣжались: онъ самъ ускакалъ назадъ въ Москву; а чиновники Лжедимитріевы, объявивъ Маринѣ, что супругъ ждетъ ее съ нетерпѣніемъ, вручили грамоту отцу ея. «Мы сердечно обрадовались» — писалъ къ нему Самозванецъ — «услышавъ о вашемъ «отъѣздѣ изъ Москвы: ибо лучше знать, что «вы далѣе, но свободны, нежели думать, что вы «близко, но въ плѣну. Сиѣшите къ нѣжному «сыну. Не въ униженіи, какъ теперь, а въ чести и въ славѣ, какъ будетъ скоро, должна ви-

«дѣть васть Польша. Мать моя, ваша су-
«пруга, здорова и благополучна въ Сендо-
«мирѣ: ей все извѣстно.» Мнишекъ и Ма-

рина не колебались. Отечество, безопас-
ность, вельможество и богатство, еще до-
статочное для жизни роскошной, не имѣли
для нихъ прелести трона и миценія; ни
опасности, ни стыдъ не могли удержать
ихъ отъ новаго, вѣроломнаго и еще гиус-
нѣйшаго союза съ злодѣйствомъ. Лжеди-
митрій звалъ къ себѣ и Пословъ Сигиз-
мундовыхъ: одинъ Николай Олесницкій
возвратился; другіе спѣшили въ Литву⁽²¹⁸⁾,
не хотѣвъ быть свидѣтелями срамнаго тор-
жества Маринѣ, которая ѿхала къ мни-
мому Царю своему пышно и безопасно,
мѣстами уже ему подвластными. Узпавъ,
что она приближается, Самозванецъ ве-
лѣль палить изъ всѣхъ пушекъ⁽²¹⁹⁾; но
Марина остановилась въ шатрахъ за вер-
сту отъ Тушина: тамъ было первое свиди-
ніе, и не радостное, какъ пишутъ. Марина
знала истину; знала вѣрно, что убитый
мужъ ея не воскресъ изъ мертвыхъ, и за-
благовременно приготовилась къ обману:
съ печалію однакожъ увидѣла сего втораго
Самозванца, гадкаго наружностію, грубаго,
низкаго душою — и, еще не мертвая для
чувствъ женскаго сердца, содрогнулась отъ
мысли раздѣлять ложе съ такимъ человѣ-
комъ. Но поздно! Мнишекъ и честолюбіе

убѣдили Марину преодолѣть слабость. Условились, чтобы Духовникъ Воеводы Сеномирскаго, Іезуитъ, тайно обвиначалъ ее съ Лжедимитріемъ, который далъ слово жить съ нею какъ братъ съ сестрою, до завоеванія Москвы (220). Наконецъ, 1 Сентября, Марина торжественно вѣхала въ Тушинскій станъ, и лицедѣйствовала столь искусно, что зрители умилялись ея нѣжностію къ супругу: радостныя слезы, объятія, слова внушенныя, казалось, истиннымъ чувствомъ — все было употреблено для обмана, и не бесполезно: многіе вѣрили ему, или по крайней мѣрѣ говорили, что вѣрятъ, и Россійскіе измѣнники писали къ своимъ друзьямъ: «Дмитрій есть безъ «сомнѣнія истинный, когда Марина признала въ «немъ мужа» (221). Сіи письма имѣли дѣйствіе: изъ разныхъ городовъ, изъ самаго войска Царскаго пріѣхали къ злодѣю Дворяне, люди чиновные, Столъники: Князья Дмитрій Трубецкій, Черкасскій, Алексѣй Сицкій, Засѣкины, Михайло Бутурлинъ, Дьякъ Грамотинъ, Третьяковъ и другіе, которые знали первого Лжедимитрія, и следствіенно знали обманъ втораго (222). Въ числѣ сихъ немаловажныхъ измѣнниковъ находился и знатнѣйшій, Вельможа, Дворецкій Отрепьевъ, Князь Василій Рубецъ-Мосальскій: сосланный воеводствовать въ Кексгольмъ, онъ былъ вызванъ или привезенъ въ Москву какъ человѣкъ подозрительный, видѣль себя въ опаљи и съ дерзостію явился на новомъ феатрѣ здѣйствія (223). Другіе, менѣе безсовѣстные, но

малодушные, не ожидая ничего, кроме бѣдствій для Царя, разъѣхались отъ него по домамъ⁽²²⁴⁾; не тронулись, и были ему до конца вѣрины, одни Украинскіе Дворяне и Дѣти Боярскіе, вопреки бунтамъ ихъ отчизны клитой⁽²²⁵⁾.

Ско-
ни-
посланъ
къ Шве-
дамъ.

Видя страшное начало измѣнъ и ежедневное уменьшеніе войска, Василій рѣшился устраниить гордость народную: доселѣ не хотѣвъ слышать о вспоможеніи иноземномъ, велѣлъ своему знаменитому племяннику, Князю Михаилу Скоинину-Шуйскому,ѣхать къ непріятелю Сигизмундову, Карлу IX, заключить съ нимъ союзъ и привести Шведовъ для спасенія Россіи! Уже Царь могъ безъ вины не вѣрить отечеству, зараженному духомъ предательства — и лучшій изъ Воеводъ, хотя и юнѣйшій, въ годину величайшей опасности съ печалію удалился отъ рати, лумая, что онъ возвратится, можетъ быть, уже поздно, не снасти Царя, а только умереть послѣднимъ изъ достойныхъ Россіянъ!... Тогда же Царь писалъ къ Государямъ западной Европы, къ Королю Датскому, Англійскому и къ Императору⁽²²⁶⁾, о вѣроломствѣ Сигизмундовомъ, требуя ихъ вспоможенія или, по крайней мѣрѣ, суда беспристрастнаго. Но не въ такихъ обстоятельствахъ Державы находять союзниковъ ревностныхъ: касаясь гибели, Россія могла

быть только предметомъ любопытства или бесплодной жалости для отдаленной Европы!

Еще оказывая благородную неустрашимость, Василій искалъ если не геройства, то стыда въ Россіянахъ; собраль воиновъ и спрашивалъ, кто хочетъ стоять съ нимъ за Москву и за Царство? говорилъ: «Для чѣго срамить себя бѣгствомъ? Даю вамъ слово: идите, куда хотите! Пусть толькѣ вѣриые останутся со мною!» Казалось, что воины ждали сего великодушнаго слова: требовали Евангелія и креста; наперевѣръ цѣловали его и клялися умереть за Царя . . . а на другой и въ слѣдующіе дни толпами бѣжали въ Тушино . . . тѣ, которые еще недавно служили вѣрою Иоанну ужасному, измѣняли Царю снисходительному, передавались къ бродягѣ и Ляхамъ, аревнимъ венріятелямъ Россіи, исполненнымъ злобной мести и справедливаго къ нимъ презрѣнія! Чудесное изступленіе страстей, изъясняемое единственно гнѣвомъ Божіимъ! Сей народъ, безмолвный въ грозахъ Самодержавія наследственнаго, уже игралъ Царями, узнавъ, что они могутъ быть избираемы и низвергаемы его властію или дерзкимъ своевольствомъ (²²⁷)!

Съ такимъ ли войскомъ могъ Василій отважиться на рѣшительную битву въ по-

ль? Бывъ дотолъ защитникомъ Москвы, опь уже искалъ въ ней защиты для себя: вступилъ со всѣми полками въ столицу (²²⁸), орошенную кровю Самозванца и Ляховъ, туда, гдѣ страхъ лютої мести долженъ былъ воспламенить и малодушныхъ для отчаянного сопротивленія. Всѣ улицы, стѣны, башни, земляные укрѣпленія наполнились воинами, подъ начальствомъ мужей Думныхъ (²²⁹), которые еще съ видомъ усердія ободряли ихъ и народъ. Но не было уже ни взаимной довѣренности между государственою властію и подданными, ни ревности въ душахъ, какъ бы утомленныхъ напряженіемъ силъ въ непрестанномъ бореніи съ опасностями грозными. Все ослабѣло: благоговѣніе къ сану Царскому, уваженіе къ Синклиту и Духовенству. Блескъ Василіевой великодушной твердости затмѣвался въ глазахъ страждущей Россіи его несчастіемъ, которое ставили ему въ вину и въ обманъ: ибо сей Властолюбецъ, принимал скіпетръ, обѣщалъ благоденствіе Государству. Видѣли ревностную мольбу Василіеву въ храмахъ; но Богъ не внималъ ей — и Царь злосчастный казался народу Царемъ неблагословеннымъ, отверженнымъ. Духовенство славило высокую добродѣтель Вѣнценосца (²³⁰), и Бояре еще изъявляли къ нему усердіе; но Москвитяне помнили, что Духовенство славило и кляло Годунова, славило и кляло Отрепьева; что Бояре изъявляли усердіе и къ Разстрѣгѣ накапунѣ его убіенія. Въ смятеніи мыслей и чувствъ, добрые скорбѣли,

слабые недоумѣвали, злые дѣйствовали... и гнусныя измѣны продолжались.

Столица уже не имѣла войска въ полѣ: конные дружины непріятельскія, разыѣзжая въ виду стѣнъ ея, прикрывали бѣгство Московскихъ измѣнниковъ, воиновъ и чиновниковъ, къ Самозванцу; многіе изъ нихъ возвращались съ увѣренiemъ, что онъ не Димитрій⁽²³¹⁾, и снова уходили къ нему. Злодѣйство уже казалось только легкомысліемъ; уже не мерзили сими обыкновенными бѣглецами, а шутили надъ ними, называя ихъ *перелетами* ⁽²³²⁾. Развратъ былъ столь ужасенъ, что родственники и ближніе уговаривались между собою, кому оставаться въ Москвѣ, комуѣхать въ Тушино, чтобы пользоваться выгодами той и другой стороны, а въ случаѣ несчастія, здѣсь или тамъ, имѣть заступниковъ. Вмѣстѣ обѣлавъ и пирававъ (тогда еще пиравали въ Москвѣ!) одни спѣшили къ Царю въ Кремлевскія палаты, другіе къ Царику: такъ именовали втораго Лжедимитрія. Взявъ жалованье изъ казны Московской, требовали иного изъ Тушинской — и получали! Купцы и Дворяне за деньги снабдѣвали станъ непріятельскій яствами, солью, платьемъ, оружіемъ, и не тайно: знали, видѣли и молчали; а кто доносилъ Царю, именовался *наушникомъ* ⁽²³³⁾. Василій колебался: то не смѣлъ въ крайности быть

Раз-
вратъ
въ Мон-
скуѣ.

жестокимъ, подобно Годунову (²³⁴), и спускаль преступникамъ; то хотѣль строгостю унять ихъ, и вѣря иногда клеветникамъ, наказывалъ невинныхъ, къ умножению зла. «Вельможи его» — говоритъ Лѣтописецъ — «были въ смущеніи и въ двоемыслії: служили ему языкомъ, а не душою и тѣломъ; некоторые дерзали и словами язвить Царя заочно, вопреки при «сиянью и совѣсти.» Не взирая на то, Москва, наученная примѣромъ Отрецьева (²³⁵), еще не думала предать Царя; еще вѣрность, хотя и сомнительная, одолѣвала измѣну въ войскѣ и въ народа: все колебалось, но еще не падало къ ногамъ Самозванца. Окруженная твердынями, наполненная воинами, столица могла не страшиться приступа, когда гордый Сапъга, въ сіе время, тщетно силился взять и монастырскую ограду, гдѣ горсть защитниковъ среди ужасовъ беззаконія и стыда еще помнила Бога и честь Русского имени.

Троицкая Лавра Св. Сергія (въ шестидесяти четырехъ верстахъ отъ столицы), прельщая Ляховъ своимъ богатствомъ, множествомъ золотыхъ и серебряныхъ судовъ, драгоценныхъ каменьевъ, образовъ, крестовъ, была важна и въ воинскомъ смыслѣ, способствуя удобному сообщенію Москвы съ Сѣверомъ и Востокомъ Россіи: съ Новымгородомъ, Вологдою,

Знаменитая
основа
Лавры.

Пермію, Сибирскою землею, съ областю Влади-
мирскою, Нижегородскою и Казанскою, откуда
шли на помощь къ Царю дружины ратныя, везли
казну и запасы. Основанная въ лѣсной пустынѣ,
среди овраговъ и горъ, Лавра еще въ царство-
вание Иоанна IV была ограждена (на простран-
ствѣ шести сотъ сорока двухъ саженей) камен-
ными стѣнами (вышиною въ четыре, толщиною
въ три сажени) съ башнями, острогомъ и глубо-
кимъ рвомъ (²³⁶) : предусмотрительный Василій
успѣхъ занять ее дружинами Дѣтей Боярскихъ,
Козаковъ вѣрныхъ, Стрѣльцевъ, и съ помощью
усердныхъ Иночовъ снабдить всѣмъ нужнымъ
для сопротивления долговременнаго. Сіи Иночи
— изъ коихъ многіе, бывъ мірянами, служили
Царямъ въ чинахъ воинскихъ и Думныхъ —
взяли на себя не только значительныя издержки
и молитву, но и труды кровавые въ бѣдствіяхъ
отечества; не только, сверхъ рясы надѣвъ до-
скихи, ждали непріятеля подъ своими стѣнами,
но и выходили вмѣстѣ съ воинами на дороги,
чтобы истреблять его разѣзды, ловить вѣстни-
ковъ и лазутчиковъ, прикрывать обозы Цар-
скіе (²³⁷); дѣйствовали и невидимо въ станахъ
вражескихъ, писменными увиціями отнимая
клевретовъ у Самозванца, трогая совѣсть легко-
мысленныхъ, еще незакосицьлыхъ пѣмѣнниковъ,
и представляя имъ въ спасительное убѣжище
Лавру, гдѣ число добрыхъ подвижниковъ, оду-
шевленныхъ чистою ревностію или раскаяніемъ,
умножалось. «Доколѣ» — говорили Жедимитрю

Ляхи — «доколъ свирѣпствовать противъ нась «симъ кровожаднымъ вранамъ, гнѣздащимся въ «ихъ каменномъ гробѣ»⁽²³⁸⁾? Города многолюдные «и цѣлья области уже твои; Шуйскій бѣжалъ «отъ тебя съ войскомъ, а Чернцы ведутъ дерз-«кую войну съ тобою! Разсыплемъ ихъ прахъ и «жилище!» Еще Лисовскій, злодѣйствуя въ Пе-реславской и Владимірской области, мыслилъ взять Лавру; увидѣвъ трудность, прошелъ мимо, и скегъ только посадъ Клементьевскій⁽²³⁹⁾: но Сапѣга, разбивъ Князей Ивана Шуйскаго и Ромодановскаго⁽²⁴⁰⁾, хотѣлъ, чего бы то ни стоило, овладѣть ею.

Сія осада знаменита въ нашихъ лѣтописяхъ не менѣе Псковской, и еще удивительнѣе: первая утѣшила народъ во время его страданія отъ жестокости Іоанновой; другая утѣшаетъ потомство въ страданіи за предковъ, униженныхъ развратомъ. Въ общемъ паденіи духа увидимъ доблѣсть нѣкоторыхъ, и въ ней причину государственнаго спасенія: казня Россію, Всеяниій не хотѣлъ ся гибели, и для того еще оставилъ ей такихъ гражданъ. Не устранимъ подробностей въ описаніи дѣлъ славныхъ, совершенныхъ хотя и въ предѣлахъ смиренной Обители Монашеской, людьми простыми, низкими званіемъ, высокими единственно душою!

23 Сентября Сапѣга, а съ нимъ и Лисовскій; Князь Константинъ Вишневецкій, Тишкѣвичи и многіе другіе знатные Паны, предводительствуя тридцатью тысячами Ляховъ, Козаковъ и Рос-

сійскихъ измѣнниковъ, стали въ виду монастыря на Клементьевскомъ полѣ (²⁴¹). Осадные Воеводы Лавры, Князь Григорій Долгорукій и Алексѣй Голохвастовъ, желая узнать непріятеля и показать ему свое мужество, сдѣлали вылазку, и возвратились съ малымъ урономъ, давъ время жителямъ монастырскихъ слободъ обратить ихъ въ пепель: каждый зажегъ домъ свой, спасая только семейство, и спѣшилъ въ Лавру. Непріятель, въ слѣдующій день, осмотрѣвъ мѣста, занялъ всѣ высоты и всѣ пути, расположился становъ и началъ укрѣпляться (²⁴²). Между тѣмъ Лавра наполнилась множествомъ людей, которые искали въ ней убѣжища, не могли вмѣститься въ келліяхъ и не имѣли крова: больные, дѣти, родильницы лежали на дождѣ въ холодную осень (²⁴³). Легко было предвидѣть дальнѣйшія, гибельныя слѣдствія тѣсноты; но добрые Ипоки говорили: «Св. Сергій не отвергаетъ «злосчастныхъ» — и всѣхъ принимали. Воеводы, Архимандритъ Іоасафъ и Соборные Старцы урядили защиту: вездѣ разставили пушки; назначили, кому биться на стѣнахъ, или въ вылазкахъ, и Князь Долгорукій съ Голохвастовымъ первые, надъ гробомъ Св. Сергія, поцѣловали крестъ въ томъ, чтобы сидѣть въ осадѣ безъ измѣны (²⁴⁴). Всѣ люди ратные и монастырскіе слѣдовали ихъ примѣру въ духѣ любви и братства, ободряли другъ друга и съ ревностію готовились къ трапезѣ кровопролитной, пить чашу смертную за отечество (²⁴⁵). Съ сего времени

пъніе не умолкало въ церквахъ Лавры, ни днемъ, ни ночью.

29 Сентября Сапѣга и Лисовскій писали къ Воеводамъ: «Покоритесь Димитрію, истинному Царю вашему и нашему, который не только «сильнѣе, но и милостивѣе Лжецаря Шуйскаго, «имѧ, чѣмъ жаловать вѣриныхъ, ибо владѣть «уже едва не всѣмъ Государствомъ, стѣснивъ «своего злодѣя въ Москвѣ осажденой. Если «мирно сдадитесь, то будете Намѣстниками Троицкаго града и владѣтелями многихъ селъ богатыхъ; въ случаѣ безполезнаго упорства, падутъ ваши головы.» Они писали и къ Архимандриту и къ Инокамъ, напоминая имъ милость Иоанна къ Лаврѣ, и требуя благодарности, ожидаемой отъ нихъ его сыномъ и невѣсткою. Архимандритъ и Воеводы читали сіи грамоты всенародно; а Монахи и воины сказали: «успавіе наше есть Святая Троица, стѣна и щитъ «Богоматерь, Святые Сергій и Никонъ сподвижники: не страшимся!» Въ бранномъ отвѣтѣ Ляхамъ не оставили слова на миръ; но не тронули измѣниника, Сына Боярскаго, Безсона Руготина, который привозилъ къ нимъ Сапѣгинны грамоты (²⁴⁶).

30 Сентября непріятель утвердилъ туры на горѣ Волкушѣ, Терентьевской, Круглой и Красной (²⁴⁷); выкопалъ ровъ отъ Келарева пруда до Глинняного врага, насыпалъ широкій валъ, и съ 3 Октября, въ теченіе шести недѣль, палилъ изъ шестидесяти трехъ пушекъ (²⁴⁸), стараясь разру-

шить каменную ограду; стѣны, башни тряслись, но не падали, отъ худаго ли искусства пушкарей, или отъ малости ихъ орудій: сыпались кирпичи, лѣвались отверстія и немедленно задѣлывались; ядра каленые летѣли мимо зданій монастырскихъ въ пруды, или гасли на пустыряхъ и въ ямахъ, къ удивленію осажденныхъ, которые, видя въ томъ чудесную къ нимъ милость Божію, укрѣплялись духомъ, и въ ожиданіи приступа всѣ исповѣдались, чтобы съ чистою совѣстю не робѣть смерти; многіе постриглись, желая умереть въ санѣ Монашескомъ. Иночі, лѣвясь воинами опасности и труды, ежедневно обходили стѣны съ святыми иконами.

Санѣга готовился къ первому рѣшительному лѣлу не молитвою, це покаяніемъ, а пиромъ для всего войска. 12 Октября съ утра до вечера Ляхи и Россійскіе измѣнники шумѣли въ станѣ, цили, стрѣляли, скакали на лошадяхъ съ знаменами вокругъ Лавры, въ сумерки вышли полками къ турамъ, заняли дорогу Углицкую, Переславскую, и ночью устремились къ монастырю съ лѣстницами, щитами и тарасами, съ крикомъ и музыкою. Ихъ встрѣтили залпомъ изъ пушекъ и пищалей; не допустили до стѣнъ; многихъ убили, ранили: всѣ другіе бѣжали, кинувъ лѣстницы, щиты и тарасы (²¹⁹). Въ слѣдующее утро осажденные взяли сіи трофеи и предали огню, славя Бога. — Не одолѣвъ силою, Санѣга сице думалъ взять Лавру угрозами и лестію: Ляхи мирно подѣбжали къ стѣнамъ, указывали на

свое многочисленное войско, предлагали выгодные условия; но чѣмъ болѣе требовали сдачи, тѣмъ менѣе казались страшными для осажденныхъ, которые уже дѣйствовали и наступательно.

19 Октября, видя малое число непріятелей въ огородахъ монастырскихъ, Стрѣльцы и Козаки безъ повелѣнія Воеводъ спустились на веревкахъ съ стѣны, напали и перерѣзали тамъ всѣхъ Ляховъ. Пользуясь сею ревностію, Князь Долгорукій и Голохвастовъ тогда же сдѣлали смѣлую вылазку съ конными и пѣхотными дружинами, къ турамъ Красной горы, чтобы разрушить непріятельскія бойницы; но въ жестокой сѣчѣ лишились многихъ добрыхъ воиновъ (²⁵⁰). Никто не отдался въ плѣнь; раненыхъ и мертвыхъ принесли въ Лавру, всего болѣе жалѣя о храбромъ чиновникѣ Бреховѣ: онъ еще дышалъ, и бытъ вмѣстѣ съ другими умирающими постриженъ въ Монахи.... Въ возмездіе за вѣрную службу Царю земному, отчество передавало ихъ въ Образѣ Ангельскомъ Царю Небесному.

Гордясь симъ дѣломъ какъ побѣдою, непріятель хотѣлъ довершить ее: въ темную осеннюю ночь (25 Октября), когда огни едва свѣтились и все затихло въ Лаврѣ, дремлющіе воины встрепенулись отъ незаинаго шума: Ляхи и Россійские измѣнники, подъ громомъ всѣхъ своихъ бойницъ, съ крикомъ и воплемъ, стремились къ монастырю, достигли рва, и соломою съ берестомъ зажгли острогъ: яркое пламя озарило ихъ

толпы какъ бы днемъ, въ цѣль пушкамъ и пищалямъ. Сильною стрѣльбою и гранатами осажденные побили множество смѣлѣйшихъ Ляховъ и не дали имъ сжечь острога; непріятель ушелъ въ свои законы, но и въ нихъ не остался: при свѣтѣ восходящаго солнца видя на стѣнахъ церковныя хоругви, воиновъ, Священниковъ, которые пѣли тамъ благодарственный молебенъ за победу, онъ устрашился нападенія и бѣжалъ въ станъ укрѣпленный. Нѣсколько дней минуло въ бездѣйствіи (251).

Но Санѣга и Лисовскій въ типинѣ готовили гибель Лаврѣ: вели подкопы къ стѣнамъ ея (252). Угадывая сіе тайное дѣло, Князь Долгорукій и Голохвастовъ хотѣли добыть языковъ: сдѣлали вылазку на Княжеское поле, къ Мишутинскому врагу, гдѣ, разбивъ непріятельскую стражу, захватили Литовскаго Ротмистра, Брушевскаго, и безъ урона возвратились, не давъ Санѣгѣ преградить имъ пути. Разспрашивали чиновнаго пленника и пытали: онъ сказалъ, что Ляхи дѣйствительно ведутъ подкопъ, но не зналъ мѣста (253). Воеводы избрали человѣка искуснаго въ ремеслѣ горномъ, монастырскаго слугу, Корсакова, и велѣли ему дѣлать подъ башнями такъ называемые *служи*, или ямы въ глубину земли, чтобы слушать тамъ голоса или стука людей копающихъ въ ея пѣдрахъ; велѣли еще углубить ровъ виѣ Лавры, отъ Востока къ Сѣверу (254). Сія работа произвела двѣ битвы кро-

вонролитныя : непріятель началъ на копателей, но былъ отраженъ дѣйствіемъ монастырскихъ пушекъ. Въ другой сѣчѣ за рвомъ, Ноября 1, Ляхи убили 190 человѣкъ и взяли не сколько плѣнниковъ (²⁵⁵) ; стѣснили осажденныхъ, не пускали ихъ черпать воды въ прудахъ виѣ крѣпости (²⁵⁶), и приблизили свои окопы къ стѣнамъ. Сердца уныли и въ великодушныхъ : видѣли уменшеніе силъ ратныхъ ; опасались болѣзней отъ тѣсноты и недостатка въ хорошей водѣ ; знали вѣрно, что есть подкопъ, но не знали, гдѣ, и могли ежечасно взлетѣть на воздухъ (²⁵⁷). Тогда же не сколько ядеръ упало въ Лавру : одно ударило въ большой колоколь, въ церковь, и, къ общему ужасу, раздробило святые иконы , предъ коими пародъ молился съ усердіемъ ; другимъ убило Июкиню ; третьимъ, въ день Архангела Михаила , оторвало ногу у Старца Корнилія : сей Июкъ благочестивый, неходя кровію, сказалъ : «Богъ Архистратигомъ «своимъ Михаиломъ отмстить кровь Христіанскую» — и тихо скончался. Тогда же между вѣрными Россіянами нашлися и невѣрные : слуга монастырскій, Селевинъ, бѣжалъ къ Ляхамъ. Боялись его извѣстовъ, козией и тайныхъ единомышленниковъ : одинъ примѣръ измѣнился уже опасенъ (²⁵⁸). — Въ сихъ обстоятельствахъ не измѣнилась ревность добрыхъ Старцевъ : первые на молитвѣ, на стражѣ и въ битвахъ, они словомъ и дѣломъ воспламеняли защитниковъ , представляя имъ малодушіе грѣхомъ , не-

робкую смерть долгомъ Христіанскимъ и гибель временную вѣчнымъ спасеніемъ (²⁵⁹).

Битвы продолжались. Осажденные сдѣлали въ землю ходъ, изъ-подъ стѣны въ ровъ, съ тремя желѣзными воротами для скорѣйшихъ вылазокъ (²⁶⁰) ; въ темныя почти нападали на окони непріятельскіе, хватали языковъ, допрашивали и свѣдали наконецъ важную тайну : тяжело раненный пѣщникъ, Козакъ Дѣдиловскій, умирая Христіаниномъ, указалъ Воеводамъ мѣсто подкопа : Ляхи вели его отъ мельницы къ круглой угольной башнѣ нижняго монастыря (²⁶¹). Укрѣпивъ сіе мѣсто частоколомъ и турами, Воеводы рѣшились уничтожить опасный замыселъ Сапъги. Два случая ободрили ихъ : мѣткою стрѣльбою имъ удалось разбить главную Литовскую пушку, которая называлась Треццерою, и болѣе иныхъ вредила монастырю. Другое счастливое происшествіе уменьшило силу непріятеля : 500 Козаковъ Донскихъ, съ Атаманомъ Епифанцемъ, устыдились воевать святую Обитель и бѣжали отъ Сапъгі въ свою отчизну (²⁶²). 9 Ноября, за три часа до свѣта, взявъ благословеніе Архимандрита надъ гробомъ Св. Сергія, Воеводы тихо вышли изъ крѣпости съ людьми ратными и Монахами. Глубокая тьма скрывала ихъ отъ непріятеля ; но какъ скоро они стали въ ряды, сильный порывъ вѣтра разсѣялъ облака : мгла исчезла ; ударили въ осадный колоколь , и всѣ кинулись впередъ, восклицая имя Св. Сергія (²⁶³). Нападеніе было

сь трехъ сторонъ , но стремились къ одной цѣли : выгнали Козаковъ и Ляховъ изъ ближайшихъ укрѣпленій , овладѣли мельницею , нашли и взорвали подкопъ , къ сожалѣнію , съ двумя смѣльчаками (Шиловымъ и Слотомъ , Клементьевскими землемѣльцами) , которые наполнили его веществомъ горючимъ , зажгли и не успѣли спастися . Побѣдители были еще не довольны : рѣзались съ непріятелемъ между его бойницами , падали отъ ядеръ и меча . Не слушаясь начальниковъ , всѣ остальные Инохи и воины , толпа за толпою , прибѣжали изъ монастыря въ пыль сѣчи , долго упорной . Несколько разъ Ляхи сбивали ихъ съ высотъ въ лощины , гнали и трубили побѣду ; но Россіяне снова выходили изъ овраговъ , лѣзли на горы , и наконецъ взяли Красную со всѣми ея турами , не мало пѣнниковъ , знамена , 8 пушекъ , множество самопаловъ , ручницъ , копій , палашей , воинскихъ снарядовъ , трубъ и литавръ ; сожгли , чего не могли взять , и въ торжествѣ , облитые кровью , возвратились при колокольномъ звонѣ всѣхъ церквей монастырскихъ , неся своихъ мертвыхъ , 174 человѣка , и 66 тяжело раненныхъ , а непріятельскія укрѣпленія оставивъ въ пламени . Битва не преступалась съ ранняго утра до темнаго вечера . 1500 Россійскихъ измѣнниковъ и Ляховъ , съ Панами Угорскимъ и Мазовецкимъ , легли около мельницы , прудовъ Клементьевскаго , Келарева , Конюшеннаго и Круглаго , церквей нижняго монастыря и противъ

Красныхъ воротъ (ибо Ляхи , въ срединѣ дѣла имѣвъ выгоду, гнали нашихъ до самой ограды) (264). Иночи и воины хоронили тѣла съ умиліемъ и благодарностю ; раненныхъ нокоили съ любовію въ лучшихъ келліяхъ, на иждивеніи Лавры. Славили мужество Дворянъ, Внукова и Есипова убитыхъ , Ходырева и Зубова живыхъ (265). Брать измѣнника и переметчика (266), Сотникъ Данило Селевинъ, сказалъ : «хочу смертію загладить безчестіе нашего рода ,» и сдержалъ слово : пѣшій напалъ на дружину Атамана Чики, саблею изрубилъ трехъ всадниковъ , и смертельно раненный въ грудь четвертымъ, еще имѣлъ силу убить его на мѣстѣ. Другой воинъ Селевинъ также удивилъ храбростю и самыхъ храбрыхъ (267). Слуга монастырскій, Меркурій Айгустовъ , первый достигъ непріятельскихъ бойницъ, и былъ застрѣленъ изъ ружья Литовскимъ пушкаремъ, коему сподвижники Меркуріевы въ тоже мгновеніе отсѣкли голову (268). Иночи сражались вездѣ впереди. — О семъ счастливомъ дѣлѣ Архимандритъ и Воеводы известили Москву, которая праздновала оное вмѣстѣ съ Лаврою (269).

Стыдясь своихъ неудачъ , Сапѣга и Лисовскій хотѣли испытать хитрость : ночью скрыли конницу въ оврагахъ, и послали вѣсколько дружинъ къ стѣнамъ, чтобы выманить осажденныхъ , которые действительно устремились на нихъ и гнали бѣгущихъ къ засадѣ ; но стражи, увидѣвъ ее съ высокой башни, звукомъ осад-

наго колокола извѣстили своихъ о хитрости не-
пріятельской : они возвратились безвредно, и съ
пленниками (270).

Настала зима. Непріятель, большею частію
укрываясь въ станѣ, держался и въ закопахъ :
Воеводы Тропцкіе хотѣли выгнать его изъ ближ-
нихъ укрѣплений, и на разсвѣтѣ туманного дня
вступили въ дѣло жаркое ; занявъ врагъ Мишутинъ,
Благовѣщенскій лѣсъ и Красную гору до
Клементьевскаго пруда, не могли одолѣть соеди-
ненныхъ силъ Лисовскаго и Сапѣги : были при-
тиснуты къ стѣнамъ ; но подкрепленные новыми
дружинами, начали вторую битву, еще крово-
пролитнѣйшую и для себя отчаянную, ибо уже
не имѣли ничего въ запасѣ. Монастырскія бой-
ницы и личное геройство многихъ дали имъ
побѣду. «Св. Сергій» — говоритъ Лѣтописецъ —
«охрабрилъ и не вѣжалъ ; безъ латъ и шлемовъ,
«безъ навыка и знанія ратнаго, они шли на
«войновъ опытныхъ, доспѣвшихъ, и побѣжда-
«ли» (271). Такъ житель села Молокова, именемъ
Суста, ростомъ великанъ, силою и душою бога-
тырь, всѣхъ затмилъ чудесною доблестію ; сдѣ-
лялся истиннымъ Воеводою, увлекалъ другихъ
за собою въ жестокую свалку ; на обѣ стороны
сѣкъ головы бердыши и двигался впередъ по
трупамъ. Слуга Пименъ Тененевъ пустилъ стрѣ-
лу въ лѣвый високъ Лисовскаго и свалилъ его
съ коня (272). Другаго знатнаго Ляха, Князя
Юрія Горскаго, убилъ воинъ Павловъ, и при-
умчалъ мертваго въ Лавру (273). Бились въ руко-

нашь, рѣзались ножами, и толпы непріятельскія рѣдѣли отъ сильнаго дѣйствія стѣнныхъ пушекъ. Сапъга, неготовый къ приступу, увидѣвъ наконецъ вредъ свой запальчивости, удалился; а Лавра торжествовала вторую знаменитую побѣду.

Но предстояло искушеніе для твердости. Въ холодную зиму монастырь не имѣлъ дровъ: надлежало кровю доставать ихъ: ибо непріятель стерегъ дровосѣковъ въ роцахъ, убивалъ и плѣнилъ многихъ людей (²⁷⁴). Осажденные едва не лишились и воды: два злодѣя, изъ Дѣтей Боярскихъ, передались къ Ляхамъ и сказали Сапъгѣ, что если онъ велить спустить главный зиѣшній прудъ, изъ коего были проведены трубы въ ограду, то всѣ монастырскіе пруды изсохнутъ (²⁷⁵). Непріятель началъ работу, и тайно: къ счастію, Воеводы узнали отъ плѣнника и могли уничтожить сей замыселъ: сдѣлавъ ночью вылазку, они умертили работниковъ, и вдругъ отворивъ всѣ подземельные трубы, водою зиѣшняго пруда наполнили свои, внутри Обители, на долгое время (²⁷⁶). — Нашлись и другіе, тораздо важнѣйшіе измѣнники: Казначей монастырской, Іосифъ Дѣвочкінъ, и самъ Воевода Голохвастовъ, если вѣрить сказанію Лѣтописца: ибо въ великихъ опасностяхъ или бѣдствіяхъ, располагающихъ умы и сердца къ подозрѣнію, не рѣдко вражда личная язвить и невинность клеветою смертоносною. Нашутъ, что сіи два чиновника, сомнѣваясь въ возможности спаси

Лавру доблестю, хотѣли спасти себя злодѣйствомъ, и черезъ бѣглеца Селевина тайно условились съ Сапѣгою предать ему монастырь; что Голохвастовъ думалъ, въ часть вылазки, впустить непріятеля въ крѣпость; что Старецъ Гурий Шишкінъ хитро вывѣдалъ отъ нихъ адскую тайну и донесъ Архимандриту. Іосифу дали время на покаяніе: онъ умеръ скоропостижно. Голохвастовъ же остался Воеводою: слѣдственно не былъ уличенъ ясно; но сія измѣна, дѣйствительная или мнимая, произвела зло: взаимное недовѣріе между защитниками Лавры (277).

Тогда же открылось зло еще ужаснѣйшее. «Ко-«гда» — говоритъ Лѣтописецъ Лавры — «бѣдствіе «и гибель ежедневно намъ угрожали, мы думали «только о душѣ; когда гроза начинала slabѣть, мы «обратились къ тѣлесному» (278). Непріятель, изнуренный тщетными усилиями и холодомъ, кинулъ окопы, удалился отъ стѣнъ и заключился въ земляныхъ укрѣпленіяхъ стана, къ великой радости осажденныхъ, которые могли наконецъ безопасно выходить изъ тѣспой для нихъ ограды, чтобы дышать свободнѣе за стѣнами, рубить лѣсь, мыть бѣлье въ прудахъ вѣнчанихъ; уже не боялись приступовъ, и только добровольно сражались, отъ времени до времени тревожа непріятеля вылазками: начинали и прекращали битву, когда хотѣли. Сей отдыхъ, сія свобода пробудили склонность къ удовольствіямъ чувственнымъ: крѣпкіе меды и молодыя женщины кружили головы воинамъ;увѣщенія и примѣръ

трезвыхъ Иноковъ не имѣли дѣйствія. Уже не берегли, какъ дотолѣ, запасовъ монастырскихъ; роскошествовали, пировали, тѣшились музыкой, пляскою . . . и скоро оцѣпенѣли отъ ужаса (279).

Долговременная тѣснота, зима сырая, употребленіе худой воды, недостатокъ въ уксусѣ, въ пряныхъ зельяхъ и въ хлѣбномъ винѣ произвели цынгу (280): сю заразились бѣлнѣйшіе, и заразили другихъ. Больные пухли и гнили; живые смердѣли какъ трупы; задыхались отъ зловонія и въ келліяхъ и въ церквахъ (281). Умирало въ день отъ двадцати до пятидесяти человѣкъ; не успѣвали копать могиль: за одну пластили два, три и пять рублей; клали въ нее тридцать и сорокъ тѣлъ. Съ утра до вечера отпѣвали усопшихъ и хоронили; ночью стонъ и вой не умолкали: кто издыхалъ, кто плакалъ надъ издыхающимъ. И здоровые шатались какъ тѣни отъ изнеможенія, особенно Священники, коихъ водили и держали подъ руки для исправленія требъ церковныхъ. Томные и слабые, предвидя смерть отъ страшнаго недуга, искали ее на стѣнахъ, отъ пули непріятельской (282). Вылазки пресѣклись, къ злой радости измѣнниковъ и Ляховъ, которые, слыша всегдашній плач въ Обители, всходили на высоты, взлѣзали на деревья и видѣли гибель ея защитниковъ, кучи тѣлъ и ряды могилъ свѣжихъ, исполнились дерзости, подѣзжали къ воротамъ, звали Иноковъ и воиновъ на битву, ругались надъ ихъ безсиліемъ,

но не думали приступомъ увѣриться въ ономъ, надѣясь, что они скоро сдадутся или всѣ изгнануть.

Въ крайности бѣдствія Архимандритъ Іоасафъ писалъ къ знаменитому Келарю Лавры, Аврамію Палицыну, бывшему тогда въ Москвѣ, чтобы онъ убѣдилъ Царя спасти сю священную твердыню немедленнымъ вспоможеніемъ: Аврамій убѣжалъ Василія, братьевъ его, Синклитъ, Патріарха; но столица сама трепетала, ожидая приступа Тушинскихъ злодѣевъ. Аврамій доказывалъ, что Лавра можетъ еще держаться только мѣсяцъ, и наденіемъ откроетъ непріятелю весь Сѣверъ Россіи до моря. Наконецъ Василій послалъ нѣсколько воинскихъ снарядовъ и 60 Козаковъ съ Атаманомъ Останковымъ, а Келарь 20 слугъ монастырскихъ⁽²⁸³⁾. Сія дружина, хотя и слабая числомъ, утѣшила осажденныхъ: они видѣли готовность Москвы помочь имъ, и новою дерзостію — къ сожалѣнію, дѣломъ жестокимъ — явили непріятелю, сколь мало страшатся его злобы. Неосторожно пропустивъ Царскаго Атамана въ Лавру, и захвативъ только четырехъ Козаковъ, варваръ Лисовскій съ досады всѣльѣ умертвить ихъ предъ монастырскою стѣною. Такое злодѣйство требовало мести: осажденные вывели цѣлую толпу Литовскихъ пленниковъ и казнили изъ нихъ 42 человѣка, къ ужасу Поляковъ, которые, гнущаясь виновникомъ сего душегубства, хотѣли убить Лисовскаго, едва спасеннаго менѣе безчеловѣчнымъ Сапѣгою⁽²⁸⁴⁾.

Бѣдствія Лавры не уменьшились: болѣзнь еще свирѣпствовала; новые сподвижники, Атаманъ Останковъ съ Козаками, сдѣлались также ея жертвою, и непріятель удвоилъ заставы, чтобы лишить осажденныхъ всякой надежды на помощь. Но великодушіе не слабѣло: всѣ готовились къ смерти; ни кто не смѣлъ упомянуть о сдачѣ. Кто выздоравливалъ, тотъ отвѣдывалъ силъ своихъ въ битвѣ, и вылазки возобновились. Дѣйствуя мечемъ, употребляли и коварство. Часто Ляхи, пользуясь къ стѣнамъ, дружелюбно разговаривали съ осажденными, вызывали ихъ, давали имъ вино за медь, вмѣстѣ пили и . . . хватали другъ друга въ плѣнъ или убивали. Въ числѣ такихъ плѣнниковъ (235) былъ одинъ Ляхъ, называемый въ лѣтописи Мартіасомъ, умный и столь искусный въ льстивомъ притворствѣ, что Воеводы ввѣрились въ него какъ въ измѣнника Литвы и въ друга Россіи: ибо онъ извѣщалъ ихъ о тайныхъ намѣреніяхъ Сапиѣги; предсказывалъ съ точностью всѣ движения непріятеля, училъ пушкарей мѣткой стрѣльбѣ, выходилъ даже биться съ своими единоземцами за стѣною, и бился мужественно. Князь Долгорукій столь любилъ его, что жилъ съ нимъ въ одной комнатѣ, совѣтовался въ важныхъ дѣлахъ, и поручалъ ему иногда ночную стражу. Къ счастію, перебѣжалъ тогда въ Лавру отъ Сапиѣги другой Иванъ Литовскій, Илько, отъ природы глухой и безсловесный, но въ бояхъ витязь неустрашимый, ревнитель нашей Вѣры и Св.

Сергія. Увидѣвъ Мартіаса, Нѣмко заскрежеталъ зубами, выгналъ его изъ горницы, и съ видомъ ужаса знаками изъяснилъ Воеводамъ, что отъ сего человѣка падутъ монастырскія стѣны. Мартіаса начали пытать и свѣдали истину: онъ былъ лазутчикъ Сапѣгинъ, пускалъ къ нему тайныхъ письма на стрѣлахъ, и готовился, по условію, въ одну ночь заколотить всѣ пушки монастырскія. Коварство непріятеля, усиливая остервененіе, возвышало доблесть подвижниковъ Лавры. Славнѣйшіе изгибли: ихъ мѣсто застушили новые, дотолѣ презираемые или неизвѣстные, безчиновные, слуги, земледѣльцы. Такъ Ананія Селевинъ, рабъ смиренный, заслужилъ имя Сергіева витязя (²⁸⁶) дѣлами храбрости необыкновенной: Россійские измѣнники и Ляхи знали его коня и тяжелую руку; видѣли издали и не смыли видѣть вблизи, по сказанію Лѣтописца: дерзнулъ одинъ Лисовскій, и раненный палъ на землю (²⁸⁷). Такъ Стрѣлецъ Нехорошевъ и селянинъ Никифоръ Шиловъ были всегда путеводителями и Героями вылазокъ; оба, единоборствуя съ тѣмъ же Лисовскимъ, обагрились его кровью: одинъ убилъ подъ пимъ коня, другой разсѣкъ ему бедру (²⁸⁸). Стражи непріятельскія бодрствовали, но грамоты утѣшительныя, хотя и безъ воиновъ, изъ Москвы приходили: Келарь Аврамій, душою присутствуя въ Лаврѣ, писаль къ ея вѣрнымъ Россіянамъ: «будьте непоколебимы до конца» (²⁸⁹)! Архимандритъ, Иноческіе рассказывали о видѣніяхъ и чудесахъ: увѣрили,

что Святые Сергій и Никонъ являются имъ съ благовѣстiemъ спасенія; что ночью, въ церквахъ затвореныхъ, невидимые лики Ангельскіе поютъ надъ усопшими, свидѣтельствуя тѣмъ ихъ санъ небесный въ награду за смерть добродѣтельную. Все питало надежду и вѣру, огонь въ сердцахъ и воображеніи; терпѣли и мужались до самой весны (290).

Тогда цѣлебное вліяніе теплого воздуха прекратило болѣзнь смертоносную, и 9 Мая, въ новоосвященномъ храмѣ Св. Николая, Инон и воины пѣли благодарственный молебенъ, за коимъ слѣдовала счастливая вылазка (291). Хотѣли доказать непріятелю, что Лавра уже снова цвѣтеть душевнымъ и тѣлеснымъ здравіемъ. Но силы не соотвѣтствовали духу. Въ теченіе пяти или шести мѣсяцевъ умерло тамъ 297 старыхъ Ипоковъ, 500 новопостриженныхъ и 2125 дѣтей Боярскихъ, Стрѣльцовъ, Козаковъ, людей даточныхъ и слугъ монастырскихъ (292). Сапъга зналъ, сколь мало осталось живыхъ для защиты, и рѣшился на третій общій приступъ. 27 Мая зашумѣлъ станъ непріятельской: Ляхи, слѣдуя своему обыкновенію, съ утра начали веселиться, пить, играть на трубахъ. Въ полдень многіе всадники обѣзжали вокругъ стѣнъ и высматривали мѣста; другіе взадъ и впередъ скакали, и мечами грозили осажденнымъ. Ввечеру многочисленная конница съ знаменами стала на Клементьевскомъ полѣ; вышелъ и Сапъга съ остальными дружинами, всадниками и пѣхотою, какъ

бы желая доказать, что презираетъ выгоду нечаянности въ нападеніи и даетъ время непріятелю изготовиться къ бою. Лавра изготовилась: не только Монахи съ оружіемъ, но и женщины явились на стѣнахъ съ камнями, съ огнемъ, смолою, известью и сѣрою (293). Архимандритъ и старые Іеромонахи въ полномъ облаченіи стояли предъ Олтаремъ и молились. Ждали часа. Уже наступила ночь и скрыла непріятеля; по въ глубокомъ мракѣ и безмолвіи ссажденные слышали ближе и ближе шорохъ: Ляхи какъ змѣи ползли ко рву съ стѣнобитными орудіями, щитами, лѣстницами — и вдругъ съ Красной горы грянулъ пушечный громъ: непріятель завопилъ, ударили въ бубны и кинулся къ оградѣ; придинулъ щиты на колесахъ, лѣзъ на стѣны. Въ сей роковый часъ остатокъ великодушныхъ увѣнчалъ свой подвигъ. Готовые къ смерти, защитники Лавры уже не могли ничего страшиться: безъ ужаса и смятія каждый дѣлалъ свое дѣло; стрѣляли, кололи изъ отверстій, метали камни, зажженную смолу и сѣру; лили варъ; ослаѣляли глаза известію; отбивали щиты, тарасы и лѣстницы. Непріятель оказывалъ смѣлость и твердость; отражаемый, съ усиліемъ возобновлялъ приступы, до самаго утра, которое освѣтило спасеніе Лавры: Ляхи и Россійские злодѣи начали отступать; а побѣдители, неутомимые и пенасытные, сдѣлавъ вылазку, еще били ихъ во рвахъ, гнали въ полѣ и въ лощинахъ, схватили 30 Цаповъ и чиновныхъ измѣн-

никовъ, взяли множество стѣнобитныхъ орудій, и возвратились славить Бога въ храмъ Троицы (294). Симъ дѣломъ важнымъ, но кровопролитнымъ только для непріятеля, рѣшилась судьба осады. Еще держася въ станѣ, еще надѣясь одолѣть непреклонность Лавры совершившимъ изнеможеніемъ ея защитниковъ, Сапъга уже берегъ свое войско; не нападая, единственно отражалъ смѣлые ихъ вылазки, и ждалъ, что будетъ съ Москвою. Ждала того и Лавра, служа для нее примѣромъ, къ несчастію, безплоднымъ.

Когда горстъ достойныхъ воиновъ-Монаховъ, слугъ и землемѣльцевъ, изиуренныхъ болѣзнью и трудами — неослабно боролась съ полками Сапъги, Москва, имѣя, кромѣ гражданъ, войско многочисленное, все лучшее Дворянство, всю нравственную силу Государства, давала владычествоовать бродягѣ Жедимитрю въ двѣнадцати верстахъ огнь стѣнъ Кремлевскихъ и досугъ покорять Россію. Москва находилась въ осадѣ: ибо непріятель своими разыездами мѣшалъ ея сообщеніямъ. Хотя Царскіе Воеводы иногда выходили въ поле, иногда сражались, чтобы очистить пути, и въ дѣлѣ кровопролитномъ, въ коемъ былъ раненъ Гетманъ Жедимитріевъ (295), имѣли выгоду: но не предпринимали ничего решительного. Василій ждалъ вѣстей отъ Скопина; ждалъ и ближайшей помощи, давъ указъ жителямъ всѣхъ городовъ сѣверныхъ вооружиться, итти въ Ярославль и къ Москвѣ (296), — велѣвъ и Боярину Федору Шереметеву оставить Астра-

хань, взять людей ратныхъ въ Низовыхъ городахъ и также спѣшить къ столицѣ⁽²⁹⁷⁾. Но для сего требовалось времени, коимъ непріятель могъ воспользоваться, отчасти и воспользовался къ ужасу всей Россіи.

Не имѣя силъ овладѣть Москвою, не умѣвъ овладѣть и Лаврою, Лжедимитрій съ г. 1608-
1603. измѣнниками и Ляхами послалъ отряды къ Суздалю, Владиміру и другимъ городамъ, чтобы дѣйствовать обольщениемъ, угрозами или силою.

Измѣна
горо-
довъ. Надежда его исполнилась. Сузdalъ первый измѣнилъ чести, слушаясь злодѣя, Дворянина Шилова: цѣловаль крестъ Самозванцу, принялъ Лисовскаго и Воеводу Федора Плещеева отъ Сапѣги⁽²⁹⁸⁾. Переславль Залѣскій очернилъ себя еще гнуснѣйшимъ дѣломъ: жители его соединились съ Ляхами и приступили къ Ростову. Тамъ крушился о бѣдствіяхъ отечества добродѣтельный Митрополитъ Филаретъ: не имѣя крѣпкихъ стѣнъ, граждане предложили ему удалиться вмѣстѣ съ ними въ Ярославль; но Филаретъ сказалъ, что не бѣгствомъ, а кровю должно спасать отчество; что великодушная смерть лучше жизни срамной; что есть другая жизнь и вѣнецъ мучениковъ для Христіанъ, вѣрныхъ Царю и Богу. Видя бѣгство народа, Филаретъ съ немногими усердными воинами и гражданами заключился въ Соборной церкви: всѣ исповѣдались, причасти-

лись Святыхъ Таинъ и ждали непріятеля или смерти. Не Ляхи , а братья единовѣрные , Пере-славцы , дерзнули осадить святый храмъ , стрѣляли , ломились въ двери , и дикимъ ревомъ яро-сти отвѣтствовали на голосъ Митрополита , ко-торый молилъ ихъ не быть извергами. Двери пали : добрые Ростовцы окружили Филарета и бились до совершенного изнеможенія . Храмъ наполнился трупами . Злодѣи побѣдители схва-тили Митрополита , и сорвавъ съ него ризы Свя-тительскія , одѣли въ рубище , обнажили цер-ковь , сняли золото съ гробницы Св. Леонтія и раздѣлили между собою по жеребью (299) ; опу-стошили городъ , и съ добычею святотатства вышли изъ Ростова , куда Самъга прислали во-водствовать злаго измѣнника , Матвѣя Плещеева . Филарета повезли въ Тушинскій станъ , какъ узника , босаго , въ одѣждѣ Литовской , въ Татар-ской шапкѣ (300) ; но Самозванецъ готовиль ему безчестіе и срамъ иного рода : встрѣтиль его съ знаками чрезвычайногоуваженія , какъ илемян-ника Ioannовой супруги Анастасіи , и жертву Борисовой иенависти ; величаль какъ знамени-тѣйшаго , достойнаго Архипастыря и назвалъ Патріархомъ : далъ ему златый поясъ и Святы-тельскихъ чиновниковъ для наружной пышно-сти , но держаль его въ тѣсномъ заключеніи , какъ непреклоннаго въ вѣрности къ Царю Васи-лію (301) . Сей второй Лжедимитрій , наученный бѣдствіемъ перваго , хотѣлъ казаться ревност-нымъ чителемъ Церкви и Духовенства ; училъ

лицемѣрию и жену свою , которая съ благоговѣніемъ приняла отъ Сапѣги богатую икону Св. Леонтия , Ростовскую добычу (³⁰²) ; уже не смѣла гнушаться обрядами Православія , молилась въ нашихъ церквахъ и покланялась мощамъ Угодниковъ Божіихъ (³⁰³). Еще притворствовали и хитрили для ослѣпленія умовъ въ вѣкъ безумія и страстей неистовыхъ !

Городъ за городомъ сдавался Лжедимитрію : Владимиръ , Угличъ , Кострома , Галичъ , Вологда и другіе (³⁰⁴), тѣ самые , откуда Василій ждалъ помощи . Являлась толпа измѣнниковъ и ляховъ , воскликнавши : « да здравствуетъ Димитрій ! » и жители , отвѣтствуя такимъ же воскликаніемъ , встрѣчали ихъ какъ друзей и братьевъ . Добросовѣстные безмолвствовали въ горести , видя силу на сторонѣ разврата и легкомыслія : ибо многіе , вопреки здравому смыслу , еще вѣрили мнимому Димитрію ! Другіе , зная обманъ , измѣняли отъ робости , или для того , чтобы злодѣйствовать свободно ; приставали къ шайкамъ Самозванца и вмѣстѣ съ ними грабили , гдѣ и что хотѣли . Шуя , наследственное владѣніе Василіевыхъ предковъ , и Кинешма , гдѣ защищался Воевода Федоръ Бабарыкинъ , были взяты , разорены Лисовскимъ (³⁰⁵) ; взята и вѣрная Тверь : ибо лучшіе воины ея находились съ Царемъ въ Москвѣ . Отряда легкой Сапѣгиной конницы вступила и въ отдаленный Бѣлозерскъ , гдѣ издревле хранилась часть казны государственной : ляхи по нашимъ казнамъ , но тамъ и вездѣ освободили

есыльныхъ, а въ ихъ числѣ и злодѣя Шаховскаго, себѣ въ усердные сподвижники (³⁰⁶). Ярославль, обогащенный торговлею Англійскою, сдался на условіи не грабить его церквей, домовъ и лавокъ, не безчестить женъ и дѣвицъ; принялъ Воеводу отъ Жедимитрія, Шведа Греческой Вѣры, именемъ Лоренца Біугге, Ioаннова Ливонскаго пленника (³⁰⁷); послалъ въ Тушинскій станъ 30,000 рублей, обязался снарядить 1000 всадниковъ. Псковъ, знаменитый древними и новѣйшими воспоминаніями славы, сдался вдругъ вертепомъ разбойниковъ и душегубцевъ. Тамъ снова начальствовалъ Бояринъ Петръ Шереметевъ, не долго бывъ въ оналѣ (³⁰⁸): вѣрный Царю, нелюбимый народомъ за лихоимство (³⁰⁹). Духовенство, Дворяне, гости были также вѣрны; но лазутчики и письма Тушинскаго злодѣя взволновали мелкихъ гражданъ, чернь, Стрѣльцовъ, Козаковъ, исполненныхъ ненависти къ людямъ сановитымъ и богатымъ. Мятежниками преводительствовалъ Дворянинъ Федоръ Илещеевъ: торжествуя числомъ, силою и дерзостію, они присягнули Жедимитрію; вошли, что Шуйскій отдастъ Псковъ Шведамъ; заключили Шереметева и гражданъ знатнѣйшихъ; расхитили достояніе Святительское и монастырское. Узнавъ о томъ, Жедимитрій прислали къ немъ свою шайку: начались убийства. Шереметева удавили въ темницѣ; другихъ узниковъ казнили, мучили, сажали на коль. Въ сіе ужасное время сгорѣла знатная часть Пскова, и

кучи пепла облилися новою кровию : неистовые мятежники объявили Дворянъ и богатыхъ купцевъ зажигателями ; грабили, рѣзали невинныхъ, и славили Царя Тушинскаго . . . . Кто могъ въ сихъ изступленіяхъ злодѣйства узнать отчизну Св. Ольги, гдѣ цвѣла иѣкогда добрѣтель, человѣческая и государственная ; гдѣ, еще за 26 лѣтъ предъ тѣмъ, жили граждане великодушные, побѣдители Героя Баторія, спасители нашей чести и славы (310) ?

Но кто могъ узнати и всю Россію , гдѣ, въ теченіе вѣковъ, видѣли мы столько нодиговъ достохвальныхъ, столько твердости въ бѣдствіяхъ , столько чувствъ благородныхъ ? Казалось, что Россіяне уже не имѣли отечества , ни души , ни Вѣры ; что Государство , зараженное нравственною язвою , въ страшныхъ судорогахъ кончалось ! . . . . Такъ повѣствуетъ добрѣтельный свидѣтель тогдашихъ ужасовъ , Аврамій Палицынъ , исполненный любви къ злосчастному отечеству и къ истинѣ :

у ж а с - «Россію терзали свои болѣе, нежели ино-
ное со- «племенные : путеводителями , наставника-
стояніе ви- «ми и хранителями Ляховъ были наши из-
Россіи. «мѣнники , первые и послѣдніе въ кровавы-
«ыхъ сѣчахъ : Ляхи , съ оружiemъ въ ру-
«кахъ , только смотрѣли и смѣялись безум-
«ному междуусобію . Въ лѣсахъ , въ боло-
«тахъ непроходимыхъ Россіяне указывали

«или готовили имъ путь , и числомъ превосход-
«нымъ берегли ихъ въ опасностяхъ , умирая за
«тѣхъ, которые обходились съ ними какъ съ
«рабами. Вся добыча принадлежала Ляhamъ :
«они избирали себѣ лучшихъ изъ плѣнниковъ,
«красныхъ юношей и дѣвицъ, или отдавали на
«выкупъ ближнимъ — и снова отнимали, къ за-
«бавѣ Россіянъ! . . . Сердце трепещетъ отъ
«воспоминанія злодѣйствъ : тамъ , гдѣ стыла
«теплая кровь , гдѣ лежали трупы убиенныхъ,
«стамъ гнусное любострастіе искало одра для
«своихъ мерзостныхъ наслажденій . . . Свя-
«тыхъ юныхъ Инокинь обнажали , позорили;
«лишенныя чести , лишались и жизни въ му-
«кахъ срама . . . Были жены прельщаемыя
«иноплеменниками и развратомъ ; но другія
«смертю избавляли себя отъ звѣрскаго наси-
«лія. Уже не сражаясь за отечество, еще мно-
«гіе умирали за семейства : мужъ за супругу,
«отецъ за дочь , братъ за сестру воизаль ножъ
«въ грудь Ляху. Не было милосердія : добрый,
«вѣрный Царю воинъ , взятый въ плѣнъ Ля-
«хамп , иногда находилъ въ нихъ жалость и
«самоеуваженіе къ его вѣрности; но измѣнники
«называли ихъ за то женами слабыми и худыми
«союзниками Царя Тушинскаго : всѣхъ твер-
«дыхъ въ добродѣтели предавали жестокой
«смерти; метали съ крутыхъ береговъ въ глу-
«бину рѣкъ , разстрѣливали изъ луковъ и са-
«мопаловъ ; въ глазахъ родителей жгли дѣтей,
«носили головы ихъ на сабляхъ и копьяхъ;

«грунныхъ младенцевъ, вырывая изъ рукъ матерей, разбивали о камни. Видя сю неслыханную злобу, Ляхи содрогались и говорили: «что же будетъ намъ отъ Россіянъ, когда они и другъ друга губятъ съ такою лютостію? «Сердца окаменѣли, умы омрачились; не имѣли ни состраданія, ни предвидѣнія: вблизи свирѣпствовало злодѣйство, а мы думали: оно минуетъ насъ! или искали въ немъ личныхъ для себя выгодъ. Въ общемъ кружени головъ всѣ хотѣли быть выше своего званія: рабы господами, чернь Дворянствомъ, Дворяне Вельможами. Не только простые простыхъ, но и знатные знатныхъ, и разумные разумныхъ обольщали измѣнною, въ домахъ и въ самыхъ битвахъ; говорили: мы блаженствуемъ; иди-те къ намъ отъ скорби къ утехамъ!... Гибли отечество и Церковь: храмы истиннаго Бога разорялись, подобно капищамъ Владимира времени; скотъ и псы жили въ Олтаряхъ; воздухами и пеленами украшались кони, пили изъ потировъ; мяса стояли на дискосахъ; на скопахъ играли въ кости; хоругви церковныя служили вместо знаменъ; въ ризахъ Іерейскихъ плясали блудницы. Июновъ, Священники цалили огнемъ, допытываясь ихъ скро-вищъ; отшельниковъ, Схимниковъ заставляли сидѣть срамныхъ пѣсни, а безмолвствующихъ субивали.... Люди уступили свои жилища звѣрямъ: медведи и волки, оставивъ лѣса, витали въ пустыхъ городахъ и весяхъ; враны

«плотоядные сидѣли станицами на тѣлахъ че-
«ловѣческихъ ; малыя птицы гнѣздились въ че-
«репахъ. Могилы какъ горы вездѣ возвыша-
«лись. Граждане и земледѣльцы жили въ деб-
«ряхъ , въ лѣсахъ и въ пещерахъ недовѣдо-
«мыхъ , или въ болотахъ , только почюю выходя
«изъ нихъ осушиться. И лѣса не спасали : люди,
«уже покинувъ звѣроловство , ходили туда съ
«чуткими псами на ловлю людей ; матери , укры-
«ваясь въ густотѣ древесной , страшились вопля
«своихъ младенцевъ , зажимали имъ ротъ и ду-
«шили ихъ до смерти. Не свѣтомъ луны , а по-
«жарами озарялись ночи : ибо грабители жгли,
«чего не могли взять съ собою , домы и все,
«да будетъ Россія пустынею необитаемою» (311) !

Россія бывала пустынею ; но въ сіе время , не
Батыевы , а собственные варвары свирѣпство-
вали въ ея пѣдрахъ , изумляя и самыхъ неисто-
выхъ иноплеменниковъ : Россія могла тогда за-
видовать временамъ Батыевымъ , будучи жерт-
вою величайшаго изъ бѣствий , разрата госу-
дарственнаго , который мертвить и надежду на
умилостивленіе Небесное ! Сія надежда питалась
только великодушною смертію многихъ Рос-
сиянъ : ибо не въ одной Лаврѣ блистало герой-
ство : сіи , по выраженію Лѣтописца , горы мо-
гилъ , всюду видимыя , вмѣщали въ себѣ персты
мучениковъ вѣрности и закона : добродѣтель ,
какъ Фениксъ , возраждается изъ пепла могилы ,
примѣромъ и памятю ; тамъ не все погибло ,
тѣхъ хотя немногіе предпочитаютъ гибель без-

законію. Съ честію умирали и воины и граждане, и старцы и жены. Въ Духовенствѣ особенно сіяла доблесть. Мы видѣли мужество Филарета. Епископъ Тверскій, Феоктистъ, крестомъ и мечемъ вооруженный, до послѣдняго издыханія боролся съ измѣною, и, взятый въ плѣнъ, удостоился вѣнца страдальческаго. Архіепископъ Суздальскій, Галактіонъ, не хотѣвъ благословить Самозванца, скончался въ изгнаніи. Добродѣтельнаго Коломенскаго Святителя, Іосифа, злодѣи влачили привязаннаго къ пушкѣ: онъ терпѣль и молилъ Бога образумить Россіянъ (³¹²). Святитель Псковскій, Геннадій, въ тщетномъ усилии обуздать мятежниковъ, умеръ отъ горести (³¹³). Не многіе изъ Священниковъ, какъ сказано въ Лѣтописи (³¹⁴), упѣлѣли, ибо вездѣ противились бунту.

Сей бунтъ уже поглощалъ Россію: какъ разсѣянныя острова среди бурнаго моря, являлись еще подъ знаменемъ Московскимъ вблизи Лавра, Коломна, Переславль Рязанскій, вдали Смоленскъ, Новгородъ, Нижній, Саратовъ (³¹⁵), Казань, города Сибирскіе; всѣ другіе уже принадлежали къ царству беззаконія, коего столицею былъ Тушинскій станъ, дѣйствительно подобный городу разными зданіями внутри оного, купеческими лавками, улицами, площадями (³¹⁶), гдѣ толпилось болѣе ста

тысячъ разбойниковъ, обогащаемыхъ плодами грабежа; гдѣ каждый день, съ утра до вечера, казался праздникомъ грубой роскоши: вино и медъ лилися изъ бочекъ; мяса, вареняя и сырья, лежали грудами, пресыщенная и людей и псовъ, которые вмѣстѣ съ измѣниками стекались въ Тушино (317). Число сподвижниковъ Лжедимитріевыхъ умножилось Татарами, приведенными къ нему потѣшнымъ Царемъ Борисовымъ, Державцемъ Касимовскимъ, Уразъ-Магметомъ (318), и крещенымъ Ногайскимъ Княземъ, Арасланомъ Петромъ, сыномъ Урусовымъ (319): оба, менѣе Россіянъ виновные, измѣнили Василію; второй оставилъ и Вѣру Христіанскую и жену (бывшую Княгиню Шуйскую), чтобы служить Царику Тушинскому, то есть грабить и злодѣйствовать. Жилище Самозванца, пышно именуемое дворцемъ, наполнялось лицемѣрами благоговѣнія, Россійскими чиновниками и знатными Ляхами (между коими (320) унижался и Посоль Сигизмундовъ, Олесницкій, вышросивъ у бродяги въ дарь себѣ городъ Бѣлую). Тамъ безстыдная Марина, съ своею поруганною красотою, наружно величалась самомъ феатральной Царицы, но внутренно тосковала, не властствуя, какъ ей хотѣлось, а работѣствую, и съ трепетомъ завися отъ мужа варвара, который даже отказывалъ ей и въ средствахъ блестать пышностю (321); тамъ Вельможный отецъ ся лобызаль руку бѣглаго поповича или Жида (322), принялъ отъ

До го-
воръ
Само-
зван-
ца съ
Мини-
комъ.

него новую владѣнную грамоту на Смоленскъ, еще не взятый, и Сѣверскую землю, съ обязательствомъ выдать ему (Мнишку) 300,000 рублей изъ казны Московской, еще незавоеванной. Тамъ, упоенный счастьемъ, и господствуя надъ Россію отъ Десны до Чудскаго и Бѣлаго Озера, Двины и моря Каспійскаго — ежедневно слыша о новыхъ успѣхахъ мятежа, ежедневно видя новыхъ подданныхъ у ногъ своихъ — стѣсная Москву, угрожаемую голодомъ и предательствомъ — Самозванецъ терпѣливо ждалъ послѣдняго успѣха: гибели Шуйскаго, въ надеждѣ скоро взять столицу и безъ кровопролитія, какъ обѣщали ему легкомысленные переметчики (³²³), которые не хотѣли видѣть въ пей ни меча, ни пламени, имѣя тамъ дому и семейства.

Миновало и возвратилось лѣто: самозванецъ еще стоялъ въ Тушинѣ! Хотя въ злодѣйскихъ предпріятіяхъ всякое замедленіе опасно, и близкая цѣль требуетъ не отдыха, а быстрѣйшаго къ ней стремленія; хотя Лжедимитрій, слишкомъ долго смотря на Москву, давалъ время узнавать и презирать себя, и съ умноженіемъ силъ вещественныхъ лишался нравственной: но торжество злодѣя могло бы совершиться (³²⁴), если бы Ляхи, виновники его счастья, не сдѣлались виновниками и его ги-

бели, невольно услуживъ нашему отечеству, какъ и во время перваго Лжедимитрія (³²⁵). Россіи изыхающей помогъ новый непріятель!

Доселъ Король Сигизмундъ враждовалъ намъ тайно, не снимая съ себя личины мирной, и содѣйствуя Самозванцамъ только наемными дружинами или вольницею: настало время снять личину и дѣйствовать открыто.

Соединивъ, уже неразрывно, судьбу Маринъ и мнимую честь свою съ судбою обманщика, боясь худаго оборота въ дѣлахъ его и надѣясь быть зятю полезнѣе въ Королевской Думѣ, нежели въ Тушинскомъ станѣ, Воевода Сеномирскій (въ Генварѣ 1609 года) уѣхалъ въ Варшаву, такъ скоро, что не успѣлъ и благословить дочери, которая въ письмахъ къ нему жаловалась на сию холодность (³²⁶). Въ слѣдъ за Миницкимъ надлежалоѣхать и Посламъ Лжедимитріевымъ, туда, гдѣ все съ живѣйшимъ любопытствомъ занималось нашими бѣдствіями, желая ими воспользоваться и для государственныхъ и для частныхъ выгода: ибо еще многіе благородные Ляхи, пылая страстью удальства и корысти, думали искать счастія въ смятенной Россіи. Уже друзья Воеводы Сеномирского дѣйствовали ревностно на Сеймѣ, представляя, что торжество мнимаго Димитрія есть

торжество Польши; что нужно довершить овое силами Республики, дать корону бродягѣ, и взять Смоленскъ, Сѣверскую и другія, нѣкогда Литовскія земли (³²⁷). Они хотѣли, чего хотѣлъ Мнишекъ: войны за Самозванца, и — если бы Сигизмундъ, признавъ Лжедимитрія Царемъ, усердно и заблаговременно помогъ ему какъ союзнику новымъ войскомъ: то едва ли Москва, едва ли шесть или семь городовъ, еще вѣрныхъ, устояли бы въ сей бурѣ общаго мятежа и разрушенія. Что сдѣлалось бы тогда съ Россіею, вторичною гнусною добычею Самозванства и его пѣстуновъ? могла ли бы она еще возстать изъ сей бездны срама и быть, чѣмъ видимъ ее нынѣ? Такъ, судьба Россіи зависѣла отъ Политики Сигизмундовой; но Сигизмундъ, къ счастію, не имѣлъ духа Баторіева: властолюбивый съ малодушiemъ и съ умомъ недальновиднымъ, онъ не вразумился въ причины дѣйствій; не зналъ, что Ляхи единственно подъ знаменами Россійскими могли терзать, унижать, топтать Россію, не своимъ геройствомъ, а Димитріевымъ именемъ чудесно обезоруживая народъ ся слѣпотствующій, — не зналъ, и Политикою, грубо-стяжательпою, открылъ ему глаза, воспламениль въ немъ искру великолушія, оживилъ, усилиль старую ненависть къ Литвѣ, и сдѣлавъ много зла Россіи, далъ ей спастися, для ужаснаго, хотя и медленнаго возмездія ея врагамъ непримиримымъ.

Увѣряютъ, что многіе знатные Россіяне, въ искреннихъ разговорахъ съ Ляхами, изъявляли желаніе видѣть на престолѣ Московскому юнаго Сигизмундова сына, Владислава, вмѣсто обманщиковъ и бродягъ, безразсудно покровительствуемыхъ Королемъ и Вельможными Панами; нѣкоторые даже прибавляли, что самъ Шуйскій желаетъ уступить ему Царство (328). Искренно ли, и дѣйствительно ли такъ объяснялись Россіяне, неизвѣстно; но Король вѣрилъ, и въ надеждѣ пріобрѣсти Россію для сына или для себя, уже не доброхотствовалъ Лжедими-
трию. Друзья Королевскіе предложили Сейму объявить войну Царю Василію, за убіеніе мирныхъ Ляховъ въ Москвѣ и за долговременную безчестную неволю Пословъ Республики, Олесницкаго и Госѣвскаго; доказывали, что Россія не только виновна, но и слаба; что война съ нею не только справедлива, но и выгодна; говорили: «Шуйскій зоветъ Шведовъ, и если ихъ «вспоможеніемъ утвердитъ власть свою, то чего «доброго ждать Республикѣ отъ союза двухъ «враговъ ея? Еще хуже, если Шведы овла-«дѣютъ Москвою; иначе, если она, утомлен-«ная бѣдствіями, покорится и Султану или Та-«старамъ (329). Должно предупредить опасность, «и легко: 3000 Ляховъ въ 1605 году дали бро-«дягѣ Московскому Царство; нынѣ дружины «вольницы угрожаютъ Шуйскому ильномъ: «можемъ ли бояться сопротивленія?» Были однакожь Сенаторы благоразумные, которые

не восхищались мыслю о завоеваніи Моквы и думали, что Республика едва ли не виновнѣе Россіи, дозволивъ первому Жедимитрю, вопреки миру, ополчаться въ Галиціи и въ Литвѣ на Годунова, и не мѣшай Ляхамъ участвовать въ злодѣйствахъ втораго; что Польша, бывъ еще недавно жертвою междоусобія, не должна легкомысленно начинать войны съ Государствомъ обширнымъ и многолюднымъ; что въ семъ случаѣ надлежитъ имѣть четыре войска: два противъ Шуйскаго и мнимаго Димитрія, два противъ Шведовъ и собственныхъ мятежниковъ; что такія ополченія безъ тягостныхъ налоговъ невозможны, а налоги опасны. Имъ отвѣтствовали: «богатая Россія будетъ наша» — и Польша исполнилъ желаніе Короля: не взи-
объяв-
здѣтъ
войну
Россіи. Сеймъ рая на перемиріе, вновь заключенное въ Москвѣ (³³⁰), одобрилъ войну съ Россіею, безъ всякаго сношенія съ Жедимитріемъ, къ горести Мнишка, который, пріѣхавъ въ отечество, уже не могъ ничего сдѣлать для своего зятя и долженъ былъ удалиться отъ Двора, гдѣ только сожалѣли объ немъ, и не безъ презрѣнія.

Сигизмундъ казался новымъ Баториемъ, съ необыкновенною ревностію готовясь къ походу; собирая войско, не имѣя денегъ для жалованья, но тѣмъ болѣе обѣщая (³³¹), въ надеждѣ, что кончить войну одною

угрозою (³³²), и что Россія изнуренная встрѣтить его не съ мечемъ, а съ вѣнцемъ Мономаховыи, какъ спасителя. Узнавъ толки злословія, которое приписывало ему намѣреніе завоевать Москву и сплами ся подавить вольность въ Республике — то есть, сдѣлаться обоихъ Государствъ Самодержцемъ — Король окружнымъ письмомъ удостовѣрилъ Сенаторовъ въ нелѣпости сихъ разглашеній, клялся не мыслить о личныхъ выгодахъ, и дѣйствовать единственно для блага Республики (³³³); выѣхалъ изъ Кракова въ Іюнѣ мѣсяцѣ къ войску, и еще не зналъ, куда вести оное: въ землю ли Сѣверскую, гдѣ царствовало беззаконіе подъ именемъ Димитрія, или къ Смоленску, гдѣ еще царствовали законъ и Василій, или прямо къ Москвѣ, чтобы истребить Лжедимитрія, отвлечь отъ него и Ляховъ и Россіянъ, а послѣ истребить и Шуйского, какъ совѣтовалъ умный Гетманъ Жолкѣвскій (³³⁴)? Сигизмундъ колебался, медлилъ — и наконецъ пошелъ къ Смоленску: ибо Канцлеръ Левъ Сапѣга и Панъ Госѣвскій увѣрили Короля, что сей городъ желаетъ ему сдаться, желая избавиться отъ ненавистной власти Самозванца. Но въ Смоленскѣ начальствовалъ доблій Шеинъ!

Границы Россіи были отверсты, соображенія прерваны, воины разсѣяны, города и Россія

и пере- селенія въ пеплѣ или въ бунтѣ, сердца въ
мѣна къ ужасѣ или въ ожесточеніи, Правительство
лучше- му. въ безсиліи, Царь въ осадѣ и среди измѣн-
никовъ . . . Но когда Сигизмундъ, со-
гласно съ пользою своей Державы, шелъ
къ намъ за легкою добычей властолюбія,
въ то время бѣдствія Россіи, достигнувъ
крайности, уже являли признаки оборота
и возможность спасенія, раждая надежду,
что Богъ не оставляетъ Государства, гдѣ
многіе или не многіе граждане еще любятъ
отечество и добродѣтель.

ГЛАВА III.

ПРОДОЛЖЕНИЕ ВАСИЛЕВА ЦАРСТВО- ВАНИЯ.

Г. 1608—1610.

Князь Пожарский. Доблесть Нижнаго Новагорода.

Возстаніе и другихъ городовъ Низовыхъ. Воз-
станіе Сѣверной Россіи. Крамолы въ Москвѣ.
Голодъ. Вѣсть о Князѣ Михаилѣ и его подвиги.
Приступы Лжедимитрія къ Москвѣ. Побѣда Цар-
скаго войска. Три Самозванца. Нѣкоторыя удачи
Лжедимитріевы. Новый мягежъ въ Москвѣ. Сло-
бода Александровская. Побѣда надъ Сапѣгою.
Любовь къ Князю Михаилу. Предлагаютъ вѣ-
нецъ Герою. Разбои. Пожарскій. Осада Смо-
лениска. Смутеніе Лжедимитріевыхъ Ляховъ. Рас-
прия между Сигизмундомъ и Конфедератами. По-
сольство Королевское въ Тушино. Переговоры
съ Тушинскими измѣнниками. Бѣгство Лжеди-
митрія. Высокомѣріе Марины. Злодѣйства Са-
мозванца въ Калугѣ. Волненіе въ Тушино. Бѣг-
ство Марины. Посольство Тушинское къ Ко-
ролю. Измѣнники признаютъ Владислава Ца-
ремъ. Марина въ Калугѣ. Успѣхи Князя Ми-
хаила. Освобожденіе Лавры. Бѣгство Сапѣги.
Опустѣніе Тушина. Дѣло Князя Михаила. Тор-
жественное вступление Героя въ Москву.

Первое счастливое дѣло сего времени г. 1608.
было подъ Коломною, гдѣ Воеводы Цар- 1610.

Князь Пожарский , Князь Прозоровский и Сукинъ , разбили Пана Хмѣлевскаго . Во второмъ дѣлѣ оказалось мужество и счастіе юнаго , еще неизвѣстнаго Стратига , коему Провидѣніе готовило благотвориѣшую славу въ мірѣ : славу Героя—спасителя отечества . Князь Димитрій Михайлович Пожарскій , происходя отъ Всеволода III и Князей Стародубскихъ (335) , царедворецъ безчиновный въ Борисово время и Столъникъ при Разстрѣгѣ , опасностями Россіи вызванный на феатръ кровопролитія , долженъ былъ вторично защитить Коломну отъ нападенія Литвы и нашихъ измѣнниковъ , шедшихъ изъ Владимира . Пожарскій не хотѣлъ ждать ихъ : встрѣтилъ въ селѣ Высоцкомъ , въ тридцати верстахъ отъ Коломны , и на утренней зарѣ незапннымъ , сильнымъ ударомъ изумилъ непріятеля ; взялъ множество плѣнниковъ , запасовъ и богатую казну (336) , одержалъ побѣду съ малымъ урономъ , явивъ не только смѣлость , но и рѣдкое искусство , въ предвѣстіе своего великаго назначенія .

Тогда же и въ иныхъ мѣстахъ Судьба начинала благопріятствовать Царю . Мятежники , Мордва , Черемисы и Лжедими-
д о б-
л е с тъ
Нижня-
го Нова-
города . тріевы шайки , Ляхи , Россіяне , съ Воеводою Княземъ Вяземскимъ осаждали Нижний Новгородъ : вѣрные жители обрекли себя на смерть ; простились съ женами ,

лѣтими, и единодушною вылазкою разбили осаждающихъ на-голову: взяли Вяземскаго и немедленно повѣсили какъ измѣнника. Такъ добрые Нижегородцы воспрянули къ подвигамъ, коимъ надлежало увѣнчаться ихъ бессмертною, святою, для самыхъ отдаленныхъ вѣковъ утѣшительною славою въ нашей Исторіи. Они не удовольствовались своимъ избавленіемъ, только времененнымъ: съдавъ, что Бояринъ Федоръ Шерemetевъ, въ исполненіе Василіева указа, оставилъ наконецъ Астрахань, пдѣть къ Казани, вездѣ смиряетъ бунтъ, вездѣ бьетъ и гонитъ шайки мятежниковъ, Нижегородцы выступили въ поле, взяли Балахину и съ ея жителей присягу въ вѣрности къ Василію (³³⁷); обратили къ закону и другіе Низовые города, восплеменяя въ нихъ ревность добролѣтльную. Возстали и жители Юрьевца, Гороховца, Луха, Решмы, Холуя, и подъ начальствомъ Сотника Краснаго, мѣщанъ Кувшинникова, Нагавицына, Денгина и крестьянина Лапши разбили непріятеля въ Лухѣ и въ селѣ Дуниловѣ: Ляхи и наши измѣнники съ Воеводою Федоромъ Плещеевымъ, сподвижникомъ Липовскаго, бѣжали въ Сузdalь. Побѣдители взяли многихъ недостойныхъ Дворянъ, отправили какъ плѣнниковъ въ Нижній Новгородъ, и разорили ихъ дома.

Москва осажденная не знала о сихъ важ-

Возста-
ниe и
дру-
гихъ
горо-
довъ
Низо-
выхъ.

ныхъ происшествіяхъ, но знала о другихъ, еще важнѣйшихъ. Не теряя надежды усвѣстить измѣнниковъ, Василій писалъ къ

Возста- жителямъ городовъ Сѣверныхъ (338), Га-
ние Сѣ- верной лича, Ярославля, Костромы, Вологды,
Россіи.

Устюга. «Несчастные! кому вы рабски цѣ-
«ловали крестъ и служите? Злодѣю и зло-
«дѣямъ, бродягѣ и Ляхамъ! Уже видите
«ихъ дѣла, и еще гнуснѣйшія увидите!
«Когда своимъ малодушіемъ предадите имъ
«Государство и Церковь; когда падеть
«Москва, а съ нею и святое отечество и
«святая Вѣра: то будете отвѣтствовать
«уже не намъ, а Богу . . . есть Богъ мсти-
«тель! Въ случаѣ же раскаянія и новой
«вѣрной службы, обѣщаемъ вамъ, чего у
«васъ нѣть и на умѣ: милости, льготу,
«торговлю безпошлиинную на многія лѣта.»
Сіи письма, доставляемыя усердными слу-
гами гражданамъ обольщенными, имѣли
дѣйствіе; всего же сильнѣе дѣйствовали
наглость Ляховъ и неистовство Россій-
скихъ клевретовъ Самозванца, которые,
губя враговъ, не щадили и друзей. При-
сяга Лжедмитрію не спасала отъ грабежа;
а народъ, лишась чести, тѣмъ болѣе стоитъ
за имѣніе. Землемѣльцы первые ополчи-
лись на грабителей; встрѣчали Ляховъ уже
не съ хлѣбомъ и солью, а при звукѣ на-
бата, съ дрекольемъ, копьями, сѣкирами и
ножами; убивали,топили въ рѣкахъ и кри-

чали: «вы опустошили наши житницы и хлѣбъ—
«вы: теперь питайтесь рыбой» (339)! Примѣру
земледѣльцевъ слѣдовали и города, отъ Рома-
нова до Перми: свергали съ себя иго зла-
дѣйства, изгоняли чиновниковъ Жедимитріе-
выхъ (340). Люди слабые раскались; люди твер-
ды ободрились, и между ими два человѣка про-
славились особеною ревностію: знаменитый
гость, Петръ Строгановъ, и Нѣмецъ Гречес-
каго Исповѣданія, богатый владѣлецъ Давіль
Эйлофъ. Первый не только удержалъ Соль-Вы-
чегодскую, гдѣ находились его богатыя заведе-
нія, въ неизмѣнномъ подданствѣ Царю, но и
другіе города, Пермскіе и Казанскіе, жертвуя
своимъ достояніемъ для ополченія гражданъ и
крестьянъ (341); втораго именуютъ главнымъ
виновникомъ сего восстania, которое встрево-
жило станъ Тушинскій и Сашѣгинъ, замѣшало
Царство злодѣйское, отвлекло знатную часть
силь непріятельскихъ отъ Москвы и Лавры (342).
Паны Тишкѣвичъ и Лисовскій выступили съ
полками усмирять мятежъ, сожгли предмѣстіе
Ярославля, Юрьевецъ, Кинешму: Зборовскій и
Князь Григорій Шаховскій Старицу (343). Жи-
тели противились мужественно въ городахъ;
лѣзали въ селеніяхъ остроги, въ лѣсахъ за-
сѣки; не имѣли только единодушія, ни устрой-
ства. Измѣнники и Ляхи побили ихъ нѣсколько
тысячъ въ шестидесяти верстахъ отъ Ярославля,
въ селеніи Даниловскомъ (344), и пылая злобою,
все жгли и губили: женъ, дѣтей, старцевъ —

и тѣмъ усиливали взаимное остервененіе. Вѣрные Россіяне также не знали ни жалости, ни человѣчества въ мести, одерживая иногда верхъ въ сшибкахъ, убивали пленныхъ; казнили Воеводу Самозванцевыхъ, Застолпскаго, Нащокина и Пана Маттіаса; Нѣмца Шмита, Ярославскаго жителя, сварили въ котлѣ, за то, что опъ, выѣхавъ къ тамошнимъ гражданамъ для переговоровъ, дерзнуль склонять ихъ къ новой измѣнѣ (³⁴⁵). Бѣдствія сего края, душегубство, пожары еще умножились, но уже знаменовали великодушное сопротивленіе злодѣйству, и вѣсти о счастливой перемѣнѣ, сквозь пламя и кровь, доходили до Москвы. Уже Василій писалъ благодарныя грамоты къ добрымъ Сѣвернымъ Россіянамъ; посыпалъ къ нимъ чиновниковъ для образования войска; велѣлъ ихъ дружинамъ ити въ Ярославль, открыть сообщеніе съ городами Низовыми и съ Бояриномъ Федоромъ Шереметевымъ (³⁴⁶); наконецъ спѣшить къ столицѣ.

Крамо-
лы въ
Москвѣ. Но столица была театромъ козней и мятежей. Тамъ, гдѣ опасались не измѣны, а доносовъ на измѣну (³⁴⁷) — гдѣ страшились мести Ляховъ и Самозванца болѣе, нежели Царя и закона — гдѣ власть верховная, ужасаясь явнаго и тайного множества злодѣевъ, умышленнымъ послабленіемъ хотѣла, казалось, только продлить тѣнь бы-

тія своего и на часть удалить гибель — тамъ надлежало дивиться не смятенію , а призраку тишины и спокойствія , когда Государство едва существовало и Москва видѣла себя среди Россіи въ уединеніи , будучи отрѣзана , угрожаема всѣми бѣствіями долговременної осады , безъ надежды на избавленіе , безъ довѣренности къ Правительству , безъ любви къ Царю : ибо Москвитяне , нѣкогда усердные къ Боярину Шуйскому , уже не любили въ немъ Вѣнценосца , приписывая государственный злополучія его неразумію или несчастію (348) : обвиненіе равно важное въ глазахъ народа ! Еще какая-то невидимая сила , законъ , совѣсть , нерѣшительность , разномысліе , хранили Василія . Желали перемѣны ; но кому отдать вѣнецъ ? въ тайныхъ прѣніяхъ не соглашались . Самозванцемъ вообще гнашались ; Ляховъ вообще ненавидѣли , и никто изъ Вельможъ не имѣлъ ни столько достоинствъ , ни столько клеветовъ , чтобы обѣщать себѣ Державство . Дни текли , и Василій еще сидѣлъ на тронѣ , измѣря взорами глубину бездны предъ собою , мысля о средствахъ спасенія , но готовый и погибнуть безъ малодушія . Уже блеснула лучь надежды : оружіе Царское снова имѣло успѣхи (349) ; Лавра стояла непоколебимо ; Востокъ и Сѣверъ Россіи ополчились за Москву , — и въ сіе время крамольники дерзнули явно , рѣшительно возстать па Царя , боясь ли упустить время ? боясь ли , чтобы счастливая

перемѣна обстоятельствъ не утвердила Василіева Державства?

Извѣстными начальниками кова были цареворецъ Князь Романъ Гагаринъ⁽³⁵⁰⁾, Воевода Григорій Суибуловъ (прощенный измѣнникъ) и Дворянинъ Тимоѳей Грязной: знатиѣшіе, вѣроятно, скрывались за ними до времени. 17 Февраля⁽³⁵¹⁾ вдругъ сдѣлалась тревога: заговорщики звали гражданъ на Лобное мѣсто; силою привели туда и Патріарха Ермогена; звали и всѣхъ Думныхъ Бояръ, торжественно предлагая имъ свести Василія съ Царства, и доказывая, что онъ избранъ не Россіею, а только своими угодниками⁽³⁵²⁾, обманомъ и насилиемъ; что сіе беззаконіе произвело всѣ распри и мятежи, междуусобіе и Самозванцевъ⁽³⁵³⁾; что Шуйскій и не Царь и не умѣеть быть Царемъ, имѣя болѣе тицеславія, нежели разума и способностей, нужныхъ для успокоенія Державы въ такомъ волненіи. Не стыдились и клеветы грубой: обвиняли Василія даже въ нетрезвости и распутствѣ. Они умолчали о преемникѣ Шуйского и мнимомъ Димитріи; не сказали, гдѣ взять Царя новаго, лучшаго, и тѣмъ затруднили для себя удачу. Не многіе изъ гражданъ и воиновъ соединились съ ними; другіе, полумавъ, отвѣтствовали имъ хладнокровно: «Мы всѣ были свидѣтелями Василіева избрания, добровольнаго, общаго; всѣ мы, и вы съ нами, присягали ему «какъ Государю законному. Пороковъ его не вѣдаемъ: И кто далъ вамъ право располагать

«Царствомъ безъ Чиновъ Государственныхъ?» Ермогенъ, презирая угрозы, заклиналь народъ не участвовать въ злодѣйствѣ, и возвратился въ Кремль. Синклитъ также остался вѣрнымъ, и только одинъ мужъ Думный, старый измѣнникъ, Князь Василій Голицынъ — вѣроятно, тайный благопріятель сего кова — выѣхалъ къ мятежникамъ на Красную площадь; всѣ иные Бояре, съ негодованіемъ выслушавъ предложеніе свергнуть Царя и быть участниками беззаконнаго Вѣча, съ дружинами усердными окружили Шуйскаго (354). Не взирая на то, мятежники вломились въ Кремль; но были побѣждены безъ оружія. Въ часъ опасный, Василій снова явилъ себя неустршимымъ: смѣло вышелъ къ ихъ сонму; *сталъ имъ въ лице* и сказалъ голосьомъ твердымъ: «Чего хотите? Если убить меня, то я предъ вами, и не боюсь смерти; но свергнуть меня съ Царства не можете безъ «Думы Земской. Да соберутся Великіе Бояре и «Чины Государственные, и въ моемъ присутствіи да рѣшатъ судьбу отечества и мою собственную: ихъ судъ будетъ для меня закономъ, но не воля крамольниковъ!» Дерзость злодѣйства обратилась въ ужасъ: Гагаринъ, Супбуловъ, Грязной, и съ ними 300 человѣкъ бѣжали; а вся Москва какъ бы снова избрала Шуйскаго въ Государи: столь живо было усердіе къ нему, столь сильно дѣйствіе оказаннаго имъ мужества!

Къ несчастію, торжество закона и великоду-

шія было недолговременно. Мятежники ушли въ Тушину, для того ли, что доброжелательствовали Самозванцу, или единственно для своего личного спасенія, какъ въ мѣсто безопаснѣйшее для злодѣевъ? Ихъ бѣгствомъ Москва не очистилась отъ крамолы. Мужъ знатный, Воевода Василій Бутурлинъ, донесъ Царю, что Бояринъ и Дворецкій, Крюкъ-Колычевъ, есть измѣнникъ и тайно сносится съ Лжедимитріемъ. Измѣны тогда не удивляли: Колычевъ, бывъ вѣренъ, могъ сдѣлаться предателемъ, подобно Юрію Трубецкому (³⁵⁵) и столь многимъ другимъ, но могъ быть и нагло оклеветанъ врагами личными. Его судили, пытали и казнили на Лобномъ мѣстѣ. Пытали и всѣхъ мнимыхъ участниковъ нового кова, и наполняли ими темницы, обѣщаю невиннымъ, спокойнымъ гражданамъ утвердить ихъ безопасность искорененіемъ мятежниковъ.

Голодъ. Но зло иного рода уже начинало свирѣпствовать въ столицѣ. Лишаасная подвоздовъ, она истощила свои запасы; имѣла сообщеніе съ одною Коломною, и того лишилась: ибо рать Лжедимитріева вторично осадила сей городъ (³⁵⁶). Предвидѣвъ недостатокъ, алчные корыстолюбцы скучили весь хлѣбъ въ Москвѣ и въ окрестностяхъ, и ежедневно возвышали его цѣну, такъ, что четверть ржи стоила наконецъ семь

рублей (³⁵⁷), къ ужасу людей бѣдныхъ. Тщетно Василій желалъ умѣрить дороговизну неслыханную, уставляль цѣну справедливую и запрещалъ безбожную; купцы не слушались: скрывали свое изобиліе и продавали тайно, кому и какъ хотѣли. Тщетно Царь и Патріархъ надѣялись разбудить совѣсть и жалость въ людяхъ: призывали Вельможъ, купцевъ, богачей въ храмъ Успенія, и предъ олтаремъ Всеизынняго заклинали быть человѣколюбивыми: не торговать жизнью Христіанъ и спустить цѣну хлѣба; не скучать его въ большомъ количествѣ и тѣмъ не отнимать у бѣдныхъ (³⁵⁸). Лицемѣры съ слезами увѣряли, что у нихъ нѣтъ запасовъ, и безсовѣстно обманывали, думая единственно о своей выгодѣ, какъ и во время дороговизны 1603 года. Народъ видалъ въ отчаяніе. Кричали на улицахъ: «Мы «гибнемъ отъ Царя злосчастнаго; отъ него кро«вопролитіе и голодъ!» Люди, увѣренные въ обманѣ мнимаго Димитрія, уходили къ нему единственно для того, чтобы не умереть въ Москвѣ безъ пищи (³⁵⁹); другіе толпами врывались въ Кремль и вошли предъ дворцемъ: «Долго ли «намъ сидѣть въ осадѣ и ждать голодной смерти?» Они требовали избавленія, побѣды и хлѣба — или Царя счастливѣйшаго! Василій не скрывался отъ народа: выходилъ къ нему съ лицемъ спокойнымъ, увѣщаю и грозилъ; смиряль дерзость страждущихъ, но только на время. Радѣя о бѣдныхъ, онъ убѣдилъ Троицкаго Келаря Аврамія отворить для нихъ Московскія

житницы его Обители : цѣна хлѣба вдругъ упала отъ семи до двухъ рублей (³⁶⁰). Сихъ запасовъ не могло стать на-долго; но вопль умолкъ въ столицѣ , и счастливая вѣсть ободрила Москву.

Князь Гагаринъ , первый изъ мятежниковъ, ушедшихъ къ Самозванцу, не смотря на крамольство , имѣлъ душу : увидѣль, 28 Маи. узналъ Лжедимитрія, и явился къ Царю съ раскаяніемъ (³⁶¹); принесъ ему свою виновную голову ; сказалъ , что лучше хочетъ умереть на плахѣ , нежели служить брдягѣ гнусному — и былъ помилованъ Василиемъ : выведеній къ народу, Гагаринъ именемъ Божіимъ заклиналъ его не прельщаться Діавольскимъ обманомъ , не вѣрить злодѣю Тушинскому, орудію Ляховъ , желающіхъ единственно гибели Россіи и святой Церкви. Сіи убѣженія произвели дѣйствіе , и еще несравненно болѣе , когда Гагаринъ объявилъ Москвитянамъ , что стань Тушинскій въ сильной тревогѣ ; что Лжедимитрій и Ляхи свѣдали о соединеніи Шведовъ съ Россіянами ; что Князь Михаилъ Скопинъ-Шуйскій ведетъ ихъ къ столицѣ и побѣждаетъ. Удивленіе радости измѣнило лица печальныхыя : всѣ славили Бога ; многіе устыдились своего намѣренія бѣжать въ Тушино ; укрѣпились въ вѣрности — и съ того дня уже никто не уходилъ къ Самозванцу.

Гагаринъ сказалъ истину о тревогѣ злодѣевъ Тушинскихъ. Опишемъ начало подвиговъ знаменитаго юноши, который въ бѣдственныя времена родился счастливымъ, и коему надлежало бы только жить, чтобы спасти Царя, означенованнаго Судьбою для злополучія. Мы видѣли, какъ Михаилъ Шуйскій, во время величайшей опасности, съ горестію удалился отъ войска, чтобы искать защитниковъ Россіи въ Россіи⁽³⁶²⁾: прибывъ въ Новгородъ, гдѣ начальствовали Бояринъ Князь Андрей Куракинъ и царедворецъ Татищевъ⁽³⁶³⁾, онъ немедленно доставилъ Королю Шведскому грамоту Василиеву; писалъ къ нему и самъ, писалъ и къ его Воеводамъ, Финляндскому и Ливонскому, Арвиду Вильдману и Графу Мансфельду⁽³⁶⁴⁾, требуя вспоможенія и представляя имъ, что Ляхи воцареніемъ Лжедимитрія хотятъ обратить силы Россіи на Швецію, для торжества Латинской Вѣры, будучи побуждаемы къ тому Папою, Іезуитами и Королемъ Испанскимъ. Ничто не было естественнѣе союза между Шведскимъ и Россійскимъ Вѣнценосцами, искренними друзьями отъ ихъ общей ненависти къ Ляхамъ. Надлежало единственно удостовѣрить Карла, что Шведы еще найдутъ и могутъ утвердить Василія на престолѣ: для чего Князь Михаилъ, слѣдя своему наказу и внушенію Политики, таилъ отъ Карла ужасныя обстоятельства Россіи; говорилъ только о частныхъ въ ней мятежахъ, объ измѣнѣ тысячъ осьми или

десети Россіянъ, которые вмѣстѣ съ пятью или шестью тысячами Ляховъ злодѣйствуютъ близъ Москвы (365). Требовалось не мало времени для объясненій. Секретарь Мансфельдовъ видѣлся съ Княземъ Михаиломъ въ Новѣгородѣ, а Воевода Головинъ, шуринъ Скопина, поѣхалъ въ Выборгъ, гдѣ знатные чиновники Шведскіе ждали его, чтобы условиться въ мѣрахъ вспоможенія. Между тѣмъ Князь Михаилъ, желая спасти Москву и Царя не одною рукою иноплеменниковъ, мыслилъ ополчить всю Сѣверозападную Россію, и грамотою убѣдительною звалъ къ себѣ Псковитянъ, хваля ихъ древнюю доблесть; но Псковитяне, уже хвались злодѣйствомъ (366), отвѣтствовали ему угрозою — и самые Новогородцы оказывали расположеніе столь подозрительное, что Князь Михаилъ рѣшился искать усердія или безопасности въ иномъ мѣстѣ; вышелъ изъ Новагорода съ Татищевымъ, Дьякомъ Телешевымъ и малочисленною дружиною вѣрныхъ, и требовалъ убѣжища въ Иванѣгородѣ: тамъ ихъ не приняли, ни въ Орѣшкѣ, гдѣ Воевода, предатель, Бояринъ Михайло Салтыковъ, считая Лжедимитря побѣдителемъ, уже именовалъ себя его Намѣстникомъ (367). Въ то время, когда Михаилъ, оставленный и пѣкоторыми изъ робкихъ спутниковъ, при устьѣ Невы думалъ въ печали, что дѣлать? явились послы отъ Новагорода съ молченіемъ, чтобы онъ возвратился къ Святой Софіи. Митрополитъ Исидоръ и достойные Рос-

сіяне одержали тамъ верхъ надъ беззаконіємъ, и встрѣтили Князя Михаила какъ утѣшителя, въ лицѣ его привѣтствуя отечество и вѣрность; искренно клялися умереть за Царя Василія, какъ прелки ихъ умирали за Ярослава Великаго, и свѣдавъ, что Воевода Лжедимитріевъ, Керносицкій, съ Ляхами и Россіянами идетъ отъ Тушина къ берегамъ Ильменя, готовились выступить въ поле. Древній Новгородъ, казалось, воскресъ съ своимъ великолушіемъ: къ несчастію, ревность достохвальная имѣла дѣйствіе зловредное.

Татищевъ, извѣстный мужествомъ, вызвался вести передовой отрядъ къ Бронницамъ; но Князю Михаилу донесли, что сей царедворецъ лукавый замышляетъ предательство. Извѣсть была важенъ, а Князь Шуйскій молодъ и пылокъ: онъ созвалъ воиновъ и гражданъ, объявилъ имъ доносъ, и хотѣлъ съ ними торжественно судить, уличить или оправдать виноваго. Вместо суда, народъ въ изстуленіи яности умертвилъ Татищева, не давъ ему сказать ни единаго слова, къ горести Михаила, увидѣвшаго поздно, что народъ, въ кипѣніи страстей, можетъ быть скорѣе налачемъ, нежели судіею (368). Татищева, едва ли виновнаго, скоронили съ честію въ Обители Св. Антонія, и мнигіе Дворяне, вѣроятно устрашенные его судбою, бѣжали изъ города, даже къ непріятелю, который шелъ впередъ невозбранно, занялъ Хутынскій и другіе окрестные монастыри, жегъ,

грабилъ — и вдругъ скрылся, услышавъ отъ ильинниковъ, что сильное войско вступило въ село Грузино и спѣшить на помощь къ Новугороду. Ильинники обманули непріятеля: мнимое войско состояло единственно изъ тысячи областныхъ жителей, ополченныхъ Дворянами Горихвостовымъ и Рязановымъ въ Тихвинѣ и за Онегою⁽³⁶⁹⁾. Сія добрые Россіяне, будучи въ шесть разъ слабѣ Керносицкаго⁽³⁷⁰⁾, имѣли счастіе безъ кровопролитія избавить Новгородъ, гдѣ Князь Михаилъ съ иетерпѣніемъ ждалъ вѣстей отъ Головина.

г. 1609. Вѣсти были благопріятны. Король Шведскій словомъ и дѣломъ доказалъ свою искренность. Еще Генералы его, Бос и Вильдманъ, не успѣли заключить договора съ Головинымъ и Дьякомъ Зиновьевымъ, а войско Королевское уже стояло подъ знаменами въ Финляндіи. Съ обѣихъ сторонъ не хотѣли тратить времени, и 28 Февраля подписали въ Выборгѣ слѣдующія условія⁽³⁷¹⁾: «1) Мирный договоръ 1595 года «возобновляется между Россіею и Швециею на вѣки вѣковъ. 2) Первой не вступаться въ Ливонію. 3) Карлъ даетъ Василію 2000 конныхъ и 3000 пѣшихъ ратниковъ, а Василій 100,000 ефимковъ въ мѣсяцъ на ихъ жалованье⁽³⁷²⁾. 4) Сіе войско въ полномъ распоряженіи Князя Михаила Шуйскаго; должно занимать города

«единственно именемъ Царскимъ , и не можетъ «выводить пленниковъ изъ Россіи, кромъ Ля- «ховъ. 5) Съѣстные припасы будутъ ему до- «ставляемы по цѣнѣ умѣренной ⁽³⁷³⁾. 6) Царь «взаимно обязывается помочь Королю вой- «скомъ на Сигизмунда въ Ливоніи, куда от- «крыть путь Шведамъ изъ Финляндіи чрезъ Рос- «сийскія владѣнія. 7) Ни та, ни другая Держава «безъ общаго согласія не вольна мириться съ «Сигизмундомъ. 8) Царь, въ знакъ признатель- «ности, уступаетъ Швеціи Кексгольмъ въ вѣч- «ное владѣніе, по тайно до времени ⁽³⁷⁴⁾; ибо «сія уступка можетъ произвести сильное неудо- «вольствіе между Россіянами. 9) Князь Михаилъ «Шуйскій даритъ Шведскому войску 5000 руб- «лей не въ счетъ опредѣленного жалованья. — «Сія грамота будетъ утверждена въ Новѣгородѣ «имъ Княземъ Шуйскимъ , Воеводою , Бояри- «номъ и Близкимъ Пріятелемъ Царскимъ , а въ «Москвѣ самимъ Царемъ.»

26 Марта ⁽³⁷⁵⁾ уже вступилъ въ Россію Пол-
ководецъ Шведскій , Яковъ Делагарди , сынъ
Понтусовъ , юный , двадцати-семилѣтній витязь ,
ученикъ и сподвижникъ славнаго Морица Нас-
савскаго въ долговременномъ , кровопролитномъ
бореніи за свободу Голландской Республики . На
границѣ встрѣтилъ союзниковъ Воевода Одолу-
ровъ , высланный Княземъ Михаиломъ ; и 2300
Россіянъ , которые въ первый разъ увидѣли себя
подъ одними знаменами съ Шведами и наемни-
ками ихъ , Французыами , Англичанами , Шотланд-
цами .

цами, Нѣмцами и Нидерландцами. Сіи 5000 разноземцевъ, большою частію людей безъ отечества и нравственности, исполненныхъ любви не къ ратной чести, а къ низкой корысти, шли спасать преемника Монарховъ, ославленныхъ въ Европѣ и въ Азіи несмѣтными ихъ силами! Союзникамъ указали станъ близъ Новагорода, куда звали Делагарди и Генераловъ его для свиданія съ Княземъ Шуйскимъ . . .

Тамъ сіи два Полководца, оба юные, привѣтствовали другъ друга съ ласкою, съ уваженіемъ взаимнымъ. «Князь Михаилъ» — пишетъ современный Шведскій Историкъ⁽³⁷⁶⁾ — «имѣлъ 23 «года отъ рожденія, прекрасную душу, умъ не «по лѣтамъ зрѣлый, наружность, осанку пріят- «ную, искусство въ битвахъ и въ обхожденіи съ «иноземнымъ войскомъ. Делагарди сказалъ ему, «что Королю извѣстны всѣ ухищренія Ляховъ; «что онъ прислалъ рать и готовить еще силь- «нѣйшую для вспоможенія Россіи, желая благо- «дѣнствія Царю и народу ся, а врагамъ ихъ же- «ляя гибели. Князь Михаилъ, кланяясь, опу- «стилъ руку до земли; изъявлялъ благодарность; «увѣрялъ, что Россія усердна къ Царю и вол- «нуема только малымъ числомъ измѣнниковъ, «коихъ легко одолѣть единодушнымъ дѣйствіемъ «союзниковъ! Разсуждали, какъ дѣйствовать, и «съ чего начать. Делагарди требовалъ впередъ «жалованья войску: Князь Шуйскій обѣщалъ «немедленно выдать 8000 рублей, 5000 деньгами «и 3000 соболями; утвердилъ (4 Апрѣля) Вы-

«боргскій договоръ, и самъ проводиаъ Дела-
«гарди до воротъ крѣпости.»

Грязи и разлитіе рѣкъ мѣшали походу. Швед-
скій Военачальникъ хотѣлъ ждать просухи, и
для безопаснаго сообщенія съ Ливонію и Фин-
ляндію, заняться прежде всего осадою Копорья,
Иванягорода и Ямы, гдѣ царствовала измѣна :
Князь Михаилъ имѣлъ другую мысль. Еще до
прибытія Шведовъ, Воевода Осининъ ходилъ
изъ Новагорода съ Дѣтыми Боярскими и Коза-
ками къ мятежному Пскову, разбилъ тамош-
нихъ злодѣевъ въ полѣ и надѣялся взять го-
родъ (³⁷⁷); но Скопинъ велѣлъ ему возвратиться,
чтобы не тратить времени въ предпріятіяхъ
частныхъ, и склонилъ Делагарди немедленно
итти къ Москвѣ. Воевода Чулковъ и Шведскій
Генералъ Эверть Горнъ вступили въ Русу, гна-
ли измѣнниковъ и Ляховъ до уѣзда Торопец-
каго, одержали (25 Апрѣля) побѣду надъ Керно-
сицкимъ въ селѣ Каменкахъ, взяли 9 пушекъ,
 знамена и плѣнниковъ (³⁷⁸). Порховъ, Торопецъ
сдалися мирно — и Торжекъ другому Воеводѣ,
Чоглокову. Узнавъ, что Пашъ Зборовскій и
Князь Григорій Шаховскій (³⁷⁹) съ тремя тыся-
чами измѣнниковъ и Ляховъ идутъ изъ Твери
на Чоглокова, Князь Михаилъ отрядилъ туда
Головина и Горна : имѣя не болѣе двухъ тысячъ
войновъ, они сразились съ непріятелемъ ; Чо-
глоковъ сдѣлалъ вылазку, и Зборовскій, послѣ
дѣла кровопролитнаго, отступилъ къ Твери.

Самъ Князь Михаилъ, отиѣвъ молебенъ въ

Софійскомъ храмѣ , исполненномъ древнихъ знаменитыхъ воспоминаній , вывелъ (10 Мая) главную рать . Новгородъ , вѣкогда Великій , столь многолюдный и воинственный , далъ ему все , что могъ : тысячи двѣ подвижниковъ неопытныхъ (380)! Но войско Россійское усилилось въ Торжкѣ (24 Іюня) новыми дружинами : Князь Борятинскій , Воевода усердный и мужественный , привелъ туда 3000 Дѣтей Боярскихъ и землемѣльцевъ изъ Смоленскихъ Уѣздовъ , смиривъ на пути Дорогобужъ и Вязьму (381). Союзники спѣшили къ Твери : тамъ засѣли Зборовскій и Керпосицкій , бывъ подкрѣплены Тушинскимъ войскомъ . Ляхи и Россійскіе измѣнники вышли изъ города и сразились мужественно , во время сильного дождя , который препятствовалъ дѣйствію пальбы : непріятель , ударивъ съ коньями на лѣвое крыло Швеловъ , обратилъ Французовъ въ бѣгство ; Нѣмцы , Финляндцы , Россіяне также дали тылъ , — и хотя правое крыло , гдѣ начальствовалъ Делагарди , имѣло выгоду и втѣснило Ляховъ въ городъ ; хотя самъ Воевода Зборовскій раненый едва спасся отъ плѣна : но союзники отступили . Дождь лильцѣлья сутки . Въ слѣдующую ночь , когда Ляхи безнечно спали въ Острогѣ , Князь Михаилъ тихо приблизился , напалъ и взялъ его безъ урона : восходящее солнце освѣтило тамъ Царскія хоругви и кучи непріятельскихъ тѣлъ (382). Юный Полководецъ Россійскій обнялъ Делагарди съ живѣйшимъ чувствомъ признательности

сти за мужество Шведовъ⁽³⁸³⁾, которые хотѣли вломиться и въ городъ, гдѣ остальные измѣнники и Ляхи заключились; но Князь Михаилъ, жалѣя людей,велѣлъ прекратить сѣчу кровопролитную и не нужную: ибо угадывалъ, что непріятель, уже слабый, или мирно сдастся на договоръ или бѣжитъ. Чрезъ нѣсколько часовъ дѣйствительно Ляхи и клевреты ихъ ушли изъ Твери, до половины сожженной и наполненной трупами⁽³⁸⁴⁾. Такимъ образомъ Князь Михаилъ въ два мѣсяца очистилъ всѣ мѣста отъ Новогородскихъ до Московскихъ предѣловъ; думалъ скоро освободить и Москву, надѣясь на ужасъ непріятелей и содѣйствіе войска Царскаго. Доселѣ онъ могъ быть доволенъ Шведами. Карлъ IX писалъ къ нашему Духовенству, Боярамъ, Дворянамъ и купцамъ⁽³⁸⁵⁾, что онъ готовъ всѣми силами дѣйствовать для защиты ихъ древней Греческой вѣры, вольности и льготы, — для истребленія Польской сволочи и бродягъ, жалуемыхъ ею въ Цари съ умысломъ изгубить знатнѣйшіе роды, цвѣтъ и славу нашего отечества⁽³⁸⁶⁾. Делагарди уклонялся отъ всякаго спошенія съ Лахами, и въ отвѣтъ на дружелюбную, лукавую грамоту Зборовскаго, писанную изъ Твери (11 Июня) къ Шведскимъ Генераламъ о правахъ минимаго Димитрія, сказалъ: «мое дѣло воевать, а не разсуждать съ вами о Димитріяхъ»⁽³⁸⁷⁾. Тщетно и лазутчики Зборовскаго старались возмутить союзное войско: ихъ ловили и казнили. Но чего не произвело обольщеніе, то произвела буй-

ность. Оставилъ Тверь и Шведовъ позади себя, Князь Михаилъшелъ къ столицѣ и свѣдалъ въ Городнѣ, что союзники идутъ не за нимъ, а назадъ къ Новугороду! Сіяпсожидаемаяизмѣна была слѣдствіемъ мятежа. Выступивъ изъ Твери, Финляндцы первые объявили своему Генералу, что не хотятъ ити въ глубину Россіи на вѣрную гибель; что имъ не выдано полнаго жалованья: что вѣроломство Московскаго народа всѣмъизвѣстно; что жены и дѣти ихъ безъ защиты дома (388). Французы, Нѣмцы, наконецъ и Шведы также взволновались; не слушались Генераловъ;бросили знамена. Делагарди обнажилъ мечь,грозилъ — и долженъбыть уступить мятежникамъ, чтобы не остаться Военачальникомъ безъ войска: онъ самъ повелъ ихъ къ Шведской границѣ (389), для прикрытия бунта жалуясь, что Россіяне не исполняютъ договора: не сдаютъ Кексгольма и не платятъ обѣщанныхъ денегъ. Изумленный Князь Михаилъ спѣшилъ удержать союзниковъ нужныхъ, хотя и ненадежныхъ, и послалъ къ нимъ Ододурова съубѣжденіемъ неизмѣнять чести, не срамить имени Шведскаго, не выдавать друзей, въ то время, когда непріятель, болѣе разраженный, нежели ослабленный, готовится къ рѣшительному дѣлу. Сіи представления и серебро, врученное наемникамъ корыстолюбивымъ, ихъусовѣстили: Генераль Зоме съ частю пѣхоты и конницы возвратился къ Князю Михаилу на канунѣ величайшей для него опасности и сла-

вы (³⁹⁰). Здѣсь подвиги юнаго Героя уже свя-
зуются съ происшествіями знаменитой Троиц-
кой осады.

Еще Саула стоялъ подъ Лаврою (³⁹¹) : раз-
сыпалъ отряды , занималъ или же градъ города,
обуздывалъ или каралъ жителей , мѣшалъ сооб-
щенію Москвы съ Востокомъ и Сѣверомъ Рос-
сии , и подкрѣплялъ Зборовскаго , чтобы отра-
зить Шведовъ. Между тѣмъ слухъ о движеніяхъ
Скопина и Шереметева уже достигъ Лавры (³⁹²) :
защитники ея ждали слѣдствій , надѣялись , и
вдругъ увидѣли необычайное волиеніе въ не-
пріятельскомъ станѣ : Зборовскій прибѣжалъ
туда съ остаткомъ разсѣянаго войска (³⁹³) и съ
вѣстю , что Тверь уже взята союзниками ; при-
бѣжали и многіе измѣнники , Дворяне , Дѣти
Боярскіе , которые измѣною хотѣли единственно
избавить свои помѣстья отъ грабежа , не думая
служить Царику Тушинскому , и до того времени
жили въ нихъ спокойно , но не дерзнули ждать
Князя Михаила (³⁹⁴). Всѣ отряды возвратились
къ Саулаго : Лжедимитрій усилилъ его и частю
Тушинской рати , велѣвъ ему итти противъ Ско-
пина и Шведовъ. Ляхи , какъ обыкновенно , го-
товились къ битвѣ шумными играми , пили , ве-
селились , и дали знать Троицкому Воеводѣ Дол-
горукому , что они торжествуютъ побѣды ; что
Шведы истреблены , а Скопинъ и Шереметевъ
сдалися. Ихъ не слушали. Тогда подѣхали къ
стѣнамъ два человѣка , нѣкогда знаменитые на
стенени мужей государственныхъ : Бояринъ Сал-

тыковъ (изгнанный изъ Орѣшка успѣхами Князя Михаила) и Думный Дьякъ Грамотинъ⁽³⁹⁵⁾: оба увѣряли, что междуусобная война уже прекратилась въ Россіи; что Москва встрѣчаетъ Димитря, и Шуйскій съ Синклитомъ въ его рукахъ. Клевреты ихъ, Дворяне измѣнники, утверждали тоже, прибавляя: «Не мы ли были съ «Шереметевымъ», а теперь служимъ Димитрю? «Кого еще ждете? Все у ногъ Іоаннова сына — «и если одни будете противиться, то немедленно увидите здѣсь Царя гнѣвнаго со всѣмъ «Литовскимъ войскомъ, Скопинскимъ и Шереметевымъ, для казни вашего ослушанія.» Имъ отвѣтствовали единогласно, люди умные и простые (какъ говорить Лѣтописецъ): «Всевышній «съ нами, и никого не боимся. Хотите ли, чтобы «бы мы вамъ вѣрили? скажите, что Князь Михаиль подъ Тверю тѣлами Литовскими и ваними сравнялъ Волгу съ берегами и напиталъ «звѣрей плотоядныхъ: не усомнимся и восхвалимъ Бога! Ложь не побѣда: идите съ мечемъ на мечь, и Господь разсудить виновнаго съ правдой!» Такъ еще мужалась сіи Герои вѣности, числомъ уже не болѣе двухъ сотъ⁽³⁹⁶⁾. Сапѣга не могъ медлить, однако же дозволилъ Зборовскому съ его дружинами еще приступить къ стѣнамъ Обители, которую сей гордый Ляхъ, шутя надъ нимъ и Лисовскими, уподоблялъ лукну и гнѣзду воронъ⁽³⁹⁷⁾. Зборовскій приступилъ ночью, стрѣляя, убилъ одну женщину на стѣнѣ, и ничего болѣе не сдѣлавъ, удалился. Вѣ-

роятно, что непріятель хотѣлъ на сию ночь не взять, а только устрашить Лавру для своей безопасности: Сапъга спѣшилъ къ берегамъ Волги, ввѣривъ облежаніе монастыря и храненіе стана Козакамъ, Россійскимъ измѣнникамъ и не многимъ Ляхамъ.

Не зная, что дѣлается въ Москвѣ, но зная, что вся Россія полунощная, отъ Углича до Бѣлаго моря и Перми, уже снова вѣрна Царю, Князь Михаилъ, исполненный надежды, но тѣмъ болѣе осторожный, послалъ, для вѣстей къ столицѣ, чиновника Безобразова (³⁹⁸), а самъ не дерзая итти впередъ съ малыми силами, двинулся влѣво по теченію Волги, къ монастырю Колязину, для удобнаго сообщенія съ Ярославлемъ, богатымъ и многолюднымъ. Туда прибылъ къ нему Царскій Дворянинъ Волуевъ, умертвитель Отрепьевъ (³⁹⁹), сказывая, что Москва цѣла и Василій еще державствуетъ. Царь писалъ къ Михаилу: «Слышимъ о твоемъ великомъ радѣніи, и славимъ Бога. Когда ужасомъ или побѣдою избавиши Государство, то какой хвалы сподобишись отъ насть и добрыхъ Россіянъ! какого веселія исполнишь сердца ихъ! Имя твое и дѣло будуть памятны во вѣки вѣковъ не только въ нашей, но и во всѣхъ Державахъ окрестныхъ. А мы на тебя надежны, какъ на свою душу» (⁴⁰⁰). — За вѣстю радостною слѣдовала другая: Сапъга, Зборовскій, Лисовскій и Лжедимитріевъ Атаманъ Заруцкій находились уже близъ Колязина, въ селѣ Пироговѣ (⁴⁰¹). Имѣя едва ли тысячу

десять собственныхъ воиновъ и не болѣе ты-
сячи Шведовъ, приведенныхъ къ нему Гене-
раломъ Зоме (⁴⁰²), Князь Михаилъ рѣшился
однакожь встрѣтить непріятеля, хотя и го-
раздо сильнѣйшаго. Передовыя рати сошлися
на топкихъ берегахъ Жабны: чиновники Го-
ловинъ, Борятинскій, Волуевъ и Жеребцовъ
отличились мужествомъ; втоптали непріятеля
въ болота, и дали время Князю Михаилу
изготавиться, занять мѣста выгодныя, распо-
рядитъ движенія. Сапъга напалъ стремительно,
съ громкимъ воплемъ: Россіяне и Шве-
ды стояли твердо, и сами нападали, гдѣ слабѣлъ
непріятель. Пальба и съча продолжали-
лись нѣсколько часовъ. На закатѣ солнца
вѣрные Россіяне призывая имя Св. Макарія
Колязинскаго, двинулись впередъ такъ друже-
но и сильно; что утомленные Ляхи не могли
удержать мѣста битвы; ихъ тѣснили до Ря-
бова монастыря, и Князь Михаилъ вступиаъ
въ Колязинъ съ плѣнниками и трофеями (⁴⁰³),
не хваляся побѣдою, но хваля единодушную
добрость своихъ и Шведовъ, въ надеждѣ на
успѣхи будущіе и важнѣйшіе. Онъ не гналъ
Ляховъ и не мѣшалъ имъ возвратиться къ
постыдной для нихъ осадѣ Троицкой, готовясь
быть избавителемъ и Лавры и Москвы —
и Россіи, если бы Небо оставило ей сего Ге-
роя-юношу!

Тамъ, на берегу Волги, въ пустынныхъ
келліяхъ Св. Макарія, Князь Михаилъ, огла-
шаемый церковнымъ пѣніемъ Иконовъ и зву-
комъ трубъ воинскихъ, какъ Геній отечест-

ва, неусыпно бодрствовалъ день и ночь для спасенія Царства; сносился съ городами съ-
верными, принималъ отъ нихъ дары, казну
и воиновъ (⁴⁰⁴); поручилъ Генералу Зоме
устроеніе дружинъ, образованіе людей нео-
пытныхъ въ ратномъ дѣлѣ, и нетерпѣливо
ждалъ всѣхъ Шведовъ для дальнѣйшихъ
предпріятій. Но Делагарди, увлеченный но-
вымъ бунтомъ войска, опять шелъ къ гра-
ницѣ (⁴⁰⁵): Послы Скопина настигли его въ
Крестцахъ; заплатили ему 6000 рублей день-
гами, 5000 рублей соболями (⁴⁰⁶), и Князь
Михаилъ взялъ на себя, безъ утвержденія
Царскаго, отдать Кексгольмъ Шведамъ. Въ
сихъ переговорахъ миновало недѣль шесть:
Делагарди пошелъ наконецъ къ Колязину,
гдѣ Князь Михаилъ, нетревожимый измѣнника-
ми и Ляхами, усиливался ежедневно.

Видя предъ собою Москву неодолимую, во-
кругъ себя города уже непріятельскіе, пепе-
лища, лѣса, пустыни, въ коихъ изгнанные
жители, воспламененные злобою, стерегли,
истребляли Ляховъ малочисленныхъ въ ихъ
разъѣздахъ — будучи съ Сѣвера угрожаемъ
княземъ Михаиломъ, съ Востока Шеремете-
вымъ, Лжедимитрій еще мыслилъ однимъ уда-
ромъ кончить войну; взять силою, чего дол-
го и тщетно ждалъ отъ измѣны и голода:
взять Москву вмѣстѣ съ Царемъ и Царст-
вомъ. Въ сей надеждѣ утвердилъ его Панъ
Бобовскій, который, прибывъ къ нему тогда
изъ Литвы съ дружиною уdalьцевъ, винилъ
Рожинскаго въ слабости духа, увѣряя, что

Москва спасается единственно бездѣйствиемъ Тушинскаго войска и неминуемо падеть отъ первого дружнаго приступа. Лжедимитрій далъ ему иѣсколько полковъ: хваляся напередъ дѣломъ славнымъ, Бобовскій устремился къ городу; но Царскіе Воеводы не допустили его и до предмѣстія: вышли, напали, разбили — и Москва торжествовала свою первую блестящую победу; а скоро и вторую, еще важнѣйшую, надъ всею Тушинскою силою (⁴⁰⁷). Самъ Лжедимитрій, Гетманъ Рожинскій, Атаманъ Заруцкій, въ знатные измѣнники и Бояре вели дружины на приступъ (въ день Троицы), и хотѣли сжечь Деревянный городъ; но Василій успѣлъ выслать войско съ Княземъ Дмитриемъ Шуйскимъ. Непріятель быстрымъ движеніемъ вломился въ средину Царскихъ полковъ, смялъ конницу и замѣшалъ пѣхоту: тутъ съ одной стороны Воевода Князь Иванъ Куракинъ, съ другой Князья Андрей Голицынъ и Борисъ Лыковъ, уже известные достоинствами ратными (⁴⁰⁸), начали на измѣнниковъ и Ляховъ. Зачало войска бой, въ коемъ, по увѣренію Лѣтописца, Московскіе воины превзошли себѣ въ блестящемъ мужествѣ, сражаясь, какъ еще не сражались дотолѣ съ Тушинскими злодѣями; одолѣли, гнали ихъ до Ходынки и взяли 700 пленниковъ. Ужасъ непріятеля былъ такъ великъ,

что бѣглецы не удержались бы въ Тушинѣ, если бы побѣдители, слишкомъ умѣренные, не остановились на Ходынкѣ. Однимъ словомъ, Москвитяне сами дивились своей храбрости, вселенной въ нихъ счастливыми вѣстями о возстаніи Сѣверной Россіи, обѣ успѣхахъ Князя Михаила и войска Низоваго, кого чиновникъ, Дворянинъ Соловой, прибылъ тогда къ Царю съ донесеніемъ Шеремете-ва (¹⁰⁹). Сей Бояринъ вездѣ истреблялъ непріятеля и власть Лжедимитрія, отъ Казани до Нижняго Новагорода; близъ Юрьевца, побилъ на голову Лисовскаго, отряженаго Сапъгою для усмирепія Костромской облас-ти (¹¹⁰); мирно вступилъ въ Муромъ, и взявъ Касимовъ, освободилъ тамъ многихъ вѣрныхъ Россіянъ, заключенныхъ измѣнниками. До-вольный ~~з~~его службою, но не довольный ме-дленностию, Царь послалъ къ нему Князя Прозоровскаго съ милостивымъ словомъ и съ указомъ спѣшить къ Москвѣ (¹¹¹). Въ тоже время древняя столица Боголюбскаго обрати-лась къ закону: жители владиміра снова при-сягнули Царю — всѣ, кроме Воеводы Вель-яминова, ревностнаго слуги Лжедимитріева. Народъ велѣлъ ему исповѣдаться въ цер-кви, вывелъ его на площадь, объявилъ вра-гомъ Государства, убилъ каменьемъ, и съ живѣйшимъ усердіемъ принялъ Воеводъ Цар-скихъ (¹¹²).

Уже безъ легкомыслія можно было преда-ваться надеждѣ. Царство обмана падало: цар-ство закона возстановлялось. Образовались

полки вѣрныхъ — стремились къ одной цѣли къ Москвѣ, почти освобожденной двумя важными успѣхами собственного оружія. Народъ опомнился, и радостными кликами привѣтствовалъ знамена любезнаго отечества и Святой Вѣры. Ждали только соединенія силъ, чтобы дружно наступить на гнѣздо злодѣйства, столь долго ужасное Тушино.. и вдругъ едва не впали въ новое отчаяніе!

Какъ измѣнники и Ляхи въ явномъ омраченіи ума давали Князю Михаилу спокойно готовить имъ гибель, такъ войскъ Московское, худо вѣря своимъ побѣдамъ, дало отдохнуть Самозванцу разбитому. Онъ усилился новыми толпами Козаковъ, вышедшихъ изъ Астрахани съ ^{Три Са-} _{мозван-} ^{ца.} ^{тримъ} мнимыми Царевичами: Августомъ, Осиновикомъ и Лавромъ: первый назывался сыномъ, второй и третій внуками Иоанна Грознаго (¹¹²). «Злодѣи рабскаго племени» — говорить Лѣтописецъ — «холопи, крестьяне, считая Россію привольемъ наглыхъ обманщиковъ, являлись одинъ за другимъ подъ именемъ Царевичей даже небывалыхъ, и надѣялись властовать въ ней, какъ союзники и близкіе Тушинскаго злодѣя» (¹¹⁴). Но сами Козаки, отбитые отъ вѣриаго Саратова Воеводою Замятнею Сабуро-вымъ, съ досады умертили Осиновика на берегу Волги: Августа и Лавра велѣлъ повѣсить Лжедимитрій на Московск-

ской дорої, чтобы ихъ казнію засвидѣтельствовать свое небратство съ иими. Въ опасностяхъ не теряя дерзости — еще имѣя тысячу шестьдесятъ или болѣе сподвижниковъ — еще властвую надъ знатною частію Россіи южной и западной, отъ Тушина до Астраханы (⁴¹⁵), предѣловъ Крымскихъ и Литовскихъ — Самоизанецъ тревожилъ нападеніями слободы Московскія (⁴¹⁶), перехватывалъ обозы на дорогахъ, тѣснилъ Коломну. Воевода его, Ляхъ Млоцкій, побилъ Рязанцевъ, хотѣвшихъ освободить сей городъ, имъ осажденный; а Лисовскій, всегда храбрый, не всегда счастливый, загладилъ свои неудачи важнымъ успѣхомъ. Винимый Царемъ въ медленности, Шереметевъ сиѣшилъ изъ Владимира къ Суздалю, еще непріятельскому, и сталъ на равнинахъ, гдѣ Лисовскій ударомъ конницы смялъ всю его многочисленную, худо устроенную пѣхоту. Легло не малое число Низовыхъ жителей въ битвѣ кровопролитной и беспорядочной (⁴¹⁷); съ остальными Шереметевъ бѣжалъ къ Владимиру. Москва узнала о томъ и смущилась. Народъ уже не хотѣлъ вѣрить побѣдамъ Князя Михаила. Въ сie время голодъ опять усилился Житилицы Авраміевы истощились (⁴¹⁸), и четверть хлѣба опять возвысилась цѣною отъ двухъ до семи рублей. Чернь бунто-новый вала; съ шумомъ стремилась въ Кремль;

въ Москвѣ. осаждала дворецъ; кричала: «хлѣба! хлѣба! или да здравствуетъ Тушинскій!»... Но въ часъ величайшаго волненія явился Безобразовъ съ дружиною (⁴¹⁹): сквозь разъезды непріятельскіе онъ благополучно достигъ москвы, и вручилъ Царю письмо отъ Князя Михаила; а Царь велѣлъ читать оное всенародно, при звукѣ колоколовъ и пѣніи благодарственаго молебна во всѣхъ церквахъ. Князь Михаилъ писалъ, что Богъ ему помогаетъ. Исчезло отчаяніе, сомнѣніе и мятежъ. Надежда на скорое избавленіе уменьшила и дорожившу съ голодомъ. Новыя вѣсти еще болѣе обрадовали Москву.

Ожидая Делагарди, Князь Михаилъ хотѣлъ выгнать непріятеля изъ Переславля Залѣсскаго, чтобы безпрепятственно сноситься съ Шереметевымъ и Низовыми областями. Головинъ, Болуевъ и Зоме (1 Сентября) ночью взяли сей городъ, убивъ 560 человѣкъ и пленивъ 150 шляхтичей Санѣгиной рати (⁴²⁰). 16 Сентября пришелъ паконецъ и Делагарди. Казна, доставленная Скопину усердіемъ городовъ, дала ему средство удовлетворить вполнѣ корыстолюбіе Шведовъ: имъ заплатили 15,000 рублей мѣхами, и тѣмъ оживили ихъ ревность (⁴²¹). Полководцы, оба юные и пылкіе духомъ, служили примѣромъ искренняго братства для воиновъ. 26 Сентября Князь

Михаилъ и Делагарди двинулись впередъ, оставили въ Переславлѣ сильную дружину и шли далѣе на Югъ; встрѣти-
ли, гнали малочисленныхъ Ляховъ, и за-
няли Александровскую слободу, прослав-
ленную Иоанномъ. Тамъ все еще напо-
миналъ его времѧ: дворецъ, пять бога-
тыхъ храмовъ (⁴²²), чистые пруды, глубокіе рвы и высокія стѣны, гдѣ Гроз-
ный искалъ безопаснаго убѣжища отъ
Россіи и совѣсти. Мѣсто ужасовъ обратилось въ мѣсто надежды и спасенія.
Тамъ Михаилъ остановился; велѣлъ не-
медленно дѣлать новыя деревянныя ук-
рѣпленія, выслалъ разѣзды на дороги,
открылъ сообщеніе съ Москвою и еже-
дневно писалъ къ Царю, чтобы усло-
виться съ нимъ въ дальнѣйшихъ дѣй-
ствіяхъ. Москва ожила изобиліемъ (⁴²³).
Уже съ трехъ сторонъ везли къ ней за-
пасы: изъ Переславля, Владимира и Ко-
зомы: ибо Ляхъ Млоцкій, свѣдавъ о
вступленіи союзниковъ въ Александров-
скую Слободу, удалился къ Серпухо-
ву (⁴²⁴). Уже Князь Михаилъ имѣлъ
18,000 воиновъ кромѣ Шведовъ; но
зная, что къ нему идутъ новыя дру-
жини изъ городовъ сѣверныхъ, хотѣлъ
до времени только отражать непрія-
теля.

Между тѣмъ изнуренная Лавра, все
еще осаждаемая Санѣгою, простирала
руки къ избавителю. Горсть ея неутоми-

мыхъ воителей еще буменьшилась въ новыхъ дѣлахъ кровопролитныхъ (⁴²⁵), хотя и счастливыхъ. Узнавъ о Колязинской побѣдѣ, они торжествовали ее дерзкими вылазками, били измѣнниковъ и Ляховъ, отнимали у нихъ запасы и стада. Князь Михаилъ далъ чицовнику Жеребцову 900 воиновъ, и велѣлъ силою или хитростю проникнуть въ Лавру: Жеребцовъ обманулъ непріятеля, и, къ радости ея защитниковъ, безъ боя соединился съ ними.

Тогда, встревоженный близостю Князя Михаила и Шведовъ, Сапѣга (18 Октября) съ 4000 Ляховъ вышелъ изъ Троицкаго стана, чтобы узнать ихъ силу; встрѣтилъ передовую дружину Россіянъ въ селѣ Коринскомъ и гналъ ее до укрѣпленія слободы (⁴²⁶). Тутъ было жаркое дѣло. Начали Шведы, кончили Побѣда надъ Сапѣгою. Россияне: Сапѣга уступилъ, если не мужеству, то числу превосходному — и возвратился къ своей безконечной осадѣ, какъ бы все еще надѣясь взять Лавру! Но онъ самъ находился уже едва не въ осадѣ: разъезды высылаемые Княземъ Михаиломъ изъ Слободы, Шереметевымъ изъ Владимира, и Царемъ изъ Москвы, прерывали сообщеніе измѣнниковъ и Ляховъ между Лаврою и Тушинымъ; не пускали къ нимъ ни гонцевъ, ни хлѣба, портили дороги, дѣлали засѣки (⁴²⁷). Къ счастию Князя Михаила, главные Вожди

Польскіе, Гетманъ Рожинскій и Сапѣга, оба гордыя, властолюбивые; не могли быть единодушными: видя его опасное наступленіе, съѣхались для совѣта и разстались въ жаркой ссорѣ, чтобы дѣйствовать независимо другъ отъ друга: Гетманъ ускакалъ назадъ въ Тушино, а Сапѣга возобновилъ бесполезные приступы къ Лаврѣ (⁴²⁸), почти въ гла-захъ Князя Михаила, коего войско умно-

жалось.

Уже слобода Александровская какъ бы представляла Россію и затмѣвала Москву своею важностію. Туда стремились взоры и сердца сыновъ отечества; туда и воины, толпами и порознь, конные и пѣши, не многі: въ доспѣхахъ, всѣ съ мечемъ или копіемъ и съ ревностію. Новыя дружины изъ Ярославля (⁴²⁹); Бояринъ Шереметевъ изъ Владимира съ Низовою ратію, Князья Иванъ Куракинъ и Лыковъ изъ Москвы съ полками Царскими присоединились къ Князю Михаилу. Ждали и сильнѣйшаго вспоможенія отъ Карла IX: Делагарди писалъ къ нему, что должно побѣдить Сигизмунда не въ Ливоніи, а въ Россіи (⁴³⁰). Все благопріятствовало юному Герою: довѣренность Царя и союзниковъ, усердіе и единодушіе своихъ, смятеніе и раздоръ непріятелей. Наконецъ Россіяне видѣли, любовь чого уже давно не видали: умъ, мужество и

зю Машаилу, добродѣтель и счастіе въ одномъ лицѣ; видѣли мужа великаго въ прекрасномъ юношѣ, и славили его съ любовію, которая столь долго была жаждою, потребностію неудовлетворлемою ихъ сердца, и напила предметъ столь чистый. Но сія любовь, способствуя успѣху великаго дѣла, избавленію отечества, имѣла и несчастное слѣдствіе.

Князь Михаилъ служилъ Царю и Царству по закону и совѣсти, безъ всякихъ наимѣній властолюбія, въ невинной, смиренной душѣ едва ли плѣняясь и славою: не такъ мыслили за него другіе, уже съ бѣдственнымъ навыкомъ къ перемѣнамъ, низверженіямъ и беззаконіямъ. Многимъ казалось, что если Богъ возстановитъ Россію, то она въ награду за свои велиcodушныя усилія должна имѣть Царя лучшаго, не Василія, который предалъ Государство разбойникамъ, сравнялъ Москву съ Тушинымъ, и едва, на головѣ слабой, удерживаетъ вѣнецъ, срываемый съ него буйною чернію⁽⁴³¹⁾; а мысль о новомъ Царѣ была мыслю о Князѣ Михаилѣ — и человѣкъ, сильный духомъ, дерзнулъ всенародно изъявить оную. Тотъ, кто господствомъ ума своего рѣшилъ судьбу первого бунта, способствовалъ успѣхамъ и гибели опаснаго Болотникова⁽⁴³²⁾, измѣнилъ Василію и загадилъ измѣну

важными услугами, — не только не присталъ ко второму Лжедимитрю, но и не далъ ему Рязани — Думный Дворянинъ Ляпуновъ вдругъ, и торжественно, име-^{Предлагая ють въ-нечъ Герою.} немъ Россіи, предложилъ Цаство Скопину, называя его въ льстивомъ письмѣ^{Герою.} единымъ достойнымъ вѣнца, а Василія осыпая укоризнами (⁴³³). Сію грамоту вручили Князю Михаилу Послы Рязанскіе: не дочитавъ, онъ изодралъ ее, велѣлъ схватить ихъ, какъ мятежниковъ и представить Царю. Послы упали на колѣна, обливались слезами, винили одного Ляпунова, клялися въ Вѣрности къ Василію. Еще более милосердый, нежели строгій, Князь Михаилъ дозволилъ имъ мирно возвратиться Рязань, надѣясь, можетъ быть, обра-зумить ея дерзкаго Воеводу и сохранить въ немъ знаменитаго слугу для отече-ства. Онъ сохранилъ Ляпунова, но не спасъ ссоя отъ клеветы: сказали Василію, что Скопинъ съ удивительнымъ великодушiemъ милуетъ злодѣевъ, кото-рые предлагають ему измѣну и Цар-ство. Подозрѣніе гибельное уязвило Василіево сердце; но еще имѣли нужду въ Героѣ, и злоба таилась.

Еще, не взирая на близость спасенія, Москва тревожилась нѣкоторыми удачами и дерзостію непріятеля. Млоцкій въ набѣ-гахъ своихъ изъ Серпухова грабилъ обозы

Разбои между Коломною и столицею. Тамъ же явились многочисленныя толпы разбойниковъ съ Атаманомъ Салковымъ, Хатунскимъ крестьяниномъ; присоединились къ Млоцкому и побили Воеводу, Князя Литвинова-Мосальского, высланнаго Царемъ очистить Коломенскую дорогу; а на Слободской злодѣйствовалъ измѣнникъ Князь Петръ Урусовъ съ шайками Татарь Юртовскихъ (⁴³⁴). Цѣна хлѣба снова возвысилась въ Москвѣ; открылась даже и нечаянная измѣна. Царскій Атаманъ Гороховый, будучи съ Козаками и Дѣтьми Боярскими въ Красномъ селѣ на стражѣ, ночью впустилъ въ него отрядъ Лжедимитриевъ: вѣрные Дѣти Боярскіе имѣли время спастися, а Козаки передались къ Самозванцу, выжгли Красное село и бѣжали въ Тушино. Въ другую ночь такие же измѣнники подвели непріятеля, выше Неглинной, къ Деревянному Городу и зажгли стѣны; но Москвитяне, отбивъ злодѣевъ, у тушили огонь.—Междудѣль разбойникъ Салковъ, въ пятнадцати верстахъ отъ столицы, одержалъ верхъ надъ Воеводою Московскими, Сукинымъ, и занялъ Владимирскую дорогу. Надлежало избрать лучшаго Стратига, чтобы одолѣть сего втораго Хлопка (⁴³⁵): выступилъ Князь Дмитрий Пожарскій, уже знаменитый,—встрѣтилъ на берегахъ Пехорки и совершенно

истребилъ его злую шайку; осталося только тридцать человѣкъ, которые, вмѣстѣ съ ихъ Атаманомъ, дерзнули явиться въ Москвѣ съ повинною! Другіе отряды Царскіе прогнали Млоцкаго къ Можайску.—Изъ Слободы Князя Лыковъ и Борятинскій, съ Россіянами и Шведами, ходили къ Суздалю и думали взять его незапно, въ темную ночь: тамъ бодрствовалъ Лисовскій и встрѣтилъ ихъ неустранимо: они уклонились отъ битвы (⁴³⁶).

Въ то время, когда Князь Михаилъ, Осада
Смоленска. умножая образуя войско, и щитомъ лавру и столицу, готовился дѣйствовать наступательно — когда Москва, долго отлученная отъ Россіи, снова соединилась съ нею, какъ глава съ тѣломъ, видя вокругъ себя уже не многіе города подъ знаменами Лжедимитрія — въ то время новый непріятель, не съ шайками бродягъ и разбойниковъ, но съ войскомъ стройнымъ, съ предводителями искусными, съ силами цѣлой, знаменитой Державы, находился въ нѣдрахъ Россіи и дѣлалъ, что ему угодно, какъ бы не возбуждал ни малѣйшаго вниманія ни въ Москвѣ, ни въ станѣ Александровскомъ! . . . Обращаемся къ Сигизмунду (⁴³⁷). Василій не противился его вступленію въ наше Княжество Смоленское, ибо не имѣлъ силъ противиться: оказалось, что сіе вѣролом-

ное нападение было для Василія лучшимъ средствомъ избавиться отъ врага опаснѣйшаго и ближайшаго.

Вѣра слухамъ, что жители Смоленска нетерпѣливо ждутъ Сигизмунда какъ избавителя, онъ (въ Сентябрѣ мѣсяцѣ) подступилъ къ сей древней столицѣ Княжества Мономахова съ двѣнадцатью тысячами отборныхъ всадниковъ, пѣхотою Нѣмецкою, Литовскими Татарами и десятю тысячами Козаковъ Запорожскихъ (⁴³⁸); расположился станомъ на берегу Днѣпра, между монастырями Троицкимъ, Спасскимъ, Борисоглѣбскимъ (⁴³⁹), и послалъ Универсалъ или манифестъ къ гражданамъ, объявляя, что Богъ казнить Россію за Годунова и *другихъ* властолюбцевъ которые беззаконно въ ней царствовали и царствуютъ, воспаляя междоусобie, и призывая иноплемениковъ терзаться иѣдра; что Шведы хотятъ овладѣть Московскими Государствомъ, истребить Вѣру православную и дать намъ свою ложную; что многіе Россіяне тайными письмами убѣждали его (Сигизмунда), Вѣнценосца истинно Христіанского, брата и союзника ихъ Царей законныхъ, спасти отечество и Церковь; что онъ, движимый любовію, единственно снисходя къ такому слезному моленію, идетъ съ войскомъ и съ помощію Богоматери избавить Россію отъ всѣхъ непріятелей; что жители Смоленска, въ знакъ душевной радости, должны встрѣтить его съ хлѣбомъ и солью (⁴⁴⁰). За мирное подданство Сигиз-

мундъ обѣщалъ имъ новыя права и милости; за упрямство грозилъ огнемъ и мечемъ. На сю пышную грамоту отвѣтствовали словесно Воеводы, Бояринъ Шеинъ и Князь Горчаковъ, Архіепископъ Сергій, люди служивые и народъ: «мы въ храмѣ Богоматери дали обѣтъ не измѣнять Государю нашему Василію Ioанновичу, а тебѣ Литовскому Королю, и твоимъ Нанамъ не работѣствовать во вѣки» (141). Пославъ Сигизмундову грамоту въ Москву, они писали къ Царю: «Не оставь сиротъ твоихъ въ крайности. Людей ратныхъ у насъ мало. Жители уѣздные не хотѣли къ намъ присоединиться: ибо Король обманываетъ ихъ вольностю; но мы будемъ стоять усердно.» Воеводы совѣтовались съ Дворянами и гражданами; выжгли посады и слободы; заключились въ крѣпости и выдержали осаду, если не знаменитѣшую Псковской или Троицкой, то еще долговременнѣшую и равно блестательную въ лѣтописяхъ нашей воинской славы.

Видя, что Смоленскъ надобно взять не краснорѣчіемъ, а силою, Король велѣлъ громить стѣны пушками, но ядра или не достигали вершины косогора, гдѣ стоитъ крѣпость, или безвредно падали къ подножію ея высокихъ, твердыхъ башенъ, воздвигнутыхъ Годуновымъ; а пальба осажденныхъ, гораздо дѣйствительнѣйшая, выгнала Ляховъ изъ монастыря Спасскаго. Зная, вѣроятно, что въ крѣпости болѣе женъ и дѣтей, нежели воиновъ, Сигизмундъ

рѣшился на приступъ: 23 Сентября, за два часа до свѣта, Ляхи подкрались къ стѣнѣ, и разбили петардою Аврамовскія ворота, но не могли вломиться въ крѣпость (¹⁴²) 26 Сентября, также ночью, взяли острогъ Пятницкаго Конца; а въ слѣдующую ночь всѣми силами приступили къ Большимъ воротамъ: тутъ было дѣло кровопролитное, счастливое для осажденныхъ, и непріятель, вездѣ отбитый, съ того времени уже не выходилъ изъ стана; только стрѣлялъ день и ночь въ городъ, напрасно желая проломить стѣну, и велъ подкопы безполезные: ибо Россіяне, имѣя слухи (¹⁴³) или ходы въ глубинѣ земли, всегда узнавали мѣсто сей тайной работы, сами дѣлали подкопы и взрывали непріятельскіе съ людьми на воздухъ (¹⁴⁴). Историки Польскіе отдаютъ справедливость мужеству и разуму Шеина, также и блестящей смѣлости его сподвижниковъ, сказывая, что однажды, среди бѣлаго дня, шесть воиновъ Смоленскихъ проплыли въ лодкѣ къ стану Маршала Дорогостайскаго, схватили знамя Литовское и возвратились съ нимъ въ крѣпость.—Наступала зима. Сигизмундъ, упрямствомъ подобный Баторію, хотѣлъ непремѣнно завоевать Смоленскъ; теряя время и людей въ праздной осадѣ, и думая свергнуть Шуйскаго, губилъ Самозванца!

Смите. Вѣсть о вступленіи Сигизмундовомъ въ

Россію встревожила не столько Москву, сколько Тушино, гдѣ скоро узнали, что шайки Запорожцевъ, служа Коро-<sup>нелже-
димит-
ріе
вмхъ-
Ляховъ.</sup> лю, берутъ города его именемъ, и что Путівль, Черниговъ, Брянскъ, вмѣстѣ съ иными областями Сѣверскими, во-лею или неволею ему покорились, измѣнивъ Лжедимитрю (⁴⁴⁵). «Чего хочетъ Сигизмундъ?» говорили Тушинскіе и Сапѣги съ негодованіемъ: «лишить насъ славы и возмездія за труды; взять даромъ, что мы въ два года пріобрѣли своею кровью и побѣдами! Сѣверская земля есть наша собственность; изъ ея доходовъ Димитрій обѣщалъ платить намъ жалованье—и кто же въ ней теперь властвуетъ? новые пришельцы, богатѣя грабежемъ; а мы остаемся въ бѣдности, съ одними ранами!» Такъ говорили чиновники и Дворяне: Воеводы же главные негодовали еще сильнѣе; лишаясь надежды раздѣлить съ Лжедимитріемъ всѣ богатства Державы Россійской, и привыкнувъ видѣть въ немъ не властителя, а клеврета, не могли спокойно воображать себя подъ знаменами Республики наравнѣ съ другими Воеводами Королевскими (⁴⁴⁶). Сапѣга колебался: Рожинскій дѣйство-валъ, и заключилъ съ своими товари-щими новый союзъ (⁴⁴⁷): они клялись умереть или воцарить Лжедимитрю, назывались Конфедератами, и послали ска-

Распрѣзнати Сигизмунду: «Если сила и беззаконіе коніе готовы исхитить изъ нашихъ рукъ достояніе меча и геройства, то Конфедераты не признаемъ ни Короля Королемъ, ни отечествомъ, ни братьевъ братьями» (⁴⁸)! Рожинскій писалъ къ своему Монарху: «Ваше Величество все знали, и единственно намъ предоставили кончить войну за Димитрія, еще болѣе для Республики, нежели для насъ выгодную; но вдругъ неожиданно, вы являетесь съ полками, отнимаете у него землю Сѣверскую, волнуете, смущаете Россіянъ, усиливаете Шуйского и вредите дѣлу, уже почти совершенному нами!... Сія земля нашою кровію увлажнена, нашою славою блестаетъ. Въ сихъ мѣгилахъ, отъ Днѣпра до Волги, лежатъ кости моихъ храбрыхъ сподвижниковъ.... Уступимъ ли другому Россію? Скорѣе всѣ мы, остальные, положимъ также свои головы... и врагъ Димитрія, кто бы онъ ни былъ, есть нашъ непріятель!» Гетману Жолкѣвскому говорили Послы Конфедератовъ: Издревле витязи Республики, рожденные въ нѣдрахъ златой свободы, любили искать воинской славы въ земляхъ чуждыхъ: такъ и мы своимъ мечемъ, истиннымъ Марсовымъ раломъ, создѣльвали землю Московскую, чтобы пожать на ней честь и корысть. Сколь же горестно

намъ видѣть противниковъ въ единоземцахъ и братьяхъ! Въ сей горести простираемъ руки къ тебѣ, Гетману отечественаго воинства, нашему учителю въ дѣлахъ славы! Изъясни Сенату, блестителю законовъ и свободы, чего мы тре буемъ справедливо: да удержить Сигизмунда» . . . Тутъ Паны и Дворяне Королевскіе воплемъ негодованія прервали дерзкую рѣчь; велѣли Посламъ удались, извѣтльно издѣвались надъ ними; спрашивали въ насмѣшку о здоровье *ихъ Государя Димитрія*, о второмъ бракосочетаніи Царицы Маріи (⁴⁴⁹) — и дали имъ отъ имени Сигизмундова, слѣдующій отвѣтъ письменный: «Вамъ надлежало не посыпать къ Королю, а ждать его Посольства: тогда вы узнали бы, для чего онъ вступилъ въ Россію. Отечество наше конечно славится рѣдкою свободою; но и свобода имѣть законы, безъ коихъ Государство стоять не можетъ. Законъ Республики не дозволяетъ воевать и королю безъ согласія Чиновъ Государственныхъ; а вы, люди частные, своевольнымъ нападеніемъ раздражаете опаснѣйшаго изъ враговъ ея: вами озлобленный, Шуйскій мстить ей Крымцами и Шведами. Легко призвать, трудно удалить опасность. Хвалитесь побѣдами; но вы еще среди непріятелей сильныхъ. . Идите и скажите своимъ клевретамъ, что искать славы и корысти беззаконіемъ, мятещичать и нагло оскорблять Верховную Власть есть дѣло не гражданъ

свободныхъ, а людей дикихъ и хищныхъ» (⁴³⁰).

Однимъ словомъ, казалось, что не подданные съ Государемъ и Государствомъ, а двѣ особенные Державы находятся въ жаркомъ пренii между собою и грозять другъ другу войною! Изъясняясь съ нѣкоторою твердостю, Сигизмундъ не думалъ однакожь быть строгимъ для усмиренія крамольниковъ, ибо имѣлъ въ нихъ нужду и надѣялся вѣрнѣе обольстить, нежели устрашить ихъ: развѣдывалъ что дѣлается въ Лжедмитріевомъ станѣ; узналъ о несогласіи Сапѣги и Зборовскаго съ Рожинскимъ, о явномъ презрѣніи умныхъ Ляховъ къ Самозванцу, о желаніи многихъ изъ нихъ, вопреки клятвенно утвержденному союзу между ими, дѣйствовать заодно съ Королевскимъ войскомъ, — и торжественно назначилъ (въ Декабрѣ 1609)

Посольство Королевъ ское въ Тушинодружиною знатною (431). Пословъ въ Тушино: Пановъ Стадницкаго, Князя Збраскаго, Тишкѣвича, съ

предписалъ имъ что говорить воинамъ и начальникамъ, гласно и тайно; далъ грамоту къ Царю Василію, доказывая въ ней справедливость своего нападенія (⁴³²), но изъявляя и готовность къ миру на условіяхъ выгодныхъ для Республики; далъ еще особенную грамоту къ Патріарху, Духовенству. Синклиту, Дворянству и гражданству Московскому, въ

коей, уже снимая съ себя личину, вызывал-
ся прекратить ихъ жалостныя бѣдствія, если
они съ благодарнымъ сердцемъ прибѣгнутъ
къ его Державной власти, и Королевскимъ
словомъ увѣрялъ въ цѣлости нашего бого-
служенія и всѣхъ уставовъ священыхъ (⁴⁵³).
Въ такомъ же смыслѣ писалъ Сигизмундъ
и къ Россіянамъ служащимъ мнимому Ди-
митрію: а къ Самозванцу писали только Се-
наторы называя его въ титулѣ *Яснѣйшимъ
Княземъ*, и прося оказать Посламъ достой-
ную честь изъуваженія къ Республике, не
сказывая, за чѣмъ они єдутъ въ станъ Ту-
шинской.

Уже Конфедераты, лишаясь надежды взять
Москву, болѣе и болѣе опасаясь Князя Ми-
хаила и страшась недостатка въ хлѣбѣ, от-
нимаемомъ у нихъ разъездами Воеводъ Цар-
скихъ (⁴⁵⁴), умѣрили свою гордость; ждали
сихъ Пословъ нетерпѣливо и встрѣтили пыш-
но. Любопытный Самозванецъ, вмѣстѣ съ Ма-
риною, смотрѣлъ изъ окна на ихъ торжест-
венный вѣздръ въ Тушино, едва ли угады-
вая что они везутъ ему гибель! Рожинскій
совѣтовалъ имъ представиться Лжедимитрю:
Стадницкій и Збаракскій отвѣчали, что имѣ-
ютъ дѣло единственно до войска — и, по
слѣ великолѣпнаго пира, созвали всѣхъ Ля-
ховъ слушать наказъ Королевскій. Среди об-
ширной равнины Послы сидѣли нѣ креслахъ:
Воеводы, чиновники, Дворяне стояли въ глу-
бокомъ молчаніи. Сигизмундъ объявлялъ что
извлекая мечъ на Шуйскаго за многія непрія-

тельскія дѣйствія Россіянъ (⁴⁴⁵), спасаетъ тѣмъ Конфедератовъ, уже малочисленныхъ, изнуренныхъ долговременною войною и тѣсненныхъ соединенными силами Москвитянъ и Шведовъ; ждетъ добрыхъ сыновъ отечества подъ свои хоругви, забываетъ вину дерзкихъ, обѣщаетъ всѣмъ жалованье и награды (⁴⁵⁶). Выслушавъ рѣчъ Посольскую, многіе изъявили готовность исполнить волю Сигизмунда; другіе желали, чтобы онъ, взявъ Смоленскъ и Сѣверскую землю отъ Димитрія, мирно возвратился въ отчество, а войско Республики присоединилъ къ Конфедератамъ для завоеванія всего Царства Московскаго. «Согласно ли съ достоинствомъ Короля» — возражали Послы — «имѣть владѣнную грамоту на Россійскія земли отъ того, кому большая часть Россіянъ даетъ имя обманщика (⁴⁵⁷)? и благоразумно ли проливать за него драгоцѣнную кровь Ляховъ?» Конфедераты требовали по крайней мѣрѣ двухъ миллионовъ золотыхъ; требовали еще, чтобы Сигизмундъ назначилъ пристойное содержаніе для мнимаго Димитрія и жены его. «Вспомните» — отвѣтствовали имъ — «что у насъ нѣтъ Перуанскихъ рудниковъ. Удовольствуйтесь нынѣ жалованьемъ обыкновеннымъ когда же Богъ покорить Сигизмунду великую Державу Московскую, тогда и прежняя ваша служба не останется безъ возмездія, хотя вы служили не Государю, не Республикѣ, а человѣку стороннему, безъ ихъ вѣдома и согласія.» О будущей долѣ

Самозванца Послы не сказали ни слова. Вожди и воины просили времени для размышления.

Что жь дѣлалъ Самозванецъ, еще окруженный множествомъ знатныхъ Россіянъ, еще Глава войска и стана? Какъ бы ничего не зная, сидѣлъ въ высокихъ хоромахъ Тушинскихъ, и ждалъ спокойно рѣшенія судьбы своей отъ людей, которые назывались его слугами; упоянnyй сновидѣніемъ величія, боялся пробужденія и смыкалъ глаза подъ ударомъ смертоноснымъ. Уже давно терпѣлъ онъ наглость Ляховъ и презрѣніе Россіянъ, не смѣя быть взыскательнымъ или строимъ: такъ Гетманъ вспыльчивый, въ присутствіи Лжедимитрія, изломалъ налку объ его любимца, Князя Вишневецкаго (⁴⁵⁸), и заставилъ Царика бѣжать отъ страха вонь изъ комнаты; а Тишкевичъ въ глаза называлъ Самозванца обманщикомъ. Многіе Россіяне, долго лицемѣривъ и честивъ бродягу, уже явно гнушались имъ, досаждали ему невниманіемъ, словами грубыми, и думали между собою, какъ избыть вмѣстѣ и Шуйскаго и Лжедимитрія. Сie спокойствіе злодѣя, въ роковый часъ оставленнаго умомъ и смѣлостію, способствовало успѣху Пословъ Сигизмундовыхъ.

Они пригласили къ себѣ знатѣйшихъ ^{Переговоры съ} Россіянъ Лжедимитріева стана, и вручивъ ^{Тушин-} Ист. Кар. т. XII.

с к и м и
измѣн-
никами имъ грамоту Сигизмундову, изъясни-
ди, что хотя Король вступилъ въ Россію
съ оружiemъ, но единственно для ея
мира и благоденствія, желая утишить
бунтъ, истребить безстыднаго Самозван-
ца, низвергнуть тирана вѣроломнаго
(Шуйскаго), освободить народъ, утвер-
дить Вѣру и Церковь, «Сіи люди» — пи-
шетъ Историкъ Польскій (⁴⁵⁹) — «угне-
тенные долговременнымъ злосчастіемъ,
не могли найти словъ для выраженія
своей благодарности: печальные лица
ихъ освѣтились радостю; они пла-
кали отъ умиленія, читали другъ другу
письмо Королевское, цѣловали, прижи-
мали къ сердцу начертаніе его руки,
восклицая: *не можемъ имѣть Государя*
лучшаго!... Такъ замыселъ Сигизмун-
довъ на вѣнецъ Мономаховъ былъ тор-
жественно объявленъ и торжественно
одобренъ Россіянами; но какими? Се-
момъ измѣнниковъ: Бояриномъ Михай-
ломъ Салтыковымъ, Княземъ Василіемъ
Рубцемъ Мосальскимъ и клевретами ихъ,
вѣроломцами опытными, которые, на-
рушивъ три присяги (⁴⁶⁰), и нарушая
четвертую, не усомнились предать ино-
племеннику и Лжедимитрію и Россію,
чтобы спастися отъ мести Шуйскаго,
раннимъ усердіемъ снискать благово-
лению Короля и подъ сѣнью новаго цар-
ствующаго Дома вкусить счастливое забве-
ніе своихъ беззаконій! Въсей думѣ крамоль-

никовъ присутствовалъ, какъ пишуть, и мужъ добродѣтельный, плѣнникъ Филаретъ (⁴⁶¹), ся невольный и безгласный участникъ.

Увѣренные въ согласіи Тушинскихъ Россіянъ имѣть Царемъ Сигизмунда, Послы въ тоже время готовы были вступить въ сношеніе и съ Василіемъ, какъ законнымъ Монархомъ: доставили ему грамоту Королевскую и, вѣроятно, предложили бы миръ на условіи возвратить Литвѣ Смоленскъ или землю Сѣверскую: чѣмъ могло бы удовольствоваться властолюбіе Сигизмундово, если бы Россіяне не захотѣли измѣнить своему Вѣнценосцу. Но Василій, перехвативъ возмутительныя письма Королевскія къ Духовенству, Боярамъ и гражданамъ столицы, не отвѣчалъ Сигизмунду, въ знакъ презрѣнія: обнародовалъ только его вѣроломство и козни (⁴⁶²), чтобы исполнить негодованія сердца Россіянъ. Москва была спокойна; а въ Тушинѣ вспыхнулъ мятежъ.

Давъ Конфедератамъ время на размышленіе, Послы Сигизмундовы уже тайно склонили Князя Рожинского и главныхъ Воеводъ присоединиться къ Королю. Не хотѣли вдругъ оставить Самозванца, боясь, чтобы многолюдная сволочь Тушинская не передалась къ Василію (⁴⁶³): условились до времени терпѣть въ станѣ мнимое господство Лжедимитріева для устрашенія Москвы, а дѣйствовать по волѣ Сигизмунда, имѣя главною цѣлію низвергнуть Шуйскаго. Но ослѣпленіе и спокойствіе бродяги уже исчезли: угадывая или свѣдавъ да-

мышляемую измѣну, онъ призвалъ Рожинскаго и съ видомъ гордымъ спросилъ, что дѣлаютъ въ Тушинѣ Вельможи Сигизмундовы, и для чего къ нему не являются? Гетманъ не трезвый забылъ лицемѣrie: отвѣчалъ бранью, и даже поднялъ руку (⁴⁶³). Самозванецъ въ ужасѣ бѣжалъ къ Маринѣ; кинулся къ ея ногамъ; сказалъ ей: «Гетманъ выдаетъ меня Королю; я долженъ спасться: прости» и ночью (29 Декабря), надѣвъ крестьянское платье, съ шутствіемъ своимъ Петромъ Кошелевымъ, въ Лжедимитрія. навозныхъ саняхъ уѣхалъ искать новаго гнѣзда для злодѣйства: ибо царство злодѣя еще не кончилось!

На разсвѣтъ узнали въ Тушинскомъ станѣ, что мнимый Димитрій пропалъ: всѣ изумились. Многіе думали что онъ убитъ и брошенъ въ рѣку (⁴⁶⁵). Сдѣлалось ужасное смятеніе: ибо знатная часть войска еще усердствовала Самозванцу, любя въ немъ атамана разбойниковъ (⁴⁶⁶). Толпы съ яростнымъ крикомъ приступили къ Гетману, требуя своего Димитрія, и въ тоже время грабя обозъ сего бѣглеца, серебряные и золотые соуды, имъ оставленные. Гетманъ и другіе начальники едва могли смириТЬ мятежниковъ, увѣривъ ихъ, что Самозванецъ, не убитый, не изгнанный, добровольно скрылся въ чувствѣ малодушного страха, и что не бунтомъ, а

тврдостю и единодушемъ должно имъ выйти изъ положенія весьма опаснаго. Не менѣе волновались и Россійскіе измѣнники, лишенные Главы: одни бѣжали въ слѣдъ за Самозванцемъ, другие въ Москву (⁴⁶⁷); знатнѣйшие пристали къ Конфедератамъ, и вмѣстѣ съ ними отправили Посольство къ Сигизмунду.

Между тѣмъ Марина, оставленная мужемъ и Дворомъ, не измѣняла высокомѣрію и твердости въ злосчастіи; видя себя въ станѣ подъ строгимъ надзоромъ и какъ бы плѣнницею ненавистнаго ей Гетмана, упрекала Ляховъ и Россіянъ предательствомъ; хотѣла жить или умереть Царицею; отвѣтствовала своему дядѣ, Пану Стадницкому, который убѣжалъ ее прибѣгнуть къ Сигизмундовой милости и назвалъ въ письмѣ только dochерью Сендормирскаго Воеводы, а не Государынею Московскою: «Благодарю за добрыя желанія и совѣты; но правосудіе Всевышняго не дастъ злодѣю моему, Шуйскому, насладиться плодомъ вѣроломства. Кому Богъ единожды даетъ величіе, тотъ уже никогда не лишается сего блеска, подобно солнцу, всегда лучезарному, хотя и затмѣваемому на часъ облаками» (⁴⁶⁸). Она писала къ Королю: «Счастіе меня оставило, но не лишило права Властительскаго, утвержденнаго моимъ Царскимъ вѣнча-

піемъ и двукратною присягою Россіянъ;» желала ему успѣха въ войнѣ, не уступая вѣнца Мономахова — ждала случая дѣйствовать, и воспользовалась первымъ (¹⁶⁹).

- . 1616. Скоро свѣдали, гдѣ Лжедимитрій: онъ уѣхалъ въ Калугу; сталъ близъ города въ монастырѣ, и велѣлъ Инокамъ объявить ея жителямъ, что Король Сигизмундъ требовалъ отъ него земли Сѣверской, желая обратить ее въ Латинство, но получивъ отказъ, склонилъ Гетмана и все Тушинское войско къ измѣнѣ; что его (Самозванца) хотѣли схватить или умертвить; что онъ удалился къ нимъ достойнымъ гражданамъ здаменитой Калуги, надѣясь съ ними и съ другими вѣрными ему городами изгнать Шуйскаго изъ Москвы и Ляховъ изъ Россіи, или погибнуть славно за цѣлость Государства и за святость Вѣры (¹⁷⁰). Духъ буйности жилъ въ Калугѣ, гдѣ оставались еще многіе изъ сподвижниковъ Атамана Болотникова: они съ усердіемъ встрѣтили злодѣя, какъ Государя законнаго, ввели въ лучшій домъ, надѣли всѣмъ нужнымъ, богатыми одеждами, конями. Прибѣжали изъ Тушина иѣкоторые ближніе чиновники Самозванцевы; пришелъ главный крамольникъ (¹⁷¹), Князь Григорій Шаховскій, съ полками Козаковъ изъ Царева-Займища, гдѣ онъ наблюдалъ движенія Сигизмундовъ рати (¹⁷²). Составились дружины тѣло-

хранителей и воиновъ, Дворъ и Прави-
тельство, достойное Лжецаря, коего пер-
вымъ указомъ въ семъ новомъ вертепѣ
злодѣйства было истребленіе Ляховъ и
Нѣмцевъ за непріятельскія дѣйствія Си-
гизмунда и Шведовъ (⁴⁷³): ихъ убивали
вмѣстѣ съ вѣрными Царю Россіянами,
во всѣхъ городахъ, еще подвластныхъ
Самозванцу: Тулѣ, Переяславѣ, Козель-
скѣ; грабили купцовъ иноземныхъ на
пути изъ Литвы къ Тушину. Въ Ка-
лугѣ утопили бывшаго Воеводу ея, Ля-
ха Скотницкаго, подозрѣваемаго Лжеди-
митріемъ въ измѣнѣ (⁴⁷⁴). Тамъ же ис-
терзали и доброго Окольничаго, Ивана
Ивановича Годунова, какъ усерднаго
слугу Василіева. Взявъ его въ плѣнъ
(⁴⁷⁵), свергнули съ башни, и еще жива-
го кинули въ рѣку; онъ ухватился за
лодку: злодѣй Михайло Бутурлинъ отсѣкъ
ему руку, и сей мученикъ вѣности уто-
нулъ въ глазахъ отчаянной жены своей,
сестры Филаретовой. Бывъ дотолѣ въ
нѣкоторой зависимости отъ Гетмана и
другихъ знатныхъ клевретовъ, Самозва-
нецъ уже могъ дѣйствовать свободно,
звѣрствовать до безумія, хваляся особен-
но ненавистью ко всему не Русскому, и
говоря, что когда будетъ Царемъ на Мо-
сквѣ, то не оставить въ живыхъ ни единаго
иноплеменника, ни груднаго младенца, ни
зародыша въ утробѣ матери (⁴⁶⁷)! И кро-

Злодѣй-
ства Са-
мозван-
ца въ
Калу-
гѣ.

вію Ляховъ обагренный, тогда же искаль въ нихъ еще усердія къ его злодѣйству!

Въ Тушинскомъ станѣ читали тайныя грамоты Лжедимитріевы (⁴⁷⁷): Самозванецъ писалъ, что возвратится къ своимъ добрымъ сподвижникамъ съ богатою казною, если они дадутъ ему новую клятву въ вѣрности и накажутъ главныхъ виновниковъ измѣны. Прибыли и тайные Послы его Ляхъ Казимирскій и Глазунъ-Плещеевъ (⁴⁷⁸): они внушили Лахамъ и Козакамъ, что одинъ Димитрій можетъ обогатить ихъ, имѣя еще владѣнія обширныя и миллионы готовые. Люди, сколько нибудь благоразумные, не слушали (⁴⁷⁹); но бродаги грабители снова вззволновались и еще болѣе, когда Марина, пользуясь смятенiemъ, явилась между воинами съ растрепанными волосами, съ лицемъ блѣднымъ, съ глубокою горестію и слезами; не упрекала, но трогала, видомъ и словами; убѣждала не оставлять Димитрія, исполненного къ нимъ любви и благодарности: не лишать себя праведнаго возмездія за труды, для него понесенные, — не обольщаться Королевскою милостію, ничѣмъ незаслуженою и слѣдственно ненадежною; ходила изъ ставки въ ставку; каждаго изъ чиновниковъ называла именемъ, ласково привѣтствовала, молила соединиться съ ея мужемъ (⁴⁸⁰). Все было

Вслие-
ніе въ
Туши-
нѣ.

въ движениі: стремились видѣть и слушать прелестную женщину, краснорѣчивую отъ живыхъ чувствъ и разительныхъ обстоятельствъ судьбы ея. Говорили: «Послы Королевскіе настъ обманули и разлучили съ Дими ріемъ! Гдѣ тотъ, за кого мы умирали? Отъ кого будемъ требовать награды?» Еще Гетманъ и Воеводы нашли средство обуздать Ляховъ; но Донцы сѣли на коней и выступили полками изъ Тишина къ Калугѣ. Гетманъ съ своими латниками настигъ ихъ, изрубилъ болѣе тысячи (¹⁸¹) и заставилъ побѣжденныхъ возвратиться.

Спокойствіе было кратковременно. Не имѣвъ совершенного успѣха въ намѣреніи взбунтовать Тушинскій станъ, и боясь мести Гетмана, Марина, въ одаждѣ воина, съ лукомъ и туломъ за плечами, ночью, въ трескучій морозъ ускакала ¹¹ Фе. _{врагъ.} верхомъ къ мужу, провождаемая только ^{въ г.} слугою и служанкою (¹⁸²). Поутру нашли въ ея комнатахъ слѣдующее письмо къ войску: «Безъ друзей и близкихъ, одна съ своею горестію, я должна спасать себя отъ наглости моихъ ^{стѣ} Марии- миыхъ защитниковъ. Въ упоеніи шумныхъ пировъ, клеветники гнусные равняютъ меня съ женами презрительными, умышляютъ измѣну ковы. Сохрани Боже, чтобы кто нибудь дерзнулъ торговать мною и выдать меня человѣку,

которому ни я, ни мое Царство не подвластны! Утесненная и гонимая, свидетельствуюсь Всевышнимъ, что не перестану блести своей чести и славы, и бывъ Владычицею народовъ, уже никогда не соглашусь возвратиться въ званіе Польской Дворянки. Надѣясь, что храброе воинство не забудеть присяги, моей благодарности и наградъ ему обѣщанныхъ, удаляюсь» (183). Сіе письмо читали всенародно въ Тушинѣ благопріятeli Марины и произвели желаемое дѣйствіе: новый мятеjъ, еще сильнѣйший прежнихъ. Неистовые, съ обнаженными саблями окруживъ ставку Гетмана, вопили: «Злодѣй! Ты выгналь злосчастную Марину твою буйностю, въ чаду высокоумія и пьянства! Ты, вѣроломецъ, подкупленный Королемъ, чтобы обманомъ вырвать изъ нашихъ рукъ казну Московскую! Возврати намъ Димитрія, или умри, измѣнникъ!» Стрѣляли изъ пистолетовъ; хотѣли дѣйствительно убить Рожинскаго, выбрать иного начальника (184) и немедленно итти къ Самозванцу; но снова одумались, примирились съ неустрашимъ Гетманомъ и дали ему слово ждать отвѣта Королевскаго. «Ни за что не ручаюсь» — писалъ Рожинскій къ Сигизмунду — «если Ваше Величество не благоволите удовлетворить желаніямъ воiska и Бояръ Московскихъ, съ нами соединенныхъ» (185).

Сии желанія или требованія были объявлены Королю Послами Россіянъ и Посольство Тушиныхъ. Въ числѣ сорока-ти и н ское къ двухъ первыхъ находились Михайло Королево. Салтыковъ и сынъ его Иванъ, Князъ, Рубецъ-Мосальскій и Юрій Хворости-нинъ, Левъ Плещеевъ, Молчановъ (тотъ самый ⁽⁴⁸⁶⁾), который въ Галиціи выдавалъ себя за Димитрія), Дьяки Грамотинъ, Андроновъ, Чичеринъ, Апраксинъ и многіе Дворяне. Сигизмундъ принялъ ихъ (31 Генваря) съ великою пышностью, сидя на престолѣ, въ кругу Сенаторовъ и знатныхъ Пановъ. Сѣдовласый измѣнникъ Салтыковъ говорилъ длинную рѣчь о бѣдствіяхъ Россіи, о довѣренности ея къ Королю, и замолчалъ отъ усталости. Сынъ его и Дьякъ Грамотинъ продолжали: одинъ исчисливъ всѣхъ нашихъ Государей отъ Рюрика до Іоанна и Феодора; другой молилъ Сигизмунда быть заступникомъ нашего православія и тѣмъ снискать милость Всевышняго. Наконецъ Бояринъ Салтыковъ предложилъ вѣнецъ Мономаховъ — не Сигизмунду, но юному Королевичу Владиславу ⁽⁴⁸⁷⁾; а Грамотинъ заключилъ изображеніемъ выгодъ, безопасности, благоденствія обѣихъ Державъ, которые со временемъ будутъ единою подъ скиптомъ Владислава. Литовскій Канцлеръ, Левъ Сапѣга, отвѣтствовалъ, что Сигизмундъ благодарить за оказываемую ему честь

и довѣренность, соглашается быть покровителемъ Россійской Державы и Церкви, и назначить Сенаторовъ для певеговоровъ о дѣлѣ столь важномъ.

Переговоры началися немедленно, и Послы измѣнниковъ Тушинскихъ сказали Сенаторамъ: Съ того времени, какъ смертю Іоаннова наследника извелося Державное племя Рюриково, мы всегда желали имѣть одного Вѣнценосца съ вами: въ чёмъ можетъ удостовѣрить васъ сей Думный Бояринъ, Михайло Глѣбовичъ Салтыковъ, зная всѣ тайны государственныя. Препятствиемъ были грозное властовованіе Борисово, успѣхи Лжедимитрія, беззаконное воцареніе Шуйскаго и явленіе втораго Самозванца, къ моему мы пристали, не вѣря ему, но отъ ненависти къ Василію, и только до времени. Обрадованные вступленіемъ Короля въ Россію, мы тайно снеслися съ людьми знатѣйшими въ Москвѣ, свѣдали ихъ единомысліе съ нами и давно прибѣгнули бы къ Сигизмунду, если бы Ляхи Лжедимитріевы тому не противились. Нынѣ же когда Вожди и войско готовы повиноваться законному Монарху, объявившему намъ чистоту своихъ намѣреній,— нынѣ смѣло убѣждаемъ Его Величество дать намъ сына въ Цари: ибо ему самому, Государю иной великой Державы, нельзя оставить ее, ни управлять Московскою чрезъ Намѣстника. Вся Россія встрѣтить Царя вожделѣннаго съ радостю; города и крѣпости отворять врата; Патріархъ

и Духовенство благословяты его усердно. Только да не медлить Сигизмундъ; да идетъ прямо къ Москвѣ и подкрѣпить войско, угрожаемое превосходныли силами Скопина и Шведовъ. Мы впереди: укажемъ ему путь и средства взять столицу; сами свергнемъ, истребимъ Шуйскаго, какъ жертву, уже давно обреченную на гибель. Тогда и Смоленскъ, осаждаемый съ такимъ усилиемъ тягостнымъ, доселѣ бесполезнымъ—тогда и все Государство послѣдуетъ нашему примѣру. Но, боясь ли, какъ пишутъ, ввѣрить судьбу шестнадцатилѣтняго Королевича народу ославленному строптивостю и мятежами (⁴⁸⁸), или отъ личнаго властолюбія не расположенный уступить Московское Царство даже и сыну, Сигизмундъ изъяснился двусмысленно. Сенаторы его отвѣтствовали измѣнникамъ, что если Всевышній благословить доброе желаніе Россіянъ; если грозныя тучи, висящія надъ ихъ Державою, удалятся, и тихіе дни въ ней снова возсіяютъ; если, въ мирѣ и согласіи, Духовенство, Вельможи, войско, граждане всѣ единодушно захотятъ Владислава въ Цари: то Сигизмундъ конечно удовлетворитъ ихъ общей волѣ—и готовъ ити къ Москвѣ, какъ скоро Тушинская рать къ нему присоединится.

Въ дальнѣйшихъ объясненіяхъ Послы требовали, чтобы Владиславъ принялъ нашу Вѣру: имъ сказали, что Вѣра есть дѣло совѣсти и не терпитъ насилия; что можно внушать и склонять, а не велѣть. «Сіи люди» — говорить Поль.

скій Историкъ (489) — «мало заботились о правахъ и вольностяхъ государственныхъ: твердили единственно о Церкви, монастыряхъ, обрядахъ; только ими дорожили, какъ главнымъ, существеннымъ предметомъ, необходимымъ для ихъ мира душевнаго и счастія.» Именемъ Королевскимъ Сенаторы писменно утвердили неприкосновенность всѣхъ нашихъ священныхъ уставовъ и согласились, чтобы Королевичъ, *если* Богъ дастъ ему Государство Московское, былъ вѣчанъ Патріархомъ; обязались также соблюсти цѣлость Россіи, ея законы и достояніе людей частныхъ

*Измѣн-
ни-
при-
аню-
Вла-
слава
Царемъ* (490); а Послы клялися оставить Шуйского и Самозванца, вѣрно служить Государю Владиславу, и доколѣ онъ еще не царствуетъ, служить отцу его (491). Въ тоже время Король писалъ къ Сенату, что Москва въ смятеніи, и Князь Михаилъ въ раздорѣ съ Василіемъ; что должно пользоваться обстоятельствами, расширить владѣнія Республики и завоевать часть Россіи или всю Россію (492)! Не могли Салтыковъ и клевреты его быть слѣпыми: они видѣли, что Король готовитъ Царство себѣ, а не Владиславу; знали, что и Владиславъ не могъ и въ какомъ случаѣ принять нашего Закона: но ужасаясь близкаго торжества Василіева, какъ своей гибели, и давно погрязнувъ въ злодѣйствахъ, не усомнились

предать отечество изъ рукъ низкаго Самозванца въ руки Вѣнценосца иновѣрнаго; предлагали условія единственно для ослѣпленія другихъ Россіянъ, и лицемѣрно восхищаясь мнимою готовностію Сигизмунда исполнить всѣ ихъ желанія, громогласно благодарили его и плакали отъ радости (⁴⁹³). Пировали, обѣдали у Короля, Гетмана Жолкѣвскаго и Льва Сапѣги. Сидя на возвышенномъ мѣстѣ, Король пилъ за здравіе Пословъ; они пили за здравіе Царя Владислава. Написали грамоты къ Водамъ городовъ окрестныхъ, славя великолѣбіе Сигизмунда, убѣждая ихъ присягнуть Королевичу, соединиться съ братьями Ляхами, и нѣкоторыхъ обольстили: Ржевъ и Зубцовъ поддалися Царю новому, мнимому (⁴⁹⁴). Но знаменитый Шеинъ, уже пять мѣсяцевъ осаждаемый въ Смоленскѣ, къ его славѣ и бѣствію Королевскаго войска, истребляемаго трудами, битвами и морозами, не обольстился: вызванный изъ крѣпости измѣнниками для свиданія, слушалъ ихъ съ презрѣніемъ, и возвратился вѣрнымъ, непоколебимымъ.

Довольный Тушинскими Россіянами, Сигизмундъ тѣмъ менѣе былъ доволенъ Тушинскими Ляхами, коихъ Послы снова требовали миллионовъ, и хотѣли, чтобы онъ, взявъ Московское Государство, далъ Марпнѣ Новгородъ и Псковъ, а мужу ея Княжество особенное (⁴⁹⁵). Опасаясь раздражить людей буйныхъ и лишиться ихъ важнаго, необходимаго содѣствія,

Король обещалъ уступить имъ доходы земли Съверской и Рязанской, милостию надѣлить Марину и Лжедимитрія, если они смирятся, и немедленно прислатъ въ Тушино Вельможу Потоцкаго съ деньгами и съ войскомъ, чтобы истребить или прогнать Князя Михаила, стѣснить Москву и низвергнуть Шуйскаго. Но сей отвѣтъ не успокоилъ Конфедератовъ; не вѣрили обѣщаніямъ; ждали денегъ—а Сигизмундъ медлилъ, и морильтъ людей подъ стѣнами Смоленска; не присыдалъ ни серебра, ни войска къ мятежникамъ: ибо его любимецъ, Потоцкій, къ досадѣ Гетмана Жолкѣвскаго, распоряжая осадою, не хотѣлъ двинуться съ мѣста, чтобы отсутствіемъ не утратить выгода временщика.

Вѣсти Калужскія еще болѣе взволновали Конфедератовъ: тамъ Лжедимитрій снова усиливался и царствовалъ; тамъ явилась и жена его, славимая какъ героиня. Выѣхавъ изъ Тушина, она сбилась съ дороги (¹⁹⁶), и попала въ Дмитровъ, занятый войскомъ Сапѣги, который совѣтовалъ ей удалиться къ отцу. «Царица Московская»—сказала Марина—«не будетъ жалкою изгнаницею въ домѣ родительскомъ»—и взявъ у Сапѣги Нѣмецкую дружину для безопасности, прискакала къ мужу, который встрѣтилъ ее торжественно вмѣстѣ съ народомъ, восхищеннымъ ея красотою въ

убранствѣ юнаго витязя (⁴⁹⁷). Калуга вѣселилась и пировала; хвалилась призрачкомъ Двора, многолюдствомъ, изобиліемъ, покоемъ,— а Тушинскіе Ляхи терпѣли голодъ и холодъ, сидѣли въ своихъ укрѣпленіяхъ какъ въ осадѣ, или толпами выѣзжая на грабежъ, встрѣчали пули и сабли Царскихъ или Михайловыхъ ограйдовъ. Кричали, что вмѣстѣ съ Димитріемъ оставило ихъ и счастіе; что въ Тушинѣ бѣдность и смерть, въ Калугѣ честь и богатство; не слушали новыхъ Пословъ Королевскихъ (⁴⁹⁸), прибывшихъ къ нимъ только съ ласковыми словами; кляли измѣну своихъ Предводителей и козни Сигизмундовы; хотѣли грабить стань и съ сею добычею итти къ Самозванцу. Но Гетманъ, въ послѣдній разъ, обуздалъ буйность страхомъ.

Уже Князь Михаилъ дѣйствовалъ. Войско его умножилось образовалось. Пришло еще 3000 Шведовъ изъ Выборга и Нарвы (⁴⁹⁹). Готовились итти пра-
мо на Санктъ-Петербургъ и Рожинскаго, но хотѣли озаботить ихъ и съ другой стороны: послали Воеводъ Хованскаго, Борятинскаго и Горна (⁵⁰⁰), занять южную часть Тверской и сѣверную Смоленской области, чтобы препятствовать сообщенію Конфедераторовъ съ Сигизмундомъ. Между тѣмъ чиновникъ Волуевъ съ пятью стами ратниковъ долженъ

былъ осмотрѣть вблизи укрѣпленія Сапъгины. Онъ сдѣлалъ болѣе: ночью (Генваря 4) вступилъ въ Лавру, взялъ тамъ дружину Жеребцова (⁵⁰¹), утромъ напалъ на Ляховъ и возвратился къ Князю Михаилу съ толпою плѣнниковъ и съ вѣстю о слабости непріятеля. Войско ревностно желало битвы, надѣясь поразить Сапъгу и Гетмана отදльно. Но дерзость первого уже исчезла: будучи въ несогласіи съ Рожинскимъ, оставилъ Лжедимитрія и еще не приставъ къ Королю, едва ли имѣя 6000 сподвижниковъ (⁵⁰²), изнуренныхъ болѣзнями и трудами, Сапъга увидѣлъ поздно, что не время мыслить о завоеваніи монастыря, а время спасаться: снялъ осаду (12 Генваря) и бѣжалъ къ Дмитрову. Инон и воины Лавры не вѣрили глазамъ своимъ, смотря на сie бѣгство врага, столь долго упорного (⁵⁰³)! Оглядѣли безмолвный станъ измѣнниковъ и Ляховъ; нашли тамъ множество запасовъ и даже не мало вещей драгоценныхъ; думали, что Сапъга возвратится — и чрезъ восемь дней послали

О с в о-
божде-
ниe Ла-
вры.

наконецъ Инона Макарія со Святою водою въ Москву, объявить Царю, что Лавра спасена Богомъ и Княземъ Михаиломъ, бывъ 16 мѣсяцевъ въ тѣсномъ облежаніи. Уже сіяя не только святостю, но и славою рѣдкою — любовію къ отечеству и Вѣрѣ преодолѣвъ искусство и число непрія-

теля, нужду и язву — обративъ свои башни и стѣны, дебри и холмы въ памятники доблести безсмертной — Лавра увѣличала сей подвигъ новымъ государственнымъ благодѣяніемъ. Россіяне требовали тогда единственное оружія и хлѣба чтобы сражаться; но союзники ихъ, Шведы, требовали денегъ: Инонѣ Троицкіе, встрѣтивъ Князя Михаила и войско его съ любовію, отдали ему все, что еще имѣли въ житницахъ, а Шведамъ нѣсколько тысячъ рублей изъ казны монастырской (⁵⁰⁴). — Глубина снѣговъ затрудняла воинскія дѣйствія: Князь Иванъ Куракинъ съ Россіянами и Шведами выступилъ на лыжахъ изъ Лавры къ Дмитрову (⁵⁰⁵), и подъ стѣнами его увидѣлъ Сапѣгу. Началось кровопролитное дѣло, въ коемъ Россіяне блестящимъ мужествомъ заслужили громкую хвалу Шведовъ, судей непричастныхъ; побѣдили, взяли знамена, пушки, городъ Дмитровъ, и гнали непріятеля легкими отрядами къ Клину, нигдѣ не находя ни жителей, ни хлѣба въ сихъ Бѣгъ Сапѣги. местахъ опустошеныхъ войною и разбоями. Предавъ Ляховъ Тушинскихъ судьбы ихъ, Сапѣга шелъ день и ночь къ Калужскимъ и Смоленскимъ границамъ, чтобы присоединиться къ Королю или Лжедимитрю; смотря по обстоятельствамъ (⁵⁰⁶).

До сего времени Сапъга былъ щитомъ для Тушина, стоя между имъ и Слободою Александровскою: свѣдавъ о бѣгствѣ его—свѣдавъ тогда же, что Воеводы, отряженные Княземъ Михаиломъ (⁵⁰⁷), заняли Старицу, Ржевъ и приступаютъ къ Бѣлому—Конфедераты не хотѣли медлить ни часу въ станѣ, угрожаемомъ вблизи и вдали Царскими войсками; но смиренные ужасомъ, изъявили покорность Гетману: онъ вывелъ ихъ съ распущенными знаменами, при звукѣ трубъ и подъ дымомъ пылающаго, имъ зажженаго стана, чтобы ити къ Королю. Измѣники, клевреты Салтыкова, соединились съ Ляхами; гнуснѣшіе изъ нихъ ушли къ Самозванцу; менѣе виновные въ Москву и въ другіе города (⁵⁰⁸), надѣясь на милость Тушина,—и чрезъ нѣсколько часовъ остался только пепель въ уединенномъ Тушинѣ, которое 18 мѣсяцевъ кипѣло шумнымъ многолюдствомъ, величалось именемъ Царства и боролось съ Москвою! Жарко преслѣдуемый дружинами Князя Михаила, изнаний изъ крѣпкихъ стѣнъ Іосифовской Обители и разбитый въ полѣ мужественнымъ Волуевымъ (который въ семъ дѣлѣ (⁵⁰⁹) освободилъ знаменистаго плѣнника, Филарета), Рожинскій, Князь племени Гедиминова, еще юный лѣтами, отъ изнуренія силь и

горести кончилъ бурную жизнь въ Воло-
юламскѣ, жалуясь на измѣну счастія,
безуміе втораго Лжедимитрія, крамоль-
ный духъ сподвижниковъ и медленность
Сигизмундову: Полководецъ искусственный
какъ увѣряютъ его единоземцы (⁵¹⁰),
или только смѣлый наездникъ и гра-
битель, какъ свидѣтельствуютъ наши
лѣтописи. Смерть начальника рушила
составъ войска: оно разсѣялось; толпы
бѣжали къ Сигизмунду, толпы къ Лжеди-
митрію и Сапѣгѣ, который сталъ на
берегахъ Угры, въ мѣстахъ еще изо-
бильныхъ хлѣбомъ (⁵¹¹), и предлагалъ
своему Государю условія для вѣрной
ему службы, сносясь и съ Калугою.—
Такъ исчезло главное, страшное опол-
ченіе удальцевъ и разбойниковъ чуже-
земныхъ, измѣнниковъ и злодѣевъ Рос-
сийскихъ, бывъ на шагъ отъ своей
цѣли, гибели нашего отечества, и вдругъ
остановлено великодушнымъ усиліемъ
добрыхъ Россіянъ, и вдругъ уничтожено
дѣйствіями грубой Политики Сигизмундо-
вой..! Одинъ Лисовскій, съ измѣнникомъ
Атаманомъ Просовецкимъ, съ шайками
Козаковъ и вольницы, держался еще нѣ-
сколько времени въ Суздалѣ, но весною
ушелъ (⁵¹²) оттуда въ мятежный Псковъ,
разграбивъ на пути монастырь Колязинскій
гдѣ честный Воевода, Давидъ Жереб-
цовъ, палъ въ битвѣ. Нанонецъ вся
внутренность Государства успокоилась.

дъло Такъ успѣлъ Герой-юноша въ своемъ
Князя Михаилъ великомъ! За 5 мѣсяцевъ предъ
ла. тѣмъ оставилъ Царя почти безъ Цар-
ства, войско въ оцепенѣи ужаса, сре-
ди враговъ и предателей—находивъ вез-
дѣ отчаяніе или зложелательство, но
умѣвъ тронуть, оживить сердца добродѣ-
тельною ревностію, собрать на краю Го-
сударства новое войско отечественное,
благовременно призвать иноземное, воз-
становить цѣлость Россіи отъ Запада до
Востока, разсѣять сонмы непріятелей мно-
гочисленныхъ и взять одною угрозою
крѣпкіе, годовые ихъ станы—Князь Ми-
хаилъ двинулся изъ Лавры, имъ осво-
божденной, къ столицѣ, имъ же спасен-
ной, чтобы вкусить сладость добродѣтели,
увѣнчанной славою.

Россіяне и Шведы, одни съ веселіемъ,
другіе съ гордостію, шли какъ братья,
Воеводы и воины, на торжество рѣдкое
въ лѣтописяхъ міра. Царь велѣлъ знат-
нымъ чиновникамъ встрѣтить Князя Ми-
хаила: народъ предупредилъ чиновни-
ковъ (⁵¹³); стѣсnilъ дорогу Троицкую;
поднесъ ему хлѣбъ и соль, бѣль челомъ
за спасеніе Государства Московскаго, да-
валъ имя отца отечества; благодарили
и сподвижника его, Делагарди. Василій
также благодарили обоихъ, съ слезами
на глазахъ, съ видомъ искреннаго уми-
ліенія. Казалось, что одно чувство всѣхъ

одушевляло, отъ Царя до послѣдняго гражданина. Москва бывъ еще не давно столицю безъ Государства, окруженнай пепріятельскими владѣніями, смятенная внутренними крамолами, терзаемая голодомъ, и ввечеру не знаявъ, кого утреннее солнце освѣтить въ ней на престолѣ, законнаго ли Вѣнценосца Россійскаго или бродягу, клеврета разбойниковъ иноземныхъ—Москва снова возвышала главу надъ обширнымъ Царствомъ, простирая руку къ Ильменю и къ Енисею, къ морю Бѣлому и Каспійскому,—опираясь въ стѣнахъ своихъ па легіоны побѣдоносные, и наслаждаясь спокойствіемъ, славою, изобиліемъ; видѣла въ Князѣ Михаилѣ виновника сей разительной перемѣны и не щадила ни его смиренія, ни его безопасности (⁵¹⁴): гдѣ онъ являлся, вездѣ торжествовать и слышать клики живѣйшей къ нему любви, естественней справедливой, но опасной: ибо зависть, уже не оковавшая страхомъ, готовила жало на знаменитаго подвижника Россіи, и раздражаемая симъ народнымъ восторгомъ, тѣмъ болѣе кипѣза ядомъ въ слѣпой злобѣ не привидя, что будеть сама его жертвою!

Еще не спаслось, а только спасалось отечество—и Князь Михаилъ среди свѣтлыхъ нировъ столицы не упоенный ни честю, ни славою, требовалъ указа Царскаго довершить великое дѣло: истребить Лжедимитря въ Калугѣ, изгнать Сигизмунда изъ Россіи, очис-

тить южные предѣлы ея, устроить Государство на вѣки, имѣя все для успеха несомнительного: войско, доблесть, счастіе или милость Небесную. Но судьба Шуйского противилась такому концу благословенному: не въ его бѣдственное царствованіе отечество паше должно было возродиться для величія!

Г Л А В А IV.

Низвержение Василия и междоцарствие.

Г. 1610—1611.

Наупники. Кончина Скопина Шуйского. Горесть народная. Князь Дмитрий Шуйский Военачальникомъ. Бунтъ Липунова. Битва подъ Клушинымъ. Делагарди отступаетъ къ Новугороду. Поляки занимаютъ Царево-Займище. Отчаяніе столицы. Новые усіѣхи Самозванца. Твердость Пожарского. Ропотъ народный. Василій лишецъ престола. Тщетныя увѣщанія Патріарха. Постриженіе Василія и супруги его. Совѣтъ Князя Мстиславского. Переговоры съ Жолкѣвскимъ. Условія. Присяга Владиславу. Намѣреніе Сигизмунда. Бѣгство Самозванца въ Калугу. Политика Жолкѣвского. Посольство къ Королю. Вступленіе Пословъ Московскихъ. Отъездъ Жолкѣвского. Шуйскій преданъ Полякамъ. Неудачные приступы къ Смоленску. Самовластіе Сигизмунда. Нетерпѣніе народа. Непріятельскія дѣйствія Делагарди. Злодѣйства Лисовского. Измѣна Казани. Смерть Самозванца. Новый обманъ. Начальники возстанія народного. Грамоты Смолянъ къ Москвитянъ. Слабость Московской Думы. Ссоры съ Поляками. Составъ ополченія за Россію.

Кровопролитіе въ столицѣ. Пожаръ
Москвы. Прибытіе Струса. Подвиги По-
жарскаго. Неистовства Поляковъ въ
Москвѣ. Заключеніе Ермогена.

Г. 1610. Въ то время, когда всякой чашь былъ
дорогъ, чтобы совершенно избавить Россію
отъ всѣхъ непріятелей, смятенныхъ ужа-
сомъ, ослабленныхъ раздѣленіемъ—когда
всѣ друзья отечества изъявляли Князю Ми-
хаилу живѣйшую ревноть (⁵¹⁵), а Князь
Михаилъ живѣйшее нетерпѣніе Царю ити
въ поле—минуло около мѣсяца въ без-
дѣйствіи для отечества, но въ дѣятель-
ныхъ проискахъ злобы личной.

Робкіе въ бѣдствіяхъ, надменные въ
успѣхахъ, низкіе душою, трепетавъ за себя
болѣе нежели за отечество, и мысля, что
все труднѣйшее уже сдѣлано,—что осталъ-
ное легко и не превышаетъ силы ихъ соб-
ственнаго ума или мужества, близкіе царе-
дворцы въ тайныхъ думахъ немедленно на-
чали внушать Василію, сколь юный Князь
Михаилъ для него опасенъ (⁵¹⁶), любимый
Россіею до чрезмѣрности, явно уважаемый
болѣе Царя и явно въ Цари готовимый
единомысліемъ народа и войска. Славя Ге-
роя, многіе Дворяне и граждане дѣйстви-
тельно говорили нескромно, что спаситель
Россіи долженъ и властвовать надъ нею (⁵¹⁷)
многіе нескромно уподобляли Василія Саулу.
а Михаила Давиду. Общее усердіе къ зна-
менитому юношѣ питалось и суевѣріемъ:

Наущ-
ники.

какие-то гадатели предсказывали, что въ Россіи будетъ Вѣнценосецъ, именемъ *Михаила*, назначенный Судбою умирить Государство: «чрезъ два года благодатное воцареніе Филаретова сына оправдало гадателей,» пишетъ Историкъ чужеземный (³¹⁸); но Россіяне отясли мнимое пророчество къ Скопину, и видѣли въ немъ если не совмѣстника, то преемника дяди его, къ особенной досадѣ любимаго Василіева брата, Дмитрія Шуйскаго, который мыслилъ, вѣроятно, правомъ наслѣдія уловить Державство: ибо шестидесятилѣтній Царь не имѣлъ дѣтей, кромѣ неворожденной дочери, Анастасіи (³¹⁹), Князь Дмитрій, духомъ слабый (³²⁰), сердцемъ жестокій, былъ первымъ наушникомъ и первымъ клеветникомъ: не довольствуясь истиною, что народъ желаетъ царства Михаилу, онъ сказалъ Василію, что Михаилъ въ заговорѣ съ народомъ, хочетъ похитить верховную власть и дѣйствуетъ уже какъ Царь, отдавъ Шведамъ Кексгольмъ безъ указа Государева (³²¹). Еще Василій ужасался истыдился неблагодарности вельможъ умоляя брату,—даже выгналъ его съ гнѣвомъ; ежедневно привѣтствовалъ, честилъ Героя—но медлилъ снова вѣбрить ему войско! Узнавъ о павѣтахъ, Князь Михаилъ сиѣшилъ изъясниться съ Царемъ; говорилъ склонно о своей невинности, свидѣтельствуясь въ томъ чистотою совѣстю, службою вѣрпою, а всего болѣе окомъ Всевышняго; говорилъ свободно и смѣло о безумії зависти преждевременной, когда еще всякая остановка въ войнѣ, всякое охлажденіе, несогласіе и внушеніе лич-

ныхъ страстей могутъ быть габильны для отечества. Взсілій слушалъ не безъ внутренняго смятенія (⁵²²): ибо собственное сердце его уже велновалось завистю и беспокойствомъ: онъ не имѣлъ счастія въ-рить добродѣтели! Но успокоилъ Михаила ласкою: велѣль ему и Думпымъ Боярамъ ус-ловиться съ Генераломъ Делагарди о буду-щихъ воинскихъ дѣйствіяхъ; утвердишъ до-говоръ Выборгскій и Колязинскій; обѣщалъ не медлено заплатить весь долгъ Шведамъ.

Между тѣмъ умный Делагардъ въ ча-стыхъ свиданіяхъ съ ближними царедвор-цами замѣтилъ ихъ худое расположение къ Князю Михаилу и предостерегалъ его какъ друга (⁵²³): Дворъ казался ему спаси-ратнаго поля для героя. Оба нетерпѣливо желали ити къ Смоленску и неохотно уча-ствовали въ пирахъ Московскихъ. 23 Апрѣля Князь Дмитрій Шуйскій давалъ обѣдъ Скопину (⁵²⁴). Бесѣдовали дружественно и весело. Жена Дмитріева, Княгиня Екате-рина—дочь того, кто жилъ смертоубий-ствами: Малюты Скуратова—явилась съ Кончи-Скопи-Иу-й у-смаю-ласкою и чашею паѣдъ госпемъ знамени-тымъ: Михаилъ выпилъ чашу....и быль принесенъ въ домъ, исходя кровію, безпрестанно лившеюся изъ носа; успѣлъ только исполнить долгъ Христіанна и пред-далъ свѣту душу Богу, вмѣстѣ съ судьбою отечества!.... Москва въ ужасѣ онѣмѣла.

Сю внезапную смерть юноши, цвѣтущаго здравіемъ, приписали яду (⁵²⁵), и народъ,

въ первомъ движени, съ воиномъ арости устремился къ дому Князя Дмитрия Шуйского: дружина Царская защищала и домъ и хозяина. Увѣряли пародъ въ естественномъ концѣ сей жизни драгоценной, но не могли увѣритъ. Видѣли или усѣдывали злорадство и винили опое въ злодѣйствѣ безъ доказательствъ: ибо одна скоропостижность, а не родъ Михайловой смерти (напомнившей Борисову), утверждала подозрѣніе, бѣдственное для Василія и его ближнихъ.

Не находя словъ для изображенія общегорестъ скорби, Лѣтоисцы говорятъ единственно, народ-нашъ, что Москва онлакивала Князя Михаила столь же неутѣшио, какъ Царя Феодора Ioannовича: любивъ Феодора за добродушіе и теряя въ немъ послѣдняго изъ наследственныхъ Вѣщеносцевъ Рюрикова племени, она страшилась непрѣистности въ будущемъ жребіи Государства; а кончина Михайлова, столь наожидаемая, казалась ей явнымъ дѣйствиемъ гибели Небеснаго (⁵²⁶): думали что Богъ осуждаетъ Россію на вѣриную гибель, среди преждевременнаго торжества вдругъ лишивъ ее защитника, который одинъ всеялялъ надежду и бодрость въ души, одинъ могъ спасти Государство, снова ввергаемое въ пучину мятежей безъ кормчаго! Россія имѣла Государя, по Россіане плачали какъ сироты, безъ любви и довѣренности къ Василію, омраченному въ

ихъ глазахъ и несчастнымъ царствованіемъ и мыслю, что Князь Михаилъ сдѣлался жертвою его тайной вражды. Самъ Василій дилъ горькія слезы о Героѣ: ихъ считали притворствомъ, и взоры подданныхъ убѣгали Царя, въ то время когда онъ, знаменуя общественную и свою благодарность, оказывалъ необыкновенную честь усопшему: отпѣвали, хоронили его великолѣнино, какъ бы Державнаго: дали ему могилу пышную, гдѣ лежать наши Вѣнценосцы: въ Архангельскомъ Соборѣ; тамъ, въ приделѣ Иоанна Крестителя (⁵²⁷), стоитъ уединено гробница сего юноши, единственного добродѣтелю и любови народною въѣхъ ужасный? Огъ древнихъ до новѣйшихъ времень Россіи никто изъ подданныхъ не заслуживалъ ни такой любви въ жизни, ни такой горести и чести въ могилѣ;.... Именуя Михаила Ахилломъ и Гекторомъ Россійскимъ, Лѣтописцы не менѣе славятъ въ немъ и милость безпримѣрную, увѣтливость, смиреніе Ангельское, прибавляя, что огорчать и презирать людей было мукой для его нѣжнаго сердца (⁵²⁸). Въ двадцать-три года жизни успѣвъ стяжать (доля рѣдкая?) лучезарное бессмертіе, онъ скончался рапо не для себя, а только для отечества, которое желало ему вѣнца, ибо желало быть счастливымъ?

Все перемѣнилось—и завистники Скопина, думавъ, что Россія уже можетъ безъ него обойтися, скоро увидѣли противное. Союзъ между Царемъ и Царствомъ, возстановленный Михаи-

ломъ , рушился , и злополучіе Василіево , какъ бы одолѣнное на время Михайловымъ счастіемъ , снова явилось во всемъ ужасъ надъ Государствомъ и Государемъ.

Надлежало избрать Военачальника: избрали того , кто уже давно былъ нелюбимъ , а въ сіе время ненавидимъ: Князя Дмитрія Шуйскаго . Россіяне вышли въ поле съ уныніемъ и безъ ревности: Шведы ждали обѣщанныхъ денегъ . Не имѣя готоваго серебра , Василій требовалъ его отъ Иноческой Лавры ; но Иночки говорили , что они , давъ Борисову 15,000 , Разстрігѣ 30,000 , самому Василію 20,000 рублей , осталыю казною едва могутъ исправить стѣны и башни свои , поврежденныя непріятельскою стрѣльбою (⁵²⁹). Царь силою взялъ у нихъ и деньги и множество церковныхъ , сосудовъ , золотыхъ и серебряныхъ , для сплавки . Иночки роптали : народъ изъявлялъ негодованіе , уподобляя такое дѣло святотатству . Одни Шведы , изъявивъ участіе въ народной скорби о Михайлѣ (⁵³⁰) , ими также любимомъ , казались утѣшеными и довольными , получивъ жалованье — и Делагарди выступилъ въ слѣдъ за Княземъ Дмитріемъ къ Можайску , чтобы освободить Смоленскъ . Ждали еще новыхъ союзниковъ , не бывалыхъ подъ хоругвами Христіанскими : Крымскихъ Царевичей съ

Князь
Дмитрій
Шуй-
скій
Воен-
ачальни-
комъ.

толпами разбойниковъ, чтобы примкнуть къ нимъ и ѿ сколько дружинъ Московскихъ и вести ихъ къ Калугѣ для истребленія Самозванца. Не думали о стыдѣ имѣть нужду въ такихъ сподвижникахъ! Довольно было силъ: не доставало только человѣка, коего въ бѣдствіяхъ государственныхъ и миллионы людей не замѣняютъ... Орошая слезами, искренними или притворными, тѣло Михаила, Василій погребалъ съ нимъ свое Державство, и два раза спасенный отъ близкой гибели (³³¹), уже не спасся въ третій!

Бунтъ
Ляпу-
нова.

Первая страшная вѣсть пришла въ Москву изъ Рязани, гдѣ Ляпуновъ явный злодѣй Царя, сильный духомъ болѣе, нежели знатиостю сана, не обольстивъ Михаила властолюбиемъ беззаконнымъ, и предвидя неминуемую для себя опалу въ случаѣ рѣшительного торжества Василіева, именемъ Героя вѣрности дерзнулъ на бунтъ и междоусобіе. Что Москва подозрѣвала, то Ляпуновъ объявилъ всенародно за истину несомнительную: Дмитрія Шуйскаго и самаго Василія убійцами, отправителями Скопина; звалъ мстителей, и нашелъ усердныхъ: ибо горестная любовь къ усопшему Михаилу представляла и бунтъ за него въ видѣ подвига славнаго! Княжество Рязанское отложилось отъ Москвы и Василія (³³²), все, кроме Зарайска: тамъ явился племянникъ Ляпунова

съ грамотою отъ дяди ; но тамъ воеводствовалъ Князь Дмитрій Михайловичъ Пожарскій. Заслуживая будущую свою знаменитость и храбростю и добродѣтелю , Князь Дмитрій выгналъ гонца крамолы , прислалъ мятахную грамоту въ Москву и требовалъ вспоможенія: Царь отрядилъ къ нему чиновника Глѣбова съ дружиною , и Зарайскъ остался вѣрнымъ. Но въ тоже время Стрѣльцы Московскіе , посланные къ Іщацку (гдѣ явился Воевода Лжедимитріевъ , Князь Черкаскій , и разбилъ Царскаго Воеводу , Князя Литвицова) были остановлены на пути Ляпуновымъ и передались къ нему добровольно (³³³) Чего хотѣлъ сей мятеzhникъ ? Свергнуть Василія , избавить Россію отъ Лжедимитрія , отъ Ляховъ , и быть Государемъ ея , какъ утверждаетъ одинъ Историкъ (³³⁴); другое пишутъ вѣроятнѣе , что Ляпуновъ желалъ единственно гибели Шуйскихъ , имѣя тайныя сношенія съ знатнѣйшимъ крамольникомъ , Бояриномъ Княземъ Василіемъ Голицынымъ въ Москвѣ , и даже съ Самозванцемъ въ Калугѣ , но не долго: онъ презрѣлъ бродягу , какъ орудіе срамное , видя и безъ того легкое исполненіе желаемаго имъ и многими иными врагами Царя несчастнаго.

Бунтъ Ляпунова встревожилъ Москву : другія вѣсти были еще ужаснѣе . Князь Дмитрій Шуйскій и Делагарди шли къ Смоленску , а Лахи къ нимъ на встрѣчу. Доселѣ опасливый , нерѣшительный , Сигизмундъ вдругъ оказалъ смѣлость , узнавъ , что Россія лиши-

лась своего Героя, и въря нашимъ измѣнникамъ, Салтыкову съ клевертами, что сія кончина есть падение Василія, ненавистнаго Москвѣ и войску. Еще Сигизмундъ не хотѣлъ оставить Смоленска; но давъ Гетману Жолкѣвскому 2000 всадниковъ и 1000 пѣхотныхъ воиновъ, велѣлъ ему съ сею горстю людей искать непріятеля и славы въ полѣ (⁵³⁵). Гетманъ двинулся сперва къ Бѣлому, тѣснимому Хованскимъ и Горномъ (⁵³⁶): имѣя 6500 Россіянъ и Шведовъ, они уклонились отъ битвы и сѣшили присоединиться къ Дмитрію Шуйскому, который стоялъ въ Можайскѣ, отдѣливъ 6000 Дѣтей Боярскихъ съ Княземъ Елецкимъ и Волуевымъ въ Царево-Займище, чтобы тамъ укрѣпиться и служить щитомъ для главной рати. Будучи въ десятеро сильнѣе непріятеля, Шуйскій хотѣлъ уподобиться Скопину осторожностю: медлилъ и тратилъ время. Тѣмъ быстрѣе дѣйствовалъ Гетманъ: соединился съ остатками Тушинского войска, приведенного къ нему Зборовскимъ, и (13 Іюня) подступилъ къ Займищу (⁵³⁷); имѣль тамъ выгоду въ битвѣ съ Россіянами, но не взялъ укрѣплений — и свѣдалъ, что Шуйскій и Делагарди идутъ отъ Можайска на помощь къ Елецкому и Волуеву. Сподвижники Гетмана смущились: онъ убѣждалъ ихъ въ необходимости кончить войну однимъ смѣлымъ ударомъ; говорилъ о чести и доблести, а ждалъ успѣха отъ измѣны: ибо клеверты Салтыкова окружали, вели его, — сносились съ своими единомышленниками въ царскомъ

войскъ , знали общее уныніе , негодованіе , и ручались Жолкѣвскому за побѣду ; ручались и бѣглецы Шведскіе , Нѣмцы , Французы , Шотландцы (⁵³⁸) , являясь къ нему толпами , и сказывая , что всѣ ихъ товарищи , недовольные Шуйскимъ , готовы передаться къ Ляхамъ . Шведы дѣйствительно , едва вышедши изъ Москвы , начали снова требовать жалованья и бунговать : Князь Дмитрій далъ имъ еще 10,000 рублей , но не могъ удовольствовать , ни самъ Делагарди смирить сихъ мятежныхъ корыстолюбцевъ : они шли не-хотя и грозили , казалось , болѣе союзникамъ нежели врагамъ . Такія обстоятельства изъясняютъ для настъ удивительное дѣло Жолкѣвскаго , еще болѣе проницательнаго , нежели смѣлаго .

Оставивъ малочисленную пѣхоту въ обозѣ у Займища , Гетманъ ввечеру (23 Июня) съ десятью тысячами всадниковъ и съ легкими пушками выступилъ на встрѣчу къ Шуйскому , столь тихо , что Елецкій и Волуевъ не замѣтили сего движенія и сидѣли спокойно въ укрѣпленіяхъ , воображая всю рать непріятельскую предъ собою ; а Гетманъ , принужденный итти верстъ двадцать медленно , ночью , узкою , худою дорогою , на разсвѣтѣ увидѣлъ , близъ села Клушина , между полями и лѣсомъ , плетнями и двумя деревеньками , обширный

Битва подъ Клушиною 24.

станъ тридцати тысячъ Россіянъ и пяти тысячъ Шведовъ , ни мало неготовыхъ къ бою, беспечныхъ , сонныхъ . Онъ еще ждалъ усталыхъ дружинъ и пушекъ ; зажегъ плетни, и трескомъ огня , пламенемъ , дымомъ пробудилъ спящихъ . Изумленіемъ явленіемъ Ляховъ, Шуйскій и Делагарди спѣшили устроить войско : конницу впереди, пѣхоту за нею , въ кустарникѣ , — Россіянъ и Шведовъ особенно . Гетманъ съ трубнымъ звукомъ ударилъ вмѣстѣ на тѣхъ и другихъ : конница Московская другнула ; но подкрѣпленная новымъ войскомъ , стѣснила непріятеля въ своихъ густыхъ толпахъ , такъ , что Жолкѣвскій , стоя на холмѣ , едва могъ видѣть хоругви Республики въ облакахъ пыли и дыма (⁵³⁹). Шведы удержали стремленіе Ляховъ сильнымъ залпомъ . Гетманъ пустилъ въ дѣло запасныя дружины ; стрѣлять изъ всѣхъ пушекъ въ Шведовъ ; напалъ на Россіянъ съ боку — и побѣдилъ . Конница наша , обративъ тыль , смѣшала пѣхоту ; Шведы отступили къ лѣсу ; Французы , Нѣмцы , Англичане , Шотландцы передались къ Ляхамъ . Сдѣлалось не описанное смятеніе . Все бѣжало безъ памяти : сто гнало тысячу . Князья Шуйскій , Андрей Голицынъ и Мезецкій засѣли — было въ станѣ съ пѣхотою и пушками ; но узнавъ вѣроломство союзниковъ , также бѣжали въ лѣсъ , усыпая дорогу разными вещами драгоцѣнными , чтобы прелестію добычи остановить непріятеля . Делагардя — въ искренней горести , какъ ни-

шуть (³⁴⁰) — ни угрозами , ни моленіемъ не удержавъ своихъ отъ безчестной измѣны , вступилъ въ переговоры: далъ слово Гетману не помогать Василію , и захвативъ казну Шуйского , 5450 рублей деньгами и мѣховъ на 7000 рублей (³⁴¹) , съ Генераломъ Горномъ и четырьмя стами Шведовъ удалился къ Новогороду , жалуясь па малодушie Россіянъ Делавардъ
Гардм
отсту
паетъ
къ Но
вугоро
ду. столько же , какъ и на мятеjный дѣхъ Англичанъ и Французовъ , писменно обѣща Царю новое вспоможеніе отъ короля Шведскаго , а Королю легкое завоеваніе съверо-западной Россіи для Швеціи!

Но стыдъ союзниковъ уменьшился стыдомъ Россіянъ , которые , въ бѣдственномъ ослѣпленіи , жертвовали цели любви къ Царю любовью къ отечеству , не хотѣли мужествовать за мнимаго убійцу Михайлова , думая , кажется , что побѣда Ляховъ губить только несчастнаго Василія , и гнуснымъ бѣгствомъ отъ врага слабаго предали ему Россію. Безъ сомнѣнія оказалъ умъ необыкновенный , Гетманъ хвалился числомъ своихъ и непріятелей , скромно уступалъ всю честь геройству сподвижниковъ , и всего искреннѣе славилъ ревность Тушинскихъ измѣнниковъ , сына и друзей Михайла Салтыкова , которые находились въ сей битвѣ , дѣйствуя тайно , чрезъ лазутчиковъ , на Царское войско. Не многіе легли въ дѣль : одинь знатный

Князь Яковъ Борятинскій палъ сражаясь ; Воевода Бутурлинъ отдался въ плѣнъ . Гораздо болѣе кололи , сѣкли и топтали Россіянъ въ погонѣ . И пушекъ , нѣсколько знаменъ , бархатная хоругвь Князя Дмитрія Шуйскаго , его карета , шлемъ , мечъ и булава , также на мало богатства , суконъ , соболей , присланныхъ Царемъ для Шведовъ , были трофеями и добычею Ляховъ . Несчастный Князь Дмитрій скакалъ не оглядываясь , увязилъ коня въ болотѣ , пѣший достигъ Можайска , и сказавъ гражданамъ , что все погибло , съ сею вѣстію спѣшилъ къ Державному брату въ столицу (³⁴²) .

Дѣятельный Гетманъ въ тотъ же день возвратился къ Займищу , гдѣ Россіяне , ночью , были пробуждены шумомъ и кликомъ : Ляхи громогласно извѣщали ихъ о слѣдствіяхъ Клушинской битвы . Князь Елецкій и Волуевъ не хотѣли вѣрить : Гетманъ на разсвѣтѣ показалъ имъ Царскія знамена и плѣниковъ , требуя , чтобы они мирно сдалися , не Ляhamъ , а новому Царю своему , Владиславу , будто бы уже избранному знатною частію Россія (³⁴³) . Елецкій и Волуевъ убѣждали Гетмана итти

Полякикъ Москвѣ и начать съ нею переговоры : занимаясь Цаимъ отвѣтствовали : «когда вы сдадите рево-Займищество , то и Москва будетъ наша .» Вовсе . Волуевъ , болѣе Елецкаго властивуя надъ

умами сподвижниковъ , рѣшилъ ихъ недоумѣніе : присягнула Владиславу , на условіяхъ , заключенныхъ Михайломъ Салтыковымъ и клевретами его съ Сигизмундомъ (⁵⁴⁴) ; другіе также присягнули , и вмѣстѣ съ Ляхами , уже братьями , пошли къ столицѣ . . . Смѣлый въ битвахъ , Жолкѣвскій изъявилъ смѣлость и въ важномъ дѣлѣ государственномъ : онъ безъ указа Королевскаго желалъ воцарить юнаго Владислава , по удостовѣренію измѣнниковъ Тушинскихъ и собственно му , что нѣть иного , лучшаго , надежнѣйшаго способа кончить сю войну съ истинною славою и выгодою для Республики (⁵⁴⁵) ! Гетманъ мирно занялъ Можайскъ и другія мѣста окрестныя именемъ Королевича , вездѣ гоня предъ собою разсѣянные остатки полковъ Шуйскаго .

Въ одно время столица узнала о семъ бѣдствии и читала воззваніе Жолкѣвскаго къ ея жителямъ , распространенное въ ней дѣятельными единомышленниками Салтыкова . «Вину всѣхъ вашихъ золъ» — писалъ Гетманъ — «есть Шуйскій : отъ него Царство въ крови и въ пеплѣ . Для одного ли человѣка гибнуть миллионамъ ? Спасеніе предъ вами : побѣдоносное войско Королевское и новый Царь благодатный : да здравствуетъ Владиславъ» (⁵⁴⁶) ! Еще Василій , не измѣнясь духомъ , вѣрный твердости въ злосчастіи , писалъ указы , чтобы изъ всѣхъ городовъ спѣшили къ нему послѣдніе люди воинскіе , и въ послѣдній разъ , для спасенія Царства (⁵⁴⁷) ;

ободрялъ Москвитянъ , давалъ деньги Стрѣльцамъ (⁵⁴⁸) ; хотѣлъ писать къ Гетману , назначичъ гонца , но отмѣнилъ , чтобы не унизиться безполезно , въ такихъ обстоятельствахъ , когда не переговорами , а битвами надлежало спастися . Города не выслали въ Москву ни одного воина (⁵⁴⁹) : Рязанскій мятежникъ Ляпуновъ не велѣлъ имъ слушать
Отчал. піе сто. лицы. Царя , вмѣстѣ съ Княземъ Василемъ Голицынымъ крамольствуя и въ столицѣ , волнуемой отчаяніемъ . . . Грѣзы виѣшнія еще умножились : явился и Лжедимитрій въ полѣ , съ безстыднымъ Сапѣгою , который за нѣсколько тысяч рублей (⁵⁵⁰) , доставленныхъ ему изъ Калуги , снова обязался служить злодѣю . Они надѣялись предупредить Гетмана и взять Москву , думая , что она въ смятеніи ужаса скорѣе сдастся дерзкому бродягѣ , нежели Ляхамъ . Сей подлый непріятель еще казался опаснѣйшимъ Царю : свѣдавъ , что союзники , вызванные имъ изъ гнѣзда разбоевъ , сыновья Хана , уже близъ Серпухова , Василій отрядилъ туда знатныхъ мужей , Князя Воротынского , Лыкова и чиновника Измайлова съ дружиною Дѣтей Боярскихъ и съ пушками , чтобы вести ихъ противъ Самозванца (⁵⁵¹) ; но Крымцы , встрѣтивъ его въ Боровскомъ Уѣздѣ , послѣ дѣла кровопролитнаго ушли назадъ въ степи , а Воротынскій и Лы-

ковъ едва спаслися бѣгствомъ въ Моск-
ву. Все кончилось для Василія! Снова
торжествовалъ Самозванецъ; слова обрати-
лись къ нему измѣничи и счастіе.
Сапѣгины Лахи осадили крѣпкій мона-
стырь Пафнутиевъ, гдѣ начальствовали
вѣрный Князь Михайло Волконскій и два
предателя: первый сражался какъ Герой;
но младшіе чиновники, Змѣевъ и Челищевъ
виустили испріятеля. Волконскій палъ
въ сѣчѣ надъ гробомъ Св. Пафнутия
(оставивъ для вѣковъ память ⁵⁵²) сво-
ей доблести въ гербѣ Боровска), а Лахи
наполнили ограду и церковь трупа-
ми Иноковъ, Стрѣльцевъ и жителей мо-
настырскихъ. Коломна, дотолѣ непоко-
лебимая въ вѣрности, вдругъ измѣни-
ла, возмущенная Сотникомъ Бобыни-
нымъ. Не слушая доброго Епископа Іо-
сифа, пародъ кричалъ, что Василію
уже не быть Царемъ, и что лучше слу-
жить Димитрю, нежели Сигизмунду.
Воеводы Коломенскіе, Бояре Князь Ту-
ренинъ и Долгорукій, въ ужасѣ сами
присягнули обманщику: также и Воево-
да Коширскій, Князь Ромодановскій, вмѣ-
стѣ съ гражданами. Едва уцѣлѣлъ и
Зарайскъ, спасенный твердостію Князя ^{Твер.}
Пожарскаго: видя бунтъ жителей и не-
страшась ни угрозъ, ни смерти, очъ съ
усердною дружиною выгналъ ихъ изъ
крѣпости и востановилъ тишину догово-
ромъ, заключеннымъ съ ними, оставаться

Новые
успѣхи
Само-
извѣнца

вѣрными Василію, если Василій останется Царемъ, или служить Царю новому, кого изберетъ Россія. Въ семъ случаѣ ревностнымъ сподвижникомъ Князя Дмитрія былъ достойный Протоіерей Никольскій (⁵⁵³). Но усмиреніе Зарайска не отвратило гибельнаго мятежа въ столицѣ.

Лжедимитрій спѣшилъ къ Москвѣ и расположился станомъ въ селѣ Коломенскомъ (⁵⁵⁴), памятномъ первою славою юнаго Князя Михаила, коего уже не имѣло отечество для надежды! Что могъ предпріять Царь злосчастный, побѣженный Гетманомъ и Самозванцемъ, угрожаемый Ляпуновыми и крамолою, малодушiemъ и зломыслиемъ, безъ войска и любви народной? Рожденный не въ вѣкъ Катоновъ и Брутовъ, онъ могъ предаться только въ волю Божію: такъ и сдѣлалъ, спокойно ожидая своего жребія, и еще держась рукою за кормило государственное, хотя уже и бесполезное въ часъ гибели; еще давалъ повелѣнія, не внимаемыя, не исполняемыя, будучи уже болѣе зрителемъ, нежели дѣйствователемъ съ того времени, какъ узнали въ Москвѣ о бунтѣ или неповиновеніи городовъ, видѣли подъ ея стѣнами знамена Лжедимитріевы и ежечасно ждали Сигизмундовыхъ съ Гетманомъ. Дворецъ опустѣлъ: улицы и площади кипѣли народомъ; всѣ спрашивали другъ у друга, что дѣлается, и что дѣлать?

Ропотъ
народ.
нынѣ

Ненавистники Василіевы уже громогласно требовали его свержения ; кричали : «Онъ сѣлъ на престолъ безъ вѣдома земли Русской (⁵⁵⁵) : для того земля раздѣлилась ; для того льется кровь Христіанская. Братья Василіевы ядомъ умертвили своего племянника , а нашего отца-защитника. Не хотимъ Царя Василія!» *Ни Самозванца , ни Ляховъ!* прибавляли многие , благороднѣйшіе духомъ , слѣдя внушенію Ляпунова Рязанскаго , брата его Захаріи и Князя Василія Голицына (⁵⁵⁶). Они превозмогли числомъ и знатностію единомышленниковъ ; гнушаясь Жедимитріемъ , думали усовѣстить его клеветовъ , чтобы усилиться ихъ союзомъ , и предложили имъ свиданіе. Еще люди чиновные окружали злодѣя Тушинскаго : Князья Сицкій и Засѣкинь , Дворяне Нагой , Сунбуловъ , Плещеевъ Дьякъ Третьюковъ и другіе. Сѣѣхались въ иолѣ , у Даниловскаго монастыря (⁵⁵⁷) , какъ братья ; мирно разсуждали о чрезвычайныхъ обстоятельствахъ Государства и вѣрѣйшихъ средствахъ спасенія ; наконецъ взаимно дали клятву , Москвитяне оставить Василія , измѣнники предать имъ Жедимитрія , избрать вмѣстѣ новаго Царя и выгнать Ляховъ. Сей договоръ объявили соглашѣ братъ Ляпунова и Дворянинъ Хомутовъ , выѣхавъ съ сонмомъ единомышленниковъ на Лобное мѣсто , гдѣ , кромѣ черни , находилось и множество людей саповыхъ , лучшихъ гражданъ , гостей и купцовъ : всѣ громкимъ кликомъ изъявили

радость (⁵⁵⁸); все казались увереными, что новый Царь необходимъ для Россіи. Но тутъ не было ни знатнаго Духовенства, ни Синклита: пошли въ Кремль, взяли Патріарха, Бояръ; вывели ихъ къ Серпуховскимъ воротамъ, за Москвою-рѣкою, и въ виду непріятельского стана — указывая на разъѣзды Лжедимитріевой конницы и на Смоленскую дорогу, гдѣ всякое облако пыли грозило явленіемъ Гетмана — предложили имъ избавить Россію отъ стыда и гибели. избавить Россію отъ Шуйскаго; соблюдали умѣренность въ рѣчахъ: укоряли Василія только несчастіемъ (⁵⁵⁹). Говорили, что «земля Сѣверская и всѣ бывшие слуги Лжедимитріевы цемедленно возвратятся подъ сѣнь отечества, какъ скоро не будетъ Шуйскаго, для нихъ ненавистнаго и страшнаго; что Государство бессильно только отъ расढленія силъ: усмирится . . . и враги исчезнутъ!» Раздался одинъ голосъ въ пользу закона и Царя злосчастнаго: Ермогеновъ; съ жаромъ и твердостію Патріархъ изъяснялъ народу, что нѣтъ спасенія, гдѣ нѣтъ благословенія свыше; что измѣна Царю есть злодѣйство, всегда казнимое Богомъ, и не избавить, а еще глубже погрузить Россію въ бездину ужасовъ (⁵⁵⁶). Весьма не многіе Бояре, и весьма не твердо, стояли за Шуйскаго; самые его искренніе и ближніе уклонились, видя рѣшительную общую волю; самъ Патріархъ съ горестію удалился, чтобы не быть свидѣтелемъ дѣла мятежнаго, — и сія пародная

Дума единодушно , единогласно приговорила:
«1) бить целомъ Василію , да оставитъ Царство и да возметъ себѣ въ удѣлъ Нижній-Новгородъ (⁵⁶¹) ; 2) уже никогда не возвращать ему престола , но блести жизнь его , Царицы , братьевъ Василіевыхъ ; 3) цѣловать крестъ всѣмъ міромъ въ неизмѣнной вѣрности къ Церкви и Государству для истребленія ихъ злодѣевъ , Ляховъ и Лжедимитрія ; 4) всею землею выбрать въ Цари , кого Богъ дастъ ; а между тѣмъ управлять ею Боярамъ , Князю Мстиславскому съ товарищами , коихъ власть и судъ будутъ священны ; 5) въ сей Думѣ верховной не сидѣть Шуйскимъ , ни Князю Ивану ; 6) всѣмъ забыть вражду личную , месть и злобу ; всѣмъ помнить только Бога и Россію» (⁵⁶²). Въ дѣйствіи беззаконномъ еще блисталь призракъ великолѣпія : щадили Царя свергаемаго и хотѣли умереть за отечество , за честь и независимость.

Послали къ Василію , еще Вѣнценосцу , знатнаго Боярина , его свояка , Князя Ивана Воротынского , съ главными крамольниками , Захарію Ляпуновымъ и другими , объявить ему приговоръ Думы . Дотолѣ тихій Кремлевскій дворецъ наполнился людьми и шумомъ : ибо въ слѣдъ за Послами стремилось множество дерзкихъ мятежниковъ и любопытныхъ . Василій ожидалъ ихъ безъ трепета , воспоминная , можетъ быть , невольно о такомъ же стремлениі шумныхъ сонмовъ , подъ его собственнымъ предводительствомъ , къ сему же

дворцу, въ день Разстригиной гибели!... Захарія Ляпуновъ , увидѣвъ Царя, сказа-
зalъ: «Василій Іоанновичъ! ты не умѣлъ
царствовать : отдай же вѣнецъ и ски-
петръ» (⁵⁶³). Шуйскій отвѣтствовалъ:
«какъ смѣешь!»... и вынулъ ножъ изъ-
за пояса. Наглый Ляпуновъ , великанъ
ростомъ , силы необычайной , грозилъ
ему своею тяжкою рукою.... Другіе
хотѣли сладкорѣчіемъ убѣдить Царя къ
повиновенію волѣ Божіей и народной.
Василій отвергнулъ всѣ предложенія, го-
товый умереть , но Вѣнценосцемъ , и
хлішеньемъ волю мятежниковъ , испровергающихъ
престо-
ла. законъ , не признавая народною. Онъ
17 Юл. уступилъ только насилию, и былъ, вмѣ-
стѣ съ юною супругою , перевезенъ изъ
палатъ Кремлевскихъ въ старый домъ
свой , гдѣ ждалъ участіи Борисова се-
мейства (⁵⁶⁴) , зная , что шагъ съ пре-
стола есть шагъ къ могилѣ.

Въ столицѣ господствовало смятеніе,
и скоро еще умножилось , когда народъ
свѣдалъ , что Тушинскіе измѣнники об-
манули Московскихъ. Ляпуновъ и кле-
вреты его немедленно объявили первымъ,
въ новомъ свиданіи съ ними у монастыря
Даниловскаго (⁵⁶⁵), что Шуйскій сведенъ
съ престола , и что Москва , въ слѣд-
ствіе договора , ждетъ отъ нихъ связан-
наго Лжедимитрія , для казни. Тушинцы
отвѣтствовали : «Хвалимъ ваше дѣло.
Вы свергнули Царя беззаконнаго ; слу-

жите же истинному : да здравствуетъ сынъ Иоанновъ ! Если вы клятвопреступники , то мы вѣрны въ обѣтахъ . Умремъ за Димитрія » (⁵⁶⁶) ! Достойно осмѣянные злодѣями , Москвитяне изумились . Симъ часомъ думалъ еще воспользоваться Ермогенъ : вышелъ въ народу , молилъ , заклиналъ снова возвести Василія на Царство ; но убѣжденіемъ добраго Патріарха не внимали : страшились мести Василіевой , и тѣмъ скрѣе хотѣли себя успокоить .

Тщетъ
и мы
увѣща
и и
Патріа
арха.

Всѣми оставленный , многимъ ненавистный или противный , не многимъ жалкій , Царь сидѣлъ подъ стражею въ своемъ Боярскомъ домѣ , гдѣ , за четыре года предъ тѣмъ . въ ночномъ совѣтѣ знаменитѣйшихъ Россіянъ , имъ собранныхъ и движимыхъ (⁵⁶⁷) , рѣшилась гибель Отрепьева . Тамъ , въ слѣдующее утро , явились Захарія Ля-¹⁸ Июня . пуновъ , Князь Петръ Засѣкинъ (⁵⁶⁸) , нѣсколько сановниковъ съ Чудовскими Пноками и Священиками , съ толпою людей вооруженныхъ , велѣли Шуйскому готовиться къ постриженію , еще гнушаясь новымъ цареубийствомъ и считая келлю надежнымъ предверіемъ гроба . «Нѣтъ ! » сказалъ Василій съ твердостію : «никогда не буду Монахомъ » — и на угрозы отвѣтствовалъ видомъ презрѣнія ; но смотря на многихъ известныхъ ему Москвитянъ , съ умиленіемъ

говорилъ имъ : «Вы нѣкогда любили меня. . . . и за что возненавидѣли? за казнь ли Отрепьева и клевретовъ его? Я хотѣлъ добра вамъ и Россіи ; наказывалъ единственно злодѣевъ — и кого не миновалъ» (⁵⁶⁹)? Вопль Ляпунова и другихъ иеистовыхъ заглушилъ рѣчъ Постри-
жемъ Василія , совершили обрядъ священный,
и супру-
ги его. И но слыхали уже ни еднаго слова отъ
Василія : онъ безмолвствовалъ , и вмѣсто его произносилъ страшные обѣты монашества Князь Туренинъ (⁵⁷⁰). Постригли и несчастную Царицу , Марію, также безмолвную въ обѣтахъ , но краснорѣчивую въ изъявленіи любви къ супругу : она рвалась къ нему , стеналя , называла его своимъ Государемъ милымъ , Царемъ великимъ народа недостойнаго (⁵⁷¹) , ея супругомъ законнымъ и въ рясѣ Июка. Ихъ разлучили силою : отвели Василія въ монастырь Чудовскій, Марію въ Ивановскій; двухъ братьевъ Василіевыхъ заключили въ ихъ домахъ. Никто не противился насилию безбожному, кроме Ермогена: онъ торжественно Молился за Шуйского въ храмахъ , какъ за Помазанника Божія , Царя Россіи , хотя и невольника ; торжественно клялъ бунтъ и признавалъ Июкомъ не Василія , а Князя Туренина , который вмѣсто его связывалъ себя обѣтами Монашества (⁵⁷²).

Уваженіе къ сану и лицу Первосвятителя давало смѣлость Ермогену, но бесполезную.

Такъ Москва поступила съ Вѣнценосцемъ, который хотѣлъ снискать ея и Россіи любовь подчиненiemъ своей воли закону, бережливостю государственою, безпристрастiemъ въ наградахъ⁽⁵⁷³⁾, умѣренностю въ наказаніяхъ, терпимостю общественной свободы, ревностю къ гражданскому образованію — который не изумлялся въ самыхъ чрезвычайныхъ бѣдствіяхъ, оказывалъ неустрашимость въ бунтахъ, готовность умереть вѣрнымъ достоинству Монаршему, и не былъ никогда столь знаменитъ, столь достопріестолъ, какъ свергаемый съ онаго измѣною: влекомый въ келію толпою злодѣевъ, несчастный Шуйскій являлся одинъ истинно великодушнымъ въ мятежной столицѣ. . . Но удивительная судьба его ни въ уничиженіи, ни въ славѣ, еще не совершилась!

Доселѣ властновала безпрекословно сторона Ляпуновыхъ и Голицына, рѣшительныхъ противниковъ и Шуйского и Самозванца и Ляхова: она хотѣла *своего Царя* — и въ семъ смыслѣ Дума писала отъ имени Синклита, людей Приказныхъ и воинскихъ, Стольниковъ, Стряпчихъ, Дворянъ и Дѣтей Боярскихъ, гостей и купцовъ, ко всѣмъ областнымъ Воеводамъ и жителямъ, что Шуйскій, *внявъ целобитью земли Русской, оставилъ Государство и миръ* (574) для спасенія отечества; что Москва цѣловала

крестъ не поддаваться ни Сигизмунду, ни злодѣю Тушинскому; что всѣ Россіяне должны возстать, устремиться къ столицѣ, сокрушить враговъ и выбрать всею землею Самодержца вождемъ иного. Въ семъ же смыслѣ отвѣтствовали Бояре и Гетману Жолкѣвскому, который, узнавъ въ Можайскѣ о Василіевомъ незвержении, объявилъ имъ грамотою, что идетъ защищать ихъ въ бѣдствіяхъ. «Не требуемъ твоей защиты,» писали они: «не приближайся, или встрѣтишь тебя какъ непріятеля» (575). Но Дума Боярская, присвоивъ себѣ верховную власть, не могла утвердить ее въ слабыхъ рукахъ своихъ, ни утишить всеобщей тревоги, ни обуздать мятежной черни. Самозванецъ грозилъ Москвѣ нападеніемъ, Гетманъ къ ней приблизился, народъ вольничалъ, холопи не слушались господъ, и многіе люди чиновные, страшась быть жертвою безначалія и бунта, уходили изъ столицы, даже въ станъ къ Лжедими-трію (576), единственно для безопасности личной. Въ сихъ обстоятельствахъ ужасныхъ сторону Ляпуновыхъ и Голицына превозмогла другая, менѣе благопріятная для народной гордости, хотя и менѣе лукавая: ибо ся главою былъ Князь Федоръ Мстиславскій, извѣстный лобродушіемъ и вѣрностію, чуждый властолюбія и козней (577).

Въ то время, когда Москва, безъ Царя, безъ устройства, всего болѣе опасалась злодѣя Тушинского и собственныхъ злодѣевъ, готовыхъ душегубствовать и грабить въ стѣнахъ ея —

когда отечество смятение не впало между своими ни одного человѣка, столь знамени-
таго родомъ и дѣлами , чтобы оно могло возложить на него вѣнецъ единодушно, съ любовью и надеждою — когда измѣны и предательства въ глазахъ народа унизили самыхъ первыхъ Вельможъ, и два несчаст-
ные избранія доказали, сколь трудно быв-
шему подданному державствовать въ Рос-
сии и бороться съ завистью : тогда мысль искать Государя виѣ отечества , какъ древ-
ніе Новгородцы искали Князей въ землѣ Варяжской , могла естественно предста-
виться уму и добрыхъ гражданъ. Мети- Совѣтъ
Князъ
Мети-
славскаго.
славскій , одушевленный чистымъ усер-
діемъ — вѣроятно , послѣ тайныхъ совѣ-
щаній съ людьми важнѣйшими — торже-
ственно объявилъ Болрамъ, Духовенству ,
всѣмъ Чинамъ и гражданамъ , что для спа-
сенія Царства должно вручить скипетръ....
Владиславу ⁽⁵⁷⁸⁾. Кто могъ самъ и не хо-
тѣлъ быть Вѣнценосцемъ ⁽⁵⁷⁹⁾, того мнѣ-
ніе и голосъ имѣли силу ; имѣли оную и
домогательства единомышленниковъ Сал-
тыкова , особенно Волуева , и наконецъ явныя выгоды сего избрания. Жолкѣвскій ,
грозный побѣдитель , дѣжался намъ усерд-
нымъ другомъ , чтобы избавить Москву
отъ злодѣевъ : онъ писалъ о томъ (31 Июля)
къ Думѣ Боярской ⁽⁵⁸⁰⁾ , вмѣстѣ съ Ива-
номъ Салтыковымъ и Волуевымъ , которые

сообщили ей договоръ Тушинскихъ Пословъ съ Сигизмундомъ и новѣйшій, заключенный Гетманомъ въ Царевѣ-Займищѣ (⁵⁸¹) для цѣлости Вѣры и Государства. Надѣялись, что Король паднется честію видѣть сына Монархомъ великой Державы и дозволить ему неремѣнить Законъ, или Владиславъ юный, еще не твердый въ Догматахъ Латинства, легко склонится къ нашимъ и вопреки отцу, когда сядеть на престолъ Московскій, увидитъ необходимость единовѣрія для крѣпкаго союза между Царемъ и народомъ, возмужаетъ въ обычаяхъ Православія, и будучи уважаемъ какъ Вѣнценосецъ знаменитаго Державнаго племени, будетъ любимъ какъ истинный Россіянинъ духомъ. Еще благородная гордость страшилась униженія взять невольно Властителя отъ Ляховъ, молить ихъ о спасеніи Россіи и тѣмъ оказать ея постыдную слабость. Еще Духовенство страшилось за Вѣру, и Патріархъ убѣждалъ Бояръ не жертвовать Церковію никакимъ выгодамъ государственнымъ (⁵⁸²): уже не имѣя средства возвратить вѣнецъ Шуйскому, онъ предлагалъ имъ въ Цари или Князя Василія Голицына или юнаго Михаила, сына Филаретова (⁵⁸³), внука первой супруги Іоанновой. Духовенство благопріятствовало Голицышу, пароль Михаилу, любезному для него памятію Анастасіи, добродѣтелю отца и даже тезоименитствомъ съ усопшимъ Героемъ Россіи. . . . Такъ Ермогенъ безсмертный предвѣстилъ ей волю Небесъ! Но время еще

не наступило — и Гетманъ уже стоялъ подъ Москвою, на Сѣтуни⁽⁵⁸⁴⁾, противъ Коломенскаго и Лжедимитрія: ни Голицынъ, крамольникъ въ Синклитѣ и бѣглецъ на полѣ ратномъ⁽⁵⁸⁵⁾, ни юноша, пытomeцъ келлій, едва известный свѣту, не обѣщали спасенія Москвѣ, извѣтъ тѣснімой двумя непріятелями, внутри волнуемой мятежемъ; каждый часть былъ дорогъ — и большинство голосовъ въ Думѣ, на самомъ Лобномъ мѣстѣ, рѣшило: «принять совѣтъ «Мстиславскаго!»

Немедленно послали къ Гетману спросить, другъ ли онъ Москвѣ или непріятель⁽⁵⁸⁶⁾? «Желаю не крови вашей, а блага «Россіи,» отвѣчалъ Жолкѣвскій: «предлагаю вамъ Державство Владислава и гибель Самозванца.» Дали взаимно аманатовъ; вступили въ переговоры, на Дѣвичьемъ полѣ, въ шатрѣ, гдѣ Бояре, Князья Мстиславскій, Василій Голицынъ и Шерemetевъ, Окольничій Князь Мезецкій и Дьяки Думные, Телепневъ и Луговскій, съ честію встрѣтили Гетмана⁽⁵⁸⁷⁾, объявляя, что Россія готова признать Владислава Царемъ, но съ условіями необходимыми для ся достоинства и спокойствія. Дьякъ Телепневъ, развернувъ свитокъ, прочиталъ сіи условія, столь важныя, что Гетманъ ни въ какомъ случаѣ не могъ бы принять ихъ безъ рѣшительного согласія

Королевскаго : Король же не только медлилъ дать ему наказъ , но и не отвѣтствовалъ на слова на вѣсъ его донесенія послѣ Клушина скаго дѣла , заботясь единствено о взятіи Смоленска и съ гордостію являя Гетмановы трофеи , знамена и пѣниковъ , Шеину непреклонному ! Жолкѣвскій , равно смѣлый и благоразумный , скрывъ отъ Боярь свое затрудненіе , спокойно разсуждалъ съ ними о каждой статьѣ предлагаемаго договора : отвергалъ и соглашался Королевскимъ именемъ . Выслушавъ первое требование , чтобы Владиславъ крестился *въ нашу Вѣру* , онъ далъ имъ надежду , но устранилъ обязательство , говоря : « да будетъ Королевичъ « Царемъ , и тогда , внимая гласу совѣсти и поль « зы государственной , можетъ добровольно « исполнить желаніе Россіи » (588) . Устранилъ , до особеннаго Сигизмундова разрѣшенія , и другія статьи : « 1) Владиславу не сноситься съ « Напою о Законѣ (589) ; 2) утвердить въ Россіи « смертную казнь для всякаго , кто оставитъ Греческую Вѣру для Латинской ; 3) не имѣть при « себѣ болѣе пятьсотъ Ляховъ ; 4) соблюсти всѣ « титла Царскія (следственно Государя Кіевскаго « и Ливонскаго) и жениться на Россіянкѣ ; » по все прочее , какъ согласное съ договоромъ Салтыкова и Волуева , было одобрено Жолкѣвскимъ , хотя и не вдругъ : ибо онъ съ умысломъ замедлялъ переговоры , тщетно ожидая вѣстей отъ Короля ; наконецъ уже не могъ медлить , опасаясь потерпѣнія Россіянъ и своихъ Ляховъ ,

готовыхъ къ бунту за невыдачу имъ жалованья, (590) — и 17 Августа подпись слѣдующія достоинятныя условія:

«1) Святѣйшему Патріарху, всему Духо-условію, «свенству и Синклиту, Дворянамъ и Дьякамъ «Думнымъ, Столъникамъ, Дворянамъ, «Стряпчимъ, Жильцамъ и Городскимъ «Дворянамъ, Головамъ Стрѣлецкимъ, При- «казнымъ людямъ, Дѣтямъ Боярскимъ, го- «стямъ и купцамъ, Стрѣльцамъ, Козакамъ, «пушкарямъ и всѣхъ чиновъ служивымъ и «Жилецкимъ людямъ Московскаго Государ- «ства бить челомъ Великому Государю «Сигизмунду, да пожалуетъ имъ сына сво- «его, Владислава, въ Цари, коего всѣ Рос- «сіяне единодушно желаютъ, цѣлуя святый «крестъ съ обѣтомъ служить вѣрно ему и «потомству его, какъ они служили преж- «нимъ Великимъ Государамъ Московскими.

«2) Королевичу Владиславу вѣнчаться «Царскимъ вѣнцемъ и діадимою отъ Свя- «тѣйшаго Патріарха и Духовенства Грече- «ской Церкви, какъ издревле вѣнчались «Самодержцы Россійскіе.

«3) Владиславу Царю блести и чтить «святые храмы, иконы и мощи цѣлебныя, «Патріарха и все Духовенство; не отни- «матъ имънія и доходовъ у церквей и мона- «стырей; въ Духовныя и Святительскія «адѣла не вступаться.

«4) Не быть въ Россіи ни Латинскимъ, ни «другихъ исповѣданій костеламъ и молебнымъ «храмамъ (⁵⁹¹); не склонять никого въ Римскую, «ни въ другія Вѣры, и Жидамъ не въѣзжать «для торговли въ Московское Государство.

«5) Не перемѣнять древнихъ обычаевъ. Бояре «и всѣ чиновники, воинскіе и земскіе, будутъ, «какъ и всегда, одни Россіяне; а Польскимъ и «Литовскимъ людямъ не имѣть ни мѣстъ, ни чи- «новъ: которые же изъ нихъ останутся при «Государѣ, тѣмъ можетъ онъ дать денежное «жалованье или помѣстья, не стѣсняя чести «Московскихъ, Боярскихъ и Княжескихъ ро- «довъ честію новыхъ выходцевъ иноземныхъ.

«6) Жалованье, помѣстья и вотчины Рос- «сіянъ неприкосновенны. Если же нѣкоторые «надѣлены сверхъ достоинства, а другіе оби- «жены, то совѣтоваться Государю съ Боярами, «и сдѣлать, что уложить вмѣстѣ.

«7) Основаніемъ гражданскаго правосудія «быть Судебнику, коего нужное исправленіе и «дополненіе зависитъ отъ Государя, Думы Бояр- «ской и Земской (⁵⁹²).

«8) Уличенныхъ государственныхъ и граж- «данскихъ преступниковъ казнить единственно «по осужденію Царя съ Боярами и людьми «Думными; имѣніе же казненныхъ наследуютъ «ихъ невинныя жены, дѣти и родственники. «Безъ сего торжественнаго суда Боярскаго никто «не лишается ни жизни, ни свободы, ни чести.

«9) Кто умретъ бездѣтень, того имѣніе отда-

«вать ближнимъ его или кому онъ прика-
«жеть (893); а въ случаѣ недоумѣнія рѣпить
«такія дѣла Государю съ Боярами.

«10) Доходы государственные остаются преж-
«ніе; а новыхъ налоговъ не вводить Государю
«безъ согласія Бояръ (894), и съ ихъ же согласія
«дать льготу областямъ, помѣстьямъ и вотчи-
«намъ разореннымъ въ сіи времена смутныя.

«11) Земледѣльцамъ не переходить ни въ
«Литву, ни въ Россіи отъ господина къ господину,
«и всѣмъ крѣпостнымъ людямъ быть навсегда
«такими.

«12) Великому Государю Сигизмунду, Польшѣ
«и Литвѣ утвердить съ Великимъ Государемъ
«Владиславомъ и съ Россіею миръ и любовь
«на вѣки и стоять другъ за друга противъ всѣхъ
«непріятелей.

«13) Ни изъ Россіи въ Литву и Польшу, ни
«изъ Литвы и Польши въ Россію не переводить
«жителей.

«14) Торговлѣ между обоими Государствами
«быть свободною.

«15) Королю уже не приступать къ Смоленску
«и немедленно вывести войско изъ всѣхъ горо-
«ловъ Россійскихъ; а платежъ изъ Московской
«казны за убытки и на жалованье рати Литов-
«ской и Польской будетъ установленъ въ договорѣ
«особенномъ.

«16) Всѣхъ плѣнныхъ освободить безъ вы-
«куна, «всѣ обиды и насилия предать вѣчному
«забвенію,

«17) Гетману отвести Сап'гу и другихъ Ля-
ховъ отъ Жедимирія , вмѣсть съ Боярами
«взять мѣры для его истребленія , итти къ Мо-
жайску, какъ скоро уже не будетъ сего злодѣя,
«и тамъ ждать указа Королевскаго.

«18) Между тѣмъ стоять ему съ войскомъ
«у Дѣвичьяго монастыря (⁵⁹⁵) и не пускать ни-
«кого изъ своихъ людей въ Москву , для нуж-
«ныхъ покупокъ, безъ дозвolenія Бояръ и безъ
«письменнаго вида.

«19) Дочери Воеводы Сеномирскаго, Маринѣ,
«ѣхать въ Польшу и не именоваться Государы-
«нею Московскою.

«20) Отправиться Великимъ Посламъ Россій-
«скимъ къ Государю Сигизмунду и бить челомъ,
«да крестится Государь Владиславъ въ Вѣру
«Греческую , и да будутъ приняты всѣ иныя
«условія, оставленныя Гетманомъ на разрѣшеніе
«Его Королевскаго Величества» (⁵⁹⁶).

И такъ Россіяне, бывъ недовольны собствен-
нымъ желаніемъ Царя Василія умѣрить Само-
державіе (⁵⁹⁷), въ четыре года перемѣнили мы-
сли и хотѣли еще болѣе ограничить верховную
власть , удѣляя часть ея не только Боярамъ,
въ правосудіи и въ налогахъ , но и Земской
Думѣ въ гражданскомъ законодательствѣ (⁵⁹⁸)?
Они боялись не Самодержавія вообще (какъ
увидимъ въ Исторіи 1613 года) , но Самодержавія
въ рукахъ ишоплеменнаго , еще иновѣр-
наго Монарха , избираемаго въ крайности , не-
вольно и безъ любви , — и для того предчи-

сали ему условія согласныя съ выгодами Боярского властолюбія и съ видами хитраго Жолкѣвскаго , который , любя вольность, не хотѣлъ пріучить наслѣдника Сигизмундова , будущаго Монарха Польскаго , къ безпредѣльной власти въ Россіи.

Утвердивъ договорную грамоту подпи- Прися-
сями и печатями — съ одной стороны Жол- га Вла-
кѣвскій и всѣ его чиновники, а съ другой дисла-
Бояре — звали народъ къ присягѣ. Среди ву.
Дѣвичьяго поля, въ сѣни двухъ шатровъ великолѣпныхъ , стояли два олтаря , бо-
гато украшенные ; вокругъ олтарей Духо-
венство , Патріархъ , Святители , съ ико-
нами и крестами , за Духовенствомъ Бояре и саповники , въ одеждахъ блестящихъ
серебромъ и золотомъ ; далѣе безчислен-
ное множество людей , ряды конницы и пѣхоты , съ распущенными знаменами , Ля-
хи и Россіяне . Все было тихо и чинно .
Гетманъ , съ своими Воеводами , вступилъ въ шатель , приближился къ олтарю , полу-
жилъ на него руку и далъ клятву въ вѣр-
номъ соблюденіи условій , за Короля и Королевича , Республику Польскую и Вели-
кое Княжество Литовское , за себя и войско .
Тутъ два Архіерея , обратясь къ Боярамъ и чиновникамъ , сказали громогласно : «Во-
«слею Святѣйшаго Патріарха , Ермогена ,
«призываю васъ къ исполненію торже-
«ственнаго обряда : щелуйте крестъ , вы ,

«мужи Думные, всѣ Чины и народъ, въ вѣрности къ Царю и Великому Князю Владиславу «Сигизмундовичу, нынѣ благополучно избранному, да будетъ Россія, со всѣми ея жителями «и достояніемъ, его наслѣдственнаю Державою!» Раздался звукъ литавръ и бубновъ, громъ пушечный и кликъ народный: «Многія «льта Государю Владиславу! да царствуетъ съ «побѣдою, миромъ и счастіемъ!» Тогда нача-
лася присяга: Бояре и сановники, Дворянство и купечество, воины и граждане, числомъ не менѣе трехъ сотъ тысячи, какъ увѣряютъ ⁽⁵⁹⁹⁾, цѣловали крестъ съ видомъ усердія и благоговѣнія. Тогда измѣнили прежніе, Иванъ Салковъ, Волуевъ и клевреты ихъ, ревностные участники и главные пособники договора ⁽⁶⁰⁰⁾, обняли съ Москвитянами, уже какъ съ братьями въ общей измѣнѣ Василію и въ общемъ подданствѣ Владиславу! . . . Гонцы отъ Думы Боярской сѣшили во всѣ города, объявить имъ новаго Царя, конецъ смятеніямъ и бѣдствіямъ; а Гетманъ великолѣнныимъ пиromъ въ станѣ угостили знатнѣйшихъ Россіянъ, и каждого изъ нихъ одарилъ щедро, раздавъ имъ всю добычу Клушинской битвы, коней Азіатскихъ, богатыя чаши, сабли, и не оставивъ ничего драгоценаго ни усебя, ни у своихъ чиновниковъ, въ надеждѣ на сокровища Московскія. Первый Вельможа, Князь Мстиславский, отплатилъ ему такимъ же роскошнымъ пиromъ и такими же дарами богатыми.

Однимъ словомъ, умный Гетманъ достигъ цѣли — и Владиславъ, хотя только Москвою избранный, безъ вѣдома другихъ городовъ, и слѣдственно незаконно, подобно Шуйскому, остался бы, какъ вѣроятно, Царемъ Россіи и перемѣнилъ бы ея судьбу ослабленіемъ Самодержавія — перемѣнилъ бы тѣмъ, можетъ быть, и судьбу Европы на многіе вѣки, если бы отецъ его имѣлъ умъ Жолкѣвскаго!

Но еще крестъ и Евангеліе лежали на алтаряхъ Дѣвичьяго поля, когда вручили Гетману грамоту Сигизмундову, привезенную Федоромъ Андроновымъ, Печатникомъ и Думнымъ дьякомъ⁽⁶⁰¹⁾, усерднымъ службою Ляховъ, измѣнникомъ Государства и Православія: Сигизмундъ писалъ къ Гетману, чтобы онъ занялъ Москву именемъ Королевскимъ, а не Владиславовымъ; о томъ же писалъ къ нему и съ другимъ, знатнѣйшимъ Посломъ, Госѣвскимъ. Гетманъ изумился. Торжественно заключить и безстыдно нарушить условія; вмѣсто юноши беспорочнаго и любезнаго представить Россіи въ Вѣнценосцы стараго, коварнаго врага ся, виновника или питателя нашихъ мятежей⁽⁶⁰²⁾, известнаго ревнителя Латинской Вѣры и братства Іезуитскаго; действовать одною силою съ войскомъ малочисленнымъ противъ цѣлаго народа, ожесточеннаго бѣдствіями, озлобленнаго Ля-

хами, казалось Гетману болѣе, нежели дерзостію — казалось безуміемъ. Онъ рѣшился исполнить договоръ, утаить волю Королевскую отъ Россіянъ и своихъ сподвижниковъ, сдѣлать требуемое честію и благомъ Республики, вопреки Сигизмунду и въ надеждѣ склонить его къ лучшей Политикѣ.

Согласно съ договоромъ, надлежало прежде всего отвлечь Ляховъ отъ Самозванца. Сей злодѣй думалъ ослѣпить Жолкѣвскаго разными льстивыми увѣреніями: клялся Царскимъ словомъ выдать Королю 300,000 злотыхъ, и въ теченіе десяти лѣтъ ежегодно платить Республику столько же, а Королевичу 100,000 — завоевать Ливонію для Польши и Швецію для Сигизмунда — не стоять и за Сѣверскую землю, когда будетъ Царемъ⁽⁶⁰³⁾; но Жолкѣвскій, извѣстивъ Сантьгу, что Россія есть уже Царство Владислава, убѣждалъ его присоединиться къ войску Республики, а бролягу упасть къ ногамъ Королевскимъ, обѣщаючи ему за такое смиреніе Гродно или Самборъ въ удѣль. Послы Гетмановы нашли Жедимиря въ Обители Угрѣшской⁽⁶⁰⁴⁾, гдѣ жила Марина: выслушавъ ихъ предложеніе, онъ сказалъ: «хочу лучше жить въ избѣ крестьянской, нежели милостію Сигизмундовою!» Тутъ Марина вѣжала въ горницу; пылая гнѣвомъ, злословила, поносила Короля, и съ наемншкою примолвила: «теперь слушайте мое предложеніе: пусть Сигизмундъ уступитъ Царю Димитрю Краковъ и возмѣтъ отъ него, въ знакъ милости, Варшаву»⁽⁶⁰⁵⁾! Ля-

хи также гордились и не слушали Гетмана, который, видя необходимость употребить силу, вмѣстѣ съ Княземъ Мстиславскимъ и пятнадцатью тысячами Москвитянъ, выступилъ противъ своихъ мятежныхъ единоземцевъ. Уже начиналось и кровопролитіе (⁶⁰⁶); но малочисленное и худое войско Лжедимитріо не могло обѣщать себѣ побѣды: Санѣга выѣхалъ изъ рядовъ, снялъ шапку предъ Жолкѣвскимъ, далъ ему руку въ знакъ братства — и чрезъ нѣсколько часовъ все усмирилось. Ляхи и Россіяне оставили Лжедимитрія: первые объявили себя до времени слугами Республики; послѣдніе цѣловали крестъ Владиславу, и между ими Бояре Князья Туренинъ и Долгорукій, Воеводы Коломенскіе (⁶⁰⁷); а Са-
мозванецъ и Марина ночью (26 Августа) ускакали верхомъ въ Калугу, съ Атама-
помъ Заруцкимъ, съ шайкою Козаковъ,
Татарь и Россіянъ немногихъ.

Гетманъ дѣйствовалъ усердно: Бояре усердно и прямодушно. Начало безпрекословно царствованіе Владислава въ Москвѣ и въ другихъ городахъ: въ Коломнѣ, Тулѣ, Рязани, Твери, Владимирѣ, Ярославлѣ (⁶⁰⁸) и далѣе. Молились въ храмахъ за Государя новаго; всѣ Указы писались, всѣ сулы производились его именемъ; спѣшили изобразить оное на медаляхъ и монетахъ (⁶⁰⁹). Многіе радовались искренно,

алкая тишины послѣ такихъ мятежей бурныхъ. Многіе — и въ ихъ числѣ Патріархъ — скрывали горесть, не ожидая ничего доброго отъ Ляховъ. Всего болѣе торжествовали старые измѣнники Тушинскіе, первые имѣвъ мысль о Владиславѣ⁽⁶¹⁰⁾: Михайло Салтыковъ, Князь Рубецъ-Мосальскій и Федоръ Мещерскій, Дворянѣ Кологривовъ, Василій Юрьевъ, Молчановъ, бывъ дотолѣ у Сигизмунда, явились въ столицѣ съ видомъ лицемѣрного умиленія, какъ бы великолюдные изгнанники и страдальцы за любовь къ отечеству, имъ возвращаемому, милостію Божію, ихъ невинностію и добродѣтелью. Они цѣлою толпою пришли въ храмъ Успенія и требовали благословенія отъ Ермогена, который, велѣвъ удалиться одному Молчанову, мнимому еретику и чародѣю⁽⁶¹¹⁾, сказалъ другимъ: «благословляю васъ, если вы дѣйственно хотите добра Государству; но если вы «Ляхи душою, лукавствуете и замышляете гибель Православія, то кляну васъ именемъ Церкви»⁽⁶¹²⁾. Обливаясь слезами, Михайло Салтыковъ увѣрялъ, что Государство и Православіе спасены на вѣки — увѣрялъ, можетъ быть, непрітворно, желая, чего желала столица вмѣстѣ съ знатною частію Россіи: Владиславова царствованія на заключенныхъ условіяхъ. Самъ Гетманъ не имѣлъ иной мысли, ежедневными письмами убѣждая Сигизмунда не разрушать дѣла, счастливо совершенного добрымъ Геніемъ Республики, а Бояръ Московскихъ плѣния изо-

браженіемъ златаго вѣка Россіи подъ дер-
жавою Вѣнценосца юнаго, любезнаго, го-
товаго внимать ихъ мудрымъ наставле-
ніямъ и быть сильнымъ единственно си-
лою закона (⁶¹³). Жолкѣвскій не хотѣлъ Поли-
тика
Жол-
кѣвска-
го.
явно властововать надъ Думою, доволь-
ствуясь единственно внушеніями и совѣ-
тами. Такъ онъ доказывалъ ей необходи-
мость изгладить въ сердцахъ память ми-
нувшаго общимъ примиреніемъ, забыть
вищу клевретовъ Самозванца, оставить
имъ чины и дать всѣ выгоды Россіянъ
безпорочныхъ. Бояре не согласились, от-
вѣтствуя: «возможно ли слугамъ обман-
щика равняться съ нами?» . . . и *сдѣлали*
не благоразумно, какъ мыслилъ Жолкѣв-
скій: ибо многіе изъ сихъ людей, оскорб-
ленные презрѣніемъ, снова ушли къ Само-
званцу въ Калугу. Но Гетманъ умѣлъ вы-
слать изъ Москвы двухъ человѣкъ, опа-
саясь ихъ знаменитости и тайного неудо-
вольствія: Князя Василія Голицына¹, одоб-
реннаго Духовенствомъ искателя Державы,
и Филарета, коего сыну желали вѣнца на-
родъ и лучшіе граждане (⁶¹⁴): оба, какъ
устроилъ Гетманъ, должны были, въ ка-
чествѣ Великихъ Пословъ,ѣхать къ Си-
гизмунду, чтобы вручить ему хартію Владиславова избранія, а Владиславу утварь
Царскую, — требовать ихъ согласія на
статьи договора, нерѣшенныя Гетманомъ,

и между тѣмъ служить Королю аманатами: отвѣтствовать своею головою за вѣрность Посольства къ Королю. Гостица были Окольничій Князь Мезецкій, Думный Дворянинъ Сукинъ, Дьяки Луговскій и Сыдавый-Васильевъ, Архимандритъ Новоспасскій Евфимій, Келарь Лавры Аврамій, Угрѣшскій Игуменъ Іона и Вознесенскій Протоіерей Кириллъ⁽⁶¹⁵⁾. Отпѣвъ молебенъ съ колѣни преклоненіемъ въ Соборѣ Успенскомъ, давъ Посламъ благословеніе на путь и грамоту къ юному Владиславу о величії и православії Россіи⁽⁶¹⁶⁾, Ермогенъ заклиналъ ихъ не измѣнять Церкви, не пленяться *мирскою лестію* — и ревностный Филаретъ съ жаромъ произнесъ обѣтъ умереть вѣрнымъ. Сіе важное, великолѣпное Посольство, сопровождаемое множествомъ людей чиновныхъ и пятью стами воинскихъ, выѣхало 11 Сентября изъ Москвы . . . а чрезъ десять дней Ляхи были уже въ стѣнахъ Кремлевскихъ!

Такимъ образомъ случилось первое нарушеніе договора, по коему надлежало Гетману отступить къ Можайску⁽⁶¹⁸⁾. Употребили лукавство. Опасаясь непостоянства Россіи, и желая скорѣе имѣть все въ рукахъ своихъ, Гетманъ склонилъ не только Михайла Салтыкова съ Тушинскими измѣнниками, но и Мстиславскаго, и дру-

гихъ Бояръ легкоумныхъ, хотя и честныхъ, требовать вступленія Ляховъ въ Москву для усмиренія мятежной черни, будто бы готовой призвать Лжедмитрія (⁶¹⁹). Не слушали ни Патріарха, ни Вельможъ благоразумнѣйшихъ, еще ревностныхъ къ государственной независимости. Впустили вступление иноzemцевъ ночью; вельми имъ свернуть знамена, итти безмолвно въ тишинѣ пустыхъ улицъ, (⁶²⁰) — и жители на разсвѣтѣ увидѣли себя какъ бы плѣнниками между воинами Королевскими; изумились, негодовали, однакожь успокоились, вѣря торжественному объявленію Думы, что Ляхи будутъ у нихъ не господствовать, а служить: хранить жизнь и достояніе Владиславовыхъ подданныхъ. Сіи мнимые хранители заняли всѣ укрѣпленія, башни, ворота въ Кремль, Китай и Бѣломъ го-родѣ; овладѣли пушками и снарядами, расположились въ налатахъ Царскихъ и въ лучшихъ домахъ цѣлыми дружинами для безопасности. По крайней мѣрѣ не дерзали своевольствовать, ни грабить, ни оскорблять жителей; избрали чиновниковъ, для доставленія запасовъ войску, и судей для разбора всякихъ жалобъ. Гетманъ властвовалъ, но только указами Думы; изъявляя снисходительность къ народу, честилъ Бояръ и Духовенство. Дворецъ Кремлевской, гдѣ шили и веселились сонмы иноzemен-

Вступление иноzemцевъ въ Москву.

ныхъ ратниковъ, уподоблялся шумной гостиницѣ ; Кремлевскій домъ Борисовъ, занятый Жолкѣвскимъ, представлялъ благолѣпіе истиннаго дворца, ежечасно наполняясь, какъ въ Феодорово время (⁶²¹), знатнѣйшими Россіянами, которые искали тамъ совѣта въ дѣлахъ отечества и милостей личныхъ : такъ Гетманъ именемъ Царя Владислава далъ первому Боярину, Князю Мстиславскому, не хотѣвшему быть Вѣнценосцемъ, санъ Конюшаго и Слуги (⁶²²). Утративъ честь, хвалились тишиною, даромъ умнаго Жолкѣвскаго ! Довольные тѣмъ, что онъ не виustилъ Сапѣги съ шайками разбойниковъ въ столицу, выдавъ ему изъ Царской казны 10,000 злотыхъ и склонивъ его итти на зиму въ Сѣверскую землю (⁶²³), Россіяне спокойно видѣли несчастнаго Василія въ рукахъ Ляховъ : вопреки намѣренію Бояръ удалить сего невольнаго Ипока въ Соловки, Гетманъ послалъ его съ Литовскими Приставами въ Іосифовскую Обитель, чтобы имѣть въ немъ залогъ на всякий случай. Россіяне снесли также избраніе Ляха Госѣвскаго въ Предводители осьмнадцати тысячъ Московскихъ Стрѣльцевъ, которые со временемъ Разстрѣли, едва не спасеннаго ими (⁶²⁴), уже чувствовали свою силу и могли быть опасны для инонлеменниковъ : Госѣвскій снискалъ ихъ любовь ласкою, щедростью и пирами. «Упорствовалъ въ зложелательствѣ къ намъ» — пишутъ Ляхи (⁶²⁵) — «только осьмидесятилѣтній «Патріархъ, боясь Государя иновѣрнаго ; но и

«его, уже хладное, загрубѣлое сердце смягчалось привѣтливостію и любезнымъ обхождѣніемъ Гетмана, въ частыхъ съ нимъ бесѣдахъ «всегда хвалившаго Греческую Вѣру, такъ, что «и Патріархъ казался наконецъ искреннимъ ему «другомъ.» Ермогенъ былъ другомъ единственно отечества, и въ глубокой старости еще пыталъ духомъ, какъ увидимъ скоро!

Утвердивъ спокойствіе въ Москвѣ, и занявъ отрядами всѣ города Смоленской дороги для безопаснаго сношенія съ Королемъ, Гетманъ ждалъ нетерпѣливо вѣстей изъ его стана; ждалъ согласія души слабой на дѣло смѣлос, великое— и рѣшительно увѣрялъ Бояръ въ немедленномъ прибытіи къ нимъ Владислава . . . . Но судьба, благословенная для Россіи, влекла ее къ другому назначенню, готовя ей новыя искушенія и новыя имена для безсмертія!

Какъ несчастный Царь Василій съ своими братьями завидовалъ Князю Михаилу Шуйскому, такъ Сигизмундъ съ своими Панами завидовалъ Гетману, хотя слава обоихъ великихъ мужей была славою ихъ отечества и Государя: ослѣпленіе страстей, удивительное для разума, и тѣмъ не менѣе обыкновенное въ дѣйствіяхъ человѣческихъ! Недоброжелатели Гетмановы, Потоцкіе и друзья ихъ, говорили Королю: «Не «успѣхи случайные, но правила твердыя, вну- «шаемыя зреюю мудростю, должны быть намъ «руководствомъ въ дѣлѣ столь важномъ. Извле- «кая мечь, ты, Государь, объявилъ, что ду-

«маешь единственно о благѣ Республики: тесперь, имъя случай распространить ея владынія, можешь ли упустить его только для чести видѣть сына на престолѣ Московскому? Отдашь ли пятнадцати-лѣтняго юношу, безъ совѣтниковъ и блюстителей, въ руки людей упоенныхъ духомъ мятежа и крамолы? Что отвѣтствуетъ аза ихъ вѣрность въ безопасность сего престола, обляпнаго кровю? Не скажеть ли народъ твой, сревнитель свободы, что ты пленяешься властю «Самодержавною? Если же Царство Россійское столь завидно, то, взявъ Смоленскъ, или въ Москву, и собственною рукою, какъ побѣдитель, возьми ея державу»⁽⁶²⁶⁾! Хотя разсудительные Вельможи, Левъ Сапѣга и другіе, умоляли Короля немедленно принять договоръ Гетмановъ, немедленно отпустить Владислава въ Москву, дать ему Жолкѣвскаго въ наставники и легионъ Поляковъ въ блюстители, обогатить казну Республики казною Царскою, удовлетворить ею всѣмъ требованіямъ войска, — наконецъ утвердить вѣчный союзъ Литвы съ Россіею; но Король следовалъ мнѣнію первыхъ совѣтниковъ: хотѣлъ самъ быть Царемъ или завоевателемъ Россіи — и въ семъ расположенніи ждалъ Пословъ Московскихъ, Филарета и Голицына, коихъ личное избрание — то есть, удаленіе — должно было содѣйствовать видамъ хитраго Гетмана⁽⁶²⁷⁾, но обратилось единственно во славу ихъ великолѣпной твердости, безъ пользы для Литвы, безъ пользы и для Россіи,

кромъ чести имѣть такихъ мужей государственныхъ!

Менѣе другихъ вѣря Гетману, или Сигизмунду, они еще съ дороги извѣстили Думу, что вопреки условіямъ Ляхи грабятъ въ Уѣздахъ Осташкова, Ржева и Зубцова; что Сигизмундъ велитъ Дворянамъ Россійскимъ присягать ему и Владиславу вмѣстѣ⁽⁶²⁸⁾, обѣщаю имъ за то жалованье и земли. 7 Октября Послы увидѣли Смоленскъ и станъ Королевскій, куда ихъ не виustвили: указали имъ мѣсто на пустомъ берегу Днѣпра, гдѣ они расположились въ шатрахъ, терпѣть несчастье, холодъ и голодъ . . . Тѣ, которые предлагали Царство Владиславу, требовали пищи отъ Сигизмунда, жалуясь на бѣдность, слѣдствіе долговременныхъ опустошеній и мятежей въ Россіи; а Вельможи Литовскіе отвѣчали: «Король здѣсь на войнѣ, и самъ терпитъ «нужду»⁽⁶²⁹⁾! Представленные Сигизмунду (12 Октября), Голицынъ, Мезецкій и Дьяки, — одинъ за другимъ, какъ обыкновенно — торжественными рѣчами изъяснили дѣйствія пословъ Московскихъ.

Вмѣсто Короля, гордо отвѣтствовалъ Канцлеръ Санѣга: «Всевѣчный Богъ богозовъ назначилъ степени для Монарховъ и поданныхъ. Кто дерзаеть возноситься выше

«своего званія, того Онъ казнить и низвергаетъ: казнилъ Годунова и низвергнулъ Шуйского, Вѣнценосцевъ рожденыхъ слугами!... «Вы узнаете волю Королевскую.» И чрезъ нѣсколько дней объявили имъ сюю волю!

Какъ ни важны были статьи договора, устроенные Жолкѣвскимъ; хотя Патріархъ и Бояре въ наказѣ, данномъ Посламъ, велѣли имъ неотступно «требовать и молить слезно, чтобы Королевичъ» — находившійся тогда въ Литвѣ — «принялъ Греческую Вѣру отъ Филарета и Смоленскаго Епископа, ѿхалъ въ Москву уже православный, и тѣмъ отвратилъ соблазнъ, петерпимый и въ Польшѣ, гдѣ Государи должны быть всегда одной Вѣры съ народомъ»⁽⁶³⁰⁾: но царствованіе Владислава зависѣло единственно отъ согласія Королевскаго па статьи утвержденныя Гетманомъ: ибо Россіяне цѣловали крестъ первому безъ всякой оговорки, довольствуясь надеждою склонить его къ своему Закону уже въ Царскомъ санѣ. Главнымъ дѣломъ для Пословъ было возвратиться въ Москву съ Владиславомъ, дать отца сиротамъ⁽⁶³¹⁾, жизнь, душу составу государственному, полумертвому безъ Государя... И что же? Вельможи Королевскіе объявили имъ въ самомъ началѣ переговоровъ, что Владиславъ малолѣтний не можетъ устроить Царства смятенаго; что Сигизмундъ долженъ прежде утишить оное и занять Смоленскъ, будто бы преклонный къ Лжедимитрю⁽⁶³²⁾. Послы отвѣчали: «Королевичъ молодъ, но Богъ устроитъ

«Державу разумомъ его и счастіемъ, нашимъ «радѣніемъ и вашими совѣтами, Вельможи Дум-«ные. Смоленскъ не имѣеть нужды въ воинахъ «иноzemныхъ: оказавъ столько вѣрности во вре-«мена самыя бѣдственныя, столько доблести въ «защитѣ противъ васъ, измѣнить ли чести ны-«нѣ, чтобы служить бродягѣ? Ручаемся вамъ «душами за Боярина Шеина и гражданъ: они «искренно, вѣстѣ съ Россіею, присягнутъ Влади-«славу»⁽⁶³³⁾. Для чего же и не Сигизмунду? возразили Паны: Государи суть земные Боги, и воля ихъ священна. Вы оскорбляете Короля своимъ недовѣріемъ, дерзая раздѣлять отца съ сыномъ: Смоленскъ долженъ присягнуть имъ обоимъ. Филаретъ и Голицынъ изумились. «Мы «избрали Владислава, а не Сигизмунда,» сказали они: «и вы, избравъ Шведскаго Принца въ Ко-«роли, не пѣловали креста родителю его, Іоан-«ну.» Сравненіе нелѣпое! воскликнули Паны: Іоаннъ не спасалъ нашей Республики, какъ Си-«гизмундъ спасаетъ Россію: ибо, взявъ Смоленскъ, древнюю собственность Литвы, пойдетъ съ вой-«скомъ къ Калугѣ, чтобы истребить Лжедими-«трия и тѣмъ успокоить Москву, гдѣ еще не всѣ «жители усердствуютъ Королевичу, — гдѣ много людей злымысленныхъ и малодѣйныхъ. «Нѣтъ на-«добности Сигизмунду» — говорили Послы — «и для великаго Монарха унизительно итти са-«мому противъ злодѣя Калужскаго: пусть ве-«литъ только Жолкѣвскому соединиться съ Рос-«сіянами, чтобы общими силами истребить его,

«какъ уставлено въ договорѣ! Походъ Королев-
скій внутрь Государства разоренаго еще умно-
жилъ бы зло. Ты, Левъ Сапъга, бывалъ въ
«Россіи; зналъ ся богатство, многолюдство,
«цвѣтущіе города и селенія: нынѣ осталась
«единственно тѣнь ихъ, пепелища, обгорѣлые
«стѣны; жители изгублены, отведены плѣнниками
«въ Литву, разбѣжались въ иные земли . . . . А
«кто виной? ваши грабители еще болѣе, нежели
«Самозванцы: да удалятся же на вѣки, и Россія
«будетъ, что была, — по крайней мѣрѣ въ тече-
«ніе времени. Гнусный Лжедимитрій и безъ ва-
«шего содѣйствія исчезнетъ. Упорнѣйшіе изъ
«клевретовъ Тушинскихъ и цѣлье города, оболь-
«щенные именемъ Димитрія, возвратились подъ
«сѣнь отечества, какъ скоро услышали о новомъ
«Царѣ законномъ. Вы говорите о Московскихъ
«мятежникахъ: ихъ не знаемъ, видѣвъ соб-
«ственными глазами, что всѣ, отъ мала до велика,
«и тамъ и въ другихъ городахъ цѣловали
«крестъ Владиславу съ живѣйшею радостію.
«Нѣть, Синклитъ и народъ немедленно казнили
«бы первого, кто дерзнулъ бы измѣнить святому
«обѣту вѣрности. Однимъ словомъ, исполните
«только договоръ, утвержденный клятвою Гет-
«мана отъ имени Короля и Республики. Дѣло
«было кончено, къ обоюдному удовольствію:
«не вымышилайте новаго, чтобы нашедши не по-
«терять и не каяться (634). Въ случаѣ вѣролом-
«ства, какія откроются бѣствія! Вы знаете, что
«Государство Московское обширно: еще не все

«разрушено, не все пало; есть Новгородъ Великій, многолюдная земля Поморская и Низовья⁽⁶³⁵⁾; есть Царство Казанское, Астраханское и Сибирское! Не снесуть обмана, и возстанутъ . . . Господь да спасетъ и васъ и насть «отъ слѣдствій ужасныхъ!»

Послы велѣли Дьяку читать Гетмановы условия: Паны не хотѣли слушать⁽⁶³⁶⁾; но вдругъ какъ бы одумались, и ссылаясь на сей договоръ⁽⁶³⁷⁾, требовали миллионъ въ уплату жалованья Королевскому и даже Сапѣгину войску . . . «За то ли, спросилъ Голицынъ, что «Сапѣга, клевреть низкаго злодѣя, обнажилъ «наши церкви, иконы, гробы Святыхъ, и пиль «кровь Христіанъ? Да и войско Королевское что «сдѣлало и дѣлаетъ въ Россіи? губить людей и «достояніе; какое право на мзду и благодарность? Но когда успоконится Держава, тогда «Царь Владиславъ, Патріархъ, Бояре и Чины «Государственные условия съ Сигизмундомъ о «вознагражденіи вашихъ убытковъ. Договоръ «помнимъ; хотѣли напомнить его вамъ, и спрашиваемъ: даетъ ли Король сына на престолъ «Московскій? . . . Жалуетъ, сказали наконецъ Паны (Октября 23). Тутъ Филаретъ, Голицынъ, Мезецкій, встали и поклонились до земли, изъявляя радость, славя мудрость Сигизмундову и счастливое царствованіе Владислава; а Левъ Сапѣга, въ отвѣтъ на статьи, нерѣшенныя Гетманомъ, объявилъ Королевскимъ именемъ: 1) что въ крещеніи и женильбѣ Владислава воленъ Богъ

и Владиславъ⁽⁶³⁸⁾; 2) что онъ не будетъ сно-
ситься о Вѣрѣ съ Папою; 3) что смертная казнь
для отметниковъ Греческаго исповѣданія въ
Россіи⁽⁶³⁹⁾ утверждается; 4) что о числѣ Ля-
ховъ, коимъ быть при особѣ Царя, Послы мо-
гутъ условиться съ нимъ самимъ; 5) что всѣ
иные желанія и требованія Россіянъ предло-
жатся Сейму въ Варшавѣ, гдѣ, *съ его согласія*,
Король дастъ имъ сына въ Цари, но прежде за-
нявъ Смоленскъ, истребивъ Лжедимитрія и совер-
шенно умиривъ Россію . . . Тутъ исчезла радость
Пословъ! Паны изъясняли имъ, что если бы
Сигизмундъ, не сдѣлавъ ничего, выступилъ изъ
Россіи, то вольные Ляхи и Козаки, числомъ не
менѣе осьмидесяти тысячъ въ ся предѣлахъ⁽⁶⁴⁰⁾,
соединились бы съ Лжедимитріемъ; что Король
хотеть Смоленска не для себя, а для Владисла-
ва: ибо оставить ему все въ наслѣдство, и
Литву и Польшу; что Смоленскіе граждане дол-
жны присягнуть Королю единственно изъ чести!
Но Филаретъ и Голицынъ, видя намѣреніе
Сигизмунда только манить Россію Владисла-
вомъ и взять ее себѣ въ добычу, или раздро-
бить, выразили негодованіе столь сильно, что
гнѣвные Паны уже не хотѣли говорить съ
ними, воскликнувъ: «конецъ терпѣнію и Смо-
«ленску! На вѣсъ будетъ его пепель и кровь
«жителей!»

О семъ худомъ успѣхѣ Посольства свѣдали
въ Москвѣ съ равною горестю и Бояре бла-
гонамѣренные и Гетманъ честолюбивый, кото-

рый, все еще увѣряя ихъ въ непремѣнномъ исполненіи своего договора, рѣшился употребить крайнее средство: оставить Москву, только имъ утишаемую, и лично объяснился съ Королемъ. Сами Россіяне удерживали, заклинали его не предавать столицы опасностямъ безнечалія и мяте-
жей. Пожавъ руку у Князя Мстиславскаго, онъ сказалъ ему: «Іду довершить мое дѣло «и спокойствіе Россіи;» а Ляхамъ: «я даль «слово Боярамъ, что вы будете вести себя «примѣрно для вашей собственной безо- «пасности; поручаю вамъ Царство Влади- «слава, честь и славу Республики.» Преем- никомъ его, то есть, истиннымъ градона-
чальникомъ Москвы, надлежало быть Ляху Госѣвскому, съ усердною помощью Ми- хайла Салтыкова и Дьяка Федора Андро- нова, названаго Государственнымъ Казна- чеемъ⁽⁶⁴¹⁾. Устроивъ все для храненія ти- шины, Жолкѣвскій сѣлъ въ колесницу и отъ-
тихоѣхалъ Москвою, провождаемый Син-
клитомъ и толпами жителей. Улицы и кровли домовъ были наполнены людьми. Вездѣ раздавались громкіе клики: желали ему счастливаго пути и скораго возвра- щенія! Сие торжество Гетманово озна-
меновалось дѣломъ безславнѣйшимъ для Боярской Думы: она выдала бывшаго Царя своего иноплеменику! Жолкѣвскій взялъ съ собою двухъ братьевъ Василіе-

шуй-
скій
и
жо-
лкѣвска-
го.
пред-
ставъ
Поля-
камъ.

выхъ — и народъ Московскій любопытно смотрѣлъ, какъ ихъ везли въ особенныхъ колесницахъ предъ Гетманомъ! Женѣ Князя Дмитрія Шуйскаго дозволили ѿхать съ мужемъ⁽⁶⁴²⁾; а несчастную Царицу удалили въ Суздальскую Дѣвичью Обитель. Гетманъ забахалъ въ Іосифовъ монастырь, взялъ тамъ самаго Василія и въ мірской, Литовской одеждѣ, какъ узника, повезъ къ Сигизмунду! «О время стыда и без-«чувствія!» восклицаетъ современникъ: «Мы «забыли Бога! Какой отвѣтъ дадимъ Ему и лю-«дямъ? Что скажемъ чужимъ Государствамъ «себѣ въ оправданіе, самовольно отдавъ Цар-«ство и Царя въ плѣнъ иновѣрнымъ? Не мно-«гіе злодѣйствовали; но мы видѣли и терпѣли, «не имѣвъ великодушія умереть за добролѣ-«тель»⁽⁶⁴³⁾. Такъ лучшіе Россіяне скорбѣли внутренно, и въ искреннемъ неголованіи готовились, еще не зная и не думая, къ возстанію отчаянному: часъ приближался!

Гетмана встрѣтили пышно, Воеводы Королевскіе и Сенаторы; говорили ему рѣчи и славили его какъ Героя. Жолкѣвскій, вмѣстѣ съ трофеями, представилъ Сигизмунду и своего Державнаго пльника, въ богатой одеждѣ⁽⁶⁴⁴⁾. Всѣ взоры устремились на Василія, безмолвнаго и неподвижнаго. Хотѣли, чтобы онъ поклонился Королю: Царь Московскій, отвѣтствовалъ Василій, не кланяется Королямъ. Судьбами Всеевшия я пльнникъ, но взятъ не вашими руками: выданъ вамъ моими подданными

измѣнниками (643). «Его твердость , величие, «разумъ заслужили удивленіе Ляховъ,» говоритьъ Лѣтописецъ : «и Василій, лишенный вѣнца, сдѣлался честію Россіи.» Онъ еще имѣлъ пужду въ сей твердости, чтобы великодушно сносить неволю , и тѣмъ заплатить послѣдній долгъ отечеству, въ удостовѣреніе , что оно могло безъ стыда именовать его четыре года своимъ Вѣнцепосцемъ! . . . Изъявивъ Гетману благодарность за мнимую славу имѣть такого пленника и за мнимое *взятіе* Москвы, Король не хотѣлъ однakoжъ утвердить его договора. Напрасно Жолкѣвскій доказывалъ , грозилъ : доказывалъ , что воцареніемъ Королевича Московская и Польская Держава будутъ навѣки единою къ ихъ об юодному счастію , и что никогда первая не признаетъ Сигизмунда Царемъ; грозилъ новою , жестокою , необозримою въ бѣдствіяхъ войною. Считая Гетмана пристрастнымъ къ своему дѣлу и жаднымъ къ личной славѣ , Сигизмундъ не вѣрилъ ему; твердилъ , что занятіе Смоленска необходимо для блага Республики и для его Королевской чести ; наконецъ велѣлъ самому Жолкѣвскому склонять Пословъ Московскихъ къ уступчивости миролюбивой.

Съ отчаяніемъ въ сердцѣ Гетманъ долженъ былъ исполнить Королевскую волю ; но, властвуя надъ собою , въ переговорахъ съ Филаретомъ и Голицынымъ казался убѣженнымъ въ ся справедливости , и требовалъ отъ нихъ Смо-

ленска единственно въ залогъ временный, для безопаснаго сообщенія войска Сигизмундова съ Литвою. «Вы боялись» — сказалъ онъ — «впустить насъ и въ Москву; а впустивъ, радовались! «Не упорствуйте, или договоръ, заключенный «мною съ вами, столь благонамѣренный, столь «благословенный для обѣихъ Державъ, уничтожится неминуемо. Король думаетъ, что не взять «Смоленска есть для него бесчестіе; возметъ си «лою, и только изъ уваженія къ моему ходатайству медлить: сѣкира лежить у корня!» Не хотѣли дать времени Посламъ описаться съ Москвою, говоря: «не Москва указываетъ Королю, «а Король Москву» (⁶⁴⁶); требовали неукоснительнаго рѣшенія. Въ сихъ обстоятельствахъ Филаретъ и Князь Голицынъ совѣтовались съ чиновниками и Дворянами Посольскими; желали знать мнѣніе и Смоленскихъ Дѣтей Боярскихъ, которые прїѣхали съ ними, усердно служивъ Шуйскому до его низверженія. Всѣ отвѣтствовали: «Не «вводить въ Смоленскъ ни единаго Ляха. Если «Король дерзнетъ лить кровь, то она будетъ на «немъ, вѣроломномъ; имъ, не вами священной «договоръ рушится.» Дѣти Боярскіе примолвили: «Наши матери и жены въ Смоленскѣ: пусть тамъ «гибнутъ; но города вѣрнаго не отдавайте Ляхамъ. И знайте, что вы не можете отдать его: «защитники Смоленскіе не послушаются васъ, «какъ измѣнниковъ» (⁶⁴⁷). Съ твердостію отказавъ Панамъ, Филаретъ и Голицынъ еще слезно заклинали ихъ не испровергать дѣла Гетманова

и быть навѣки братьями Россіянъ; но тщетно! 21 Ноября Ляхи, новымъ подкопомъ взорвавъ Грановитую башню и часть городской стѣны, съ Нѣмцами и Козаками устремились къ Смоленской крѣпости; приступали три раза и были славно отражены Шеиннымъ, въ глазахъ Сигизмунда, Гетмана и нашихъ Пословъ! . . . Еще переговоры длились, хотя и безполезно. Послы Россійскіе жили въ тѣсномъ заключеніи: имъ не позволяли писать въ Смоленскъ; мѣшали сношеніямъ ихъ съ Москвою и съ другими городами, такъ, что они долгое время не имѣли никакихъ вѣстей, никакихъ предписаній отъ Думы Боярской (⁶¹⁸), слыша единственно отъ Пановъ, что Шведы воюютъ Россію, и Самозванецъ усиливается въ Калугѣ, ожидая къ себѣ Крымцевъ и Турковъ въ сподвижники; что Король Датскій готовится взять Архангельскъ; что всѣ возстаютъ, всѣ идутъ на Россію; что она гибнетъ, и можетъ быть спасена только великодушнымъ Сигизмундомъ.

Россія дѣйствительно гибла, и могла быть спасена только Богомъ и собственною добродѣтелю! Столица, безъ осады, безъ приступа взятая иноплеменниками, казалась печувствительною къ своему уничиженію и стыду. Бояре сидѣли въ Думѣ и писали указы, но слушаясь Госѣвскаго, который, уже зная Сигизмундову волю

нѣ
удач-
ные
при-
ступы
къ Смо-
ленску.

отвергнуть договоръ Гетмановъ , и предвидя
следствія , употреблялъ всѣ нужныя мѣры для
своей безопасности : высыпалъ Стрѣльцовъ
изъ Москвы , чтобы уменьшить въ ней число
людей ратныхъ ; велѣлъ истребить всѣ рогатки
на улицахъ ⁽⁶⁴⁹⁾ ; запретилъ жителямъ носить
оружіе , толпиться на площадяхъ , выходить
ночью изъ домовъ , и вездѣ усилилъ стражу ⁽⁶⁵⁰⁾ .
Выгнали Дворянъ и богатѣйшихъ купцовъ изъ
Китая и Бѣлага города за валъ Деревяннаго ,
чтобы въ ихъ домахъ помѣстить Нѣмцевъ и
Ляховъ . Однакожь благоразумныя предписанія
Гетмановы исполнялись строго : не касались
ни чести , ни собственности жителей , ни свя-
тыни церквей ; наглость унимали и наказывали
безъ милосердія . Одинъ Ляхъ выстрѣлилъ въ
икону Богоматери , другой обезчестилъ дѣвицу :
ихъ судили , и первого сожгли , а втораго вы-
сѣкли кнутомъ ⁽⁶⁵¹⁾ . Еще тишина царствовала ,
и Москвитяне ниронали съ Ляхами , скрывая
взаимное опасеніе и непріязнь , называясь
братьями и пося камень за пазухою , какъ го-
ворить Историкъ-очевидецъ ⁽⁶⁵²⁾ . Ляхи не вѣ-
рили терпѣнію Россіянъ , а Россіяне доброму
намѣренію Ляховъ , видя ихъ беззаконное го-
сподство въ столицѣ , угодное только немно-
гимъ знатнымъ крамольникамъ : Салтыкову ,
Рубцу-Мосальскому и другимъ Тушинскимъ зло-
дѣямъ , которые хотя и предлагали иночленен-
нику условія благовидныя для нашей свободы ,
но вместо Владислава готовы были отдать

Россію и Сигизмунду безъ всякихъ условий, чтобы подъ его державою спастися отъ праведной казни. Сильные мечемъ Ляховъ, они законодательствовали въ робкой Думѣ, утверждая Князя Мстиславскаго и другихъ Бояръ слабыхъ въ надеждѣ, что Сигизмундъ ласть имъ сына въ Цари, не взирая на свою медленность и требованія несправедливыя. Прошло около двухъ мѣсяцевъ. Дума знала, что наши Послы живутъ у Короля въ неволѣ; знала о приступѣ Ляховъ къ Смоленску, и все еще ждала Владислава (⁶⁵³)! Долго молчавъ, Король написалъ къ ней, что онъ не предастъ Россіи въ жертву злодѣю Калужскому и гнуснымъ его сообщникамъ (⁶⁵⁴): долженъ искоренить ихъ, смирить мятежный Смоленскъ — и тогда возвратится въ Литву, чтобы на Сеймѣ, въ присутствіи нашихъ Пословъ, утвердить договоръ Московскій. Между тѣмъ Король отъ собственнаго имени давалъ указы Думѣ о вознагражденіи Бояръ и сановниковъ, къ нему усердныхъ: Салтыковыхъ, Мосальскаго, Хворостинина, Мещерскаго, Долгорукаго, Молчанова, Печатника Грамотина и другихъ, разоренныхъ Шуйскимъ (⁶⁵⁵); жаловалъ чины и мѣста, земли и деньги; однимъ словомъ, уже действовалъ какъ Властелинъ Россіи, не имѣя ни тѣни права, — и Дума уважала его волю, какъ

Само-
властіе
Сигиз-
муда.

будто бы нераздѣльную съ волею Царя малолѣтнаго (⁶⁵⁶)! И люди знатные ѿздили изъ Москвы въ станъ Королевской, просять милостей, равно беззаконныхъ и срамныхъ (⁶⁵⁷)! . . . Уже народъ, менѣе Думы терпѣливый, изъявлялъ досаду, не видя Владислава, и Бояре, опасаясь мятежа, заклинали Сигизмунда удовлетворить сему петерпѣнію безъ отлагательства и безъ Сейма: о Владиславѣ не было слуха, а Король заботился единственно о взятіи Смоленска!

Въ такомъ положеніи могла ли столица съ ея мнимымъ Правительствомъ быть главою и душою Государства? Все волновалось въ неустройствѣ, безъ связи въ частяхъ цѣлаго, безъ единства въ движеніяхъ. Областные жители, присягнувъ Королевичу, съ неудовольствиемъ слышали о гospодствѣ Ляховъ въ столицѣ, съ негодованіемъ видѣли ихъ чиновниковъ, разосланныхъ Гетманомъ и Госѣвскимъ для собранія дани на жалованье Королевскому войску (⁶⁵⁸). Вездѣ кричали: «Мы присягнули Владиславу, а не Гетману и не Госѣвскому!» Жалобы еще удвоились отъ неистовства Ляховъ, которые вели себя благоразумно въ одной Москвѣ: презирая договоръ, они не только не выходили изъ нашихъ городовъ, не только самовольствовали въ нихъ и грабили, но и жгли, му-

Петер-
пѣніе
народа.

чили, убивали Россіянъ (⁶⁵⁹). Гдѣ нѣтъ за-
щиты отъ Правительства, тамъ нѣтъ къ
нему и повиновенія. Новогородцы затво-
рили ворота, и долго не хотѣли впустить
Боярина Ивана Салтыкова, извѣстнаго дру-
га Гетманова, присланнаго къ нимъ Думою
съ дружинами Стрѣльцевъ, чтобы выгнать
Шведовъ изъ сѣверной Россіи: ибо союз-
никъ Делагарди, послѣ несчастной Клу-
шинской битвы отступая къ Финляндскимъ
границамъ, уже дѣйствовалъ какъ непрія-
тель; занялъ Ладогу, осадилъ Кексгольмъ,
и съ горстю воиновъ мыслилъ отнять Цар-
ство у Владислава, самъ собою, безъ вѣ-
дома Карлова, торжественно предлагая од-
ного изъ Шведскихъ Принцевъ намъ въ
Государи (⁶⁶⁰). Давъ клятву Новогород-
цамъ не вводить къ нимъ ни одного Ляха,
Салтыковъ убѣдилъ ихъ, какъ подданныхъ
Владиславовыхъ, содѣйствовать ему въ из-
гнаніи Шведовъ и въ усмиреніи мятежни-
ковъ: вытѣснилъ первыхъ изъ Ладоги, но
не могъ выгнать изъ Россіи, — ни смирить
Пскова, гдѣ еще царствовало имя Лжеди-
митрія, и гдѣ злодѣйствовалъ Лисов-
скій (⁶⁶¹), торгуя добычею разбоевъ и
святотатства, пируя съ жителями какъ съ
братьями и грабя ихъ какъ непріятель (⁶⁶²).
Великія Луки, занятая его сподвижни-
комъ, измѣнникомъ Просовецкимъ, Яма,
Иваньгородъ, Копорье, Орѣшекъ также

Непрія-
тель-
скія
дѣй-
ствія
Дела-
гарди.

Злодѣй-
ства Ли-
совска-
го.

упорствовали въ вѣрности къ Самозванцу, отъ ненависти къ Ляхамъ. Сія ненависть произвела тогда еще новую, разительную измѣну. Знаменитая именемъ Царства, Казань, въ счастливѣйшіе дни Тушинскаго злодѣя бывъ вѣрною Москвѣ⁽⁶⁶³⁾, вдругъ пристала къ нему, уже почти всѣми отверженному и презрѣнному! Ея чернь и граждаждане, свѣдавъ о вступленіи Гетмана въ столицу, возмутились; объявили, что лучше хотятъ служить Калужскому Царику, нежели зловѣрной Литвѣ, и цѣловали крестъ Лжедимитрю, слѣдяя внушенію лазутчиковъ и слугъ его, которые были имъ тогда посланы въ Астрахань и находились въ Казани⁽⁶⁶⁴⁾. Воевода, славный любимецъ Иоанновъ, Бѣльскій, уговаривалъ народъ не присягать ни Владиславу, ни Лжедимитрю, а будущему Вѣнценосцу Московскому, безъ имени; стыдилъ, заклиналъ — и былъ жертвою яростной черни, полстрекаемой Дьякомъ Шульгинымъ: Бѣльского схватили, кинули съ высокой башни и растерзали — того, кто служилъ шести Царямъ, не служа ни отечству, ни добродѣтели; лукавствовалъ, измѣнялъ.... и погибъ въ лучшій часъ своей государственной жизни, какъ страдалецъ за достопрінство народа Россійскаго⁽⁶⁶⁵⁾! Другой Воевода Казанскій, Бояринъ Морозовъ, и люди чиновные не дерзнули противиться

Измѣна
Казани.

ослѣпленнымиъ гражданамъ, и вмѣстѣ съ ними писали къ жителямъ сѣверныхъ областей, что Москва сдѣлалась Литвою, а Калуга столицею отечества; что имя Димитрія должно соединить всѣхъ истинныхъ Россіянъ для возстановленія Государства и Церкви (⁶⁶⁶). Но Казанцы присягнули уже тѣни!

Никѣмъ не тревожимый въ Калугѣ и до времени нужный Сигизмунду какъ пугалище для Москвы, Самозванецъ, имѣя тысячу пять Козаковъ, Татарь и Россіянъ, еще грозилъ и Москвѣ и Сигизмунду, мучилъ Ляховъ, захватываемыхъ его шайками въ разыѣздахъ (⁶⁶⁷), и говорилъ: «Христіане мнѣ измѣнили: и такъ «обращусь къ Магометанамъ; съ ними завоюю «Россію, или не оставлю въ ней камня на камнѣ: доколѣ я живъ, ей не знать покоя.» Онъ думалъ, какъ пишутъ, удалиться въ Астрахань, призвать къ себѣ всѣхъ Донцевъ и Ногаевъ, основать тамъ новую Державу и заключить братскій союзъ съ Турками! Между тѣмъ веселился, безумствовалъ, и хвалялся дружбою Магометанъ, то ласкалъ, то казнилъ ихъ, на свою гибель. Судьба его рѣшилась незапоно. Ханъ или Царь Касимовскій, Уразъ-Магметъ, во время Лжедимитріева бѣгства изъ Тушина не присталъ ни къ Ляхамъ, ни къ Россіянамъ, и съ новымъ усердіемъ явился къ нему въ Калугѣ; но сынъ Ханскій донесъ, что отецъ его мыслить тайно уѣхать въ Москву, — и Лжедимитрій, безъ всякаго изслѣдованія, вслѣдъ палачамъ своимъ,

Михайлу Бутурлину и Михневу, умертвить несчастного Уразъ-Магмета (⁶⁶⁸) и кинуть въ Оку; а Князя Ногайского, Петра Араслана Урусова, хотѣвшаго мстить сыну-клеветнику, посадилъ въ темницу. Чрезъ нѣсколько дней освобожденный и снова ласкаемый Самозванцемъ, Арасланъ уже нылъ злобою непримиримою, и выѣхавъ съ нимъ на охоту (Декабря 11), въ мѣстѣ уединенномъ прострѣлилъ его нас kvозь пулевою, сказавъ: «я научу тебя топить Хановъ и сажать Мурзъ въ темницу,» отсѣкъ ему голову, и съ Ногаями ушелъ въ Тавриду, прославивъ себя злодѣйскимъ истребленіемъ злодѣя, который едва не овладѣлъ обширнѣйшимъ Царствомъ въ мірѣ, къ стыду Россіи не имѣвъ ничего, кроме подлой души и безумной дерзости.

Съ вѣстію о семъ убийствѣ прискакалъ въ Калугу шутъ Лжедимитріевъ, Кошелевъ, бывъ свидѣтелемъ онаго. Сдѣлалось страшное смятеніе. Удалили въ набатъ. Марина отчаянная, полунасогая, ночью съ зажженнымъ факеломъ бѣгала изъ улицы въ улицу, требуя мести (⁶⁶⁹) — и къ утру не осталось ни единаго Татарина живаго въ Калугѣ: ихъ всѣхъ, хотя и невинныхъ въ Араслановомъ дѣлѣ, безжалостно умертвили Козаки и граждане. Обезглавленный трупъ Лжедимитріевъ съ честію предали землю въ Соборной церкви (⁶⁷⁰), и Марина,

въ отчаяніи не теряя ни ума, ни властолюбіа, немедленно объявила себя беременою; немедленно и родила . . . сына, торжественно крещенаго и названаго Царе-^{новый обманъ} вичемъ Иоанномъ, къ живѣйшему удовольствію народа. Готовился новый обманъ; по Россіи чиновные, которые еще находились между послѣдними клеветами Самозванца: Князь Дмитрій Трубецкій, Черкасскій⁽⁶⁷¹⁾, Бутурлинъ, Микулинъ и другие, уже не хотѣли служить ни срамной вдовѣ двухъ обманщиковъ, ни ея сыну, дѣйствительному или мнимому; цѣловали крестъ Государю законному, тому, кто воюю Божію и всенародною утвердится на Московскому престолѣ⁽⁶⁷²⁾; дали знать о семъ Думѣ Боярской; овладѣли Калугою и взяли Марину подъ стражу⁽⁶⁷³⁾.

Россія, казалось, ждала только сего происшествія, чтобы единодушнымъ движениемъ явить себя еще не мертвою для чувствъ благородныхъ: любви къ отечеству и къ независимости государственной. Что можетъ народъ, въ крайности уничиженія, безъ вождей смѣлыхъ и рѣшительныхъ? Два мужа, избранные Прорѣчиемъ начальниками возстанія патріарха народнаго. начальниками возстанія патріарха народнаго.

печатать великое дѣло . . . и быть жертвою онаго, бодрствовали за Россію: одинъ старецъ ветхій, но адамантъ Церкви и Государства — Патріархъ Ермогенъ; другой, крѣпкій мышцею и духомъ, стремитель-

ный на пути закона и беззаконія — Ляпуновъ Рязанскій. Первому надлежало увѣнчать свою лобродѣтель : второму примириться съ добродѣтелю. Ляпуновъ враждовалъ, Ермогенъ усердствовалъ несчастному Шуйскому : новыя бѣдствія отечества согласили ихъ. Оба, уступивъ силѣ, признали Владислава, но съ условіемъ — и не безмолвствовали, когда, нарушая договоръ, Гетманъ овладѣлъ столицею. Сигизмундъ давалъ указы отъ своего имени и громилъ Смоленскъ, а Ляхи злодѣйствовали въ мнимомъ Владиславовомъ Царствѣ⁽⁶⁷⁴⁾. Ляпуновъ зналъ все, что дѣжалось въ Королевскомъ станѣ, гдѣ находился его братъ, въ числѣ Дворянъ, съ Филаретомъ и Голицынымъ. Сей человѣкъ дерзкий и лукавый — извѣстный Захарія, одинъ изъ главныхъ виновниковъ Василіева низверженія, въ личинѣ измѣника пировалъ съ Вельможными Панами, грубо смѣялся надъ Послами, винилъ ихъ въ упрямствѣ⁽⁶⁷⁵⁾, но обманывалъ Ляховъ : наблюдалъ, вывѣдывалъ, и тайно спосилясь съ братомъ, какъ ревностный противникъ Владиславова царствованія⁽⁶⁷⁶⁾. Такъ и нѣкоторые изъ Пословъ, свѣтскіе и духовные, лицемѣрно изъявляли доброжелательство къ Сигизмунду и были милостиво уволены имъ въ Москву, обѣщая содѣйствовать въ ней его видамъ : Думный Дворянинъ Сукинъ, Дьякъ Васильевъ, Архимандритъ Евфимій и Келарь Аврамій⁽⁶⁷⁷⁾; но возвратились единственно для того, чтобы огласить въ столицѣ и въ Россіи вѣроломство Гетма-

ново или Сигизмундово. — Уже Ермогенъ въ искреннихъ бесѣдахъ съ людьми надежными, Ляпуновъ въ перепискѣ съ Духовенствомъ и чиновниками областей, убѣждалъ ихъ не терпѣть насилия иночлененниковъ. Убѣжденія дѣйствовали, негодованіе возрастаюло — и какъ скоро услышали Москвитяне о смерти Лжедимитрія, страшилища для ихъ воображенія, то, радуясь и славя Бога (⁶⁷⁸), вдругъ заговорили смѣло о необходимости соединиться душами и головами для изгнанія Ляховъ. Тщетно Сигизмундъ — уже зналъ, вѣроятно, о гибели Самозванца, и лишась предлога оставаться въ Россіи, будто бы для его истребленія — писалъ (отъ 13 Декабря) къ Боярамъ, что «Владиславъ скоро будетъ въ «Москву, а войско Королевское идетъ противъ «Калужскаго злодѣя» (⁶⁷⁹): Россія уже не хотѣла Владислава! Дума, въ своемъ отвѣтѣ, благодарила Сигизмунда за милость, требуя однакожь скорости, и прибавляя, что Россіяне уже не могутъ терпѣть сиротства, будучи стадомъ безъ паstryя или великимъ звѣремъ безъ главы (⁶⁸⁰); но Патріархъ, удостовѣренный въ единомысліи добрыхъ гражданъ, объявилъ торжественно, что Владиславу не царствовать, если не крестится въ нашу вѣру и не вышлетъ всѣхъ Ляховъ изъ Державы Московской (⁶⁸¹). Ермогенъ сказалъ: столица и Государство повторили. Уже не довольствовались ропотомъ. Москва, подъ саблею Ляховъ, еще не двигалась, ожидая часа; но въ предѣлахъ сосѣдственныхъ блеснули мечи

и копья : начали вооружаться. Городъ сно-
сился съ городомъ ; писали и наказывали
другъ къ другу словесно , что пришло вре-
мя стать за Вѣру и Государство . Особен-
ное дѣйствие имѣли двѣ грамоты , всюду
разосланныя изъ Москвы : одна къ ея жи-
Грамо-
ты Смо-
лянъ и
Москви-
танъ.
телямъ отъ Уездныхъ Смолянъ , другая отъ
Москвитянъ ко всѣмъ Россіянамъ . Смо-
ляне писали : « Обольщенные Королемъ , мы
« ему не противились . Что же видимъ ? ги-
« бель душевную и тѣлесную . Святые цер-
« кви разорены ; ближніе наши въ могилѣ
« или въ узахъ . Хотите ли такой же доли ?
« Вы ждете Владислава , и служите Ляхамъ ,
« угождая извергамъ , Салтыкову и Андро-
« нову ; но Польша и Литва не уступятъ
« своего будущаго Вѣнценосца вамъ , ослав-
« леннымъ измѣнами ⁽⁶⁸²⁾ . Нѣтъ , Король и
« Сеймъ , долго думавъ , рѣшились взять
« Россію безъ условій , вывести ея лучшихъ
« гражданъ и господствовать въ ней надъ
« развалинами . Возстаньте , доколѣ вы еще
« вмѣстѣ и не въ узахъ ; поднимите и дру-
« гія области , да спасутся души и Царство !
« Знаете , что дѣлается въ Смоленскѣ : тамъ
« горсть вѣрныхъ стоитъ неуклонно подъ
« щитомъ Богоматери и разитъ сонмы ипо-
« илеменниковъ ! » Москвитяне писали къ
братьямъ во всѣ города ⁽⁶⁸³⁾ : « Не слухомъ
« слышимъ , а глазами видимъ бѣдствіе
« неизглаголанное . Заклинаемъ васъ име-

«семъ Судіи живыхъ и мертвыхъ : воз-
«станьте и къ намъ сиѣшите ! Здѣсь корень
«Царства , здѣсь знамя отечества , здѣсь
«Богоматерь изображенная Евангелистомъ
«Лукою ; здѣсь свѣтильники и хранители
«Церкви , Митрополиты Петръ , Алексій ,
«Іона ! Извѣстны виновники ужаса , преда-
«тели студные : къ счастію , ихъ мало ; не
«многіе идутъ во слѣдъ Салтыкову и Ан-
«дронову — а за насть Богъ , и всѣ добрые
«съ нами , хотя и не явно до времени : Свя-
«тыйшій Патріархъ Ермогенъ , прямый учи-
«тель , прямый наставникъ , и всѣ Христіане
«истинные ! Дадите ли насть въ плѣнь и въ
«Латинство ? » — Кромѣ Рязани , Владіміръ ,
Сузdalъ , Нижній , Романовъ , Ярославль ,
Кострома , Вологда ополчились усердно ,
для избавленія Москвы отъ Ляховъ , по
мысли Ляпунова и благословенію Ермоге-
на (684).

Что же сдѣлало такъ называемое Прави- Сигизмунду на Ляпунова , какъ на мятежника ,
тельство , Боярская Дума , свѣдавъ о семъ движениіи , признакъ души и жизни въ Го- требуя казни его брата и единомышлен-
сударствѣ истерзанномъ? . . . Донесло Си-ника , Захаріи ; велѣло Посламъ , Филарету
и Голицыну , уважать Сигизмундову волю
и ѿхать въ Литву къ Владиславу , если такъ
будетъ угодно Королю ; велѣло Шенну впу-
стить Ляховъ въ Смоленскъ ; выслало даже

войско съ Княземъ Иваномъ Куракинымъ для усмиренія мнимаго бунта въ Владімірѣ (⁶⁸⁵). Но Филаретъ и Голицынъ уже все знали и благопріятствовали великому начинанію Ляпунова; замѣтили, что грамота Боярская не скрѣплена Патріархомъ, и не хотѣли повиноваться (⁶⁸⁶); дали тайно знать и Смоленскому Воеводѣ, чтобы онъ не исполнялъ указа Думы,— и доблій Шеинъ отвѣтствовалъ Королевскимъ Панамъ: «исполните прежде договоръ Гетмановъ;» длилъ время въ сношеніяхъ съ ними, и ждалъ пзбавленія, готовый и на славную гибель. Съ другой стороны войско союзныхъ городовъ близъ Владіміра встрѣтило и разбило Куракина (⁶⁸⁷). Симъ междуусобнымъ кровопролитіемъ рушилась государственная власть Думы, оттолѣ признаваемая единственно невольною Москвою. Ляпуновъ, остановивъ всѣ доходы казенные и не велѣвъ пускать хлѣба въ столицу, всенародно объявилъ Вельможъ Синклита богоотступниками, преданными славѣ міра и враждебному Западу, не пастырями, а губителями Христіанскаго стада (⁶⁸⁸). Таковы дѣйствительно были Салтыковъ и клевреты его; не таковы Мстиславскій и другие, единственно запутанные въ ихъ сѣтяхъ, единственно слабодушные, и съ любовію къ отечству безъ умѣнія избрать для него лучшее въ обстоятельствахъ чрезвычайныхъ: страшась народныхъ мятежей болѣе, нежели государственного уничиженія, они думали спасти Россію Владиславомъ, вѣрили Гетману, вѣрили Сигиз-

мунду — не вѣрили только добродѣтели своего народа, и заслужили его презрѣніе, уступивъ добрую славу тремъ изъ мужей Думныхъ, Князьямъ Андрею Голицыну, Воротынскому и Засѣкину, которые не таили своего единомыслія съ Ермогеномъ, обличали предательство или заблужденіе другихъ Бояръ, и были отданы подъ стражу въ вилѣ крамольниковъ⁽⁶⁸⁹⁾.

Уже Москвитяне, слыша о ревностномъ возстаніи городовъ, перемѣнились въ обхожденіи съ Ляхами: бывъ долго смиренны, начали оказывать неуступчивость, строптивость, духъ враждебный и сварливый⁽⁶⁹⁰⁾, какъ было предъ гибелю Разстриги. Кричали на улицахъ: «мы по глухости выбрали Ляха въ Цари, однако же не съ тѣмъ, чтобы итти въ неволю къ «Ляхамъ; время раздѣлаться съ ними»⁽⁶⁹¹⁾! Въ грубыхъ наスマѣшкахъ давали имъ прозваніе Хохловъ, а куницы за все требовали съ нихъ вдвое. Уже начинались ссоры и Ссоры араки. Госѣвскій требовалъ отъ своихъ ^{съ Помаками.} благоразумія, терпѣнія и неусыпности. Они бодрствовали день и ночь, не снимая съ себя доспѣховъ, ни сѣдель съ коней⁽⁶⁹²⁾; ежедневно, три и четыре раза, били тревогу; имѣли вездѣ лазутчиковъ; осматривали на заставахъ возы съ дровами, сѣномъ, хлѣбомъ, и находили въ нихъ иногда скрытое оружіе⁽⁶⁹³⁾. Высылали кон-

ныя дружины на дороги, перехватили тайное письмо изъ Москвы къ областнымъ жителямъ, и свѣдали, что они въ заговорѣ съ ними, и что Патріархъ есть Глава его; что Москвитяне надѣются не оставить ни одного Ляха живаго, какъ скоро увидятъ войско избавителей подъ своими стѣнами (⁶⁹⁴). Не взирая на то, Госѣвскій еще не смѣль употребить средствъ жестокихъ, ни обезоружить Стрѣльцевъ и гражданъ, ни свергнуть Патріарха; довольствовался угрозами, сказавъ Ермогену, что святость сана не есть право быть возмутителемъ (⁶⁹⁵). Болѣе пагности оказали злодѣи Россійскіе. Михайло Салтыковъ требовалъ, чтобы Ермогенъ не велѣль онолчаться Ляпунову. «Не велю» — отвѣтствовалъ Патріархъ — «если увижу крещенаго Владислава въ Москвѣ и Ляховъ выходящихъ изъ «Россіи; велю, если не будетъ того, и разрѣшаю «всѣхъ отъ данной Королевичу присяги» (⁶⁹⁶). Салтыковъ въ бѣшенствѣ выхватилъ ножъ: Ермогенъ осѣнилъ его крестнымъ знаменіемъ и сказалъ громогласно: «Сie знаменіе противъ «ножа твоего, да взыдеть вѣчная клятва на «главу измѣниника» (⁶⁹⁷)! и взглянувъ на печальнаго Мстиславскаго, примолвилъ тихо: «Твое «начало: ты долженъ первый умереть за Вѣру «и Государство; а если плѣшишься кознями Са-«станинскими, то Богъ истребитъ корень твой на «землѣ живыхъ — и самъ умрешь какою смер-«тію?» Предсказаніе исполнилось, говорить Лѣ-тописецъ (⁶⁹⁸): ибо Мстиславскій никакъ не

хотѣлъ одобрить народнаго возстанія, и писалъ отъ имени Синклита грамоту за грамотою къ Королю, что обстоятельства ужасны и время дорого; что одна столица еще не измѣняетъ Владиславу, а Держава въ беззначаліи готова раздѣлиться; что Иваньгородъ и Псковъ, обольщенные Генераломъ Делагарди, желаютъ имѣть Царемъ Шведскаго Принца; что Астрахань и Казань, гдѣ господствуетъ злочестіе Магометово, умышаляютъ предаться Шаху Аббасу; что области Низовыя, степныя, восточныя и съверныя до пустыни Сибирскихъ возмущены Ляпуновыми; но что немедленное прибытіе Королевича еще можетъ все исправить, спасти Россію и честь Королевскую (⁶⁹⁹). Измѣнники же, Салтыковъ и Андроновъ, звали въ Москву не Владислава, а самого Короля съ войскомъ (⁷⁰⁰), отвѣтствуя ему за успѣхъ, то есть, за порабощеніе Россіи обманомъ и насилиемъ.

Но Сигизмундъ, вопреки настоянію Бояръ и даже многихъ Польскихъ Сенаторовъ (⁷⁰¹), вопреки собственному обѣту, не думалъ отправить сына въ Москву; не думалъ и самъ итти къ ней съ войскомъ, какъ предлагали ему наши измѣнники; сильно, упорно хотѣлъ одного: взять Смоленскъ — и ничего не дѣлалъ; писалъ только указы Синклиту уже вмѣстѣ отъ себя и Владислава, именуя его одинакожъ не Царемъ, а просто Королевичемъ (⁷⁰²);увѣряя Бояръ и всю Россію, что желаетъ ея мира и счастія, умиленный нашими бѣдствіями, и будучи ревностнымъ за-

ступникомъ Греческаго Православія ; желаетъ соединить ее съ Республикою узами любви и блага общаго, подъ нераздѣльнымъ Державствомъ своего рода (⁷⁰³) ; что виною всего зла есть упраиство Шеина и Князя Василія Голицына , не хотящихъ ни Владислава , ни тишины ; что до усмиренія Смоленска не льзя предпріять ничего рѣшительнаго для успокоенія Государства . Между тѣмъ , какъ бы уже спокойно властвую надъ Россіею , Сигизмундъ непрестанно извѣщалъ Думу о своихъ милостяхъ : производилъ Дворянъ въ Столъники и Бояре , раздавалъ имѣнія , вершилъ дѣла старыя , предписывалъ казнь платить долги купцамъ иноzemнымъ (⁷⁰⁴) еще за Іоаппа , въ то время , когда указы ея были уже ничтожны для Россіи ; когда города одинъ за другимъ возставали на Ляховъ ; когда и жители Смоленской области стерегли , истребляли ихъ въ разѣздахъ , тревожа нападеніями и въ станѣ , откуда многіе Россіяне , дотолѣ служивъ Королю , уходили служить отечеству : такъ Иванъ Никитичъ Салтыковъ , пожалованный въ Бояре Сигизмундомъ , мнимый доброхотъ его , мнимый противникъ Ермогена , Филарета и Голицына , съ цѣлою дружиною ушелъ къ Ляпунову (⁷⁰⁵). Напрасно Госѣвскій ждалъ вспоможенія отъ Короля : видя необходимость дѣйствовать только собственными силами , онъ выслалъ шайки Днѣпровскихъ Козаковъ и Московскаго измѣнника , Исаю Сунбулова , воевать мѣста Рязанскія . Ляпуновъ , имѣя еще мало рати , вы-

гналъ толпы непріятельскія изъ Пронска, но чрезъ нѣсколько дней быть осажденъ ими въ семъ городѣ, и спасенъ Княземъ Дмитремъ Пожарскимъ, уже ревностнымъ его сподвижникомъ: обративъ ихъ въ бѣгство, и скоро разбивъ на голову у Зарайска, добрій Князь Дмитрій избавилъ вмѣстѣ и Ляпунова отъ плѣна и землю Рязанскую отъ грабежа; блеснулъ новымъ лулемъ славы, и съ чистою душою приставъ къ великому дѣлу, дасть ему новую силу... Козаки бѣжали въ Украину, предвидя несгоду злодѣйства, а Сунбуловъ въ Москву съ худою вѣстію для измѣнниковъ и Ляховъ, устрашаемыхъ и возстаніемъ областей и ножами Москвитянъ. Но Госѣвскій хвалился презрѣніемъ къ Россіянамъ: надѣялся управиться съ боязливою Москвою, вопреки неблагоразумію Короля соблюсти ее какъ важное завоеваніе для Республики и съ малымъ числомъ удалыхъ воиновъ побѣдить многолюдную сволочь.

Рать Ляпунова и другихъ областныхъ начальниковъ была дѣйствительно странною смѣсію людей воинскихъ и мирныхъ гражданъ съ бродягами и хищниками, коими въ сіи бѣдственныя времена купила Россія, и которые искали единственно добычи подъ знаменами силы, законной или беззаконной: грабивъ прежде съ Ляхами, они шли тогда на Ляховъ, чтобы также

Составъ
ополче-
нія за
Россію.

грабить , и болѣе мѣшать , нежели способство-
вать добру. Такъ Атаманъ Просовецкій , бывъ
клевретомъ и ставъ непріятелемъ Лисовскаго,
имѣвъ даже , близъ Пскова , кровопролитную
съ нимъ битву , какъ разбойникъ съ разбойни-
комъ (⁷⁰⁶) , вдругъ явился въ Суздалъ какъ чест-
ный слуга Россіи , привель къ Ляпунову тысячу
шесть Козаковъ и сдѣлался однимъ изъ глав-
ныхъ Воеводъ народнаго ополченія ! Всѣхъ зва-
ли въ союзъ , чтобы только умножить число лю-
дей . Приняли Князя Дмитрія Трубецкаго , Ата-
мана Заруцкаго и всю остальную дружину Ту-
шинскую (⁷⁰⁷) : ибо сіи , долго упорные мятеж-
ники вдругъ воспламенились усердіемъ къ госу-
дарственной чести , отвергнули указъ Москов-
скихъ Бояръ , не давъ клятвы въ вѣрности къ
Владиславу , и выгнали изъ Калуги Посла ихъ ,
Князя Никиту Трубецкаго (⁷⁰⁸) . Звали и безстыд-
наго Сапѣгу , который , не хотѣвъ удалиться въ
Сѣверскую землю (⁷⁰⁹) , писалъ изъ Перемышля
къ Калужанамъ , что онъ служитъ не Королю ,
не Королевичу , а вольности , — не слушаетъ
Бояръ , убѣждающихъ его ити на Ляпунова , и
готовъ стоять за независимость Россіи (⁷¹⁰) .
Чего надлежало ждать и въ святомъ предпріятіи
отъ такого несчастнаго состава ? не единства , а
раздора и беспорядка . Но кто вѣрилъ тѣнствен-
ной силѣ добра , могъ чаять успѣха благословен-
наго , видя , сколь многіе , и сколь ревностно
или умирать за отечество сироc (⁷¹¹) , кинувъ

домы и семейства. Раздоръ и беспорядокъ должны были уступить великодушію!

Около трехъ мѣсяцевъ готовились — и наконецъ (въ Мартѣ) выступили къ Москвѣ: Ляпуновъ изъ Рязани, Князь Дмитрій Трубецкій изъ Калуги, Заруцкій изъ Тулы, Князь Литвиновъ-Мосальскій и Артемій Измайловъ изъ Владимира, Просовецкій изъ Суздаля, Князь Федоръ Волконскій изъ Костромы, Иванъ Вольнскій изъ Ярославля, Князь Козловскій изъ Романова, съ Дворянами, Дѣтьми Боярскими, Стрѣльцами, гражданами, землемѣщами, Татарами и Козаками⁽⁷¹²⁾; были на пути встрѣчаемы жителями съ хлѣбомъ и солью, пконами и крестами, съ усердными кликами и пальбою; шли бодро, но тихо — и сія, вѣроятно невольная, неминуемая по обстоятельствамъ медленность имѣла для Москвы ужасное слѣдствіе.

Въ то время, когда ся граждане съ нетерпѣніемъ ждали избавителей, Бояре, исполняя волю Госѣвскаго, въ послѣдній разъ заклинали Ермогена удалить бурю, спасти Россію отъ междуособія и Москву отъ крайняго бѣдствія: писать къ Ляпунову и сподвижникамъ его, чтобы они шли назадъ и распустили войско. Ты далъ имъ оружіе въ руки, говорилъ Салтыковъ: ты можешь и смирить ихъ. «Все смирятся» — отвѣтствовалъ Патріархъ — «когда ты, измѣнникъ, съ своею Литвою исчезнешь; но въ царственномъ градѣ видя ваше злое господство, въ святыхъ храмахъ Кремлевскихъ оглашаясь Лав-

«типскимъ иѣпіемъ», (ибо Ляхи въ домъ Году-
«нова устроили себѣ божицу) «благословляю
«достойныхъ Вождей Христіанскихъ утолить
«печаль отечества и Церкви.» Дерзнули нако-
нецъ приставить воинскую стражу къ непре-
клонному Іерарху; не пускали къ нему ни мі-
рянъ, ни Духовенства; обходились съ нимъ то
жестоко и безчинно, то съ уваженіемъ, опасаясь
народа (⁷¹³). Въ Недѣлю Вайї велѣли или дозво-
лили Ермогену священнодѣйствовать и взяли
мѣры для обузданія жителей, которые въ сей
день обыкновенно стекались изъ всѣхъ частей
города и ближнихъ селеній въ Китай и Кремль,
быть зрителями великолѣпнаго обряда церков-
наго (⁷¹⁴). Ляхи и Нѣмцы, пѣхота и всадники,
заняли Красную площадь съ обнаженными саб-
лями, пушками и горящими фитилями. Но улицы
были пусты! Патріархъ Жхаль между уединенными рядами иновѣрныхъ воиновъ; узду
его осляти держалъ, вмѣсто Царя, Князь Гунду-
ровъ (⁷¹⁵), за коимъ шло иѣсколько Бояръ и са-
новниковъ, упыльныхъ, мрачныхъ видомъ. Граж-
дане не выходили изъ домовъ, воображая, что
Ляхи умышляютъ незапное кровопролитіе и бу-
дутъ стрѣлять въ толпы народа безоружнаго (⁷¹⁶).
День прошелъ мирно; также и слѣдующій. Го-
сѣвскій имѣя только 7000 воиновъ (⁷¹⁷) противъ
двухъ или трехъ сотъ тысячъ жителей, не хо-
тѣлъ кровопролитія (⁷¹⁸): ии Москвитяне. Пер-
вый, слыша, что Ляпуновъ и Заруцкій уже не
далеко, мыслилъ итти къ нимъ на встречу и

разбить ихъ отдельно (⁷¹⁹); а Москвитяне, готовые къ восстанию, откладывали его до появленія избавителей (⁷²⁰). Но взаимная злоба всыхнула, не давъ ни Госѣвскому выступить изъ Москвы, ни Воеводамъ Россійскимъ спасти ее. Кто началъ? неизвестно (⁷²¹); по вѣроятнѣю, Ляхи, съ досадою терпѣвъ насмѣшки, грубости жителей, и думая, что лучше уравниться съ ними заблаговременно, нежели поставить себя между ихъ тайно-остримыми ножами и войскомъ городовъ союзныхъ (⁷²²), — наконецъ удовлетворяя своему алчному корыстолюбію разграбленіемъ богатой столицы. Такъ началось и свершилось ея бѣдствіе ужасное:

19 Марта, во Вторникъ Страстной недѣли, въ часъ Обѣдни, услышали въ Китаѣ-городѣ тревогу, вопль и стукъ оружія. Госѣвскій прискакалъ изъ Кремля: увидѣвъ кровопролитіе между Ляхами и Россіянами, хотѣлъ остановить, не могъ, и далъ волю первымъ, которые дѣйствовали наступательно, рѣзали купцовъ и грабили лавки (⁷²³); вломились въ домъ къ Боярину вѣрному, Князю Андрею Голицыну, и безчеловѣчно умертвили его. Жители Китая искали спасенія въ Бѣломъ городѣ и за Москвою-рѣкою: конные Ляхи гнали, топтали, рубили ихъ; но въ Тверскихъ воротахъ были удержаны Стрѣльцами. Еще

сильнѣйшая битва закипѣла на Срѣтенкѣ : тамъ явился витязь знаменитый, отраженный ли вспердъ Ляпуновымъ, или собственною ревностію приведенный одушевить Москву : Князь Дмитрій Пожарскій. Онъ кликнулъ добліхъ, устроилъ дружины, снялъ пушки съ башень, и встрѣтилъ Ляховъ ядрами и пулями, отбилъ и вточилъ въ Китай. Иванъ Бутурлинъ въ Яузскихъ воротахъ и Колтовскій за Москвою-рѣкою также стали противъ нихъ съ воинами и народомъ. Бились еще въ улицахъ Тверской, Никитской и Чертольской, на Арбатѣ и Знаменкѣ (⁷²⁴). Госѣвскій подкрѣплялъ своихъ; но число Россіянъ несравненно болѣе умножалось : при звукѣ набата старые и малые, вооруженные дрекольемъ и тофорами, бѣжали въ пыль сѣчи; изъ оконъ и съ кровель разили непріятеля камнями и чурбанами (⁷²⁵); преграждали улицы столами, лавками, лровами : стрѣляли изъ-за нихъ и двигали сіе укрѣпленіе впередъ, гдѣ Ляхи отступали. Уже Москвитяне вездѣ имѣли верхъ, когда пріспѣлъ изъ Кремля съ Нѣмцами Капитанъ Маржеретъ (⁷²⁶), вѣрный слуга Годунова и Разстрѣгіи, изгнаний Шуйскимъ и принятый Гетманомъ въ Королевскую службу : торгуя вѣрностію и жизнью, сей честный наемникъ ободрилъ Ляховъ неустрашимостію, и нѣкогда ливъ кровь свою за Россіянъ, жадно облился ихъ кровью. Битва снова сдѣлалась упорною ; многолюдство однакожъ преодолѣвало, и Москвитяне тѣснили непріятеля къ Кремлю, его послѣдней оградѣ и

надеждѣ. Тутъ, въ часъ рѣшительныи, услышали голосъ: «огня! огня!» и первый вспыхнулъ въ Бѣломъ городѣ домъ Михаила Салтыкова, зажженный собственною рукою хозяина (727): гнусный измѣнникъ уже не могъ имѣть жилища въ столицѣ отечества, имъ преданаго инонлеменнику! Зажгли и въ другихъ мѣстахъ: сильный вѣтеръ раздувалъ пламя, въ лице Москвитянамъ, съ густымъ дымомъ, несноснымъ жаромъ, въ улицахъ тѣсныхъ. Многіе кинулись тушить, спасать дома; битва ослаѣла, и ночь прекратила ее, къ счастію изнуреннаго непріятеля, который удержался въ Китаѣ-городѣ, опираясь на Кремль. Тамъ все затихло; но другія части Москвы представляли шумное смятеніе. Бѣлый-го-
родъ пыталъ; набатъ гремѣлъ безъ умолку; жители съ воплемъ гасили огонь, или бѣгали, искали, кликали женъ и дѣтей, забытыхъ въ часы жаркаго боя. Послѣ такого дня, и предвидя такой же, никто не думалъ успокоиться.

Ляхи въ пустыхъ домахъ Китая-города, среди труповъ, отдыхали; а въ Кремль, при свѣтѣ зарева, бодрствовали и разсуждали Вожди ихъ, что дѣлать? Тамъ еще находилось мнимое Правительство Россійское съ знатнѣйшими сановниками, воинскими и гражданскими: ужасаясь мысли желать побѣды инонлеменникамъ, дѣмъ-

щимся кровию Москвитянъ, но малодушно
боясь и мести своего народа, или не вѣря
успѣху возстанія, Мстиславскій и другіе
легкоумныя Вельможи, упорные въ вѣр-
ности къ Владиславу, были въ изумлениі и
бездѣйствіі: тѣмъ ревностнѣе дѣйство-
вали измѣнники ожесточенные: прервавъ
иавѣки связь съ отечествомъ, заслуживъ
его ненависть и клятву церковную, пылая
адскою злобою и жаждою губительства,
они сидѣли въ сей ночной Думѣ Ляховъ⁽⁷²⁸⁾
и совѣтовали имъ разрушить Москву для
ихъ спасенія. Госѣвскій принялъ совѣтъ —
и въ слѣдующее утро 2000 Нѣмцевъ съ
отрядомъ коннымъ вышли изъ Кремля и
Китая въ Бѣлый городъ и къ Москвѣ-рѣкѣ,
зажгли въ разныхъ мѣстахъ дома, церкви,
монастыри, и гнали народъ изъ улицы въ
улицу не столько оружіемъ, сколько пла-
менемъ. Въ сей самый часъ прискакали къ
стѣнамъ уже пылающаго Деревянного го-
рода, отъ Ляпунова Воевода Иванъ Пле-

Прибы- щеевъ, изъ Можайска Королевскій Пол-
т і е Струса, ковникъ Струсь, каждый для вспоможенія
Струса, своимъ, оба съ легкими дружинами, рав-
ными въ силахъ, не въ мужествѣ. Ляхи
напали: Россіяне обратили тыль — и Вождь
первыхъ, кликнувъ: «за мною, храбрые!»
сквозь пыль и трескъ деревянныхъ падаю-
щихъ стѣнъ вріпился въ городъ, гдѣ жи-
тели, осыпаемые искрами и головнями,

задыхаясь отъ жара и дыма, уже не хотѣли сражаться за пепелище: бѣжали во всѣ стороны, на коняхъ и пѣшие (⁷²⁹), не съ богатствомъ, а только съ семействами. Нѣсколько сотъ тысячи людей вдругъ разсыпалось по дорогамъ къ Лаврѣ, Владиміру, Коломнѣ, Тулѣ; шли и безъ дорогъ, вязли въ снѣгу, еще глубокомъ; цѣпенѣли отъ сильнаго, холоднаго вѣтра (⁷³⁰); смотрѣли на горящую Москву и вопили, думая, что съ нею исчезаетъ и Россія! Нѣкоторые застыли въ крѣпкой Симоновской Обители, ждать избавителей. Но оставленная народомъ и войскомъ въ жертву огню и Ляхамъ, Москва еще имѣла ратоборца: Князь Дмитрій Пожарскій еще стоялъ твердо въ облакахъ дыма, между Срѣтенкою и Мясницкою, въ укрѣплѣніи, имъ сдѣланномъ; бился съ Ляхами, и долго не давалъ имъ жечь за каменною городскою стѣною; не берегъ себя отъ пуль и мечей, изнемогъ отъ ранъ и падъ на землю (⁷³¹). Вѣрные ему до конца не многіе сподвижники взяли и спасли будущаго спасителя Россіи: отвезли въ Лавру.... До самой ночи уже безирепятственно губивъ огнемъ столицу, Ляхи съ гордостю побѣдителей возвратились въ Китай и Кремль, любоваться зреющимъ, ими произведеннымъ: бурнымъ пламеннымъ моремъ, которое, разливаясь вокругъ ихъ, обѣщало имъ безопасность,

Подвѣ-
га Пожа-
рскаго.

какъ они думали, не заботясь о дальнѣйшихъ, вѣковыхъ слѣдствіяхъ такого дѣла, и презирая мѣсть Россіянъ!

Москва пустая горѣла двое сутокъ. Гдѣ угасалъ огонь, тамъ Ляхи, выѣзжая изъ Китая, снова зажигали, въ Бѣломъ-городѣ, въ Деревянномъ и въ предмѣстіяхъ. Наконецъ вездѣ утихло пламя, ибо все сдѣлалось пепломъ, среди коего возвышались только черныя стѣны, церкви и погреба каменные. Сія громада золы, въ окружности на двадцать верстъ или болѣе, курилась еще иѣсколько дней, такъ, что Ляхи въ Китаѣ и Кремлѣ, дыша смрадомъ, жили какъ въ туманѣ — но ликовали: грабили казну Царскую: взяли всю утварь нашихъ древнихъ Вѣнценосцевъ, ихъ короны, земли, сосуды, одежды богатыя, чтобы послать къ Сигизмунду, или употребить вмѣсто денегъ на жалованье войску (⁷³²); сносили добычу, найденную въ гостиномъ дворѣ, въ жилищахъ купцовъ и людей знатныхъ (⁷³³); сирали съ иконъ оклады; дѣлили на равныя части золото, серебро, жемчугъ, камни и ткани драгоценныя, съ презрѣciемъ кидая мѣдь, олово, холсты, сукна; рядились въ бархаты и штофы; нили изъ бочекъ Венгерское и Мальвазію. Изобиловали всѣмъ роскошнымъ, не имѣя только нужнаго: хлѣба! Бражничали, играли въ зернь и въ карты, распутствовали, и

Пись-
тоства
Поля-
ковъ въ
Москвѣ.

пьяные рѣзали другъ друга (⁷³⁴)! . . . А Россіяне, ихъ клевреты гнусные или невольники малодушные, праздновали въ Кремль Свѣтлосе Воскресеніе и молились за Царя Владислава, съ Іерархомъ достойнымъ такой паства: Игнатіемъ, угодникъ Разстригинымъ, коего вывели изъ Чудовской Обители, гдѣ онъ пять лѣтъ жилъ опальнымъ Июкомъ, и снова назвали Патріархомъ, свергнувъ и заключивъ Ермогена на Кирилловскомъ подворье (⁷³⁵). Сей мужъ бессмертный, одинъ среди враговъ неистовыхъ и Россіянъ презрительныхъ — между памятниками нашей славы, въ оградѣ священной для вѣковъ могилами Дмитрія Донскаго, Ioanna III, Михаила Шуйскаго — въ темной келліи сиялъ добродѣтелю какъ лучезарное свѣтило отечества, готовое угаснуть, но уже воспламенивъ въ немъ жизнь и ревность къ великому дѣлу!

Заключеніе
Ермо-
гена.

ГЛАВА V.

МЕЖДОЦАРСТВИЕ.

Г. 1611—1612.

Слѣдствія сожжения Москвы. Поляки осаждены.

Тверлость Ермогена. Избрание главныхъ Военачальниковъ. Дѣйствія Саиѣги. Приступъ къ Китаю-городу. Послы Московскіе отправлены въ Литву. Взятие Смоленска. Шуйскіе въ Варшавѣ. Умыселъ Заруцкаго и Марины. Уставная грамота. Виды Ляпунова. Дѣла съ Шведами. Новгородъ взятъ Генераломъ Делагарди. Договоръ Шведовъ съ Новымгородомъ. Мятежъ въ войскѣ Генерала Делагарди. Убіеніе Ляпунова. Послѣдствія. Состоянія Россіи . . . . .

• • • • • • • • • • • • • • • • •

• • • • • • • • • • • • • • • • •

Г. 1611. Вѣть о бѣдствіи Москвы, распространивъ ужасъ, дала новую силу народному движению. Ревностные Иноческіе Лавры, слышавъ, что дѣлается въ столицѣ⁽⁷³⁶⁾, послали къ ней всѣхъ ратныхъ людей монастырскихъ, написали умилиительныя грамоты къ областнымъ Воеводамъ и заклинали ихъ угасить ся дымящійся пепель кровью измѣнниковъ и Ляховъ⁽⁷³⁷⁾. Воеводы уже не медлили и шли впередъ, на каждомъ шагу встрѣчая толпы бѣгущихъ

Слѣдствія сожжения Москвы.

Москвитянъ, которые, съ воплемъ о мести, прымкали къ войску, поручая женѣ и дѣтей своихъ великодушію народа. 25 Марта Ляхи увидѣли, на Владимірской дорогѣ, легкій отрядъ Россіянъ, Козаковъ Атамана Просовецкаго; напали — и возвратились, хвалясь побѣдою (⁷³⁸). Въ слѣдующій день пришелъ Ляпуновъ отъ Коломны, Заруцкій отъ Тулы; соединились съ другими Воеводами близъ Обители Угрѣшской, и 28 Марта двинулись къ пепелищу Московскому. Непріятель, встрѣтивъ ихъ за Яузскими воротами, скоро отступилъ къ Китаю и Кремлю, гдѣ Россіяне, числомъ не менѣе ста тысячи (⁷³⁹), но безъ устройства и взаимной довѣренности, осадили шесть исполненныхъ къ нимъ презрѣнія. Ляпуновъ сталъ на берегахъ Яузы, Князь Дмитрій Трубецкій съ Атаманомъ Заруцкимъ противъ Воронцовскаго поля, Ярославское и Костромское ополченіе у воротъ Покровскихъ, Измайловъ у Срѣтенскихъ, Князь Литвиновъ-Мосальскій у Тверскихъ, внутри обожженныхъ стѣнъ Бѣлаго города. Тутъ прибылъ къ войску Келарь Аврамій съ святою водою отъ Лавры, оживить сердца ревностію, укрѣпить мужествомъ (⁷⁴⁰). Тутъ, на завоеванныхъ кучахъ пепла водрузивъ знамена, воины и Воеводы съ торжественными обрядами дали клятву не

Поляки
осаж-
дены.

чтить ни Владислава Царемъ , ни Бояръ Можковскихъ Правителями , служить Церкви и Государству до избранія Государя нового , не крамольствовать ни дѣломъ , ни словомъ , — блести законъ , тишину и братство , ненавидѣть единственно враговъ отечества , злодѣевъ , измѣнниковъ , и сражаться съ ними усердно (741) .

Битвы началися . Дѣлая вылазки , осажденные ливились несмѣтности Россіянъ и еще болѣе умнымъ распоряженіемъ ихъ Вождей (742) — то есть , Ляпунова , который въ битвѣ 6 Апрѣля стяжалъ имя львообразнаго Стратига (743) : его звучнымъ голосомъ и примѣромъ одушевляемые , Россіяне кидались пѣши на всадниковъ , рѣзались человѣкъ съ человѣкомъ , и втѣснивъ непріятеля въ крѣпость , ночью заняли берегъ Москвы-рѣки и Неглинной . Ляхи тщетно хотѣли выгнать ихъ оттуда ; нападали копные и пѣши , имѣли выгоды и невыгоды въ ежедневныхъ схваткахъ , но видѣли уменьшеніе только своихъ : во многолюдствѣ осаждающихъ уронъ былъ незамѣтенъ . Россіяне надѣялись на время ; Ляхи страшились времени , скучные людьми и хлѣбомъ . Госѣвскій желалъ прекратить безполезныя вылазки , по сражался иногда невольно , для спасенія кормовицовыхъ , высылаемыхъ имъ тайно , ночью , въ окрестныя деревни (744) ; сражался и для того , чтобы имѣть плѣнниковъ для размѣна . Извѣстивъ Короля о сожженіи Москвы и приступѣ Россіянъ къ ея пепелищу , онъ требовалъ скораго вспоможенія , ободрялъ това-

рищей , совѣтовался съ гнуснымъ Салтыковымъ — и еще испыталъ силу души Ермогеновой. Къ старцу ветхому, изнуренному добровольнымъ постомъ и тѣснымъ заключенiemъ , приходили наши измѣники и самъ Госѣвскій съ увѣщаніями и съ угрозами: хотѣли, чтобы онъ велѣлъ Ляпунову и сподвижникамъ его удалиться. Отвѣтъ Ермогеновъ былъ тотъ же: «путь удалятся «Ляхи!» Грозили ему злую смертю : старецъ указывалъ имъ на небо , говоря: «боюся Единаго , тамъ живущаго» (745)! Невидимый для добрыхъ Россіянъ , великий Іерархъ сообщался съ ними молитвою ; слышалъ звукъ битвъ за свободу отечества , и тайно , изъ глубины сердца, пылающаго неугасимымъ огнемъ добродѣтели , слалъ благословеніе вѣрнымъ подвижникамъ !

Твер-
дость
Ермо-
гена.

Къ несчастію , между сими подвижниками господствовало несогласіе : Воеводы не слушались другъ друга , и ратныя дѣйствія безъ общей цѣли , единства и связи, не могли имѣть и важнаго успѣха (746). Рѣшились торжественно избрать Начальника ; но , вмѣсто одного , выбрали трехъ : вѣрные Ляпунова , чиновные мятежники Тушинскіе Князя Дмитрія Трубецкаго , грабители-Козаки Атамана Заруцкаго , чтобы такимъ зловѣщимъ выборомъ утвердить мнимый союзъ Россіянъ добрыхъ съ из-

избра-
ніе
глаз-
ныхъ
Воена-
чальни-
ковъ.

мѣнниками и разбойниками, коихъ находилось множество въ войске. Трубецкій, сверхъ знатности, имѣлъ по крайней мѣрѣ умъ Стратига (⁷⁴⁷) и нѣкоторыя, еще благородныя свойства, усердствуя оказать себѣ достойнымъ высокаго сана: Заруцкій же, вмѣстѣ съ нимъ выслуживъ Боярство въ Тушинѣ (⁷⁴⁸), имѣлъ одну смѣлую предпринимчивость для удовлетворенія своимъ гнуснымъ страстиамъ, не зная ничего святаго, ни Бога, ни отечества. Сіи ратные Тріумвиры сдѣлались и государственными: ибо войско представляло Россію. Они писали указы въ города, требуя запасовъ и денегъ еще болѣе, нежели людей: города повиновались, многолѣтствовали *въ церквахъ благовѣрнымъ Князьямъ и Боярамъ* (⁷⁴⁹), а въ своихъ донесеніяхъ били челомъ Синклиту Великаго Россійскаго Государства, и давали, что могли. Казань, стыдясь своего заблужденія (⁷⁵⁰), спова присоединилась къ отечеству, цѣловала крестъ быть *въ любви, въ единодушіи со всею землею* и выслала дружины къ Москвѣ: области Низовья и Поморскія также (⁷⁵¹). Пришли и Смоленскіе Уѣздные Дворяне и Дѣти Боярскіе, бѣжавъ отъ Сигизмунда (⁷⁵²). Ляхи гнались за ними, и многихъ изъ нихъ умертили, какъ измѣнниковъ: остальные тѣмъ ревностнѣe желали участвовать въ народномъ подвигѣ Россіянъ (⁷⁵³). При-

шелъ и Сап'га съ своими шайками изъялъ Дѣй-
Поклонную гору, объявляя себя другомъ ствія
Россіи. Ему не вѣрили; предложенія его
выслушали, но отвергнули (⁷³⁴). Атаманъ
разбойниковъ, осыпанный пепломъ нашихъ
городовъ, утучненный нашею кровью, хотѣлъ,
какъ пишутъ, вѣнца Мономахова: вѣроятнѣе, что онъ хотѣлъ миллионовъ,
предлагая свои услуги. Не обольстивъ Рос-
сіянъ, Сап'га ударилъ на часть ихъ стана
противъ Лужниковъ; отбитый, началъ съ
другой стороны, близъ Тверскихъ воротъ:
не могъ одолѣть многолюдства, и, по со-
вѣту Госѣвскаго, взявъ отъ него 1500 Ля-
ховъ въ сподвижники и Князя Григорія
Ромодановскаго въ путеводители, удалил-
ся къ Переславлю, чтобы грабить внутри
Россіи и тревожить осаждающихъ. Въ
слѣдъ за нимъ Ляпуновъ отрядилъ нѣ-
сколько легкихъ дружинъ: Сап'га раз-
билъ ихъ въ Александровской слободѣ,
осадилъ Переславль, жегъ, злодѣйство-
валъ, гдѣ хотѣлъ — и Россіянне Москов-
скаго стана, видя за собою дымъ пылаю-
щихъ селеній, вдругъ услышали, въ Ки-
таѣ и Кремлѣ, необыкновенный шумъ,
громкія восклицанія, звонъ колоколовъ,
стрѣльбу изъ пушекъ и ружей (⁷⁵⁵): ждали
вылазки, но узнали, что Ляхи только ве-
селились и праздновали счастливую вѣсть
о скоромъ прибытии къ нимъ Гетмана съ

сильнымъ войскомъ — вѣсть еще несправедливую, которая однажды рѣшила Ляпунова и товарищѣ его не мелить. Они изготоились въ тишнѣ, и за часъ до раз-
Приступъ къ Китаю-городу. свѣта (22 Маія) приступивъ къ Китаю-го-
роду (⁷⁵⁶), взяли одну башню, гдѣ находи-
лось 400 Ляховъ. Мѣсто было важно: Рос-
сіяне могли оттуда громить пушками вну-
тренность Китая. Госѣвскій избралъ смѣ-
лыхъ, и велѣлъ имъ, чего бы то ни стояло,
вырвать сю башню изъ рукъ непріятеля:
съ обнаженными саблями, подъ картечею,
Ляхи шли къ ней узкою стѣною, человѣкъ
за человѣкомъ; кинулись на пушки, руби-
ли, выгнали Россіянъ, и мужественно от-
били всѣ ихъ новые приступы (⁷⁵⁷). Въ
другихъ мѣстахъ Ляпуновъ, вездѣ первый,
и Трубецкій имѣли болѣе успѣха: очи-
стили весь БѣлыЙ-городъ, взяли укрѣпле-
нія на Козьемъ болотѣ, башни Никитскую,
Алексѣевскую, ворота Тресвятскія, Чер-
тольскія, Арбатскія (⁷⁵⁸), вездѣ послѣ жар-
каго кровопролитія. Чрезъ пять дней сдал-
ся имъ и Дѣвицій монастырь съ двумя ро-
тами Ляховъ и пятью стами Нѣмцевъ (⁷⁵⁹).
Въ то же время Россіяне сдѣлали укрѣп-
ленія за Москвою-рѣкою, стрѣляли изъ
нихъ въ Кремль и препятствовали сноше-
нію осажденныхъ съ Сигизмундомъ, отъ
коего Госѣвскій, стѣсненный, изнуряе-

мый, съ малымъ числомъ людей и безъ хлѣба, ждалъ избавленія.

По Король все еще думалъ только о Смоленскѣ. Дошесеніе Госѣвскаго о сожженіи Москвы и наступательномъ дѣйствіи многочисленнаго Россійскаго войска, полученнное Сигизмундомъ⁽⁷⁶⁰⁾ вмѣстѣ съ трофеями (или съ частію разграбленной Ляхами утвари и казны Царской), не перемѣнило его мыслей. Паны въ новой бесѣдѣ съ Филаретомъ и Голицынымъ (8 Апрѣля), жалѣя о несчастіи столицы, слѣдствіемъ ея мятежнаго духа⁽⁷⁶¹⁾, спрашивали ихъ мнѣнія о лучшемъ способѣ изгладить зло. Съ слезами отвѣтствовалъ Митрополитъ: «Уже не знаемъ! Вы легко могли преду-
предить сіе зло; исправить едва ли мо-
жете.» Послы соглашались однокожь пи-
сать къ Ермогену, Боярамъ и войску объ
унятіи кровопролитія, если Сигизмундъ
обяжется немедленно выступить изъ Рос-
сіи: чего онъ никакъ не хотѣлъ, упорно
требуя Смоленска⁽⁷⁶²⁾, и въ гнѣвѣ велѣлъ
имъ наконецъ готовиться къ ссылкѣ въ
Литву. «Ни ссылки, ни Литвы не боимся,»
сказалъ умный Дьякъ Луговскій: «но дѣ-
лами насилия достигнете ли желаемаго?» Угроза совершилась: вопреки всему свя-
щенному для Государей и народовъ, взяли Пословъ... еще мало: ограбили ихъ какъ въ темномъ лѣсу или въ вертепѣ разбой-

Послы
Мо-
сков-
скіе от-
правле-
ны въ
Литву.

никовъ; отдали воинамъ, повезли въ ладіяхъ къ Кіеву; безчестили, срамили мужій вищимыхъ только въ добродѣтели, въ ревности ко благу отечества и къ исполненію государственныхъ условій (763)! . . . Одинъ изъ Ляховъ еще стыдился за Короля, Республику и самого себя: Жолкѣвскій. Сигизмундъ предлагалъ ему главное начальство въ Москвѣ и въ Россіи. «Позадно!» отвѣтствовалъ Гетманъ, и съ негодованіемъ удалился въ свои маєтности (764), мимо коихъ везли Филарета и Голицьши: онъ прислаль къ нимъ, въ знакъ уваженія и ласки, спросить о здоровьї. Знаменитые страдальцы написали къ Жолкѣвскому: «Вспомни крестное «цѣлованіе; вспомни душу! Въ чемъ клялся ты «Московскому Государству? и что дѣлается? «Есть Богъ и вѣчное правосудіе» (765)!

Не страшась сего правосудія, Король въ письмахъ къ Боярамъ Московскімъ хвалился своею милостію къ Россіи, благодариль за ихъ вѣрность и не причастіе къ бунту Ермогена и Ляпунова (766), обѣщалъ скорое усмиреніе всѣхъ мятеежей, а Госѣвскому скорое избавленіе, дозволяя ему употреблять на жалованье войску не только сокровища Царскія (767), но и все имѣніе богатыхъ Москвитянъ — и возобновилъ приступы къ Смоленску (768), снова неудачные. Шеинъ, воины его и граждане оказывали болѣе, нежели храбрость: истинное геройство, безбоязненность неизмѣнную, хладнокровную, нечувствительность къ ужасу и страданію, рѣ-

шительность терпѣть до конца , умереть , а не сдаться . Уже двадцать мѣсяцевъ продолжалась осада : запасы , силы , все истощилось , кромѣ великодушія ; все сносили , безмолвно , не жалуясь , въ тишинѣ и въ новиновеніи , львы для враговъ , агнцы для начальниковъ . Осталась едва пятая доля защитниковъ , не столько отъ ядеръ , пуль и сабель непріятельскихъ , сколько отъ трудовъ и болѣзней ; смертоносная цынга , произведенная недостаткомъ въ соли и въ уксусѣ⁽⁷⁶⁹⁾ , довершила бѣствіе — но еще сражались ! Еще Ляхи имѣли нужду въ злодѣйской измѣнѣ , чтобы овладѣть городомъ : бѣглецъ Смоленскій , Андрей Дедишинъ⁽⁷⁷⁰⁾ , указалъ имъ слабое мѣсто крѣпости : новую стѣну , дѣланную въ осень на-скоро и не прочно . Сію стѣну безпрестанною пальбою обрушили — и въ полночь (3 Июня) Ляхи вломились въ крѣпость , тутъ и въ другихъ мѣстахъ , оставленныхъ малочисленными Россіянами для защиты пролома . Бились долго въ развалинахъ , на стѣнахъ , въ улицахъ , при звукахъ всѣхъ колоколовъ и святотѣни въ церквяхъ , гдѣ жены и старцы молились . Ляхи , вездѣ одолѣвая , стремились къ главному храму Богоматери , гдѣ занерлися многіе изъ гражданъ и купцовъ съ ихъ семействами , богатствомъ и пороховою казною . Уже не было спасенія : Россіяне

Взятие
Смоленска.

зажгли порохъ и взлетѣли на воздухъ , съ дѣтьми , имѣніемъ — и славою ! Отъ страшнаго взрыва , грома и треска непріятель оцѣпенѣлъ , забывъ на время свою побѣду , и съ равнымъ ужасомъ видя весь городъ въ огнѣ , въ который жители бросали все , что имѣли драгоцѣннаго , и сами съ женами бросались , чтобы оставить непріятелю только пепелъ , а любезному отечеству примѣръ добродѣтели . На улицахъ и площа-дяхъ лежали груды тѣлъ сожженныхъ . Смоленскъ явился новымъ Сагуитомъ (771) , и не Польша , но Россія могла торжествовать сей день , великій въ ея лѣтописяхъ (772) .

Еще одинъ воинъ стоялъ на высокой башнѣ съ мечемъ окровавленнымъ и противился Ляхамъ : доблій Шеинъ . Онъ хотѣлъ смерти ; но предъ нимъ плакали жена , юная дочь , сынъ малолѣтній (773) : тронутый ихъ слезами , Шеинъ объявилъ , что сдается Вождю Ляховъ — и сдался Потоцкому . Вѣрить ли Лѣтописцу , что сего Героя оковали цѣпями въ станѣ Королевскомъ и пытали , довѣдаваясь о казнѣ Смоленской , будто бы имъ сокрытой (774) ? Король взялъ къ себѣ его сына ; жену и лошадь отдалъ Льву Санѣгѣ ; самого Шеина послалъ въ Литву узникомъ . — Плѣнниками были еще Архіепископъ Сергій , Воевода Князь Горчаковъ и 300 или 400 дѣтей Боярскихъ (775) . Во время осады изгibло въ городѣ , какъ увѣряютъ , не менѣе семидесяти тысячъ людей ; она дорого стоила и Ляхамъ : едва третья доля Королевской рати

осталась въ живыхъ , огнемъ лишенная добычи, а съ нею и ревности къ дальнѣйшимъ подвигамъ , такъ, что слушая торжественное благодареніе Сигизмундово , за ея великое дѣло , и новые щедрые обѣты его , воины смѣялись, столько разъ манимые наградами и столько разъ обманутые. Но Сигизмундъ восхищался своимъ блестящимъ успѣхомъ (776) ; даль Потоцкому грамоту на Староство Каменецкое , три дни угощалъ сподвижниковъ , велѣлъ изобразить на медаляхъ завоеваніе Смоленска , и съ гордостю извѣстить о томъ Бояръ Московскихъ , которые отвѣтствовали , что сѣтуя о гибели единокровныхъ братьевъ , радуются его побѣдѣ надъ непослушными и славятъ Бога (777)! . . . Торжество еще разительнѣйшее ожидало Сигизмунда , но уже не въ Россіи.

Историки Польскіе , строго осуждая его неблагоразуміе въ семъ случаѣ , пишутъ , что если бы онъ , взявъ Смоленскъ , немедленно устремился къ Москвѣ , то войско осаждающихъ , видя съ одной стороны наступленіе Короля , съ другой смѣлаго витязя Санѣгу , а предъ собою неподолимаго Госѣвскаго , разсѣялось бы въ ужасѣ какъ стадо овецъ ; что Король вошелъ бы побѣдителемъ въ Москву , съ Думою Боярскою умирить бы Государство , или давъ ему Владислава , или присоединивъ оное къ Республику , и возвратился бы въ Варшаву завоевателемъ не одного Смоленска , но цѣлой Державы Россійской (778). Заключеніе едва ли справедливое :

ибо тысячи пять усталыхъ воиновъ, съ Королемъ мало уважаемымъ Ляхами и не-навидимымъ Россіянами, не сдѣлали бы, вѣроятно, болѣе того, чѣмъ сдѣлалъ послѣ новый его Военачальникъ, какъ увидимъ: не премѣнило бы судьбы, назначенной Провидѣніемъ для Россії!

Сей Военачальникъ, Гетманъ Литовскій, Ходкѣвичъ, знаменитый опытностію и мужествомъ, дотолѣ дѣйствовавъ съ успѣхомъ противъ Шведовъ, былъ вызванъ изъ Ливоніи, чтобы ити съ войскомъ къ Москвѣ, вместо Сигизмунда, который нетерпѣливо желалъ успокоиться на лаврахъ, и немедленно уѣхалъ въ Варшаву, гдѣ Сенатъ и народъ съ веселіемъ привѣтство-вали въ немъ Героя. Но блестящее торже-ство для него и Республики совершилось

Шуй-
скій въ
Варша-
вѣ.

въ день достопамятный, когда Жолкѣвскій явился въ столицѣ съ своимъ Державнымъ плѣнникомъ, несчастнымъ Шуйскимъ. Сие зрѣлище, данное тщеславiemъ тщеславію, надмевало Ляховъ отъ Монарха до послѣд-наго шляхтича, и было, какъ они думали, несомнительнымъ знакомъ ихъ уже рѣ-шеннаго первенства надъ нами, концемъ долговременнаго боренія между двумя величими народами Славянскими. Утромъ (19 Октября), при несмѣтномъ стечепіи лю-бопытныхъ, Гетманъ ѿхалъ Краковскимъ предмѣстіемъ ко дворцу, съ дружиною

благородныхъ всадниковъ, съ Вельможами Коронными и Литовскими, въ шестидесяти каретахъ⁽⁷⁷⁹⁾; за ними, въ открытой богатой колесницѣ, на шести бѣлыхъ аргамакахъ, Василій, въ шарчевой одеждѣ и въ черной лисьей шапкѣ, съ друмъ братьями, Князьями Шуйскими, и съ Капитаномъ Гвардіи; далѣе Шеинъ, Архіепископъ Сергій и другіе Смоленскіе плѣнники въ особенныхъ каретахъ⁽⁷⁸⁰⁾. Король ждалъ ихъ во дворцѣ, сидя на тронѣ, окруженній Сенаторами и чиновниками, въ глубокой тишинѣ. Гетманъ ввелъ Царя-невольника и представилъ Сигизмунду. Лице Василія изображало печаль, безъ стыда и робости: онъ держалъ шапку въ рукѣ, и легкимъ наклоненіемъ головы привѣтствовалъ Сигизмунда. Всѣ взоры были устремлены на сверженаго Монарха, съ живѣйшимъ любопытствомъ и наслажденіемъ: мысль о превратностяхъ рока и жалость къ злосчастію не мѣшала восторгу Ляховъ. Продолжалось молчаніе: Василій также внимательно смотрѣлъ на лица Вельможъ Польскихъ, какъ бы искалъ знакомыхъ между ими, и нашелъ: отца Маринина, имъ спасеннаго отъ ужасной смерти, и въ сию минуту счастливаго его бѣдствіемъ⁽⁷⁸¹⁾! . . . Наконецъ Гетманъ прервалъ безмолвіе высокопарною рѣчью, не весьма искреннею и скромпою: «дивился въ ней разительнымъ перемѣнамъ въ «судьбѣ Государствъ и счастію Сигизмунда; хвалилъ его мужество и твердость въ обстоятельствахъ трудныхъ; славилъ завоеваніе Смолен-

«ска и Москвы; указывалъ на Царя, преемника «великихъ Самодержцевъ, еще недавно ужас-«ныхъ для Республики и всѣхъ Государей со-«сѣдственныхъ, даже Султана и почти цѣлаго «мира; указывалъ и на Дмитрія Шуйскаго, Пред-«водителя ста — осьмидесяти тысячъ воиновъ «храбрыхъ; исчислялъ Царства, Княженія, об-«ласти, народы и богатство, коими владѣли сіи «плѣнники, всего лишенные умомъ Сигизмун-«довымъ, взятые, повергаемые къ ногамъ Ко-«ролевскимъ . . . Тутъ (*пишутъ Ляхи*) Василій, «кланяясь Сигизмунду, опустилъ правую руку «до земли и приложилъ себѣ къ устамъ: Дми-«трій Шуйскій ударилъ челомъ въ землю, а «Князь Иванъ три раза, и заливаясь слезами. «Гетманъ поручалъ ихъ Сигизмундову велико-«душію; доказывалъ Исторію, что и самые зна-«менитѣйшіе Вѣнценосцы не могутъ называться «счастливыми до конца своей жизни, и ходатай-«ствовалъ за несчастныхъ.»

Великолушіе Сигизмунда состояло въ обузда-
ніи мстительныхъ друзей Воеводы Сеномир-
скаго, которые пытали нетерпѣніемъ сказать
торжественно Василію, что «онъ не Царь, а зло-
«дѣй, и недостойнъ милосердія, измѣнивъ Ди-
«митрію, упоивъ стогны Московскія кровью
«благородныхъ Ляховъ, обезчестивъ Пословъ
«Королевскихъ, вѣнчанную Марину, ея Вель-
«можнаго отца, и въ бѣдствіи, въ неволѣ дерзая
«быть гордымъ, упрямымъ⁽⁷⁸²⁾, какъ бы въ по-
«смѣяніе надъ судбою:» упрекъ достохвальный

для Царя злополучнаго и несогласный съ извѣстіемъ о мнимомъ уничиженіи его предъ Королемъ (783)! — Насытивъ глаза и сердце зреющими лестнымъ для народнаго самолюбія, послалъ Василія въ Гостинскій замокъ, близъ Варшавы, гдѣ онъ чрезъ иѣсколько мѣсяцевъ (12 Сентября 1612) копчилъ жизнь бѣдственную, но не безславную; гдѣ умерли и его братья, менѣе твердыя въ уничиженіи и въ неволѣ (784). Чтобы увѣковѣчить свое торжество, Сигизмундъ воздвигнуль мраморный памятникъ надъ могилою Василія и Князя Дмитрія въ Варшавѣ, въ предмѣстіи Krakовскомъ, въ новой часовнѣ у церкви Креста Господня, съ слѣдующею надписью: «Во славу Царя Царей, «одержавъ побѣду въ Клушинѣ, занявъ Москву, «возвративъ Смоленскъ Республику, плѣнивъ «Великаго Князя Московскаго, Василія, съ бра-«томъ его, Княземъ Дмитріемъ, Главнымъ Вое-«водою Россійскимъ, Король Сигизмундъ, по «ихъ смерти, велѣль здѣсь честно склонить «тѣла ихъ, не забывая общей судьбы человѣ-«ческой, и въ доказательство, что во дни его «царствованія не лишились погребенія и враги, «Вѣнценосцы беззаконные» (785)! — Во времена лучшія для Россіи, въ государствованіе Михаила, Польша должна была отдать ей кости Шуйскихъ; во времена еще славнѣйшія, въ государствованіе Петра Великаго, отдала сему ревностному заступнику Августа II и другой памятникъ нашей незгоды: картину взятія Смо-

ленска и Василіева позора въ неволѣ, писанную искусствомъ художникомъ Долабелью⁽⁷⁸⁶⁾. Рукою мугущества стерты знаменія слабости!

Еще имѣя иѣкоторый стыдъ, Король не явилъ Филарета, Голицына и Мезецкаго въ видѣ илѣнниковъ въ Варшавѣ: ихъ, вмѣстѣ съ Шеиннымъ, томили въ неволѣ девять лѣтъ, славныхъ особенно для Филаретовой добродѣтели: ибо не только Литовскіе единовѣрцы наши, но и Вельможи Польскіе, дивясь его твердости, разуму, великодушію, оказывали искреннее къ нему уваженіе. Онъ дожилъ, къ счастію, до свободы; дожилъ и знаменитый Шеинъ, къ несчастію своему и къ горести Россіи⁽⁷⁸⁷⁾! . . .

Межу тѣмъ, не взирая на паденіе Смоленска, на торжество Сигизмундово и важныя приготовленія Гетмана Ходкѣвича, Воеводы Московскаго стана имѣли бы время и способъ одолѣть упорную защиту Госѣвскаго, если бы они дѣйствовали съ единодушною ревностію; но съ Ляпуновымъ и Трубецкимъ сидѣль въ совѣтѣ, начальствовалъ въ битвахъ, лѣлиль власть государственную и воинскую . . . злодѣй, коего умыселъ гнусный уже не былъ тайною. Атаманъ Заруцкій, сильный числомъ и дерзостію своихъ Козаковъ-разбойниковъ, алчный, ненасытный въ любостяжа-

у и мы-
сель За-
руцкаго
и Мари-
ны.

нів, пользуясь смутными обстоятельствами, не только хваталъ все, что могъ, цѣлье города и волости себѣ въ добычу (⁷⁸⁸) — не только давалъ Козакамъ опустошать селенія, жить грабежемъ, какъ бы въ землѣ непріятельской, и плавалъ съ ними въ изобиліи, когда другіе воины едва не умиралі съ голоду въ станѣ: но мыслилъ схватить и Царство! Марина была въ рукахъ его: тщетно писавъ изъ Калуги жалобныя грамоты къ Сапѣгѣ (⁷⁸⁹), чтобы онъ спасъ ея честь и жизнь отъ свирѣпыхъ Россіянъ, сія безстыдная кинулась въ объятія Козака, съ условіемъ, чтобы Заруцкій возвель на престолъ Лжедимитріева сына-младенца и, въ качествѣ Правителя, властвовалъ съ нею! Что нелѣпое и безумное могло казаться тогда несбыточнымъ въ Россії? Лицемѣрно приставъ къ Трубецкому и Ляпунову — взявъ подъ надзоръ Марину, переведенную въ Коломну — имѣя дружелюбныя сношенія и съ Госѣвскимъ (⁷⁹⁰), обманывая Россіянъ и Ляховъ, Заруцкій умножалъ свои шайки прелестію добычи, искалъ единомышленниковъ, въ пользу Лжецаревича Іоанна, между людьми чиновными, и находилъ (⁷⁹¹), но еще не довольно для успѣха вѣроятнаго. Ковъ огласился — и Ляпуновъ предпріялъ, одинъ, безъ слабаго Трубецкаго, если не вдругъ обличить злодѣя въ Атаманѣ многолюдныхъ шакъ, то обуздать его беззаконія, которыя давали ему силу.

Ляпуновъ сдѣлалъ, что всѣ Дворяне, Дѣти Боярскіе, люди служивые написали челобитную

къ Тріумвирамъ о собраніи Думы Земской, требуя уставовъ для благоустройства и казни для преступниковъ (792). Къ досадѣ Заруцкаго и даже Трубецкаго, сія Дума составилась изъ Выборныхъ войска, чтобы действовать именемъ отечества и Чиновъ Государственныхъ, хотя и безъ знатнаго Духовенства, безъ мужей Синклита. Она утвердила власть Тріумвировъ (793), по Устав- предписала имъ правила; уставила: «1) Взять ная гра- «помѣстья у людей сильныхъ, которые за- мота. «владѣли ими въ мятеjныя времена безъ «земскаго приговора, раздать скучнымъ «Дѣтямъ Боярскимъ или употребить до- «ходы оныхъ на содержаніе войска; взять «также все данное именемъ Владислава или «Сигизмунда, сверхъ старыхъ окладовъ, «Боярамъ и Дворянамъ, оставшимся въ «Москвѣ съ Литвою; взять помѣстья у «всѣхъ худыхъ Россіянъ, нехотящихъ въ «годину чрезвычайныхъ опасностей ѻхать «на службу отечества или самовольно уѣз- «жающихъ изъ Московскаго стана; взять «въ казну всѣ доходы питетные и тамо- «женные, беззаконно присвоенные себѣ: «и некоторыми Воеводами» (вѣроятно Заруц- кимъ). «2) Снова учредить Вѣдомство По- «мѣстное, Казенное и Дворцовое для сбо- «ровъ хлѣбныхъ и денежныхъ. 3) Урав- «нять, землями и жалованьемъ, всѣхъ са- «новниковъ безъ разбора, гдѣ кто слу-

«жилъ : въ Москвѣ ли , въ Тушинѣ или въ Калу-
«гѣ , смотря по ихъ достоинству и чину . 4) Не
«касаться имѣнія добрыхъ Россіянъ , убитыхъ
«или плененныхъ Литвою , но отдать его ихъ
«семействамъ или соблюсти до возвращенія
«пленниковъ ; не касаться также имѣнія цер-
«квей , монастырей и Патріаршаго ; не касаться
«ничего , даннаго Царемъ Василіемъ въ награду
«сподвижникамъ Князя Михаила Скопина-Шуй-
«скаго и другимъ воинамъ за вѣрную службу .
«5) Назначить жалованье и доходы сановникамъ
«и Дѣтямъ Боярскимъ , коихъ помѣстья заняты
«или опустошены Литвою , и которые стоять
«нынѣ со всею землею противъ измѣнниковъ и
«враговъ . 6) Для посылокъ въ города употреб-
«лять единственно Дворянъ раненыхъ и неспо-
«собныхъ къ бою , а всѣмъ здоровымъ возвра-
«титься къ знаменамъ . 7) Кто нынѣ умретъ за
«отечество , или будетъ изувѣченъ въ битвахъ ,
«тѣхъ имена да внесутся въ Розрядныя Книги ,
«вмѣстѣ съ иллюстрированными описаниями всѣхъ дѣлъ
«знаменитыхъ , на память вѣкамъ . 8) Атама-
«намъ и Козакамъ строго запретить всякие разъ-
«ѣзы и насилия ; а для кормовъ посыпать только
«Дворянъ добрыхъ съ Дѣтьми Боярскими . Кто же
«изъ людей воинскихъ дерзнетъ грабить въ се-
«леніяхъ и на дорогахъ , тѣхъ казнить безъ
«милосердія : для чего возстановится старый
«Московскій Приказъ Разбойный или Земскій .
«9) Управлять войскомъ и землею тремъ из-
«браннымъ Властителямъ , но не казнить никого

«смертию и не ссылать безъ торжествен-
наго земскаго приговора , безъ суда и вины
«законной ; кто же убьетъ человѣка само-
«вольно , того лишить жизни , какъ злодѣя .
«10) А если избранные Властители не бу-
«дуть радѣть вседушно о благѣ земли и
«слѣдоватъ установленнымъ заѣсь правиламъ ,
«или Воеводы не будутъ слушаться ихъ
«безпрекословно : то мы вольны всею зем-
«лею перемѣнить Властителей и Воеводъ ,
«и выбрать иныхъ , способныхъ къ бою и
«дѣлу земскому .»

Сію важную , уставную грамоту , означе-
нную духомъ умѣренности , любви къ
общему государственному благу и счи-
тожденія къ несчастнымъ обстоятель-
ствамъ времени , подписали Тріумвиры
(Ляпуновъ вмѣсто Заруцкаго , вѣроятно
безграмотнаго) , три Дьяка , Окольничій Ар-
темій Измайлова , Князь Иванъ Голицынъ ,
Вельяминовъ , Иванъ Шереметевъ и мно-
жество людей безчиновныхъ отъ имени
двадцати-пяти городовъ и войска (⁷⁹⁴).
Дали и старались исполнить законъ ; воз-
становили хотя тѣнь Правительства , без-
душааго въ Самодержавіи безъ Самодерж-
ца . Но Ляпуновъ уже занимался и глав-
нымъ дѣломъ : вопросомъ , гдѣ искать луч-
шаго Царя для одушевленія Россіи ? Уже ,
виды
Ляпу-
нова. перемѣнивъ мысли (⁷⁹⁵) , онъ думалъ , по-
добно Мстиславскому и другимъ , что сей

лучший Царь долженъ быть иноземецъ Державного племени, безъ связей наследственныхъ и личныхъ, родственниковъ и клевретовъ, враговъ и завистниковъ между подданными. Недоставало времени обозрѣть всѣ Державы Христіанскія, искать далеко, сноситься долго: ближайшее казалось и выгоднѣйшимъ, объщаю памъ, вмѣсто вражды, миръ и союзъ. Ляхи настъ обманули: мы еще могли испытать Шведовъ, неизѣе противныхъ Россійскому народу. Ненависть къ Ляхамъ кипѣла во всѣхъ сердцахъ: ненависть къ Шведамъ была только историческимъ воспоминаніемъ Новгородскимъ — и даже Новгородъ, какъ увѣряютъ, мыслилъ въ случаѣ крайности поддаться скорѣе Шведамъ, нежели Сигизмунду (⁷⁹⁶). Что предлагалъ Делагарди самъ собою, того уже ревностно хотѣлъ Карль IX: дать намъ сына въ Цари; уполномочилъ Вождя своего для всѣхъ важныхъ договоровъ съ Россіею, и писалъ къ ея Чинамъ Государственнымъ, что Сигизмундъ, будучи орудиемъ Іезуитовъ или Папы, желаетъ властвовать надъ нею единственno для искорененія Греческой Вѣры; что Король Испанскій въ заговорѣ съ ними и намѣренъ занять Архангельскъ или гавань Св. Николая; но что Россія въ тѣсномъ союзѣ съ Швециею можетъ презирать и Ляховъ и Папу и Короля Испанскаго (⁷⁹⁷). Россія видѣла Шведовъ въ Клушинѣ! Могла однажды извинять ихъ невѣрность невѣрностю своихъ, и помнила, что они съ незабвеннымъ Княземъ Михаиломъ

освободили Москву. Ляпуновъ рѣшился вступить въ переговоры съ Генераломъ Делагарди.

Дѣла съ Шведами. Желая утвердить вѣчную дружбу съ нами, Шведы въ сіе время продолжали безсовѣстную войну свою въ древнихъ областяхъ Новогородскихъ, и тщетно хотѣвъ взять Орѣшекъ⁽⁷⁹⁸⁾, взяли наконецъ Кексгольмъ, гдѣ изъ трехъ тысячи Россіянъ, истребленныхъ битвами и цынгою, оставалось только сто человѣкъ, вышедшихъ свободно, съ имѣніемъ и знаменами: ибо непріятель еще страшился ихъ отчаянія, свѣдавъ, что они готовы взорвать крѣпость и взлетѣть съ нею на воздухъ! Дикия скалы Корельскія прославились величодушіемъ защитниковъ, достойныхъ сравненія съ Героями Лавры и Смоленска! Къ сожалѣнію, Новогородцы не имѣли такого духа, и хваляся ненавистью къ одному врагу, къ Ляхамъ, какъ бы безопасно видѣли завоеванія другаго: уже Делагарди стоялъ на берегахъ Волхова! Бояринъ Иванъ Салтыковъ, начальствуя въ Новгородѣ, внутренно благопріятствовалъ, можетъ быть, Сигизмунду⁽⁷⁹⁹⁾: по крайней мѣрѣ лѣйстновалъ усердно противъ Шведовъ; но его уже не было. Свѣдавъ, что онъ намѣренъ итти съ войскомъ къ Москвѣ, Новогородцы встревожились; не вѣрили сыну злодѣя и ревнителю Владиславова

царствованія, опасаясь въ немъ готоваго сподвижника Ляховъ; призвали Салтыкова изъ Ладожскаго стана, удостовѣрили крестнымъ обѣтомъ въ личной безопасности — и посадили на коль, возбужденные къ дѣлу столь гнусному злымъ Дьякомъ Самсоновымъ (⁸⁰⁰)! Издыхая въ мукахъ, злосчастный клялся въ своей невинности; говорилъ: «не знаю отца, знаю только отечество, и буду вездѣ рѣзаться съ Ляхами»... Жертва беззаконія человѣческаго и правосудія Небеснаго: ибо сей юный, умный Бояринъ въ ленъ Клушинской битвы усерднѣе другихъ измѣнниковъ способствовалъ торжеству Ляховъ и сраму Россіянъ (⁸⁰¹)! . . . На мѣсто Салтыкова Ляпуновъ прислалъ Воеводу Бутурлина, а въ слѣдь за нимъ и Князя Троекурова, Думнаго Дворянина Собакина, Дьяка Васильева, чтобы немедленно условиться во всемъ съ Генераломъ Делагарди, который съ пятью тысячами воиновъ находился уже близъ Хутынской Обители (⁸⁰²). Переговоры началися въ его станѣ. «Судьба Россіи» — сказалъ ему Бутурлинъ — «не терпитъ Вѣнценосца отечествен-наго: два бѣдственныхъ избранія доказали, что «подданному нельзѧ быть у насъ Царемъ благословеннымъ» (⁸⁰³). Ляпуновъ хотѣлъ мира, союза съ Шведами и Принца ихъ, юнаго Филиппа, въ Государи; а Делагарди прежде всего хотѣлъ денегъ и крѣпостей въ залогъ нашей искренности: требовалъ Орѣшку, Ладоги, Ямы, Копорья, Иваня-города, Гдова (⁸⁰⁴). «Лучше

«умереть на своей землѣ, нежели искать спасенія такими уступками,» отвѣтствовали Россійскіе Саповники, и заключили только перемирие, чтобы описаться съ Ляпуновымъ. Наученный обманомъ Сигизмунда, сей Властитель не думалъ дѣлиться Россіею съ Шведами; соглашался однако же впустить ихъ въ Невскую крѣпость и выдать имъ не сколько тысячи рублей изъ казны Новогородской, если они поспѣшатъ къ Москвѣ, чтобы вмѣстѣ съ вѣриими Россіянами очистить ея престолъ отъ тѣни Владиславовой — для Филиппа. Все зависѣло отъ Делагарди, какъ прежде отъ Сигизмунда, — и Делагарди сдѣлала же, что Сигизмундъ: предполечь городъ Державъ! . . . Если бы онъ неукончительно присоединился къ нашему войску подъ столицею, чтобы усилить Ляпунова, раздѣлить съ нимъ славу успѣха, истребить Госѣвскаго и Сашѣгу, отразить Ходкѣвича, возстановить Россію: то вѣнецъ Мономаховъ, истогнутый изъ рукъ Литовскихъ, возвратился бы, вѣроятно, потомству Варяжскому, и братъ Густава Адольфа или самъ Адольфъ, въ освобожденной Москвѣ законно избранный, законно утвержденный на престолъ Великою Думою Земскою, включилъ бы Россію въ систему Державъ, которыхъ, чрезъ не сколько лѣтъ, Вестфальскимъ миромъ основали равновѣсіе Европы до временъ новѣйшихъ!

Но Делагарди, синкавъ личную пріязнь Бутурлина, бывшаго Гетманова пленника и ревностнаго

ненавистника Ляховъ, вздумалъ, по тайному совѣту сего легкомысленнаго Воеводы, какъ пишутъ⁽⁸⁰⁵⁾ — захватить древнюю столицу Рюрикову, чтобы возвратить ее Московскому Царю-Шведу, или удержать какъ важное пріобрѣтеніе для Швеціи. Срокъ перемирія минулъ, и Делагарди, жалуясь, что Новгородцы не даютъ ему денегъ, изъявляютъ расположеніе непріятельское, укрѣпляются, жгутъ деревянныя зданія близъ вала, ставятъ пушки на стѣнахъ и башняхъ⁽⁸⁰⁶⁾, приближился къ Колмову монастырю, устроилъ войско для нападенія, тайно высмотривъ мѣста и дружелюбно угощалъ пословъ Ляпунова. Бутурлинъ съ нимъ не разлучался, празднуя въ его станѣ. Другіе Воеводы также беспечно пили въ Новгородѣ; не берегли ни стѣнъ, ни башень; жителиссорились съ людьми ратными; купцы возили товары къ Шведамъ. Ночью съ 15 на 16 Іюля⁽⁸⁰⁷⁾ Делагарди, объявивъ своимъ чиновникамъ, что вразгледебный Новгородъ, великий имѣнемъ, славный богатствомъ, не страшный силами, долженъ быть ихъ легкою добычею и важнымъ залогомъ, съ помощью одного слуги измѣника, Ивана Швала, незапно вломился въ западную часть города, въ Чудинцовскія ворота. Всѣ спали: обыватели и стража. Шведы рѣзали безоружныхъ. Скоро раздался вопль изъ конца

Новгородъ
взять
Генераломъ
Делагарди.

въ конецъ, но не для битвы: кидались отъ ужаса въ рѣку, спасались въ крѣость, бѣжали въ поле и въ лѣса (⁸⁰⁸); а Бутурлинъ Московскою дорогою съ Дѣтыми Боярскими и Стрѣльцами, имѣвъ одножъ время выграбить лавки и дома знатнѣйшихъ купцовъ. Сражалась только горсть людей подъ начальствомъ Головы Стрѣлецкаго, Василія Гаютина, Атамана Шарова, Дьяковъ Голенищева и Орлова; не хотѣла сдаться и легла на мѣстѣ. Еще одинъ домъ на Торговой Сторонѣ казался неодолимою твердынею: Шведы приступали и не могли взять его. Тамъ мужествовалъ Протоіерей Софійскаго храма, Аммосъ, съ своими друзьями, въ глазахъ Митрополита Исидора, который на стѣнахъ крѣости пѣлъ молебны, и видя такую доблѣсть, издали давалъ ему благословеніе крестомъ и рукою, снявъ съ него какую-то эпитимію церковную. Шведы сожгли наконецъ и домъ и хозяина, послѣдняго славнаго Новогородца въ Исторіи (⁸⁰⁹)! Уже не находя сопротивленія, они искали добычи; но пламя объяло вдругъ нѣсколько улицъ, и Воевода Бояринъ Князь Никита Одоевскій, будучи въ крѣости съ Митрополитомъ, немногими Дѣтыми Боярскими и народомъ малодушнымъ, предложилъ Генералу Делагарди мирныя условія.

Дого-
воръ
Шве-
Заключили, 17 Іюля (⁸¹⁰), слѣдующій дого-
воръ, отъ имени Карла IX и Новагорода,

съ вѣдома Бояръ и народа Московскаго, дловъ съ
утверждая всякую статью крестнымъ цѣло- Новыи-
ваніемъ за себя и потомство: горо-
домъ.

1) Быть вѣчному миру между обѣими Державами, на основаніи Тевзинскаго (811) договора. Мы, Новогородцы, отвергнувъ Короля Сигизмунда и наследниковъ его, Литву и Ляховъ вѣроломныхъ, признаемъ своимъ защитникомъ и покровителемъ Короля Шведскаго, съ тѣмъ, чтобы Россіи и Швеції вмѣстѣ противиться сему врагу общему, и не мириться одной безъ другой.

2) Да будетъ Царемъ и Великимъ Княземъ Владимірскимъ и Московскими сыномъ Короля Шведскаго, Густавъ Адольфъ или Филиппъ. Новгородъ цѣлуется ему крестъ въ вѣрности, и до его прибытія обязывается слушать воепачальника Іакова Делагарди во всемъ, что касается до чести упомянутаго сына Королевскаго и до государственного, общаго блага; вмѣстѣ съ нимъ, Іаковомъ, утвердить въ вѣрности къ Королевичу всѣ города своего Княжества, оборонять ихъ и не жалѣть для того самой жизни. Мы, Исидоръ Митрополитъ, Воевода Князь Одоевскій и всѣ иные сановники, клянемся ему, Іакову, быть искренними въ совѣтѣ и ревностными на дѣлѣ; немедленно сообщать все, что узнаемъ изъ Москвы и другихъ мѣстъ Россіи; безъ его вѣдома не замышлять

ничего важного, особенно вредного для Шведовъ, но предостерегать и хранить ихъ во всѣхъ случаяхъ; также объявить добросовѣстно всѣ приходы казенные, наличныя деньги и запасы, чтобы удовольствовать войско, спасти крѣпости всѣмъ нужнымъ для ихъ безопасности и тѣмъ успѣшнѣе смирить непослушныхъ Королевичу и великому Новугороду.

3) Взаимно и мы, Іаковъ Делагарди и всѣ Шведскіе сановники, клянемся, что *если* Княжество Новогородское и Государство Московскіе признаютъ Короля Шведскаго и наследниковъ его своими покровителями, заключивъ союзъ, противъ Ляховъ, на вышеозначенныхъ условіяхъ: то Король дастъ имъ сына своего, Густава или Филиппа, въ Цари, какъ скоро они единодушно, торжественнымъ посольствомъ, изъявятъ Его Величеству свое желаніе; а я, Делагарди, именемъ моего Государя обѣщаю Новугороду и Россіи, что ихъ древняя Греческая Вѣра и Богослуженіе останутся свободны и невредимы, храмы и монастыри цѣлы, Духовенство въ чести и въ уваженіи, имѣніе Святынельское и Церковное неприкосновенно.

4) Области Новогородскаго Княжества и другія, которыя захотятъ также имѣть Государя моего покровителемъ, а сына его Царемъ, не будутъ присоединены къ Швеціи, но останутся Россійскими, исключая Кексгольмъ съ Уѣзломъ; а что Россія должна за наемъ Шведскаго войска, о томъ Король, давъ ей сына въ Цари и сми-

ривъ всѣ мятежи ея, съ Боярами и народомъ сдѣлаетъ расчетъ и постановленіе особенное.

5) Безъ вѣдома и согласія Россійскаго Правительства не вывозить въ Швецію ни денегъ, ни воинскихъ снарядовъ, и не сманивать Россіянъ въ Шведскую землю, но жить имъ спокойно на своихъ древнихъ правахъ, какъ было отъ времени Рюрика до Феодора Ioannовича.

6) Въ судахъ, вмѣстѣ съ Россійскими сановниками должно засѣдатъ такое же число и Шведскихъ для наблюденія общей справедливости. Преступниковъ, Шведовъ и Россіянъ, наказывать строго; не укрывать ни тѣхъ, ни другихъ, и въ силу Тевзинскаго договора, выдавать обидчиковъ истцамъ.

7) Бояре, чиновники, Дворянство и люди воинскіе сохраняютъ отчины, жалованье, помѣстья и права свои; могутъ заслужить и новыя, усердіемъ и вѣрностію.

8) Будутъ награждаемы и достойные Шведы, за ихъ службу въ Россіи, имѣніемъ, жалованьемъ, землями, но единственно съ согласія Вельмож Россійскихъ, и не касаясь собственности церковной, монастырской и частной.

9) Утверждается свобода торговли между обѣими Державами.

10) Козакамъ Дерптскимъ, Ямскимъ и другимъ изъ Шведскихъ владѣній открыть путь въ Россію и назадъ (^{вс2}), какъ было установлено до Борисова царствованія.

11) Крѣпостные люди, или холопи, какъ

издревле ведется, принадлежать Господамъ, и не могутъ искать вольности.

12) Плѣнники, Россійскіе и Шведскіе, освобождаются.

13) Сіи условія тверды и ненарушимы какъ для Новагорода, такъ и для всей Московской Державы, если она признаетъ Государя Шведскаго покровителемъ, а Королевича Густава или Филиппа Царемъ. О всемъ дальнѣйшемъ, что будетъ нужно, Король условится съ Россіею по воцареніи его сына.

14) Между тѣмъ, ожидая новыхъ повелѣній отъ Государя моего, я, Делагарди, введу въ Новгородъ столько воиновъ, сколько нужно для его безопасности; остальную же рать употреблю, или для смиренія непослушныхъ, или для защиты вѣрныхъ областныхъ жителей; а Княжествомъ Новогородскимъ, съ помощью Божію, Митрополита Исидора, Воеводы Князя Одоевскаго и товарищѣй его, буду править радѣтельно и добросовѣтно, охраняя гражданъ и строгостю удерживая воиновъ отъ всякаго насилия.

15) Жители обязаны Шведскому войску давать жалованье и припасы, чтобы оно тѣмъ ревностнѣе содѣйствовало общему благу.

16) Боярамъ и ратнымъ людямъ не дозволяется, безъ моего вѣдома, ни выѣзжать, ни вывозить своего имѣнія изъ города (⁸¹³).

17) Сіи взаимныя условія ненарушимы для Новагорода, и въ такомъ случаѣ, если бы,

сверхъ чаянія , Государство Московское не приняло оныхъ: въ удостовѣреніе чего мы, Воевода Іаковъ Делагарди , Полковники и Сотники Шведской рати , даемъ клятву , утвержденную нашими печатями и рукоприкладствомъ.

18) И мы , Исидоръ Митрополитъ съ Духо-венствомъ , Бояре , Чиновники , купцы и вся-каго званія люди Новогородскіе , также кля-немся , въ вѣрномъ исполненіи договора , на-шему покровителю , Его Величеству Карлу IX и сыну его , будущему Государю нашему , хотя бы , сверхъ чаянія , Московское Царство и не при-няло сего договора .

О Вѣрѣ избираемаго не сказано ни слова ; Делагарди безъ сомнѣнія успокоилъ Новогородцевъ , какъ Жолкѣвскій Москвитянъ , един-ственно надеждою , что Королевичъ исполнить ихъ желаніе и будетъ сыномъ нашей Церкви . Въ крайности обстоятельствъ молчала и рев-ность къ Православію ! Думали только спас-тися отъ государственной гибели , хотя и съ соблазномъ , хотя и съ опасностію для Вѣры .

Шведы , вступивъ въ крѣпость , нашли въ ней множество пушекъ ⁽⁸¹⁴⁾ , но мало воин-скихъ и сѣбѣстныхъ припасовъ и только 500 рублей въ казнѣ , такъ , что Делагарди , мы-сливъ обогатиться несмѣтными богатствами Новогородскими , долженъ былъ требовать де-негъ отъ Короля : ибо войско его нетерпѣ-

Мятежъ либо хотѣло жалованья, волновалось, въ войскѣ Генерала Делагарди бунтовало, и цѣлья дружины съ распушечными знаменами бѣжали въ Финляндию (845).

Къ счастію Шведовъ, Новогородцы оставались зрителями ихъ мятежа, и дали Генералу Делагарди время усмирить его, вѣрно исполняя договоръ, утвержденный и присягою всѣхъ Дворянъ, всѣхъ людей ратныхъ, которые ушли съ Бутурлинымъ, по возвратились изъ Бронницъ. Самъ же Бутурлинъ, если не измѣнникъ, то безумецъ, живъ нѣсколько дней въ Бронницахъ, чтобы дождаться тамъ своихъ пожитковъ изъ Новагорода, имъ злодѣйски ограбленного, сиѣшиль въ станъ Московскій, вмѣстѣ съ Делагардіевымъ чиновникомъ, Георгомъ Бромме, извѣстить нашихъ Воеводъ, что Шведы, взявъ Новгородъ какъ вепріатели, готовы какъ друзья стоять за Россію противъ Ляховъ.

Но станъ Московскій представлялся уже не Россіею вооруженною, а мятежнымъ скопищемъ людей буйныхъ, между коими честь и добродѣтель въ слезахъ и въ отчаяніи укрывались! — Одинъ Россіянинъ былъ душою всего, и наль, казалось, на гробъ отечества. Врагамъ иноплеменнымъ ненавистный, еще ненавистнѣйшій измѣнникъ и злодѣямъ Россійскимъ, тотъ, на кого Атаманъ разбойниковъ, въ личинѣ

государственного Властителя, извергъ Заруцкій, скрежеталъ зубами — Ляпуновъ дѣйствовалъ подъ ножами (⁸¹⁶). Уважаемый, но мало любимый за свою гордость, онъ не имѣлъ, по крайней мѣрѣ, смиренія Михайлова; зналъ цѣну себѣ и другимъ; снисходилъ рѣдко, прензиралъ явно; жилъ въ избѣ, какъ во дворцѣ недоступномъ, и самые знатные чиновники, самые раболѣпные уставали въ ожиданіи его выхода, какъ бы Царскаго (⁸¹⁷). Хищники, имъ унимаемые, вылали злобу и замышляли убийство, въ надеждѣ угодить многимъ личнымъ непріятелямъ сего величаваго мужа. Первое покушеніе обратилось ему въ славу (⁸¹⁸); 20 Козаковъ, кинутыхъ Воеводою Илещевымъ въ рѣку за разбой близъ Угрѣнской Обители, были спасены ихъ товарищами и приведены въ станъ Московскій. Сдѣлался мятежъ: грабители, вступаясь за грабителей, требовали головы Ляпунова. Видя остервененіе злыхъ и холодность добрыхъ, онъ въ порывѣ негодованія сѣлъ на коня и выѣхалъ на Рязанскую дорогу, чтобы удалиться отъ недостойныхъ сподвижниковъ. Козаки догнали его у Симонова монастыря, но не дерзнули тронуть: напротивъ того убѣждали остаться съ ними. Онъ ночевалъ въ Никитскомъ укрѣленіи, гдѣ въ слѣдующій день явилось все войско: кричало, требовало, слезно молило именемъ Россіи, чтобы ея главный поборникъ не жертвовалъ ею своему гнѣву. Ляпуновъ смягчился, или одумался: занялъ

прежнее мѣсто въ станѣ и въ совѣтѣ, одолѣвъ враговъ, или только углубивъ ненависть къ себѣ въ ихъ сердцѣ. Мятежъ утихъ; возникъ гнусный ковъ, съ участіемъ и внѣшняго непріятеля. Имѣя тайную связь съ Атаманомъ-Тріумвиromъ, Госѣвскій изъ Кремля подалъ ему руку на гибель человѣка, для обоихъ страшнаго: вмѣстѣ умыслили и написали именемъ Ляпунова указъ къ городскимъ Воеводамъ о немедленномъ истребленіи всѣхъ Козаковъ въ одинъ день и часть (819). Сію подложную, будто бы отнятую у гонца бумагу представилъ товарищамъ Атаманъ Заварзинъ: рука и печать казались несомнительными. Звали Ляпунова на сходъ: онъ медлилъ; наконецъ увѣренный въ безопасности двумя чиновниками, Толстымъ и Потемкинымъ, явился среди шумнаго сбора Козаковъ; выслушалъ обвиненія; увидѣлъ грамоту и печать; сказалъ: «писано не мною, «а врагами Россіи;» свидѣтельствовался Богомъ; говорилъ съ твердостію; смыкалъ уста и буйныхъ; не усовѣстилъ единственно злодѣевъ: его убили, и только одинъ Россіянинъ, личный непріятель Ляпунова, Иванъ Ржевскій, сталъ между имъ и ножами: ибо любилъ отчество; не хотѣлъ пережить такого убийства, и великодушно пріялъ смерть отъ изверговъ (820): жертва единственная, но драгоценная, въ честь Герою своего времени, Главѣ возстанія, животворцу государственному, коего великая тѣнь, уже примиренная съ закономъ,

является лучезарно въ преданіяхъ Исторіи, а тѣло, искаженное злодѣями, осталось, можетъ быть, безъ Христіанскаго погребенія, и служило пищею вранамъ, въ упрекъ современникамъ неблагодарнымъ, или малодушнымъ, и къ жалости потомства!

Слѣдствія были ужасны. Не умѣвъ защищить мужа силы, достойнаго Стратига и Владытеля, войско пришло въ неописанное смятеніе; надежда, довѣренность, мужество, устройство исчезли. Злодѣйство и Заруцкій торжествовали (⁸²¹); грабительства и смертоубийства возобновились, не только въ сelaхъ, но и въ станѣ, гдѣ неистовые Козаки, расхитивъ имѣніе Ляпунова и другихъ, умертвили многихъ Дворянъ и Дѣтей Боярскихъ. Многіе воины бѣжали изъ полковъ, думая о жизни болѣе, нежели о чести, и вездѣ распространили отчаяніе; лучшіе, благороднѣйшіе искали смерти въ битвахъ съ Ляхами (⁸²²)... Въ сіе время явился Сапѣга отъ Переславля, а Госѣвскій сдѣлалъ вылазку: напали дружно, и снова взяли все отъ Алексѣевской башни до Тверскихъ воротъ, весь Бѣлыи городъ и всѣ укрѣпленія за Москвою-рѣкою. Россіяне вездѣ противились слабо, уступивъ малочисленному непріятелю и монастырь Дѣвичій (⁸²³). Сапѣга вошелъ въ Кремль съ побѣдою и запасами. Хотя Россія еще видѣла знамена свои на пеплѣ столицы, но чего могла ждать отъ войска, коего срамными Главами оставались Тушинскій

Лжебояринъ и злодѣй, сообщникъ Мариньи, вмѣстѣ съ измѣнниками, Атаманомъ Просовецкимъ и другими, не воинами, а разбойниками и губителями?

Состояние Россіи. И что была тогда Россія? Вся полуденная беззащитною жертвою грабителей Ногайскихъ и Крымскихъ: пепелищемъ кровавымъ, пустынею; вся юго-западная, отъ Десны до Оки, въ рукахъ Ляховъ, которые, по убієніи Лжедимитрія въ Калугѣ, взяли, разорили вѣрные ему города: Орелъ, Болховъ, Бѣлевъ, Караваевъ, Алексинъ и другіе ⁽⁸²⁴⁾; Астрахань, гнѣздо мелкихъ Самозванцевъ ⁽⁸²⁵⁾, какъ бы отдѣлилась отъ Россіи, и думала существовать въ видѣ особеннаго Царства, не слушаясь ни Думы Боярской, ни Воеводъ Московскаго стана; Шведы, схвативъ Новгородъ, убѣжденіями и силою присвоивали себѣ наши сѣверо-западныя владѣнія, гдѣ господствовало безначаліе,— гдѣ явился еще новый, третій или четвертый Лжедимитрій ⁽⁸²⁶⁾, достойный предшественниковъ, чтобы прибавить новый стыдъ къ стыду Россіянъ современныхъ и новыми гнусностями обременить Исторію,— и гдѣ еще держался Лисовскій съ своими злодѣйскими шайками. Высланный наконецъ жителями изо Пскова и не впущенный въ крѣпкій Иваньгородъ, онъ взялъ Вороночь, Красный, Заволочье;

нашадаль на малочисленные отряды Шведовъ; грабиль, гдѣ и кого могъ (827). Тихвинъ, Ладога сдалися Генералу Делагарди на условіяхъ Новогородскихъ (828); Орѣшекъ не сдавался. . . .

A horizontal row of 20 small black dots on a light beige background, arranged in a grid pattern.

ПРИЛОЖЕНИЯ

къ XII тому

ИСТОРИИ

ГОСУДАРСТВА РОССІЙСКАГО.

- I. Перечень происшествій, собственно-
ручно выписанныхъ Исторіографомъ
изъ главиѣйшихъ матеріаловъ, коими
онъ пользовался для сочиненія XII
Тома.
- II. О Древней и Новой Россіи въ ея по-
литическомъ и гражданскомъ отноше-
ніяхъ (отрывокъ изъ рукописи Исто-
ріографа).

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

съ тѣмъ, чтобы по напечатаніи представлено было въ Цензурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ. С. Петербургъ. 8 Мая 1853 года.

Цензоръ А. Крыловъ.

ИСЛАМСКИЕ СОКРАЩЕНИЯ

I.

ПЕРЕЧЕНЬ ПРОИСШЕСТВІЙ,

собственоручно выписанныхъ Исторіографомъ изъ главиѣйшихъ матеріаловъ, коими онъ пользовался для сочиненія XII тома.

ИЗЪЯСНЕНИЕ СОКРАЩЕНИЙ.

Грамоты.	Собрание Государственныхъ Грамотъ и Договоровъ, хранящихся въ Государственной Коллегии Иностранныхъ Дѣлъ. М. 1813—1826.
Договоры.	Та же книга.
Д.	Димитрій или Іжедимитрій.
Ермолаевъ.	Выписки сообщенные Историографу Ермолаевымъ изъ Сборника, хранящагося въ Императорской Публичной Библиотекѣ.
Ж.	Жолкѣвскій.
Журналы.	«Rzeczy Polskich za Dymitra opisanie» и «Dyariusz Poslow.»
Камен.	Дипломатическое собрание Бантыша-Каменского.
Латух.	Латухинская Степенная Книга
Львовъ.	Львовскій Лѣтописецъ.
Л.	Лѣтоиссецъ.
л.	листъ.
Н. Л. } Ник. }	Никоновскій Лѣтописецъ.
об.	На оборотѣ.
Румянц.	Румянцовская рукопись.
Rzeczy. } Rz	Rzeczy Polskich za Dymitra opisanie.
Уваровъ.	Хронографъ принадлежавшій Уварову.
Ф.	Рукопись Патріарха Филарета.
Ш.	Шуйскій.

ВАРИАНТЪ

BAPIAHNT'S

КЪ СТРАНИЦАМЪ 318 И 319.

Нѣкоторыя изъ послѣднихъ страницъ XII тома пайдены въ подлинной рукописи покойнаго Исторіографа въ двухъ видахъ. Издатели сего тома въ 1829 году выбрали изъ обоихъ вариантовъ полнѣйшій. Преллагаемъ и другой, для любопытныхъ Читателей, считая долгомъ, замѣтить, что начало его слѣдуетъ немедленно за словами страницы 318: *дожилъ и зиппенитын Шеинъ, къ несчастію своему и къ горести Россіи* (⁷⁸)!....

Сія неволя тяжкая въ землѣ враждебной сколь
была завидна въ сравненіи съ жребіемъ тѣхъ
Россіянъ, которые, еще дерзая именоваться Боя-
рами, Правителями Государственными, служили
тогда Ляху Госѣвскому или злодѣю Салтыкову,
и въ смятеніи ума писали изъ Кремля къ Сигиз-
мунду, что они поздравляютъ его съ одолѣніемъ
бунтовщиковъ Смоленскихъ и воздаютъ за то
хвалу Богу!

Если въ осажденномъ Кремль недостойные Россіяне могли искренно или притворно, хотя и не менѣе гнусно радоваться: то сердце въ осаждающихъ упало, когда свѣдали о гибели Смоленска, а скоро и другаго знаменитаго, дотолѣ вѣрнаго города, гдѣ самая ненависть къ Ляхамъ дала выгоду иному врагу нашему, столь же хищному. Бояринъ Иванъ Салтыковъ, начальствуя въ Новѣгородѣ, мирволилъ, можетъ быть, Сигизмунду: но крайней мѣрѣ дѣйствовалъ усердно противъ Шведовъ, и выгнавъ ихъ изъ Ладоги, хотѣлъ освободить Кексгольмъ, уже нѣсколько мѣсяцевъ ими тѣснѣмый; но узнавъ о происшедшемъ въ Москвѣ, немедленно выступилъ туда съ войскомъ изъ Ладоги: съ какимъ намѣреніемъ, неизвѣстно. Сынъ злодѣя и ревнитель Владиславова царствованія могъ ли вселять довѣрность? Желалъ дѣйствовать за одно со всѣми Россіянами для избавленія столицы отъ Ляховъ, Новогородцы подозрѣвали Ивана Салтыкова въ единомысліи съ отцемъ и звали къ себѣ, давъ ему клятву въ личной для него безопасности. Салтыковъ явился — и былъ вѣроломно преданъ ужасной пыткѣ; клялся въ невинности; говорилъ: «не знаю отца; знаю только отечество и буду рѣзаться съ Ляхами.» Возбуждаемые Дьякомъ Самсоновымъ, Новогородцы посадили сего несчастнаго, юнаго Боярина на конъ, — и Тріумвиры Московскаго стана, довольные ихъ ревностію, на его мѣсто прислали къ нимъ знатнаго Сановника Василія Бутурлина, кото-

рый , бывъ плѣнникомъ Гетмана Жолкѣвскаго , хвалился омерзѣніемъ къ Ляхамъ , а не любовію къ чести и свободѣ Государственной ; судилъ по себѣ о другихъ Россіянахъ , не ждалъ ничего добра отъ своихъ , и лично зная Делагарди , тайно изъявилъ ему готовность содѣйствовать видамъ Шведской политики . Въ сіе время Шведы безъ успѣха приступали къ Орѣшку , но взяли наконецъ Кекегольмъ , гдѣ изъ трехъ тысячъ Россіянъ , истребленныхъ битвою и цынгою , оставалось только 100 человѣкъ , вышедшихъ свободно съ имѣніемъ и съ оружиемъ : ибо непріятель еще страшился ихъ отчаянія , свѣдавъ , что они готовы взорвать крѣпость и взлетѣть съ нею на воздухъ ! Къ несчастію Новогородцы не имѣли такого духа . Делагарди , увѣренный въ Бутурлинѣ , съ пятью тысячами Шведовъ приблизился къ Хутынскому монастырю , объявляя вездѣ письмо Карла IX къ Государственнымъ Чинамъ о намѣреніи Короля Испанскаго завоевать пристань Св. Николая , или Архангельскъ , если мы не соединимся съ Шведами , заплативъ имъ всѣ деньги по договору Мансфельдову и Выборгскому : Новогородцы увѣрили Делагарди въ дружелюбіи , въ готовности возобновить союзъ съ Шведами , но требовали , чтобы онъ удалился къ границѣ ждать тамъ отвѣта Воевода Московскаго стана на предложенія Карловы , и между тѣмъ , пославъ ихъ къ Тріумвирамъ , взяли мѣры , хотя исподволь , для своей защиты : ибо Делагарди не хотѣлъ отступить , тайно сносясь

съ Бутурлинымъ. Еще Новогородцы вѣрили Шведамъ: вѣрилъ имъ и Ляпуновъ, коего мысль и дѣло въ семъ случаѣ изъяснились обстоятельствами важными.

КОНЕЦЪ XII ТОМА.

ЦАРСТВОВАНИЕ

ВАСИЛІЯ ІОАННОВИЧА ШУЙСКАГО.

Сарах imperii
nisi imperasset. Г. 1606—1610.

=====

Никон. 76.

Родъ — Клятва — Грамоты —
Никон. Журнал.

Патріарх.— Ссылка Власьева — Игнатія заключаютъ —

Грамоты о томъ. Н. А. 79. Никон.

Мощи Іюня 3. Разсылаютъ
Поляковъ — Посольство въ
Литву — Измѣны*) городовъ

Н. А. 79.

— Осада Ельца — Моръ въ
Новъгородъ — Петрушка —
80.

Бунтъ крестьянъ и холопей.

*) Хронограф. : Съвера боится
мести , и къ Полякамъ . —
Царь къ миру уговаривать
Митроп. Пафнутія.

Іовъ ослѣпъ : разрѣшаетъ на-
родъ (Ермолаевъ?) Петруш-
ка : Иваномъ Ивановичемъ
— холопъ Свіяжск. головы
Стрѣлецкаго Григорія Ела-
гина.

Грамоты 300.

- 1) Приисяга Царю.
- 2) отъ Бояръ.
- 3) отъ Царя.
- 4) отъ Мароы.

Іюна 2.

- 5) Царя о подроб-
ностяхъ.
(Палицынъ).
- 6) Мароы о мошахъ
къ жителямъ Ель-
ца.

- 1) родъ
  - 2) клятва
  - 3) грамоты
  - 4) мощи
	Корона-
	ціл?
	не 24?
	Патрі- архъ?

Матеріалы :

Журналы 2.

Беръ —

Паерле —

Де-Ту —

Филаретъ .

Никон. ,

Морозов. ,

Аврамій. ,

Латух. ,

Хронографы .

Псков. Лѣт.

2 Іюня RZECZY 67.

21 Мая Марину къ Мнишку, который обходился съ нею etc. 101. — См. Нѣмцев.

Жолевровъ.

Выслали Поляковъ къ границѣ : Rzeczy 67.

6 Іюня (Н. С.) Послы съ боярами во дворцѣ.
103 об. (пышность исчезла ; какъ похороны).
Рѣчь : «мы обѣ немъ не можемъ жалѣть.» —
76. Rz.

Коронація 1 Іюня (въ Воскресенье) Rzeczy 67
и 119 об.

2 — тѣло Димитріево въ Москву
(въ другомъ 123 об.)

9 Іюня. Мнишекъ у Бояръ. 67 : вещи присланы
къ Маринѣ.

78 : Наши послы въ Литву 22 Іюня. 25 Іюня смя-
тепіе въ Москвѣ 79.

79 : Сослали Аѳан. Власьева : къ нему въ домъ
воеводу и Марину (домъ Борисовъ горитъ 83)
см. другой журналъ 111.

— Бояре властнѣ Царя.

Іюля 1 слухъ , что Дим. живъ — слухъ о пора-
женіи. 82.

80) 1 Авг. Мятежъ : шлютъ войско на мятежни-
ковъ.

80) Вишнев. etc. въ Кострому — другое въ Ро-
стовъ, Тверь. 81.

81) Царь къ Троицѣ.

82) Мнишекъ въ Ярославль.

- 84) Сосланъ въ Сибирь Бояринъ Ив. Томалчинъ.
86 : 17 Авг. вѣсть , что 5000 у Ельца побито —
96 еще побито. — еще 97—98 Побѣда. — 107.
— Смятеніе 108 и 109—111 клятва Ш. побѣдить — 114, 117. — 112 въ желѣзы Медиковъ.
-

въ Окт. 1607. Письмо Харлескаго о второмъ Димитріи , въ Нѣмцевич. переводѣ 23, въ оригиналѣ 302.

Повѣсть о разореніи Московскаго Государства.

№ 95.

л. 7. Атаманы : Истома Пашковъ , сынъ Боярской , и Ивашко Болотниковъ , человѣкъ Телятевскаго . Прилагаются къ Петрушкѣ холопи .

См. Дѣла Польск.

Кто второй Димитрій ? Веревкинъ .

Между тѣмъ Шуйскій подъ Тулою .

л. 8. Тушинскій казнить Самозванцевъ (NB Грамота къ его войску отъ бояръ см. въ Румянцевѣ .)

1½ года осаждаютъ Троицу .

Приходитъ К. М. Шуйскій — воръ бѣжитъ .

Михаилъ умеръ . Шведы бѣгутъ .

Панъ Жолкѣвскій приходитъ къ Москвѣ .

Шуйскаго Монаха ссылаютъ въ Іосифовъ Монастырь . Тутъ и гл. Салтыковъ о Владиславѣ .

Впускаютъ Поляковъ въ Москву : Посольство къ Королю.

л. 9. Отвозятъ Шуйского.

Воръ отъ Москвы къ Калугѣ, и тамъ убить.
Трубецкой, Ляпуновъ.

Общій постъ въ Россіи.

Третій Димитрій въ Иванѣ городѣ, и во
Псковѣ : см. Псков. Лѣтоп.

Войско подъ Москвою крестъ ему цѣлуетъ;
но Троица нѣтъ. Казнь вору.

Лучшаго Воеводу, Ляпунова, убиваютъ мя-
тежники; лучшіе люди разъѣхались.

л. 10. Заруцкій съ Мариою и съ ея сыномъ бѣ-
житъ отъ Москвы; поиманъ и казненъ
съ Мариою.

Берз.

1606.

Король : «не вступаюсь за убіенныхъ ; но если
ихъ близніе за нихъ захотять мстить , то не
помѣшаю. Подарки возвращаю.» Послы и дру-
гіе Поляки свободны.

л. 74. об. выгоняетъ Докторовъ ; но Васмара
Лейбъ-Медикомъ.

Умерщвленіе младенца въ Угличѣ.

75. Князь Григ. Шаховской, похитивъ , во вре-
мя убіенія Д., золотую Госуд. печать , съ
двумя Поляками бѣжитъ въ Путівль : тамъ
собираются Козаки ; избираютъ въ вожда

Истому Пашкова, — до Ельца все ему по-
корно.

77. въ Авг. къ Ельцу Царское войско; бывть его.

78. Перевозять тѣло Борисово : тутъ Ксенія.

79. Истома въ Коломнѣ и на Котлахъ ; многіе
бѣгутъ изъ Москвы.

— Болотниковъ (изъ Венеціи) къ Истомѣ съ
войскомъ : видѣлся съ Дим. у Воеводши Сен-
домирской.

См. Ник. Лѣт. 83.

80. Истома передается къ Шуйскому : перего-
воры съ Болотниковымъ. Требуютъ мнимаго
Д., но онъ остался въ Польшѣ. (81.)

Ш. бываетъ Болотникова — и осаждаетъ его въ
Калугѣ отъ 30 Дек. до 3 Мая 1607.

1607.

82. Шаховской призвалъ Петрушку и съ нимъ
въ Тулу.

— Шведъ предлагаетъ помощь : отвержена.

83. Д. Фидлеръ берется отравить Болотникова ;
обманываетъ — и сосланъ въ Сибирь.

84. Петрушка бываетъ Москвитянъ.

— въ Іюнѣ Царь осаждаетъ Тулу.

85. Изъ Тулы посыпаютъ въ Польшу требовать
Димитрія : — является школьный учитель съ
Поляками.

87. Онъ въ Стародубѣ (NB. Письмо Поляка въ
Нѣмцевичѣ. 23).

Simonis.

89. Тула слается въ день Симона и Гуды.

— Судьба Болотникова и Петрушки.

См. Никон. Лѣт. 91.

90. Шаховской на свободѣ. 50 Нѣмцевъ въ Сибирь.

— Калуга не сдается: Козаки обманываютъ Царя.

1608.

Къ Димитрію многіе Поляки; идетъ къ Брянску.

См. Никон. Лѣт. 92.

92. Измѣны Нѣмца.

93. Раздастъ помѣстья (Ник. Лѣт. 80).

— Измѣна Нѣмцевъ.

94. Сраженіе Ружинскаго съ Москвитянамъ (Никон. Лѣт. 95).

95. 1 Іюня Димитрій подъ Москвой.

— въ Тушинѣ отъ 29 Іюня до 29-го Дек. 1609.—

96. Посылаютъ Марину въ Польшу: Д. беретъ ихъ, разбивъ провожатыхъ.

— Волшебства Шуйскаго. Мосальскій къ Д., и объявляетъ, что онъ воръ. 97.

97. Скопина къ Шведамъ. } У Д. 100 т.

— Саеньга осаждаетъ Троицу. } воиновъ.

98. Переславль сдается. Филаретъ. — Ростовъ, Ярославль.

99. Кострома, Галичъ, Вологда.

1609. (годъ ужаснѣйшій!)

100. Сигизмундъ къ Смоленску съ 20 т. (осажд. 11 Июля Ф.)
далъ около двухъ лѣтъ, до 13 Іюня 1611): славная оборона; съ обѣихъ сторонъ погибло 80,000.

101. об. Разореніе отъ Крымцевъ.

Возсталъ Ляпуновъ, будто и противъ Д. и Шуйскаго и Поляковъ.

— Отпали отъ Д. Вологда, Галичъ, Кострома, Романовъ, Ярославль, Сузdalъ, Молога etc. Возстаніе крестьянъ.

103. Въ Генв. 1609 Скопинъ и Де-ла-Гарди въ Новгородъ съ 3000 — Осада Новагорода — Поляки бѣгутъ.

Титуль Д. —

104—105. Скопинъ къ Москвѣ — Лисовскій во Псковѣ послѣ передачи Д—ва войска къ Королю.

105. об. Сигизмундово посольство въ лагерь къ Д. въ Дек. 1609.

106. Бѣгство Димитрія въ Калугу : строгость къ Нѣмцамъ : Беръ etc.

1610.

109. Убіеніе Скотницкаго.

110. Марина въ Калугу.

— Салтыковъ къ Королю.

— Скопинъ и Де-ла-Гарди въ Москву.

111. Умореніе Скопина.

— Переговоры Поляковъ съ Д.

113. Шведы разбиты и Русскіе.

114. Д. хочетъ топить Нѣмцевъ : Беръ.

120. Бунтъ противъ Шуйскаго трехъ Бояръ, Ляпунова, Молчанова, Рѣзецкаго.

121. Владислава избираютъ : посольство къ Королю.

123. Д. къ Москвѣ.

Поляки въ Москвѣ.

124. 11 Дек. Убіеніе Димитрія.

125. Марина родитъ сына.
— Шуйского въ Польшу.

См. о сыне въ бума-
гахъ Малиновскаго.

1611.

127. Всѣ города Димитріевы къ
Москвѣ.

130. Рѣзанье къ Москвѣ.

136. Заключеніе Патріарха.

137. Поляковъ осаждаетъ въ
Кремль Ляпуновъ.

Паерле.

1606.

62. 4 Іюня Послы должны къ
рукѣ Царя; но мятежъ въ
народѣ и стрѣльцахъ. —
Моши Димитрія.

63. 5 Іюня. Одинъ Госѣвскій у
Дм. Шуйского; 6-го съ Боя-
рами видѣлись; рѣчи, какъ
въ Журналѣ.

78 об. Слухъ: убить вмѣсто Д.
его драбантъ изъ Праги.

1607.

20 Марта наши Послы назадъ въ
Москву отъ Короля.

88 на об. 25 Сентябр. комета въ Москвѣ.

90 об. 10 Ноября Шуйскій изъ-подъ Тулы въѣзжаетъ въ Москву съ 2000 всадниками; народъ ему на встрѣчу; Царь въ каретѣ на бѣлыхъ коняхъ, выходитъ и идетъ за образами въ Кремль. 12 Н. къ Троицѣ; 17 возвратился въ Москву.

92. Представленіе Пословъ Польскихъ.

Каменскій.

Имѣніе Марины 382.

Послы наши сказываютъ, что К. Телятевскій, Гр. Шаховскій, Мосальскій и Болотниковъ пристали къ Самозванцу Петру. 388.

Шуйскій женился 17 Генваря 1608 на дочери Буйнос. Ростов. Екатеринѣ: ей въ Царичаѣ дали имя Маріи и у нихъ дочь Царевна Анастасія. 391.

392. Перемиріе съ Польшею на 3 года: въ слѣдствіе того Мишка отпустили: см. условія и о Маринѣ, о возвратѣ имѣнія.

394. Вторый Д. у Вишневецкаго и Ружинскаго.

397. Нарушеніе договора Послами: ѳдутъ къ нему. (№ 30, л. 98.)

398. Письма Марины къ отцу, Пашѣ etc.

Настояніе Мишка объявить намъ войну.

402. Король объявляетъ намъ войну.

Дѣла важныя.

(Палачиъ).

Зло, но и добро:
Поведение Духовенства.
Прекрасная заря славы
Пожарского.

Въ Исторіи о Междоцарствіи, л. 35 на об.: «въ лѣто 7133, въ Іюлѣ, преставися Царица Елена, дочь Боярина К. Петра Ив. Буйносова-Ростовскаго.» — 36 об. Царица Ив. Вас., Дарья Ив. Колтовская умерла около 7136. Жена Царевича Ив. Ив. (л. 35) умерла около 7132.

См. грамоту Англ. къ Іакову, чтобы Англія взяла Россію.

Никон. Лѣт.

1606.

Присяга Царя. — Ему присяга. —

1 июня. Іовъ осльѣвъ по Хронографу
Вѣнчаніе. — Посвященіе Па-
Ключарев. (при Полякахъ снова Па-
тріарха. — Заключеніе Игна-
тія въ Чудовѣ. — Разсылка
въ Персію, Цесарю, Шведы.

Поляковъ: наши Послы въ
Литву. — Царь мстить многимъ людямъ. — Бунтъ въ
Украинѣ отъ Шаховскаго —
Пренесеніе мощей Димитрія. —
Грамоты Царскія во всѣ го-
рода о Димитріи. — Войско въ
въ Авг.

Украину и къ Ельцу безъ успѣ-

Дѣла л. 9, 128,
126 об., 127.

(См. Бера 75, 77,
79. Дѣла Польськія
№ 26, л. 253 и
Камен. 388).

(См. Бера).

ха. — Моръ въ Новѣгородѣ. — Воръ Петрушка. (См. Хроно-графъ Уварова объ Астрахани и Петрушкѣ, о бунтѣ, о Ляпуновѣ и проч.)

Беръ : перевозъ тѣла Борисова и Ксения (78).

(Послѣ Сент.)

Бунтъ крестьянъ и людей Бояр-скихъ подъ начальствомъ Болотникова (Беръ 79 об.): Вое-воды отъ Ельца идутъ. У Царя не много людей въ Москвѣ.

Хронограф. Клю-
чарев. о Шуй-
скомъ: Царь безъ
денегъ и людей
храбрыхъ есть
безкрылый орелъ.

Бунтъ Рязани, Тулы, Коширы: къ Путивлю. Избираютъ Пашкову и соединяются съ Болотниковымъ; идутъ къ Москвѣ; берутъ Коломну. — Бунтъ Астрахани; туда войско; цынга. — Мордва и крестьяне осаждаютъ Нижній. — Смолене славно идутъ на помощь Москвы; раскаяніе нѣкоторыхъ городовъ и Рязани. — Скопинъ бьетъ Болотникова. — Пашковъ передается Царю (Беръ 80). — Болотниковъ осажденъ въ Калугѣ.

См. Уварова
Хронографъ.

См. Уварова.
(Ляпуновъ по
Уварову пожало-
ванъ въ Думные
Бояре).

См. Уварова:
тутъ Князь Теля-
тевскій.

Посылка Бояръ съ войскомъ про-
тивъ разныхъ городовъ. Оса-
да Калуги. — Прокофій Ляпу-

Вездѣ см. Увар-
ова.

новъ въ Переславлѣ. Въ Тулѣ осаждаютъ К. Андрея Телятевскаго, который бьетъ Цар-

См. Бера о Шаховскомъ и Петре.

скосе войско. — К. Вас. Морову 536. Иванъ по Уварову 536. 85
сальскій съ ворами побиты близъ Калуги: воры подрывались порохомъ.

85 казнить
Петрушка въ Путивль, бьетъ вездѣ Воеводъ, мучительство (пишеть къ Королю: Дѣла Польск. № 26, л. 253); войско 86

его изъ Тулы въ Калугу, и бьютъ нашихъ — наши бѣгутъ отъ Калуги. Подъ Козельскимъ бьютъ воровъ: Воевода Измайловъ въ Мещовскъ.

Царь къ Тулѣ (въ Іюнѣ). Бьютъ 87

Уваровъ.

воровъ подъ Коширою храбро. — (тутъ Япуновъ по Уварову). Царь беретъ Алексинъ: бьютъ воровъ на Воронѣ. — Осада Тулы. — Измѣна Князей Урусовыхъ.

Явленіе Дмитрія въ Стародубѣ. (Дѣла, л. 186 об., 197, 199, 200, 213, 215, 293: Заболоцкой, и бородавка на лицѣ). — Д. къ Тулѣ: Царь беретъ ее 28 Окт. Беръ.

Повѣсть о разореніи, л. 7.

Письмо о Лжедим. въ Нѣмцевичѣ. Характеръ сего вора въ Нарушев.

въ день Симона и Іуды: судьба Петрушки, Шаховскаго и Бо-

Беръ л. 85 и об. 91, 92, 93. (См.

лотникова (см. и Бера 89 об., Уварова: 1 Окт.)
90 и на об.)

1608.

Д. бѣжитъ на Сѣверу — къ нему
Ляхи. Воръ къ Брянску, гдѣ
голодъ. Къ вору Козаки и при-
вели къ нему Царевича Федъ-
ку: его казнилъ.

Брянскъ запасенъ. Храбрость
нашихъ; битвы. Но Воеводы
отходятъ къ Каравею. Воръ
впередъ, и зимуетъ въ Орлѣ.
Къ вору Панъ Ружинскій (см.
Бера 94).

95

въ Исков. лѣт.

Бракъ Царя (NB гдѣ о его раз-
слабленіи?). Бояре къ Болхову
и къ Орлу. Битва съ Ружин-
скимъ (Беръ 94); теряютъ
пушки etc. Болховъ сдается.

96

Дѣти Боярскіе къ Москвѣ. Ско-
пинъ противъ вора. Умыселъ

97

трехъ Бояръ и наказаніе (см.
Журнал.)

Уваровъ.

Воръ къ Москвѣ — и въ Тушинѣ
(Уваровъ 545: Царь противъ
него).

Ружинскій требуетъ отъ Царя
свободы Пословъ: — въ рас-
плохъ Литва бьетъ наше вой-

Ист. Кар. т. XII.

Уваровъ 541 об.:
Свадьба Царя (см.
Каменск.) и по-
сыпка войска съ
Дм. Шуйскимъ.

544 об. Ляну-
новъ раненъ.

Увар. 545.

См. Львовъ 220,
221, 223.

Беръ (95) 29
Июля.

ихъ имена.
(Тутъ измѣнены въ
Москвѣ по Ув.
548).

31

- См. Нѣцев. 98
ско. Лисовскій бьетъ Захар.
Ляпунова подъ Зарайскимъ;
Увар. 549
беретъ Коломну. Наши бьютъ
его на Москвѣ-рѣкѣ. 99. Осады Троицы
по Ув. 548 об.
- Отпускаютъ Пословъ и Сендо-
мирскаго въ Литву. Заговоръ
нашихъ измѣнниковъ съ Го-
сѣвскимъ. Марина съ отцемъ
400
къ вору.
- (въ 1609 г.) по Увар. 548
Скопинъ въ Новгородъ нанимать
об. 550. См. Бера.
войско (Шведы 10000). Его
лѣта и Де-ла-Гарди въ Виде-
киндѣ. 1, 2.
- Сашѣга и битва — наши расхо-
401
дятся по домамъ.
- Цѣлованіе креста въ Москвѣ. —
Измѣны. См. Ув. 550.
Царь вступаетъ въ Москву.
Осада Троицы (102). Измѣна
103
Суздаля.
Измѣна Переславля: доблестъ
Филаретова въ Ростовѣ; ве-
зутъ его въ Тушину.
- Берутъ Шую. Измѣна городовъ
(см. Бера); бьютъ Литву подъ
Коломною. Пожарскій бьетъ
406
ее тамъ же.
- Скопинъ: бѣжитъ въ Орѣшекъ,
- Въ Уваров. бит-
вы подъ Москвою
до Троицы — 1609,
л. 550.

гдѣ Мих. Салтыковъ пакостник. Измѣна Пскова. Скопинъ опять въ Новгородъ и собираетъ войско. Воры туда изъ Тушина. Убиваютъ Татищева по наговору въ измѣнѣ 108. Литва уходитъ.

Мордва и воры къ Нижнему: бьютъ ихъ, и вѣшаютъ вора Вяземскаго. Шереметевъ очищаетъ многіе города и идетъ къ Москвѣ. Нижегородцы бьютъ воровъ.

Вологда, Устюгъ обращаются; но нашихъ бьютъ. 111.

Бунтъ противъ Царя. 111; въ немъ одинъ К. Василій Голицынъ. Твердость Патріарха и Царя. Человѣкъ 300 бѣгутъ въ Тушино.

Осада Коломны.

Казнь Боярина Колычева.

Дороговизна въ Москвѣ; бѣгутъ

¹¹² въ Тушино — нѣкоторые изъ Тушина и говорятъ, что воръ; народъ удерживается: хорошия вѣсти изъ Новагорода.

¹¹³

Бъемъ Бобовскаго подъ Москвою.

Шереметевъ идетъ къ Москвѣ.

Владимиръ обращается: уби-

¹¹⁴

ваютъ Воеводу измѣнника.

Бъемъ Литву подъ Москвою.

Шереметевъ въ Нижнемъ, ратуя
^{115, 116}

счастливо; беретъ Муромъ,
Касимовъ.

На Троицкыи
день.

Царевичи въ Астрахани: ихъ
въшаютъ въ Тушинъ. Не въ-
даютъ Тушинскаго: знаетъ
Церковный Кругъ.

1609 (см. Бера 103).

Нѣмцы въ Новгородъ въ Ген-
варѣ (см. Договоры).

Битвы съ измѣнниками Псков-
скими — бьютъ Литву у То-
ропца.

Битва у Торопца (см. Филарета).

Походъ Скопина къ Москвѣ:
¹²⁰

битвы.

Города казну Скопину. Битвы:
бьютъ насть у Суздаля. Беремъ
Переславль.

Дороговизна въ Москвѣ, и опять

на Царя: смиряются, свѣдавъ
о Скопинѣ.

Подъ Слободою бьемъ Литву.

См. Бера 101

Ляпуновъ поздравляетъ Скопина
на Царство, браня Царя: Ско-
гинъ деретъ грамоты, но от-
пускаетъ вручителей: отсель
злоба Царя на Скопина.

Сходъ войска у Скопина. Ув. 351.
¹²⁴

Худо въ Москвѣ. Измѣна въ
¹²⁵ Красномъ селѣ.

Жгутъ Деревянный городъ, но
бысть Литву. Сшибка у Ни-
колы.

Пожарской бьеть Литву. Еще
¹²⁶

¹²⁷ сшибка у Можайска.

Неудача Скопина на Суздалъ.

Салтыковъ въ Тушинѣ и къ Ко-
¹²⁷ въ ¹²⁸

ролю о Владиславѣ: бѣжть
воръ въ Калугу (см. Бера):
шумъ въ его лагерѣ.

1610.

Марина въ Калугу.

Осада Троицы.

Скопинъ бьеть Сапъгу. 130.

Бѣгство изъ Тушина; освобож-
¹³¹

деніе Филарета.

Входъ въ Москву Скопина 131. Ув. 351. об.

Смерть его. 132 (о характерѣ
его Ключаревъ и Видекинъ).

Войско наше къ Смоленску. Ув. 352.
^{не лю-}
^{бить ды.}

Шуй-
^{скаго за}
городъ:
^{См. Клю-}
^{чаревъ, и}

Ляпуновъ возстаетъ 133 за Ско-
пина. Пожарскій не пристаетъ
къ нему. См. Бера. 401

Пала-
^{цына.} Бьютъ нашихъ и Нѣмцевъ. 135. и 353 об.

Ув. 352 об.

- убіеніе Князь Василій Голицынъ съ Ля- Арзамасъ
Ів. Го- пуновыимъ. 135. 553.
дунова.
- Воръ къ Москвѣ изъ Калуги. Ув. 553 об.
Крымцы намъ въ помощь, де-
рутся и уходятъ назадъ. 136.
- Змѣевъ въ Пафнутьевѣ: храб-
рость Волконскаго. Воръ бе-
реть монастырь.
- Пожарской въ Зарайскѣ вѣренъ.
Измѣна Коломны. 137.
- Чудеса по Клю-
чареву:
совѣты съ Ту-
шински-
ми.
- Въ Іюлѣ 1610 бунтъ противъ
Царя — ссылаются съ ворами
Тушинскими — сводятъ въ
свой домъ. Числа см. въ Клю-
чаревѣ.
- Владѣютъ Бояре 129 и ссылают-
ся съ Тушинскими, чтобы
поимали вора: тѣ смыаются.
Постригаютъ Шуйскаго (см.
Филарета). См. Увар. 555 и Клю-
чарева.
- Въ Ключаревѣ бунтъ, брань, Ув. 554, со-
пьяница, блудникъ Шуйскій: вѣть: даютъ
оправданіе, твердость Царя въ
Февралѣ; бѣгутъ къ Тушин-
скому.
- См. также Львова 220 etc. Ядро
Р. И. 325, 326. Палицын. 189).

ПРОДОЛЖЕНИЕ НИКОН. ЛѢТ. ПОСЛЪ ШУЙСКАГО.

Лѣтопись о мятежахъ.

1610.

Смоляне изъ Москвы къ Жол-
кѣвскому 140.

Гетманъ Ж. къ Москвѣ. Ермо-
гены съ условіемъ. Салтыковъ
и Молчановы требуютъ благо-
словенія у Патріарха.

Посольство наше къ Королю.

Впускаютъ Литву въ городъ.
Воръ бѣжитъ въ Калугу.

Литва, Колязин., Луки. Посы-
лаютъ изъ Москвы Ив. Салты-
кова съ войскомъ въ Новго-
родъ.

Ссылаютъ Шуйского въ Іоси-
фовъ монастырь, жену его въ
Сузdalъ (у нихъ дочь).

Наши Послы у Короля: Шеинъ. По Увар. Келаръ

Гетманъ съ Царемъ къ Королю. Пословъ: ихъ дѣла.

Убіеніе вора въ Калугѣ: Увар. дѣлють въ Москвѣ?

558. Аврамій уѣхалъ въ Москву. 557.

Убіеніе Бѣльского въ Казани.

Утѣсненіе Москвитянъ: Ляпу- Письма Ермоге-
новъ. Собраніе войска. Повы къ городамъ.

557.

Сношениe съ Калугою. Увар. 558.

1611.

Бояре и Патріархъ : гнусный Салтыковъ.
¹⁵²

Угъсненіе нашихъ Пословъ.
¹⁵⁴

Дѣйствія Ляпунова : Пожарскій. Въ Ключаревѣ ха-
¹⁵⁶рактеръ Ермогена.

Партіарх. подъ стражею.

Никто неидетъ за вербою.

Поляки начинаютъ убийства.

Ув. 558 об., Ляпу-

Войско наше къ Москвѣ. 159.

новъ 559.

Сводятъ Ермогена : на его мѣсто
опять Игнатія. 160.

Ув. 558 и 559: Тру-
бецкій и Заруцкій
изъ Калуги.

Берутъ подъ стражу нашихъ По-
словъ подъ Смоленскимъ.

559 воровство Ко-
заковъ подъ Моск-
вою: Ляпуновъ 560.

Изъ лѣтописи о мятежахъ.

227. Измѣнники убѣждаютъ Ер-
могена писать къ городамъ.

227. Убіеніе Ив. Салтыкова въ
Новѣгородѣ.

228. Воеводы изъ-подъ Москвы
посылаютъ оберегать Новго-
родъ.

229. Король велитъ бить Смо-
ленскихъ Дворянъ.
— Взятіе Смоленска.

231. Битвы Сапѣги подъ Мо-
сквою.

231. Идеть къ Переславлю.
233. Воеводы наши берутъ Бѣл-
городъ.
— Посылаютъ въ Новгородъ
выбирать Шведск. Принца.
— Убіеніе Ляпунова.
236. Приносятъ образъ изъ Ка-
зани.
237. Даютъ Смолянамъ земли въ
Арзамасѣ.

Уваровъ 560, 561
об. въ Іюлѣ при-
ходятъ подъ Мо-
скву Казанцы etc.,
берутъ Дѣвичій.
563. Трубецкій и
Козаки цѣловали
крестъ вору Пско-
вскому, Матюшкѣ
Дыкону Заяузско-
му. Шереметева
на колъ посадили.
564. Сковали вора
и привезли подъ
Москву. Шведы
взяли Новгородъ
въ 1608 г.

Увар. 565 на об. бе-
рутъ Кремль: Ми-
хailъ избранъ.

- (См. Уваров. 562, выгнали ихъ
оттуда; призваны въ Нижній
къ Минину): тутъ вся исторія
Пожарскаго: о ворѣ Псков-
скомъ.
237. Взятіе Новагорода Шведа-
ми... цѣлюютъ крестъ Коро-
левичу.
240. Лай Козаковъ. Разъѣзжают-
ся изъ-подъ Москвы.
241. Сапѣга къ Москвѣ.
— Черкасы берутъ Козельскъ.
— Гетманъ подъ Москву; бит-
ва. Идеть зимовать въ Рога-
чевъ.
242. О Сидоркѣ, ворѣ Псков-
скомъ.
243. Тайный постъ; видѣніе.
245. Бьютъ Черкась.
— Шведы берутъ Иваньго-
родъ, Яму etc.
246. Пожарскій и Мининъ: вся
исторія.
250. Смерть Ермогена.

256. Псковскаго вора беруть :
Трубецкій и Заруцкій исправ-
ляются.
256. Подъ Москвою хотять къ
Шведу : посылка въ Новго-
родъ.
257. Казанцы къ Москвѣ.
- 258 Шлютъ противъ Черкасъ.
259. Бой съ Козаками подъ Уг-
личемъ.
260. Митрополитъ Кириллъ въ
Ростовѣ.
- Выгоняютъ Козаковъ изъ
Переславля.
- Послы изъ Новагорода.
261. Умыселъ Заруцкаго про-
тивъ Пожарскаго.
263. Трубец. и Заруцк. зовутъ
Пожарскаго къ Москвѣ.
264. Пожарскій шлетъ часть.
265. Украинцы подъ Москву.
266. Пожарск. къ Москвѣ.
267. Побѣгъ Заруцкаго.
- 268—295. Походъ и взятие Мо-
сквы.
292. Черкасы беруть Вологду.
295. Козаки бунтуютъ.
296. Король къ Вязьмѣ.
297. Жолкѣвскій къ Москвѣ.
298. Приступъ Литвы къ Во-
локу.
- Король изъ Россіи.
299. Бытъ Заруцкаго у Пере-
славля.

300. Шведы о своемъ Принцѣ :
имъ прямой отказъ.
301 etc. Избраніе Михаила.
-

Палицынъ.

Царь посыаетъ Митрополита Крутицкаго уго-
варивать Сѣверянъ, 30.

Ежегодно грабятъ Татары и Черкасы.

Лжедимитрій есть сынъ Поповскій , Матвѣй Ве-
ревкинъ , 31.

Пирутъ за столомъ; а тамъ одни (изъ Москвы)
идутъ въ палаты къ Царю , а другіе Ѹдуть въ
Тушино.

Перебѣжчики , перелеты.

Русскіе хуже Поляковъ 32 : расписать это звѣр-
^{злѣе}ство.

Измѣны, подлость Тушинскихъ.

Насилія женъ , 34 , 45 , 46.

35. И въ битвахъ прельщаются другъ друга.

36. Царемъ играли какъ дѣтищемъ : отъ одного
къ другому.

37. Считается за стыдъ доносить на измѣнни-
ковъ; но казнить Царь и невинныхъ.

40. Измѣна Князя Петра Уруса , женатаго на
вдовѣ А. Шуйскаго.

Касимовскій Царь къ вору.

Оскверненіе святыни , и 47.

42. Бѣгство, пожары ночью вмѣсто луны.

43. Звѣри вырываютъ хлѣбъ изъ ямъ ; измѣни-
ники все истребляютъ. (Доброе поведеніе Ду-
ховенства).
44. Ругательство надъ Филаретомъ и Еписко-
пами.
50. Гдѣ? гдѣ?
52. Палицынъ въ Москвѣ во время осады.
55. Одни Поморскіе города вѣрны (и 56).
— Какъ проходятъ въ Москву.
57. Заслуги Лавры (59, 60).
58. Посольства Царя въ Англію, Данію.
61. Начало осады 23 Сент. 1608.
63. Воеводы осадные.
61. Вылазка.
62. Выжигаютъ селенія вокругъ.
— Литва строитъ станъ и острога.
63. Устроеніе осады въ монастырѣ.
65. Щѣлованіе креста.
66. Грамоты.
72. Приступы, туры, валъ.
73. Стрѣльба Окт. 3.
76. Покаяніе.
77. Подкопы и пиръ Сапѣги.
78. Приступы.
83. Вылазка и плѣнь.
- 85, 86. Паны, число войска.
Рашеныхъ тяжело постригаютъ.
- 88 — 91. Узнали, гдѣ подкопъ.
94. 500 Козаковъ на Донъ.
95. Ворота въ ровъ.
95. Рвать ноги и руки у Старцевъ.

97. Ядра въ церковь.
98. Сбиваются славную пушку.
100. Вылазка ; ясакъ *Сергей*; находять подкопъ, зажигаютъ, умираютъ.
101. Умираетъ за брата измѣнника.
104. Ноября 9; отнимаютъ батареи.
- На Красной горѣ батареи Литовскія и на Вол-
кушѣ и въ Терентьевск. рощѣ.
- 106, 107. 8 пицалей ; цѣльный день драка. Число
убитыхъ (108). Литовцевъ 1500. Вѣсть къ
Царю 109.
109. Хитрость Сапѣги тщетная.
110. Вылазки: имена тутъ Старцевъ. 111.
113. Герой Суэта даточной. Имена Героевъ.
114. Рапенъ Лисовскій. 115. Убить Горской.
116. За дровами. 127.
116. Измѣна казначея.
121. Измѣнники воду отнять. 122. — Еще измѣ-
на 123.
123. Литва отступаетъ въ таборы.
124. Вылазки свободныя.
129. Моръ; 17, цынга.
- 130, 132. Умерло 297 иноковъ, иныхъ 500 :
всѣхъ 2125 (134), смрадъ 133.
134. Престаютъ вылазки.
- Литва съ деревьевъ смотрятъ въ мона-
стырь, зовутъ.
135. Посольство къ Василію, Келарь напрасно.
136. 60 Козаковъ и порохъ.
- Казнь плѣнныхъ.
140. Панамъ даютъ меду; обманы.

141. Трубачъ въ дружбѣ съ Воеводою.
142. Панъ нѣмой къ намъ.
144. Открываютъ измѣну трубача.
145. *Охрабряетъ* чудотворецъ.
146. Витязь Ананія ранитъ Лисовскаго.
147. Еще витязи. — 7 Мая.
148. Освященіе храма; болѣзы минуетъ.
149. Приступы 27 Мая (прежде негодные сльзались храбрецами).
154. Вѣсть о Скопинѣ и Шереметевѣ. 156.
155. Поляки встрепенулись; готовятся къ битвѣ.
156. Михайло Салтыковъ и Грамотинъ измѣнники, обманываютъ: будто сдался и Скопинъ и Шереметевъ.
157. Не вѣрять. 458
Пришелъ отъ Скопина.
- Насмѣшка Зборовскаго: лукошко.
158. Приступъ Іюля 31 (??)
- Въ обители не болѣе двухъ сотъ.
160. Бѣгутъ Литва.
161. За дрова бьютъ. 162.
- Отчаяніе въ монастырѣ.
168. Паки идутъ противъ Скопина. Августа ?
159. 5 (??)
170. Надъ ними побѣда: опять къ Троицѣ, и еще битвы 171.
171. Узнавъ отъ перебѣжчика, Троицкіе вылазку.
172. Награбленныя стада у Троицы 15 Авг.
173. Къ Скопину о помощи: приходитъ Жеребцовъ.
174. Сколько еще хлѣба?
175. Іоасафъ простъ.

175. Когда ушелъ Сапѣга?
179. Генв. 12 (16⁹/₁₀?)
177. До Жеребцова *просто дрались*, да было *лучше*, безъ Нѣмецкой мудрости 178.
178. 4 Генв. Волуевъ отъ Скопина съ 500: битва съ Сапѣгою: бѣжитъ, бросая богатство.
180. Изъ Троицы со Св. водою въ Москву.
168. Скопина битва.
- 173, 179. Побѣгъ Сапѣги.
188. Корыстолюбіе купцовъ Московскихъ въ закупкѣ хлѣба.
189. Укоризны Царю несчастіемъ.
— Собраніе народа въ Москвѣ: Патріархъ, Царь.
191. Троицкій дешевый хлѣбъ: 2 рубли четверть.
197. Какіе Государи и сколько занимали денегъ у Троицы! Годуновъ, Гришка, Шуйскій.
200. Берутъ сосуды у Троицы.
201. Навѣты Царю на Скопина.
203. Смерть Скопина *сомнительна*.
204. Воины не любятъ Дмитрія Шуйскаго за его гордость.
205. Царь призываетъ Крымцевъ: ихъ грабежи.
206. Переговоры Москвитянъ съ Тушинскими, чтобы свести Шуйскаго и погубить Лжед.
— Постріженіе Царя. Ермогенъ противъ.
208. Условіе Владиславова избранія.
— Послы къ Королю.
210. Виускаютъ Поляковъ въ Москву для чего?
— Везутъ Шуйскаго къ Королю.
211. Худо Посламъ у Короля.

— Однихъ пословъ отсылаютъ въ Литву, другие уѣзжаютъ.

212. Смерть вора въ Калугѣ.

213. Возстаетъ на Поляковъ П. Ляпуновъ.

216. Разореніе Москвы 19 Марта 1611.

217. Ермогена заключаютъ.

218. Лавра дѣйствуетъ.

221. Описаніе Воеводъ, идущихъ отовсюду къ Москвѣ.

224. Убіеніе Ляпунова.

225. Многіе Русскіе уходятъ изъ-подъ Москвы.

227. Лавра поднимаетъ и Минина.

229. Новый Дмитрій во Псковѣ.

230. Неудовольствіе на Пожарскаго за медленность.

232. Заруцкой хочетъ убить Пожарскаго.

— Вора Псковскаго берутъ и привозятъ къ Москвѣ.

233. Заруцкой бѣжитъ съ Мариною.

233. 14. Авг. Пожарскій въ Москвѣ.

235. Бой съ Ходкѣвичемъ.

239. Аврамій убѣждаетъ Козаковъ. Ясакъ: *Сергіевъ! Сергіевъ!* 240. Бой.

240. Ходкѣвичъ бѣжитъ.

242. Опять Козаки бунтуютъ.

243. Лавра предлагаетъ имъ сосуды: не берутъ отъ стыда.

245. Берутъ Китай 22 Окт.

246. Поляки сперва Мстиславскаго выпускаютъ.

248. Ужасный видъ Кремля.

250. Избраніе Михаила.

253. Кто сперва избираетъ?
254. Ни одного противорѣчія.
259. 14 Марта названъ Царемъ.
268. Владиславъ: въ Смоленскъ къ Сигизмунду
всѣ наши воры.

Г. 1618 въ Сент.

270. Къ Троицѣ: Левъ Сапѣга присыпаетъ въ
Лавру образъ Св. Николая Можайского.
277. Въ Дек. миръ въ Деулинѣ.

Дѣла Польскія.

№ 26.

1606.

Л. 9. Вѣнчаніе 1-го Іюня.

Поляковъ разослать. Пословъ держать въ Моквѣ на Просольскомъ Дворѣ.

13-го Іюня. Посыпаетъ въ Литву К. Григ. Констант. Волконскаго и Дьяка Андрея Иванова (10) : сказать, что Гришка съ Поляками точно хотѣли побить Святителей, Бояръ, etc. (18).

18. Кто посланы въ Угличь?

Погребли подлѣ отца.

100. Воръ Власьевъ.

125. Послы къ Рудольфу.

126. об. Ромодановскаго къ Шаху.

127. Швед. Посланникъ къ Москвѣ.

173. Возвратился К. Волконской 13 Февраля 1607.

182. Пословъ нашихъ : «матерны
лали, измѣнники называли,»
грязью метали. «Короля не
слушаютъ» (на об.)

Еще, какъ и прежде, велии Вол-
конскому узнать, какъ Поль-
ша съ Австріею, Турціею,
Крымомъ.

Въ Крымск. дѣлахъ :

Царь : не имѣть времени думать
объ васъ.

186 об.

197 об. 200, 213, 215. Димитрій
живъ : въ Сенномирѣ, у жены
Воеводы : и бородавка на ли-
цѣ. (Авг. 12).

У него (288) К. Вас. Мосальскій
(188 об.) или онъ на Москвѣ.

187 об. «Взяли изъ хоромъ, уби-
ли : тутъ была Марина.»

— Мих. Молчановъ бѣжалъ :
жилъ у Д. для чернокнижья.

188. Молч. кнутомъ бить.

197 об. Слухъ, что кто-то изъ
Годуновыхъ на престолѣ.

223. Пословъ не сажають : Ко-
роль въ черномъ платьѣ.

253. Петръ на Сѣверѣ : шлетъ
Пословъ къ Королю.

Прѣѣжаютъ въ Польшу Русскіе,
ищутъ, спрашивають Дими-
тря.

338.

321.

293.

199 об.
215.

- 255 об. Густавъ просить войска на Ливонію.
287. Угроза : «если вы отпустите нашихъ изъ
Москвы, то Дмитришки и Петрушки не бу-
детъ; а если нѣтъ, то наши имъ будутъ по-
могать.»
299. О Петрушкѣ : «мои сестры были при ро-
дахъ Ирины.»
319. Побѣда надъ Сѣверянами подъ Москвою.
325. Крымцы воюютъ Польшу.

№ 27.

- 42 об. Ц. Шуйскій въ ссылкѣ съ Цесаремъ, Ан-
гліею, Даніею, Шахомъ.
49. Дьякъ Думный Посольскій Василій Телеп-
невъ.
174. Послы хотѣли и Пословъ и Сенномирскаго
для договора.
Въ перемирн. грамотѣ : «которые Польскіе и
Литов. люди, и Князь Романъ Ружинской и
Вишневецкой и иные, вторгнулись въ нашу
землю, и Королю промышляти, чтобы тѣ люди
вернулись (и Лисовской).

Дѣла Шведскія.

№ 8.

- л. 16 об. Нашъ Воевода пишетъ къ Шведскому
(20 Февр. 1607), что мы еще не думали посы-

лать Пословъ на съѣздъ, и вашихъ сборовъ не боимся.

л. 17. Шведы пособлять готовы.

18 об. (См. еще 56) : не хотимъ помоши.

19. Въ Новѣгородъ моръ.

52. Грамота Царя къ Арцы-Карлу, Свейскаго Королевства владѣтельному и вотчинному Князю.

52 об. Первый гонецъ Данило Юртъ ; второй Бернть Ниманъ.

59. Королемъ писать.

62. Пріемъ гонца.

№ 9.

г. 1609. Договоръ о вспоможеніи : уступаемъ Корелу и Ливонію. Даютъ 5000 человѣкъ и болѣе. л. 5 об.

14 об. 43 об. и 49: 100 тысячъ ефимковъ на мѣсяцъ.

Псковскій Лѣтописецъ.

27. Скопинъ въ залогъ Шведамъ Корелу, Кексгольмъ.

об. Даютъ отраву Скопину отъ зависти.

28. Шведы назадъ къ Новугороду и требуютъ найма.

— Берутъ города, Корелу, Яму etc.

30 об. въ 1611 г. Ходкѣвичъ осаждаетъ Печерскій м.

- 33 об. Шведы тоже осаждаютъ.
- 36 об. Царь Шуйскій : «поятъ жену, и начать ясти и пить и веселитися, а о брани не бреже.»
Воины расходятся.
37. Шуйскій истощаетъ казну, беретъ сосуды церковные.
- Междоусобіе страшное, сынъ на отца etc.
- об. Скопинъ нанялъ 12 тысячъ.
- 38 об. Зависть на Скопина невиннаго.
- 39 об. Жена Дм. Шуйскаго дала ему отраву, Христина, дочь Скуратова.
- 40 Бьютъ Дм. Шуйскаго и Шведовъ.
- об. Шведы владѣютъ Новымгородомъ 6 лѣтъ : грабежъ.
- Псковъ отложился; Казань бунтуєть, хочетъ быть снова Царствомъ.
41. Упреки Шуйскому. Его ненавидятъ больше Бояре. Ермогенъ противъ его враговъ : «развѣ нельзя вамъ избрать изъ своихъ? Нѣтъ, его не слушаютъ воины.
- Свергаютъ Шуйскаго.
42. Упреки Короля Русскимъ измѣнникамъ : «повѣрю ли вамъ сына?»
- об. Жолкѣвскій обезоруживаетъ Москву.
43. Умыселъ Поляковъ : рѣзанье.
- 44 об. Король къ Можайску — и не успѣль. Ходкѣвичъ. Мининъ.
46. Хотятъ Шведскаго на Царство.
49. Избраніе Михаила.
- об. Мать править Царствомъ.
50. Условіе не казнить Бояръ.

- об. Крадутъ Бояре доходы.
- Безпорядки.
- Нашествіе Шведовъ : миръ съ Поляками.
- 52 об. Царь сперва на Хлоповой женится; ссылаютъ ее.
53. Начинаетъ Филаретъ всѣмъ править. Ставства въ чужихъ земляхъ.
54. Въ угодность матери не женится на Хлоиной (злодѣйство и ссылка Салтыковыхъ предъ тѣмъ). На Долгорукой.
77. Мятежъ Псковскій. Смутныя грамоты въ Псковъ отъ Тушинскаго, въ Авг. умеръ Генадій отъ скорби.
- об. Мятежъ, въ пользу вора.
- 78 об. Сажаютъ на колыа добрыхъ гражданъ. Давятъ Шереметева.
- 79 об. Злодѣйства.
82. Вѣче. 200 человѣкъ погибло.
- об. Пришелъ воръ Матюшка.
83. Бой съ Новогородцами : ихъ только 300.
84. Лисовской въ Псковѣ : пьянство Литвы. Происшествія.
- 87 об. Г. 1611 на Св. Недѣль. Роздыяконъ Матюшка назвался Димитріемъ: будто ушелъ изъ Калуги — въ Іюль къ Пскову.
89. Псковъ его призываетъ въ Цари.
- об. Берутъ и везутъ его къ Москвѣ.

Псковскій Лѣтописецъ.

Глѣбъ загнуто.

353. 1605. Чулеса передъ бѣдами.

354. Начало разврата въ Псковѣ.

об. 1606. Навѣтъ Василія на Псковичъ.

и Хозина.

355 об. Клевета семи купцовъ на своихъ.

356. Мудрая грамота Лжедим. къ Псков. Преклоняются или недоумѣваютъ.

800

357. 1607. Плѣнныхъ Сѣверянъ Василій въ Псковѣ.

об. Пригороды къ Димитрію.

358. Междоусобіе.

— Грабежъ Шереметева и Грамотина.

359 об. 1609. Главный виновникъ бунта Плещеевъ : цѣлаютъ крестъ Димитрію. Сѣверянъ выпускаютъ.

360. Прѣѣзжаютъ Воевода и Дьякъ. Новогородцы и Нѣмцы къ Пскову.

362. Злодѣйства въ Псковѣ.

363. Казнь Хозина.

Духовенство, Бояре, гости.

364. Лучшіе люди за Василія; мелкіе, Стрѣльцы, Козаки.

— Торжество Василіевыхъ друзей.

365. При Салтыковѣ Новогородцы къ Пскову.

366. Лучшіе бѣжали въ Новгородъ, въ Печерской монастырь.

об. Просовецкій Волуева побилъ. Волуевъ отъ Короля, выжегъ Луки.

367. 23 Марта явился воръ (1611 г.) Люди Ходкевича подъ Печерою 10 Марта; онъ самъ 17 Марта, стоялъ 6 недѣль и 2 дни, разбилъ стѣны, 7 приступовъ, и пошелъ къ Москвѣ.

об. Лисовскій грабитъ Печеры, но не взялъ; съ нимъ 2000 Литвы и Нѣмцевъ.

— Козаки изъ Пскова къ вору.

368. Псковъ безъ Воеводъ, одинъ Дьякъ. Послы ихъ отъ Ляпунова въ Іюлѣ.

— 8 и 16 Іюля воръ къ Пскову.

об. Авг. 24 воръ отъ Пскова; Лисовскій Красной взялъ.

— Шведы и Новогородцы къ Пскову, вышибаютъ ворота : См. Видек.

— Воеводы въ Псковѣ отъ Заруцкаго и Трубецкаго.

— Воръ въ Псковѣ Дек. 4 : въ другой (Лѣтописи) выше 89.

369. Будто 47 т. Литвы къ Себежу.

— Апр. 11 Ив. Плещеевъ изъ-подъ Москвы въ Псковъ обознавать.

— Лисовскій взялъ Заволочье.

— 18 Мая воръ ушелъ изъ Пскова ; 20 его схватили и привели въ Псковъ.

— Іюля 1 повезли къ Москвѣ.

— Лисовскій нападалъ на провожатыхъ.

об. Щѣна хлѣбу въ Псковѣ.

370. Шведы взяли Яму, Копорье, и наконецъ

Новгородъ, гдѣ мерли съ голоду, и гдѣ было много казны, пушекъ и пороху.

— Избраніе Михаила; а Лисовскій еще тамъ.

Грамоты Ермолаева.

Два видѣнія, въ началѣ Шуйскаго.

№ 23 и 24. Г. 1606.

г. 1606. Грамота Филарета Ноября 29, 1606. Тверскій Епископъ побѣждаетъ воровъ. Раскаяніе городовъ — Вѣрность Смоленска, Вязмы etc. въ Ноябрѣ — Велитъ Патріархъ Ермогенъ торжественно молиться, поучать народъ...

Тогда воры стояли уже подъ Москвою въ Коломенскомъ и велять холопямъ побивать господъ.

Воры суть бѣглые холопи въ скверной Сѣверѣ: соединясь съ Козаками, пришли въ Рязанскую землю. — Клятвы Москвитянъ: слово шпини. Противъ нихъ Тверскій юреистъ. Тверитяне къ Москвѣ. 16.

Колычевъ очистилъ Волокъ 15 об.

Прокофій Ляпуновъ въ числѣ кающихся.

16 об. изъ Коломенскаго.

Ноябрѣ.

Приступъ воровъ въ Сент. къ Москов.

Слободамъ 19—20.

Въ Дек. (25 об. 26, 27).

Пашкова взяли: п'ять молебны по 3 дни.
г. 1607. Зовъ Патріарха къ Царю вести о слятю
и у него обѣдать.

Февр. 2. Удумали послать по Іова для
разрѣшенія.

14 Февр. Пріѣхалъ: 16 совѣтъ. Упреки
Іова: «вы мнѣ не вѣрили.» Іова со
слезами просятъ: прощаетъ шестой час-
ти земли, еже есть Россія.

№ 30. Пошелъ Царь на воровъ 21 Мая.

№ 31. 5 Іюня битва А. Голицына съ
ворами на рѣчкѣ Восмѣ близъ Ко-
ширы: на голову ихъ бьетъ и бе-
ретъ....

№ 32. 10 Окт. Тульскіе сидѣльцы, К. А.
Телятевскій, Шаховскій, Болотниковъ
сдались Царю и крестъ цѣловали и
выдали Петрушку.

г. 1610. № 34. Шуйскій по просьбѣ Бояръ схо-
дить съ престола.

Тогда; Король у Смоленска, Жолкѣвскій
въ Можайскѣ, воръ въ Коломенскомъ.
Присягаютъ всѣ противъ вора подъ вла-
стю Бояръ.

№ 35. Первые о Владиславѣ Ив. Мих.
Салтыковѣ, Волуевѣ.

Первое условіе между Королемъ и Мих.
Салтыковымъ Авг. 30.

У вора К. Алексѣй Сицкій, Александръ
Нагой, Гр. Сунбуловъ, Ѣ. Плещеевъ,
К. Засѣкинъ.

Договоръ съ Владиславомъ.

Тоже какъ у Шуйского: не конфисковать имѣнія, не казнить безъ Боярскагоприговора.

г. 1614. Апр. Грам. Ляпунова.

Ермогенъ: второй Златоустъ. Тоже: твердый адамантъ.

г. 1612. № 37. Письмо Пожарского етс. къ городамъ о спасеніи; тутъ о проискахъ Марины въ Коломнѣ.

№ 38. 7 Апрѣл. 1612; изъ Яровлавля отъ Пожарского же къ городамъ.

Съ злымъ намѣреніемъ убиваютъ Ляпунова.

Гнусныя дѣла Заруцкаго.

Трубецкій и Заруцкій пишутъ къ Пожарскому, чтобы имъ не выбирать Царя безъ всей земли, но цѣловали крестъ вору Сидорку.

Призываютъ Депутатовъ.

NB См. рукоприкладчиковъ. (Мининъ не зналъ грамотѣ).

Іюнь. Грамоты Новогородцевъ о Швед. Принцѣ: они выбирали его только себѣ въ Государи.

№ 41. Грамоты Де-ла-Гарди къ Пожарскому.

№ 43, Присланъ отъ Короля Жидовинъ Богдашко (второй Самозван.)

Прислали Бутурлина изъ-подъ Москвы для договора о Шведскомъ Принцѣ.

Договоръ Новогородцевъ съ Де-ла-Гарди о любомъ сынѣ изъ двухъ Шведскаго.
Карлъ Шведскій умеръ: Густавъ Адольфъ.
Предложеніе Новогородцамъ.
Пожарскій: «мы готовы, если Королевичъ приметъ нашу Вѣру.»

Рукопись Филаретова.

- Вѣнчаніе 1 Іюня въ Воскресенье. Кого за тѣломъ Димитрія?
- Патріархъ уже избранъ, когда привозятъ монщи Димитрія въ Москву.
7. Зборовскій и Шаховскій идутъ къ Старицѣ.
7 об. Скопинъ съ Шведами. Подъ Тверью бой.
8. (Осада Смоленска).
11. Царь подъ Тулою.
16. Совѣтъ Ермогена: Царь самъ идетъ съ войскомъ противъ Д.
18. На Поляковъ идутъ подъ Троицу: бываютъ: одни бѣгутъ къ Королю, другіе въ Калугу къ Самозванцу.
об. Смерть Скопина: его свойства. См. и Видекинда.
19. Приходъ Филарета въ Москву Марта 14.
См. выше, л. 8 на об.
— Салтыковъ къ Королю: его смерть и судъ.
О5. Шведы и Русскіе побиты съ Дм. Шуйскимъ.
20 об. Жолкѣвскій и Д. къ Москвѣ.
21. Сводить Шуйскаго съ трона 18 Іюля.

22. Плать жены его.
— Беруть Шуйского: см. л. 28.
23. Поляки уже въ Кремль: это къ л. 28 на об.
24. Совѣтъ Ермогена съ Боярами: взять ли Владислава? Авг. 3.
06. Цѣлюютъ крестъ.
25. Д. бѣжитъ въ Калугу.
— Посольство къ Королю.
27. Король отъ себя М. Салтыкова въ Москву.
- Патріархъ противъ него (см. о Ермогенѣ выписку у меня въ портфелѣ).
- Об. Салтыковъ дѣлаетъ, что выпускаютъ Гетмана въ Москву 21 Сент. 1610.
- Жолкѣвскій уѣзжаетъ; оставляетъ Госѣвскаго.
- Насилія Поляковъ до Марта.
28. Изъ Чудова берутъ Царя Василія съ братьями.
- Народъ прибѣгаєтъ къ Патріарху. Обѣды у Поляковъ.
29. Убиваютъ кого-то не въ Москвѣ (Ляпунова?)
- Ермогенъ пишеть въ города противъ Поляковъ.
- Пишеть къ Прокофью Ляпунову.
30. Съ Госѣвскимъ пришелъ купецъ Ф. Андроновъ.
06. Ермогена подъ стражу.
31. Расхищеніе, слѣдствіе плѣненія Москвы, 19 Марта 1611.
06. Сокровища посылаютъ къ Королю. Злодѣйства Салтыкова и Андроникова.

32 об. Обломали раку Василія.

33. 26 Мая Король взялъ Смоленскъ. Іюля 16
Де-ла-Гарди взялъ Новгородъ.

Ляпуновъ, Трубецкій, Волуевъ, Заруцкій къ
Москвѣ.

1 Апрѣля. Битва: храбрость Ляпунова.

35. Заруцкій научаетъ Козаковъ убить Ляпу-
нова.

Осада.

37. Выжигаютъ Китай-городъ.

38. Заруцкій врагъ Пожарскаго.

— 17 Генв. 1612 (по Ист. Междоцарствія 17
Февр.) умеръ Ермогенъ: задохся.

Король подъ Волокомъ.

Окт. 22. Берутъ Китай.

39. Воевода Туренинъ съ Кузьмою Авг. 21.

40. Сраженіе съ Ходкѣвичемъ. Сдается Кремль.

43. Что терпѣли Поляки въ осадѣ.

46. Остатки Царскихъ сокровищъ. Окт. 22,

44. Король во свояси.

46. Измѣнники увозятъ образъ Николая въ
Литву.

45. Избранъ Михаилъ.

---

*Моя Архив. рукописная Исторія о Междоу-
царствіи.*

Ополченіе — Походъ.

4 об. Пожарскій согласенъ взять Швед. Прин-
ца Филиппа.

5. Негодяи Казанцы.

Смятеніе въ Ярославлѣ, усмиренное Митрополитомъ Ростовскимъ.

7 об. Бѣгство Заруцкаго.

Берутъ Москву: доблести Пожарскаго.

13. Король тогда предлагаетъ намъ сына.

Об. Нѣмцы въ Архангельскъ на помощь: ихъ уже не надобно.

Заруцкій берутъ Марину съ сыномъ.

14 об. Многіе вельможи хотятъ быть Царемъ.

16. Михаилъ на Престолѣ 18 Апр. 1613.

19 об. Заруцкаго на коль. Фед. Андронова и Маринина сына повѣсили; Марина умерла въ Москвѣ.

Собрان. Гос. Грам.

Мстиславскій Конюшій и Слуга, Грамоты 463.
Донесенія Пословъ нашихъ къ Боярамъ, Грамоты 468.

NB Согласенъ Король 478—504, 521.

NB Возстаніе Ляпунова 213, 216.

540. Патріархъ 518. Грамоты 489. 499. Патріархъ. См. о происшествіяхъ Новгородскихъ грамоты 452 отъ 17 Ноября отъ Ив. Салтыкова.

См. Каменск. о Салтыковѣ.

Генвар. 1611 Казань цѣлууетъ крестъ Димитрю 490: картина Москвы.

- Еще 494   Патріархъ.   497. Отобра-
497   518   ли Дьякова
Въ Генварѣ Грамота Москвитянъ у Патріарха.
ко всѣмъ Рос. о возстанії 496. 498. Ему по-
Лапуловъ въ Нижній. Февр.   вольнѣе.
Сапъга къ Калужскому 508, 509.
Король къ Сапѣгѣ 543. Март.
Бояре къ Королю и Шеину:
«сдайся!»
Будто Пословъ къ сыну, а не
въ неволю 522,
Апр. 2. На какихъ условіяхъ
Король хочетъ занять Смо-
ленскъ: 526.
Отвѣтъ Шеина 531.
536. 540. Король о кровопроли-
тии Московскому.
549. О взятіи Смоленска 13 Іюня.
550. Ссылка Филарета и Голи-
цыныхъ съ Шеинымъ и 573.
К. Куракинъ за Владислава по-
битъ у Владимира. Грамоты 513.
Бояре: «пошлите нашихъ По-
словъ къ Владиславу ; Смо-
ленскъ, сдайся. Королю цѣло-
вать» 517.
Голицыны и Филаретъ не хотятъ
ѣхать къ Владиславу 522
Астрахань, Казань, Черемиса etc.
хотятъ къ Персидскому Шаху.
Псковъ etc. къ Шведамъ.
МВ Письмо къ Іакову Англ. о
подданствѣ Россіи.

- Не слушаютъ указовъ Сигизмунда, ни Думы;
деньгъ не посылаютъ,
525. Въ Мартѣ Грамота Короля къ Патріарху
о посланъ его въ Москву послѣ сожженія.
535. Злодѣйства Савѣти.
537. Клятва отстать отъ Владислава.
552. Ив. Мих. Салтыкова на коль. Іюль.
553. Договоръ Новогородцевъ о признаніи
Шведскаго Королевича Цaremъ.
564. Ногай противъ Поляковъ съ нами.
567. Ермогенъ: «не присягать Маринкину сы-
ну.» (Его смерть 599, у Каменскаго 429:
17 Февраля 1612.)
558. Убіеніе Ляпунова поборателя.
- NB Безпрестанно Король и сынъ его жалуютъ
помѣстьями и деньгами своихъ усердныхъ:
т. е. велять Боярамъ.
570. Король Ходкѣвича къ Москвѣ, а самъ
въ Варшаву Авг. 26, и Пословъ нашихъ
туда же, если имъ вѣрите.
577. Отъ Троицы ко всѣмъ: спѣшить къ Мо-
сквѣ къ Трубецкому. Въ Окт.
580. Бояре ко всѣмъ о вѣрности къ Влади-
славу.
- NB Грамоты Пожарскаго къ Россіи и къ нему
Де-ла-Гарди.
598. Избрать ли Королевича Карла Филиппа? 601.
599. О кончинѣ Ермогена.
604. О Маржеретѣ.
608. Король обѣщаетъ сына, извиняясь въ ме-
дленности его болѣзнию въ Сент. 1612.

Доп. къ Дъяніямъ Петра Великаго Т. II.

139. Честность Луговскаго.
  144. Имена уѣхавшихъ.
  146. Насмѣшку Захарія Ляпунова.
  147. Города присягнувшіе Королю и Королевичу.
  160. Вѣсть Посламъ о убіеніи Самозванца.
  163. Адамъ Жолкѣвскій, племянникъ.
  167. Жалоба на Бояръ Голицыца.
  173. Не Послы, а воры.
  174. З. Ляпуновъ.
  179. О Смоленскѣ, 187.
  190. Ив. Салтыковъ.
  197. Заруцкій выськъ Тулу. Переговоры о Смоленскѣ.
  198. Орелъ и Болховъ принадлежали Лжедимитрю и пристали къ Москвѣ, а Ляхами за то опустошены.
  201. Кондиціи Смоленска.
  202. Послы подъ стражу 25 Марта.
  218. Михаилъ въ Москвѣ. Сокровища древнія.
  224. Ив. Салтык. къ Посламъ.
  230. Если бы Король прибылъ, «то зла бы не случилось.»
  231. «Что же дѣлать?»
  236. Пословъ въ Литву 13 Apr.
  252. Войско цѣлууетъ крестъ Лжед., Маринѣ и сыну его.
  259. Новгородъ.
-

II.

ОТРЫВОКЪ ИЗЪ РУКОПИСИ.
О ДРЕВНЕЙ И НОВОЙ РОССИИ

ВЪ ЕЯ ПОЛИТИЧЕСКОМЪ И ГРАЖДАНСКОМЪ
ОТНОШЕНИЯХЪ.

ОТЪ ИЗДАТЕЛЯ.

Карамзинъ желалъ въ заключеніе XII тома окинуть взглѣдомъ слѣдующія времена Исторіи Россійской до нашихъ дней. Судьба не дозволила ему исполнить сего намѣренія. Но гораздо прежде того онъ, по совѣту Великой Катерини Екатерины Павловны, сочинилъ для Императора Александра статью о Древней и Новой Россіи, остававшуюся въ совершенной неизвѣстности до 1837 года, когда отрывокъ ея въ первый разъ явился въ *Современнике* Пушкина. Мы сочли не излишнимъ помѣстить сію замѣчательную піесу здѣсь, полагая, что, будучи произведеніемъ того же незабвенного нашего Исторіографа, не легко измѣнившаго свой взглѣдъ на событія, взглѣдъ вѣрный, основанный на зрѣлыхъ соображеніяхъ, она должна принести особенное удовольствіе Читателямъ, тогда какъ вниманіе ихъ прерывается въ семъ Томѣ на самомъ любопытномъ мѣстѣ, и они, съ трудомъ оставляя книгу, доставившую имъ столько наслажденія, конечно желали бы еще услышать хотя нѣсколько словъ отъ Автора, предъ ними незапно умолкшаго.

Нѣсть лѣсти въ языцѣ моемъ.

Псал. 138.

Настоящее бываетъ слѣдствіемъ прошедшаго. Чтобы судить о первомъ, надлежитъ вспомнить послѣднєе; одно другимъ, такъ сказать, дополняется и въ связи представляется мысламъ яснѣе.

Отъ моря Каспійскаго до Балтійскаго, отъ Чернаго до Ледовитаго, за тысячу лѣтъ предъ симъ жили народы кочевые, звѣроловные и земледѣльческіе, среди обширныхъ пустынь, извѣстныхъ Грекамъ и Римлянамъ болѣе по сказкамъ баснословія, нежели по вѣрнымъ описаніямъ очевидцевъ. Провидѣнію угодно было составить изъ сихъ разнородныхъ племенъ обширнѣйшее Государство въ мірѣ.

Римъ, нѣкогда сильный доблестью, ослабѣлъ въ нѣгѣ и паль, сокрушенный мышцею варваровъ съверныхъ. Началось новое твореніе: явились новые народы, новые нравы, и Европа воспріяла новый образъ, донынѣ ею

сохраненный въ главныхъ чертахъ ея бытія политическаго. Однимъ словомъ, на развалинахъ владычества Римскаго основалось въ Европѣ владычество народовъ Германскихъ.

Въ сю новую общую систему вошла и Россія, Скандинавія, гнѣздо Витязей безпокой-
коныхъ — officin gentium, vagina nationum —
дала нашему отечеству первыхъ Государей,
добровольно принятыхъ Славянскими и Чуд-
скими племенами, обитавшими на берегахъ
Ильменя, Бѣлаозера и рѣки Великой: «Иди-
те» — сказали имъ Чудь и Славяне, наску-
чивъ своими внутренними междоусобіями —
«идите княжить и властвовать надъ нами. Зем-
ля наша обильна и велика, но порядка въ ней
не видимъ». Сие случилось въ 862 году, а въ
концѣ X вѣка Европейская Россія была уже
не менѣе нынѣшней: то есть, во сто лѣть
она достигла отъ колыбели до величія рѣдкаго. Въ 964 году Россіяне, какъ наемники
Грековъ, сражались въ Сициліи съ Арави-
тянами, а послѣ въ окрестностяхъ Вавилона.

Что произвело феноменъ столь удивитель-
ный въ Исторії? Пылкая романическая страсть
нашихъ первыхъ Князей къ завоеваніямъ и
Единовластіе, ими основанное на развалинахъ
множества слабыхъ, несогласныхъ Державъ
народныхъ, изъ коихъ составилась Россія. Рюрикъ, Олегъ, Святославъ, Владимиръ,
не давали образумиться гражданамъ въ быст-
ромъ теченіи побѣдъ, въ непрестанномъ шу-

мѣ воискихъ становъ , платя имъ славою и добычею за утрату прежней вольности бѣдной и мятежной.

Въ XI вѣкѣ Государство Россійское могло, какъ бодрый , пылкій юноша , обѣщать себѣ долголѣтіе и славную дѣятельность. Монархи его въ твердой рукѣ своей держали судьбы миллионовъ : озаренные блескомъ побѣдъ, окруженные воинственною , благородною дружиною , казались народу полубогами , судили и рядили землю , мановенiemъ воздвигали рать и движенiemъ перста указывали ей путь къ Воспору Фракійскому или къ горамъ Карпатскимъ. Въ счастливомъ отдохновеніи мира, Государь пировалъ съ Вельможами и народомъ , какъ отецъ среди ссмейства многочисленнаго. Пустыни украсились городами; города избранными жителями: свирѣпость дикихъ нравовъ смягчилась Вѣрою Христіанскою: на берегахъ Днѣпра и Волхова явились искусства Византійскія. Ярославъ далъ народу свитокъ законовъ гражданскихъ , простыхъ и мудрыхъ , согласныхъ съ древними Нѣмецкими. Однимъ словомъ, Россія не только была обширнымъ , но въ сравненіи съ другими и самымъ образованнымъ Государствомъ.

Къ несчастію , она въ сей бодрой юности не предохранила себя отъ государственной общей язвы тогдашняго времени, которую народы Германскіе сообщили Европѣ: говорю о Системѣ Удѣльной. Счастіе и характеръ Владимира, счастіе и характеръ Ярослава могли только

отсрочить падение Державы , основанной Елиновластіемъ на завоеваніяхъ , Россія раздѣлилась.

Вмѣстѣ съ причиною ея могущества , столь необходимаго для благоденствія , исчезло и могущество и благоденствіе народа. Открылось жалкое междуусобіе малодушныхъ Князей , которые , забывъ славу , пользу отечества , рѣзали другъ друга и губили народъ, чтобы прибавить какой нибудь ничтожный городокъ къ своему Удѣлу. Греція , Венгрія , Польша отдохнули : зрешище нашего внутренняго бѣдствія служило имъ поручительствомъ въ ихъ безопасности. Дотелѣ боялись Россіянъ : начали презирать ихъ. Тщетно нѣкоторые Князья великодушные — Мономахъ , Василько — говорили именемъ отечества на торжественныхъ съѣздахъ ; тщетно другіе — Боголюбскій , Всеволодъ III — старались присвоить себѣ единовластіе : покушенія были слабы , не дружны , и Россія , въ теченіе двухъ вѣковъ терпала собственныея пѣдра , пила слезы и кровь собственную.

Открылось и другое зло , не менѣе гибельное. Народъ утратилъ почтеніе къ Князьямъ: Владѣтель Торопца или Гомеля могъ ли казаться ему столь важнымъ смертнымъ , какъ Монархъ всей Россіи ? Народъ охладѣлъ въ усердіи къ Князьямъ , видя , что они для ничтожныхъ личныхъ выгодъ жертвуютъ его кровью , и равнодушно смотрѣлъ на паденіе ихъ троновъ , готовый всегда взять сторону счастливѣйшаго , или измѣнить ему вмѣстѣ

съ счастиемъ , а Князья , уже не имѣя ни довѣренности , ни любви къ народу , старались только умножать свою дружину воинскую : позволили ей тѣснить мирныхъ жителей сельскихъ и купцовъ , сами обирали ихъ , чтобы имѣть болѣе дешегъ въ казнѣ на всякой случай , и сею политикою утративъ нравственное достоинство Государей , сдѣлались подобны судіямъ-лихомицамъ , или Тиранамъ , а не законнымъ властителямъ. И такъ съ ослабленiemъ государственного могущества ослабѣла и внутренняя связь подданства съ властю.

Въ такихъ обстоятельствахъ удивительно ли , что варвары покорили наше отечество? Удивительнѣе , что оно еще столь долго могло умирать по частямъ и въ сердцѣ , сохраниая видъ и дѣйствія жизни Государственной или независимость , изъясняемую одною слабостью нашихъ сосѣдовъ. На степяхъ Донскихъ и Волжскихъ кочевали Орды Азіатскія , способными только къ разбоямъ. Польша сама изыхала въ междоусобіяхъ. Короли Венгерскіе желали , но не могли никогда утвердить свое господство за горами Карпатскими , и Галиція , нѣсколько разъ отходивъ отъ Россіи , снова къ ней присоединялась. Орденъ Меченосцевъ едва держался въ Ливоніи. Но когда воинственный народъ , образованный побѣдами Хана Монгольского , овладѣвъ Китаемъ , частю Сибири и Тибетомъ , устремился на Россію , она могла имѣть только славу великодушной гибели. Смѣлые , но безразсудные Князья на-

ши съ горстью людѣй выходили въ поле умирать Героями : Батый , предводительствуя полу миллиономъ , топталъ ихъ труны и въ нѣсколько мѣсяцевъ сокрушилъ Государство . Въ искусстве воинскомъ предки наши не уступали ни какому народу , ибо четыре вѣка гремѣли оружіемъ виѣ и внутри отечества ; но слабые раздѣленіемъ силъ , не согласные даже и въ общемъ бѣдствіи , удовольствовались вѣнцами мучениковъ , пріявъ оные въ неравныхъ битвахъ и въ защитѣ городовъ бренныхъ .

Земля Русская , упоенная кровію , усыпанная цепломъ , сдѣлалась жилищемъ рабовъ Ханскихъ , а Государи ея трепетали Баскаковъ . Сего не довольно . Въ окружностяхъ Двины и Нѣмана , среди густыхъ лѣсовъ , жилъ народъ бѣдный , дакій и болѣе 200 лѣтъ платилъ скудную дань Россіянамъ . Утѣсняемый ими , также Прусскими и Ливонскими Нѣмцами , онъ выучился искусству воинскому , и предводимый нѣкоторыми отважными витязями , въ стройномъ ополченіи выступилъ изъ лѣсовъ на ѿеатръ міра , не только восстановилъ свою независимость , но , пріявъ образъ народа граждансаго , основавъ Державу сильную , захватилъ и лучшую половину Россіи ; т. е. сѣверная осталась данницею Моголовъ , а южная вся отошла къ Литвѣ по самую Калугу и рѣку Угру . Владиміръ , Сузdalъ , Тверь , назывались Улусами Ханскими ; Кіевъ , Черниговъ , Мценскъ , Смоленскъ — городами Литовскими . Первые хра-

нили покрайней мѣрѣ свои права; вторые заимствовали и самые обычай чуждые . Казалось, что Россія погибла на вѣки.

Сдѣлалось чудо. Городокъ едва известный до XIV вѣка отъ презрѣнія къ его маловажности , долго именуемый селомъ Кучковымъ, возвысилъ главу и спасъ отечество. Да будетъ честь и слава Москвѣ! Въ ея стѣнахъ родилась , созрѣла мысль востановить Единовластіе въ истерзанной Россіи , хитрый Іоаннъ Калита, заслуживъ имя *Собрателя земли Русской* , есть первоначальникъ ея славнаго воскресенія , безпримѣрного въ лѣтописяхъ міра. Надлежало , чтобы его преемники въ теченіе вѣка слѣдовали одной системѣ съ удивительнымъ постоянствомъ и твердостю , системѣ , наилучшей по всѣмъ обстоятельствамъ , и которая состояла въ томъ , чтобы употребить самихъ Хановъ въ орудіе нашей свободы. Снискавъ особенную , милость Узбека , и вмѣстѣ съ нею достоинства Великаго Князя , Калита первый убѣдилъ Хана не посыпать собственныхъ чиновниковъ за данью въ города наши, а принимать ее въ Ордѣ отъ Бояръ Княжескихъ , ибо Татарскіе Вельможи, окруженные воинами , єздили въ Россію болѣе для наглыхъ грабительствъ , нежели для собранія Ханской дани. Никто не смѣлъ встрѣтиться съ ними : какъ скоро они являлись, земледѣльцы бѣжали отъ плуга , купцы отъ товаровъ , граждане отъ домовъ своихъ. Все ожило , когда сіи хищники перестали ужасать народъ своимъ присутствіемъ : села , города

успокоились, торговля пробудилась не только внутренняя, но и виѣшняя, народъ и казна обогатились, дань Ханская уже не тяготила ихъ. Вторымъ важнымъ замысломъ Калиты было присоединеніе частныхъ Удѣловъ къ Великому Княжеству. Усыпляемые ласками Властителей Московскихъ, Ханы съ дѣтскою невинностю дарили имъ цѣлые области и подчиняли другихъ Князей Россійскихъ, до самаго времени, какъ сила, воспитанная хитростью, довершила мечемъ дѣло нашего освобожденія.

Глубокомысленная Политика Князей Московскихъ не удовольствовалась собрачіемъ частей въ цѣлое: надлежало еще связать ихъ твердо, и Единовластіе усилить Самодержавіемъ. Что началось при Іоаннѣ I или Калитѣ, то совершилось при Іоаннѣ III: столица Ханская на берегу Ахтубы, гдѣ столько лѣтъ потомки Рюриковы преклоняли колѣна, исчезла на вѣки, сокрушенная местью Россіянъ. Новгородъ, Псковъ, Рязань, Тверь, присоединились къ Москвѣ, вмѣстѣ съ иѣкоторыми областями, прежде захваченными Литвою. Древнія югозападныя Княженія потомковъ Владимиrowыхъ еще оставались въ рукахъ Польши; за то Россія, новая, возрожденная во время Іоанна IV пріобрѣла три Царства; Казансое, Астраханское и неизмѣримое Сибирское, дотолѣ неизвѣстное Европѣ.

Сіе великое твореніе Князей Московскихъ было произведено не личнымъ ихъ геройствомъ,

ибо , кроме Донского , никто изъ нихъ не славился онимъ , но единственно умною политической системою , согласно съ обстоятельствами времени . Россия основалась победами и единопачацемъ , гибла отъ разновластія , а спаслась мудрымъ Самодержавиемъ .

Во глубинѣ Сѣвера возвысивъ главу свою между Азіатскими и Европейскими Царствами , она представляла въ своемъ гражданскомъ образѣ черты сихъ обѣихъ частей міра : смысь древнихъ Восточныхъ правовъ , принесенныхъ Славянами въ Европу и подновленныхъ , такъ сказать , нашею долговременною связью съ Моголами . — Византійскихъ , заимствованныхъ Россіянами вмѣстѣ съ Христианскою Вѣрою , и нѣкоторыхъ Германскихъ , сообщеппыхъ имъ Варягами . Сіи послѣднія черты , свойственные народу мужественному , вольному , еще были замѣтны въ обыкновеніи судебныхъ поединковъ , въ утѣхахъ рыцарскихъ и въ духѣ мѣстничества , основанного на родовомъ славолюбіи . Заключеніе женского пола и строгое холопство оставались признакомъ древнихъ Азіатскихъ обычаевъ . Дворъ Царскій уподоблялся Византійскому . Іоаннъ III , зять одного изъ Палеологовъ , хотѣлъ какъ бы возстановить у насть Грецію , соблюденіемъ всѣхъ обрядовъ ся церковныхъ и придворныхъ : окружилъ себя Римскими орлами и принималъ иноzemныхъ Пословъ въ Золотой Палатѣ , которая напоминала Юстиніанову . Такая смысь въ правахъ , произведенная

случаями , обстоятельствами , казалась намъ природною , и Россіяне любили ону , какъ свою народную собственность.

Хотя двувѣковое иго Ханское не благопріятствовало успѣхамъ гражданскихъ искусствъ и разума въ нашемъ отечествѣ , однакожь Москва и Новгородъ пользовались важными открытиями тогдашихъ временъ : бумага , порохъ , книгопечатаніе , сдѣлались у насъ извѣстны весьма скоро по ихъ изобрѣтѣніи . Библіотеки Царская и Митрополитская , наполненныя рукописями Греческими , могли быть предметомъ зависти для иныхъ Европейцевъ . Въ Италии возродилось зодчество . Москва въ XV вѣкѣ уже имѣла знаменитыхъ Архитекторовъ , призванныхъ изъ Рима , великолѣпныя церкви и Грановитую Палату ; иконописцы , рѣзчики , золотари обогощались въ пашей столицѣ . Законодательство молчало во время рабства : Ioannъ III издалъ новые гражданскіе уставы , Ioannъ IV полное уложеніе , коего главная отмѣна отъ Ярославовыхъ законовъ состоить въ введеніи торговой казни , неизвѣстной древнимъ Россіянамъ . Сей же Ioannъ IV устроилъ земское войско , какого у насъ дотѣль не бывало : многочисленное , всегда готовое и раздѣленное на полки областные .

Европа устремила глаза на Россію : Государи , Папы , Республики вступили съ нею въ дружелюбный союзенія , одни для выгодъ купечества , иные въ надеждѣ обратить ея силы къ обузданію ужасной Турецкой Имперіи ,

Польши , Швеции . Даже изъ самой глубины Индостана , съ береговъ Гангеса , въ XIV вѣкѣ пріѣзжали Послы въ Москву , и мысль сдѣлать Россію путемъ Индійской торговли , была тогда общею . Политическая система Государей Московскихъ заслуживали удивленіе своею мудростю , имѣя цѣллю одно благоденствіе народа: они воевали только по необходимости , всегда готовые къ миру; уклоняясь отъ всякаго участія въ дѣлахъ Европы , болѣе пріятнаго для сутиности Монарховъ , нежели полезнаго для Государства , и установивъ Россію въ умѣреніи , такъ сказать , величіи , не алкали завоеваній , не вѣрныхъ или опасныхъ , желая сохранять , а не пріобрѣтать .

Внутри Самодержавіе укоренилось . Никто , кроме Государя , не могъ ни судить , ни жаловать : всякая власть была изліяніемъ Монаршой , и знаменитѣйшее въ Россіи титло уже было не княжеское , не Боярское , но титло Слуги Царева . Народъ , избавленный Князьями Московскими отъ бѣдствій внутренняго междуусобія и внѣшняго ига , не жалѣлъ о своихъ древнихъ Вѣчахъ и Сановникахъ ; довольный дѣйствиемъ , не спорилъ о правахъ . Одни Бояре , столь нѣкогда величавые въ удѣльныхъ господствахъ , роптали на строгость Самодержавія ; но бѣгство или казнь ихъ свидѣтельствовали твердость онаго . Наконецъ Царь сдѣлался для всѣхъ Россіянъ земнымъ Богомъ .

Тщетно Иоаннъ IV , бывъ до 35 лѣтъ Госу-

даремъ добрымъ , и по какому-то адскому
вдохновенію возлюбивъ кровь , лилъ оную
безъ вины и съкъ головы людей , славнѣй-
шихъ добродѣтелями ; Бояре и народъ , во
глубинѣ души своей , не дерзая что либо за-
мыслить противъ Вѣнценосца , только смирен-
но молили Госиода , да смягчить ярость Ца-
реву , сю казнь за грѣхи ихъ ! Кромѣ злодѣевъ , означенованныхъ въ Исторіи назва-
ніемъ *Опришники* , всѣ люди знаменитые бо-
гатствомъ , или саномъ ежедневно готовились
къ смерти и не предпринимали ничего для спа-
сенія жизни своей ! Время и расположение у-
мовъ достопамятное ! Нигдѣ и никогда гроз-
ное самовластіе не предлагало столь жеото-
кихъ искушеній для народной добродѣтели ,
для вѣрности или повиновенія , и сія добро-
дѣтель даже не усомнилась въ выборѣ между
гибелью и сопротивленіемъ .

Злодѣяніе , въ тайнѣ умышленное , но от-
крытое Исторіею , пресекло родъ Іоанновъ : Го-
дуновъ , Татаринъ происхожденіемъ , Кром-
вель умомъ , воцарился со всѣми правами Мо-
нарха законного и съ тою же системою Еди-
новластія неприосновенаго . Сей несчастный ,
сраженный тѣнію убитаго имъ Царевича , сре-
ди великихъ усилий человѣческой мудрости , и
въ сіяніи добродѣтелей наружныхъ , погибъ
какъ жерва властолюбія неумѣренаго , без-
законнаго , въ примѣръ вѣкамъ и народамъ .
Годуновъ , тревожимый совѣстю , хотѣлъ за-
глушить ея священные укоризны дѣйствія
ми кротости и смягчаль Самодержавіе въ ру-

кахъ своихъ : кровь не лилась на лобномъ мѣстѣ ; ссылка , заточеніе , невольное постриженіе въ Мошахи , были единственнымъ наказаніемъ Бояръ виновныхъ или подозрѣваемыхъ въ злыхъ умыслахъ. Но Годуновъ не имѣлъ выгоды быть любимымъ , ни уважаемымъ , какъ прежніе Монархи наслѣдственные. Бояре , иѣкогда стоявъ съ нимъ на одной ступени , ему завидовали ; народъ помнилъ его слугою придворнымъ. Нравственное могущество Царскoe ослабѣло въ семъ избранномъ Вѣнценосцѣ .

Не многіе изъ Государей бывали столь усердно привѣтствуемы народомъ , какъ Лжедимитрій въ день своего торжественнаго вѣзда въ Москву : разскызы о его мнимомъ , чудесномъ спасенія , память ужасныхъ естественныхыхъ бѣдъ Годунова времени и надежда , что пебо , возвративъ Престолъ Владимірову потомству , возвратить благоденствіе Россіи , влекли сердца въ срѣтеніе юному любимцу счастія .

Но Лжедимитрій былъ тайный Католикъ и нескромность его обнаружила сію тайну. Онъ имѣлъ иѣкоторыя достоинства и добродушіе , но голову романическую , и па самомъ тронѣ характеръ бродаги ; любилъ иноземцевъ до пристрастія , и не зная Исторіи своихъ минувшихъ предковъ , вѣдалъ малѣйшія обстоятельства жизни Генриха IV , Короля Французскаго , имъ обожаемаго , Наши Монархическія учрежденія XV и XVI вѣка приняли иной образъ : малочисленная Дума Боярская ,

служивъ прежде единственно Царскимъ Совѣтомъ , обратилась въ шумный сонмъ ста Правителей мірскихъ и Духовныхъ , коимъ незпечный и лѣнивый Димитрій ввѣрилъ внутреннія дѣла государственныхъ , оставляя для себя виѣшнюю политику ; иногда являлся тамъ и спорилъ съ Боярами къ общему удивленію : ибо Россіяне дотолѣ не знали , какъ подданный могъ торжественно противорѣчить Монарху . Веселая обходительность его вообще преступила границы благоразумія и величественной скромности . Сего мало . Димитрій явно презиралъ Русскіе обычаи и Вѣру : пировалъ , когда народъ постился ; забавлялъ свою невѣсту пляскою скомороховъ въ монастырѣ Вознесенскомъ ; хотѣлъ угощать Бояръ яствами гнусными для ихъ суевѣрія ; окружилъ себя не только иноземною стражею , но и шайкою Іезуитовъ ; говорилъ о соединеніи Церквей и хвалилъ Латинскую . Россіяне перестали уважать его , наконецъ возненавидѣли , и согласясь , что истинный сынъ Иоанновъ не могъ бы попирать ногами святыню своихъ предковъ , возложили руку на Самозванца .

Сie происшествіе имѣло ужасныя слѣдствія для Россіи ; могла бы имѣть еще и гмбельнѣйшія . Самовольныя уиравы народа бываютъ для гражданскихъ обществъ вредище личныхъ несправедливостей или заблужденій Государя . Мудрость цѣлыхъ вѣковъ нужна для утвержденія власти : одинъ часъ народнаго изступленія разрушаетъ основу ея , ко-

торая есть уважение правственное къ сану Властителей. Москвитяне истерзали того , кому недавно присягали въ вѣрности : горе его преемнику и народу.

Отрасль древнихъ Князей Сузdalскихъ и племени Мономахова , Василій Шуйскій , угодникъ Царя Бориса , осужденный на казнь и помилованный Лжедимитріемъ , свергнувъ неосторожнаго Самозванца , въ награду за то пріять окровавленный его скіпетръ отъ Думы Боярской и торжественно измѣнилъ Самодержавію , присягнувъ безъ ея согласія не казнить ни кого , не отнимать имѣній и не объявлять войны. Еще имѣя въ свѣжей памяти ужасныя изступлія Ioанновы , сыновья отцевъ , цевично убиенныхъ имъ , предпочли свою безопасность государственной и легкомысленно стѣснили дотолѣ не ограниченную власть Монаршую , коей Россія была обязана спасеніемъ и величіемъ. Уступчивость Шуйского и самолюбіе Бояръ кажутся равнымъ преступлениемъ въ глазахъ потомства , ибо первый также думалъ болѣе о себѣ , нежели о Государствѣ , и плѣняясь мыслю быть Царемъ , хотя и съ ограниченными правами , дерзнулъ на явную для Царства опасность.

Случилось , чemu необходимо надлежало случиться , Бояре видѣли въ Полумонархѣ дѣло рукъ своихъ и хотѣли , такъ сказать , продолжать оное , болѣе и болѣе стѣсня властъ его. Поздно очиулся Шуйскій и тщетно хотѣлъ порывами великодушія утвердить

колеблемость трона. Воскресли древнія смуты Болгарскія , и народъ , волицумый на площа-ди паемниками нѣкоторыхъ Вельможъ , тол-пами стремился къ Дворцу Кремлевскому пред-писывать законы Государю. Шуйскій изъ-являлъ твердость : «Возьмите вѣнецъ Мономаховъ , возложенный вами на главу мою, или повинуйтесь мнѣ ,» — говорилъ онъ Моск-витянамъ. Народъ смирялся , и вновь мятеж-ничалъ , въ самое то время , когда Само-званцы , прельщенные успѣхомъ первого, одинъ за другимъ на Москву возставали. Шуй-скій палъ , свергнутый не сими бродягами, а Вельможами недостойными , и палъ съ величіемъ , воскѣвъ на тронъ съ малодушіемъ. Въ мантіи ипока , преданный злодѣями въ руки чужеземцамъ , онъ жалѣль болѣе о Россіи , нежели о коронѣ , съ истиною Цар-скою гордостію отвѣтствовалъ на коварныя требования Сигизмундовы , и виѣ отечества, заключенный въ темницу, умеръ государствен-нымъ мученикомъ.

Не долго многоглавая гидра Аристократіи владычествовала въ Россіи. Никто изъ Бояръ не имѣлъ рѣшительного перевѣса ; спорили и мѣшали другъ другу въ дѣйствіяхъ вла-сти . Увидѣли необходимость имѣть Царя, и боясь избрать единоземца , чтобы родъ его не занялъ всѣхъ степеней трона , предло-жили вѣнецъ сыну нашего врага , Сигиз-мунда , который , пользуясь мятежами Рос-сіи , силился овладѣть ея западными стра-нами. Но вмѣстѣ съ Царствомъ предложили

ему условія: хотѣли обезпечить Вѣру и власть Боярскую. Еще договоръ не совершился , когда Поляки , благопріятствуемые внутренними измѣнниками, вступили въ Москву и прежде времени начали торжествовать именемъ Владислава. Шведы взяли Новгородъ ; Самозванцы, Козаки, свирѣпствовали въ другихъ областяхъ нашихъ. Правительство рушилось, Государство гибло.

Исторія назвала Минина и Пожарскаго спасителями отечества : отдадимъ справедливость ихъ усердію , не менѣе и гражданамъ , которые въ сіе рѣшительное время дѣйствовали стѣ удивительнымъ единодушіемъ. Вѣра, любовь къ своимъ обычаямъ , и непависть къ чужеземной власти , произвели общее, славное возстаніе народа подъ знаменами и некоторыхъ вѣрныхъ отечеству Бояръ. Москва освободилась.

Но Россія не имѣла Царя и еще бѣдствовала отъ хищныхъ иноплеменниковъ ; изъ всѣхъ городовъ сѣѣхались въ Москву избранные знаменитѣйшіе люди , и въ храмѣ Успенія , вмѣстѣ съ Пастырями Церкви и Боярами , рѣшили судьбу отечества. Никогда народъ не дѣйствовалъ торжественнѣе и свободнѣе ; никогда не имѣлъ побужденій святѣйшихъ ; всѣ хотѣли одного — цѣлости , блага Россіи. Не блестало вокругъ оружіе ; не было ни угрозъ . ни подкупа , ни противорѣчій , ни сомнѣнія. Избрали юношу , почти

огрока , удаленнаго отъ свѣта ; почти силою извлекли его изъ объятій устрашенной матери—инокинїи , и возвели на Престолъ, орошенный кровью Лжедимитрія и слезами Шуйскаго. Сей прекрасный , невинный юноша казался агицемъ и жертвою ; трепеталъ и плакалъ. Не имѣя подлѣ себя ни единаго родственника , чуждый Боярамъ Верховнымъ, гордымъ , властолюбивымъ , онъ видѣлъ въ нихъ не подданныхъ , а будущихъ своихъ тирановъ , и къ счастію Россіи ошибся. Бѣдствія мятежной Аристократіи просвѣтили гражданъ и самихъ Аристократовъ : тѣ и другіе единогласно , единодушно наименовали Михаила Самодержцемъ, Монархомъ неограниченнымъ ; тѣ и другіе , воспламененные любовью къ отечеству , взывали только : *Богъ и Государь!* — написали хартію , и положили опую на Престолъ: Сія грамота ,вшущая мудростью опытовъ , утвержденная волею и Бояръ и народа , есть священнѣйшая изъ всѣхъ государственныхъ хартій. Князья Московскіе учредили Самодержавіе , отечество даровало оное Романовымъ.

Самое личное избраніе Михаила доказывало искреннее намѣреніе утвердить Единовластіе. Древніе Княжескіе роды безъ сомнѣнія имѣли гораздо болѣе права на корону , неожели сынъ племянника Іоанновой супруги , коего неизвѣстные предки выѣхали изъ Пруссіи : но Царь , избранный изъ сихъ потомковъ Мономаховыхъ или Олеговыхъ , имѣя множество знатныхъ родственниковъ , легко

могъ бы дать имъ власть аристократическую, и тѣмъ ослабить Самодержавіе. Предпочли юношу , почти безроднаго ; но сей юноша, свойственникъ Царскій , имѣль отца мудраго , крѣпкаго духомъ , непреклоннаго въ совѣтахъ , который долженствовалъ служить ему пѣстуномъ на тронѣ , и внушать правиля твердой власти. Такъ строгій характеръ Филарета , не смягченный принужденію монашескою жизнью , болѣе родства его съ Феодоромъ Іоановичемъ способствовалъ къ избранію Михаила.

Исполнилось намѣреніе сихъ незавѣнныхъ мужей , которые въ чистой рукѣ держали тогда урну судьбы пашей , обуздывая собственныя и чуждыя страсти. Дуга небеснаго міра возсіала надъ трономъ Россійскимъ. Отечество подъ сѣпію Самодержавія успокоилось , извергнувъ чужеземнымъ хищниковъ изъ нѣдръ своихъ ; возвеличилось пріобрѣтеніями и вновь образовалось въ гражданскомъ порядкѣ , творя , обновляя и дѣлая только необходимое , согласное съ понятіями народными , и ближайшее къ существующему. Дума Боярская осталась на древнемъ основаніи, т. е. Совѣтомъ Царей во всѣхъ дѣлахъ важныхъ , гражданскихъ , казенныхъ. Прежде Монархъ рядинъ Государство чрезъ своихъ Намѣстниковъ или воеводъ ; недовольные ими прибѣгали къ нему : онъ судилъ дѣло съ Боярами. Съ восточной простота уже не отвѣтствовала государственному возрасту Россіи , и множество дѣлъ требовало болѣе

посредниковъ между Царемъ и народомъ. Учредились въ Москвѣ Приказы , которые вѣдали дѣла всѣхъ городовъ и судили намѣстниковъ. Но еще судъ не имѣлъ Устава полнаго : ибо Гаиповъ оставлялъ много на совѣсть или произволъ судящаго. Увѣренный въ важности такового дѣла , Царь Алексій Михайловичъ назначилъ для онаго мужей думныхъ, и повелѣлъ имъ вмѣстѣ съ выборными всѣхъ городовъ , всѣхъ состояній , исправить Судебникъ ; дополнить его законами Греческими , наимъ давно извѣстными , повѣйшими Указами Царей и необходимыми прибавленіями на случаи , которые уже встрѣчаются въ судахъ , но еще не рѣшены закономъ яснымъ. Россія получила *Уложение* , скрѣпленное Патріархомъ , всѣми значительными Духовными , мѣрскими чиновниками и выборными городскими. Оно , послѣ хартіи Михаїлова избранія , есть донынѣ важнѣйшій государственный завѣтъ нашего отечества.

Веобщѣ царствованіе Романовыхъ , Михаила , Алексія , Феодора , способствовало сближенію Россіянъ съ Европою какъ въ гражданскихъ учрежденіяхъ , такъ и въ правахъ , отъ частныхъ государственныхъ сношений съ ея Дворами , отъ принятія въ нашу службу многихъ иноземцѣвъ и поселенія другихъ въ Москвѣ. Еще предки наши усердно слѣдовали своимъ обычаямъ , но пріимѣръ начиналь дѣйствовать , и явная польза , явное превосходство одерживали верхъ надъ

старымъ навыкомъ , въ воинскихъ уставахъ, въ системѣ дипломатической, въ образѣ воспитанія или ученія, въ самомъ свѣтскомъ обхожденіи: ибо нѣть сомнѣнія, что Европа отъ XIII до XIV вѣка далеко опередила насъ въ граждanskомъ просвѣщеніи. Сіе измѣненіе дѣлалось постепенно , тихо , едва замѣтно , какъ естественное возрастаніе , безъ порывовъ и насилия. Мы заимствовали, но какъ бы *нехотя*, примѣняя все къ пашему, и новое соединяя съ старымъ.

Явился Петръ. Въ его дѣтскія лѣта самовольство Вельможъ, наглость Стрѣльцевъ и властолюбіе Софіи напоминали Россіи несчастные времена смутъ Боярскихъ ; но великий мужъ созрѣлъ уже въ юношѣ и мощною рукою схватилъ корнило Государства; онъ сквозь бурю и волны устремился къ своей цѣли : достигъ и все перемѣнилось.

Сею цѣлію было не только новое величіе Россіи , но и *совершенное* присвоеніе обычаевъ Европейскихъ . . . . Потомство воздало усердную хвалу сему безсмертному Государю, и личнымъ его достоинствамъ и славнымъ подвигамъ. Онъ имѣлъ великодушіе , прощаніе , волю непоколебимую , дѣятельность , неутомимость рѣдкую : исправиаъ , умножиаъ войско : одержалъ блестящую побѣду надъ врагомъ искусствымъ и мужественнымъ; завоевалъ Ливонію , сотвориаъ флотъ , основаиъ гавани ; издалъ многіе законы мудрые , при-

вель въ лучшее состояніе торговлю , рудокопни ; завель мануфактуры , училища , Академію ; наконецъ поставилъ Россію на знаменитую степень въ политической системѣ Европы . Говоря о превосходныхъ его дарованіяхъ , забудемъ ли почти важнѣйшее для Самодержцевъ дарование употреблять людей по ихъ способностямъ ? Полководцы , Министры , Законодатели не рождаются въ такое , или такое царствованіе , но единственно избираются ; чтобы избрать , надоно угадать ; угадываютъ же людей только великіе люди — слуги Петровы удивительнымъ образомъ помогали ему на ратномъ полѣ , въ Сенатѣ , въ кабинетѣ . Но мы , Россіяне , имъя предъ глазами свою Исторію , подтвердимъ ли мнѣніе несвѣдущихъ иноземцевъ , и скажемъ ли , что Петръ есть творецъ нашего величія государственаго ? Забудемъ ли Князей Московскихъ : Ioanna I , Ioanna III , которые , можно скавать , изъ ничего воздвигли Державу сильную и — что не менѣе важно — учредили твердое въ ней правленіе единовластное ? Петръ нашелъ средства дѣлать великое . Князья Московскіе приготовляли оное .

Жизнь человѣческая кратка , а для утвержденія новыхъ обычаевъ требуется долговременность . Петръ ограничилъ свое преобразованіе дворянствомъ . Дотолѣ , отъ сохи до Престола Россіяне сходствовали между собою и некоторыми общими признаками наружности и въ обыкновеніяхъ ; со временемъ Петровыхъ

высшія степени отдалились отъ низкихъ. Семейственные права не укрылись отъ вліянія Царской дѣятельности. Весьмоги стали жить открытымъ домомъ; ихъ супруги и дочери вышли изъ непроницаемыхъ теремовъ своихъ; балы, ужины соединили одинъ полъ съ другимъ въ шумныхъ залахъ,

Но великий мужъ какъ хорошее , такъ и худое дѣлаетъ на вѣки: сильною рукою дано новое движеніе Россіи ; мы уже не возвратимся къ старинѣ!.... Второй Петръ Великій могъ бы только въ 20 или 30 лѣтъ утвердить новый порядокъ вещей гораздо основательнѣе , нежели всѣ наследники Перваго до самой Екатерины II. Не смотря на его чудесную дѣятельность , онъ многое оставилъ исполнить преемникамъ ; но Меньшиковъ думалъ единственно о пользахъ своего личнаго властолюбія; также и Долгорукіе . Меньшиковъ замышлялъ открыть сыну своему путь къ трону ; Долгорукіе и Голицыны хотѣли видѣть на Престолѣ слабую тѣнь Монарха и господствовать именемъ Верховнаго Совѣта. Замыслы дерзкіе и малодушные ! Нигм.и спорили о наследії великана. Аристократія , Олигархія губили отечество , и въ то время , когда оно измѣнило права , утвержденные вѣками , потрясеніе внутри новыми , важными перемѣнами , которые , удаливъ въ обычаяхъ Дворянство отъ народа , ослабили власть Духовную , могла ли Россія обойтись безъ Государя ? Самодержавіе сдѣлалось необходимѣе

прежняго для вхраненія порядка, и дочь Іоаннова, бывъ нѣсколько дней въ зависимости осьми Аристократовъ, воспріяла отъ народа, Дворянъ и Духовенства власть неограниченную. Сія Государыня хотѣла правительствовать согласно съ мыслями Петра Великаго и спѣшила исправить многія упущенія, сдѣланныя съ его времени. Преобразованная Россія казалась тогда величественнымъ недостроеннымъ зданіемъ, уже означенованнымъ нѣкоторыми примѣтами близкаго разрушенія: часть судебная, воинская, внѣшняя политика находились въ упадкѣ. Остерманъ и Минихъ, одувешленные честолюбіемъ заслужить имя великихъ мужей въ ихъ второмъ отечествѣ; дѣйствовали неутомимо и съ усиѣхомъ блестящимъ; первый возвратилъ Россія ея знаменитость въ Государственной системѣ Европейской, цѣль усилий Петровыхъ; Минихъ исправилъ, оживилъ воинскія учрежденія и давалъ намъ побѣды. Къ совершенной славѣ Аннина царствованія, не доставало третьяго мудраго дѣйствователя для закоодательства и внутренняго гражданскаго образованія Россіи. Но злосчастная привязанность Анны къ любимцу бездушному, низкому, омрачила и жизнь и наимять ея въ Исторіи. Воскресла Тайная Канцелярія Преображенскан съ пытками. И кого терзали? Враговъ ли Государыни? Никто изъ нихъ и мысленно не хотѣлъ ей зла; самые Долгорукіе виновны были только предъ отечествомъ, которое примирилось съ ними ихъ несчастіемъ. Биронъ, не-

достойный власти, думалъ утвердить ее въ рукахъ своихъ ужасами: самое легкое подозрѣніе, двусмысленное слово, даже молчаніе казалось ему иногда достаточною виною для казни или ссылки. Онъ безъ сомнѣнія имѣлъ непріятелей: добрые Россіянне могли ли видѣть равнодушно Курляндскаго Шляхтича почти на тронѣ? Но сіи Бироновы непріятели были истинными друзьями Престола и Анны.

Въ слѣдствіе двухъ заговоровъ, злобный Биронъ и добродушная Правительница утратили власть и свободу.

Россіянне хвалили царствованіе Елизаветы. Она изъявляла къ нимъ болѣе довѣренности, нежели къ Нѣмцамъ; возстановила власть Сената, отмѣнила смертную казнь. Вопреки своему человѣколюбію, Елизавета вмѣшалась въ войну кровопролитную и для насъ безполезную. Первымъ государственнымъ человѣкомъ сего времени былъ Канцлеръ Бестужевъ, умный и дѣятельный, но корыстолюбивый и пристрастный. Усыпленная нѣгою, Монархия давала ему волю торговать политикою и силами Государства; наконецъ свергнула его. Счастіе, благопріятствуя мягкосердой Елизаветѣ въ ея правленіе, спасло Россію отъ тѣхъ чрезвычайныхъ золъ, коихъ не можетъ отвратить никакая мудрость человѣческая; но счастіе не могло спасти Государства отъ алчнаго корыстолюбія П. И. Шувалова. Ужасныя монополіи сего времени долго жили въ памяти народа, утѣсняемаго для вы-

годы частныхъ людей, и ко вреду самой Казны. Нѣсколько побѣдъ, одержанныхъ болѣе стойкостью воиновъ, нежели дарованіемъ военачальниковъ, Московскій Университетъ и Оды Ломоносова остаются красивѣйшими памятниками сего времени. Какъ при Аннѣ, такъ и при Елизаветѣ, Россія текла путемъ предписаннымъ ей рукою Петра, болѣе и болѣе удаляясь отъ своихъ древнихъ нравовъ и сообразуясь съ Европейскими. Замѣчались успѣхи свѣтскаго вкуса. Уже Дворъ нашъ блесталъ великолѣпіемъ. Въ одеждѣ, въ экипажахъ, въ услугѣ, Вельможи наши мѣрялись съ Парижемъ, Лондономъ, Вѣною.

Екатерина II была истинною преемницею величія Петрова и второю образовательницею новой Россіи. Главное дѣло сей незабвенной Монархии состоять въ томъ, что ею смягчилась власть, не утративъ силы своей. Она ласкала такъ называемыхъ Философовъ XVIII вѣка, но хотѣла повелѣвать, какъ земной Богъ, и повелѣвала. Петръ имѣлъ нужду въ средствахъ жестокихъ; Екатерина могла обойтись безъ оныхъ, къ удовольствію своего нѣжнаго сердца, ибо не требовала отъ Россіянъ ничего противнаго ихъ совѣсти и гражданскимъ навыкамъ, стараясь единственно возвеличить данное ей Небомъ отечество, или славу свою побѣдами, законодательствомъ, просвѣщеніемъ. Ея душа гордая, благородная, боялась унизиться робкимъ подозрѣ-

ниемъ, и страхи Тайной Канцелярии исчезли. Съ ними вмѣстѣ исчезъ у насть и духъ рабства.

Увѣренная къ своемъ величию — твердая, не-преклонная въ намѣреніяхъ объявленныхъ ѿ, будучи единственою душею всѣхъ государственныхъ движений въ Россіи — не выпуская власти изъ собственныхъ рукъ — безъ казни, безъ пытокъ, вліявъ въ сердца Министровъ, Полководцевъ, всѣхъ государственныхъ чиновниковъ живѣйшій страхъ сдѣлаться ей не угоднымъ и пламенное усердіе заслуживать ея милость, Екатерина могла презирать легкомысленное злословіе и позволяла искренности говорить правду. Сей образъ мыслей, доказанный дѣлами 34 лѣтняго владычества, отличаетъ ея царствованіе отъ всѣхъ прежнихъ въ новой Россійской Исторіи. Слѣдствіемъ были спокойствіе сердецъ, успѣхи пріятностей свѣтскихъ, знаній, разума.

Возвысивъ нравственную цѣну человѣка въ своей Державѣ, она пересмотрѣла всѣ внутреннія части нашего зданія государственного, и не оставила ни единой безъ поправленія: Уставы Сената, Губерній, судебные, хозяйственныя, военные, торговые усовершенствовались ѿ. Внѣшняя политика сего царствованія достойна особенной хвалы. Россія съ честію и славою занимала одно изъ первыхъ мѣстъ въ государственной Европейской системѣ. Воинствуя, мы разили. Петръ удивилъ Европу своими побѣдами; Екатерина пріучила ее къ нашимъ побѣдамъ.

дамъ. Россіяне уже думали , что ничто въ мірѣ не можетъ одолѣть ихъ ; заблужденіе славное для сей Великой Монархии! Она была женщина , но умѣла избирать Вождей такъ же , какъ Министровъ или Правителей Государственныхъ. Румянцевъ , Суворовъ , стали на ряду съ знаменитѣйшими Полководцами въ мірѣ ; Князь Вяземскій заслужилъ имя достойнаго Министра , благоразумною государственною экономіею , хранисіемъ порядка и цѣлости. Упрекнемъ ли Екатерину излишнимъ воинскимъ славолюбіемъ? Ея побѣды утвердили внѣшнюю безопасность Государства. Пусть иноземцы осуждаютъ раздѣль Польши : мы взяли свое. Правиломъ Монархии было не мѣшаться въ войны чуждая и бесполезные для Россіи , но питать духъ ратный въ Имперіи , рожденной побѣдами.

Петръ III , желая угодить Дворянству , далъ ему свободу служить или не служить ; умная Екатерина , не отмѣнивъ сего закона , отвратила его вредный для Государства слѣдствія ; соединила съ чинами новыя прелести или выгоды , вымыслия знаки отличій , и старалась поддерживать ихъ цѣну достоинствомъ людей , украшаемыхъ оными. Крестъ Св. Георгія не рождалъ , однако же усиливъ храбрость. Многіе служили , чтобы не лишиться мѣста и голоса въ Дворянскихъ Собраніяхъ ; многіе , не смотря на усыпки роскоши , любили чины и ленты гораздо болѣе корысти.

Сравнивалъ всѣ известныя намъ времена Рос-

сіи , едва ли не всякой изъ насть скажетъ , что время Екатерины было одно изъ счастливѣйшихъ для Россіи ; едва ли не всякой изъ насть пожелалъ бы жить тогда .

1811 годъ .

отъ сърдечнаго бола и отъ
зубной боли; въ съмнѣи
вънъшніе боли и боли
въ животѣ.

Листъ 1181

ОГЛАВЛЕНИЕ

ТОМЪ XII.

Отъ издателей XII тома	Стр. 5
----------------------------------	--------

(1829 г.)

ГЛАВА I.

ЦАРСТВОВАНІЕ ВАСИЛІЯ ІОЛІНОВИЧА ШУЙСКАГО.

Г. 1606—1608.

Родъ Василіевъ. Свойства новаго Царя. Клятва
Василіева. Обнародованныя грамоты. Вѣнчаніе.
Опалы. Неудовольствія. Пренесеніе Димитріева
тѣла. Новый Патріархъ. Гордость Марины. Рѣчь
Пословъ Литовскихъ. Посольство къ Сигизмунду.
Сношенія съ Европою и съ Азіею. Мятежи
въ Москвѣ. Бунтъ Шаховскаго. Вторый Лже-
димитрій. Болотниковъ. Успѣхи мятежниковъ.
Прокопій Ляпуновъ. Пренесеніе тѣла Борисова.
Мятежники подъ Москвою. Побѣда Скопина-
Шуйскаго. Лжепетръ. Осада Калуги. Годуновы
въ Сибири. Распоряженія Василіевы. Призваніе

Іова. Храбрость Болотникова. Побѣда Романова.
Мужество Скопина. Бодрость Василія въ не-
счастіяхъ. Доблесть Воеводъ Царскихъ. Осада
Тулы. Явленіе новаго Лжедимитрія. Взятіе Ту-
лы. Бракъ Василіевъ. Законы. Уставъ воинскій.

ГЛАВА II.

ПРОДОЛЖЕНИЕ ВАСИЛЕВА ЦАРСТВОВАНІЯ.

Г. 1607—1609.

Бѣгство Воеводъ отъ Калуги. Самозванецъ усиливается. Дѣло знаменитое. Грамота Лжедимитріева. Предложеніе Шведовъ. Побѣда Лисовскаго. Побѣда Самозванца. Ужасъ въ Москвѣ. Измѣна Воеводъ. Самозванецъ въ Тушинѣ. Перемиріе съ Литвою. Коварство Ляховъ. Побѣда Сапѣги. Марина и Мпишекъ у Самозванца. Скопинъ посланъ къ Шведамъ. Бѣгство къ Самозванцу. Развратъ въ Москвѣ. Знаменитая осада Лавры. Измѣна городовъ. Ужасное состояніе Россіи. Тушинъ. Договоръ Самозванца съ Мпишкомъ. Польша объявляетъ войну Россіи. Крайность Россіи и перемѣна къ лучшему. . . .

ГЛАВА III.

ПРОДОЛЖЕНИЕ ВАСИЛЕВА ЦАРСТВОВАНІЯ.

Г. 1608—1610.

Князь Пожарскій. Доблесть Нижняго Новагорода
Возстаніе и другихъ городовъ Низовыхъ. Воз-
станіе Сѣверной Россіи. Крамолы въ Москвѣ.

Голодъ. Вѣсть о Князѣ Михаилѣ и его подвиги. Приступы Лжедимитрія къ Москвѣ. Побѣда Царскаго войска. Три Самозванца. Нѣкоторыя удачи Лжедимитріевы. Новый мятеж въ Москвѣ. Слобода Александровская. Побѣда надъ Сапѣгою. Любовь къ Князю Михаилу. Предлагаютъ вѣнецъ Герою. Разбои. Пожарскій. Осада Смоленска. Смутеніе Лжедимитріевыхъ Ляховъ. Распра между Сигизмундомъ и Конфедератами. Посольство Королевское въ Тушино. Переговоры съ Тушинскими измѣнниками. Бѣгство Лжедимитрія. Высокомѣrie Марины. Злодѣйства Самозванца въ Калугѣ. Волненіе въ Тушинѣ. Бѣгство Марины. Посольство Тушинское къ Королю. Измѣнники признаютъ Владислава Царемъ. Марина въ Калугѣ. Усиѣхи Князя Михаила. Освобожденіе Лавры. Бѣгство Сапѣги. Опустѣніе Тушина. Дѣло Князя Михаила. Торжественное вступленіе Героя въ Москву . . .

145

ГЛАВА IV.

НИЗВЕРЖЕНИЕ ВАСИЛІЯ И МЕЖДОЦАРСТВІЕ.

Г. 1610—1611.

Наушки. Кончина Скопина-Шуйскаго. Горестъ народная. Князь Дмитрій Шуйскій Военачальникомъ. Бунтъ Ляпунова. Битва подъ Клушинымъ. Делагарди отступаетъ къ Новгороду. Поляки занимаютъ Царево-Займище. Отчаяніе столицы. Новые успѣхи Самозванца. Твердость Пожарскаго. Ропотъ народный. Василій лишенъ

престола. Тщетныя увѣщанія Патріарха. Постриженіе Василия и супруги его. Совѣтъ Князя Мстиславскаго. Переговоры съ Жолкѣвскимъ. Условія. Присяга Владиславу. Намѣреніе Сигизмунда. Бѣгство Самозванца въ Калугу. Политика Жолкѣвскаго. Посольство къ Королю. Вступленіе Поляковъ въ Москву. Дѣйствія Пословъ Московскихъ. Отъездъ Жолкѣвскаго. Шуйскій преданъ Полякамъ. Неудачные приступы къ Смоленску. Самовластіе Сигизмунда. Непріятельскія дѣйствія Делагарди. Злодѣйства Лисовскаго. Измѣна Казани. Смерть Самозванца. Новый обманъ. Начальники возстанія народнаго. Грамоты Смолинъ и Москвитянъ. Слабость Московской Думы. Ссоры съ Поляками. Составъ ополченія за Россію. Кровопролитіе въ столицѣ. Пожаръ Москвы. Прибытие Струса. Подвиги Пожарскаго. Неистовства Поляковъ въ Москвѣ. Заключеніе Ермогена. . . .

217

ГЛАВА V.

МЕЖДОЦАРСТВІЕ.

Г. 1611—1612.

Слѣдствія сожженія Москвы. Поляки осаждены. Твердость Ермогена. Избраніе главныхъ Военачальниковъ. Дѣйствія Сапѣги. Приступъ къ Китаю-городу. Послы Московскіе отправлены въ Литву. Взятіе Смоленска. Шуйскіе въ Варшавѣ. Умыселъ Заруцкаго и Марины. Уставная грамота. Виды Ляпунова. Дѣла съ Шведами. Но-

Стр.

городъ взять Генераломъ Делагарди. Договоръ Шведовъ съ Новымгородомъ. Мятежъ въ войскѣ Генерала Делагарди. Убієніе Ляпунова. Послѣдствія. Состоянія Россіи	302
Варіантъ къ страницамъ 318 и 319	341
Приложенія къ XII тому Исторіи Государства Россійскаго :	
I. Перечень происшествій, собственно ручно выписаныхъ Исторіографомъ изъ главнѣйшихъ материаловъ, коими онъ пользовался для сочиненія XII тома	347
II. Отрывокъ изъ рукописи: о Древней и Новой Россіи въ ея политическомъ и гражданскомъ отношеніяхъ	395

МОНОГРАФИИ

Некоторые
изданія
изъ
зарубежныхъ
и русскихъ
издѣлъ
на
+ 1135

ТОЧНОСТЬ
+ 1136

ДЕЯНИЯ-ЛЯПИЕВЪ-БОЛОДОВЪ
(въ засѣданіи Сената) + 1137
1138

ЛОВАНІЕ

+ 1139

ОДЫХИЧІЕ

+ 1140

ДЕЯНИЯ-СТАНА

+ 1141

МІСТІЧНАСТЬ-РІБОГ

ІМІТОВАНІЯ-ІМІТАЦІЯ

ІМІТАЦІЯ-ІМІТАЦІЯ

ІМІТАЦІЯ-ІМІТАЦІЯ

ІМІТАЦІЯ-ІМІТАЦІЯ

ІМІТАЦІЯ-ІМІТАЦІЯ

РОСПИСЬ IV.

ВСЕВОЛОДЪ, СЫНЪ ЯРОСЛАВА ВЕЛИКАГО.

ЯНКА. † 1113.	ЕВПРАКСИЯ (за Императоромъ Генрикомъ IV?). † 1109.	ЕКАТЕРИНА. † 1108.	ВЛАДИМИРЪ МОНОМАХЪ. (Первая его супруга Гида, дочь Англ. Короля Гаральда). † 1125.	РОСТИСЛАВЪ.
МСТИСЛАВЪ-ФЕОДОРЪ Великий. (Первая его супру- га Христина, дочь Шведского Короля Инга Стенкильсона). † 1132.	ИЗЯСЛАВЪ. † 1096.	РОМАНЪ (ж. на дочери Володаря). † 1119.	ЯРОПОЛКЪ. † 1139.	ВЯЧЕСЛАВЪ. † 1154. МИХАЛКО. † 1129.
СВЯТОСЛАВЪ. † 1114.	АНДРЕЙ. † 1141.	ВЛАДИМИРЪ. ЯРОПОЛКЪ. 1166. 1157.	ГЕОРГІЙ ДОЛГОРУКІЙ. † 1157. См. № IX.	ЕВФІМІЯ (за Венгерськимъ К. Коло- маномъ). БОРИСЪ. (ж. на родственницѣ Ма- нуила, Імперат. Греческ.). 1139.
ВСЕВОЛОДЪ-ГАВРИЛЬ. (ж. на дочери Святої). † 1154.	РОСТИСЛАВЪ. † 1168. См. № V.	СВЯТОПОЛКЪ (ж. на Княжнѣ Моравской). 1144.	ВЛАДИМИРЪ. † 1173.	Дочь (за Норвежск. Королемъ Сигурдомъ, а посль за Дат- скимъ, Ерікомъ). Дочь (за Брячиславомъ Борисовичемъ, внукомъ Всеслава Полоцкаго). Дочь (за Канутомъ Св., Королемъ Обо- тритскимъ). Дочь (за Яросла- вомъ, сыномъ Свято- полка II Михаила). ЕВФРОСИНІЯ (за Королемъ Вен- герськимъ Гейзою). 1149.
ІОАННЪ. † 1128.	ЯРОСЛАВЪ (своякъ Всеволода Вели- каго). 1181.	МСТИСЛАВЪ (зять Святослава Всеволодовича Чер- ниговскаго). 1175.	Дочь (за Рогво- лодомъ Борисо- вичемъ Полоц- кимъ). 1144.	МАРІЯ (за Леономъ Грече- скимъ Царевичемъ). 1136.
ВЛАДИМИРЪ. 1136.	ІЗЯСЛАВЪ-МИХАІЛЪ. 1190.	РОСТИСЛАВЪ. † 1198.	ЯРОПОЛКЪ (ж. на дочери Свя- tosлава Ольгovi- ча).	Дочь (за Гречес- кимъ Царевичемъ Алексіемъ, синомъ Імператора Іоана). 1140.
МСТИСЛАВЪ. См. № VI.	ЯРОСЛАВЪ. МСТИСЛАВЪ Нѣмий. 1184.	ВСЕВОЛОДЪ (ж. на Маль- фридѣ, доче- ри Юрія Яро- славича Ту- ровскаго). ІВАНЪ. 1227.	ІЗЯСЛАВЪ. † 1196.	ИНГВАРЬ. 1202.
ІВАНЪ. 1227.	ЯРОСЛАВЪ. ВЛАДИМИРЪ. ІЗЯСЛАВЪ. 1229.	ВАСИЛЬКО. † 1224.		

ПОЧЕГДУШИЕ ПОСЛАНИЯ

СВЯТОГО АЛЕКСАНДРА НЕВСКОГО

(Перевод его Святейшего

Блжннн Апостола

Святого Григория

† 1125.

ПОЧЕГДУШИЕ ПОСЛАНИЯ
СВЯТОГО АЛЕКСАНДРА НЕВСКОГО

† 1125.

Св. Ап. А.

ПРОИСХОДЯЩИЕ

1125.

ПОСЛАНИЯ
СВЯТОГО АЛЕКСАНДРА НЕВСКОГО

СВЯТОГО АЛЕКСАНДРА НЕВСКОГО

1125.

ПОЧЕГДУШИЕ ПОСЛАНИЯ
СВЯТОГО АЛЕКСАНДРА НЕВСКОГО

1125.

ПОЧЕГДУШИЕ ПОСЛАНИЯ
СВЯТОГО АЛЕКСАНДРА НЕВСКОГО

1125.

ПОЧЕГДУШИЕ ПОСЛАНИЯ

СВЯТОГО АЛЕКСАНДРА НЕВСКОГО

1125.

ПОЧЕГДУШИЕ ПОСЛАНИЯ

СВЯТОГО АЛЕКСАНДРА НЕВСКОГО

1125.

ПОЧЕГДУШИЕ ПОСЛАНИЯ

СВЯТОГО АЛЕКСАНДРА НЕВСКОГО

1125.

ПОЧЕГДУШИЕ ПОСЛАНИЯ

СВЯТОГО АЛЕКСАНДРА НЕВСКОГО

1125.

ПОЧЕГДУШИЕ ПОСЛАНИЯ

СВЯТОГО АЛЕКСАНДРА НЕВСКОГО

1125.

ПОЧЕГДУШИЕ ПОСЛАНИЯ

СВЯТОГО АЛЕКСАНДРА НЕВСКОГО

1125.

1419 B.

39 -

WYŻSZA SZKOŁA
PEDAGOGICZNA W KIELCACH
BIBLIOTEKA

198349

Biblioteka WSP Kielce

0162488